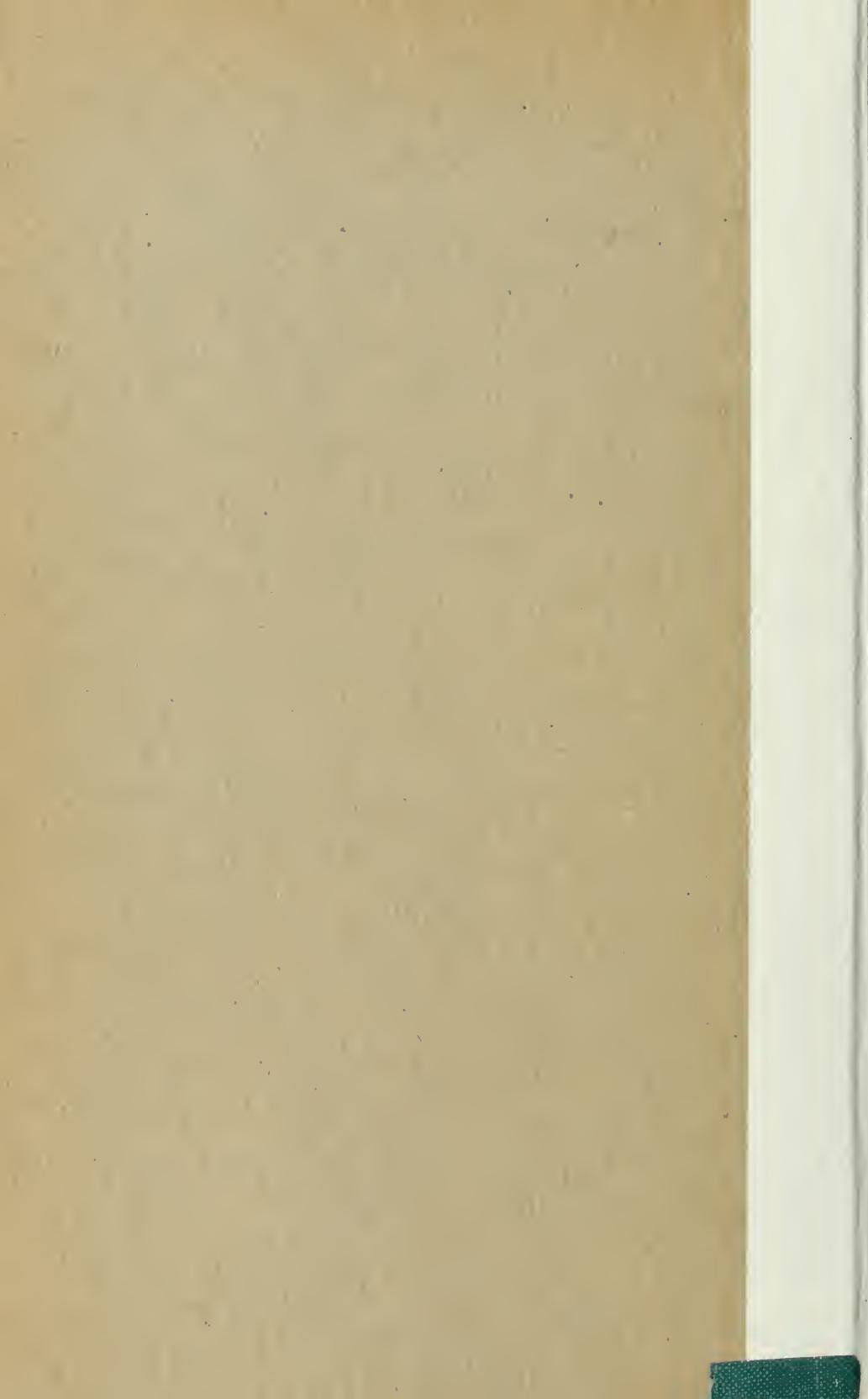

31761 081067241

DUSTY DUSTY
5892

10
10.
195

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

Октябрь № 10.

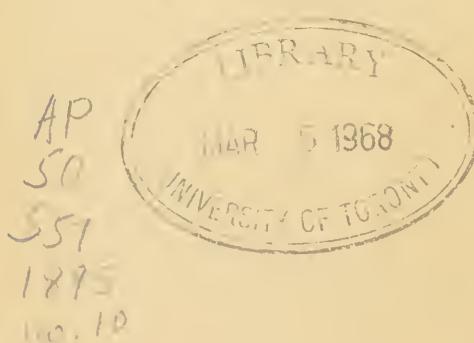

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МЕРКУШЕВА (бывш. Н. ЛЕВЕДЕВА), Невскій просп., 8.
1895.

50833
1895 9-10
okd.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 сентября 1895 года

AP
50
57
1895
no. 10

7-79-61211
Контора «Съвернаго Вѣстника» покорнейше просить гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за послѣднюю четверть (Октябрь—Декабрь.)

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТРАН.
I. — МИССЪ МАЙ. Рассказъ З. Гиппіусъ	1
II — ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ. Лиза, героиня „Дворянского гнѣза“, и героиня новаго романа Б. Пруса. Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго	34
III. — ЗА ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и рассказы. Петербургъ 1880 г.—Выставка картинъ В. В. Верещагина.—Аукціонъ.—Сборы за-границу съ М. Д. Скобелевымъ.—Миражъ.—Берлинъ.—Отъ Берлина до Кельна.—Жирардѣ.—Парижъ.—Вѣна.—Берлинъ.—Клон-Принц.—Мольтке.—Яковъ А. Верещагина	66
IV. — ТЕМНЫЙ АНГЕЛЪ. Стихотвореніе Д. Мережковскаго	96
V. — ХОДИТЬ!. Рассказъ О. Забытаго	97
VI. — ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Изъ записныхъ книжекъ 1825—1845 гг. Лермонтовъ.—Гоголь и „Мертвия душа“.—Живописецъ Ивановъ	124
VII. — ВЪ СТАРОМЪ САДУ. Стихотвореніе К. Фофанова	134
VIII. — ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Романъ Гл. VIII—Х. Ф. Сологуба	135
IX. — АНГЛИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ ВЪ РОССИИ. П. Боборыкина	177
X. — ИСПОВѢДЬ. Анни Безантъ. Переводъ съ англійскаго З. Венгеровой	186
XI. — ОБЪЕДИНЕНИЕ СУДА И СУДЕБНЫЙ ЯЗЫКЪ. М. Стиваля	199
XII. — СЕРДЕЧНЫЕ МОТИВЫ. Два стихотворенія Н. Минскаго	214
XIII. — „НАЯДА“. Рассказъ А. Чермного	215
XIV. — СНЫ. Стихотвореніе О. Чюминой	224
XV. — „QUO VADIS“. Романъ. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго	255
XVI. — ВОПРОСЪ ОБЪ ЭЛЬЗАСЪ И ЛОТАРИНГІИ. Важность его для современной Европы.—Четыре возможныхъ исхода его безъ войны.—Процедура рѣшенія.—Заключеніе. Гр. Л. Камаровскаго	237
XVII. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАМѢТКИ. Валеріанъ Майковъ. Эстетическіе и общественные вопросы передъ судомъ соціологической критики А. Волынскаго	239
XVIII. — НА ЗАПАДЪ. ***	293
XIX. — БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ. А. С. Пушкинъ. Ф. Витберга	316

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.—I. РАБОЧИЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѣЗНОЙ ДОРОГѢ. Н. Арефьева	1
II. — ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Нижегородское торжище и гульбище.—Холера въ Волынской и Подольской губерніяхъ.—Разореніе Казани.—Вѣновъ	—

стариковъ.—Выставка въ Вильнѣ.—Народныя чтенія.—«Самарскій Вѣстникъ» о пьянствѣ на сельской площеади.—Круговая порука безъ общины.—Безпорядки въ юрьевской тюрьмѣ.—Ученики и учебники.—Фельетонистъ «Одесскаго Листка» и корреспондентъ «Одесскихъ Новостей».—Философъ «Русскаго Слова».—«Прибалт. Листокъ» и «Новое Время».—Въ Саратовѣ бывать неимѣаетъ.—О врачахъ Л. Прозорова.	20
III. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѦНИЕ. 30-ти-лѣтіе закона о печати.—О «формалистикѣ».—Новый уставъ лѣчебныхъ заведеній.—Фабричный спѣдѣнія и отчеты.—Совѣщаніе о сельскохозяйственныхъ училищахъ.—Съездъ представителей исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ.—«Сообщеніе» о выдачѣ и приемѣ серебряной монеты.	37
IV. — КРИТИКА: Н. Карцевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія.—А. Тринка. Отвѣтъ одного изъ участея молодежи на письма къ ней г. Карцева о самообразованіи.—С. Обращеніе товарища къ студентамъ. А. Волинская. Я. К. Гrotъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографии и характеристики.—С. Норманскій (Сигма)?—Оттуда. Разсказы. А. Волинская.—БИБЛІОГРАФІЯ. I. Литература. Книги для дѣтей и для народа.—II. Медицина и естествознаніе.—III. Общественные науки.—IV. Педагогика.	53
V. — ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Еще о князѣ В. Вяземскомъ. В. Корсакова.—Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшия московскіе скоропостины.—† Пастеръ.—† Памяти Н. В. Стасовой. Л. Г.	65
VI. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	74
VII. — ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

Миссъ Май.

I.

Какъ-то незадолго до Пасхи лакей Тихонъ встрѣтилъ молодого барина, вернувшагося изъ города съ особенно мрачнымъ видомъ. Тихонъ былъ привезенъ Андреемъ изъ Москвы и до сихъ поръ не могъ освоиться ни съ малороссами, ни съ ихъ волами, ни съ ихъ говоромъ, ни съ бѣлымъ, онѣжнымъ затишьемъ хутора Вишняковъ зимой. Изъ Вишняковъ, впрочемъ, и самъ баринъ, какъ ни любилъ мамашу, Домну Ниловну Шаренку, все чаще сталъ уѣзжать въ ближній городъ. Тихонъ опасался было, что молодой баринъ возьметъ въ свои руки хозяйство и поселится въ Вишнякахъ, о чёмъ поговаривали, но баринъ вышелъ не изъ такихъ.

Андрей давно привыкъ къ черствой и унылой физиономіи своего слуги, но на этотъ разъ необычно похоронный видъ, мрачный и торжественный, поразилъ его. Тихонъ былъ рыжеватъ, худощавъ, безъ усовъ и бороды, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, не лишенъ пріятности, хотя казался слишкомъ сосредоточеннымъ, будто решающимъ всегда ариометрическую задачу.

Позднѣе вечеромъ, ложась спать, Андрей спросилъ Тихона, который, хотя и молчалъ, какъ убитый, однако не уходилъ изъ спальни:

— Что съ тобой случилось? Ты какой-то мертвый.

— Я мертвый?

— Ну да, ты. Что съ тобой опять?

— Я, Андрей Николаичъ, давно просилъ меня отпустить, какъ эти мѣста мнѣ недостаточно нравятся...

— Что-же ты въ Москву поѣдешь?

— Я не къ тому сказалъ, что въ Москву ѿду, я такъ сказалъ, что у меня давно было предчувствіе эти мѣста покинуть. А къ этому

предчувствію я отнесся безъ вниманія—и за то теперь принужденъ и помышленіе о Москвѣ бросить.

— Да говори толкомъ! Что съ тобой?

— Я женюсь, Андрей Николаичъ, вотъ что со мной... Я тоже жениться надумалъ.

Андрей расхохотался.

— Ну ужъ это ты, Тихонъ, изъ подражанія. Я женюсь—такъ и ты тоже. На комъ ты?

— На Василисѣ, на прачкѣ...

Тихонъ произнесъ это гробовымъ голосомъ, точно объявлялъ, что Василиса умерла въ страшныхъ мученіяхъ.

— Это пѣвунья, кажется? Бѣлокурая такая, круглица, еще рабая немножко? И волосы гладkie?

— Да, она. Постѣ-то она звонко.

И вдругъ, оживясь, Тихонъ произнесъ съ внезапной злобой:

— И какой это обычай у нихъ пакостный! Только что я ей открылся, порѣшили тамъ, когда обрученіе, когда что—сейчасъ она напялила себѣ на голову огромаднѣйшиe розаны бумажные, вокругъ головы на аршинъ, ей Богу. Такъ и ходитъ рогатая. Говорилъ—эй, Василиса, сними! Слышать не хочетъ. У нихъ невѣсты и по году такъ ходятъ.

— Она тебѣ нравится, что-ли? Какъ-ты вздумалъ? спросилъ Андрей.

— Опа? Она мнѣ нравится. Мы ужъ давно валандаемся. Почему-же не жениться? Славная жена будетъ.

Андрею вспомнилось, что онъ этими-же словами подумалъ о Катѣ, когда въ первый разъ ему пришла ясная мысль, что они могутъ обѣничаться. Теперь уже все было решено. Осенью Андрею обѣщали—хорошее для начала—место въ городѣ. Жить въ Вишнякахъ и заниматься сельскимъ хозяйствомъ—Андрей чувствовалъ себя пока неспособнымъ. Онъ только что кончилъ университетъ въ Москвѣ, где всѣ четыре зимы прожилъ тихо и скромно. Товарищи считали его не то романтикомъ, идеалистомъ, не то просто рохлей, и во всякомъ случаѣ человѣкомъ не общительнымъ. Онъ никого не чуждался, но ни съ кѣмъ особенно и не сблизился. Онъ радъ былъ окончить курсъ и уѣхать въ провинцію, на хуторъ, где родился и выросъ, заниматься хозяйствомъ или служить, если хозяйство не пойдетъ. Да и лучше служить: Вишняками занята мать, здоровая, дѣятельная, еще молодая. Домна Ниловна одна выросила сына, рано овдовѣвъ. На все у нея были определенные взгляды, обо всемъ свои здравыя и точныя понятія. Въ Вишнякахъ она даже управляющаго не держала, входя сама и въ мелочи хозяйства. Андрей былъ у нея одинъ и потому она, въ любви къ нему, еще проявляла иногда слабость—но и относительно сына у нея

имѣлись свои планы. И все шло прекрасно. Андрею едва минуло двѣнадцать лѣтъ, когда Домна Ниловна стала засматриваться на пухленькую Катюшу, дочку своей троюродной сестры, думая, какая славная жена выйдетъ съ годами изъ этой аккуратной дѣвочки для Андрюши. Каждое лѣто Катенька гостила въ Вишнякахъ. Незамѣтно для себя Андрей привыкъ смотрѣть на нее, какъ на будущую жену. Когда онъ кончилъ университетъ — все рѣшилось точно само собою, къ общему удовольствію. Прошлое лѣто они были уже обручены и провели вмѣстѣ женихомъ и невѣстой. Катя, крѣпкая, черноглазая, свѣжая и добрая, понимала толкъ въ хозяйствѣ, какъ тридцатилѣтняя, хотя ей минуло восемнадцать — и вся вообще нравилась Андрею. На правахъ жениха онъ всюду, гдѣ было возможно, цѣловалъ ее и находилъ, что у нея удивительно мягкая и пріятная для поцѣлуя губы. Но свадьбу неожиданно отложили по случаю болѣзни Катиной матери. Катя должна была уѣхать въ Крымъ, откуда писала Андрею милыя, дѣтски-серезныя, даже наставительные письма, какъ пишетъ очень молоденькая и благоразумная дѣвушка своему жениху. Потомъ мать Кати умерла. Изъ имѣнья дяди, ея попечителя, Катя должна была окончательно пріѣхать въ Вишняки только весною, а въ концѣ лѣта назначили свадьбу.

Жизнь Андрея входила въ колею мирной, сладостной и удобной тишины. И онъ отдавался теченію и говорилъ себѣ, что радуется этимъ годамъ спокойствія, которые ему предстоять, и что онъ всегда этого въ сущности и желалъ.

Лакей Тихонъ, со своимъ мрачнымъ и молчаливымъ протестомъ, врагъ деревенского довольного спокойствія, какъ-то смущалъ Андрея. И потому теперь, когда выяснилось, что Тихонъ женится, пріобрѣтаетъ осѣдлость, поступаетъ такъ-же, какъ его баринъ, — Андрей почувствовалъ немалое удовольствіе.

И на другой день утромъ, прия пить чай въ пизенскую теплую столовую, онъ поцѣловалъ мать въ щеку и весело сказалъ:

— Знаешь, мамаша, а вѣдь мой Тихонъ женится!

Домна Ниловна удивленно приподняла брови и не улыбнулась. Ея загорѣлое, еще не старое лицо было всегда озабочено. Одѣвалась она въ просторная кофты изъ темнаго ситца и говорила твердо, какъ хохлушка.

— Ой, да что ты! произнесла она. Тихонъ? Да кто за него, за такого, пойдетъ?

— Напрасно вы, мама. Онъ вовсе не дуренъ. Чѣмъ онъ дуренъ? А идеть за него Василиса прачка.

— Василиса? Это щербатенькая-то? Вотъ-то дура! Я смотрю вчера — она въ цвѣтахъ! Хотѣла спросить, за кого идетъ, да позабыла какъ-то. За Тихона! Нечего сказать! Эта дѣвчина славная! Пѣвунья! Подумаешь — голось какой!

— Мамаша, вы Тихона понапрасну обижаете. Онъ прекрасный, честный, только серьезный немного, такъ вѣдь это-же не плохо.

— Не плохо? Какой тебѣ тамъ къ бѣсу серьезный! Не серьезный онъ, а точно все у него что-то на умѣ: думаетъ, думаетъ — и ужъ всегда такое выдумаетъ, что и не при射击е никому. Я Тихона твоего, Андрюша, а особенно фантазій этихъ его — боюсь. Вотъ ей Богу же боюсь. И зло у меня на него, и страхъ. А кажется никогда трусихой не была.

Андрюша улыбнулся.

Привезли почту. Пришло письмо отъ Кати къ Домѣ Ниловѣ: Катя извѣщала, что можетъ пріѣхать не раньше апрѣля; что съ ней пріѣдутъ тетя Варвара Дмитріевна, и Степаница Дмитріевна, и кузинки; что Ваничка съ Егоромъ Кузьмичемъ, можетъ быть, пріѣдутъ раньше; кланялась Андрюшѣ и просила извиненія, что не пишетъ ему сегодня, — ей некогда.

Андрей висколько не обидѣлся, онъ зналъ, что Катя человѣкъ занятой и не любить тратить времени на пустяки, на письма. Напишетъ въ другой разъ. Къ тому-же они такъ скоро увидятся — до апрѣля всего нѣсколько недѣль, онѣ пролетятъ незамѣтно...

И онѣ, точно, пролетѣли незамѣтно.

II.

Фруктовый садъ въ Вишнякахъ одной стороной выходилъ на широкій дворъ усадьбы, а другой — примыкалъ къ лѣсу и проѣзжей дорогѣ. Теперь, въ концѣ апрѣля, садъ стоялъ незапертый — тамъ только что облетали цвѣты грушъ, яблонь и черешенъ, сгоняемые съ вѣтокъ жирными, быстро ростущими, точно лакированными листьями. Андрей цѣлый день проходилъ въ лѣсу и, вернувшись ближней дорожкой, черезъ фруктовый садъ, медленно растворилъ калитку во дворъ — и остановился. Ему не хотѣлось домой и теперь. Сумерки были особенно нѣжныя, ласковыя и свѣжія. Просторный дворъ, поросший травой, первой, короткой и яркой, казался пустыннымъ. Направо и налево сѣрѣли службы — амбары, ледники...

Домъ раскинулся во всю ширину двора, прямо противъ фруктоваго сада. Длинный и низкий, съ пристроеками, крылечками и балкончиками, онъ походилъ теперь въ потемнѣвшемъ воздухѣ на черную фигуру громаднаго животнаго, прилегшаго отдохнуть. Ночь надвигалась быстро и близко. Только вверху небо еще голубѣло, блѣднѣя, свѣтлое, вольное и, казалось, именно оттуда спускалась прохлада на землю. Андрей вспомнилъ, что въ дѣствѣ няня, на его вопросы, почему къ вечеру дѣлается холоднѣе, отвѣщала, что это отъ крыльевъ серафимовъ вѣтъ

прохлада, у нихъ крылья большія, длинныя и свѣжія, а послѣ заката серафимы всегда пролетаютъ съ одного края неба на другой.

Андрей невольно посмотрѣлъ въ небо, и ему почудилось, что вотъ именно теперь должны пролетать длиннокрылые серафимы.

Какъ разъ у забора, во дворѣ, стояла узенская деревянная скамеяка для сторожа. Андрей опустился на нее, снялъ шляпу и задумался. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ сегодня. Весна дурно дѣйствуетъ на него. Ему не нравилась эта безпричинная грусть и тоска—теперь, когда все такъ хорошо: Катя прѣѣхала, они встрѣтились—будто вчера разстались, она попрежнему любить его, онъ тоже, онъ повсюду, гдѣ только можно, цѣловалъ ее—у нея такія полныя, мягкія губки... И какая она милая! Мѣсто въ губернскомъ городѣ обѣщано навѣрно. Славно они заживутъ—вѣдь они всегда были точно родные, и лучше Кати ему и не выдумать жены...

И Андрей сердился на себя и не постигалъ, почему ему иногда грустно, больно до слезъ, почему онъ съ утра сегодня ушелъ изъ дома и все бродилъ по лѣсу почти безъ мыслей, только смотрѣлъ, какъ теплый воздухъ дрожитъ и струится на солнцѣ между полуоголыми вѣтвями деревьевъ, да изъ подъ прошлогоднихъ листьевъ поднимаются бѣлые, робкіе цвѣты...

Совсѣмъ стемнѣло. Кое-гдѣ въ окнахъ, въ пристройкахъ зажгли огни. Въ лѣвомъ флигелѣ особенно ярко освѣтили; тамъ двигались какія-то фигуры, Андрей не могъ разглядѣть черезъ дворъ—чы, и слышался говоръ. Потомъ говоръ замолкъ, только рѣдкій и правильный звукъ тяжелаго катка нарушилъ тишину.

Андрей вспомнилъ, что въ тѣтомъ флигелѣ была прачечная и потому нисколько не удивился, когда, подъ мѣрный стукъ, два женскихъ голоса начали пѣсню. Василиса, невѣста Тихона, также какъ и другая прачка, Поля, считались первыми пѣвунами на хуторѣ. У Василисы, миловидной и низкорослой, съ голубоватыми выщуклыми глазами, голосъ былъ высокій, звонкій и легкій, съ красивыми переливами. Шелагея, дѣвушка рослая, даже слишкомъ рослая, смуглая, съ лицомъ почти не-красивымъ, грубымъ, но особенно гордымъ и выразительнымъ—пѣла низкимъ контраптико. Ничего не могло быть пріятнѣе этого густого и мягкаго голоса, полнаго, слишкомъ широкаго, какъ весенняя рѣка. Обѣ, Василиса и Поля, часто пѣли вмѣстѣ, какъ теперь.

Темная фигура мелькнула на дворѣ и гдѣ-то исчезла въ тѣни, за выступающимъ угломъ прачечной.

— Вѣрно опять Тихонъ слушаетъ, какъ невѣста поетъ,—подумалось Андрею.—А пожалуй у Поли голосъ пріятнѣе.

Онъ невольно вслушался въ слова пѣсни. Каждая нота и каждое слово были слышны.

Ни Поля, ни Василиса не любили своихъ деревенскихъ, чисто-малорусскихъ пѣсень, гдѣ сама пѣвица не разбираетъ словъ и гдѣ непремѣнно мотивъ оканчивается однообразной высокой нотой. Ихъ пѣсни были не то городскія, не то неизвѣстно откуда занесенные, особенно выразительныя и съ понятными словами, хотя порою неумѣло сложенные:

Теперь онѣ пѣли:

Никто меня не пожалѣтъ
И никому меня не жаль.
Никто унынья моего не знаетъ
И не съ кѣмъ раздѣлить печаль.

Напѣвъ былъ почти надгробный, острый и медленный, проникающій насквозь, какой-то безпощадный.

Никто унынья моего не знаетъ...

Андрей почувствовалъ, что глаза его наполнились нежеланными слезами. Онъ не зналъ, о чёмъ плачеть, — и оттого ему было еще тяжелѣе.

Прошло нѣсколько мгновеній. Онъ всталъ, провелъ рукой по лицу и гладко остриженнымъ волосамъ — и пошелъ черезъ дворъ.

III.

Дойдя до крыльца, Андрей вдругъ остановился, задумался — и свернуль въ сторону, чтобы обогнувъ усадьбу, попасть въ паркъ, который тянулся по ту сторону дома и спускался къ самому пруду.

Справа полукругомъ шелъ рядъ остроконечныхъ тополей. Большая бѣлая луна поднялась надъ ними и освѣтила ихъ мертвыми лучами.

Безмолвные тополи, черные при лунѣ, всегда напоминали Андрею какую-то страшную картинку, видѣнную имъ въ дѣтствѣ: такъ-же бѣлая большая луна и таинственно и остро поднимались тополи.

Андрей шелъ безъ цѣли, почти безъ мысли. Въ одномъ мѣстѣ его охватилъ на минуту теплый ароматъ только что распускающейся черемухи. Потомъ струя сырого воздуха, пахнувшаго глубокой водой и травами, донеслась отъ пруда. Андрей шелъ дальше. Въ травѣ кузнечики стонали пронзительно, хотя шепотомъ. Какая-то птица закричала, перелетая черезъ прудъ. Соловей началъ неумѣлья трели, но самъ удивился и замолкъ.

Вдругъ раздались веселые и молодые голоса. Цѣлая компанія приблизжалась. Андрей, безотчетно желая избѣгнуть встречи, шагнулъ въ мокрую траву и спрятался за стволъ.

— Это наши, Оля, Катя... Да, да. И Ваня съ ними... И Лидочка...

Барышни громко смѣялись. Это была все своя семья, родственники и родственницы. Всѣ носили трауръ по случаю недавней смерти Катиной матери. Въ черныхъ платьяхъ онѣ были такъ похожи одна на другую, что Андрей не сразу отличилъ свою невѣсту среди веселой толпы. Но за то онъ замѣтилъ съ удивленіемъ незнакомую ему женскую фигуру, очень высокую, одѣтую въ бѣлое.

Она прошла близко отъ Андрея, онъ даже видѣлъ, какъ не живой свѣтъ мѣсяца скользнулъ по волнующейся ткани ея платья, когда тѣнь отъ тополей перестала мѣшать, но лица разглядѣть было нельзя.

Андрей проводилъ глазами черную толпу, невольно слѣдя за бѣлымъ пятномъ, которое одно, казалось, приняло въ себя все мѣсячное сіянье. Потомъ онъ вышелъ на дорожку, подумалъ и, медленно переступая, направился къ дому.

IV.

Яркій свѣтъ лампы въ столовой ослѣпилъ Андрея. Вся семья была въ сборѣ, пили вечерній чай. Катя вскочила съ мѣста и вскрикнула:

— Андрюша! Наконецъ-то! Куда это ты прошалъ? Мы такъ беспокоились!

— Стыдись, батюшка,—прибавила Домна Ниловна,—цѣлый день тебя нѣтъ, хоть-бы сказалъ, куда идешь, до города, или до попа, или куда... Мы что и думать не знали...

Андрей немного смущился.

— Нѣтъ, я такъ... У меня голова болѣла... Я хотѣлъ на воздухъ...

— Да вѣдь ты не обѣдалъ! Катюша, вели ему подать телятины! А тутъ тетенька Анна Ильинишна пріѣхала!

Андрей разсвѣянно слушалъ заботливыя слова матери и невѣсты и взглазы многочисленныхъ кузинъ. Онъ съ первой минуты искалъ и соображалъ, кто могла быть дама въ бѣломъ, которую онъ видѣлъ въ паркѣ. Но кругомъ стола всѣ кузины, наперечетъ, сидѣли въ своемъ траурѣ. Гдѣ-же та, которая сейчасъ вошла въ домъ?

Услыхавъ о пріѣздѣ тетушки Анны Ильинишны, онъ слегка ожидалъ.

— Когда пріѣхала? Сегодня? А гдѣ-жъ она?

— Ты-бы еще позднѣе пришелъ. У себя. Она человѣкъ нездоровыи, рано ложится. Завтра увидишь.

Неужели это была тетушка Анна Ильинишна въ бѣломъ? Не можетъ быть. Тетушка низенькая и очень полная, къ тому-же и не пойдетъ вечеромъ гулять по сырости.

Андрею хотѣлось спросить Катю, кто былъ съ ними въ саду, но потомъ показалось, что никакъ невозможно спросить, по крайней мѣрѣ

онъ не спросить. Пусть лучше это такъ остается. Пусть само выяснится. Не надо этого трогать.

Андрей машинально Ѳль — все, что передъ нимъ поставили, и разсвѣяно и печально молчалъ. Кузины тоже замолкли. Катя, очень миловидная, темноволосая девушка, хорошо сложенная, полная и широкая, хотя не крупная, съ добрымъ ртомъ и короткими, пухлыми пальчиками — смотрѣла на Андрея, не отрываясь. Въ карихъ глазахъ ея было и обожаніе, и самодовольство — и все это спокойное, умѣренное и вѣрное.

Свѣтъ лампы слегка золотилъ блѣдные волосы Андрея, остиженные коротко, щеточкой. Андрей имѣлъ тонкое, очень длинное тѣло, удивительной красоты руки съ розовыми продолговатыми ногтями. Голова по росту казалась слишкомъ маленькой, черты лица были мелкія, пріятныя, женственно-бессильныя, носъ правильный и нѣжный. Надъ верхней губой вились очень свѣтлые, пепельные усики. Несмотря на слегка болѣзnenную блѣдность и оттого безцвѣтность утомленного лица, его можно-бы назвать красивымъ — и многія изъ кузинъ завидовали Катѣ. Сама Катя искренно и спокойно считала себя счастливой.

Когда встали изъ-за стола, Андрей поспѣшилъ попрѣловатъ руку матери и постарался никѣмъ незамѣченный скрыться въ свою комнату.

Комната его выходила на огибавшій усадьбу балконъ и была угловой. Постель оказалась не приготовленной. Андрей разсердился и хотѣлъ позвать Тихона, но въ эту минуту на порогѣ балконной двери онъ увидалъ Катю.

Она робко вытянула шею и заглянула въ комнату.

— Андрюша, ты здѣсь? Ты не выйдешь больше?

— Я ужасно усталъ, мнѣ хотѣлось лечь. А ты меня искала? Тебѣ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ... Я думала... Ты со мной не простился...

— Войди, простимся.

Катя робко вошла въ комнату, приблизилась къ Андрею и положила ему руки на плечи. Ей это было не легко, она головой доставала ему только до груди.

— Скажи мнѣ, Андрюша, начала она вдругъ шепотомъ, — ты оттого разсердился, что я вчера въ фантахъ дала Ваничкѣ руку попрѣловать?

— Я разсердился? На кого? Какие фанты?

— На меня разсердился... Я сейчасъ догадалась, когда ты съ утра уѣжалъ и къ обѣду не вернулся. Во вчерашнихъ фантахъ... Но Андрюша, милый мой, дорогой...

Андрей разсмѣялся.

— Катя,увѣряю тебя, я и не думалъ сердиться. Мнѣ просто сдѣлалось грустно...

Онъ остановился. Его голубые, выпуклые глаза были слегка близо-

руки, но слухъ онъ имѣлъ необычайный, тонкій до болѣзниности. И въ этотъ моментъ ему показалось, что кто-то прошелъ мимо запертой двери. Шаги были совершенно незнакомые, легкіе и тихіе до неслышности, даже не шаги, и не шорохъ, а такъ, движеніе воздуха, точно что-то скользнуло мимо, провѣяло—и замолкло.

— Мне сдѣжалось грустно...—снова началъ Андрей — и вдругъ перебилъ себя:

— Кто это прошелъ?

— Прошелъ? — Катя смотрѣла на него исщупанными, непонимающими глазами.—Не знаю, кто прошелъ. Я ничего не слышала. Андрюша, не скривай... Отчего тебѣ могло быть грустно, какъ не отъ этого... отъ фантовъ? — И она покраснѣла.—Андрюша, клянусь тебѣ всѣмъ святымъ...

Андрей хотѣлъ разскѣзать ей, какъ ему весь день было непонятно тоскливо и больно, взялъ ее за руку—но остановился. Зачѣмъ ее тревожить? Если онъ самъ не знаетъ, почему ему грустно, какъ она можетъ угадать? Да и не хотѣлось какъ-то разскѣзывать, точно его тоска была ему особенно дорога.

Катя пристальнѣе взглянула въ его иѣмые глаза—и вдругъ неожиданно заплакала.

Андрей притянулъ ее къ себѣ.

— Что съ тобой? О чёмъ ты? Катя?

— Отчего ты... такой? Ты меня... ты разлюбилъ?

— Богъ съ тобой, Катя? Какъ я могу тебя разлюбить, сама подумай! Съ чего ты взяла?

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Катя поцѣловалась охотно, крѣпко и сочно. Губы у нея попрежнему были пріятныя, мягкія, но Андрею почему-то подумалось, что этотъ поцѣлуй—и первый ихъ поцѣлуй годъ тому назадъ—ничего не имѣютъ общаго. Тогда это казалось важнымъ дѣломъ—теперь обычнымъ и естественнымъ обстоятельствомъ. Онъ такъ хорошо зналъ ея розовыя губы и ощущеніе поцѣлуя, что едва замѣчалъ его. Не Катя почти утѣшилась.

— Такъ ты меня любишь, Андрюша?

— Конечно, люблю. Я разсержусь дѣйствительно, если ты будешь сомнѣваться.

Катя ушла, получивъ еще иѣсколько поцѣлуевъ. Андрей отпустилъ ее разсѣянно.

Его, помимо воли, занимало, кто прошелъ мимо двери. Онъ поймалъ себя на томъ, что соединялъ неслышные шаги съ мыслью о дѣвушкѣ съ бѣломъ платьѣ.

— Фу ты, какая глупость! Что я въ привидѣнья вѣрю?

Онъ началъ раздѣваться. Вошелъ Тихонъ дѣлать постель, мрачный и погребальный, какъ всегда.

— Тихонъ, ты видалъ тетю Анну Ильинишну?

— Видалъ.

— Она давно пріѣхала? Въ которомъ часу?

— Въ пятомъ.

Андрей умолкъ, не зная, что спросить еще.

— А что, она похудѣла?

— Похудѣть не похудѣли. А какъ будто полнѣе.

Андрей опять замолкъ на минуту.

— А я, Тихонъ, видѣлъ тебя, какъ ты у прачечной сидѣлъ. Василие слушалъ, а?

Тихонъ вдругъ озлобился, бросилъ одѣяло, которое держалъ въ рукахъ и повернулся къ барину.

— У прачечной? Я сидѣлъ? Ну и сидѣлъ. Василиса пѣла? Ну и пѣла. Что-же изъ-за этого мнѣ теперь въ каторгу итти?

Андрей, привыкшій къ ярости своего слуги, не удивился и проговорилъ только:

— Да никто тебя и не обвиняетъ. Это очень понятно.

Тихонъ успокоился, какъ вскипѣвшее молоко, когда кострюлю снимаютъ съ огня, и вновь вернулся къ одѣялу.

— А кто, не знаешь-ли, тутъ по коридору сейчасъ ходилъ? — не выдержалъ Андрей.

— По коридору? Не знаю. Мало-ли тутъ ходятъ. Я не долженъ знать, кто мимо пройдетъ.

Андрей легъ спать съ тревожнымъ чувствомъ, долго не могъ уснуть — и все прислушивался, не прошумитъ-ли опять полуунеслышный шелестъ и шепотъ шаговъ.

V.

Цѣлую ночь былъ дождь. Андрей слышалъ веселый гулъ крупныхъ капель въ саду. Передъ утромъ начался ливень. Андрей въ просонкахъ вспомнилъ, что сегодня первое мая и что кузины и тетенки давно затѣвали въ этотъ день какую-то особенную прогулку.

— Хорошая прогулка будетъ, если ненастье! — смутно мелькнуло у него въ головѣ — и сейчасъ-же явилась радость, потому что ему давно не хотѣлось ѿхать.

Но дождь пересталъ — и Андрей опять заснулъ.

Онъ проснулся поздно, сердитый, усталый и тревожный. Было уже десять часовъ, когда онъ одѣлся и готовъ былъ идти въ столовую. Безшокойное чувство, съ которымъ онъ заснулъ вчера, не уменьшилось, хотя онъ не позволялъ себѣ опредѣленно думать о причинахъ.

Андрей откинулся занавѣсъ, раскрылъ дверь на балконъ — и остановился на порогѣ.

Утро было осеннительно-яркое, влажное и душистое. Зелень сверкала, сильная, распустившаяся отъ дождя, точно разросшаяся за ночь. Блѣдныя кудри березы были пронизаны солнцемъ и бросали колеблющійся золотистый отсвѣтъ на полъ балкона. А у перилъ, на балконѣ, прямо передъ дверью, стояла незнакомая высокая девушка въ бѣломъ платьѣ и смотрѣла на Андрея. Она молчала—и Андрей молчаль, потому что ему пришло въ голову, что это опять только кажется или что вообще тутъ есть какое-то ужасное недоразумѣніе. Онъ сразу, съ одного взгляда, все въ ней замѣтилъ и понялъ, можетъ быть потому, что она почти вся была одного цвета, свѣтлаго, и казалась цѣльной и простой, какъ будто вырѣзанной изъ одного куска. Андрей замѣтилъ, что бѣлое платье изъ легкой, почти прозрачной шелковой материи, все, и вверху и внизу, было въ безчисленныхъ складкахъ или сборкахъ, точно сматое. И складки не падали прямо, а слегка отставали и отъ непримѣтнаго вѣтра въ саду шевелились то подымаясь, то опускаясь, какъ мыльная пѣна. Шея, очень длинная и тонкая, выходила изъ этой пѣни незамѣтно, она была такого-же цвета, какъ платье, и тоже казалась прозрачной, какъ тонкій китайскій фарфоръ. Когда его смотрѣть на солнце—только тутъ были едва уловимые, розовые отсвѣты жизни. Блѣдно-золотые волосы, не густые, безъ малѣйшаго рыжаго или сѣраго оттенка, были зачесаны гладко. Но болѣе короткіе отставали и слабо и легко завивались около ушей и висковъ. Лицо, прозрачное, какъ шея, безъ тѣни румянца, было спокойно. Сѣрые глаза, широко разставленные, были опущены завитыми рѣсицами, чутъ темнѣе волосъ. Брови еще темнѣе, поднимались ровно и просто. Розоватыя губы были сжаты плотно.

Андрей, послѣ первой-же минуты испуга и удивленія, зналъ, что никакого тутъ чуда нѣтъ, что девушка эта—не призракъ и не наважденіе, а просто себѣ живая девушка—и все-таки, она казалась ему чудомъ, потому что не была похожа на живую и на обыкновенную. Чтобы дотронуться до нея—надо было сдѣлать полтора шага, аказалось, что для этого нужно перейти небесныя и облачныя пронасти, и даже лучшіе совсѣмъ до нея не дотрогиваться,—такое странное впечатлѣніе производила прозрачность ея лица.

Девушка подняла руку и провела ею по волосамъ. Широкій и короткій рукавъ, собранный у локтя, опять какъ пѣна, взволновался и на мгновеніе легко упалъ къ плечу. Пальцы были длинные, розовые на концахъ.

Андрей подошелъ ближе, не отрывая глазъ.

— Извините,—началъ онъ,—и вдругъ покраснѣлъ.—Я не былъ представленъ...

— Вамъ нужно пить чай, ждуть въ саду—подъ липами,—проговорила девушка, разомкнувъ губы.

Андрей замѣтилъ едва уловимую мягкость въ произношеніи. Такъ говорятъ дѣти, едва переставшія картавить. Голосъ у нея былъ не громкій, но и не глухой. Среди звуковъ природы опь, вѣроятно, не нарушалъ-бы гармоніи, потому что въ немъ не было рѣзкости, свойственной человѣческому голосу.

Она тронулась съ мѣста и пошла по балкону. Андрей, къ удивленію своему, ничего не сказалъ, ни о чемъ не посмѣлъ спросить и молчашелъ за дѣвушкой, стараясь держаться отъ нея въ трехъ шагахъ, глядя на ея колеблющееся платье и на шею, на ту черту, гдѣ постепенно розовая бѣлизна переходила въ золотую и гдѣ начинали закручиваться первые, слабые волоски.

VI.

Чай пили дѣйствительно въ саду, на площадкѣ, окруженнѣй липами. На площадкѣ было не очень хорошо и слишкомъ солнечно, потому что липы только что начинали распускаться. Они не то чернѣли, не то сѣрѣли — и безнomoющно протягивали къ солнцу вѣтви, гдѣ чуть раскрылись зеленоватые лепестки, которые еще не хотѣли просыпаться. Берескы, поодаль, качались и шумѣли почти по лѣтнему, тополи тоже расцвѣли послѣ ночного дождя — липы оживали послѣднія, если не считать сумрачныхъ и недовѣрчивыхъ дубовъ, которые спали еще крѣпко и чернѣли твердыми вѣтвями, не отзываюсь на голось весны.

Андрей, подойдя ближе, увидалъ за столомъ, въ креслѣ, тетеньку Анну Ильинишну. Полная и круглая, еще не старая, съ болѣзненнымъ, но веселымъ лицомъ, она поднялась на встрѣчу племяннику и заключила его въ свои объятія. Это былъ ея любимый племянникъ. Анна Ильинишка считалась богачкой и большой причудницей. Она давно вдовѣла, подолгу, лѣтъ по пяти живала заграницей, съ родными особенно не сближалась — Андрею-же доводилась теткой съ отцовской стороны. Ни Домну Ниловну, ни Катю она не долюбливала, послѣднюю почему-то всегда называла «красна дѣвица, дочь купецкая».

— Ну что, Андрей? — начала она, глядя ему въ глаза и держа его руки своими пухлыми ручками. — Весело-ли тебѣ живется? Какъ душенька твоя довольна?

— Спасибо, тетя. мнѣ хорошо.

Анна Ильинишна покачала головой, не сводя съ него глазъ. Потомъ отпустила его руки.

— Ну, ладно. Садись чай пить. А что, познакомились?

И она обернулась, ища взоромъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ. Она стояла у кресла Анны Ильинишны.

Андрей что-то пробормоталъ.

— Моя компаньонка, дочь моя приемная,—продолжала Анна Ильинишина.—Удивляюсь, согласилась со старухой жить—и не скучаетъ. Но запрошлымъ лѣтомъ я ее къ вамъ не привозила, она къ отцу домойѣздила. А теперь отецъ умеръ, такъ ужъ она вполнѣ стала моя. А какія способности-то, Домаша, а?—прибавила она, обращаясь къ Домнѣ Ниловнѣ. Кто бы сказалъ, что она только съ 14 лѣтъ по-русски стала учиться?

Домна Ниловна, которая очевидно не раздѣляла восхищений родственницы, изъ приличія вздохнула и покачала головой.

— Это мой племянникъ Андрей,—продолжала Анна Ильинишина.—Андрюша, рекомендую тебѣ миссъ Май Эверъ, прошу любить и жаловать.

Миссъ Эверъ подвинулась и подала руку Андрею. Онъ пожалъ ея руку съ розовыми пальцами, но когда выпустилъ ее — ему стало казаться, что этого пожатія никогда не было и не могло быть.

Потомъ онъ вспомнилъ, что еще ни съ кѣмъ не поздоровался. Онъ разсѣянно поцѣловалъ мать, пожелалъ доброго утра кузинамъ и кузенамъ. Подошелъ къ Катѣ и, не глядя, наклонился, чтобы поцѣловать ее въ голову. Но Катя отвела голову. Андрей опомнился и удивленно посмотрѣлъ на свою невѣсту.

— Что съ тобой?

— Ничего.

Онъ увидѣлъ недовольное лицо и сухо сжатыя губы съ непріятнымъ выраженіемъ. Катя дулась! Никогда раньше съ ней не случалось ничего подобнаго. Андрея это заняло въ первую минуту, но въ слѣдующую онъ забылъ—и, обжигаясь горячимъ чаемъ, глядѣлъ на тетю Анну Ильинишину въ ея креслѣ и на англичанку рядомъ съ ней, прямую и всю необычайную и только удивлялся, почему другие не удиваются и не недоумѣваютъ, какъ онъ.

— А что-же по Деснѣ поѣдемъ?—спросилъ коротконосый гимназистъ, кузенъ Ваничка.

— Поѣдемъ,—неожиданно рѣшила Анна Ильинишина.—И я поѣду. Домна Ниловна вмѣшалась.

— А не вредно-ли вамъ будетъ, сестрица? Вы о своемъ здоровье не думаете.

— Нѣтъ, я что-то сегодня себя очень бодро чувствую. Андрей, распоряжайся! Пускай ужъ мы непремѣнно поѣдемъ. И ты, Домаша, ступай.

Но Домна Ниловна рѣшительно отказалась—ей было некогда и подумать о гуляніѣ. Андрею вдругъ необыкновенно захотѣлосьѣхать и вообще стало весело. Спѣша распорядиться насчетъ провизіи—онъ доѣгнать въ коридорѣ Катю—и вдругъ вспомнилъ, что она на него дуется.

Ему было весело, и стало жаль, что ей не весело. Онъ ласково обнялъ Катю одной рукой и заглянулъ ей въ глаза.

— Катюня, ты на меня за что-нибудь сердишься?

Катя молчала, выражение ея лица было непріязненно и некрасиво.

— Катя, а? Скажи мнѣ, за что ты сердишься? Изъ-за чего намъ ссориться? Подумай, развѣ это не глупо—ссориться, да еще безъ причины? Я, право, ни въ чемъ передъ тобою не виноватъ.

Катя, не подымая глазъ, вдругъ заговорила раздраженно:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня! Ты меня совсѣмъ не понимаешь.

— Катичка, въ чемъ же я тебя не понимаю?

— Зачѣмъ ты такъ держишь себя, какъ будто тебѣ до меня все равно? Да еще при этой... при теткѣ. Я тебѣ два раза сказала: Андрюша, садись сюда! Андрюша, садись сюда! А ты какъ будто не слышишь и сѣль передъ теткой и передъ ея фрѣй противной. Гувернантка, компаньонка простая, а топорщится, словно баронесса. И для тетки твоей я не посмѣшищедалась: что это за манеры: купецкая дочь! Чего она этимъ желаетъ достигнуть?

Андрей въ изумлениі слѣдилъ за потокомъ Катиныхъ словъ. Ему спорить съ ней не хотѣлось. И онъ вмѣсто возраженій обнялъ и поцѣловалъ Катю.

— Прости, Катюнчикъ, я действительно не слыхалъ тогда твоихъ словъ. Не сердись на меня, будь веселенькой. Вѣдь я же тебя люблю—и слава Богу, всѣ это знаютъ, и тетѣ не придется въ голову усомниться, если я немножко разсѣянъ.

Катя сама обняла его и поцѣловала. Потомъ Андрей опять ее поцѣловалъ, но уже думая, слѣдуетъ ли взять двѣ, или три корзины.

Отправляясь за корзинами въ людскую, онъ думалъ про себя:

— Премилая эта Катя — и я ее очень люблю. Вотъ какъ руку свою собственную люблю, ни на чью бы не промѣнялъ. Жаль только, что такъ привыкаешь къ человѣку. Цѣловалъ ее и не помню даже, цѣловалъ-ли — никакого впечатлѣнія, вотъ опять какъ свою собственную руку. Еще въ прошломъ году было не такъ...

Потомъ его мысли улетѣли далеко отъ Кати и сдѣлались такъ разсѣянны, что онъ самъ не могъ слѣдить за ними.

VII.

Въ кухнѣ, куда вошелъ Андрей, стоялъ чадъ и дымъ, что-то жарилось и брызгало па плитѣ, а стряпуха, въ грязномъ розовомъ платьѣ, провзительно ругалась.

Замѣтивъ панича, она примолкла. Андрей разглядѣлъ у стола Тихона черные очи и Василису-прачку съ гигантскимъ ореоломъ бумаги-

ныхъ розановъ. Василиса была блѣдна, плоское лицо ея казалось некрасивымъ, заплаканные глаза смотрѣли злобно.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ невольно Андрей.

Василиса кинулась въ ноги смущенному Андрею, который поспѣшилъ ее поднять.

— Паничъ, миленький, да скажите-жъ вы этому асниду, чтобъ онъ души моей по ниточкѣ не выматывалъ! Это-жъ никакихъ силъ терпѣнія не хватаетъ! Съ другими говорливъ, угодливъ — а со мной теперь молчать, какъ проклятый! Сказала онъ, что-ли? Чѣмъ я ему не угодила? Я-ль его не ласкала, я-ль не любила? Не первый мѣсяцъ мы съ нимъ согласились, слава Богу, не чужаки теперь, обрученѣ-то еще когда было...

— Постой, Василиса, — сказалъ Андрей. — Скажи мнѣ, Тихонъ тебя обижаетъ?

— Да не обижаетъ онъ...

— Свадьбы, что-ли, не хочетъ?

— Нѣтъ, на свадьбу онъ всегда согласентъ. И, говорить, люблю тебя прекрасно.

— Такъ чего-же ты хочешь?

— Дозвольте, баринъ, вмѣшался вдругъ Тихонъ, дозвольте ужъ намъ это дѣло межъ собою оставить. Дура баба, дура непремѣнно, ежели она баба. Она, значитъ, недовольна, коли если я съ бѣмъ другимъ разговоръ заведу, а все чтобы съ ней. А что я съ ней теперь буду говорить, коли если она мнѣ вдоль и поперекъ известна и каждое ея слово, какое она сказать можетъ — я самъ себѣ могу сказать? Послѣ того извольте разсудить, какой мнѣ въ ней для разговору интересъ можетъ быть? Я ея ухватки всѣ какъ есть знаю. Мнѣ и нѣть интереса, а я, значитъ, къ другимъ подхожу. Она-же это пойми и довольна будь, что я моихъ чувствъ къ ней ни насколечко не измѣнилъ и въ положенное время на свадьбу согласенъ.

Андрей въ замѣшательствѣ смотрѣлъ то на Василису, то на Тихона.

— Ну что-жъ, Василиса, — произнесъ онъ наконецъ, — видишь это все вздоръ. Тихонъ тебя любить и не думаетъ отъ тебя отказываться. Онъ тобой доволенъ.

— Я доволенъ, — подтвердилъ Тихонъ. — Она славная будетъ жена. А съ женой какіе тебѣ тамъ тары-бары? Жена не для того.

— Однако, Тихонъ, — замѣтилъ Андрей съ нѣкоторой робостью, — я не понимаю, какъ ты женишься и не находишь въ Василисѣ, по твоимъ словамъ, никакого интереса. Я, признаюсь, не понимаю, какая же радость...

Тихонъ взглянулъ мрачно и, взявъ шапку, пошелъ къ двери, не отвѣчая. Но на порогѣ остановился и произнесъ съ нѣкоторой презрительностью въ голосѣ:

— Этого ужъ намъ объяснить не приходится. А только вотъ каждый день вы за столъ садитесь кушать, обѣдаете значитъ. И какой только въ этомъ интересъ—не вижу! А послѣ обѣда книжки читаете, въ театръ въ городъ ёдете. Тутъ ужъ, конечно, интересъ есть. Такъ не обѣдайте-ка вы никогда, а все книжки читайте. Или, ежели этого не угодно—занимайтесь кушаньемъ и къ нему одному интересъ имѣйте. Аиъ на это никто не согласенъ. Хотять и того и этого. И правильно хотять! Правильно хотять! Такъ ужъ мнѣ никто и не мѣшай! Никто меня и не учи!

Онъ произнесъ послѣднія слова угрожающимъ тономъ—и вышелъ изъ кухни. Ошеломленная Василиса даже не всхлипывала. Андрей пожалъ плечами и намѣренно громко произнесъ:

— Вотъ нелѣпый! Притчами какими-то говорить!

VIII.

Нѣсколько лодокъ, одна за другой, плыли по рѣкѣ. Въ первую нагрузили провизію, самоваръ... Анна Ильинишна взымѣла желаніе сама заняться чаемъ, а въ помощницы, въ виду ея слабаго здоровья, величодушно предложила себѣ Катя, которая, послѣ примиренія съ Андреемъ, была особенно ласково настроена и чувствовала желаніе сдѣлать пріятное Аннѣ Ильинишѣ, завоевать ея расположеніе. Къ тому-же и мастерница Катя была великая относительно всего, что касалось провизіи и вообще устройства закусываній.

И Катя сѣла въ первую лодку.

Андрею пришлось сѣсть въ послѣднюю, такъ какъ онъ всѣхъ усаживалъ и устраивалъ. Случилось, что миссъ Эверъ тоже пошла въ послѣднюю. Съ ними-же сѣлъ и кузенъ Ваничка, коротконосый гимназистъ.

Изъ города сегодня наѣхало много настоящихъ кавалеровъ—и Ваничка былъ въ рѣшительномъ загонѣ. Онъ не унывалъ. Онъ зналъ, что завтра-же всѣ скучающія барышни вернутся къ нему. Пока онъ развлекался, бороздя воду палкой и поглядывая на миссъ Эверъ.

Она сидѣла у руля, спокойная и молчаливая, въ своемъ бѣломъ платьѣ. На голову она надѣла широкую соломенную шляпу, мягкая поля которой слегка опускались съ боковъ. Лице ея, въ тѣни, было узкое и нѣжное. Въ рукахъ у неї была какая-то, повидимому, иностранная книжка.

Андрей сидѣлъ на вѣслахъ. Было не жарко, онъ гребъ легко, почти не замѣчая. Отъ воды вѣяло еще не лѣтней прохладой. Андрей молчалъ. Онъ не могъ забыть ссору Тихона съ невѣстой и сердился на Тихона, и не понималъ его совершилъ. Дѣйствительно, Тихонъ ненор-

малень. Главное — нельзя уяснить, чего онъ хочетъ. То онъ любить Василису, то интереса къ ней не имѣть. Не диво, что девка горюетъ. Андрей слишкомъ распустилъ Тихона. Слѣдуетъ взять его въ руки. И смѣшно, и грустно!

Андрею хотѣлось разскажать кому-нибудь исторію Тихона, но Ваничкѣ нечего было разсказывать, а къ блѣдной англичанкѣ онъ и подступиться не смѣлъ. Вообще не робкій и менѣе всего застѣнчивый, Андрей теперь молчалъ почти до нерѣжества. Онъ все время странно чувствовалъ ея присутствіе. И такъ какъ онъ выхалъ назадъ, точно убѣгая отъ нея, то ему казалось, что она, сидя на кормѣ, преслѣдуетъ его, — всюду и всегда за нимъ, какъ скоро-бы онъ ни скользилъ по водѣ.

Вербы, ивы, кусты лозняка — все это у воды уже распустилось пышно, молодо и сочно. Иногда, въ узкомъ мѣстѣ, они вѣзжали въ свѣжую тѣнь. Кое-гдѣ плоскіе, еще не широкіе листья кувшинокъ уже легли на остеклѣвшую воду. Весла Андрея разбивали стекло и листья, не отрываясь отъ крѣпкихъ стеблей, только проворно ныряли въ глубь, и темную, и тихую. Когда деревья у береговъ бросали зеленый отблескъ подъ шляпу миссъ Май — лицо ея дѣлалось еще блѣднѣе, но оно было живое, какъ двухдневная береза, когда ея сияющая листва пронизана солнечными лучами. Андрею вспомнилось, что когда онъ увидѣлъ девушку въ первый разъ, на балконѣ, сегодня утромъ — на ней также лежали отсвѣты отъ молодыхъ листьевъ. И ему подумалось, что она точно имѣетъ какое-то отношеніе къ нимъ, точно у себя дома вблизи этой живой зелени.

Ваничка пытался разговариться съ англичанкой, но она столько же обратила вниманія на его рѣчь, какъ если-бы около нея жужжалъ комаръ. Ваничка умолкъ. Тогда черезъ нѣсколько времени она сказала, обращаясь къ Андрею:

— Я очень рада быть здѣсь, въ этой деревнѣ. Я чувствую себя очень хорошо весною здѣсь.

Едва замѣтная мягкость произношенія не шла къ ея серьезному лицу. Но въ этой негармоничности было какое-то отдохновеніе, отрада.

Андрей встрепенулъся. Слѣдовало отвѣтить. И онъ спросилъ.

— А вы первую весну проводите въ Россіи?

— О, нѣтъ. Я проводила весну и въ деревнѣ Анны Ильиничны. Прошлую весну. Но у васъ лучше. Такая тѣнь! Такая вода! Мне нравится, я люблю, когда есть вода и тѣнь. Тѣнь на водѣ. И вообще я люблю тѣнь и деревья.

— Вѣрно тамъ, гдѣ вы жили прежде, въ Англіи, были большие лѣса?

— О, нѣтъ. Прежде, чѣмъ я выросла, я действительно жила въ помѣстїи, гдѣ были большихъ деревьевъ. Такихъ большихъ деревьевъ здѣсь

иѣтъ. Паркъ тянулся на иѣсколько миль отъ замка. Тамъ было очень хорошо и тамъ я и привыкла къ деревьямъ. Но потомъ мы уѣхали и жили на ... вы знаете? на островѣ Уайтѣ. Тамъ мнѣ не нравилось, я не была довольна.

— Что-же, тамъ иѣтъ деревьевъ?

— Мы жили на берегу океана. Я не люблю океана. Слишкомъ большой, не прозрачный. Голое такое мѣсто,—безъ растеній. И климатъ дурной. Все низкія тучи, мокрыя, сѣрое море мечется, а кругомъ скалы, тоже сѣрыя или черные. Иѣтъ, тамъ жизни мало. Вѣдь волны—это отъ вѣтра. А деревья, напримѣръ, сами живутъ.

Андрей уже привыкъ къ ея акценту. Она говорила простыя вещи, рассказывала охотно, но Андрей не чувствовалъ ни малѣйшаго сближенія между ними—попрежнему она для него была таинственной и необычайной, какъ будто всѣ эти слова она говорила для него, для Андрея, а главную свою тайну хранила свято для себя одной.

— А вы давно въ Россіи?

— Пять лѣтъ.

— И раньше не знали по-русски?

— О, иѣтъ. Я никогда не слышала русскаго языка. Съ Анной Ильиничной я говорила по-французски. Но и по-англійски она знаетъ.

— Когда-же вы успѣли такъ хорошо выучиться?

— Я не вполнѣ хорошо говорю. У меня акцентъ и я знаю не очень много словъ. Нѣкоторыя выраженія, совершенно русскія, мнѣ незнакомы. Но я продолжаю учиться и надѣюсь хорошо овладѣть языккомъ. Я люблю говорить по-русски. Вы не замѣтили, чтобы я сдѣлала ошибку?

Андрею показалось теперь, что она говоритъ съ нимъ только для практики. И у него явилось безумное желаніе умѣть говорить съ ней на ея родномъ языкѣ. Быть можетъ тогда легче было бы приблизиться къ ней.

На пригоркѣ, который почему-то считался особенно живописнымъ, устроили чай. Кузины и прѣѣзжіе кавалеры любезничали, смеялись сверхъ мѣры и вообще дѣлали все, что подобаетъ дѣлать «молодежи». Миссъ Май была сдержаннѣе другихъ, но вступала въ разговоръ охотно и безъ всякаго принужденія. Нѣсколько разъ она обращалась къ Андрею, даже къ Ваничкѣ. И Андрей опять думалъ, что это она для практики, а что если-бы не практика, то она никому не удостоилась сказать ни единаго слова.

Было уже сыро и поздно, когда, послѣ закусываній, игрь, прогулокъ собралисьѣхатъ домой. Анна Ильинишна чувствовала себя дурно и каялась, что поѣхала. Всѣ устали и примолкли. Андрей теперь сидѣлъ на узенькой рулевой скамеечкѣ рядомъ съ Катей, завернутой въ пледъ.

Гребъ Ваничка и офицеръ изъ города. Катя прижалась плотно и молчала. Было очень тихо. Другія лодки отстали далеко. Небо и вода блѣднѣли и холодѣли. Яркая звѣзда зажглась на краю неба, еще совсемъ свѣтлая. Въ лѣсу надъ рѣкой смѣлѣе запелкалъ соловей — и непріятно и рѣзко потревожилъ засыпающій день.

— О чѣмъ ты думаешь? спросила вдругъ Катя негромко, поднявъ глаза на Андрея.

Андрей не сразу отвѣтилъ. Онъ самъ не зналъ, о чѣмъ онъ думалъ. Но ему не понравился вопросъ Кати. Онъ разбилъ его настроеніе. А настроеніе было смутное, блѣдное, какъ вечеръ, по дорогое ему.

— Такъ, ни о чѣмъ не думалъ, проговорилъ онъ. — А ты о чѣмъ?

— Мнѣ пришло въ голову, что свадьбу рѣшили двадцать четвертаго іюля, а двадцать четвертое іюля суббота. Въ субботу не вѣнчаютъ. И какъ это мы раньше не подумали? Что-же теперь?

— Теперь? Ну назначимъ двадцать пятаго. Не все-ли равно?

— Да конечно такъ... Ахъ Андрюша, Андрюша, какъ время летить! Не успѣмъ оглянуться, какъ эти три мѣсяца пройдутъ. А сколько дѣла! Успѣю-ли я?

— Это насчетъ приданаго?

— Да...

— Успѣшь...

Разговоръ погасъ — и они доѣхали молчаливо, прижавшись плечомъ къ плечу, и каждый, въ своихъ собственныхъ мысляхъ, далекій другому.

IX.

Тетя Анна Ильинишна ничего не говорила Андрею, но такъ часто смотрѣла на него съ нескрываемымъ сокрушеніемъ, такъ явно показывала Катѣ снисходительное сожалѣніе, — что Андрей нехотя понялъ, какъ она относится къ предстоящему браку. Сначала это его удивило, потомъ и огорчило, ибо тетю Анну Ильинишну онъ и любилъ, и считалъ женщиной неглупой... Онъ рѣшилъ поговорить съ ней — и одинъ разъ, передъ обѣдомъ, нарочно пошелъ въ ея комнату.

Онъ засталъ тетку въ креслѣ. Миссъ Май не было.

Андрей немедля приступилъ къ разговору.

— Тетя, отчего вамъ не нравится, что я женюсь?

— Мнѣ, мой другъ, это не ненравится. Мнѣ твоя невѣста не нравится.

— Катя? Чѣмъ Катя можетъ не нравиться?

— Прекрасная, мой другъ, девушкa, прекрасная. Только она не для тебя.

— Да почему же?

— Да во-первыхъ потому, что ты ее не любишь.

— Я? Катю? Милая тетя, увѣряю васъ, что я даже представить себѣ не могу, даже вообразить не могу, что я ее не люблю.

— Это ничего не значитъ. Часто случается, что вообразить не могутъ, что любить, а любятъ.

— Нѣтъ, тетя, я васъ не понимаю.

— Милый мой Андрюша, я хочу ту правду сказать, которую тебѣ безъ меня никто не скажеть. Ты думаешь, что ты не буйный, тихій, скромный, недалекій, что такъ всю жизнь въ порѣ—въ конурѣ проживешь съ толстыми дѣтьми, да съ хозяйствкой женой. А ты только за поздалый, Андрюша, вотъ какъ поздніе цыплята бывають. У тебя еще не прогорѣло. Подожди на пуховикѣ ложиться, еще ноги молодыя, еще погуляй. А Катя тебя сразу на пуховикѣ кладетъ. Ты около любви настоящей и не былъ, что мы въ наше время любовью называли, а говоришь—Катю любишь. Ты ее любишь, я не спорю... Да страшно очень, Андрюша. Вѣдь ты на ней точно восемь лѣтъ женатъ. У тебя къ ней живого интереса нѣтъ, да и откуда? Ты ее какъ себя знаешь, да еще и знать-то въ ней меньше, что есть. Августъ дольше всѣхъ мѣсяцевъ тянетсѧ. Такой длинный, спокойный, вѣчный какой-то мѣсяцъ. Да вѣдь онъ хорошъ, Андрюша, только посль другихъ мѣсяцевъ. А у васъ съ Катей августъ незапамятный. Не вѣрно я говорю?

Андрей бытъ смущенъ и сердитъ. Слова тетки не убѣдили его. Но ему почему-то вспомнился Тихонъ. Онъ тоже потерялъ интересъ къ Василисѣ, хотя и любилъ ее.

— Оставьте, тетя,—произнесъ Андрей. — Августъ такъ августъ. Какіе тамъ августы! Пусть будетъ, какъ будетъ. Я Катю люблю очень и не хочу менять планъ жизни изъ-за чего-то весьма гадательнаго. Вы говорите, я не знаю настоящей любви. И слава Богу! Жизнь для жизни, а не для игрѣ, да сантиментовъ. Я рѣшилъ прожить ее твердо, трезво и спокойно—и вы меня не смущайте, тетя,—это вамъ не удастся.

Въ первый разъ Андрей говорилъ такъ съ Анной Ильинишной. Но она не разсердилась. А когда онъ выпилъ, она покачала головой и улыбнулась.

X.

Андрей пошелъ въ паркъ. Въ липовой аллѣ онъ услыхалъ за собою торопливые шаги. Онъ обернулся. За нимъ шла миссъ Май.

Послѣднюю недѣлю Андрею почти не случалось ни разговаривать, ни видѣться съ англичанкой. Она проходила мимо, легкая, свѣтлая и непонятная. Андрей чувствовалъ неоказанную обиду, тревогу, шель къ Катѣ и говорилъ съ нею о приданомъ. Дни дѣлались душнѣе, разъ

была гроза. Андрею казалось, что мисс Май ему непрятна, и хорошо-бы, еслибъ она уѣхала.

Теперь, когда онъ увидалъ ее, идущую къ нему—ему пришло въ голову убѣжать. Но было невозможно. Онъ остановился и ждалъ.

— Андрей Николаевичъ,—сказала она,—я пройдусь съ вами. Я видѣла, какъ вы пошли сюда отъ Анны Ильиничны, и я рѣшила присоединиться къ вамъ, если вы не имѣете ничего противъ этого.

— Я очень радъ, пройдемся. Вы желаете къ пруду?

Онъ смотрѣлъ въ сторону, мимо нея, но всетаки видѣлъ ее хорошо. Она всегда одѣвалась въ свѣтлое. Теперь на ней было платье изъ тонкой материіи, сшитое гладко, безъ сборокъ и складокъ,—неопределѣленное, блѣдно-красное, но не розовое, съ зеленоватымъ оттенкомъ, точно недозрѣлая гемалиника. Шляпа висѣла у нея на рукѣ, легкіе волосы слегка растрепались и закручивались у висковъ. Полувечернее солнце уже прошло въ аллею сбоку, почти снизу, и стволы лишъ казались жаркими и золотыми. Мисс Май не щурила глазъ, какъ будто лучи не мѣшали ей смотрѣть.

— Пойдемте прямо,—проговорила она.—Я имѣю вамъ что-то сказать.

Они пошли. Андрею опять стало непрятно и тоскливо и онъ даже подумалъ про себя, но словами:

— Чего ей нужно? Вѣдь кажется видить, что я разстроенъ. Нѣть, пристаетъ...

Какъ-бы въ отвѣтъ на его мысли, англичанка сказала:

— Вы разстроились, какъ я думаю, отъ разговора съ Анной Ильиничной. Это, конечно, большая нескромность, что я касаюсь вашихъ дѣлъ, но я лучше васъ знаю характеръ Анны Ильиничны, знаю ея сужденіе о васъ, ея мнѣніе вообще о вашихъ планахъ... и я могу стараться разъяснить ей ея ошибки, если онѣ заставляютъ васъ страдать.

Андрей мало понялъ.

— Какія ошибки? Что заставляетъ меня страдать? А вы разѣ знаетѣ, о чёмъ говорила со мной тетя?

— Она, я предполагаю, говорила о вашемъ супружествѣ, о... mademoiselle Катѣ и не одобряла вашихъ жизненныхъ плановъ. Она думаетъ, что у васъ есть предназначение для другого. Такъ вотъ если слова любимой тетки васъ огорчаютъ и вы хотѣли-бы лучше ея одобрѣнія, то я и могу сказать, зная характеръ Анны Ильиничны, что она не долго будетъ держаться этого своего мнѣнія. Она всегда скоро сознаетъ ошибки.

Андрей былъ удивленъ. Что-то неожиданно и непрятно кольнуло его въ сердце.

— Ошибки? А почему-же вы-то увѣрены, что она ошибается? И въ чёмъ ошибается?

— Но вы тоже думаете, что она ошибается, иначе-бы вы не огорчались,—вразила миссъ Май.—Я считаю, что *mademoiselle* Катя къ вамъ очень подходитъ и что вы вмѣстѣ будете счастливы. И что вообще избранная вами дорога вамъ подходитъ.

Въ душѣ Андрея опять что-то повернулось. Онъ взглянулъ на дѣвушку мрачно, почти злобно.

— Значить, вы лично, не считаете меня, какъ тетя, способнымъ на нѣчто болѣе широкое, дѣятельное, на любовь болѣе горячую, чѣмъ моя привычка къ Катѣ?

— Привычка? Нѣтъ, отчего? Это тоже называютъ любовью. О вашихъ-же планахъ и вообще никакого болѣе мнѣнія о вѣсть я теперь выразить не могу. Скажу только, что вѣдь вы сами ничего другого и не хотите...

— Почему вы думаете, что не хочу? — вдругъ почти закричалъ Андрей, останавливаясь. Лицо его было блѣдно и зло.—Не хочу, не хочу! Можетъ быть я самъ не знаю, чего я хочу? Можетъ быть у меня тоска дикая, непереносная, я, можетъ быть, задохнусь въ болотѣ! Способенъ-ли тамъ, или нѣтъ на что другое, и на что именно—я не знаю, а что хочу и живыхъ чувствъ, и живой жизни, и всего, всего другого—это я знаю! Вонъ и листья живутъ, ростутъ, мѣняются—посмотрите, какая лина стала кудрявая — а я, вы думаете, безропотно лежу на пуховикѣ?

Миссъ Май смотрѣла на него молча, безъ удивленія. Сѣрые глаза ея съ большими зрачками были такъ близко, что Андрей, глядѣвшій въ эти зрачки, увидѣлъ въ нихъ свое собственное возбужденіе лицо—и ему стало страшно. Чувство, никогда раньше не испытанное, похожее на необъятную тоску и желаніе броситься внизъ, въ прощать безъ дна,—сжало грудь до физической боли. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать—но не смогъ, повернулся и быстро пошелъ, почти побѣжалъ прочь.

XI.

Почему тетя Ани Ильинишина считала Андрея «запоздалымъ», Катю—способной вредно повлиять на его жизнь, а его самого пред назначеннымъ для особенно широкой дѣятельности, и какой именно—всего этого она,—вѣроятно, не могла-бы объяснить. Видѣть въ Андрѣѣ замѣчательные свойства ей, конечно, помогало желаніе, въ отношеніяхъ-же съ Катей она, человѣкъ старый, не боящійся романтизма, любящій Андрея — просто чувствовала что-то неладное, не нравящееся ей и потому не хотѣла этого брака. Неладное кругомъ чувствовалъ и самъ Андрей. Приливы тоски, которая заставляла его бродить по лѣсу цѣлыми днями—теперь сдѣлались острѣе и глубже и какъ-то безнадеж-

нѣ: у него и мысль никогда не являлась поговорить, посовѣтиться съ Катей. Онъ, напротивъ, боялся, чтобы она не узнала его настроеній. Она все равно не поняла-бы, или поняла неожиданнымъ образомъ, то-есть, что Андрей ее разлюбилъ, ревнуетъ, недоволенъ днемъ свадьбы, нездоровъ...

Послѣ неожиданного разговора съ мисс Май—Андрей быстрымъ шагомъ, не оглядываясь, пошелъ черезъ фруктовый садъ въ поле. Онъ забылъ, что сейчасъ обѣдъ, что его будутъ искать... Безнomoщный и жалкій, какъ заблудившійся ребенокъ, онъ куда-то бѣжалъ, чтобы быть одному, сообразить что-то, обдуматъ. Но непривычный умъ не слушался, въ головѣ путалось, и опять онъ не могъ ни понять, ни утолить свою тоску.

Было совсѣмъ темно, когда онъ вернулся къ усадьбѣ. Какъ въ тотъ вечеръ, ранней весною, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ въ паркѣ бѣлое платье мисс Май, онъ не вошелъ въ домъ, не остановился на дворѣ. Въ прачечной горѣлъ огонь. Но пѣсенъ не было слышно. Темная, почти черная ночь не позволяла различать ни фигуръ, ни предметовъ на разстояніи, но вдругъ Андрей услыхалъ около себя задержанные голоса. Мужской голосъ принадлежалъ Тихону.

— Куда ты, ласточка? — говорилъ онъ кому-то. — Подожди, постой. Развѣ я тебя трогаю? Нельзя ужъ и поговорить? Ты меня, девка, коли хочешь знать, вотъ какъ приворожила. Я безъ тебя теперь ни ступить. Повернешься ты — мила мнѣ, слово скажешь — еще милѣе. Вся ты мнѣ кругомъ мила. Пѣсню запоешь — я сейчасъ на землю нічкомъ — и плачу. Такъ, самъ о себѣ плачу. И сладко вотъ мнѣ, а сладко, и самъ я не знаю, что мнѣ сладко. Главное — вся ты для меня удивительная, вотъ что главное.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія, вѣроятно собесѣдница Тихона думала надъ его словами.

• Наконецъ она сказала;

— Да, говоришь: мила — мила... Ловокъ ты, поглядѣть на тебя... Небось на Васенкѣ женишься... Я тебѣ что? Я тебѣ не невѣста, ты около своей невѣсты ходи. Я тебѣ вѣрить никакъ не могу, я тебѣ за эти твои подходы такого покажу, что ты у меня ажно до амбара полетишь. Что тамъ! Гони тогда Васенку! Пускай я цвѣты надѣну — и буду замѣсто нея! А то слова-то мнѣ эти давно прислушались. Я человѣкъ горячий.

Въ голосѣ Тихона, когда онъ отвѣтилъ, были и досада, и горестное удивленіе.

— Эхъ ты, девка! Ни словъ, ни чувствованій человѣческихъ понять не можешь. И чего взблѣнилась? Развѣ я тебя трогаю? За что ты меня гнать-то отъ себя будешь? Пѣсню твою нельзя послушать?

Обидно милой быть? Съ Васенкой у насъ обѣщанье, давнишнее, я ее, Васену, вдоль и поперекъ знаю, она славная жена будетъ... Можетъ и ты славная жена будешь — да жалѣю я тебя смертно въ жены взять. Ты теперь, Поля, такая мнѣ удивительная, и сладкая, какъ-бы миѳ отъ Бога ниспосланіе — а тогда что? Какъ Васена и будешь. Жена — что? Жена всегда жена. Для духа нѣть простора, умиленія нѣть. Не гони ты меня, Поляша, зачѣмъ меня гнать? Всякая тварь теперь радуется, цвѣты распускаются, послѣдняя букашка — и та съ кѣмъ хочетъ, съ тѣмъ и летитъ — чего-жъ ты меня къ Васенѣ гонишь? Человѣкъ не хуже. Да и тебѣ я не противенъ.

— Это онъ съ Пелагеей прачкой, подумалъ Андрей, вспоминая рослую фигуру Поли, смуглое, свѣжее лицо и голосъ. — А Василиса?

Андрей пошелъ на голоса, но предъ нимъ только метнулись двѣ темныя фигуры съ легкимъ шорохомъ — и скрылись. Андрей все-таки двигался впередъ, самъ не зная хорошенъко, что ему нужно. Ни за что въ мірѣ онъ не пошелъ бы теперь домой, къ матери, въ освѣщенную столовую, къ слезамъ и разспросамъ Кати. Ему хотѣлось итти такъ прямо, до пруда, потомъ еще прямо, въ прудъ, въ воду, — не въ воду, только прямо, не оглядываясь, не думая, не видя.

Калитка въ паркѣ была отворена. Но Андрей вдругъ остановился, потому что увидалъ свѣтлое пятно передъ собой въ двухъ шагахъ. Онъ остановился только на мгновеніе, онъ сразу, безспорно, неотвратимо понялъ, что это миссъ Май. Онъ подошелъ ближе, совсѣмъ близко, обнялъ ее и прижалъ къ себѣ. Подъ его руками было тонкое, почти несуществующее тѣло, почти призракъ. Андрей не самъ подошелъ, не самъ обнялъ — онъ-бы не посмѣлъ: но ему точно приказалъ кто-то сдѣлать это, сильнѣе его, — и онъ повиновался безъ мысли, съ ужасомъ.

Она не сопротивлялась. Нѣсколько мгновеній они стояли неподвижно, потомъ пошли тактъ, обнявшись, куда-то внизъ, должно быть къ пруду. Кругомъ стоялъ шумъ, шорохъ, шелестъ и шепотъ лѣтней ночи, темной, съ черносинимъ небомъ и большими, лучистыми звѣздами. Вотъ и прудъ, застывшій, неподвижный, какъ бездонная яма. Между камышами черно и глухо, только кое-гдѣ неожиданно блеститъ отраженная звѣзда. Это тотъ самый прудъ, до которого Андрей хотѣлъ сейчасъ итти одинъ, до пруда, въ прудъ... Но Андрей забылъ это, какъ вообще забылъ, что онъ думалъ и какъ жилъ раньше. Они шли долго, потомъ сѣли на скамейку. Они еще не сказали ни слова, но Андрей чувствовалъ въ горлѣ теплые слезы — и не боялся ихъ. Прошло какое-то время, они опять медленно огибали темный прудъ — и уже говорили. Можетъ быть Андрей началъ первый говорить, а можетъ быть и Май.

— Какая ты необыкновенная, я тебя не понимаю. Ты любишь меня? Да это не то слово. Я и прежде любилъ. А для тебя у меня

нѣть слова. Май, ты какъ живы. Все. И начало и конецъ. Ты видишь, что я такъ чувствую? Скажи мнѣ, зачѣмъ ты, откуда ты такая?

— Я тебя люблю,—сказала Май.—Я никогда, никому не говорила «ты», кромѣ Бога. Я, быть можетъ, не умѣю говорить «ты». Но нельзя тебѣ иначе. Я люблю, потому что такъ нужно. И ты меня тоже, потому что такъ нужно—любить. Ты меня уже давно любишь, я давно вижу. Я и думала, что это любовь, я ее сейчасъ узнала. Остальное не это, не любовь.

— Но вѣдь я тебя не знаю, и ты меня не знаешь, за что-же ты любишь?

— Ни за что. Мнѣ все равно. Это само приходитъ—безъ всякихъ мыслей. Мысли даже могутъ быть противъ. По мыслямъ,—особенно какъ другіе думаютъ, тебѣ слѣдуетъ любить Катю, а не меня.

Андрей разсмѣялся. Онъ не чувствовалъ никакихъ угрызеній совѣсти, ни малѣйшей вины передъ нѣѣстой—такъ она была далеко отъ него, такъ ихъ отношенія были несравнимы съ теперешнимъ. Онъ ничего не отнялъ у Кати. Онъ самъ только что открылъ въ себѣ душу—и всю ее сейчасъ-же отдалъ дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ, которую едва зналъ и отъ которой едва слышалъ пѣсколько словъ. Она сказала, что «это»—само приходитъ — и вѣроятно въ ея словахъ была истинна.

— Катя, Катя...—повторилъ Андрей.—Что жъ, она ко мнѣ подходитъ. Сегодня въ аллеѣ, помнишь? Ты мнѣ говорила правду...

— Да, но я нарочно. Правду, но не всю... Половину. Мысли—вѣдь тоже не ложь, а я говорила о нихъ, о мысляхъ. Я ужъ знала тогда, что есть и другое, вотъ что пришло. Это неизбѣжно.

За тополями небо покраснѣло, какъ зарево пожара—и большая, тусклая луна поднялась. Все выяснилось, почти непримѣтно свѣтлѣя. Андрей увидалъ блѣдныя черты Май. Лицо ея было строго и серьезно. Луна поднималась, дѣлалась меньше и серебристѣе. Отъ тихихъ деревьевъ и травы ползли сырые ароматы.

— Мнѣ не стыдно деревьевъ,—сказалъ Андрей.—Трава, и небо, и зелень похожи на тебя. Я давно замѣтилъ, что листья даются тебѣ тѣнѣ,—точно ласкаются къ тебѣ, точно ты имъ своя.

— Все это—одно. А ты не знать? Не надо удаляться, надо приближаться ко всему, тогда будетъ хорошо.

— Май, какая ты странная! Но вѣдь люди—люди, они живутъ, они служатъ, у нихъ дѣла, деньги, свадьбы, законы... Ты точно не хочешь знать ничего простого.

— Простого? О, нѣть, ты говоришь не о простомъ, ты о житейскомъ, о мелкомъ говоришь... Оно есть, но ему не слѣдуетъ быть, несчастіе, что оно есть. А простое—это не то. Все просто—и я, и травы, и любовь, и небо, и смерть...

Приливъ отчаянія охватилъ Андрея. Что-же дальше? Она здѣсь теперь съ нимъ, а потомъ? Какъ соединить сонъ и дѣйствительность?

— Я хочу быть всегда съ тобой. Я женюсь на тебѣ.

Май засмѣялась и покачала головой. Лицо ея было все свѣтлое отъ мѣсяца и прозрачное, какъ листья бѣлыхъ цвѣтовъ.

— О пѣтъ,—сказала она, продолжая улыбаться.—Я не жена.

— Отчего? Отчего? Но что-же дѣлать?

— У тебя есть любовь въ душѣ. О чёмъ ты заботишься?

— Я хочу всегда съ тобой, всегда, какъ теперь. Я не могу не жениться на тебѣ.

— Послушай,—сказала Май.—Пойми, что я думаю. Я думаю, что люди гораздо дольше живутъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ, чѣмъ они дѣйствительно могутъ. Это какъ если-бы зрѣлые апельсины не падали съ вѣтка, а сохли и портились на деревѣ. Истинная жизнь человѣка проходитъ быстро, какъ весна и лѣто, такъ-же быстро. А потомъ люди остаются доживать,—это ошибка, имъ прѣсно и скучно, потому что жизни неѣтъ. Большое счастье, если можно пройти жизнь, прожить весну и лѣто—и кончить, не ползти дальше. И жизньничѣмъ нельзя продлить, какъ май нельзя продлить. Ты хочешь всегда со мной—какъ теперь. Теперь есть счастье, потому что есть жизнь, а потомъ все равно ничего не будетъ, потому что придетъ смерть. Живи со мной—а доживай... съ кѣмъ хочешь... Я-бы не хотѣла доживать совсѣмъ.

— Я тебя не понимаю,—робко сказалъ Андрей.—Но какъ и зачѣмъ отъ тебя уйти?—И онъ обнялъ ее и поцѣловалъ легкіе волосы.—Куда уйти? А ты? Оставилъ меня? Выдѣшь замужъ?

Май опять улыбнулась.

— О, я не выйду. Я думаю, я не доживу до старыхъ лѣтъ. Отецъ умеръ отъ сердца, у меня тоже болѣзнь сердца, это я знаю. Я не выйду замужъ.

Андрей сжалъ ея руки.

— Болѣзнь? А я? Боже мой, а я?

— Но это не сейчасъ, это потомъ. А болѣзнь — это хорошо, потому что скоро. Надо вѣдь умирать отъ чего-нибудь.

Она первая сказала, что пора идти домой. Было очень поздно, но въ усадьбѣ еще горѣли огни. Андрея ждали. У двери они разстались—такъ-же неожиданно, какъ сошлись, безъ поцѣлюя, безъ обѣщаній встрѣтиться. Андрей пришелъ къ себѣ, заперъ дверь на ключъ и не отвѣтилъ, когда къ нему стучали. Онъ не спалъ всю ночь и о чёмъ-то думалъ, что-то хотѣлъ понять и решить. Но решать было нечего, а понять, соединить любовь и жизнь не могли люди и до Андрея, не смогутъ, вѣроятно, и послѣ него.

XII.

Въ маленькой комнатѣ съ лежанкой, съ сундуками и корзинками, съ вареньемъ на полкахъ — сидѣли Домна Ниловна, тетушка Анна Ильинишина и Катя.

Комната эта помѣщалась въ самомъ дальнемъ углу дома и называлась почему-то «теплушкой». Во всѣхъ случаяхъ жизни, требовавшихъ обсужденій сообща, Домна Ниловна устраивала семейный совѣтъ именно въ теплушкѣ. Даже когда она одна должна была что-нибудь рѣшить, относительно хозяйства, напримѣръ, — она удалялась въ эту тѣсную комнатку, считала банки съ пикулями и вареньемъ, перебирала пучки рѣзко пахнущихъ, сухихъ травъ, висящихъ на стѣнахъ — и сей-часъ же чувствовала, что укрѣпляется въ мысляхъ.

Теперь и Анна Ильинишина была привлечена сюда. Она чувствовала себя преотвратительно въ теплушкѣ. Сундуки тѣснили ее, низенькие стульчики казались неудобными, отъ спертаго воздуха ей становилось душно.

— Что-же, сестрица? Чего же охать? Ты ужъ мнѣ скажи, наконецъ, что у васъ случилось и причемъ тутъ я?

Домна Ниловна махнула рукой. Катя отошла къ окну и, вынувъ платокъ, заплакала, громко дыша. У нея и раньше были красные глаза.

Анна Ильинишина нетерпѣливо задвигалась на стулѣ.

— Да вѣдь можно же объяснить, наконецъ, въ чёмъ дѣло?

— Думать надо — вы все, сестрица, знаете — начала Домна Ниловна. Что тамъ, вина не ваша, но горько мнѣ, горько видѣть, какъ гибнетъ единое дитя, да какъ дѣвичье сердце болитъ, золотое сердце, это всякий видитъ...

— Прошу тебя, Домаша, изъясниться. Весьма серьезно прошу.

— А какого тутъ шута изъясняться? — вдругъ вскинула Домна Ниловна. — Твоя же эта гувернантка передъ Андрюшой вертѣлась, знала, что женихъ — безстыдные ея глаза — и такъ ребенка повредила, что на поди! все забылъ. Ровно пришиблены другъ къ другу. Цѣлый мѣсяцъ только вдвоемъ. Катю вѣдь ужъ любилъ, любилъ, и что-жъ! Точно колдовство. Обѣщанье, любовь, честный бракъ — все какъ нищему въ торбу кинулъ! Я ему сегодня слово — а онъ меня такъ и пришибиль: я, говоритъ, ее больше жизни люблю. Только, говоритъ, при Катѣ молчите. Да что же это за страшь! Это одно только — боленъ мальчикъ, нездоровъ!

Анна Ильинишина помолчала.

— Не знаю, Домаша, какъ ты можешь такъ разговаривать со мною. Извиняю тебя, потому что ты разстроена. Май для меня какъ дочь, я

ее чуть не съ десяти лѣтъ воспитала, а ты ее мнѣ позоришь. Думаю я, что нельзя взрослому человѣку запретить любить, кого онъ хочетъ. Мое же личное мнѣніе таково, коли хочешь знать, что Андрей куда больше характеромъ къ этой англичанкѣ подходитъ, чѣмъ къ своей невѣстѣ—ты меня, Катичка, извини, я тебя цѣню и уважаю, я только про сходство ваше съ Андреемъ говорю. Щаха сюда, ничего рѣшенаго у васъ не зная, я ужъ думала о своей: вотъ бы ихъ съ Андреемъ парочка! И смѣло говорю: пусть сладится, рада буду.

Домна Ниловна всплеснула руками, Катя у окна заплакала громче и вдругъ оторвавъ искаленное лицо отъ платка, крикнула зло:

— Больная-то, больная! Какъ смерть блѣдная, какъ прутъ тонкая! Любить мужъ жену здоровую! Молчите ужъ вы! Не Андрюшина вина, а ваша! Вы сводили!

Она была груба и непріятна; вѣроятно, она сильно страдала. Даже Домна Ниловна прикрыла на нее. Катя затихла и замерла у окна.

Анна Ильинишина тоже молчала. Катины слова имѣли долю правды: миссъ Май точно была больная и Анна Ильинишина это знала. Андрея она любила больше и теперь, сквозь романтическое желаніе соединить своихъ дѣтей, здравый смыслъ пожилой женщины шепнулъ ей: разумно ли это? Полезно ли для Андрея?

— Я тебѣ свое окончательное мнѣніе сообщу,—произнесла она, съ трудомъ поднимаясь съ низенькаго стула. А теперь, извини, мать моя—я пойду. Задохлась тутъ отъ этихъ травъ.

Катя и Домна Ниловна остались—она ушла въ свою комнату. Но и тамъ было душно. И Анна Ильинишина рѣшилась пройти въ паркъ, въ бесѣдку, гдѣ стояло ея кресло.

Лѣто было въ разгарѣ. Все распустилось, разошлось, каждый листъ раскрылся съ полнымъ безстыдствомъ, не оставляя мѣста никакой тайнѣ. Солнце жгло и жарило. Пахло пылью и горячей смолой. Казалось — нигдѣ не было отрады.

Въ бесѣдкѣ было особенно жарко — и Анна Ильинишина хотѣла встать, но вдругъ въ дверяхъ показалась Май. Она подошла ближе и сѣла на низенькую скамейку, у самаго кресла.

Анна Ильинишина посмотрѣла на свою воспитанницу. Казалось — жара на нее иначе дѣйствовала, чѣмъ на другихъ. Лицо ея было еще блѣдище, прозрачнѣе, меныше, спокойнѣе всегда глаза—грустны, точно весь этотъ лѣтній зной, эта грубая спла природы, смѣнившая нѣжность, былъ враждебенъ ей, печалилъ ее такъ же безконечно, какъ прежде радовалась нѣжность.

— Мнѣ хотѣлось бы уѣхать отсюда, сказала Май.—Здѣсь такъ жарко, и мнѣ немного дурно.

— Тебѣ дурно отъ жары?

— Мне хочется уѣхать,—повторила Май кротко.—Я думаю, мне будетъ гораздо лучше, если я уѣду.

— Послушай, дѣвочка.—начала Анна Ильинишина серьезно.—Отчего ты со мною всегда такая скрытница? Ты лучше мнѣ скажи — я все равно знаю — ты любишь Андрющу?

Май не покраснѣла, не взблоновалась — она сказала очень просто, почти холодно:

— Да, я люблю.

— И оттого хочешь уѣхать? Бѣжать? Оттого, что онъ женихъ другой? Но, дѣвочка, послушай меня... Я тебя понимаю...

— О, нѣть,—сказала Май. Вы ошибаетесь. Я совсѣмъ не бѣгу. Для меня мало значенія имѣло, что Андрей Николаевичъ женихъ...

— Какъ мало? Но вѣдь онъ не могъ тебѣ предложеніе сдѣлать...

— Отчего? Онъ просилъ, чтобы я вышла за него замужъ. Но я отказалась.

— Отказалась! Боже милостивый! Любятъ другъ друга — и отказалась! И все ради Катерины!

— О, нѣть, нѣть, вѣдь я уже упомянула, что для меня не имѣло значенія это обстоятельство... невѣста его. Между нами была любовь и правда, но теперь уже все кончилось.

— Поскорились вы, что-ли?

Лицо Май на секунду затуманилось, точно ей было нетерпѣливо и скучно.

— Нѣть, мы не скориились,—проговорила она.—Такъ кончилось. Замужъ — это другое. Замужъ я ни за кого не выйду. И вы со мной не говорите объ этомъ,—прибавила она твердо.—Я вамъ не умѣю объяснить. Я только знаю, что любовь — одно, а бракъ — другое. Я къ браку никакой склонности не имѣю.

— По твоему безъ брака любить, что-ли? — почти озлобленно крикнула Анна Ильинишина.

Май улыбнулась.

— Да нѣть,—сказала она.—Я говорю — почему если рѣчь идетъ о любви — сейчасъ что-то нужно устраивать, свадьбу... Какъ это выражить?.. точно маленькими гвоздиками любовь приколачиваются... Зачѣмъ это? Я о свадьбахъ и знать не хочу. Любовь живая. Она пришла — и ушла. А свадьбы — какое мнѣ дѣло? Пусть тамъ кто хочетъ. Я на это не пойду.

Анна Ильинишина смотрѣла растерянно. Изъ всѣхъ рѣчей своей сумасбродной воспитанницы она поняла только одно, что замужъ за Андрея она не выйдетъ и что, дѣйствительно, имъ лучше уѣхать. Она вспомнила о болѣзnenности Май — и почувствовала себя слегка утѣшенней.

Май встала, помогла встать Аннѣ Ильинишинѣ и поцѣловала у нея руку.

— Я могу приготовить чемоданы? Мы завтра утромъ уѣдемъ?

— Завтра? Ну, завтра... Да куда только... Постой... Вѣдь надо рѣшить—куда. Не въ деревню же... Ты куда хочешь?

— Все равно, куда вамъ угодно.

— Ну что-жъ... Ну въ Швейцарію поѣдемъ, повыше куда-нибудь, хочешь?

— Да, хочу... Тамъ еще весна, — прибавила она какъ бы про себя — и опять поцѣловала руку у взволнованной и растерянной Анны Ильинишины.

XIII.

Стемнѣло рано, потому что надвинулись тучи, низкія, плотныя, черныя, обѣщающая грозу. Ожиданіе было тихо и томительно. И во всемъ домѣ уже давно было тихо и томительно, точно гдѣ-то лежалъ больной или нависло несчастіе. Катя ходила съ красными глазами и молчала, Домна Ниловна вздыхала, Андрей сидѣлъ безвыходно, когда не гулялъ съ Май. Первое время онъ былъ только счастливъ, безуменъ и весель, не думая ни о чёмъ, кромѣ своей странной любви — но теперь опять онъ мучился; не понимая, что будетъ дальше и по привычкѣ желая кончить все это опредѣленно, подвести подъ какую-нибудь изъ условностей. И мысль о Катѣ мѣшала ему. И Май была не его — а чѣмъ ближе онъ къ ней подходилъ, тѣмъ она казалась ему страннѣе и недоступнѣе.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя не колебалось, хотя дверь на балконѣ была отворена — и казалась черной пастью. Андрей лежалъ на турецкомъ диванѣ, заложивъ руки подъ голову.

Вошелъ Тихонъ. Андрей не взглянулъ на него сначала. Но потомъ, когда Тихонъ сталъ убирать книги на письменномъ столѣ, сохрания важное молчаніе, Андрей мало-по-малу сталъ слѣдить за движениями его спины въ сѣромъ шиджакѣ, за его затылкомъ, поросшимъ свѣтлыми волосами, свѣтлѣе загорѣлой шерсти — и вдругъ что-то вспомнилъ.

— Тихонъ! — окликнулъ онъ его.

Тихонъ обернулся.

— Чего изволите?

Лицо его по обыкновенію было мрачно.

— Ты Тихонъ... вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать... Вѣдь я тебя съ Полей замѣтилъ.

— Съ Полей? Съ какой такой Полей?

— Да не отпираяся, пожалуйста. Съ Нелагеей прачкой.

— А чего-жъ мнѣ отпираться? — сказалъ Тихонъ, и вдругъ неожиданно и непривычно улыбнулся, какъ ни старался хмурить брови. — Замѣтилъ, такъ замѣтилъ. Мнѣ Полю Богъ послалъ. Каждая во мнѣ

жилка дрожитъ, какъ я ее вижу. Она теперь за десять верстъ, къ матери пошла жить, въ Каменку, значитъ. Я туда черезъ воскресенье къ обѣднѣ стану ходить. Вся она мнѣ кругомъ мила, какъ зимнее солнышко.

— А Василиса?

— Эхъ, баринъ! Самы вы очень хорошо должны понять. Что Василиса? Василиса на своемъ мѣстѣ. Развѣ онѣ другъ дружкѣ мѣшаютъ? Съ Василисой мы вѣнчаться будемъ. Это особая статья. Жена—женой, она Божьему ниспосланію не должна мѣшать. Которая баба этого не понимаетъ—такъ той втолковать должно.

Андрей поднялся и сѣлъ. Ему почудился шорохъ на балконѣ. Тихонъ еще что-то поворчалъ, повозился и вышелъ. Андрей заперъ дверь въ коридоръ на крючокъ, потомъ опять сѣлъ и пристально всматривался въ черное пятно. Глаза устали—и онъ на секунду отвелъ ихъ, а когда поднялъ вновь—на порогѣ стояла Май.

Андрей вскочилъ, бросился къ ней и обнялъ ее. Всегда, цѣлую ее, онъ ощущалъ какой-то холодъ въ ней, даже не холодъ, а свѣжесть, точно вѣтеръ отъ вечерней, весенней воды—и никогда не думалъ и не понималъ, что цѣлуетъ ее, такъ это ему казалось невѣроятнымъ и особыеннымъ. И острое, какъ игла, чувство тоскливой радости кололо и язвило его каждый разъ.

Теперь онъ схватилъ ее почти грубо, безъ обычнаго страха и осторожности, посадилъ къ себѣ на колѣни, цѣловалъ руки и шею. Въ саду зашумѣла сухая гроза.

— Май, шепталъ Андрей.—Не мучай меня больше. За что? Я такъ утомленъ. Рѣши, согласись, чтобы мы были мужъ и жена, вѣдь я тебя люблю... Отчего ты не хочешь?..

Она вдругъ освободилась отъ него и ветала.

— Мнѣ жарко... сказала она. Я не могу. Я пришла проститься съ тобою, Андрей. Я уѣду завтра.

— Уѣдешь? Уѣдешь?

— Да. Вотъ что: я не говорю, что ты меня не любилъ. Но наша любовь прошла. Все хорошее въ любви прошло. Теперь надо разстаться. Вѣдь ты былъ счастливъ отъ этой любви? Были настоящія минуты большого счастья? Скажи? Когда липы расцвѣтали, помнишь? Когда ты меня поцѣловать боялся? Были?

— Да, были...—прошепталъ Андрей.

— Ну вотъ, а теперь прошло. Липы на могутъ опять распуститься, и тѣхъ, лучшихъ минутъ, не будетъ. Ты смѣшишь то, что не смѣшивается. Ты любишь, то, что отъ Бога, сводишь на свадьбу, на соединеніе, на привычку, на связи, которыхъ отъ людей. Можетъ быть и свадьба — хорошо, но только я на это не пойду. Мнѣ жарко, мнѣ

душно, мнѣ тяжело. Я одну любовь люблю. Прости меня. Не надо роптать, если что-нибудь прошло. Такъ должно. Вѣдь оно было...

Андрей стоялъ передъ ней безъ словъ.

— Прощай-же,—сказала она, и поцѣловала, чуть дотронувшись до него блѣдными губами.—Не надо никогда забывать другъ друга. Ты знаешь, это бываетъ только одинъ разъ. Прощай.

Она вышла на балконъ. Молниѧ безъ грома трясущимся, сѣрымъ блескомъ вдругъ освѣтила деревья сада и небо. Андрей въ послѣдній разъ увидаль бѣлое платье Май—и утомленной, бессильной душѣ его показалось, что это призракъ, какъ и вся его любовь.

Прошло нѣсколько дней. Семья спѣла за вечернимъ чаемъ на террасѣ. Домна Ниловна разговаривала съ Катей, угожала Андрея земляникой со сливками, была доброй и ласковой и почти болтливой, чтобы не думать о недоговоренномъ. Андрей молча принималъ заботливость Кати и матери, былъ человокъ и тихъ. Послѣ жаркаго дня наступилъ ясный вечеръ. Скошенная трава пахла пронзительно и сладко.

На террасу вошелъ Тихонъ и остановился у двери.

— Что тебѣ? проговорила Домна Ниловна.

— А я къ барину.

— Да что нужно?

Андрей медленно поднялъ глаза.

— Скажи, что тебѣ, Тихонъ?—проговорилъ онъ кротко.

— А я пасчетъ свадьбы. Миѣ, Андрей Николаевичъ, никакъ невозможно. Назначено тамъ на двадцать пятое іюля. Намъ съ Васеной это не подходитъ. Что-жъ? Справить свадьбу, да и дѣло къ сторонѣ. Дозвольте сейчасъ послѣ Петровокъ. Это и спокойнѣе, да и вообще облегчительнѣе. Какъ угодно, а иначе я не могу.

— Что-же ты сердишься? сказалъ Андрей попрежнему кротко.—Я очень радъ. Вѣнчайся себѣ послѣ Петровокъ. У насъ съ тобой свадьба въ одинъ день была назначена. А я давно ужъ думалъ, что и намъ нечего тянуть. Мама, Катя,—продолжалъ онъ, обернувшись въ ихъ сторону,—какъ вы полагаете, можно намъ перемѣнить день? Къ чemu цѣлый мѣсяцъ? Катюша, ты согласна?

Катя вспыхнула отъ неожиданности, взглянула на него глазами, полными удовольствія и благодарности.

— Я не знаю...—проговорила она.—Какъ мамаша...

Домна Ниловна сіяла. Всѣмъ стало легче и свободнѣе.

— Господь съ вами, дѣтки, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Порадуйте меня, старуху.

Катя подошла къ Андрею и прислонилась головой къ его плечу.

— Значитъ, рѣшено?—сказалъ Андрей громко, приподнимая розовое Катино личико.—Черезъ недѣлю?

— Да., Черезъ недѣлю... Только вотъ что: Андрюша, мамаша, мы не подумали! А приданое, а платье подвѣнчное? Не успѣютъ сшить! Андрюша, какъ по твоему?

И она взглянула съ безпокойствомъ.

— Успѣютъ, успѣютъ,— проговорилъ Андрей.— Не тревожься, Катюша, все успѣютъ.

Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Она съ радостью отвѣтила ему—и Андрей озѣять невольно подумалъ, какія у нея мягкія, пріятныя губы и какая она вся милая.

3. Гиппіусъ.

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ IX.

Лиза, героиня «Дворянского гнѣзда».

I.

Разбирая женскіе типы Тургенева, мы оставляли до сихъ поръ въ сторонѣ вопросъ о томъ, при помоши какихъ художественныхъ пріемовъ они воспроизведены. Нѣсколько замѣчаній въ этомъ смыслѣ, сдѣланыхъ въ главѣ о Зинаидѣ («Первая любовь»), въ счетъ не идутъ.

Обойти этотъ вопросъ въ трудѣ, посвященному изученію Тургеневскаго творчества, было-бы непростительнымъ упущеніемъ. Для восполненія такого пробѣла я считаю достаточнымъ разсмотрѣть съ нѣкоторыми подробностями художественное изображеніе одного изъ важнѣйшихъ женскихъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ, — именно такого, который по праву можетъ считаться типичнымъ образчикомъ художественной манеры Тургенева. Къ числу таковыхъ несомнѣнно принадлежитъ образъ Лизы. Въ предыдущемъ очеркѣ мы разсмотрѣли этотъ образъ по существу, т.-е. со стороны идей, для аппрѣценціи которыхъ онъ можетъ служить: теперь мы постараемся изслѣдовать его со стороны тѣхъ художественныхъ пріемовъ, силою которыхъ онъ былъ созданъ. И. быть можетъ, нашъ анализъ послужитъ къ устраненію иллюзіи, въ которую нерѣдко впадаютъ, читая и перечитывая Тургенева: имъ кажется, будто созданіе известнаго образа (напр. Лизы) не стоило автору большого труда, будто образъ создался скорѣе силою «вдохновенія», чѣмъ — упорной работы мысли. Трудящійся авторъ, погруженный въ анализъ, задумывающійся надъ тѣмъ, какъ-бы лучшіе позобразить, какъ оттѣнить, какими красками написать, какой взять тонъ и т. д., совсѣмъ не виденъ читателю. Оттуда, между прочимъ, мнѣніе, которое иногда приходится слышать, будто Тургеневъ, сравнительно съ Толстымъ, художникъ «повѣрхностный», не чуяющій въ глубь вещей, создающій образы прелестные, но не основан-

ные на глубокомъ изученіи людей и жизни. Такое сужденіе можетъ быть опровергнуто только анализомъ Тургеневскихъ образовъ по существу. т.-е. со стороны ихъ содержания. Это мы и дѣлали до сихъ поръ. Иллюзія-же легкости творчества, иллюзія отсутствія труда, направленного на самое изображеніе типовъ, разрушится, если мы изъ роли читателя перейдемъ въ роль изслѣдователя и постараемся вникнуть въ тѣ художественные пріемы, которые примѣнены авторомъ въ томъ или другомъ случаѣ. Мы убѣдимся тогда, что все здѣсь строго обдумано, тщательно взвѣшено и тонко соображено, что на это дѣло потрачено много упорного труда—художественной мысли.

Лиза появляется впервые въ концѣ *главы III-й*: Панинъ, сойдя съ лошади, вѣгаєтъ въ комнату и «въ то же время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая девушка лѣтъ 19-ти, — старшая дочь Марии Дмитріевны, Лиза». Затѣмъ только въ *главѣ IV-й* мы нѣсколько знакомимся съ Лизой на основаніи ея разговора съ Панинымъ и съ Леммомъ по поводу кантаты, сочиненной послѣднимъ. Изъ немногихъ словъ, сказанныхъ здѣсь Лизою, мы выносимъ извѣстное впечатлѣніе, заставляющее насъ подозрѣвать, что это — девушка не совсѣмъ обыкновенная, что къ ея натурѣ есть чѣмто особенное, нѣкоторая, пока еще невѣдомая, глубина, соединенная съ простотою и ясностью души. Такое впечатлѣніе не осуществилось-бы, если-бы эта сцена была помѣщена раньше, если-бы ей не предшествовали главы IV-я, заключающая въ себѣ характеристику Панина, и въ особенности— V-я, цѣликомъ посвященная Лемму. Эти двѣ главы, въ которыхъ Лиза отсутствуетъ, имѣютъ огромное значеніе именно для постепенного и незамѣтнаго созданія въ мысли читателя образа Лизы. Обѣ характеристики — Панина и Лемма — въ этихъ двухъ коротенькихъ главахъ, можно сказать, закончены, и въ распоряженіи читателя такимъ образомъ оказываются двѣ извѣстныя величины. Глава VI-я (обясненіе Лизы съ Панинымъ и Леммомъ по поводу кантаты) указываетъ намъ на отношеніе къ этимъ двумъ уже извѣстнымъ величинамъ третьей — неизвѣстной, Лизы. Получается родъ художественного спилогизма или уравненія, подеказывающаго читателю, незамѣтно для него самого, опредѣленіе Лизы. Это «подеказываніе» начинается уже въ концѣ главы V-й. Изъ предыдущихъ двухъ страницъ ея мы узнаемъ, что такое Леммы: мы выносимъ убѣжденіе, что это — умственная и нравственная величина весьма значительная. «Поклонникъ Баха и Генделя» (читаемъ мы). Знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени. Леммъ со временемъ—кто знаетъ?—сталъ-бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, если-бы жизнь иначе его повела; но не подъ счастливой звѣздой онъ родился!..» Такъ вотъ въ концѣ этой главы намъ даются понять, что этотъ замѣчательный человѣкъ высоко цѣнить Лизу. Намъ этого не го-

ворять прямо, а заставляютъ насъ самихъ сдѣлать, и притомъ безсознательно, такое заключеніе, которое и является немаловажнымъ «штрихомъ» въ дѣлѣ постепенного возникновенія въ нашемъ воображеніи образа Лизы. Сказано лишь, что Леммъ «давно ничего не сочинялъ; но, видно, Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить: онъ написалъ для нея кантату...» Съѣдѣнія обѣ этой кантатѣ (надпись и посвященіе: «только праведные правы» и т. д. и приписка «*für Sie allein*») дорисовываютъ до конца тотъ «штрихъ», о которомъ мы говоримъ. Читая все это, читатель не думаетъ о Лизѣ, онъ думаетъ только о Леммѣ, о которомъ и идетъ рѣчь, и потому не догадывается, что эти черточки не только служатъ для характеристики Лемма, но очень важны для дальнѣйшаго выясненія натуры Лизы. Это искажение не мѣшаетъ этимъ черточкамъ дѣлать свое дѣло, и образъ Лизы начинаетъ нечувствительно складываться въ головѣ читателя. Безъ всякаго сомнѣнія, такая группировка чертъ, такое освѣщеніе Лизы свѣтомъ, отраженнымъ отъ Лемма, вышли не сами собою: здѣсь виденъ тонкій расчетъ художника. Не случайно также, а преднамѣренно такъ рѣзко противопоставлены Леммъ и Панинъ, и Леммъ впервые выведенъ на сцену въ главѣ IV-й, тотчасъ послѣ Панинского романса: «...всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого диллентанта: но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедший уже старый человѣкъ, которому, судя по выражению его потупленного лица и движеніймъ плечей, романсь Панинина, хотя и премиленький, не доставилъ удовольствія...» Въ виду художественнаго удобства появленія Лемма какъ разъ въ этотъ моментъ, иѣсколько нарушенъ принятый (очевидно, съ расчетомъ на извѣстный художественный эффектъ) въ первыхъ главахъ порядокъ появленія новыхъ лицъ въ самомъ концѣ главы *).

Въ главѣ VII-й даны еще двѣ-три незамѣтныя черточки, которыя однако-же западаютъ мимоходомъ въ голову читателя и, присоединяясь къ прежнимъ, подвигаютъ впередъ характеристику Лизы. Это именно замѣчаніе Лаврецкаго, что у Лизы—еще 8 лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ послѣдній разъ ее видѣлъ,—было «такое лицо, котораго не забываешь», и далѣе—объясненіе съ Панинскимъ въ концѣ главы. Отмѣтимъ также, что въ этой главѣ впервые примѣненъ пріемъ, который мы встрѣтились не разъ въ дальнѣйшемъ, а именно—глава заканчивается «нѣмой картиной»: внизу, на порогѣ гостиной, Панинъ объясняется въ любви Лизѣ, которая «ничего не отвѣчала ему...», а наверху, въ комнатѣ Марои Тимофеевны, сидѣлъ Лаврецкій; «старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ... Онъ ничего не сказалъ своей ста-

*.) Въ концѣ первой главы является Гедеоновскій, въ концѣ II-й — Панинъ, въ концѣ III-й — Лиза, въ IV-й — страницы выше конца — Леммъ, въ самомъ концѣ VI-й — Лаврецкій. (V-я повѣстуетъ о Леммѣ въ является первымъ изъ трехъ отступлений повѣстіи чисто объяснительного характера: второе о Лаврецкомъ, третье о Лизѣ. Обѣ этихъ отступлений будуть рѣчь ниже).

ринной доброй пріятельницѣ, и она его не разспрашивала... Да и къ чему было говорить, о чёмъ разспрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чёмъ переполнялось его сердце».

Съ VIII-й главы и до XVI-й включительно идетъ большое (можеть быть, слишкомъ большое) отступленіе, гдѣ излагается прошлое Лаврецкаго и вообще исторія «дворянскаго гнѣза». Лаврецкихъ.

Нить прерваннаго разсказа возстановляется съ главы XVII-й. Лаврецкій встрѣчаетъ Лизу, идущую въ церковь, и изъ короткаго разговора съ нею узнаетъ, что Лиза религіозна. Онъ просить ее помолиться и за него. «Лиза остановилась и обернулась къ нему.—Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо:—я помолюсь и за васъ...» Это опять одинъ изъ тѣхъ незамѣтныхъ, при бѣгломъ чтеніи легко ускользающихъ отъ вниманія читателя, штриховъ, которые, однакоже, присоединяясь къ множеству другихъ, имъ подобныхъ, созидаютъ въ воображеніи читателя образъ Лизы и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно плетутъ психологическую нить взаимныхъ отношеній Лизы и Лаврецкаго. Читатель могъ и не остановиться на этихъ двухъ строчкахъ, но онъ заронилъ ему въ голову увѣренность или готовность думать, что Лиза глубоко религіозна, что для нея молитва — дѣло серьезное. И въ этихъ словахъ Лизы («извольте, я помолюсь и за васъ»), въ тонѣ, съ которымъ онъ были сказаны (авторъ даетъ намъ почувствовать этотъ тонъ), Лаврецкій долженъ былъ почуять проявленіе души глубокой и своеобразной. Но подобно читателю, и Лаврецкій еще далекъ отъ полнаго и надлежащаго пониманія Лизы,—онъ только подготовляется къ таковому, невольно и постепенно подчиняясь обаянію этой чистой и высокой души.

Послѣ этой коротенькой сценки Лиза появляется впервые только въ главѣ XXIII *), — тѣмъ не менѣе на протяженіи этихъ главъ XVII — XXIII ея образъ значительно выясняется, и мозапчная работа его созиданія далеко подвигается впередъ. Такой результатъ достигнутъ указаніями на то, какъ думаютъ о Лизѣ, какъ понимаютъ ее, какъ относятся къ ней другія лица, уже известныя читателю, а именно Мареа Тимофеевна, Лаврецкій и въ особенности Леммъ. Первая вноситъ свою ленту въ это трудное, кронотливое дѣло созиданія образа Лизы — высказывая Лаврецкому (въ гл. XVII) свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ личности и сватовству Панини. На вопросъ Лаврецкаго: «ну, а Лиза къ нему неравнодушна?»—она отвѣчаетъ, невольно попадая въ тонъ настроенія Лаврецкаго: «кажется, онъ ей нравится,—а, впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно», на что Лаврецкій замѣчаетъ: «да, дѣвичью душу не разгадаешь». Это даетъ направление мыслямъ Лаврецкаго о Лизѣ въ слѣдующей XVIII главѣ (на пути въ деревню): «вотъ—думаю онъ—новое существо только что вступаетъ въ жизнь. Славная девушка, что-то изъ

*) Ея присутствіе въ главѣ XXI въ счетъ не идетъ.

ией выйдетъ. Она и собой хороша. Бѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такие серьезные и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторжена немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходить, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманиемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы...» Кстати замѣтить, даже наружность Лизы описана Тургеневымъ не такъ, какъ въ большинствѣ случаевъ описывается у него наружность другихъ героинь: портретъ Лизы не данъ сразу, а отдельныя его черты, будто случайно, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ романа. Здѣсь, въ гл. XVIII, впервые послѣ очень краткаго указанія на внѣшность героини, сдѣланного въ концѣ главы III, даны — въ размышленіяхъ Лаврецкаго—дополнительныя черты.

Отношеніе Лаврецкаго къ Лизѣ приблизительно такое же, какъ и отношеніе къ ней читателя: для Лаврецкаго она пока еще загадка, величина неизвѣстная; но въ этой неизвѣстной величинѣ онъ уже прозрѣваетъ нечто значительное и своеобразное, — натуру, полную чарующей прелести и глубокаго интереса. И для него, какъ и для читателя, въ цѣляхъ выясненія этой натуры, ея глубины, ея обаянія, дружно работаютъ другія лица, одни прямо, другія косвенно. Но важнѣе всего въ этомъ отношеніи роль Лемма. Въ «построеніе Лизы» онъ вноситъ элементъ творческій, поэтическій, музыкальный. Намеки въ этомъ смыслѣ попадались и раньше (кантата, музыка въ гл. XI), но только съ главы XXII-й Леммъ окончательно выступаетъ въ этой роли. Я имѣю въ виду коротенькую, но прелестную сцену въ дорогѣ (Лаврецкій и Леммъ єдутъ въ деревню), которую и попрошу читателя возстановить въ памяти. При этомъ необходимо припомнить послѣднія строки предыдущей XXI-й главы: «Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дышаться и ехать; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіяніе безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканье лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ». Послѣ этого и идетъ XXII глава, начинающаяся словами: «Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ, Онъ какъ будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ». Глава заключаетъ въ себѣ всего 2 страницы, которая можно резюмировать такъ: Леммъ, этотъ необыкновенный человѣкъ, несчастный и трогательный старикъ, размечтался о «музыкѣ и о Лизѣ» и, въ пропливѣ неопределенныхъ вдохновеній, поэтизируетъ: «Вы, звѣзды! О вы, чистыя звѣзды!» Изъ этихъ вдохновеній пока ничего не выходитъ, но для читателя и для Лаврецкаго эти вариаціи старика о звѣздахъ, о невинныхъ сердцемъ, о любви даютъ въ результатѣ своеобразную психологическую ассоціацію, въ составѣ которой входитъ и образъ Лизы. Отъ старого музыканта и «поэта въ душѣ» падаетъ на эту все еще загадочную фигуру своеобразное освѣщеніе, которое въ главѣ XXIII еще усиливается —

тирадою Лемма по поводу предполагаемой любви Лизы къ Паншину: «Нѣть, горячится старикъ, она его не любить, т. е. она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что это значитъ—любить... Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, т. е. душа его не прекрасна». — «Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій: — мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.—Леммъ вдругъ остановился.—Пожалуйста, началь онъ невѣрнымъ голосомъ,—не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность».

Для читателя и для Лаврецкаго эта ассоціація служить важною подготовкою для встречи Лизы въ слѣдующихъ главахъ, начиная съ ХХІV-й. Неизвѣстная величина начинаетъ понемногу выясняться, — душа загадочной дѣвушки постепенно раскрывается передъ нами. Въ главѣ ХХІV-й мы находимъ сравнительно-длинный разговоръ Лаврецкаго съ Лизой нѣсколько-интимнаго характера — объ отношеніяхъ Лаврецкаго къ женѣ. Этому разговору, гдѣ ярко выступаетъ глубокая религіозная и нравственная убѣжденностъ Лизы, предшествуютъ слѣдующія строки: «Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему.—да она и вообще никого не дичилась *). Она слушать ее, глядѣть ей въ лицо и мысленно твердить слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ какой», подумала она, ласково глядя на него; «вотъ ты какая», подумалъ и онъ». — Разъ это сближеніе и взаимное довѣріе было почувствовано ими, Лиза не колеблясь сама первая заговорила на щекотливую тему о супружескихъ отношеніяхъ Лаврецкаго. Изъ всего разговора ясно видно, что Лизою руководило вовсе не любопытство, столь свойственное женщинамъ, не сблазнъ пикантной темы для бесѣды, — а чистый порывъ глубоко-убѣжденного человѣка—указать другому, возбуждающему симпатію и состраданіе, правильный путь, вызвать въ немъ извѣстныя чувства—жалости, желаніе простить—по отношению къ женѣ, хотя бы и виновной. Отмѣтимъ также одну характерную черту Лизы, проявляющуюся какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ: это—своеобразная и непреклонная, несговорчивая логика христіански-убѣжденного ума, ненарушимо стоящаго на устояхъ этики всепрощенія, примиренія, покорности и безропотности въ несчастіи. Этотъ разговоръ не былъ тихой, задушевной бесѣдой, это былъ споръ, при чемъ Лаврецкій даже сердился и топалъ ногою. И конечно, изъ этого спора онъ, какъ и мы, читатели, долженъ быть вы-

*) Опять, какъ бы невзначай, но съ несомнѣннымъ намѣренiemъ вставленное замѣчаніе, не лишенное значенія для пониманія Лизы: Лиза молчалива и сосредоточена, не экспансивна, но она не—«дичокъ».

нести убѣжденіе въ томъ, что въ характерѣ Лизы, этой кроткой, женственно-нѣжной натуры, скрывается особое душевное начало, стойкое и неуклонное, какъ логика, неумолимое, какъ религіозный кодексъ, бесповоротное, какъ категорический императивъ нравственнаго.

Минуя главу XXV, заключающую въ себѣ несравненный эпизодъ о несравненномъ Михалевичѣ, переходимъ къ слѣдующей главѣ XXVI-й, гдѣ образъ Лизы, наконецъ, дорисовывается и выступаетъ въ полномъ обаяніи всѣхъ чаръ своей глубокой несравненности, своей умной наивности.

Марья Дмитріевна съ дочерьми—въ гостяхъ у Лаврецкаго, въ деревнѣ. Лаврецкій и Лиза на плотинѣ—чудный сюжетъ для художника-живописца. «Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на заткнутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка,—и думалъ: о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!»—Въ разговорѣ съ Лаврецкимъ опять обнаруживается—мимоходомъ, словно невзначай—то религіозное начало въ Лизѣ, о которомъ мы только-что говорили. Здѣсь находятся знаменитыя слова Лизы, что «христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть». Тутъ-же мы узнаемъ, что Лиза часто думаетъ о смерти. Наконецъ, замѣчаніе въ концѣ главы объ умѣ Лизы и ея наивный отвѣтъ: «Право? А я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, своихъ словъ нѣтъ».—окончательно возсоздаютъ въ нашемъ воображеніи подлинный образъ Лизы. Съ этого момента мы и Лаврецкій ее знаемъ.

II.

Отношения Лизы и Лаврецкаго, какъ они до сихъ поръ сложились, были отношеніями взаимнаго довѣрія и дружбы, нѣсколько осложненной все возраставшимъ интересомъ другъ къ другу. Лаврецкій видѣлъ въ Лизѣ натуру не совсѣмъ обыкновенную, и Лиза отличала Лаврецкаго отъ другихъ мужчинъ. Завязывались тѣ душевныя связи, изъ которыхъ современемъ могло развиться болѣе живое и страстное чувство. Это развитіе было значительно ускорено неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти жены Лаврецкаго (гл. XXVII). Оттуда—рѣзкая перемѣна въ настроеніи нашего героя. Извѣстіе поразило его, взволновало, выбило изъ коленъ и, главное,—обрадовало. Онъ почуялъ свободу и возможность новой любви и счастья. Но какъ отразилось это извѣстіе на Лизѣ? Это мы узнаемъ изъ главы XXIX-й, гдѣ въ длинномъ разговорѣ Лаврецкаго съ Лизой на тему о предполагаемой покойницѣ, о «прощеніи», о счастьи, о Паншинѣ—ярко обрисовывается натура Лизы вообще и ея душевное состояніе въ данную минуту. Прелюдію къ этому—очень важному въ структурѣ всего романа—мыслу служатъ слѣдующія строки въ концѣ предыдущей XXVIII-й главы: «Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ;

Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. *Она прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ...* Вотъ именно въ разговорѣ главы XXIX-й Лизою явно руководить желаніе выяснить свои *недоумѣнія* и высказать Лаврецкому тотъ *упрекъ*, который онъ наканунѣ прочелъ на ея лицѣ. Оттуда, такъ сказать, активная роль Лизы въ этой бесѣдѣ. *Она* ведетъ разговоръ, *она* задаетъ вопросы и требуетъ отвѣтовъ, *она* допрашиваетъ и почти обвиняетъ Лаврецкаго. Уже раньше она догадывалась, что неожиданное извѣстіе *обрадовало* Лаврецкаго, что въ глубинѣ души онъ ликуетъ по случаю смерти жены,—и вотъ эта-то догадка и повергаетъ ее въ недоумѣніе. Она не можетъ согласовать несомнѣнной для нея грѣховности и жестокости такого чувства съ сложившимся уже у нея представлениемъ о Лаврецкомъ, какъ о человѣкѣ нравственно-чистомъ, сердечномъ, добромъ. «Скажите, допрашиваетъ она:—вы не огорчены? Нисколько?»—«Я самъ не знаю, что я чувствую», уклончиво отвѣчаетъ подсудимый.—«Но вѣдь вы ее любили прежде?—Любиль.—Очень?—Очень.—И не огорчены ея смертью?—Она не теперь для меня умерла»,—опять уклончивый отвѣтъ, послѣ которого слѣдуетъ вердиктъ: «Это грѣшно, что вы говорите... Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее? А ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано». Недоумѣніе Лизы отчасти разъяснено, упрекъ высказанъ, но она все еще не удовлетворена. Лаврецкій оказывается ниже ея идеала. Онъ грѣшникъ. Теперь ему слѣдуетъ не радоваться, не ликовать, а каяться и молить Бога о прощеніи. Лиза это и высказываетъ ему: за вердиктомъ слѣдуетъ эпилогія.

До сихъ поръ, задавая вопросы, требуя отвѣта, выражая свои упреки, Лиза сохраняетъ самообладаніе и спокойствіе духа. Она смѣло высказываетъ свои мысли и, основываясь на правахъ дружбы, исходя изъ живого сочувствія къ положенію Лаврецкаго, не боится даже затрагивать очень щекотливые пункты (напр. о будущности дочерей, которую Лаврецкій не признаетъ своею). Это спокойствіе Лизы очевидно, обусловлено тѣмъ, что она еще не влюблена въ Лаврецкаго и даже не знаетъ о томъ чувствѣ, которое она уже внушила ему. Какъ только она узнаетъ это, или по крайней мѣрѣ начнетъ подозрѣвать,—покой ея души, ясность ея мысли будутъ нарушены. Вотъ это-то и случилось тутъ-же, въ теченіе разговора, который мы анализируемъ, когда Лаврецкій сказалъ, что онъ былъ-бы, вѣроятно, болѣе огорченъ смертью жены, еслибы получилось это извѣстіе двумя недѣлями раньше. «Двумя недѣлями?»—възвѣшила Лиза.—«Да что-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?—Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.— Да, да, вы угадали,—подхватилъ внезапно Лаврецкій:—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значитъ чистая женская душа, и мое про-

шедшее еще больше отъ меня отодвигнулось». Затѣмъ слѣдуютъ признаніе относительно ея чувствъ къ Панишину и горячія рѣчи Лаврецкаго, убѣждающаго Лизу не выходить замужъ безъ любви, въ особенности—за Панишина, который недостоинъ ея. Вотъ тутъ-то Лиза и догадывается, что она, помимо воли, зажгла въ Лаврецкомъ чувство болѣе страстное, чѣмъ дружба. Это открытие дѣйствуетъ на нее потрясающимъ образомъ—тѣмъ болѣе, что и въ себѣ она сознаетъ возможность возникновенія такого-же чувства къ Лаврецкому. Въ перспективѣ ей открывается неизбѣжность роковой коллизіи между влечениемъ сердца и ея религіозными убѣждѣніями. И вотъ почему на слова Лаврецкаго «не правда-ли, вы обѣщаете мнѣ не спѣшить (замужествомъ)»,—«она ни слова не вымолвила—не оттого, что она рѣшилась «спѣшить», но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе». Этимъ и заканчивается глава XXIX-я, представляющая собою, какъ видно изъ вышеисказанного, поворотный пунктъ въ развитіи романа и въ особенности въ душевной исторіи Лизы. «Дворянское гнѣздо», можно сказать, дѣлится на двѣ части: первая, изображающая Лизу въ состояніи душевной ясности и уравновѣщенности, заканчивается главой XXIX-й, и отъ нея начинается вторая часть, рисующая полную глубокаго трагизма коллизію въ душѣ Лизы, когда ея внутренний миръ былъ нарушенъ *любовью*, и тѣмъ громче, тѣмъ настойчивѣе заговорили ея религіозныя и нравственные стремленія.

Постепенное развитіе этой коллизіи очерчено намеками, — въ главѣ XXX-й бѣглымъ, какъ-бы подавленнымъ разговоромъ (у фортепіано), въ главѣ XXXI-й—сценой въ церкви, где между прочимъ видно, что Лаврецкій отчасти подчинился религіозному вліянію Лизы: «Онъ взглянулъ на Лизу... Ты меня сюда привела, подумалъ онъ:—коснись-же меня, коснись моей души». Она все такъ-же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенія...» Намеки главы XXXII-й заключены въ слѣдующемъ разговорѣ: «Вы прочли эту книгу?—спрашиваѣтъ Лаврецкій.—Нѣтъ, мнѣ теперь не до книгъ,—отвѣчала она и хотѣла уйти.—Постойте на минуту; я съ вами давно не была наединѣ. Вы словно боитесь меня.—Да.—Отчего-же, помилуйте?—Не знаю...—Скажите, вы еще не рѣшились?—Что вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.—Вы понимаете меня.—Лиза вдругъ всхихнула.—Не сирашивайте меня ни о чѣмъ, произнесла она съ живостью:—я ничего не знаю, я сима себя не знаю... И она тотчасъ-же удалилась.—Въ сценѣ у Калитиныхъ, послѣ молебствія (конецъ той-же главы), «Лаврецкій подѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее... Онъ чувствовалъ: чтѣ-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ».

Таковы симптомы глухой борьбы, происходившей въ душѣ Лизы. Она

уже знала, что она ее любить, и считала это несчастьемъ и грѣхомъ; она уже начинала сознавать и въ себѣ зарожденіе любви къ нему, и это чувство казалось ей чѣмъ-то въ родѣ паденія, преступленія, святотатственнаго нарушенія завѣтовъ религіи и нравственности. Но въ тоже время она не могла не знать, что это чувство по-своему чисто и свято, что въ немъ нѣтъ ничего грязнаго, ничего грѣховнаго. Манящая прелесть зарождающагося чувства, чарующая поэзія первой любви уже овладѣвали душою Лизы,—и не знала она, какъ сладить съ этимъ обаяніемъ, какъ вырвать это чувство, — да и въ самомъ ли дѣлѣ такъ уже необходимо вырывать его? А что—если оно ниспослано свыше? Но для чего: для искушенія, для испытанія, или для счастья, для радостей земныхъ? Какъ решить этотъ вопросъ, гдѣ найти отвѣтъ? Для Лизы ясно: нужно обратиться къ Богу, нужно молиться Ему: Онъ укажетъ. — Она любила и молилась.

Любовь, осложненная молитвою,—это совсѣмъ особая любовь, къ которой способны только такія натуры, какъ Лиза, — любовь, въ которой замѣшано третье лицо—Божество. Это лицо—не равнодушный зритель, не холодный созерцатель. Оно принимаетъ живое участіе въ душевной коллизіи героини и можетъ позволить и воспретить, поощрить и покарать. Оно позволило въ главѣ XXXII-ой Лаврецкому разбить Панинина въ словесномъ турнирѣ «по всѣмъ пунктамъ» и дало Лизѣ почувствовать, что «оба они (Лиза и Лаврецкій) и любять, и не любять одно и то-же» (гл. XXXIV). По окончаніи турнира, они, «словно сговорившись», оба встали и помѣстились возлѣ Мароны Тимофеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ,—и въ то-же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе...» Глава (XXXIII) оканчивается «картиною»: «Все затихло въ комнатѣ, слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей... да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣснь соловья». — Затѣмъ идеть удивительное, въ поэтическомъ отношеніи, изображеніе — въ главѣ XXXIV-ой—апоѳеоза любви Лаврецкаго и Лизы. «Они спѣли возлѣ Мароны Тимофеевны и, казалось, спѣдили за ея игрой (въ карты)... а между тѣмъ у каждого изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣть соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ — и радовался; но слово не выражитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, напиваются и зреѣтъ зерно въ лонѣ земли».

Для надлежащей оцѣнки художественного образа Лизы, необходимо вникнуть въ настоящій смыслъ этихъ строкъ.

III.

Эти поэтическія строки отиудь не должны быть рассматриваемы, какъ одна изъ столь обычныхъ въ пѣящной литературѣ стилистическихъ прикрасъ въ описаніяхъ любви, — какъ родъ общаго мѣста, которое легко могло бы быть перенесено изъ одного романа въ другой и вездѣ было бы кстати.

Сущность разбираемой мысли Тургенева сводится къ указанію на таинственность, на мистичность зарожденія любви въ душѣ Лизы. Дѣло идеть специально о Лизѣ, какъ художественномъ типѣ. т. е., во-первыхъ, обѣ индивидуальной Лизѣ, геронинѣ «Дворянскаго Гнѣзда», и во-вторыхъ обо всѣхъ тѣхъ женскихъ натурахъ, которая ей сродни, которыхъ обобщеніемъ или представителемъ служить образъ, созданный Тургеневымъ. Не всякая любовь, женская или мужская, таинственна, не всегда ея зарожденіе мистично. Душевное состояніе, его выражавшее, зачастую можетъ быть съ большею или менышею точностью опредѣлено и выражено словами или художественными образами. Вотъ напр. соотвѣтственное душевное состояніе Лаврецкаго вполнѣ опредѣлимо. Но не таково зарожденіе любви у Лизы: у нея оно дѣйствительно загадочно.—первые всходы ея чувства такъ своеобразны и такъ глубоко скрыты въ тончайшихъ извилинахъ ея чистой и высокой души, что этотъ процессъ, въ ней проходящій, остается тайной для нея самой, и слово человѣческое, даже слово великаго художника, не найти для него другого опредѣленія, кромѣ отрицательнаго, «агностического». — Такова мысль Тургенева.

Посмотримъ, справедлива ли она.

Вообще говоря, любовь, т. е. состояніе влюбленности, не принадлежитъ къ числу наиболѣе загадочныхъ или таинственныхъ явленій психіи. Она представляется мистично развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мистично все на свѣтѣ: и матерія, и спирь, и законы природы, и міръ психической, и весь космосъ. Но оставляя въ сторонѣ эту общую всему существу мистичность, мы скажемъ, что въ сферѣ психической есть рядъ явленій, во многихъ отношеніяхъ несравненно болѣе таинственныхъ, чѣмъ любовь. Это именно — явленія отвлеченнай мысли, загадочность которой обусловлена, между прочимъ, тѣмъ, что она — высшее, послѣднее въ эволюціонной цѣпи проявленіе психіи, уже очень далеко отошедшее отъ тѣхъ простѣйшихъ душевныхъ явленій, изъ которыхъ оно развилось. Вотъ именно эта удаленность, вмѣстѣ съ трудностью, иногда невозможностью уловить посредствующія звенья, и придаетъ явленію отпечатокъ относительной «мистичности». Самый процессъ зарожденія мысли, возникновенія понятій, созданія идей, по своей сложности, быстротѣ и кажущейся самопроизвольности, наконецъ, по своей сокровенности и недоступности для изслѣдованія — этотъ процессъ дѣйствительно исполненъ глубокой тайны, и къ нему-то скорѣе.

чѣмъ къ любви, можно примѣнить тургеневскую метафору: «никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и процвѣтанію, наливается и зреетъ зерно въ лонѣ земли». Наконецъ, значительная доля мыслительныхъ процессовъ скрывается въ сферѣ безсознательной: она «остается тайною» для самого субъекта, и поэтому—«слово не выразить того, что происходитъ» въ немъ.

Иное дѣло — любовь. Правда, и она уже далеко отошла отъ своего первоисточника (полового влечения), но все-таки этотъ послѣдній—живъ и такъ или иначе оказывается. Самая возможность возникновенія любви только между мужчиной и женщиной (оставляя въ сторонѣ иѣкоторыя изъятія патологического характера, продукты извращенія) указываетъ намъ на генезисъ этого чувства. Оно есть перерожденное, облагороженное, идеализированное половое влечение. По способу своего выраженія, по симптомамъ своимъ, оно весьма доступно наблюденію и болѣе или менѣе точному діагнозу. Самому субъекту оно открывается съ не меньшей ясностью, чѣмъ другія чувства.

Исходя изъ этихъ соображеній, можно было бы утверждать, что рассматриваемая мысль Тургенева едва-ли подлежитъ оправданію, что она представляетъ собою родъ утрировки. Если вообще любовь не такъ ужъ мистична, то почему любовь Лизы должна быть исключеніемъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ то, что происходило въ душѣ Лизы, такъ таки и оставалось тайною для нея самой? Развѣ такъ ужъ трудно было ей догадаться, что она влюблена? Или, быть можетъ, это чувство зарождающейся любви осложнилось у нея какими-нибудь другими душевными состояніями, и весь процессъ пріобрѣлъ характеръ особливой сложности и запутанности, такъ что въ самомъ дѣлѣ она не въ состояніи была въ немъ разобраться и дать себѣ отчетъ?

А вотъ посмотримъ.

Послѣ той внутренней борьбы, которую пережила Лиза, послѣ всѣхъ недоумѣній и тревогъ душевныхъ, вызванныхъ въ ней переходнымъ состояніемъ отъ дружбы къ любви, послѣ всѣхъ обуревавшихъ ее противорѣчій,—вдругъ разсѣялся туманъ, и яркій лучъ любви осѣніть ея певинную душу,—пришло и для нея, еще не вѣдавшей этихъ радостей, то «чудное мгновеніе», когда человѣкъ чуетъ чарующую близость счастья, когда «ничто для него не пропадаетъ». Было мрачно и противорѣчиво въ душѣ,—теперь въ ней ясно и свѣтло, и нѣтъ противорѣчій, нѣтъ недоумѣній, осуществился могучій подъемъ духа въ какую-то высшую сферу гармоніи, внутренней поэзіи:

И сердце бѣется въ упоеніи,
И дѣй него воскресли вновь
И божество, и вдохновеніе,
И жизнь, и слезы, и любовь...

Для душъ несложныхъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственности, для натуръ заурядныхъ, этотъ переходъ отъ прозы существова-

нія къ поэзіи любви совершается легко, скользя по поверхности души, не превращаясь въ вопросъ, не становясь загадкою. Натуры болѣе глубокія, болѣе вдумчивыя сознательнѣе относятся къ этому душевному процессу, въ нихъ происходитъ, и—перенесенный въ сферу болѣе таинственную, чѣмъ онъ, въ сферу мысли—онъ принимаетъ характеръ сложнаго, болѣе или менѣе загадочнаго явленія, въ которомъ онъ стараются разобраться. Сравнительно несложный вопросъ любви превращается въ многотрудный вопросъ самосознанія. Вспомнимъ Елену, героиню «Наканунѣ», и ея дневникъ. Вообще, чѣмъ глубже натура, тѣмъ и любовь становится глубже, и ея чары кажутся загадочнѣе. Таинственность любви находится въ прямомъ отношеніи къ сложности и значительности душевныхъ задатковъ человѣка. *Въ мистической души Лизы любовь сама становится мистичной.* Переходъ къ той связности или одержимости духа, которая называется любовью, быть у Лизы процессомъ чрезвычайно сложнымъ. Не отъ прозы существованія перешла она къ поэзіи любви. Она и до любви знала иные «чудныя мгновенія»: мистические восторги религіи, чарующую близость къ божеству, сладость молитвы. Не прозою и прозябаніемъ была ея жизнь,—она была исполнена поэзіей религіознаго подъема духа и работою своеобразной мысли (хотя и безъ «своихъ словъ»). Отъ этой—мистической и высокой—поэзіи Лиза и перешла къ поэзіи любви, или, лучше сказать, у нея вторая только присоединилась къ первой. Душа Лизы стала ареною двухъ поэтическихъ процессовъ, которые сперва другъ другу противорѣчили и находились въ отношеніяхъ конфликта, а потомъ слились въ гармоническомъ созвучіи. Долго звучали—властно и нераздѣльно—неземные аккорды религіозныхъ струнъ души.—какъ музыка Лемма, они «касались всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, свѣтлаго», они «дышали безсмертной грустью и уходили умирать въ небеса». Потомъ, въ свой чередъ, рядомъ съ этой рабской пѣснью, зазвучали иные—доополнительные—звуки, сперва робкіе, нерѣшительные, казалось—ноющіе диссонансомъ. Но они росли и крѣпли, и вотъ уже громко поютъ они про любовь, про чистую радость, общеніе съ живою, хотя бы и грѣшною душой человѣческой, и вдругъ переходятъ въ «страстную мелодію, которая вся сіяеть, вся томится вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою».

Тургеневъ правъ: «слово не выражить того, что происходило въ чистой души дѣвушки». Только вдохновенная музыка Лемма могла дать образъ для этой тайны.

И эту музыкальную тайну души Лизы мы чувствуемъ вмѣстѣ съ Лаврецкимъ въ чудной сценѣ объясненія въ любви, когда тихимъ рыданіемъ она отвѣтила на страстное признаніе Лаврецкаго, и ея голова упала къ нему на плечо.—Въ заключительной лаконической фразѣ, которую оканчивается глава,—«и Лиза не спала: она молилась»—слышатся послѣдніе аккорды той-же душевной симфоніи.

IV.

Слѣдующая глава XXXV-ая посвящена воспитанію Лизы и является третьимъ и послѣднімъ отступлениемъ отъ нити разсказа. Это отступленіе какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Не трудно видѣть, что, помѣстивъ его здѣсь, постѣ чудной сцены объясненія въ любви и передѣ изображеніемъ того перелома въ судьбѣ Лаврецкаго и Лизы, который былъ слѣдствиемъ внезапного возвращенія жены Лаврецкаго, Тургеневъ достигъ двойного художественного эффекта. Все предшествующее достаточно познакомило насъ съ Лизою. Мы ее уже хорошо знаемъ,—и тѣ свѣдѣнія о ея дѣтствѣ, ея воспитаніи, которыхъ сообщаются въ главѣ XXXV-ой, помѣщенные гдѣ-нибудь выше, въ одной изъ предшествующихъ главъ, не много-бы прибавляли къ обаянію образа Лизы, и безъ того достаточно сильному. Черты изъ ея дѣтства потонули-бы въ этомъ обаяніи, уже осуществленномъ иными художественными средствами, и проскользнули-бы безъ замѣтнаго слѣда. Можно думать даже, что, при неудачномъ помѣщеніи этихъ чертъ, онѣ произвели-бы эффектъ антихудожественный,—впечатлѣніе ненужныхъ усилий расписать то, что уже и безъ того достаточно хорошо написано. Но, на *своемъ* мѣстѣ, непосредственно вслѣдъ за фразой-картиною «и Лиза не спала: она молилась», черты изъ дѣтской жизни Лизы, образъ Лизы-ребенка, трогательная подробности о пробужденіи въ душѣ дѣвочки религіозныхъ стремленій подъ вліяніемъ Агафы,—все это превосходно гармонируетъ съ *настроениемъ читателя*, созданнымъ предшествующей главою. Читатель, остающійся еще во власти сильныхъ художественныхъ эффектовъ предыдущей главы, читатель въ душѣ котораго еще звучать дивные аккорды музыки Лемма, съ умиленіемъ и любовью останавливается надъ образомъ молящейся Лизы,—и что-то дѣтски-трогательное, что-то младенчески-чистое, невинное, святое наполняетъ его душу. И вотъ тутъ-то, въ этотъ мигъ умиленаго созерцанія, художникъ своимъ эпически-ровнымъ и тихимъ голосомъ начинаетъ рассказывать ему о дѣтскихъ годахъ Лизы,—какой это былъ ребенокъ, какъ ея «глаза свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой», какъ «она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ, какъ она слушала разсказы Агафы о Пречистой Дѣвѣ, о святыхъ угодникахъ, какъ, наконецъ, «образъ Вездѣсущаго. Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ». И читатель съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдить за повѣствованіемъ автора, отнюдь не досадя на перерывъ въ развитіи фабулы. Ему, читателю, уже хорошо знающему Лизу взрослую, чей чудный образъ «съ какой-то сладкой силой уже втесался ему въ душу», теперь-то и интересно, теперь-то и важно познакомиться съ Лизой-ребенкомъ. Узнать, какъ развивалась эта высокая душа, какъ складывалась эта глубокая натура,—является теперь для чи-

тателя своего рода художественной потребностью. И этой потребности художникъ удовлетворилъ вполнѣ. Повѣствуя, какъ росла и воспитывалась Лиза, онъ нечувствительно приводитъ насъ къ началу, къ Лизѣ-взрослой, и дорисовываетъ ея образъ нѣсколькими штрихами, которые, въ воображеніи читателя, вступаютъ въ тѣсную ассоціацію съ данными раньше. Таковы напр. указанія, что у Лизы «не было своихъ словъ, но были ~~свои~~ мысли, и шла она своей дорогой», что «она была очень мила, сама того не зная». Заключительныя строки главы сильныи и отчетливыи аккордомъ завершаютъ эту, своего рода, «композицію»: «вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особынности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь. Такова была Лиза».

Другой художественный эффектъ, достигаемый «отступленіемъ» главы XXXV-ї, это необходимость *отодвинуть на нѣкоторое разстояніе* описание приѣзда жены Лаврецкаго и всего, что оттуда вытекало, отъ главы (XXXIV), изображающей любовь Лаврецкаго и Лизы и иллюзію близкаго счастья. Художникъ долженъ считаться съ читателемъ, съ *его* впечатлѣніями, со смѣною *его* настроеній, вызываемыхъ чтенiemъ произведенія. И чтобы не произвести диссонанса, не нарушить стройности и гармоніи въ развитіи художественнаго процесса въ умѣ читателя, художнику приходится иногда отвлекать вниманіе читателя въ сторону и переводить послѣдняго изъ одного настроенія въ другое не прямо, а черезъ посредство третьаго. Готовясь изобразить новое и рѣзко-противуположное прежнему душевное состояніе героеvъ, т. е. намѣреваясь перевести читателя изъ одного настроенія въ другое, отъ одного порядка мыслей къ другому, художникъ въ избѣженіе слишкомъ рѣзкаго, какъ-бы рѣжущаго ухо перехода, на время занимаетъ читателя вставочнымъ разсказомъ. Такое значеніе, кромѣ вышеуказанного, имѣетъ глава XXXV-я, служа какъ-бы отдыhomъ послѣ сильныхъ ощущеній главы XXXIV-ї, отдыhomъ необходимымъ для художественнаго воспріятія грустныхъ и мрачныхъ мотивовъ послѣдующихъ главъ.—Такимъ образомъ, «отступленіе» о Лизѣ и существу отличается отъ «отступленія» о Лаврецкомъ и его предкахъ (гл. VIII—XVI): послѣднее введено не въ интересахъ художественности, а съ цѣлью сдѣлать фигуру Лаврецкаго вполнѣ понятною и ясною во всѣхъ деталяхъ,—разъяснить ея значеніе, какъ культурнаго типа, олицетворяющаго собою одинъ изъ моментовъ въ развитіи русскаго общества.

Слѣдующія за разсмотрѣннымъ отступленіемъ о прошломъ Лизы, главы XXXVI-я и XXXVII-я, рассказываютъ о приѣздѣ жены Лаврецкаго и воспроизводятъ вызванную этимъ приѣздомъ перемѣну въ душевномъ состояніи Лаврецкаго. Лизу мы встрѣчаемъ въ главѣ XXXVIII-ї, гдѣ она отказываетъ Нанинну, вслѣдствіе чего на нее сыплются упреки матери; здѣсь же помѣщены и любопытныи разговоры съ Мароей Тимофеевной, узнавшей о ночномъ свиданіи Лизы съ Лаврецкимъ. Въ раз-

говорѣ обрисовывается честная и прямая натура Лизы, а въ заключительныхъ строкахъ главы указанъ характеръ ея любви: «Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнійній, ни страха въ ней не было,—и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцѣлую—она уже колебаться не могла; она знала, что любить—и полюбила честно, не шутя, привыкалась крѣпко, на всю жизнь — и не боялась угрозъ; она чувствовала, что насилию не расторгнуть этой связи».

Эти слова, какъ и вся сцена съ Мареою Тимоѳеевной, очень важны. Они являются отвѣтомъ на естественный вопросъ читателя: какъ-же рѣшила Лиза—послѣ той молитвы, за которую читатель послѣдній разъ видѣлъ ее? Какъ относится она сама къ своей любви?—Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе независимости, самостоятельности характера Лизы. Кроткая, любящая, деликатная, она, однако же, всегда остается непреклонною въ своихъ рѣшеніяхъ.

Душевное состояніе Лизы, изображенное въ этой главѣ, имѣеть существенное значеніе для пониманія дальнѣйшаго, являясь исходнымъ пунктомъ, первымъ звеномъ, въ ряду послѣдующихъ душевыхъ моментовъ, завершившихся рѣшеніемъ уйти въ монастырь.

Послѣ внутренней борьбы, вызванной въ Лизѣ возникновенiemъ любви къ Лаврецкому, наступилъ, какъ мы видѣли, моментъ душевной тишины, моментъ тихой радости и счастія, когда противорѣчія положенія казались устранимыми, и вопросъ жизни былъ рѣшенъ. Но это уравновѣщенное состояніе духа должно было вскорѣ смѣниться новыми душевными тревогами и страданіями. Прежде всего радость любви была омрачена неизбѣжнымъ объясненіемъ съ Паншинымъ. Для Лизы съ ея «сердцемъ добрымъ и кроткимъ», ея «боязнию оскорбить кого-бы то ни было»—это объясненіе было дѣломъ нелегкимъ. Она должна была «собраться съ духомъ»—прежде чѣмъ объявить Паншину свое рѣшеніе. Ужъ одно это должно было нарушить миръ ея души. За этой каплей горечи послѣдовало объясненіе съ матерью, безсмысленные упреки которой («за что ты меня убила? Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ?» и т. д.) произвели на Лизу впечатлѣніе очень тягостное. «Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала». Это шель на нее войною самый близкій ей человѣкъ—Мареа Тимоѳеевна. Грубый допросъ расходившейся старушки подействовалъ на Лизу удручающимъ образомъ. Съ свойственной ей прямотою она признается, что любить Лаврецкаго,—и это признаніе повергаетъ Мареа Тимоѳеевну въ настоящій ужасъ: старушка еще не знала о предполагаемой смерти жены Лаврецкаго. Узнавъ объ этомъ отъ Лизы, Мареа Тимоѳеевна немнго успокоилась, но изъ ея словъ видно, что она всетаки не одобряетъ чувства Лизы. «Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ?...»—Какъ ни была

привязана Лиза къ теткѣ, какъ ни интимны были ихъ отношения, но этотъ разговоръ не могъ не произвести на чуткую душу девушки самаго удручающаго впечатлѣнія. «Не веселостью сказывалась ей любовь. Въ ея сердцѣ едва только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны». Глава заканчивается вышеприведеннымъ указаніемъ на крѣпость и серьезность любви Лизы къ Лаврецкому и на непоколебимость ея рѣшенія связать свою жизнь съ жизнью любимаго человѣка.

То угнетенное состояніе духа и то горькое чувство незаслуженной обиды, которая испытывала Лиза, очень скоро смѣнились гораздо болѣе сильнымъ душевнымъ потрясеніемъ: они перешли въ тотъ нѣмой ужасъ, который былъ слѣдствіемъ нежданного возвращенія жены Лаврецкаго. Глава XXXIX-я, рассказывающая о визитѣ Варвары Павловны Колитиной, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ это новое душевное состояніе Лизы. Она «похолодѣла отъ ужаса», когда прочла записку Лаврецкаго, сообщавшую ей неожиданную вѣсть. На религіозную, на мистическую душу Лизы это извѣстіе должно было подействовать ошеломляющимъ образомъ. Сразу, однимъ ударомъ, недавнее, еще вчерашинее, счастье сегодня превращалось въ несчастье; радость любви, наполнявшая сердце Лизы, вдругъ стала горестью обманутыхъ надеждъ; самыя надежды уже казались преступными; невинное признаніе и чистый поцѣлуй—чуть ни паденіемъ. Все разомъ измѣнилось, передвинулось, перетасовалось, явилось въ противоположномъ свѣтѣ. «Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. По дѣломъ!—говорила она сама себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы». Эти послѣднія строки, а также и указаніе на чувство отвращенія, возбужденное въ Лизѣ Варварой Павловной при первой ихъ встречѣ,—даютъ намъ понять, что въ дальнѣйшемъ развитіи душевной драмы Лизы, на ряду съ горечью, причиненною ходомъ вещей и отношеніемъ къ Лизѣ другихъ лицъ, важная роль будетъ принадлежать еще и другой горечи, именно той, которую ощущала Лиза—находя или предполагая въ себѣ дурныя чувства, озлобленіе, злые порывы. Для нея это было нѣчто въ родѣ душевной самоотравы, и противоядіе она могла найти только въ религіозномъ самоотреченіи. Эта сторона имѣеть такимъ образомъ существенное значеніе для дальнѣйшей исторіи Лизы. Вытекающія отсюда или съ этимъ связанныя мысли и чувства, уже заранѣе какъ-бы предрекающія судьбу Лизы, намѣчены уже въ этой главѣ XXXIX-ой—въ описаніи первой встречи Лизы съ Варварой Павловной.

Глава заканчивается трогательной сценой-картиною: Мароа Тимофеевна, болѣя душою за Лизу и въ порывѣ раскаянія во вчерашиней вспышкѣ, цѣлуетъ руки Лизы... «и Марфа Тимофеевна не могла нацѣловаться этихъ блѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ—и безмолвныя

слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матрося мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой,—и въ соседней комнатѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ носовымъ платкомъ».

V.

Съ извѣстной точки зрѣнія, можно сожалѣть, что Тургеневъ не поддался весьма понятному искушенію—вывестіи, такъ сказать, наружу эту тяжелую драму, развертывающуюся въ душѣ Лизы. Ему-бы ничего не стоило—на нѣсколькихъ страницахъ подвергнуть эту душевный процессъ тонкому психологическому анализу, перебрать одно за другимъ всѣ терзанія Лизы, раскрыть всю глубину ея потрясенной души и затѣмъ логически вывести оттуда ея рѣшеніе постричься. Тургеневъ не сдѣлалъ этого, т. е. не далъ намъ такого рода «объяснительной подписи» къ рисунку. Онъ намъ далъ только одинъ рисунокъ. Но съ другой точки зрѣнія, находя, что на этомъ рисункѣ душевная драма Лизы изображена удивительно мѣтко и тонко, можно, пожалуй, утверждать, что психологический анализъ былъ бы излишней роскошью. Въ главѣ XL-ой, гдѣ на первомъ планѣ фигурируетъ Варвара Павловна, привлекая къ себѣ все вниманіе читателя, Лиза только молчаливо присутствуетъ, но читатель отлично понимаетъ все, что происходитъ въ эту минуту въ ея душѣ. Онъ понимаетъ это не только потому, что подготовленъ къ этому всѣмъ предшествующимъ, но также—благодаря самой Варварѣ Павловнѣ. Изящная пустота и всѣ блестящія качества бездушной львицы, ярко освѣщенныя въ этой главѣ, могли ослѣпить глаза Марьѣ Дмитріевнѣ, Гедеоновскому да Панину, но не читателю, который все время смотрѣть на парижскую диву глазами автора и съ точки зрѣнія Лизы. Если для Панина, захваченаго кокетствомъ Варвары Павловны, «Лиза, та самая Лиза, которую онъ все-таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку, исчезла какъ-бы въ туманѣ», то для читателя, напротивъ, она въ этой главѣ выступаетъ изъ тумана и обрисовывается тѣмъ ярче, тѣмъ симпатичнѣе и трогательнѣе, чѣмъ развязнѣе держитъ себя Варвара Павловна, чѣмъ «изящнѣе» она ломается, чѣмъ пуще кокетничаетъ и интригуетъ. Читатель ясно видѣть, что происходитъ въ душѣ Лизы при зрѣлищѣ этой игры, этого издѣвательства надъ другими. Тургеневъ, заставивъ самого читателя сдѣлать—про себя—психологический анализъ душевного состоянія Лизы въ данный моментъ, имѣлъ полное право ограничиться коротенькой фразой, которую оканчивается глава и вмѣстѣ подводится итогъ анализу, сдѣланному читателемъ: «Марфа Тимофеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы».

Такимъ образомъ читатель, и безъ указки автора, достаточно подготовленъ къ пониманію настоящаго смысла послѣдняго объясненія Лизы

сь Лаврецкимъ въ главѣ XLII-ой. При нѣкоторой вѣдущности не трудно представить себѣ душевное состояніе и ходъ сокровенныхъ мыслей Лизы, когда она настаиваетъ, чтобы Лаврецкій примирился съ женой, когда она говоритъ, что «счастье зависить не отъ насъ, а отъ Бога». Все, что накипѣло и перегорѣло въ душѣ Лизы и, наконецъ, кристаллизировалось въ одно властное и высокое стремленіе,—чувствуется въ ея послѣднихъ словахъ, сказанныхъ въ отвѣтъ на мольбу Лаврецкаго дать ей руку на прощеніе. «Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ...—Нѣть, промолвила она и отвернулась назадъ уже протянутую руку:—нѣть. Лаврецкій, не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ, прибавила она съ усилиемъ; но нѣть... нѣть...»

О рѣшеніи Лизы уйти въ монастырь Лаврецкій и, пожалуй, читатель въ этой сценѣ еще не догадываются, но что Лиза остановилась на какой-то мысли, что она пришла къ какому-то безповоротному опредѣленію своей судьбы,—объ этомъ читатель заключаетъ на основаніи того тона, въ которомъ ведется ею весь разговоръ. Лиза сразу-же подымается вопросъ о *долгѣ*. «Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ», говорить она. Долгъ Лаврецкаго, по ея глубокому убѣждѣнію, состоится въ томъ, чтобы примириться съ женой. И она это высказываетъ ему—не какъ просьбу или совѣтъ, а какъ требованіе, и въ ея словахъ мы опять слышимъ знакомую намъ ноту непреклонной, неумолимой религіозной убѣжденности: «Вы, Федоръ Иванычъ, должны примириться съ вашей женой», категорически заявляетъ она. На вопросъ Лаврецкаго: въ чемъ же *ея* долгъ состоять? она глухо отвѣчаетъ: «про это я знаю».

Намеки на новый оборотъ ея мыслей, на то, что нѣчто важное и смѣлое созрѣло въ ея умѣ, что она выходитъ на какой-то новый путь, даны также въ сценѣ послѣдняго ея свиданія съ Лаврецкимъ въ главѣ XLIV-ой. «Федоръ Иванычъ, говоритъ она, вотъ вы теперь пидете возлѣ меня... А ужъ вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а...»—«Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій: что вы хотите сказать?»—«Вы услышите, можетъ быть...»

Въ XLV-й (и послѣдней) главѣ Лиза, въ чудной и трогательной сценѣ съ Мароой Тимофеевной, объявляетъ теткѣ свое рѣшеніе—посвятить себя Богу и, незвѣрая на отчаяніе бѣдной старушки, на ея слезы и мольбы, остается непреклонной. Читатель помнитъ, конечно, какъ приняла это извѣстіе Мароа Тимофеевна, какъ она всполошилась, какъ умоляла Лизу не ити въ монастырь. Въ этомъ переполохѣ доброй и умной старушки сквозитъ натура—не только Мароы Тимофеевны, но и Лизы: ея строгая послѣдовательность, ея сильная воля, ея глубокая религіозная душа. Старушка отлично знаетъ эту черту, — оттого-то такъ и испугалась, такъ переполошилась она. «Лиза утыкала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной».

Она осталась непреклонной,—потому что иное, высшее призваніе влекло ее прочь отъ жизни, а жизнь, послѣ пережитыхъ душевныхъ испытаній, обез-

цвѣтилась въ ея глазахъ, обезцѣнилась и утратила всю заманчивость, всю прелестъ своихъ искушений. Лиза почувствовала и поняла, что, кромѣ пустоты, горечи и обиды, жизнь ничего ей не дастъ. «Счастье ко мнѣ не шло,—говорить она,—даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило». И воть теперь, послѣ всего, что она испытала, послѣ того, какъ она убѣдилась въ нравственной невозможности счастья съ любимымъ человѣкомъ,—ея духовныя очи широко раскрылись и увидѣли міръ жизни и человѣка въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ являлись они древнимъ христіанскимъ подвижникамъ. Всѣ ипти, привязывавшія ее къ жизни, вдругъ оборвались,—но тѣмъ громче заговорили религіозныя стремленія ся души, и нѣкій тайный, но властный голосъ призывалъ ее къ подвигу отреченія, къ тихому счастью религіозныхъ созерцаній, къ жизни, превращенной въ одну сплошную молитву, къ блаженству умиrottворенного состоянія духа и покоя совѣсти.

Трудно намъ, людямъ жизни, людямъ, органически привязаннымъ къ ея текущимъ впечатлѣніямъ, вполнѣ понять душевное состояніе Лизы. Насъ жизнь манитъ, мы отаемся ея теченью, мы не можемъ сбросить съ себя иго ея обаянія, и для насъ одной капли воображаемаго счастья достаточно, чтобы скрасить существованіе, полное самой реальной горечи и невзгодъ. Для насъ имѣть огромную цѣнность самый фактъ—нахожденія здѣсь, среди людей, въ обычной обстановкѣ, срѣди текущихъ заботъ и стремленій, въ уютѣ и теплотѣ привычной прозы. Хотя эту прозу мы подчасъ и клянемъ, но мы ее любимъ,—мы срослись съ нею всѣми фибрами души,—она-же нисколько не мѣшаетъ намъ искать и получать или воображать, что получаемъ, свою долю поэзіи жизни. Сидя въ болотѣ, можно смотрѣть на солнце и любоваться голубой далью небесъ.

И оттого-то душа Лизы — какъ-бы хорошо ни изобразилъ ее художникъ—все-таки остается для насъ загадочной и даже чуждой. Умомъ, пожалуй, мы постигнемъ ея глубину, но воплощенный въ ней идеаль представляется намъ слишкомъ далекимъ, слишкомъ высокимъ; намъ кажется, что отъ него вѣеть холодомъ отчужденности ото всего, что мы любимъ, чѣмъ дорожимъ, чѣмъ живемъ, отъ насъ самихъ и всего нашего существованія,—и мы не чувствуемъ себя съ силахъ согрѣть его тепломъ сердечного къ нему отношенія. Этимъ тепломъ мы согрѣемъ другой идеаль—женщины, которая, удаляясь отъ жизни, могла бы сказать о себѣ:

Я на землѣ свершила все земное,
Я на землѣ любила и жила!

И, по-своему, мы правы: Лиза въ самомъ дѣлѣ слишкомъ мало жила и слишкомъ мало земного свершила на землѣ. Едва успѣвъ пожить среди насъ, не пройдя и сотой доли тѣхъ испытаній, искушений, тревогъ и обидъ, чрезъ которыхъ все мы проходимъ, она, послѣ первой-же коллизіи, бросила насъ и ушла замаливать «свои грѣхи», которыхъ не было, и наши, которыхъ слишкомъ много, чтобы она могла ихъ замолить. Такъ

ужъ мы созданы: пусть намъ покажутъ идеальное, святое гдѣ-нибудь въ дали, въ небесахъ, на недосягаемой высотѣ,—мы будемъ имъ любоваться или восхищаться, мы преклонимся передъ имъ, но—останемся холодны. Но пусть оно снизойдетъ къ намъ, въ нашу грѣшную и мелкую жизнь,—и мы его полюбимъ горячо и искренне—такъ, какъ будто бы оно въ самомъ дѣлѣ—наше, кровное, земное. На этомъ, между прочимъ, основана чарующая прелестъ Евангелия: Христосъ среди людей, въ средѣ грѣшниковъ и грѣшницъ, Богъ-человѣкъ, обѣдающій у мытаря, прощающій блудницу, благословляющій дѣтей,—вотъ гдѣ тайна обаянія священной книги христіанства.

VI.

Обращаясь къ Лизѣ, мы скажемъ, что источникъ нашей (относительной, конечно) холодности къ ней и ея отчужденности отъ насъ коренится не столько въ ней самой, какъ натурѣ, сколько въ томъ художественномъ способѣ воспроизведенія, которымъ былъ созданъ ея поэтический образъ. Показавъ это, мы подведемъ итоги всему вышесказанному и вмѣстѣ съ тѣмъ раскроемъ оборотную сторону художественного дарованія Тургенева. Выше мы уже упомянули, что въ творчествѣ Тургенева почти нѣть, или очень мало такъ называемаго «психологического анализа». Художникъ рисуетъ, а анализировать предоставляетъ читателю,—но рисуетъ такъ, что анализъ, частью сознательно производимый читателемъ, частью же самъ собой возникающій въ его головѣ, оказывается именно такимъ, какого хотѣлъ авторъ. При этомъ, разумѣется, необходимо, чтобы читатель былъ на высотѣ своего читательского призванія. Иной неподготовленный или предвзято-настроенный читатель, пожалуй, произведетъ такой «анализъ», что художникъ можетъ прійти только въ ужасъ. Въ задачу художественной критики, между прочимъ, и входитъ обязанность помочь читателю въ этомъ дѣлѣ. Для этого прежде всего необходимо раскрыть и освѣтить тотъ порядокъ идей, который апперцептируется образами, созданными художникомъ. По отношенію къ образу Лизы мы это и сдѣлали, въ мѣру нашихъ силъ и разумѣнія, въ предыдущемъ (VIII-мъ) очеркѣ. Само собою разумѣется, такая помошь со стороны критика нужна читателю только въ тѣхъ случаяхъ, когда даны образы сложные, болѣе или менѣе отвлеченные, въ которыхъ воплощены черты, выходящія за предѣлы непосредственнаго наблюденія,—душевные процессы, мало знакомые большинству читающей публики. Къ числу такихъ и принадлежитъ образъ Лизы. Само собой разумѣется, раскрытие и объясненіе порядка идей, апперцептируемаго образомъ, должно быть обосновано на психологическомъ анализѣ тѣхъ душевныхъ явлений и процессовъ, которые въ этомъ образѣ представлены. Вотъ именно, если этого анализа самъ художникъ не даетъ намъ, то задача и читателя, и критика становится вдвоеѣ сложнѣе и труднѣе. Отсутствіе психологического

изслѣдованія у Тургенева и составляетъ ту «оборотную сторону» въ его творчествѣ, которую теперь я имѣю въ виду.

По отношенію къ Лизѣ художникъ,—такъ можно думать,—долженъ быль-бы не поскупиться на психологической анализѣ; не довѣряя цѣликомъ этого дѣла читателю и не полагаясь на критиковъ, онъ долженъ быль-бы въ иѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ углубиться въ разборъ сокровенныхъ пружинъ души Лизы, раскрыть игру ея тайныхъ—и таинственныхъ—душевныхъ движений. Къ рисунку авторъ долженъ быль-бы присоединить кое-гдѣ тѣ «пояснительныя замѣчанія», дать тѣ объясненія смысла проводимыхъ имъ чертъ, накладываемыхъ имъ красокъ,—которыя обыкновенно и отливаются въ форму «психологическаго анализа». Этого-то Тургеневъ и не даѣтъ напись. Въ Лизѣ онъ скучъ на анализѣ, на поясненія больше, чѣмъ гдѣ-либо. Въ смыслѣ мастерства, смѣлости, увѣренности, ловкости и силы въ преодолѣніи трудностей,—образъ Лизы отъ этого только выигрываетъ: это одно изъ самыхъ совершенныхъ созданій искусства. Но въ смыслѣ доступности образа пониманію читателя, въ смыслѣ его близости уму и сердцу послѣдняго, онъ несомнѣнно «теряетъ». Эту «потерю» нужно понимать, конечно, условно: возможна и такая точка зрения, съ которой она представляется даже выигрышемъ. Пояснимъ это на одномъ примѣрѣ.

Въ послѣдней главѣ знаменитое объясненіе съ Мароой Тимофеевной ведется слѣдующимъ образомъ:

Старушка, войдя къ Лизѣ и заставъ ее на колѣньяхъ передъ распятіемъ, замѣчаетъ: «А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку». Это нечаянно-оброненное выраженіе (келейка) какъ разъ попадаетъ въ тонъ сокровенныхъ мыслей Лизы, оно даже представляется ей какъ-бы невольнымъ предсказаніемъ. «Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку. — Какое вы это произнесли слово! прощентала она». Здѣсь авторъ уполномочиваетъ читателя къ большой самодѣятельности, требуя, чтобы, на основаніи предшествующихъ намековъ и этихъ строкъ, онъ живо представилъ себѣ Лизу, погруженную въ решеніе вопроса всей жизни,—вопроса о постриженії. Сколько разнообразныхъ чувствъ, сколько мыслей, и горькихъ и радостныхъ, должно было столпиться въ ея душѣ! Любовь и разлука, мысленное прощеніе съ родными, мысли о предстоящемъ суровомъ подвигѣ, горячая вѣра, молитва и слезы — весь этотъ душевный процессъ, сложный и темный, долженъ быть возсозданъ воображеніемъ читателя—почти такъ, какъ будто-бы въ его распоряженіи было не словесное, а живописное или скульптурное произведеніе искусства, картина или статуя, изображающая Лизу въ тотъ моментъ, когда она уже окончательно остановилась на решеніи постричься.

Читая дальше и слыша, какъ Мароа Тимофеевна все уговариваетъ Лизу «утѣшиться», успокоиться, потерпѣть, «не поддаваться», читатель убѣждается, что старушка всѣ терзанія Лизы приписывается ея любви къ Лаврецкому и что, стало быть, важнѣйшая часть душевнаго состоянія

дѣвушки въ данный моментъ — для нея тайна. Но то, что еще тайна для Мароы Тимоющевны, не должно быть тайной для читателя. Послѣднему должно быть ясно, что Мароа Тимоющевна твердить одно, а у Лизы на умѣ совсѣмъ другое. Лиза уже поставила крестъ надъ своею любовью и уже—окончательно и безповоротно—рѣшила уйти въ монастырь. Читателю слѣдуетъ это знать, чтобы ясно представить себѣ душевное содержаніе Лизы въ ту минуту, когда она, утѣшная тетку, говоритъ: «все прошло», и вдругъ почувствовавъ, что это и есть самый удобный моментъ открыть свою тайну, «произносить съ внезапнымъ одушевленіемъ: — да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь... Я хочу идти въ монастырь». Всѣ предшествующія реплики Лизы («это пройдетъ, дайте срокъ», «я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло» и т. д.) показываютъ, что она хотѣла только успокоить тетку и прекратить разговоръ. Но затѣмъ вдругъ душа ея переполнилась, завѣтная мысль какъ-бы просилась наружу,—настала минута, когда Лиза почувствовала, что не въ силахъ скрываться болѣе, что лучше всего теперь же посвятить тетку въ свои планы. «Внезапное одушевленіе» овладѣло ею, она открываетъ испуганной теткѣ свое рѣшеніе. Ужасъ и отчаяніе Мароы Тимоющевны еще пуще укрѣпляютъ Лизу въ ея позиціи, и она выступаетъ во всеоружіи беззаботности, прямоты и силы своей души. Читатель долженъ представить себѣ это съ полной ясностью, чтобы его анализъ былъ въполномъ соотвѣтствіи съ живописью художника: «Лиза подняла голову, щеки ея пылали... — Я рѣшилась (объявлять она), я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами...» ...«Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...» Слѣдующій затѣмъ глубоко-трогательный и не чуждый комизма вопросъ Мароы Тимоющевны (...И кто-жъ это видывалъ, чтобы изъ-за эдакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины, въ монастырь ити?.. Не надѣтай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя...) довершаетъ эту чудную живопись, требующую отъ читателя вниманія, пониманія и—творчества.

Къ тремъ страницамъ этой словесной живописи читатель мысленно долженъ прибавить еще столько-же страницъ собственного психологического анализа. Не лучше ли было-бы, если-бы эти добавочные страницы дать самъ авторъ? И да, и нѣтъ. Давъ ихъ отъ себя, авторъ облегчитъ-бы работу читателя. Съ точки зрѣнія легкости художественного воспріятія — это было-бы лучше. Но облегчивъ трудъ читателя, художникъ въ то же время отнялъ-бы у него значительную часть самостоятельного творчества и его награды—художественного наслажденія. Правда, дополнительные страницы тонкаго анализа, сдѣланного самимъ художникомъ, сами по себѣ доставили-бы немалое наслажденіе читателю, но это наслажденіе было-бы уже иного рода, оно—даровое, а потому и умственное его достоинство далеко ниже тѣхъ радостей творчества, какія испытываешь читатель, самостоятельно возсоздавая внутреннюю жизнь души.

человѣческой, полной глубокаго психологическаго интереса, но заколдованный художникомъ въ чудномъ образѣ, нарисованномъ со всею достуною тонкостью и силой выраженія.

Я хотѣлъ показать, какъ много приходится читателю поработать собственной головой надъ одной только послѣдней сценой (гл. XLV). Сколько-же труда долженъ онъ положить на возсозданіе — по живописи Тургенева — внутренняго міра Лизы на протяженіи всего романа! Предложенный въ этомъ очеркѣ разборъ тѣхъ художественныхъ пріемовъ, помошью которыхъ нарисована Лиза, даетъ, мнѣ кажется, приблизительное понятіе о размѣрахъ и цѣнности этого читательскаго — творческаго — труда.

VII.

Трудъ этотъ частью безсознательнъ, въ значительной же долѣ сводится къ вполнѣ сознательной работѣ мысли и воображенія. Множество мелкихъ штриховъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, западаютъ въ память читателя и сами создаютъ образъ Лизы. То же самое въ извѣстной мѣрѣ дѣлаетъ и излюбленный Тургеневымъ пріемъ — освѣщенія главнаго лица другими лицами. Мы видѣли, какъ важны для возсозданія образа Лизы — Леммъ съ одной стороны, Панинъ и Варвара Павловна — съ другой. Не трудно показать значеніе въ этомъ смыслѣ Мары Тимофеевны и самого Лаврецкаго.

Но тотъ-же пріемъ требуетъ отъ читателя и сознательной работы мысли: читатель задумывается надъ отношеніями къ Лизѣ тѣхъ лицъ, которыя ее освѣщаются, и, вникая въ эти отношенія, уясняетъ себѣ натуру Лизы. Для полной успѣшиности дѣла необходимо, чтобы читатель правильно опредѣлилъ значеніе въ романѣ данныхъ лицъ въ отношеніяхъ художественному и психологическому.

Разсмотримъ-же съ этой точки зрѣнія роль трехъ важнѣйшихъ персонажей: Мары Тимофеевны, Лемма и Лаврецкаго.

Не трудно видѣть, что Мара Тимофеевна и Леммъ для самой *фабулы* романа существеннаго значенія не имѣютъ. Но за то имъ принадлежитъ огромное художественное и психологическое значеніе въ романѣ. Ихъ невозможно было бы исключить, не нарушивъ художественности произведенія. Но въ особенности они важны — для Лизы, которая безъ нихъ не была бы дорисована и до половины.

Эти два лица чрезвычайно важны для болѣе рельефнаго оттѣненія религіозной стороны въ патурѣ Лизы.

Мара Тимофеевна съ первыхъ-же страницъ романа подкупаетъ читателя своимъ умомъ, прямотою, независимостью характера, самою рѣзкостью своихъ сужденій о людяхъ. Она несомнѣнно должна была имѣть большое влияніе, на Лизу, и это влияніе, конечно, было весьма благотворно. Но вотъ тутъ-то и вырисовывается вся сила самобытной религіозности Лизы. Умная старушка хорошо знаетъ, какъ набожна Лиза, и ей хотѣлось-бы, чтобы ея

любимица была въ этомъ отношеніи не такъ исключительна. Ее даже пугаетъ слишкомъ большое, необычное въ дворянскихъ гнѣздахъ, религіозное рвение Лизы. Сперва она приписывала это вліянію Агафы, но вскорѣ должна была убѣдиться, что основы этой страстной религіозности глубоко лежать въ самой натурѣ ея питомицы. И это открытие было для Мароы Тимофеевны источникомъ заботъ и опасеній, которыхъ она не высказывала и даже могла не формулировать въ своемъ собственномъ сознаніи, но которыхъ тѣмъ не менѣе въ тайнѣ ее беспокояли. Она предчувствовала здѣсь возможность разныхъ, пока невѣдомыхъ, опасностей для Лизы. Мало-ли къ чему можетъ привести, при стечениі извѣстныхъ обстоятельствъ, религіозная экзальтаци? Мароа Тимофеевна горячо любила Лизу и стремилась устроить ей счастливую жизнь, обеспечить для нея будущность, полную радостей. Въ религіозныхъ-же стремленіяхъ, которая такъ глубоко захватили душу Лизы, ироничательная старушка чуяла нѣчто идущее наперекоръ счастливой будущности, нѣчто могучее и самодовѣрюющее, надѣль чѣмъ не властно все ея вліяніе, нѣчто почти зловѣщее,—во всякомъ случаѣ чуждое и непонятное. Оно было ей непонятно потому, что сама Мароа Тимофеевна была натураю иного рода,—религіозною въ обыкновенномъ смыслѣ,—въ смыслѣ той умѣренной, пассивной, если можно такъ выразиться, трезвой религіозности, какая свойственна большинству людей. Она вѣрила, ходила въ церковь, исполняла обряды, потому что такъ дѣлали отцы и дѣды, но ничего мистического не было въ ея натурѣ, и поэтическая сторона религіи была ей чужда. И сопоставляя съ этой стороны Мароу Тимофеевну съ Лизою, читатель ясно видѣтъ принципіальное, психологическое различіе между натурами заурядно-религіозными и тѣми, которая отъ рожденія предопределены къ активному религіозному подвигу, для которыхъ религія есть ея тайнами, ея поэзіей и ея этическими отношеніями, составляетъ жизненное призваніе.

Это призваніе Лизы, такъ рельефно выступающее въ мысли читателя при сопоставленіи и анализѣ этихъ двухъ натуръ, еще рѣзче оттеняется фигурою Леммы.

Трогательный образъ несчастнаго нѣмца—это одна изъ счастливѣйшихъ «находокъ» Тургенева. Это именно то, что французы называютъ «une trouvaille» (какъ говорится въ одномъ изъ писемъ Тургенева по другому поводу),—образъ, который и самъ по себѣ, независимо отъ его роли по отношенію къ Лизѣ, имѣетъ большую художественную цѣнность. Представляя собою ярко-выраженную, живую индивидуальность, Леммъ въ то-же время воплощаетъ въ себѣ положительныя типическія черты германского гenія.

Сразу завоевывая всѣ симпатіи читателя, вызывая въ немъ очень сложное чувство, смѣшанное изъ уваженія, удивленія и жалости, Леммъ, силою своего творческаго гenія, даетъ читателю музыкальное и столовкованіе души Лизы. Своимъ вдумчивымъ и серьезнымъ умомъ, всей душой

свою, полной глубокихъ музъкальныхъ идей и смѣлыхъ образовъ гармоніи, онъ понялъ и прочувствовалъ идеальную сторону въ натурѣ Лизы, составляющую основаніе ея религіозности. Чутко и отзывчиво уловить онъ сокровенные движения ея души,—онъ узналъ и открылъ читателю, что это душа «прекрасна» и можетъ любить только «прекрасное».

Тотъ психологический анализъ, который долженъ сдѣлать читатель, чтобы понять Лизу, не будетъ возможенъ, если предварительно читатель не пойметъ и не полюбитъ Лемма.

Если Марѣа Тимоѳеевна и Леммъ уясняютъ вдумчивому читателю образъ Лизы однімъ своимъ присутствіемъ въ романѣ, то главный герой, Лаврецкій, дѣлаетъ то-же самое художественное дѣло иначе: на всемъ протяженіи романа онъ не перестаетъ быть вѣрнымъ спутникомъ и незамѣнимъ *сотрудникомъ* читателя. Послѣднему безъ сотрудничества Лаврецкаго невозможно было бы возсоздать въ своемъ умѣ образъ Лизы. Производя психологический анализъ геропини «Дворянскаго Гнѣзда», читатель постоянно прибѣгаєтъ къ помощи Лаврецкаго и всегда находитъ въ немъ вѣрнаго руководителя, который «не подведетъ». Выше я неоднократно указывалъ, что зачастую Лаврецкій по отношенію къ Лизѣ оказывается въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находится и читатель. Одновременно съ послѣднимъ знакомится онъ съ Лизою, и оба на первыхъ порахъ одинаково мало знаютъ ее. Онъ постепенно узнаетъ ее, всматривается въ нее, начинаетъ ее понимать и цѣнить—вмѣстѣ съ читателемъ и пользуясь тѣми же средствами, какъ и послѣдній. Леммъ напр. помогаетъ Лаврецкому заинтересоваться Лизою и понять ее такъ же точно, какъ помогаетъ онъ въ этомъ самому читателю. Въ этомъ смыслѣ, т. е. по постановкѣ въ романѣ, по значенію для читателя—въ отношеніи къ главной женской фигурѣ—образъ Лаврецкаго рѣзко отличается отъ другихъ тургеневскихъ героевъ. Рудинъ вовсе не помогаетъ читателю проанализировать и понять Наталью, Инсаровъ—Елену, Соломинъ—Маріанну и т. д. Если эти герои и содѣйствуютъ правильному освѣщенію сочувственныхъ женскихъ образовъ, то мы въ этомъ отношеніи сопоставимъ ихъ роль съ только-что выясненной ролью Лемма и Марѣа Тимоѳеевны, но не съ тою, какую играетъ Лаврецкій. Читатель не спрашиваетъ у Рудина, что за натура Наталья: онъ это знаетъ и безъ Рудина, да и лучше его. По отношенію къ Еленѣ—онъ скорѣе обратится за разъясненіями къ Шубину и Берсеневу, чѣмъ къ Инсарову. Во всякомъ случаѣ, обращается, или нѣтъ, читатель за указаніями относительно главной геропини къ главному герою романа,—онъ, повсюду, кромѣ «Дворянскаго гнѣзда», могъ бы обойтись и безъ этихъ указаній.

Для успѣшнаго исполненія такой роли, возложенной авторомъ на Лаврецкаго, необходимо прежде всего, чтобы самъ Лаврецкій былъ вполнѣ понятенъ читателю и какъ типъ, и какъ натура. Все въ немъ должно быть ясно,—читатель долженъ знать своего руководителя или сотрудника во всѣхъ изгибахъ его души. И этому требованію художникъ удовлетво-

риль виолинъ. Если сравнить съ этой точки зрѣнія Лаврецкаго съ другими героями тургеневскихъ романовъ, то окажется, что въ ихъ ряду это — самое ясное, самое удобопонятное, никакихъ сомнѣній не возбуждающее лицо. Пониманіе Лаврецкаго дается читателю легко и незамѣтно, и едва-ли возможны противорѣчивыя сужденія о немъ. Этого нельзя сказать напр. о Рудинѣ, о Базаровѣ, о Соломинѣ. Этихъ лицъ нужно умѣть понять, что не всегда удается, откуда и возможность различныхъ, часто діаметрально-противоположныхъ сужденій о нихъ. Надъ истолкованіемъ Лаврецкаго Тургеневъ, можно сказать, потрудился, — видна какъ бы заботливость о томъ, чтобы фигура вышла понятною во всѣхъ деталяхъ, и также чтобы она вызывала въ читателѣ симпатію, довѣріе, родъ дружескаго расположенія. Этой заботливостью автора и вызвано длинное отступленіе (главы VIII—XVI), рассказывающее съ большими подробностями о предкахъ героя, о его воспитаніи, женитьбѣ и т. д. На всемъ протяженіи романа личность Лаврецкаго не перестаетъ привлекать къ себѣ сочувственное вниманіе читателя, не задавая ему никакихъ загадокъ. Душа Лаврецкаго открыта читателю, и въ сценахъ съ Леммомъ, Михалевичемъ, женой, Марьей Дмитріевной и другими читатель ясно видить все, что въ ней происходитъ. Зная Лаврецкаго такъ хорошо, читатель и въ сценахъ съ Лизою глубоко проникается всѣмъ, что чувствуетъ, что переживаетъ въ эти минуты Лаврецкій, — и въ силу этого становится въ положеніе чрезвычайно удобное для возсозданія и пониманія образа Лизы. Лиза наиболѣе видна сквозь призму душевныхъ состояній Лаврецкаго, ею же вызванныхъ. Напомню здѣсь еще разъ главу XXXIV-ю (объясненіе въ любви и музыка Лемма) и попрошу читателя сравнить эту сцену съ аналогичными ей сценами въ другихъ романахъ Тургенева, каковы напр. объясненіе Натальи съ Рудинымъ, Елены съ Инсаровымъ, Санина съ Джемой, Нежданова съ Маріанной и др. Во всѣхъ этихъ сценахъ, принадлежащихъ къ числу бессмертныхъ страницъ во всемирной художественной литературѣ, вся суть дѣла — въ очарованіи читателя поэзіей любви. Не тотъ или другой женскій образъ, самъ по себѣ, очаровываетъ здѣсь читателя, а именно — поэтическая прелестъ любви, поэтическая минута цѣломудренныхъ признаній. Не то — въ главѣ XXXIV-ой «Дворянскаго Гнѣза»: тамъ всѣ чары сосредоточены въ томъ, что чувствуетъ Лаврецкій и о чемъ поютъ неземные звуки музыки Лемма, а эти чувства и звуки указываютъ намъ — словно гдѣ-то въ пебесахъ — на идеальный образъ Лизы. Не поэзія любви, а поэзія души Лизы очаровываетъ читателя. Какъ чудное, неземное видѣніе нисходитъ образъ Лизы въ нашу потрясенную душу и живеть въ ней — какъ неуловимая, неосуществимая, но бессмертная мечта вѣчно-женственного.

До послѣднихъ строкъ романа Лаврецкій не перестаетъ служить читателю вдохновителемъ этой мечты. Въ эпилогѣ, проинкавшись настроеніемъ Лаврецкаго, онъ вмѣстѣ съ нимъ вспоминаетъ Лизу. Зрѣлице новой молодой жизни, шумно празднующей праздникъ весны своей, наявъваетъ

Лаврецкому и вмѣстѣ съ нимъ и читателю тихія и грустныя думы на тему: «здравствуй, одинокая старость! Дорогай безполезная жизнь!» И среди этихъ думъ витаешь въ туманѣ образъ чистой дѣвушки, ушедшей отъ жизни, обрекшой себя на суровый подвигъ подвижничества,—и все та-же поэзія идеальной женской души, все та-же мечта согрѣваетъ умиленную душу читателя. Послѣднія строки, кратко и глухо рассказывающія о посвященіи Лаврецкимъ того монастыря, гдѣ постриглась Лиза, являются послѣдними, замирающими звуками дивной симфоніи, озаглавленной «Дворянское гнѣздо», которая, какъ и Леммовская, «касается всего, что есть на землѣ дорогого, тайного, святого и, дыша безсмертной грустью, уходитъ умирать въ небеса».

VIII.

Художественные пріемы, силою которыхъ созданъ образъ Лизы, и самый этотъ образъ, какъ воплощеніе вѣчно-женственного идеала, еще яснѣе очертятся въ нашемъ сознаніи, если мы для сравненія обратимся къ новому произведению знаменитаго польского писателя Болеслава Пруса «Еманьюпантки» и познакомимся съ главной героиней этого романа, панной Магдаленой.

Сопоставленіемъ панны Магдалены съ Лизой мы подведемъ итогъ всему вышесказанному.

Панна Магдалена Вжеска это—«геній чувства», какъ опредѣляеть ее въ концѣ романа одно изъ дѣйствующихъ лицъ. При этомъ подъ терминомъ «чувство» нужно понимать любовь къ ближнему, всегдашнюю готовность прійти къ нему на помощь, — душу, всегда открытую для сочувствія, для состраданія. Къ паннѣ Магдаленѣ можно отнести слова Тургенева о Лизѣ: «вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого-бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и прокткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности...» Но только этимъ не исчерпываются тѣ качества ея натуры, въ силу которыхъ она является «геніемъ чувства». На первый планъ нужно выдвинуть необыкновенную отзывчивость и чуткость въ сочувствіи и состраданіи и большую энергию въ преслѣдованіи альтруистическихъ цѣлей. Съ этой стороны она представляется натурою гораздо болѣе экспансивною и активною, чѣмъ Лиза. На всемъ протяженіи романа она суетится и хлопочетъ въ интересахъ другихъ лицъ, постоянно забывая о себѣ и въ глубинѣ своей наивности даже и не подозрѣвая, какая чудная она душа, какое она прелестное и дивное созданіе.

Въ первой части романа, посвященній изображенію внутренней жизни женского училища (въ Варшавѣ), принадлежащаго г-жѣ Ляттеръ, панна Магдалена фигурируетъ въ числѣ второстепенныхъ учительницъ и теряется въ пестрой толпѣ женскихъ фигуръ, привлекающихъ къ себѣ почти все вниманіе читателя, который, дойдя до послѣдней страницы

этой первой части, еще не догадывается, что эта молоденькая, наивная, бѣдная дѣвушка и будетъ главной героиней романа, что въ слѣдующихъ трехъ частяхъ на ней будетъ сосредоточенъ весь интересъ его. Правда, первое появленіе панны Магдалены на сцену невольно привлекаетъ любопытство читателя: онъ видитъ передъ собою прелестное, трогательно-наивное существо, которое сразу завоевываетъ его симпатію; правда также, что и въ постѣдующихъ сценахъ (этой первой части) читатель постоянно встрѣчаетъ панну Магдалену и всегда видитъ ее въ очень сочувственномъ освѣщеніи. Но при всемъ томъ онъ вовсе не склоненъ придавать большого значенія этому взрослому ребенку, и все его вниманіе поглощено общей картиной пансіонской жизни и личностями начальницы школы, г-жи Ляттеръ и ея дѣтей, холодной красавицы Елены и сына Казлміра, красавца и хлыща. Эта первая часть оканчивается описаніемъ трагической смерти г-жи Ляттеръ, покончившей съ собою въ силу безвыходныхъ финансовыхъ обстоятельствъ и разочарованія въ дѣтяхъ, которыхъ она безумно любила, въ особенности сына.

Вторая часть переносить насъ въ глухой провинціальный городокъ, гдѣ живутъ родители панны Магдалены. Потрясенная смертью г-жи Ляттеръ, дѣвушка заболѣла первой горячкой. Она лежитъ больная въ домѣ своихъ родителей и ее лѣчить отецъ—докторъ. Не буду передавать довольно сложнаго содержанія этой части, гдѣ появляются новыя и очень любопытныя лица, и живо рисуется картина провинціальной жизни. Укажу только, что, во-первыхъ, главный интересъ сосредоточивается здѣсь на личности панны Магдалены, которая, выздоровѣвъ, хлопочетъ обѣ открытии начальной школы, но постоянно отклоняется въ сторону отъ этого плана, увлекаемая желаніемъ помочь одному, устроить другого, утѣшить третьяго, и что, во-вторыхъ, тутъ-же уже слегка намѣчена основная идея всего романа: чистая, отзывчивая, полная добрыхъ чувствъ душа на каждомъ шагу встрѣчаетъ горькую обиду, клевету, неблагодарность; за добро ей платить зломъ, и горечь житейского опыта понемногу начинаетъ накопляться въ ней. Ощущеніе этой горечи, а еще болѣе недоумѣнія и мученія совѣсти по поводу своихъ собственныхъ, правда, только воображаемыхъ, а не дѣйствительныхъ, ошибокъ или грѣховъ приводятъ къ пробужденію религіознаго чувства. Панна Магдалена въ костелѣ передъ иконой Божьей Матери—одна изъ превосходѣйшихъ страницъ романа.

Въ третьей и четвертой частяхъ мы видимъ панну Магдалену сперва въ роли гувернантки въ богатой, но мало образованной буржуазной семье, потомъ—гостящей у ея друзей Сольскихъ, представителей передовой польской знати, затѣмъ жилицей меблированныхъ комнатъ, съ утра до вечера бѣгающей по дешевымъ урокамъ. Она вступаетъ въ разнообразныя, иногда весьма сложныя отношенія къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ, которые цѣлой толпой проходятъ передъ читателемъ—превосходно нарисованыя, типичныя, живыя. Но теперь уже панна

Магдалена не затеряется въ этой пестрой толпѣ. Она рѣзко выдѣляется на этомъ живомъ фонѣ характеровъ и натуръ, и всѣ высокія качества ея души обнаруживаются съ необыкновенной отчетливостью. Читатель все болѣе и болѣе привязывается къ ней и, подчиняясь ея обаянію, забываетъ, что передъ нимъ не живой человѣкъ, а художественный образъ. Съ этой стороны, т. е. по живости изображенія, доводящей читателя до иллюзіи, образъ панны Магдалены можно сопоставить съ Наташой въ «Войнѣ и Мирѣ». Нерѣдко встречаются такія страницы, послѣ которыхъ читатель, умиленный и потрясенный, откладываетъ книгу и, думая о пани Магдаленѣ, какъ о живомъ человѣкѣ, почти готовъ заговорить съ нею. Сила и правда изображенія изумительныя. Есть мѣста чисто-шекспировскія, въ которыхъ глубокій трагизмъ положенія иногда сочетается съ элементомъ комическими, и читателю приходится въ одно и то-же время и плакать, и смеяться... Вообще новый романъ Пруса по праву долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя способны, какъ говорится, «пронять» читателя. Но это не тотъ тяжелый кошмаръ, какой остается послѣ чтенія, напр., Достоевскаго,—это то освѣжающее, бодрящее, облагораживающее потрясеніе, которое даютъ Шекспиръ, Пушкинъ, Мицкевичъ, Тургеневъ, Толстой.

Опутанный волшебствомъ художника, читатель съ захватывающимъ интересомъ слѣдить за всѣми перипетіями романа, за всѣми отношеніями герони къ другимъ лицамъ, за малѣйшимъ движеніемъ ея души и видѣть, какъ въ этой душѣ все больше и больше накапливается горечи, какъ ростеть въ ней чувство обиды и разочарованія, какъ, наконецъ, избытокъ этихъ гнетущихъ ощущеній побуждаетъ панну Магдалену перейти отъ альтруизма къ религіозности, отъ служенія людямъ—къ самопожертвованію Богу. Она уходитъ въ монастырь,—на этомъ и оканчивается романъ, оставляя читателя въ неизвѣстности, навсегда ли похоронить себя панна Магдалена въ монастырѣ, или-же это только времменное бѣгство отъ жизни, и современемъ, оправившись отъ угнетеннаго состоянія духа, она, примиренная, вновь вернется къ жизни,—къ дѣятельному добру и къ счастью, которое, казалось-бы, для нея вполнѣ возможно.

Сопоставляя панну Магдалену съ Лизою, мы усматриваемъ слѣдующее различіе между этими двумя родственными по духу натурами. Лиза—душа прежде всего религіозная, а потомъ ужъ альтруистическая; панна Магдалена—нatura прежде всего альтруистическая, а потомъ ужъ религіозная. Здѣсь я попрошу читателя припомнить то, что я говорилъ въ предшествующемъ (VII-омъ) очеркѣ о внутреннемъ соотношеніи религіозныхъ устоевъ въ душѣ Лизы съ ея нравственнымъ императивомъ: они образуютъ психологическое основаніе послѣдняго и съ тѣмъ вмѣстѣ служать ему уравновѣщающимъ началомъ. Въ пани Магдаленѣ мы видимъ иное соотношеніе, иную постановку психическихъ силъ. У нея чисто-нравственное самоутвержденіе личности находить себѣ психологи-

ческое обоснование и необходимое уравновешение сперва не въ религиозныхъ, а въ альтруистическихъ стремленихъ. Иначе говоря, она жаждеть удовлетворить нравственнымъ потребностямъ и запросамъ своей души посвященіемъ себя не Богу, а ближнимъ. И только потерпѣвъ на этомъ испытаний фiasco, не найдя искомаго удовлетворенія, разочарованная, оскорблена въ лучшихъ своихъ чувствахъ,—она переходитъ отъ «прикладной» религіи альтруизма къ «чистой» религіи отщельничества. Правда, и Лиза обращается къ этой послѣдней не сразу, также—перенеспытавъ извѣстныя намъ потрясенія и разочарованія. Но психологическая катастрофа Лизы была иная: Лиза увлеклась было мечтою о личномъ счастьи и—разочаровалась въ его возможности, въ его согласуемости съ ея чисто-нравственными требованиями. Панна Магдалена не о личномъ счастьи мечтала и не въ немъ разочаровалась. Вопросъ любви къ мужчинѣ серьезнымъ образомъ и не подымался въ ея душѣ.—Крушениe мечты о счастьи привело Лизу въ такое душевное состояніе, при которомъ мистическая любовь къ Божеству, съ дѣтства въ ней жившая, возгорѣлась яркимъ и всесожигающимъ пламенемъ. Въ этомъ пламени и сгорѣли всѣ ея земные привязанности, всѣ приманки, всѣ искушения жизни, молодости, счастья. Это было возможно потому, что Лиза отъ рожденія—натура *мистическая*: помыслы о Богѣ, мысли о смерти, о загробномъ существованіи не переставали занимать ея умъ въ тѣ годы, когда всѣ мы меныше всего обѣ этомъ думаемъ, — въ особенности о смерти. Панна Магдалена къ этимъ вопросамъ и думамъ приходитъ постепенно,—по мѣрѣ накопленія въ ней горечи разочарованія. Она мало-по-малу какъ-бы учится быть религиозно-мистической, въ чемъ ей много помогаютъ бесѣды учителя Дембницкаго, большого философа—метафизика. Въ противоположность Лизѣ, панна Магдалена—натура не мистическая по существу, но только силою вещей приведенная къ мистицизму.

Обѣ героини, русская и польская, представляя двѣ разновидности одного и того-же душевного уклада, дополняютъ другъ друга. На психологической вопросѣ: что такое высшая мистическая религиозность?—мы получимъ наиболѣе исчерпывающій отвѣтъ, если возьмемъ оба художественные образа вмѣстѣ. Отвѣтивъ на этотъ многосложный вопросъ однимъ только образомъ Лизы, мы оставимъ безъ разсмотрѣнія цѣлую его половину, именно—психологическія отношенія религіи къ жизни, роль альтруистического чувства, мистической стремлѣнія въ ихъ развитіи подъ ударами жизни. Отвѣтивъ однимъ только образомъ панны Магдалены, мы упустимъ изъ вида другую половину вопроса — психологію мистической религиозности, не вынужденной, не «апостеріорной», а *заранѣе* данной, «апріорной», составляющей основной укладъ души, признаніе человѣка.

Оба «отвѣта», Лиза и панна Магдалена, являются характерными выразителями особенностей творческаго гenія обоихъ художниковъ, Тургенева и Пруса.

Въ противоположность Тургеневу и подобно Толстому, Прусь это— художникъ, въ творчествѣ которого анализъ занимаетъ очень важное мѣсто — на ряду съ даромъ изобразительности. Онъ рисуетъ и тутъ-же производить глубокое психологическое изслѣдованіе того, что нарисовать. Такой укладъ творческой мысли дѣлаетъ его, какъ и Толстого, въ высокой степени приспособленнымъ къ воспроизведенію характеровъ, натуръ, вообще всякихъ душевныхъ явлений—въ процессѣ ихъ развитія, измѣненія, разложенія. Въ паннѣ Магдаленѣ онъ мастерски изобразилъ, изслѣдовавъ и объяснивъ душевный процессъ, приведшій героню въ монастырь—вопреки настоящему ея призванію, которому, если-бы осуществилось, панна Магдалена могла-бы подвести итогъ словами:

Я на землѣ свершила все земное,
Я на землѣ любила и жила!

Въ творчествѣ Тургенева, наоборотъ, аналитическая сторона доведена до минимума. Но тѣмъ сильнѣе выражены въ немъ изобразительныя силы искусства. Въ связи съ этимъ гений Тургенева былъ приспособленъ къ воспроизведенію характеровъ и натуръ не столько въ ихъ развитіи, въ ихъ исторіи, сколько въ ихъ *stati quo*,—къ живописи остановленныхъ, законченныхъ типовъ. Его герои и герони стоятъ передъ читателемъ, такъ сказать, неподвижно, точно они пропизведенія живописи. Персонажи Толстого и Пруса живутъ на глазахъ читателя.

Въ Лизѣ Тургеневѣ даль намъ вполнѣ законченный типъ идеальной женской души, для которой религія составляетъ настоящее *призваніе*, какъ искусство для художника, какъ наука для ученаго. Чтобы окончательно осуществить это призваніе, для нея достаточно первыхъ-же противорѣчий, первыхъ уколовъ жизни, а отвратить отъ него безсильны даже волшебныя чары любви, даже всемогущее обаяніе счастья.

Д. Овсяніко-Куликовскій.

За границей.

Воспоминания и рассказы.

ГЛАВА I.

Петербургъ 1880 г. Выставка картинъ В. В. Верещагина.

Въ началѣ января 1880 г. открылась выставка картинъ брата моего Василия въ С.-Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ домѣ Безобразова. Вечеромъ картины показывались при электрическомъ освѣщеніи. Выставка состояла изъ двухъ частей: изъ индійской, куда относились картины и этюды изъ путешествія по Индіи, и изъ русской, содержавшей картины послѣдней русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ.

О братѣ и о картинахъ его столько было предъ этимъ писано во всѣхъ газетахъ, что безъ преувеличенія можно сказать, весь Петербургъ разомъбросился смотрѣть выставку. Какъ днемъ, такъ и вечеромъ, давка стояла превеликая. Электрический свѣтъ устроилъ тогда самъ изобрѣтатель Яблочкиковъ и устроилъ его отлично. При этомъ надо сказать, что электричество для картинъ было тогда новинкой, за которую художника сильно порицали въ газетахъ.

Я заранѣе списался съ братомъ и просилъ у него позволенія пріѣхать съ Кавказа въ Петербургъ помочь въ устройствѣ выставки. Помѣщеніе для картинъ мы нашли превосходное: семь залъ, изъ которыхъ самый большой былъ, по недостатку дневнаго свѣта, освѣщаемъ и днемъ электричествомъ. Плату за входъ назначили пять копѣекъ.

Передъ открытиемъ, выставку посѣтилъ Великій Князь Владимиръ Александровичъ. Осмотривъ до малѣйшихъ подробностей и, повидимому, остался очень доволенъ. Брать тутъ-же представилъ меня его высоцеству.

Спустя порядочно времени, въ самый разгаръ, когда публика валила къ намъ ежедневно тысячами, мы узнаемъ, что Императоръ Александръ II неизрѣменно желаетъ видѣть картины, и не на выставкѣ, а у себя въ Зимнемъ дворцѣ.

А надо сказать, что всѣ картины были въ рамкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ колоссальныхъ размѣровъ. Поэтому можно себѣ представить, сколько намъ предстояло затрудненій. Главная-же задача заключалась въ томъ: какъ быть съ публикой. Но все устроилось отлично. Объявили въ газетахъ о перерывѣ, а затѣмъ, въ назначенный день, утромъ, къ намъ явилась, не помню, рота или двѣ, великановъ преображенцевъ. Они подхватили картины, какъ есть, въ рамкахъ, и понесли ихъ лёжма прямо во дворецъ. Я сопровождалъ ихъ тогда. Потомъ приѣхалъ туда самъ художникъ, и въ день-два картины были прекрасно разставлены въ Бѣломъ Николаевскомъ залѣ. Брату крайне не нравилось одно только, что залъ бѣлый, и, что сиѣгъ, который изображался на нѣкоторыхъ его военныхъ картинахъ, выходилъ желтѣе стѣнъ зала.

При осмотрѣ картинъ государемъ, братъ не присутствовалъ. Я-же хотя и былъ въ залѣ, но, передъ самымъ приходомъ государя, ко мнѣ вышелъ завѣдующій дворцомъ, генераль Дель-Саль, и объявилъ, что Его Величество желаетъ осматривать картины совершенно одинъ. Впослѣдствіи братъ передавалъ мнѣ, что Государь почти передъ каждой картиной останавливался, качалъ головой и съ грустью восклицалъ: «все это вѣрно, все это такъ было».

Черезъ нѣсколько дней выставка снова была открыта, и публика съ удвоеннымъ интересомъ бросилась туда.

По обыкновенію, публика толпилась больше всего у «Панихиды». Вотъ, стою я вечеромъ у этой картины. Несмотря на то, что здѣсь собралось болѣе сотни человѣкъ, тишина царитъ вполнѣшая. Всѣ стоять точно пригвожденные и не сводятъ глазъ съ картины. Со стороны можно было подумать, что присутствуешь при дѣйствительной панихидѣ. Я ухожу въ глубь комнаты, сажусь на подоконникъ и смотрю на публику. Мнѣ очень нравилось присматриваться и прислушиваться, что публика говорить и какъ относится къ выставкѣ. Вонъ одна барыня, съ бѣльемъ шерстянымъ платкомъ на плечахъ, видно, какъ смотрѣла въ бинокль, такъ и не хочетъ его опустить совсѣмъ, а держитъ у щеки и такъ пристальноглядывается въ картину, точно хочетъ найти знакомое лицо. Тоскливо качаетъ она головой, достаетъ изъ кармана платокъ и украдкой вытираетъ выступившія слезы.

Здѣсь, на выставкѣ, я нерѣдко встрѣчалъ Михаила Дмитріевича Скобелева. Онъ часто забѣгалъ полюбоваться на картину «Скобелевъ подъ Шнейновымъ». Какъ известно, «бѣлый генераль» изображенъ здѣсь скачающимъ на бѣломъ конѣ вдоль фронта солдатъ, при чемъ срывается съ

головы своей фуражку и кричить имъ въ привѣтъ: «именемъ отечества, именемъ Государя, спасибо, братцы!» Скобелевъ каждый разъ приходилъ въ великий азартъ отъ картины, и, ежели при этомъ публики въ залѣ было не особено много, то бросался душить автора въ своихъ объятіяхъ. Я точно сейчасъ слышу, какъ онъ, обнимая брата, сначала мычать, а потомъ восклицаетъ: «Василій Васильевичъ! какъ я васъ люблю!» а иногда, въ избыткѣ чувствъ, переходилъ на «ты» и кричалъ: «тебя люблю». Случалось, что, обнимая брата, генераль, нѣть-нѣть да и меня обниметъ. Въ одно изъ такихъ свиданій, Михаилъ Дмитріевичъ обращается ко мнѣ и говорить:

— Вы знаете, что я, вѣроятно, скоро буду назначенъ командующимъ войсками Закаспійскаго края. Будемъ съ текинцами воевать. Надѣюсь, вы со мной?

Я, конечно, съ восторгомъ поблагодарила генерала, и съ тѣхъ порь моей завѣтной мечтой было, какъ-бы поскорѣй попасть къ Скобелеву въ этотъ походъ. А это было не легко. Желающихъ попасть къ Скобелеву, въ его личное распоряженіе, была масса. Къ нему безпрестанно являлась молодежь-офицеры съ рекомендательными письмами ото всѣхъ сильныхъ міра сего. Конкуренція была громадная. Но, благодаря брату, я таки попала штабъ-офицеромъ по порученіямъ.

По окончаніи выставки, братъ рѣшилъ распродать свои картины, для чего онъ и устроилъ аукціонъ на самой выставкѣ. Распродажу эту любезно принялъ на себя известный знатокъ и любитель живописи, литераторъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Въ газетахъ былъ заранѣе объявленъ день торговъ. Аукціонъ удался вполнѣ. Съѣхалось множество любителей, и можно сказать, богатѣйшихъ людей Россіи. Кто самъ не могъ почему-либо пріѣхать, тотъ или послалъ замѣстителя, или заранѣе проспѣлъ Григоровича за такую-то картину пдти до такой-то суммы. Цѣны были назначены братомъ, сравнительно для Петербурга, очень высокія. Помню, многихъ поражало то обстоятельство, что этюды, величиною всего какихъ-нибудь 6 вершковъ длины и 4 вышины, вдругъ оцѣнены были въ 1000—1500 рублей.

Аукціонъ.

Погода прекрасная. Сквозь спущенные шторы солнце мягко освѣщаетъ всю серію индійскихъ картинъ, выставленныхъ въ просторномъ залѣ. Посреди зала, за столомъ, расположились аукціонисты. Возлѣ нихъ я вижу откинувшуюся въ креслѣ, заложивъ ногу на ногу, представительную фигуру Григоровича, съ карандашомъ въ одной рукѣ, и съ каталогомъ въ другой. Слегка украшенное выпущимися щёдоватыми бакенбардами лицо его озабоченно, торжественно. Рядомъ съ нимъ сидитъ известный художественный критикъ, Владимиръ Васильевичъ Стасовъ,

другъ и приятель брата моего. Громадный ростъ, длинные сѣдыя волосы и такая-же борода рѣзко выдѣляютъ его изъ всей публики. Стасовъ наклонилъ свою сѣдую голову къ Григоровичу и, прикрывшись рукой, шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ, въ отвѣтъ, многозначительно киваетъ головой. Далѣе, полукругомъ сидятъ человѣкъ 60—70, жаждущихъ пріобрѣсти картины. Все любители, да все, по выраженію Стасова, самые тузовые. Вонъ, въ сторонкѣ, скромно сложивъ руки на груди, стоитъ въ черномъ сюртукѣ Третьяковъ, Павелъ Михайловичъ. Лицо его, какъ и Григоровича, тоже озабоченное, но не торжественное. Уже нѣсколько прекрасныхъ вещей успѣли, что называется, вырвать у него изъ горла. На лицѣ его скорѣе можно прочесть глубокую скорбь. Вонъ сидитъ Базилевскій, Федоръ Ивановичъ; рядомъ съ нимъ полковникъ, флигель-адъютантъ, маленькаго роста, очень подвижной. Полковникъ суетится и все что-то показываетъ Базилевскому карандашомъ въ каталогѣ. Далѣе видны: князь Львовъ, Лопухинъ, Демидовъ, Д. П. Боткинъ, князь Воронцовъ, князь Меншиковъ, Нарышкинъ, графъ Строгоновъ, Зиновьевъ, Ханенко, Терещенко,—да всѣхъ и не перечтешь.

Аукціонъ въ полномъ разгарѣ.

— 4,550 рублей, второй разъ!—громко раздается голосъ аукціониста въ безмолвствующемъ залѣ.

Третьяковъ съ озабоченнымъ видомъ подходитъ къ продаваемой картинѣ, долго и пристально разматриваетъ ее со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ уходить на свое мѣсто. Казалось, послѣ такого тщательного осмотра, онъ сразу накинетъ сотню, а нѣть и двѣ рублей.

— Рубль—слышенъ чей-то робкій, убитый голосъ, со стороны Третьякова. Смотрю на Павла Михайловича, чтобы узнать, онъ-ли отвалилъ такую сумму. Но по лицу его ничего не узнать. Глаза полузакрыты и вся фигура его невозмутима.

Аукціонистъ недоволенъ. Ему хотѣлось-бы, чтобы все сотнями, а нѣть—тысячами прибавляли, чтобы скорѣй къ дѣлу. Свирипо взглядываетъ онъ на Третьякова и затѣмъ, быстро обращаясь къ остальной публикѣ, осипшимъ голосомъ выкликаетъ:

— 4551 рубль, кто больше?

Торгъ идетъ обѣ небольшомъ этюдѣ индійскаго храма «Таджъ», величиной менѣе квадратнаго аршина.

Мраморный храмъ, причудливої индійской архитектуры, ярко блестѣлъ на ослѣпительномъ солнцѣ своей бѣлизной и, утопая въ тѣни троической зелени, отражался въ зеркальной поверхности озера. Глаза съ трудомъ можно было отвести отъ этой картины.

Общее молчаніе.

— 4,551 рубль — снова вопрошааетъ аукціонистъ и уже берется за молотокъ. Казалось, вотъ-вотъ этюдъ останется за Третьяковымъ.

— 100 рублей!

— 200 рублей!

— 100 рублей! — Вдругъ, точно кто подтолкнулъ любителей, посыпались надбавки съ разныхъ сторонъ. Аукціонистъ едва успѣвалъ выкрикивать цѣны.

— 4,651! 4,851! 4,951! — и оживленно, расширенными зрачками, поглядывалъ онъ по сторонамъ, ожидая новыхъ и новыхъ надбавокъ. Въ то же время онъ искоса, какъ-бы боязливо бросалъ взоры и на Третьякова. Аукціонистъ очевидно не любилъ «рубля».

— Пятьсотъ! — неожиданно раздается изъ сосѣдней залы. Кто-бы это такой? думаю. Заглядываю въ дверку — въ большомъ залѣ, на эстрадѣ для музыкантовъ, возвѣдалъ на стулѣ, поджавъ подъ себя ногу, князь Демидовъ-Санть-Донато, въ той-же самой темно-синей визиткѣ, въ какой я видѣлъ его послѣдній разъ въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ приходилъ съ Васильчиковыми, передъ самымъ прибытіемъ Государя, взглянуть на выставку брата. Демидовъ сидѣлъ и любовался «Великимъ моголомъ въ своей мечети». Освѣщенная яркимъ электрическимъ свѣтомъ, картина была поразительно хоропа. Любаясь ею, князь, въ то же время, чутко прислушивался и къ торгамъ. Онъ иначе не прибавлялъ, какъ, или 500, или тысячу.

— 5451 рубль, кто больше? — раздается снова тотъ-же осипшій голосъ аукціониста.

— Рубль — опять слышится знакомый, хотя и робкій, но настойчивый голосъ Третьякова. Аукціонистъ даже не взглядываетъ, откуда идетъ эта прибавка. Онъ хорошо изучилъ голоса покупателей.

Въ концѣ концовъ «Таджъ» остается за Базилевскимъ, съ чѣмъ-то за семь тысячъ рублей.

Долго бился почтенный Павелъ Михайловичъ удержать за собой эту вещь, но оказался не въ силахъ. Вѣдь онъ желалъ, по возможности, пріобрѣсти всю коллекцію, тогда какъ остальные господа торговались только на то, что имъ въ особенности нравилось и, конечно, поэтому имѣли громадное преимущество предъ Третьяковымъ. Такъ, напримѣръ, и Базилевскій — очень богатый человѣкъ: онъ заранѣе рѣшилъ купить этотъ этюдъ, и, впослѣдствіи, самъ сознавался своимъ пріятелямъ, что пошелъ-бы не только до семи, но и до семнадцати тысячъ.

Въ первый день, къ 5 часамъ вечера, была продана только часть индійскихъ картинъ, всего 45 штукъ, и выручено было 52 тысячи рублей. Григоровичъ, замѣтивъ утомленіе публики, во-время остановилъ аукціонъ до слѣдующаго дня. На другой день проданы были остальные индійскія вещи, 56 картинъ, на сумму около 65 тысячъ рублей. Такъ что всего братъ выручилъ болѣе 117 тысячъ рублей. Публика съ нетерпѣніемъ ожидала продажи военныхъ картинъ, но ихъ рѣшено было не продавать, а везти за-границу и тамъ показывать.

Не могу не разказать про курьезный случай, который произошел у нас по окончании выставки, при укладкѣ картинъ.

Всей плотничной работой, по установкѣ и упаковкѣ, завѣдывалъ у брата плотника Яковъ Михайловъ, — костромичъ, Кологривскаго уѣзда. Красивый брюнетъ съ окладистой бородой и быстрыми глазами, Яковъ былъ очень широкъ въ плечахъ и силенъ.

Такъ вотъ, какъ-то подъ вечеръ, когда время было уже шабашить, Яковъ обращается ко мнѣ и съ усмѣшкой говорить:

— Пойдемъ-ка, баринъ, я тебѣ что покажу — и ведеть въ одну изъ залъ, гдѣ работало человѣкъ восемь обойщиковъ, подъ руководствомъ хозяйскаго сына, парня лѣтъ 20-ти, съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ, съ черными усиками. Сюртукъ разстегнутъ, и на жилетѣ болталась серебряная цѣпочка отъ часовъ. Хозяйскій сынъ, какъ и остальные рабочіе, уже забиралъ свои инструменты: молотокъ, гвозди, тиски, и все это укладывалъ въ мѣшокъ. Обойщики съ самаго утра снимали прекрасныій, малиноваго цвѣта плюшъ, которымъ были декорированы картины. Плюшу этого у насъ было больше тысячи аршинъ.

Яковъ спокойно подходитъ къ обойщику хозяину, тычетъ его, какъ будто шутя, подъ мышки, или по-просту говоря, «подъ микитки», и весело восклицаетъ:

— Что ты, Андрей Ивановичъ, больно толстъ сталъ?

Тотъ, не оборачиваясь, сердито огрызается и, видимо, торопится уходить.

— Да постой, постой! — пристаетъ къ нему Яковъ, ласково обнимаетъ, щупаетъ бока и въ то же время ловко выдергиваетъ рубашку изъ подъ жилетки. Обойщикъ, оказывается, былъ весь толсто обмотанъ плюшемъ.

— Ай да парень! ты не хозяйскій сынъ, а просто сынъ! — укоризненно говоритъ Яковъ. Тотъ между тѣмъ, сконфуженный, стоялъ растопыря руки, точно его облили ушатомъ воды.

Чрезвычайно забавно было смотрѣть, какъ на глазахъ всѣхъ своихъ же рабочихъ, этотъ малый, по мѣрѣ того, какъ Яковъ сматывалъ съ него плюшъ, вертѣлся на одномъ мѣстѣ, точно чурбанъ какой.

— Да ну-же, вертись, вертись, скорѣе! — покрикивалъ Яковъ и безцеремонно тыкалъ его въ бока кулакомъ.

— Ишь, ей-Богу аршиновъ 20 сперь-бы! Право! Ну, убрайся-же! — кричить онъ, когда плюшъ былъ аккуратно сложенъ при помощи этого-же самаго обойщика.

— Да мотри, разскажи своему батькѣ, какъ ты сегодня вломался!..

ГЛАВА II.

Сборы за-границу.

Это было въ апрѣлѣ 1881 года. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, страшно фальшиво насвистывая какой-то маршъ, безъ сюртука, нервно разгуливаетъ большими шагами по мягкимъ коврамъ обширнаго кабинета въ домѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, что нынѣ дворецъ великаго князя Сергея Александровича.

Генералъ не въ духѣ. Онъ только что вернулся изъ дворца, гдѣ представлялся Государю Императору Александру III, и вкратце докладывалъ Его Величеству о Текинской экспедиції. Сердито разглаживаетъ онъ заразъ обѣими руками направо и налево свои рыжіе раздушенныя бакенбарды и поправляетъ на шеѣ сбившихся Георгіевъ. Затѣмъ засовываетъ руки въ карманы своихъ генеральскихъ рейтузъ, заправленныхъ въ высокіе, лакированные сапоги, и снова принимается шагать по кабинету.

Я стою у окна и поглядываю на проѣзжающихъ по Невскому проспекту.

— Попросите, пожалуйста, полковника Баранка! *), говоритъ мнѣ генералъ своимъ картавымъ голосомъ. Но Баранокъ уже входилъ въ кабинетъ, какъ всегда насупившись, съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

— Отстаньте вы съ вашими бумагами! надоѣли! — кричитъ Михаилъ Дмитріевичъ. — Лучше поговорите вотъ о чёмъ: я ёду за-границу, слышите? На днихъ, въ Парижъ! — Затѣмъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ:

— А вы ёдете со мной?

— Съ удовольствиемъ, ваше высокопревосходительство! Я уже писалъ брату, что непремѣнно хочу пріѣхать сейчасъ послѣ экспедиціи, — отвѣчаю ему.

— Ну вотъ и отлично! Ушаковъ **) тоже ёдетъ. Такъ собирайтесь, готовьте себѣ заграничный паспортъ! — и генералъ протягиваетъ мнѣ руку въ знакъ того, чтобы я оставилъ его заниматься бумагами съ Баранкомъ.

Алексѣй Никитичъ Баранокъ, какъ я убѣдился, проведя съ нимъ два похода, турецкій и текинскій, былъ замѣчательный человѣкъ. У себя-ли дома, или въ походной палаткѣ, при докладѣ-ли у генерала, когда, по-рой, наштѣ почтенный Михаилъ Дмитріевичъ кричалъ разносить бѣд-

*) Старшій адьютантъ генерала Скобелева по строевой части.

**) Адьютантъ генерала Скобелева.

наго, измученного, не спавшаго нѣсколькою ночей Алексея Никитича, или во время самого жаркаго сраженія, когда тотъ верхомъ, на пѣнуреной лошади, скакать съ приказаніемъ отъ генерала въ самую передовую цѣль стрѣлковъ,—Баранокъ все тотъ-же, невозмутимый, хладнокровный. Росту былъ онъ средниго, коренастаго, широкоплечаго. Волосы носилъ короткіе, щеки и подбородокъ гладко брилъ, даже въ походѣ. Щетинистые усы придавали его лицу суровое выраженіе. Выносливъ Баранокъ былъ замѣчательно. Хорошо помню, какъ онъ въ текинскомъ походѣ, послѣ того, какъ проскакалъ за генераломъ весь день при жарѣ слишкомъ въ 50 градусовъ, вечеромъ садится писать дѣловыя бумаги, и пишеть всю ночь напролѣтъ, до самаго утра, пока генераль не проснулся и не позвалъ его къ новому докладу.

Деньщикъ Петровъ.

Я выхожу отъ генерала въ сосѣднюю комнату. Тамъ сидѣлъ Михаилъ Ивановичъ Ушаковъ, и мы съ нимъ разговаривались о нашемъ предстоящемъ путешествіи за-границу. Я любилъ поговорить съ Ушаковымъ. Онъ всегда, бывало, сообщитъ что-нибудь интересное. Такъ случилось и теперь.

— Что это, — спрашиваю я Ушакова,—не видно Петрова *) у генерала?

— А вы развѣ не знаете, что случилось съ нимъ въ Астрахани? — отвѣтываетъ онъ. — Впрочемъ, вѣдь вы поѣхали прямо на Кавказъ, а мы съ генераломъ въ Астрахань, поэтому и не знаете, улыбаясь рассказывалъ Михаилъ Ивановичъ. — Помните, какой вообще Петровъ былъ невѣжъ? По пріѣздѣ-же въ Астрахань, гдѣ генераль ночевалъ на пароходѣ, съ нимъ просто сладу не стало. Надѣль, знаете, генеральскій ки-тель съ золочеными пуговицами, руки въ карманы; и разыгрываетъ себѣ роль чуть не главнаго покорителя текинцевъ. Я, знаете, все терпѣль до поры до времени, пока онъ не нагрубилъ нашему Филиппу Александровичу **), просто обругалъ того, бѣднаго. Ну, тогда я уже, конечно, доложилъ генералу, въ чёмъ дѣло. А Михаилъ Дмитріевичъ, знаете, что мнѣ сказалъ? Прикажите, говорить, посадить его въ трюмъ и съ первымъ-же рейсомъ отправьте обратно въ Красноводскъ. Пускай тамъ его разсчитываютъ. Онъ мнѣ больше не нуженъ.—Какъ вамъ нравится?

— Превосходно!—восклицаю я. — Но интересно знать, какъ вы его посадили? Ничего, сразу покорился? Вѣдь онъ дѣтина здоровый! — спрашиваю я.

*) Петровъ—деньщикъ генерала Скобелева во время текинской экспедиціи. Здоровенный дѣтина съ рыхлыми усами.

**) Имя вымышленное.

— Э! очень просто: я передалъ приказаніе генерала капитану парохода, тотъ свистнулъ, и четверо здоровыхъ матросовъ подходить къ Петрову. А тотъ, надо вамъ сказать, только что купилъ себѣ новое ватное пальто въ городѣ, и въ самое это время входилъ на пароходъ. Матросы предлагаютъ ему сдѣловать за ними. Куда, и слышать не хочеть! Тогда тѣ, безъ дальнихъ разговоровъ, подхватываютъ его подъ руки, и какъ онъ былъ, въ новомъ пальто, подтаскиваютъ къ люку, и давай его туда пропихивать. А пальто престолстое, не лѣзть, едва-едва пропихали. Ну, просто потѣха была!—добавилъ Ушаковъ,

— Отлично! восклицаю я. — Только, знаете, Михаилъ Ивановичъ, вѣдь генералъ самъ избаловалъ Петрова. Вѣдь это на моихъ глазахъ было въ Бами *): Петровъ подаетъ генералу одѣваться, и, не помню, что-то не потрафилъ. Михаилъ Дмитріевичъ обличивается и бацъ того кулакомъ въ ухо... А Петровъ не дуракъ: сейчасъ корчить плаксивую морду и отходитъ въ сторону. Генералъ-же, вѣроятно вспомнилъ, что я былъ свидѣтелемъ такого проступка, за который онъ самъ-же строго преслѣдовалъ офицеровъ, скорѣй достаетъ изъ кошелька сторублевую бу-мажку и суетъ тому въ руку. Ну сами посудите, не баловство ли это?

Миражъ.

Какъ-то, вскорѣ послѣ этого разговора, встрѣчаю опять Ушакова и спрашиваю его:

— А что, Михаилъ Ивановичъ, не разсказывалъ я вамъ, какъ нашъ генералъ на Черномъ морѣ миражемъ любовался?

— Нѣтъ—нѣтъ! пожалуйста, расскажите!—восклицаетъ тотъ.

— Постараюсь передать вамъ точь въ точь тѣми-же словами, какъ самъ слышалъ отъ Баранка, говорю ему.

— Это, знаете, было, когда генералъ возвращался изъ Турціи въ 1879 году. Сѣлъ онъ, кажется, въ Буюкъ-Дере на громадный пароходъ добровольчаго флота «Россія». Вмѣстѣ съ нимъ былъ пассажеръ цѣлый пехотный полкъ, со всѣмъ обозомъ и лошадьми. Ну, вы конечно поймете, что при такой массѣ народа услѣдить за порядкомъ было очень трудно. День былъ чудный. Солнце ярко сияло. Генералъ спѣль въ каютахъ-компаний, въ обществѣ офицеровъ N полка, и, по обыкновенію, занималъ ихъ своими боевыми разсказами. Вдругъ вѣтъ гаетъ командиръ парохода и торопливо докладываетъ генералу:

— Ваше превосходительство, не угодно-ли будетъ полюбоваться рѣдкимъ явленіемъ на Черномъ морѣ, миражемъ?—Генералъ встаетъ, а за

*) Мѣстечко въ ахаль-текинскомъ оазисѣ.

нимъ, конечно, и все офицеры. Скобелевъ подымается за капитаномъ на мостикъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, не угодно-ли взглянуть: передъ нами совершенно ясно видно устье Дуная, тогда какъ по курсу мы находимся болѣе 100 верстъ отъ берега,—торжественнымъ голосомъ объясняетъ капитанъ. Мы смотримъ и любуемся. Устье Дуная, его берега, даже деревья отчетливо виднѣлись. Миражъ, казалось, все становился рѣзче и отчетливѣе. И чѣмъ дальше мы подаемся, тѣмъ Дунай становится виднѣе, даже цвѣть воды отдѣляется замѣтнѣе.

Въ это время все видятъ, какъ красивый пѣхотный офицеръ Абадзіевъ, который состоялъ при Скобелевѣ, ловко взобрался на самую верхушку мачты и оттуда наблюдаетъ за горизонтомъ. Мачта шибко качается и дрожитъ.

— Слѣзайте прочь, Абадзіевъ! Я васъ подъ арестъ посаджу! Какъ вы смѣете лазить безъ спросу?—сердито кричитъ на него Скобелевъ, боясь, чтобы тотъ не свалился.

— Не прикажете-ли лотъ бросить?—не безъ иѣкотораго смущенія въ полголоса спрашиваетъ капитана его помощникъ. Тотъ въ недоумѣніи.

— Да, пожалуй, прикажите.—И затѣмъ, какъ-бы въ свое оправданіе передъ генераломъ, кричитъ, не отрывая глазъ отъ бинокля:

— Да вѣдь курсъ-то вы провѣрили?

— Такъ точно,—отвѣчаетъ тотъ.

Бросаютъ лотъ—40 футъ глубины. Мы, какъ есть, полнымъ ходомъ валляемъ въ берегъ.

— Стопъ машина!—оретъ капитанъ.

— Что такое?..—Шумъ! Переполохъ! Оказывается: солдаты, сколько за ними ни слѣдили, успѣли навалить цѣлую груду ружей, шашекъ, штыковъ, какъ разъ взорѣ компаса; ну, конечно, стрѣлку и отклонило.

— Вотъ вамъ и миражъ!—смѣясь говорить Ушаковъ.—Нечего сказать, угостили генерала рѣдкимъ явленіемъ на Черномъ морѣ!

ГЛАВА III.

Б е р л и нъ.

15-го апрѣля, на Варшавскомъ вокзалѣ собрались родные и знакомые, проводить Михаила Дмитріевича Скобелева. Онъ уѣзжалъ за-границу. Генералъ былъ въ сѣренъкомъ птатскомъ пальто и въ сѣромъ цилиндрѣ.

Не скрою, что видъ его въ этомъ костюмѣ, по крайней мѣрѣ для меня, былъ несолько комиченъ. Скобелеву не шло штатское платье. Его ма-неры держаться, его походка, разчесанныя на-право и на-лево бакенбарды постоянно напоминали военнаго. Но вотъ раздается второй звонокъ. Скобелевъ входитъ въ вагонъ. За нимъ слѣдуетъ бывшій его гувернѣръ, французъ Жирардѣ, господинъ почтенныхъ лѣтъ, маленький, худенький, подвижной, со склоненной сѣдоватой бородкой. Скобелевъ очень любилъ Жирардѣ. Затѣмъ вхожу и я. Ко мнѣ заходить въ вагонъ проститься братъ мой Николай Васильевичъ, извѣстный дѣятель по молочному хозяйству. Я познакомилъ его съ генераломъ, и тотъ такъ сердечно обошелся съ братомъ, точно и вѣкъ знакомъ былъ. Братъ до сихъ порь не можетъ забыть этой встрѣчи. Надо правду сказать, Михаилъ Дмитріевичъ умѣлъ покорять сердца людей.

Сосѣднее отдѣленіе нашего вагона занялъ знакомый Михаила Дмитріевича, нѣкто П. Онъ тожеѣхалъ въ Парижъ. П. оказался преостро-умнымъ господиномъ, и всю дорогу потѣшалъ Скобелева своими раз-сказами.

Надо прибавить, что я за-границей никогда не бывалъ, если не счи-тать Турціи и Румыніи. Поэтому, чѣмъ дальше подвигались мы къ за-паду, тѣмъ для меня все становилось интереснѣе и интереснѣе.

Въ Берлинѣ мы пробыли сутки. Остановились въ гостиницѣ «Петербургъ». Утромъ, напившись кофе, Скобелевъ пошелъ со мной прогу-ляться по главной улицѣ «Unter den Linden». Улица эта очень мнѣ понравилась: широка и чисто содержана; зданія-же, на мой взглядъ, не представляютъ собой ничего особенного. Первое, что поразило меня здѣсь, это пара громадныхъ договъ пепельной масти. Запряженные въ маленькую телѣжку, они мирно лежали на панели, при входѣ въ какую-то лавочку, высунувъ свои длинные красные языки.

Дорогой Скобелевъ зашелъ въ лучший книжный магазинъ и заказалъ переслать ему въ Россію все, что вышло замѣчательнаго, касающагося до военнаго дѣла за послѣдніе два-три года. Заказъ этотъ, какъ потомъ я узналъ, обошелся моему генералу приблизительно около 1000 марокъ. Когда мышли обратно въ гостиницу, то встрѣтили, около Бранденбург-скихъ воротъ, полкъ солдатъ съ музыкой. Толпа мальчишекъ шла впе-реди и старалась попадать въ ногу. Солдаты франтовски одѣты и, по-видимому, хорошо содержаны. Когда знамя полка поровнялось съ нами, Скобелевъ, чтобы отдать честь, высоко поднимаетъ надъ головой шляпу. Только что прошелъ полкъ, какъ смотрю, намъ навстрѣчу ѻдетъ въ от-крытой коляскѣ Императоръ Вильгельмъ. Его характерное лицо, съ сѣ-дыми бакенбардами и закрученными кверху усами, трудно было не при-знать. Скобелевъ опять снимаетъ свой сѣрий цилиндръ и, когда Виль-гельмъ проѣхалъ, съ нѣкоторымъ паѳосомъ говорить мнѣ:

— Я очень люблю этого человѣка; онъ достоинъ уваженія.

Что непріятно поразило меня тогда въ Берлинѣ, это страшная солдатчина. Она проглядывала во всемъ и на каждомъ шагу.

Вотъ навстрѣчу намъ идетъ молодой офицеръ, стройный, бѣлокурый. Лицо гладко выбрито; рыхлые усыки тонко закручены кверху. Посмотрите, до чего оригинальна вся его фигура: плечи подняты чуть не до ушей; грудь какъ-то неестественно выпячена, и такая высокая, какой я не встрѣчалъ у самыхъ здоровыхъ моихъ казаковъ. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, не подложено-ли было у него тамъ что-нибудь, въ родѣ ватки. Лѣвой рукой офицеръ слегка придерживалъ золоченый сабль сабли, а правую гордеюще засунулъ за бортъ сюртука. При этомъ локтями такъ вывертывалъ, точно они были у него на пружинахъ. И что мнѣ въ особенности странно показалось: при встрѣчѣ съ прохожими, офицеръ этотъ, какъ будто никого не замѣчалъ, шелъ совершенно прямо, точно все были обязаны давать ему дорогу. А ужъ важности въ лицѣ его было столько, что и разсказать нельзя. Я увѣренъ, что у самаго Мольтке такой важности и десятой доли никогда не бывало. За этимъ офицеромъ встрѣтили мы десятка два другихъ, и у всѣхъ видъ былъ точно такой-же, и всѣ были съ богатырскими грудями.

— И чего они такъ важничаютъ, думаютъ, что уже это очень умно, что-ли? — говорю дорогой генералу. Такъ Скобелевъ мнѣ на это съ досадой отвѣтилъ:

— А что станешь дѣлать! Они могутъ важничать: они имѣютъ право на это.

Отъ Берлина до Кельна.

Поѣздъ мчится съ замѣчательной быстротой. Я смотрю въ окно вагона и любуюсь видомъ окрестностей. Селенія за селеніями, городъ за городомъ такъ и мелькаютъ, точно во снѣ. И какая громадная разница съ Россіей! Нѣтъ здѣсь соломенныхъ крышъ, нѣтъ этого длиннаго ряда бревенчатыхъ домиковъ, выстроенныхъ въ одинъ порядокъ. Нѣтъ этой невыходной грязи на улицахъ. Постройки здѣсь все каменные, прочные, крытыя большою частью черепицею. Улицы мощеные. Вездѣ чистота.

Начинаетъ темнѣть. Поѣздъ несется все съ той-же стремительностью. Не помню, отъ какой станціи, по обѣ стороны дороги начались фабрики и заводы, и что дальше, то больше. Такого громаднаго количества фабрикъ, сосредоточенныхъ въ одномъ районѣ, я никогда и не предполагалъ. Ночь уже совсѣмъ наступила. Я продолжаю смотрѣть въ окно и не могу оторвать глазъ отъ этой удивительной картины. Мнѣ рѣшительно представляется, что я ёду по какому-то закодованному миру гномовъ. Тысячи трубъ извергаютъ столбы огненнаго дыма. Чудовищныя печи,

раскаленныя до красна, въ ночной темнотѣ зловѣще пылаютъ. Огненныя языки по временамъ вырываются изъ жерлъ печей и, какъ-бы облизывая самый оставъ трубы, высоко взлетаютъ къ небу. Тысячи оконъ въ громадныхъ фабричныхъ зданіяхъ, освѣщенныхъ электричествомъ, мелькаютъ на темномъ фонѣ подобно звѣздамъ. Озаренный отнемъ лица рабочихъ, снуящихъ около печей, среди моря дыма и пламени, дополняютъ эту волшебную картину. И эта картина тянется не двѣ, не три версты, а нѣсколько станцій. Стоить только проѣхать отъ Берлина до Кельна, чтобы понять удивительную заводскую дѣятельность Германіи.

Жирардѣ.

До нѣмецкой границы мыѣхали въ отдѣльномъ купе. Далѣе-же по Германіи—въ общемъ вагонѣ 1-го класса. Здѣсь настѣнною дорогу смѣшилъ своимъ поведеніемъ господинъ Жирардѣ. Онъ, какъ истый французъ я патріотъ, вообще не любилъ нѣмцевъ; со времени же войны 1870 года, возненавидѣлъ ихъ всѣй своей душой. А потому, какъ только мыѣхались въ нѣмецкій вагонъ и поѣхали по нѣмецкой землѣ, нашего Жирардѣ, до того времени болтливаго и веселаго, какъ и всѣ французы, не возможно было узнать: такъ онъ стихъ, прижался въ уголъ и только изрѣдка мрачно поглядывалъ исподлобья. Если-же Скобелевъ, смѣясь, обращался къ нему съ какимъ-либо вопросомъ, чтобы хотя сколько-нибудь развеселить его, то Жирардѣ, сухо, коротко и даже грубо отвѣчалъ, и затѣмъ снова впадалъ въ прежнее меланхолическое настроеніе. Онъ просто не могъ слышать гнусливаго восклицанія кондукторовъ на станціяхъ: «Bitt' aufsteigen, ihr Platz nehmen!»

Каждый разъ, какъ онъ слышалъ эти слова, онъ саркастически улыбался и вполголоса презрительно повторялъ исковерканымъ манеромъ эту фразу. За то надо было видѣть этого француза, когда, наконецъ, раздалось давно ожидаемое имъ «Erquelines», название пограничной станціи.

Жирардѣ точно переродился. Какъ-то выросъ, выпрямился. Маленькая, круглая шапочка, надвинутая-было на брови, теперь съѣхала на затылокъ. Онъ такъ повеселѣлъ, что готовъ былъ на каждой станціи пѣловаться не только что съ кондукторомъ, но даже съ каждымъ смазчикомъ.

Я вѣдь душѣ сравнивалъ его вѣ это время съ самимъ собой, когда, бывало, въ юности, я возвращался изъ Петербурга на родину. И когда подѣѣжалъ я къ нашей деревнѣ, то готовъ былъ тоже броситься на шею первому крестьянину, лишь-бы онъ былъ «нашъ».

Когда мы вступили въ первый разъ на французскую платформу, Жирардѣ сдѣлся просто смѣшонъ. Онъ былъ въ какой-то ажитаціи. То

онъ хваталъ Скобелевъ подъ руку и тащилъ его что-то показывать, то П., то меня. Все онъ находилъ здѣсь прекраснымъ, цѣлесообразнымъ и въ десять разъ лучшимъ, чѣмъ на нѣмецкихъ дорогахъ. Онъ даже уговорилъ меня зайти въ буфетъ и спросить бульону и чашку кофе. Но бульонъ оказался весьма плохого качества, а кофе подали въ какой-то полоскательной чашкѣ со столовой ложкой, вместо чайной, такъ неаппетитно, что я и пить не сталъ. Когда-же мы тронулись дальше, и я замѣтилъ Жирадѣ, что нѣмецкіе вагоны гораздо удобнѣе и лучше французскихъ, то онъ не на шутку обидѣлся и сказалъ, что я говорю это только для того, чтобы его разсердить. Жирадѣ не могъ допустить, чтобы у нѣмцевъ было что-либо лучше, чѣмъ у французовъ. Въ этомъ отношеніи онъ увлекался до крайности. Какъ сейчасъ смотрю на него: сидитъ онъ у окна вагона, вертитъ между пальцами свою маленькую серебряную табакерку и съ жаромъ что-то объясняетъ Скобелеву. Сѣдая бородка его такъ и трясеется. Онъ видимо расхваливаетъ своему соѣду воздѣланныя и обработанныя окрестности. «*Voilà, voilà!.. et ces canaux... les Allemands... aucune idée»*... долетаютъ до меня его отрывочныя восклицанія...

Окрестности, дѣйствительно, очаровательны. Поля, парки, сады. Восхитительныя, какъ игрушки, дачки, каналы, мосты, шоссе такъ и мелькаютъ передъ глазами. Нигдѣ не видно ни пяди невоздѣланной земли. Все обработано. Вездѣ видна рука человѣческая.

Пока я такъ любовался окрестностями, вдругъ слышу позади себя сердитый голосъ П.

— Чортъ знаѣть, да куда-же онъ дѣлся?

Смотрю, мой соотечественникъ, съ заспаннымъ, сердитымъ лицомъ, стоять въ своей сѣренѣкѣ визиткѣ наклонившись, и чего-то ищетъ. На правой ногѣ надѣть ботинокъ, а на лѣвой нѣть.

— Да вы искали-ли подъ скамейкой? — говорю ему.

— Да уже вездѣ искалъ!

Мы принимаемся шарить вмѣстѣ. Элегантно разодѣтые пассажиры-французы, мужчины и дамы, которые во множествѣ усѣлись на послѣднихъ станціяхъ подъ Парижемъ, вѣжливо стоятъ, и, не безъ улыбки, позволяютъ намъ искать кругомъ. Ботинокъ какъ въ воду канулъ. Не иначе, какъ его выкинуль ногой, по неосторожности, кондукторъ, который ночью заходилъ проверять билеты. Вагоны-же устроены такъ, что каждого отдѣленія дверь выходить наружу.

Въ это время поѣздъ круто, почти съ полнаго ходу, останавливается и раздается магическій возгласъ «*Paris*». Говорю магическій, потому что это слово, какъ электрическій токъ, пронизало меня, и мои спутники, вѣроятно, тоже чувствовали что-то необыкновенное.

Я устремляюсь изъ вагона за Скобелевымъ и Жирадѣ. Въ это время

чувствую, кто-то дергаетъ меня за пальто. Смотрю. П. уже въ туфляхъ, стоять нѣсколько сконфуженный и просить меня ѿхать съ нимъ вмѣстѣ покупать ботинки. Такъ я и сдѣлалъ.

ГЛАВА IV.

П а р и жъ.

Я уже говорилъ, что до этого времени нигдѣ за-границей, кромѣ Турціи и Румыніи, не бывалъ. Поэтому все, что я увидалъ здѣсь,—все казалось для меня совершенной диковиной. Роскошныя зданія, чудныя мостовыя, толкотня на улицахъ, элегантные костюмы, роскошные экипажи,—все поражало и удивляло меня по своей новизнѣ и оригинальности. мнѣ почему-то казалось, что все это только и существует, что въ Парижѣ и нигдѣ больше, хотя многое изъ того, что я увидалъ здѣсь, можно было встрѣтить и въ другихъ городахъ Европы.

Что прежде всего удивило меня, когда мы вышли на вокзалъ—это здѣшніе извощики. Ихъ нельзя было даже съ берлинскими сравнивать, не только что съ петербургскими.

Сначала, когда я увидалъ ихъ, то принялъ за собственные экипажи. Глаза мои по привычкѣ искали нашихъ «Ванекъ» съ открытыми, обтрепанными дрожками и несчастными, заморенными лошаденками. И что же! Вдругъ эти элегантныя, одноконныя каретки, запряженныя красивыми рослыми лошадьми, оказались извощицами экипажами. Кучера, въ своихъ синихъ ливреяхъ, съ блестящими металлическими пуговицами, въ высокихъ шляпахъ, съ какими-то громадными бутоньерками на бокахъ, показались мнѣ такими важными господами, что ежели-бы не П., то я не сразу рѣшился бы напоминать ихъ.

Надо правду сказать, что я долго не могъ привыкнуть къ здѣшнимъ кучерамъ. Каждый разъ, когда мнѣ случалось напоминать подобного господина, когда тотъ, закинувъ голову на кузовъ кареты, сложивъ по на-полеоновски руки на груди, величественно отдыхалъ, и, прежде чѣмъ согласиться везти, окидывалъ меня съ ногъ до головы своимъ высокомѣрнымъ взглядомъ, рука моя невольно тянулась къ шляпѣ, дабы извиниться, что я осмѣлился нарушить его спокойствіе.

Помѣстился я въ гостиницѣ «Grand-Hôtel». Оставилъ въ номерѣ свои вещи, взять провожатаго и тотчасъ-же побѣжалъ съ нимъ осматривать Парижъ.

Трудно описать то чувство, которое я испытывалъ здѣсь, послѣ цѣлаго года, проведенного въ текинскихъ пескахъ; въ первые дни, гуляя по великодѣйнымъ улицамъ и бульварамъ этого удивительного города.

Ведь впоследствии живаль-же я подолгу въ другихъ большихъ городахъ, напримѣръ: Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ, но ничего и близко похожаго на Парижъ я тамъ не нашелъ.

Хоропю помню, что когда усядешься, бывало, поудобнѣе на скамеечкѣ гдѣ-нибудь въ Champs Elysées, или въ саду Тюльери, или гдѣ въ другомъ подобномъ прелестномъ мѣстечкѣ, откуда одновременно можно спокойно наблюдать и дѣтскія игры, и хорошенкія личики боннѣ и гувернантокъ, и роскошныхъ барынь-красавицъ, разодѣтыхъ въ роскошные костюмы отъ Ворта, и въ удивительныхъ пляшкахъ отъ Феликса, и въ дорогихъ экипажахъ, запряженныхъ тысячными лошадьми,—то я чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ нигдѣ.

И вспомнился мнѣ тутъ разскѣзъ брата Василія о томъ, какъ онъ разъ, послѣ турецкой войны, встрѣтилъ въ самомъ этомъ саду Тюльері знакомаго старика, генераль-адютанта, князя N., и на вопросъ брата: «что вы, князь, здѣсь дѣлаете?»—тотъ, умилъно улыбаясь отвѣтилъ:

— На боннушекъ смотрю, смерть боннушекъ люблю!

Въ Парижѣ мнѣ очень понравилась бульварная жизнь. Здѣсь, чутъ не на каждомъ углу, можно сѣсть на скамейку или стулъ, спросить себѣ кружку пива или чашку кофе и, пошивая, любоваться на самую разнообразную публику. Одно это уже доставляло мнѣ несказанное удовольствіе.

Въ первый день по приѣздѣ въ Парижъ, я только обѣгалъ и осмотрѣлъ, столько увидалъ новаго, столько восхищался и удивлялся, что, когда поздно вечеромъ вернулся домой и легъ спать, то въ головѣ моей образовался какой-то сумбуръ, а ноги, отъ усталости такъ заныли, точно пхъ кто палками отколотилъ.

Помню, улегся я въ постель и началъ соображать, гдѣ былъ и что видѣлъ. Прежде всего представился мнѣ дворецъ, Лувръ. И странное дѣло! Отъ чрезмѣрнаго утомленія что-ли, только ни одна изъ тѣхъ картинъ, которыми я, такъ восхищался, не воскресла въ моей памяти; а вотъ нѣсколько оборванцевъ, которые мѣрно почивали на роскошныхъ диванахъ, какъ живые выросли передо мной. Помню, какъ меня тогда еще поразило, что никто изъ прислуги не воспрещалъ имъ спать тутъ. За Лувромъ возстаѣтъ въ памятіи биржа, и опять-таки не по своей замѣчательной архитектурѣ, а потому, какъ я стою на хорахъ и смотрю внизъ на маклеровъ, которые, точно сумасшедши, во все горло выкрикаютъ цѣны на разныя бумаги и фонды. Въ ушахъ такъ и слышится: «Рапама! Рапама!»

Съ биржи точно вѣтромъ переносить меня на верхушку башни св. Якова. Ухъ, какъ wysoko! Весь Парижъ какъ на блюдечкѣ!

И много-много чего припомнилось мнѣ въ эту ночь, но все точно въ туманѣ.

Въ «Grand Hôtel» оставался я не долго, всего дня три, четыре. А затѣмъ Жирардѣ нашелъ мнѣ двѣ меблированныя комнаты, очень чистенькия, во второмъ этажѣ, въ самомъ центрѣ города. Съ прислугой, утреннимъ кофе, съ булкой и масломъ, всего за 105 франковъ въ мнѣ-сяцъ, что, конечно, было крайне дешево. Вѣдь это на наши деньги составляло всего 42 рубля.

Жирардѣ, крѣпко заботясь о томъ, чтобы я устроился въ Парижѣ какъ можно дешевле, повелъ меня разъ въ одинъ ресторанъ, гдѣ, по его словамъ, можно было получить чрезвычайно дешевый домашній столъ.

Когда мы пришли туда, я чуть не расхохотался.

Въ длинной полутемной комнатѣ стояла узенький столъ, за которымъ сидѣло человѣкъ 20 мужчинъ, и точно нарочно подобраны—все старички, маленькие, сѣденые, худонѣкіе. Въ концѣ стола стояла здоровенная хозяйка въ голубомъ платьѣ, бѣломъ передникѣ, съ засученными по локоть рукавами, молодая, красивая, грудь очень высокая, хозяйка разливала супъ по тарелкамъ и положительно казалась Геркулесомъ передъ своими гостями. Я съ Жирардѣ примащиваемся на край стола.

Мнѣ очень интересно было узнать, неужели въ Парижѣ можно получить за $1\frac{1}{2}$ франка порядочный обѣдъ? Пробую супъ — тепленьккая водичка, пахнетъ какои-то зеленью. Я сѣѣль для вида нѣсколько ложекъ, чтобы не обидѣть хозяйки. Та въ это время, кончивъ разливать супъ, величественно посматривала на насть, подпершись въ бока своими голыми розовыми руками. Въ залѣ тишина. Слышишь только прихлѣбываніе горячей жижицы, да согѣніе стариковъ.

— Pergmettez-moi, madame, encore une goutte — вдругъ слышу, жалобно поеть мой сосѣдъ, маленький старичкашка, съ большими очками на носу, завѣшенный салфеткой, какъ дитя, и въ то-же время дрожающими руками протягиваетъ хозяйкѣ тарелку. Его голосъ и манера удивительно напомнили мнѣ въ эту минуту пансіонъ, гдѣ школьнікъ за обѣдомъ робко просить надзирательницу прибавить ему кушанья. Признаться сказать, я удивился смѣлости моего сосѣда. Казалось, не только что отъ одного маха руки дебелой хозяйки, а даже отъ одного ея «помаванія» бровями, какъ выражается Гиѣдичъ, въ своемъ переводѣ Иліады, все эти старики должно было бы свалиться подъ столъ. Но дѣло обошлось благополучно: хозяйка что-то бурчить стоящей за ея спиной горничной, въ такомъ же бѣломъ передникѣ и бѣломъ чепцѣ; почти не глядя, илещетъ на тарелку ложку супу и затѣмъ также величественно продолжаетъ наблюдать за своими «habitués». Памъ подали еще по куску говядины, дали какое-то сладкое, похожее на мороженое,—и все.

И больше не пошелъ туда, ужъ очень скучно показалось.

По приѣздѣ въ Парижѣ, я немедленно написалъ брату письмо въ

«Maisons-Laffite», где у него была своя дача, и въ тот же день получалъ отвѣтъ, что онъ ждеть меня.

На вокзалѣ «St. Lazare» сажусь въ вагонъ, и черезъ полчаса поѣздъ останавливается у станціи «Maisons-Laffite», или, какъ кондуктора выкликали, просто «Maisons».

Я очень любилъ брата и страстно желалъ его увидать. Не безъ волненія сажусь въ извозчичій фіакръ и велю везти себя на «Place Napoléon».

— Chez M-r Wereschaguine? Vous êtes le frère de Monsieur? Vous lui ressemblez beaucoup! — восклицаетъ кучерь, красивый черноватый мужчина, съ плохо выбритымъ подбородкомъ и щетинистыми черными усами. Онъ пристально смотритъ на меня и, не оборачиваясь къ лошади, продолжаетъ нахлестывать ее длиннымъ гибкимъ бичомъ.

— Quel est votre nom? — спрашиваю я.

— Henri — отвѣтываетъ кучерь.

— Et vous connaissez mon frère?, не безъ удовольствія спрашиваю я, гордясь въ душѣ за брата, что его такъ хорошо здѣсь знаютъ.

— Mais comment donc! Tout le monde le connaît! — восклицаетъ тотъ.

Мѣсто, где жилъ братъ, пресимпатичное. И такъ какъ онъ искалъ уединенія, вдали отъ городского шума, то лучшаго мѣста, где онъ выстроилъ себѣ дачу, трудно было найти. Дорога шла сначала городомъ, а затѣмъ тѣнистыми бульварами, одинъ другого лучше. Минутъ такъ черезъ 5—6 мелькнула въ концѣ бульвара блѣнѣкій домикъ.

— Voici la maison de monsieur votre frère — весело восклицаетъ Henri, указывая бичомъ. Мы круто заворачиваемъ и останавливаемся у калитки рѣшетчатаго забора. Я щедро разсчитываю кучера и направляюсь черезъ дворикъ въ домъ. Брать встрѣтилъ меня на подъѣздѣ. Мы сердечно поздоровались. Домъ былъ очень мило и удобно выстроенъ, при чемъ большую часть его занимала громадная мастерская, въ 30 метровъ длины. Самая большая картины казались въ этой мастерской совсѣмъ не такъ велики. Онъ жилъ одинъ съ женой, совершиеннымъ отшельникомъ, по близости его даже не было никакихъ построекъ. Брать рѣдкоѣздила въ Парижъ и весь былъ преданъ своей работѣ. Онъ показалъ мнѣ кое-какія свои новыя работы. Затѣмъ мы позавтракали и превосходнымъ «ragout», погуляли, поговорили, а вечеромъ я отправился пѣшкомъ на вокзалъ.

На обратномъ пути на вокзалъ я былъ удивленъ, когда увидѣль, какъ старики французы, бодрые, коренастые, снявъ верхнюю одежду, весело играли на бульварахъ вмѣстѣ съ мальчишками въ шары. У насъ въ Россіи навѣрное приняли бы этихъ стариковъ за сумасшедшихъ, думалось мнѣ, а здѣсь это, вѣроятно, такъ принято.

Утромъ, такъ часовъ въ 9, сажусь въ фіакръ и еду къ Скобелеву

въ Rue du Colys  . День солнечный, теплый. Жирад   нашелъ генералу отличное помѣщеніе. Это былъ совершенно отдаленный маленький домикъ, въ три этажа, окнами на улицу.

Въ каждомъ этажѣ было всего по три небольшихъ комнаты. Генераль помѣстился въ среднемъ этажѣ, Жирад   внизу, а Ушаковъ на верху. Михаилъ Дмитріевичъ еще только одѣвался, когда я взошелъ къ нему. Онъ находился въ отличномъ настроеніи духа. Жирад   былъ тутъ же, тоже веселый, суетился и леталъ, какъ на крыльяхъ, что между прочимъ нисколько не мѣшало ему рассказывать анекдоты и потешать Михаила Дмитріевича. Еще подымаясь по лѣстницѣ, я услыхалъ, сквозь открытые настежь двери и окна, веселый картавый смѣхъ Скобелева и его воскликаніе, относящееся къ Жирадѣ: «Ахъ бебе, ты меня уморишь отъ смѣха»!

— А-а-а! гдѣ вы пропадаете? Я думалъ что вы запутались въ Парижѣ?—кричтъ онъ, увидѣвъ меня.—Я уже за вами посыпалъ моего «бебе»! Такъ называлъ генераль въ веселыя минуты своего Жирадѣ, и генераль весело протягиваетъ мнѣ руку.

— Ну что братъ вашъ, Василій Васильевичъ? Надо къ нему съѣздить, провѣдать его!—говорить онъ. Я, будучи заранѣе предупрежденъ братомъ, чтобы отговорить генерала отъ этой поѣздки, передаю ему, что братъ самъ на-дняхъ пріѣдетъ къ нему.

Пока мой Михаилъ Дмитріевичъ одѣвался, смотрю на улицу и вижу, какъ мимо оконъ, съ портфелемъ подъ мышкой, прогуливается какой-то высокій господинъ съ рыжими бакенбардами и подстриженными усами, въ сѣромъ клѣтчатомъ длинномъ пальто, съ клапаномъ назади. Брюки тоже клѣтчатыя, подвернуты снизу, чтобы не пачкались. Ботинки на толстыхъ подошвахъ. Цилиндръ хотя и чистенький, но уже не первой свѣжести. Подъ мышкой дождевой зонтикъ. Все въ этомъ господинѣ изобличало практичность и аккуратность.

Мое окно выходило какъ разъ надъ подъѣздомъ, у котораго стоялъ привратникъ, стариокъ, въ вязаной полосатой курточкѣ, на головѣ вязаная же круглая шапочка съ кисточкой, на ногахъ вышитыя пестрыя туфли. Во рту у старика дымилась коротенькая трубочкa. Господинъ подходитъ къ привратнику и, замѣтно, уже не въ первый разъ, что-то горячо начинаетъ ему объяснять, при чемъ безпрестанно указываетъ зонтикомъ на генеральскія окна. Я слышу его отрывочныя восклицанія на французскомъ языкѣ съ английскими пропизншеніемъ.

— Pouvez... Dg  neral Skobeleff... on peut pas... entrer?

— А! понимаю! Это, вѣрно, какой нибудь англичанинъ корреспондентъ желаетъ попасть къ генералу,—разсуждаю я. Тотъ тѣмъ временемъ продолжаетъ убѣждать старика и тыкать зонтикомъ въ нашу сторону. Но привратнику, вѣроятно, было строго приказано непускать

корреспондентовъ. Онъ флегматично покуривалъ, по временамъ сплевывалъ на сторону и, видимо, не обращалъ на англичанина никакого вниманія. Тотъ, наконецъ, отходитъ отъ сторожа и снова терпѣливо принимается мѣрить панель, при чемъ дѣластъ громадные шаги и на ходу, слегка какъ-бы присѣдастъ.

Я иду наверхъ провѣдать Ушакова. Михаилъ Ивановичъ отлично устроился. Его комната, точно такъ-же, какъ и у генерала, богато меблирована, и полы почти сплошь обтянуты коврами и толстымъ сукномъ. Я передаю ему по поводу корреспондента, и въ отвѣтъ узнаю, что эти господа не даютъ прохода генералу, и что ихъ приказано принимать только въ извѣстные часы.

— Мы сегодня все вмѣстѣ ёдемъ завтракать въ ресторанъ «Pied de mouton», — разсказываетъ Михаилъ Ивановичъ. — Ресторанъ этотъ содержитъ старинный знакомый Михаила Дмитріевича, M-r Frédéric. Онъ приѣдетъ въ 11 часовъ, а послѣ завтрака отправляется осматривать его винный погребъ. Генералъ желаетъ купить у него вина для Спасскаго *). Онъ просилъ непремѣнно, чтобы и вы съ нами ѿшли, — добавилъ Ушаковъ.

Дѣйствительно, ровно въ 11 часовъ прїезжаетъ Frédéric, уже по-ижлой господинъ, средняго роста, полныи, щеки гладко выбриты, длинные черные усы ровно приглажены, одѣть, какъ говорится, съ иголочки: въ черномъ сюртуке, галстукъ заколотъ богатой булавкой. На лѣвой рукѣ накинуто легкое «pardessus» на шелковой подкладкѣ, въ рукахъ элегантная трость. На головѣ новый, лоснящійся, черный цилиндръ. Сравнително съ Фредрикомъ, я, Ушаковъ, да и самъ генераль, были одѣты совершенно по-лакейски.

Когда мы вышли съ Ушаковымъ, чтобы садиться въ экипажъ, вижу, англичанинъ корреспондентъ уже успѣлъ побывать у генерала и крѣпко пожималъ ему руку.

— All right, general Skobelev! All right! — точно сквозь зубы цѣдилъ, выкрикивалъ онъ на прощанье.

Скобелевъ садится въ одинъ экипажъ съ Жирардѣ; я, Ушаковъ и Фредрикъ въ другой и мы ёдемъ къ «Halles Centrales». Здѣсь, въ довольно грязной мѣстности, стоялъ небольшой домъ. На немъ красовалась надпись: «Pied de mouton». Входимъ въ ресторанъ и садимся у окна. На столѣ моментально появляются всевозможныи закуски; между прочимъ, креветки, до которыхъ генераль былъ большой охотникъ, устрицы, раковинки подъ названіемъ «moules» и какія-то маленькия птички подъ бѣлымъ соусомъ, въ родѣ нашихъ перепеловъ, только еще мельче. Рядомъ, на табуреткѣ, ставятъ вазу съ замороженнымъ шампанскимъ. Скобелевъ любитъ шампанское. Онъ находится въ отличномъ настроеніи:

*) Спасское, родовое имѣніе генерала въ Рязанской губерніи.

весело потираетъ руки передъ хорошимъ завтракомъ, безпрестанно осматриваетъ по сторонамъ, и взоромъ ищетъ хорошеныхъ лицъ. Фредрика съ нами неѣть, онъ тамъ, на кухнѣ, изъ всѣхъ силъ выбивается, чтобы угодить генералу. Между прочими закусками, я кладу себѣ на тарелку и тѣхъ маленькихъ птичекъ подъ бѣлымъ соусомъ. Превкусия. Обсосавъ ихъ до посѣдней косточки, протягиваю тарелку Ушакову и говорю:

— Положите-ка мнѣ, Михаилъ Ивановичъ, пожалуйста, еще этихъ птичекъ, прелестъ какая вкусная!

— Кх-кх-кх! — разражается смѣхомъ нашъ генераль, чуть не на весь ресторанъ, такъ что мнѣ даже совѣстно стало.

— Что это, ваше превосходительство, такъ громко смеетесь? — говорю я нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Да вѣдь вы лягушекъ наѣлись! — восклицаетъ Скобелевъ и не перестаетъ смеяться. Признаться сказать, какъ только онъ выговорилъ слово «лягушка», такъ у меня мгновенно сперло-было подъ горломъ и, что называется, потянуло съ души; смотрю, товарищи преспокойно щѣдятъ себѣ это самое кушанье: тогда и я пересиливаю себя и сѣѣдаю вторую порцію.

Послѣ завтрака мы весело катимъ въ двухъ фіакрахъ осматривать погребъ Фредрика. Входимъ въ низенькое каменное зданіе съ землянымъ поломъ. Довольно темно. По стѣнамъ, на толстыхъ полкахъ стоять различной величины боченки.

Пока мы разматривали подвалъ, вдругъ появляется Фредрикъ, уже преобразившійся въ спинную блузу, въ какой ходятъ мастеровые, и съ удивительной, свойственной только однимъ французамъ, любезностью, начинаетъ уговаривать насъ различными винами изъ разныхъ боченковъ. Вино цѣдилъ онъ въ красивую серебряную чарочку въ родѣ той, изъ какой у насъ запиваютъ причастіе. Черезъ нѣкоторое время, мы все опускаемся на подъемной машинѣ во второй этажъ подвала, и здѣсь начинается опять проба вина. Изъ второго этажа спускаемся въ третій, и опять давай пробовать. Здѣсь я пилъ «Бордо» въ 20 франковъ бутылку, и это, какъ сказаль мнѣ хозяинъ, еще далеко было не самое дорогое. Подъ конецъ я уже попросилъ хозяина вытащить меня на свѣтъ Божій, такъ какъ началъ чувствовать сильную головную боль. Погребъ Фредрика оказался превосходнымъ.

Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Парижъ, я узналъ отъ брата, что онъ предполагаетъ устраивать выставки своихъ картинъ въ различныхъ городахъ Европы.

Мнѣ пришла мысль помочь брату въ этомъ дѣлѣ. Это казалось мнѣ крайне интереснымъ, тѣмъ болѣе, что, постѣ Европы, онъ надѣялся перѣѣхать въ Америку. Братъ охотно со мной согласился.

Не откладывая въ долгій ящикъ, я послать въ Петербургъ прошеніе обѣ отставкѣ.

ГЛАВА V.

Вѣна.

Первую свою выставку братъ рѣшилъ устроить въ Вѣнѣ. Туда приглашало его общество вѣнскихъ художниковъ и предлагало для этой цѣли свой Кюнстлергаузъ.

Въ началѣ октября мы отправили въ Вѣну картины, а вскорѣ и сами туда поѣхали.

Кюнстлергаузъ, прелестное зданіе, стоитъ на берегу Дуная совер-
шеннымъ особнякомъ. Залы хотя и небольшія, но зато дневное освѣ-
щеніе приоровлено въ нихъ очень удобно. Секретаремъ Кюнстлергауза
былъ некто Валь, красивый брюнетъ, съ окладистой черной бородой,
премиальный господинъ.

По поводу нашей выставки въ Кюнстлергаузѣ происходило вѣсколько засѣданій художниковъ, на которыхъ были выяснены и заключены все условия. Общество долго не соглашалось рискнуть принять устройство выставки на половинныхъ расходахъ, т. е. убытки или барышни дѣлить пополамъ, но наконецъ рѣшилось.

Картины пришли благополучно, и мы съ братомъ дѣятельно принялись за работу. Недѣли въ три все было окончено и поставлено электрическое освѣщеніе. Всѣхъ нумеровъ картинъ было около сотни. Выставка была открыта съ 10 часовъ утра до 4 вечера, при дневномъ освѣщеніи, и съ 6 до 9 при электрическомъ. Входную плату, какъ братъ ни старался удешевить, все-таки дешевле 30 крейцеровъ намъ не удалось назначить; по воскресеньямъ же 10 крейцеровъ.

Наканунѣ открытия, мы разослали пригласительные билеты разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, всѣмъ представителямъ печати, ученаго и литературного міра и т. п. Приглашенныхъ сѣхалось множество, и уже только по этому можно было судить, что выставка будетъ имѣть успѣхъ.

Надо сказать, что въ вѣнскомъ Кюнстлергаузѣ entrée широкое и удобное. Поднявшись всего какихъ-нибудь 15 — 20 ступеней, входишь прямо въ первый залъ. Такъ вотъ, въ самомъ этомъ залѣ, противъ дверей братъ выставилъ громадную белую картину, изображавшую «Великаго Могола въ своей мечети». Картина эта, вечеромъ, при электрическомъ освѣщеніи, какъ и въ Петербургѣ, поражала своею красотою, и публика, подходя къ дверямъ Кюнстлергауза, еще снизу могла любоваться ею.

На другой день во всѣхъ газетахъ оть мала до велика, появились самые восторженные отзывы о выставкѣ. Разница въ нихъ заключалась только въ томъ, что одинъ критикъ находилъ одну картину самой лучшей, другой—другую. Выражаясь проще, всѣ газеты забили въ набатъ. Въ первый же день, при дневномъ освѣщении, перебывало болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Вечеромъ, въ то время, какъ я обходилъ залы и осматривалъ, хорошо ли падаетъ электрическій свѣтъ на картины, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, чтобы разрѣшить впускать публику, смотрю, ко мнѣ вѣгасть секретарь Валь. весь блѣдный и разстроенный, и кричитъ мнѣ по нѣмецки:

— Aber helfen Sie mir! Ich weiss nicht was mit dem Publicum machen! Die Thüre ist ja schon ausgeschlagen!

Бѣгу внизъ и еще по дорогѣ слышу, какъ дверные стекла вылетали и со звономъ падали на мозаичный полъ вестибюля. Подѣгаю къ дверямъ и прихожу въ ужасъ. Электрическій свѣтъ надъ подъѣздомъ освѣщалъ громадную толпу народа. Проѣздъ по улицѣ въ экипажахъ быть невозможенъ. Нѣсколько полицейскихъ изъ всѣхъ спѣль тщетно старались, чтобы хотя сколько-нибудь оттеснить толпу. Оставалось еще 10 минутъ до выпуска, но публика уже очертя голову стремилась войти въ Кунстлергаузъ. Передніе, тѣснѣмые задними, напирали на двери. Стекла не выдерживали напора, лопались и вылетали. Сквозь выломанныя окна просовывались головы людей, палки, зонтики, слышались крики, мольбы, шумъ, брань. Вообще творилось что-то невозможное; и я увидѣлъ, что все столпилась такъ называемая чистая публика: дамы въ роскошныхъ туалетахъ, мужчины въ цилиндрахъ. Мы съ Валемъ, конечно, немедленно же распорядились отпереть двери и выпускать публику понемногу. Куда! Только двери растворили, хлынула такая толпа, какой я потомъ никогда не видаль. Смято было все, что попалось на дорогѣ. Не знаю, успѣли-ли кому выдать билеты. Моментально всѣ залы выставки такъ наполнились, что рѣшительно негдѣ было повернуться. А на улицѣ все еще оставался громадный хвостъ. Въ это-же самое время архитекторъ Кунстлергауза, пресимпатичный толстякъ Штрейтеръ, подѣжалъ ко мнѣ и сообщилъ, что въ нижнемъ этажѣ на потолкахъ образовались трещины.

Сколько вѣтъ этотъ вечеръ перебывало народу, опредѣлить было трудно, такъ какъ я увѣренъ, что половина попала безъ билетовъ. Однимъ словомъ, успѣхъ выставки въ Вѣнѣ былъ сразу обеспеченъ.

Такъ какъ надо было ожидать съ каждымъ днемъ все большаго и большаго наплыва публики, то, въ виду того, чтобы потолки не дали еще большихъ трещинъ, мы сдѣлали распоряженіе впускать публику по частямъ, по мѣрѣ выхода прежней. Дѣйствительно, съ каждымъ днемъ, желающихъ видѣть картины все прибывало и прибывало. Секретарь

Валь, чуть-ли не на другой-же день по открытіи выставки, сказалъ мнѣ, крѣпко пожимая руку:

— Ich bin sicher, dass ihr Bruder bald so bekannt sein wird, in Wien, wie Bismarck.

И онъ сказалъ правду. Не позже, какъ черезъ недѣлю, брату нельзя было показаться ни въ одномъ ресторантѣ. Его тотчасъ-же узнавали, какъ онъ ни пряталъ свою длинную черную бороду за воротникъ пальто, и показывали чуть не пальцами. А братъ ужасно не любилъ, чтобы на него обращали вниманіе. И какъ только, бывало, замѣчалъ это, то немедленно-же звалъ кельнера, расплачивался за недопитый кофе, и мы пускались съ нимъ по Вѣнѣ искать новый ресторанъ.

Каждый день то въ той, то въ другой газетѣ, появлялись самыя хвалебныя статьи о его картинахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ занимали подъ-рядъ по два и по три фельтона.

Такъ какъ я еще въ Петербургѣ обѣщалъ моему другу Владиміру Васильевичу Стасову послать всѣ статьи, которыя только будуть казаться выставки, то я вдругъ очутился въ большомъ затрудненіи. У меня не хватало ни силъ, ни времени пробѣгать всѣ газеты и дѣлать вырѣзки. Просто пальцы заболѣли отъ ножницъ. Достаточно сказать, что за 26 дней было продано 94,892 входныхъ билетовъ и 31.670 каталоговъ.

У меня эти цифры были тогда-же тщательно записаны.

ГЛАВА VI.

БЕРЛИНЪ.

Изъ Вѣны картины перевезли въ Берлинъ, откуда мы получили уже множество приглашеній.

Изъ всѣхъ помѣщеній здѣсь больше всего намъ понравился «Кроль-Театръ». Въ немъ былъ громадный залъ, роскошно отдѣланный, но съ плохимъ дневнымъ свѣтомъ. Поэтому решено было устроить выставку при одномъ электрическомъ освѣщеніи. Въ Берлинѣ пріѣхалъ къ намъ, знакомый уже по Петербургской выставкѣ, плотникъ Яковъ, и съ нимъ еще одинъ парень, Александръ. Братъ выписалъ ихъ изъ Петербурга для того, чтобы они, кроме плотничьей работы, слѣдили еще за сохранностью картинъ и въ то-же время отбирали билеты отъ публики. Про Якова нѣмцы говорили: «Ein schöner Russe». Онъ былъ очень симпатиченъ и къ тому-же смѣшленъ. Своими плотничьими способностями онъ не разъ приводилъ въ изумленіе самыхъ дѣльныхъ мастеровъ. Такъ напримѣръ: во время устройства выставки въ Кроль-Театрѣ, коего стѣны всѣ покрыты роскошными лѣпными украшеніями, хозяинъ зала разрѣ-

шиль намъ ставить лѣса и укрѣпы для картинъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы не вбивать въ стѣны ни одного гвоздя. Нѣмецкіе плотники, кому мы ни предлагали, всѣ отказались, говоря, что невозможно безъ гвоздей поставить такія тяжелыя рамы. А Яковъ поставилъ.

Какъ теперь вижу, работаетъ онъ въ Kroll-Theater, въ своей красной кумачной рубахѣ, подпоясанной шерстянымъ пояскомъ съ молитвами. На его работу съ любопытствомъ поглядываетъ одинъ плотникъ нѣмецъ, который отказался работать, при чёмъ держитъ за руку своего сынишку, хорошенькаго мальчика лѣтъ 7—8. Вдругъ этотъ мальчишъ, видя какъ Яковъ подымаетъ большую раму, съ наивной дѣтской радостью кричитъ:

— Der Russe ist nicht dum!

Онъ, очевидно, повторялъ фразу, которую неоднократно слышалъ передъ тѣмъ отъ своего отца. Крикъ этотъ былъ такъ забавенъ, что я невольно расхохотался. Другой плотникъ, Александръ, еще совсѣмъ молодой парень, тоже здоровый, широкоплечий, съ крупными чертами лица былъ далеко не такъ красивъ, какъ Яковъ, но тоже проворенъ.

Съ пріѣздомъ ихъ, дѣло по устройству выставки у насъ пошло еще быстрѣе. Художникъ самъ указывалъ, какъ надо ставить картины, и наша работа вскорѣ была вся окончена.

Помню, во время этихъ работъ, я иду какъ-то по залѣ, смотрю, входитъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ свое сѣрененькое пальто и сѣрой шляпѣ. Онъ возвращался изъ Парижа. Какъ только я увидалъ его, не знаю почему, сердце мое сильно забилось, кровь прилила къ головѣ, и мнѣ чрезвычайно стало жалко разставаться со Скобелевымъ. Кажется, такъ и бросилъ бы все и поѣхалъ бы вмѣстѣ съ нимъ въ Россію.

Скобелевъ побыть у насъ около часа, простился, и мы съ нимъ больше не видѣлись. Не даромъ мнѣ было такъ жаль его! Черезъ 5 мѣсяцевъ его уже не стало.

«Kron-Prinz».

Передъ самымъ открытиемъ выставки, вѣтгаетъ къ намъ въ залъ придворный лакей и объявляетъ, что сю минуту пріѣдетъ кронъ-принцъ смотрѣть выставку.

Мы пдемъ встрѣтить его. Выставка была у насъ устроена въ Берлинѣ еще широкище, чѣмъ въ Вѣнѣ. Всѣ большия картины мы отдалили одну отъ другой клумбами тропическихъ растеній: пальмами, рододендронами, латаніями и т. д., такъ что, при входѣ въ залъ, картины, освѣщенные яркимъ электрическимъ свѣтомъ, производили замѣчательный эффектъ.

Наслѣдный принцъ входитъ въ залъ подъ руку со своей супругой и въ сопровожденіи не сколькихъ приближенныхъ. Брать немедленно же представляется, а затѣмъ представляетъ и меня. Наслѣдный принцъ очень любезно съ нами здоровается, проходить па средину зала и отсюда

окидывать взоромъ картины. Онъ такъ поражается выставкой, что какъ-то присѣаетъ всѣмъ корпусомъ, круто повертывается на одной ногѣ и восторженно восклицаетъ:

— Aber das ist ja prachtvoll!

Художникъ предлагаетъ кронъ-принцессѣ объяснить всѣ картины, а я отправляюсь съ кроинъ-принцемъ. Ему очень понравился военный отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ на войнѣ въ 1870 году. Въ особенности онъ долго любовался картинами «Скобелевъ подъ Шейновымъ» и «На Шипкѣ все спокойно». Супруга наслѣдного принца, какъ сама художница, сразу поняла достоинство картинъ. Она оцѣнила трудность изобразить на бѣломъ фонѣ фигуры, одѣтые въ бѣлое же, что было мастерски выполнено на одномъ индійскомъ этюдѣ. Братъ подарилъ кронъ-принцессѣ этотъ этюдъ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, такъ-же какъ и въ Вѣнѣ, наканунѣ открытия выставки, были приглашены многія лица изъ литературного, ученаго и дипломатического міра. Въ этотъ день вся площадь передъ Кроль-театромъ покрылась самыми элегантными экипажами. Обширная зала Кроль-Театра настолько наполнилась народомъ, что многимъ по-долгу приходилось стоять на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ возможно было протиснуться поближе къ картинамъ. Въ залѣ поминутно слышались восклицанія:

— Das ist ja aber reizend! Der ist ja kolossal! Ganz famos!..

М о л ъ т к е.

Въ первыи дни къ намъ очень много ходило военныхъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я встрѣчалъ по нѣскольку разъ.

Какъ-то утромъ стою въ залѣ. Публики уже собралось порядочно. Вдругъ вижу, подходитъ ко мнѣ одинъ старый служитель театра и таинственно докладываетъ на ухо:

— Graf feldmarchall Moltke! При этомъ онъ тычетъ пальцемъ въ спину на одного высокаго, тощаго военного, который скромно направлялся къ картинамъ.

— Gut, gut! говорю я и киваю ему головой, но еще не трогаюсь съ мѣста.

Сторожъ, видимо, не доволенъ моей холодностью. Онъ замѣтно удивленъ, что я не бросился опрометью представляться знаменитому стратегу,— идѣть себѣ обратно, ворчить что-то и пожимаетъ плечами. Я захожу съ боку къ старому генералу и искоса заглядываю ему въ лицо. Мольтке! Мольтке! Дѣйствительно, Мольтке! разсуждаю я съ самимъ собой. Но какое у него восковое лицо, тощее, желтовато-блѣдное, какъ выжатый лимонъ, безъ бороды и усовъ.

Мольтке останавливается передъ картиной «30 августа подъ Плевной», гдѣ Государь Императоръ съ возвышенности наблюдалъ за ходомъ

боя. Онъ долго смотритъ на нее. Затѣмъ, внимательно разсматриваетъ картину «Наши избѣгніе». Въ это время я подхожу къ нему и предста-
вляюсь. Генераль чрезвычайно обрадовался и крѣпко жметъ мою руку.

— Es war ja gerade so bei uns! говорить онъ и головой указываетъ на картины.

Мольтке долго ходилъ по выставкѣ, глубокомысленно покачивалъ го-
ловой, иногда едва замѣтно улыбался и что-то бормоталъ про себя.

Хотя въ залѣ было тепло, но фельдмаршаль ходилъ въ пальто съ
приподнятымъ воротникомъ и въ фуражкѣ, которая была надѣта очень
глубоко. Старикъ точно желалъ скрыть отъ людскихъ взоровъ свое мор-
щинистое лицо. Всѣ военные, бывшіе въ залѣ, моментально узнали о
присутствіи своего знаменитаго учителя. Они стояли за его спиной
и слѣдовали на прыличной дистанціи. Вся остальная публика, какъ
только замѣчала Мольтке, съ почтеніемъ разступалась и давала дорогу.
И проводила его до дверей, гдѣ мы очень любезно разстались.

И что же! Послѣ него военные посѣтителей точно отрѣзали. Прежде,
бывало, офицеры толпой, человѣкъ по 10—15, весело вѣгали въ залѣ
и прямо направлялись къ военнымъ картинамъ. Тамъ, обыкновенно, кто-
нибудь, побывавшій раньше на выставкѣ, начиналъ оживленно разска-
зывать и объяснять что либо подмѣченное имъ, и вся толпа офицеровъ
съ великимъ интересомъ переходила отъ одной картины къ другой. Те-
перь же кое-когда завернѣтъ военный, и то, какъ-то несмѣло, точно
крадучись. Посмотрѣть немножко, — и поскорѣй назадъ. Оказалось, что
старый Мольтке, насмотрѣвшись на наши картины, разсудилъ, что воин-
нымъ не слѣдуетъ смотрѣть на ужасы войны, и запретилъ офицерамъ
входить на выставку.

Два года спустя, я отправилъ Мольтке одинъ экземпляръ моей книги
«Дома и на войнѣ», переведенный на нѣмецкій языкъ капитаномъ прус-
ской службы Дригальскимъ. Фельдмаршаль остался очень доволенъ и
приспалъ мнѣ свою фотографическую карточку и слѣдующее собственно-
ручное письмо:

Berlin 28. 12. 87.

Euer Hochwohlgeboren, sage ich meinen verbindlichsten Dank fr
Ihre mir freundlichst bersandten Erinnerungen aus den Feldzgen
1877 und 1882. Ich habe das Buch mit dem lebhaftesten Interesse ge-
lesen. Mge das beifolgende Bild Ihnen meinen Dank berbringen.

Sehr ergebenst

Gr. Moltke.

Feldmarschall *).

*)

Милостивый Государь.

Берлинъ. 28. 12. 87.

Выскаживаю вамъ мою глубочайшую благодарность за любезно присланная ми

Вскорѣ послѣ Мольтке пріѣхалъ къ намъ старый эрцъ-герцогъ Карлъ. Онъ уже былъ такъ дряхлъ, что его возили по залѣ въ ручной телѣжкѣ. И и ему тоже объясняли картины.

Когда эрцъ-герцога уже вывозили въ телѣжкѣ изъ залы, съ нимъ едва не приключилась катастрофа. Старикъ приподнялся, чтобы взглянуть на фотографіи, разложенныя на столѣ, и затѣмъ, полагая, что его человѣкъ стоялъ сзади, опрокинулся, чтобы сѣсть обратно въ телѣжку. Слуга же въ это время пошелъ за пальто, и ежели бы я не подхватилъ, то старикъ страшно разбился бы.

Въ Берлинѣ народу перебывало на выставкѣ еще больше, чѣмъ въ Вѣнѣ. За 70 дней было 137,772 посѣтителя, а каталоговъ продано 45,354.

Надо сказать, что помѣщеніе въ Берлинѣ было гораздо больше, чѣмъ въ Вѣнѣ, да и самій Кроль-Театръ находился въ сторонѣ отъ центра города. Все это значительно ослабляло «Drang», какъ выражались нѣмцы, т. е. напоръ публики.

Яковъ.

Какъ-то вечеромъ, по окончаніи выставки, обращаюсь къ моему Якову, который въ это время запиралъ двери въ залъ Кроль-Театра. и говорю ему:

— А вѣдь ничего! И здѣсь не хуже Вѣны будетъ!

— Мелочи много идеть, отвѣчаетъ тотъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ, при чемъ, по привычкѣ, чтобы придать своимъ словамъ больши важности, какъ-то особенно начинаетъ жевать и чавкать губами, точно онъ старался что-то проглотить.

— Какъ это, мелочи много? спрашиваю его.

— Мелочи — значитъ бѣдноты! серьезно поясняетъ Яковъ.—Все по 3 да по 4 одежи просить на одинъ крюкъ вѣшать, недовольнымъ тономъ говорить онъ, привыкнувъ, какъ оказывается, еще съ петербургской выставки цѣнить публику по количеству вѣшаемыхъ платьевъ на одинъ крюкъ. Между прочимъ, надо сказать, что братъ мой, стараясь по возможности удешевить входъ на выставку, приказалъ вывѣстить въ прихожей объявленіе, что за сохраненіе верхняго платья и зонтиковъ ничего не платить.

— Эхъ баринъ! весело восклицаетъ Яковъ, одушевляясь воспоминаніемъ о петербургской выставкѣ. То-ли дѣло у насть-то бывало, въ Пе-

запамъ воспоминаю пѣзъ войны 1877 и 1882 годовъ. Я прочиталъ книгу съ живѣйшимъ интересомъ. Пусть прилагаемый здѣсь портретъ мой передастъ вамъ мою благодарность.

Преданный
Гр. Мольтке
Фельдмаршаль.

тербургѣ, въ домѣ Безобразова: подкатить это гвардейскій офицерикъ на собственной лошадкѣ, войдеть въ прихожую, не глядя скинуть пальто и гоголемъ летить наверхъ по лѣстницѣ. Ну вотъ ужъ, его пальто, извѣстно, одно на номерокъ и вѣшаешь; смотришь—рублевку и получилъ.

— А вы Ивана, моего подручнаго, помните, такой былъ рыжій, шадровитый парень? спрашивается онъ.

— А что?

— Да такъ!—и Яковъ многозначительно крутить головой. Затѣмъ продолжаетъ: Тотъ, бывало, наберетъ эво сколько одежи!—И въ доказательство рассказчикъ широко разводить руками. Думаетъ, тутъ-то и барыши! Навѣсить это столько, что вѣшалка трещитъ, а вечеромъ считать—все де негъ мало. А все оттого, что хваталъ безъ разсудку: и отъ гимназистовъ, и отъ студентовъ, и отъ купцовъ. А отъ этого народу, извѣстно, какая польза, много, что по гривеннику дадутъ! А ужъ нѣть же хуже понять съ сердцемъ продолжаетъ рассказчикъ.—Я никогда отъ нихъ не бралъ одежи, все къ другимъ ребятамъ отсыпалъ. У меня, говорю, батюшка, вѣшать некуда, всѣ мѣста заняты.

— Почему же?—спрашиваю я.

— Да какъ-же! Придетъ это онъ со своей матушкой, да со свояченою, да съ кучей ребятъ, да всѣмъ имъ валенки сними, да околоти, да убери, да все ихъ платье непремѣнно на одну спицу повѣсь. Чистый зарѣзъ! А въ концѣ концовъ за всю-то работу, самъ-отъ пятакъ въ руку и отвалитъ, а нѣть, такъ и три копѣйки! Ей Богу!—Затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени опять восклицаетъ:

— А все-таки наши народъ куды лучше здѣшняго!

— Что же тебѣ здѣшняя публика не нравится? съ любопытствомъ спрашиваю я.

— Здѣшний народъ скучай! разсказываетъ Яковъ.—Вотъ, намедни одинъ господинъ, такой важный изъ себя, должно богатый, уронилъ 10 пфениговъ; такъ вѣриши-ли, баринъ, ужъ онъ ползалъ-ползалъ тутъ кругъ вѣналокъ, все искалъ, даже и намъ-то его жалко стало, и насы-то замучилъ. Развѣ наши гоепода погнались-бы за такой мелочью; давно-бы илюнули,—и Яковъ съ презрѣніемъ машетъ рукой.

— Ну, а всетаки народъ здѣсь видный?—возражаю ему, интересуясь его мнѣніемъ.

— Народъ крученъ, говорить не остается, рослый,—съ увѣренностью отвѣчасть онъ, а затѣмъ, мѣня тонъ голоса, съ какой-то нѣжностью, восторженно восклицаетъ: А какія барыни-то здѣсь есть! Видѣли, двѣ сегодня приходили?—Я хотѣть было за вами бѣжать, чтобы посмотрѣли! Этакія-то чистая, блѣдая, румянецъ во всю щеку! Что твои московскія купчихи! съ разстановкой, внушительнымъ голосомъ, объясняетъ Яковъ, при чемъ правой рукой такъ помахиваетъ, точно

желалъ взвѣсить, тиженлы-ли были эти красавицы. Яковъ былъ большой поклонникъ женской красоты, въ особенности русской, и уже если онъ сравнилъ этихъ нѣмокъ съ московскими купчихами, значитъ, онъ ему уже очень крѣпко понравились.

Этотъ Яковъ былъ презабавный. Разсказала ми какъ-то о немъ братъ Василій Васильевичъ слѣдующій казуѣ.

Дѣло относится еще къ 1874 году, ко времени туркестанской выставки брата въ С.-Петербургѣ, въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ, что у Александрийского театра. На выставку пріѣзжаетъ покойный Государь Александръ II и подымается наверхъ. Вскорѣ, вслѣдъ за Государемъ, пріѣзжаетъ покойный Великий князь Николай Николаевичъ, скидаетъ шинель на руки этого самого Якова, обращается къ нему и спрашиваетъ:

— А что, братъ наверху? — намекая, конечно, на Государя.

Яковъ-же, нисколько не смущаясь, показываетъ рукой наверхъ и говоритъ:

— Пожалуйте-съ! Братецъ вашъ тамъ, на верху-съ!

A. Верещагинъ.

(Окончаніе съдуется).

Темный ангель.

О Темный Ангель одиночества,
Ты вѣнь вновь
И шепчешь вновь свои пророчества:
«Не вѣрь въ любовь!

«Узналъ-ли голосъ мой таинственный?
«О милый мой,
«Я—ангель дѣтства, другъ единственный,
«Всегда—сь тобой.

«Мой взоръ глубокъ, хотя не радостенъ.
«Но не горюй:
«Онъ будетъ холоденъ и сладостенъ,
«Мой поцѣлуй,

«Онъ вѣть вѣчною разлukoю,—
«И въ тишинѣ
«Тебя, какъ матерь, я убаюкаю:
«Ко мнѣ, ко мнѣ!»

И совершаются пророчества:
Темно вокругъ.
О страшный ангель одиночества,
Послѣдний другъ,

Полны могильной безмятежностью—
Твои шаги.
Кого люблю съ безсмертной нѣжностью,
И тѣ — враги!

Д. Мережковскій.

Х о д и т ъ!..

(Р A Z S K A Z Ъ).

I.

Вдали отъ всевозможныхъ большихъ путей, въ лѣсной глупи, ютится село Брусо. Несмотря на обилие лѣса кругомъ, избы обывателей стоять словно на куриныхъ ножкахъ и едва дышать. Въ пыльныхъ салахъ обыкновенно церковь скрашивается всѣ постройки своимъ размѣрами, солидностью и красотой; но въ Брусовѣ и церковь высматривается крайне убогое и своимъ видомъ можетъ понравиться разве только завзятому археологу.

Народъ здѣсь бѣдный и лѣнивый.

Пословицу — каковъ попъ, таковъ и приходъ — мѣстное епархіальне начальство изстари прилагало къ брусовскому приходу въ обратномъ смыслѣ: каковъ — дескать — приходъ, таковъ долженъ быть тутъ и попъ. Надъ душами брусовскихъ и немногихъ окрестныхъ обывателей болѣе полстолѣтія бѣдили двое недоучекъ: священникъ отецъ Порфирий (изъ реторики) и дьячокъ Крилышъ (изъ второго класса духовного училища). Оба сіи мужа, частью по податливости своей мало культивированной природы, частью вслѣдствіе продолжительного замкнутаго житія въ захолустыи, до того ассимилировались съ народомъ, что стали, какъ выражался извѣстный Просошковъ, «почти ничѣмъ отъ мужиковъ не отличини». И у клира, и у народа были почти одни и тѣ же вкусы, привычки и... даже возврѣнія. Впрочемъ, авторитетъ и руководительство классой всегда удерживалъ за собой «двучленный клиръ». Школъ въ обѣспеченнѣи смыслѣ никогда не было въ Брусовѣ. Но это, однако, не значитъ, что мѣстное населеніе было вовсе непричастно «наученію спіжному». Крилышъ, по собственной волѣ, постоянно обучалъ въ своей избѣ деревенское отрочество и юношество по программѣ и премамъ врем. 10. Отд. I.

мень Геннадія новгородскаго,—и обучалъ столъ ревностно, что за свои пятидесятилѣтніе труды по педагогической части удостоился благословенія высшаго духовнаго начальства, со внесеніемъ этой награды въ формуляръ.

Недавно о. Порфирий отошелъ въ иной міръ, на девяносто первомъ году своего житія. На его мѣсто назначили «образованнаго» молодаѣка, о. Никандра. Восьмидесяти трехлѣтній Кирилlyчъ никакъ не могъ подѣлаться подъ духъ новаго батюшки, который и разсуждаетъ и поступаетъ совсѣмъ не такъ, какъ «изстари повелось». Почувствовавъ себя осиротѣлымъ послѣ о. Порфирия, Кирилlyчъ еще тѣснѣй примкнулъ къ «народушку» и началъ разыгрывать изъ себя оппозиціонную персону по отношенію къ о. Никандру. Духъ его оппозиції легко передавался и прихожанамъ, среди которыхъ было немало учениковъ этого авторитетнаго патріарха. Вотъ, въ общемъ, факторы, при взаимодѣйствіи которыхъ слагалась мѣстная жизнь и исторія.

Въ срединѣ села стоялъ едва-ли не самый жалкій домъ, съ пропалившимъ соломеніемъ крышей и покосившимися стѣнами. Официально это былъ домъ крестьянинка Кожухина, но сельчане прозвали его «бабымъ домомъ». Въ немъ жили: старуха Фекла, лѣтъ семидесяти, замужняя дочь ея Арина, баба лѣтъ сорока пяти, вдовая сноха старухи, Прасковья, и дочка снохи, Настя, лѣтъ восьми. Старуха обращала на себя всеобщее и недобroе вниманіе. Послѣднія десять лѣтъ она ни съ кѣмъ изъ чужихъ не разговаривала, даже въ родной семьѣ рѣдко прерывала свое молчаніе, и то извинятыми короткими фразами. Не жалуясь ни на какую болѣзнь, она зиму и лѣто лежала на печи. Въ церкви не была лѣтъ пятнадцать. Когда «духовные» въ большиe праздники приходили къ ней въ домъ съ иконами и служили молебенъ, она во все время молебна рыдала; а когда ее вели прикладываться къ кресту, она сильно уциралась, и лицо ея въ это время выражало страданіе и ужасъ. Не малыхъ хлопотъ стоило ея дочери и о. Порфирию добиться того, чтобы она пеною доводилась и причастилась, хоть дома, однажды въ годъ.

Что довело ее до такого состоянія?

Когда она была лѣтъ тридцати, мужъ ея, здоровый и красивый, но сильно выпивавшій мужикъ, скоропостижно умеръ ночью на супружескомъ ложѣ. Фактъ этотъ, благодаря стараніямъ и предусмотрительности о. Порфирия, не вызвалъ никакого «суда и слѣдствія». Но на селѣ кто-то болтнуль, что «Фекла приспала мужа». Затѣмъ однѣ пьяный сосѣдъ, за что-то обидѣвшись на нее, долго горталилъ на улицѣ, что Фекла *заподишила мужа*. Нѣкоторыя злоправныя и злозычныя бабы подхватили эти слова,—и пустые камки скоро получили въ сельскомъ обществѣ силу достовѣрнаго свидѣтельства. Фекла, и безъ того измученная

горемъ, была окончательно поражена такими обидными и страшными толками. Изъ здоровой, веселой бабы она скоро сдѣлалась худой, сосредоточенной, угрюмой. «Общественное мнѣніе» о Феклѣ заразило и о. Порфирия. Встрѣчая ее гдѣ-нибудь одну, онъ не разъ заводилъ съ ней приблизительно такую рѣчъ:

— Ты вотъ что, Фекла: ежели у тебя въ самомъ дѣлѣ на душѣ этакой грѣхъ, ты лучше покайся, чѣмъ погибать въ этомъ уныніи и терзаніи. Посмотри на себя: вѣдь ты вся извелась и взоръ твой — нечистый, каникѣй взоръ. Я вѣдь это провижу. Покайся — говорю.

— Ты, батюшка, самъ-то не грѣши, — возражала Фекла: — иначе я тутъ неповинна, а убита я — и больше ничего.

— Докуда-жъ ты будешь убиваться? Положимъ, что горе, но вѣдь нечально горю не поможешь. Потужила, да и будетъ. Ты баба еще молодая, опять замужъ выйдешь.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ теперь «замужъ»...

— Что же, обѣтъ дала вдовствовать?.. Загладить хочешь? Совѣсть, значитъ, нечиста? То-то и дѣло-то. Говорю: покайся. Ты знаешь, я, по священству, никому не... не долженъ сказывать.

— Да нѣту же этого во мнѣ, батюшка, ничего этого во мнѣ нѣту. — увѣрѣла Фекла.

Но батюшка оставался при своемъ подозрѣніи.

Однажды присватался было къ Феклѣ женихъ; но «добрые» люди «разбили» его, нацугавши, что она и его такъ же «приголубить», какъ первого мужа. И несчастная женщина должна была примириться съ мыслию о своемъ вѣчномъ вдовствѣ. Горько, больно было ей, но выхода изъ этого положенія не представлялось никакого. «Жаловаться? Но какъ жаловаться на «миръ»? Кому жаловаться? Кто винкнетъ, коли ужъ батюшка и тотъ на меня?»

А батюшка, какъ ни встрѣтится съ ней, такъ опять за свое:

— Вижу, вижу, Фекла, что гнететь тебя грѣхъ. Очистись. Постышишь. Не таись больше и не стыдись: я, да Богъ будемъ знать.

— Сейчасъ умереть, батюшка, я неповинна.

— Ну, смотри, ожесточить врагъ сердце твое, и пожелала бы покаяться, да онъ не дастъ. Можетъ, и ожесточилъ уже...

Мало-помалу дошло до того, что на Феклу стали подозрительно смотрѣть даже и свои родные. Фекла замѣчала это и еще болѣе мучилась. Пока она была еще молода, она старалась ободрять себя, запекала расположение къ себѣ другихъ, не отчаявалась очистить свое честное имя отъ страшной клеветы; но когда убѣдилась, что это не помогаетъ, то почувствовала отчужденіе отъ всѣхъ, замѣнулась въ себя и замолкли. А тамъ старость, точно съ какимъ-то злорадствомъ, поспѣшила обезобразить это красивое тѣло, въ которомъ безпомощно ныла, страдала

уязвленная, отравленная душа. На Феклу-старуху стало уже страшно смотрѣть. Сперва этотъ страхъ испытывали дѣти, а пѣтомъ — и взрослые. Изрѣдка она выходила посидѣть на камѣнъ своего крыльца. Сидитъ, бывало, съ раскрытымъ головой. Сѣдые короткіе волосы вѣлокочены. Глубокіе темные глаза смотрѣть изъ-подъ густыхъ бровей безпокойно, словно отыскиваютъ кого. Лобъ и впалыя щеки изрѣзаны многочисленными морщинами. Тонкія безжизненные губы постоянно шевелятся, словно шепчутъ что-то. Дышитъ она въ носъ, съ необыкновеннымъ усилемъ, протяжно и шумно. Если уличнымъ ребятишкамъ приходилось случайно увидѣть ее близко, то они бросались прочь безъ оглядки, и потомъ, уже вдалекѣ отъ нея, говорили о ней не иначе, какъ только шепотомъ.

— О, чтобъ се... Энта сидитъ... — говорила обыкновенно баба, завидѣвъ издали страшную Феклу, и возвращалась домой, или направлялась къ своей цѣли инымъ путемъ.

«Вѣдьма», — цустиль кто-то изъ сосѣдей. — «И смотрѣть подоломъ, и шипѣть, какъ змѣя подколодная». И пошла Фекла въ вѣдьмахъ! Не замедлили создаться и распространиться разсказы о похожденіяхъ старушки въ этой новой, навязанной ей роли.

Дома стали, наконецъ, положительно стѣсняться ею. Ее побаивались, за нее конфузились предъ «обществомъ». Зять ея, хозяинъ дома, Кожухинъ, не выдержалъ такого неловкаго положенія, закатился въ Москву и въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ лишь изрѣдка давалъ о себѣ знать письмомъ, состоящимъ изъ однихъ поклоновъ, съ приложеніемъ какой-нибудь пятишины. И домъ сдѣлался «бабымъ», какъ потому, что въ немъ жили лица только женского пола, такъ и потому, что хозяйство въ немъ шло плохо.

А всему причиной «вѣдьмы», — рѣшили въ селѣ.

Но вотъ «вѣдьма» умираетъ. Напутствовать ее «на тотъ свѣтъ» пришлось уже не отцу Чорфирию, который такъ усердно выпытывалъ у нея несуществующую тайну, а «молодякѣ» о. Никандру, который нашелъ возможнымъ удовольствоваться тѣмъ, что умирающая открыла ему «на духу» добровольно.

Со смертью этой певиной, никого не трогавшей страдалицы, всѣ въ Брусовѣ почувствовали себя свободнѣе. Словно село покинулъ страшный непріятель, грозившій его обитателямъ поголовною смертью. Даже дочь Феклы, къ собственному удивленію и стыду, почувствовала пѣкоторую радость, вмѣсто печали. Во время похоронной процесіи она по старинному обычаяу заявила было: «Родимая ты моя матушка, на кого ты меня поки...». Остановившись на полусловѣ, она больше уже не продолжала, а изъ соцровождавшей ее толпы послышались громкіе голоса:

— Туда-же причитаетъ!.. Гдѣ ужъ тамъ?..

— Благодарила-бы Бога, что прибралъ.
 — Обѣими руками-бы крестилась.
 — Развѣ она не понимаетъ? Это она такъ, по человѣчеству...
 Тоже, вѣдь, дочь...

— А я-то какъ-же говорю? Я тоже по человѣчеству. Держи въ умѣ: «царство, молъ, ей небесное», а голосомъ выводить... по этакому человѣку... не полагается... не подходитъ...

О. Никандръ, иѣсколь о разъ хмуро озиравшійся назадъ, иаконецъ, воскликнулъ:

— Молчать! Что за невѣжество? Не время и не мѣсто гадѣть. Молиться нужно... Дураки!..

II.

Прошло мѣсяца два со времени похоронъ Феклы. Стоять глухой октябрь. Народъ попрятался въ избы. Случай общенія между сельчанами стали рѣже. *Массовая болтовня смолкла.* О Феклѣ перестали вспоминать и упоминать. По просьбѣ Арины, Кирилlyчъ написалъ ея мужу письмо, въ которомъ сообщалъ, что «по матушкѣ спрявили сорочины честно» и что «теперь все—слава Богу». По сему—говорилось далѣе въ письмѣ—любовно умоляю тебя, дрожайшато супруга моего. покинь ты чужую дальнюю сторону и возвратися въ домъ свой, подъ кровъ родины своей и войди въ союзъ съ нижайшей супругой своей, которая аки горлица ждетъ и желаетъ проводить житіе вкуни. А у насъ теперь постѣ покойницы матушки и въ домѣ и по селу все—слава Богу. Опять-же и деньжонокъ нужно. хоть малость, а ты ужъ не обезсудь»... Отправила Арина это письмо и размечталась, что вотъ-вотъ возвратится къ ней ея «блудный» мужъ, привезетъ ей обновокъ,— и заживетъ она съ нимъ уже неразлучно «въ совѣтѣ, да въ любви, да въ довольствѣ».

Но мужъ скоро отвѣтилъ, что ему возвратиться невозможно, прислая «три серебра» и обѣщался еще прибавить къ «Оржеству».

Между тѣмъ дома у Арины произошло нѣчто «неладное», и ей стало не до мечтаній.

Было часовъ одиннадцать темной ночи. Прасковья съ своей Настей давно спала на полатяхъ. Подъ ними на широкихъ нарахъ лежала Арина. Съ начала вечера она вздрогнула, но потомъ проснулась, и ей не спалось. Въ избѣ стояла необыкновенная темнота и тишина. Ровное, спокойное дыханіе спящихъ слышалось совершенно отчетливо.

— Либо скоро утро, либо нѣтъ,—подумала Арина и повернулась на другой бокъ, при чемъ подъ ней захрустѣла крупная, сѣйшая ржаная солома, не успѣвшая еще утратить своего специфического запаха. —

Охъ, Господи Иисусе... Видно, сколько ни думай, все къ тому-же придень... Такъ, видно, одна и жизнь кончина на этихъ самыхъ на-
рахъ... Лѣшій непутевый!.. «Три серебра»... къ Оржеству... либо при-
шлетъ, либо нѣтъ. А чего самъ не вертается? Прежде матушка, вини,
мѣшиала, а теперь кто мѣшиаетъ? Должно мамашка какая-нибудь... Но-
стремъ этакой! грѣховодники!.. О-охъ, спаси и помилуй!.. А, вѣдь,
должно быть, до утра-то еще далеко... Никакого тебѣ пѣтуха, ни свѣту,
ни ничего этакого... А на печкѣ все словно матушка лежитъ... не къ
почи будь помянута!.. Видно не скоро отвыкнешь. Грѣхи!.. Цѣло тем-
ное... Чего только не говорили? Ужъ надѣ мертвой и то собирались
надруганіе сдѣлать. И мнѣ сю все грозили: «погоди, ота тебѣ покою
не даетъ». Но вотъ и сорокъ дней давно минуло, и все обошлось—
слава Богу... Матушка, матушка, взвѣли на тебя незнамо что... И я
туда-же, грѣшиая, окаянная... Вѣрно, дадимъ мы за тебя отвѣтъ...
тяжкій отвѣтъ. Родителей велѣно вонъ какъ, а мы вонъ что... О, Гос-
поди, что это она у меня на умѣ, какъ живая?.. Царство тебѣ небес-
ное, мѣсто упокойное!.. Не буду думать... Вѣдь, вотъ днемъ отчего-то
не бываетъ такъ. Опять! О, Господи...

Арина крѣпко зажмурилась и накрыла глаза ладонью.

— Стану думать о другомъ... Завтра у насъ не то четвергъ, не
то пятница...

На дворѣ, за стѣной, къ которой примыкало изголовье Арииной
постели, вдругъ чего-то всполошились и тревожно захрюкали свиньи.
Она обрадовалась этимъ позднянымъ звукамъ изъ міра живой безопасн-
ной дѣйствительности.

— Ну, глупы! чего повсакали? Словно страшный сонъ увидѣли,
ровно-бы человѣки какие... Изъ пестрой-то къ Оржеству туша знатная
выйдетъ... Но, должно быть, придется продать ее раныше. Э-эхъ, Гос-
поди милостивый! Стало настъ однимъ человѣкомъ меньше, а нужды все
столько-же, даже больше. Какъ ни изворачивалась, а вѣдь сколько ушло
на похороны да на поминки!.. А что наши ивиценскія поминки? Какое
отъ нихъ душѣ спасеніе? Моленія за упокойницу всего чуть-чуть, из-
рѣдка и изъ пятаго въ десятое. Будь у меня тысячи, я-бы сейчастъ
заказала годовую заупокойную службу въ своей церкви и вѣчный по-
минъ въ монастыряхъ. Тогда-бы матушкѣ вышло полное прощеніе и
очищеніе, и мяѣ было-бы успокоеніе. А теперь она небось... О Господи,
опять!.. Какъ это я?.. хоть-бы заснуть поскорѣй... Завтра какъ-бы
хлѣбы не пришлось ставить, аль еще обойдемся,—шептала она, чтобы
только отвлечь мысль отъ навязчиваго образа.

Вдругъ съ лицевой стороны печки послышался шорохъ, потомъ
спильное треніе и шмыганье чего-то мягкаго обо что-то твердое. Арина
растременѣлась, отняла ладонь отъ глазъ и проглянула. Попрежнему было

очень темно. Единственное окно въ противоположной стѣнѣ обозначалось мутно.

— Прасковья! — тихонько позвала Арина. — Кс-кс!.. Наська!.. А — Прасковья!..

Ни Прасковья, ни Наська не отозвались, да не могли отзваться: спали они крѣпко, а кликали очень слабо.

По тѣлу Арины пробѣжала легкая дрожь. Зрѣніе и слухъ ея пришли въ необыкновенное напряженіе.

Вотъ она совершенно отчетливо слышитъ перемежающееся торопли-
вое и легкое ступаніе по полу босыхъ ногъ. На судней лавѣ, при-
мыкающей къ печкѣ, загремѣли деревянныя ложки.

«Брысь!» нерѣшительно прошипѣла Арина. Но ложки продолжали гремѣть, и къ этому звуку прибавилось еще рѣзкое сопѣніе.

— Батюшки мои, да вѣдь это... Такъ и есть! Ея дыханье... —
мелькнуло въ головѣ Арины.

Вотъ таинственное сопищее существо, тихо пошлепывая по полу бо-
сыми ногами, промелькнуло въ просвѣтѣ окна неопределенному бѣлою массою.

«Въ саванѣ!!» съ ужасомъ рѣшила Арина. Она хотѣла закричать, что есть мочи, чтобы разбудить сияющихъ, но голосъ ея сорвался на первомъ-же звукѣ, словно кто сдавилъ ей горло. Она схватила первую попавшуюся подъ руку одежду и покрылась ею съ головой. Сердце ея крѣпко стучало; чувствовалось страшное изнеможеніе и смертельно гне-
тущее состояніе. Чтобы утѣшить себя и въ то же время заглушить ти-
хіе, но страшные звуки, производимые *пришельцемъ*, она твердила рѣз-
кимъ шепотомъ: «Боже мой! Боже мой! Ой, Господи-Господи-Господи-
Господи! Пресвятая Богородица!.. иже еси на небеси... Охъ, батюшки!
Святые мои угоднички! Ой-ой-ой-ой!» и т. п. Когда ей становилось нечѣмъ дышать, она на нѣсколько секундъ осторожно и чуть-чуть открывала голову съ боку, затѣмъ опять поспѣшно и плотно укуты-
валась и продолжала свои причитыванія съ различными вариаціями. Наконецъ, она и шептать уже не могла; усиленно дыша она лишь въ умѣ повторяла тѣ междометія и молитvenныя слова, которыя доселѣ выгова-
ривала. Долго-ли Арина пролежала въ такомъ положеніи и состояніи, она и сама не знала, но когда, изнемогшая, облитая потомъ и ошалѣвшая, она совсѣмъ открыла голову, въ избѣ было уже свѣтло, и никого и ничего посторонняго не видѣлось.

— И какъ вамъ только не стыдно! — упрекала Арина своихъ со-
жительницъ, когда тѣ встали. — Лежать себѣ, какъ колоды какія, а
тутъ хоть издыхай!

— А что такое? Развѣ съ тобой что случилось? — спросила Пра-
сковья, всматриваясь въ блѣдную и страдальческую физіономію Арины. —
Взяла-бы да разбудила, коли что...

— Да, разбудишь вѣсть, особливо при этакой страсти...

И Арина подробно рассказала про страсть минувшей ночи. Праковья слушала рассказъ съ возрастающимъ страхомъ и, качая головой, все повторяя: «о-о! о-о-о!»

— Слава Богу, что я въ это время спала,—сказала Настя,—а то, кажись, сразу-бы обмерла.

— Да... по всему видать, что это *она*,—съ тяжелымъ раздумьемъ проговорила Праковья.

— Кто, мамушка, кто? — допытывалась Настя, но отвѣта не получила.

— Что она-то, это ужъ и говорить нечего. Вѣдь, я видѣла-то, словно-бы вотъ тебя сейчасть вижу, — твердо произнесла Арина. — Не знаю, какъ жива осталась.

— Начала... значитъ, теперь каждую почъ будеть ходить,—увѣренно сказала Праковья.

— Мамушка, да кто это? ну-же скажи: кто? — приставала Настя.

— Э, да бабка твоя! — съ досадой отвѣтила Праковья.

— Мертвая-то?

— Ну, да.

— У-у! мамушка, я боюсь...

— Еще что? Ты-то ей нужна дюжо! *Она* маленькихъ не трогаютъ.

— А какъ-же...

— Э, молчи, ну тебѣ!. Такъ какъ-же теперь, Арина? Тебѣ нынче же нужно сходить... Вѣдь, вотъ попѣ-то у насть какой-то... Сходи ты къ Кирилычу и все разскажи ему по порядку. Онъ человѣкъ старинный, опытный. Что онъ посовѣтуетъ, то мы и сдѣлаемъ; чтобъ ночью мы были ужъ наготовѣ. А другимъ, никому не болтай. и ему вели держать въ тайнѣ.

III.

Когда Арина пришла къ Кирилычу, онъ находился при исполненіи учительскихъ обязанностей. Онъ былъ въ бѣлой холстинной рубахѣ, высоко схваченой узкимъ цвѣтнымъ пояскомъ. Изъ разрѣза прямого ворота высматривалъ крупный мѣдный крестъ. Человѣкъ семь ребятинщекъ звонко твердили свои уроки, кто по азбукѣ, кто по часослову. Стоя среди избы, учитель привычнымъ ухомъ быстро схватывалъ ошибки учениковъ въ чтеніи и немедленно поправлялъ то того, то другого.

— Что скажешь? — обратился старикъ къ Аринѣ, когда та, помолившись на иконы, отвѣсила ему низкій поклонъ.

— Я къ тебѣ, Кирилычъ.

— Вижу, да зачѣмъ пришла-то?

— Посовѣтovаться.

Ребяташки смолкли и съ любопытствомъ уставились на посѣтильницу.

— Чего рты-то поразинули? Знайте свое дѣло! — строго прокричалъ Кирилычъ.

Мальчишки снова загадѣли. Кирилычъ отодвинулся къ окну, за нимъ подвинулась и Арина.

— Ну такъ о чёмъ ты хочешь посовѣтоваться.

— Бѣда у насть, большая бѣда!.. —тихо сообщила баба.

— А? — переспросилъ Кирилычъ, наклоняя къ ней ухъ.

— Бѣда, молъ, у насть большая, — повторила Арина, не усиливая голоса.

— Чего вы такъ разорались? Тише! — обратился Кирилычъ къ ребятамъ. Когда тѣ стихли, онъ опять переспросилъ: — Такъ говори-же, безтолковая, въ чёмъ дѣло.

Арина покосилась на ребята.

— Мне надо по секрету... Дюжо важное дѣло.

— Ну, вотъ что, ребята, ступайте домой, все равно до обѣда не-далеко! — объявилъ учитель.

Школа въ минуту опустѣла.

Кирилычъ усѣлся и усадилъ возлѣ себѣ Арину.

— Теперь сколько хочешь секретничай, изба совсѣмъ пустая, мои всѣ на рѣчку съ бѣльемъ ушли, — ободрилъ старикъ, кивнувъ насосѣднюю комнатку.

— Что, Кирилычъ... страсти страшущія! Вѣдь ходитъ... матушка-то!..

— Ну-у?

— Право слово. Нынче ночью сама увѣрилась. Тряслась ни жива, ни мертвa до бѣлa утра.

Арина рассказала обстоятельства страшнаго дѣла, съ несознаваемыми прибавками и съ живостью, далеко превосходящую дѣйствительность наблюдений.

— Гм... Дѣло для меня немножко удивительное, — важно проговорилъ Кирилычъ.

— Ужъ какъ удивительно-то, и говорить нечего, умаrehнешься! — сказала Арина, вновь переживая долю испытаннаго ночью страха.

— Не то, не то... Я вотъ что... Я... Видишь-ли... Вѣдь душа человѣческая... она... Когда люди умрутъ, тамъ... Какъ тебѣ объяснить-то? Ты вѣдь не поймешь...

— Что дѣлать-то... Извѣстно — мы... Такъ ты ужъ и не хлопочи. Ты вотъ лучше посовѣтуй, какъ намъ теперька...

— Не спѣши, егоза, не спѣши! По твоему коли ты чего не понимаешь, такъ этому и надлежитъ оставаться попрежнему?

— Чего я тамъ думаю? Ничего я не думаю. А посовѣтовалась мы съ Прасковьей...

— Шогоди, погоди... А по-моему такъ: ежели ты чего не понимаешь, значитъ, тебя нужно вразумить.

Кириллычъ началъ нюхать табакъ. Арина нетерпѣливо завозилась на мѣстѣ.

— Такъ вотъ я и хотѣлъ тебя вразумить, — продолжалъ Кириллычъ трескучимъ голосомъ, косясь на клиентку приструненными глазами. — А поелику ты не понимаешь, такъ ты должна слушать внимательнѣе. Это я и хотѣлъ тебѣ сказать, а ты сейчасъ: тра-тата, тра-тата!.. Э... Души... Слышишь?

— Слышу.

— Души усопшихъ... умершихъ... Понимаешь?

— Понимаю.

— Эти души... витаютъ... Э-э... находятся близъ земли, близъ своихъ присныхъ... сродниковъ... только шесть недѣль, до сорочинъ. Разумѣешь?

— Гм-гм.

— А послѣ этого душамъ этимъ строго воспрещено... э-э... привитъ около земли, и уносятся они туда... и оттуда ужъ ни-ни! Вотъ какъ полагается по Божьему велѣнію. Теперь постигла? А?

— Гм-гм.

— По твоей матери сорочины вонъ еще когда были, а ходить она только теперь начала. Ей-бы раньше подобало... Вотъ это мнѣ удивительно. Видимо, это дѣло совсѣмъ не Божье, это врагъ чрезъ нее пакоститъ. Да и до сорочинъ души усопшихъ витаются по своимъ домамъ безъ всякой видимости, либо сообщаются съ пришными въ сонномъ видѣніи. Вотъ какъ обыкновенно поступаютъ настоящія души. А это что-же такое? Несомнѣнно, она въ союзѣ съ бѣсомъ является.

Кириллычъ такъ увлекся своими умствованіями, что уже пересталъ обращаться къ слушательницѣ съ провѣрочными вопросами.

— Значитъ, говорили-то тогда не даромъ. Хоть она тебѣ и мать, а на повѣрку-то выходитъ — истинная вѣдьма.

— Охъ, Кириллычъ, не говори ты этакого слова. И безъ того вся душа изныла.

— Не я выдумалъ это слово и не я одинъ говорю его. Кабы по этому слову-то въ свое время сдѣлали, чтѣ нужно, такъ все обошлось бы какъ слѣдуетъ. Разумные старики совѣтовали тогда основный коль вбить, какъ встарину полагалось, и нужно было послушаться. Я тогда стала было обѣ этомъ пону говорить, такъ куда тебѣ! Накинулся — чуть было не сѣѣлъ! Всѣ свои любимыя ругательства вывалилъ: «дуракъ, певѣзка, дикарь», да и новыхъ прибавилъ. А чья вотъ теперь

правда? Кирилчъ не иевѣжа, Кирилчъ не дуракъ, молокосось ты этакой! Кирилча-то самъ святѣйшій правительствующій синодъ усмѣтрѣль, за тридевять земель разыскалъ и ииспослалъ благословеніе за пятьдесятъ лѣтъ. Да! А что я святѣйшему правительствующему синоду? Родня что-ли? Или у меня рука въ Петербургѣ? Не родня и не рука, а однѣ заслуги усмотрѣны—п больше ничего. А тебя, мальчика, либо усмотретьть, либо нѣтъ.

Разгорячившійся Кирилчъ вскочилъ съ мѣста и, заложивъ руки за спину, зашагалъ по избѣ.

— Вѣстимо, тебя Господь наградитъ, но ты, милый, мнѣ-то что-нибудь скажи, мнѣ-то,—напомнила Арина.

— Всѣмъ скажу, всѣмъ, кажется, никому не отказывалъ.

— Такъ ужъ пожалуйста! Затѣмъ и пришла. Тамъ, вѣдь, у меня въ страхѣ сидятъ.

Успокоившись, Кирилчъ подсѣлъ къ Аринѣ и наставительнымъ тономъ заговорилъ:

— Если-бы это была *настоящая* душа, то самое полезное дѣло было-бы отслужить панихидку, а то и обѣденку заупокойную. Но *тутъ* надо поступать, какъ съ печистымъ духомъ... да... какъ съ демономъ, или, паче сказать, съ дьяволомъ. Я забылъ, откуда *она* показалась-то...

— Отъ печки, стало быть черезъ трубу.

— Гм. Такъ ты вотъ что: прежде чѣмъ потушить огонь, сдѣлай углемъ крестъ на загиѣткѣ, потомъ подѣлай такіе-жѣ кресты надъ дверьми, надъ окнами, надъ постелями, по стѣнамъ, вездѣ-вездѣ, даже на полу. (Поутру, чтобы не осквернить это знаменіе ногами, нужно поль вытереть). И это средство должно-бы подействовать. Но если, паче чаянія, *она* все-таки ухитрится какъ-нибудь пробраться въ избу, тогда нужно приняться за молитвы, какъ при изгнаніи бѣса.

— Гдѣ-же памъ?.. Какія у насть молитвы?.. самъ знаешь...

— Тутъ не цѣлые молитвы важны, а такъ... подходящія слова, какихъ бѣсы больше трепещутъ.

— Да вѣдь мы тоже не знаемъ.

— А вотъ я тебѣ скажу. Слушай.

— Ну?

— Какъ ты замѣтишь, что *она* ужъ *тутъ*, ты сейчасъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его».

— Это-то я знаю маленько.

— Ну, вотъ!—ободрительно произнесъ Кирилчъ.

— Ежели это надо вслухъ, такъ языкъ не поворотится, я ужъ испытала.

— Можно и не вслухъ, дѣйствіе будетъ то же самое. Ну... потомъ: «Избави насть отъ лукаваго»... «Отжени отъ насть всякаго врага и су-

постата»... «Изыди, душа иѣмый и глухій!» «Исчезни, яко исчезаетъ дымъ!» «Иди въ стадо свиное»... «Души и плюни на него»... Я могу и еще подобрать, но если будешь произносить съ вѣрою, то и этого довольно.

— О, я и этого-то не запомню, спутаюсь.

Кирилль проѣзжеменовалъ Арину, заставилъ ее вытвердить заклинательные слова и потомъ прибавилъ:

— Ты не спѣши выговаривать все сразу... Произнеси частичку и обожди. Не уходить, тогда еще подбавишь. Опять не уходить—можно сначала повторить. А главное—съ вѣрою!

— Ну, спасибо тебѣ. Дай-то Богъ... Пойти... Охъ, перезабуду я къ ночи-то.

— А ты почаше тверди,—наставлялъ Кирилль, провожая Арину въ сѣни.—Да, вотъ что еще забылъ сказать: зажги лампадку, и прости лампадки поставь крестъ.

— О, ни за что, ни за что! Я виотъмахъ ее увидала, и то обомѣла, а какъ при огнѣ-то она объявится, тогда прямо духъ испустишь. Нѣть, нѣть...

— Ну, какъ злаешь, а я-бы такъ сдѣлалъ.

— То *ты*, а то *мы* — бабы. Ты вотъ приходи-ка къ намъ на ночь... Въ самомъ дѣлѣ, вотъ-бы хорошо-то! Приходи, голубчики, пожалуйста, въ ножки поклонюсь.

— Радѣ-бы, да... не выдержу я, засну... Старъ, вѣдь, я. Днемъ и то едва держусь. Къ заутренѣ старуха насили растолкаетъ. Да и пе-можется крѣпко. Нѣть, дѣйствуйте одни, благослови вѣсъ Богъ. А я тутъ дома... про себя буду желать вѣмъ...

Настала вторая критическая ночь. Предстояло серьезное испытание храбрости и вѣры обитательницъ кожухинского дома—съ одной стороны и мудрости наставленій клироснаго патріарха — съ другой. Покрывшіе угольными изображеніями креста значительную часть поверхности печки, потолка, стѣнъ и пола, Арина уложила съ собой рядомъ Праксовою и Настию и съ замѣраніемъ сердца ждала, что будетъ. Всѣ трое лежали виотъмахъ молча, хотя и не спали. Было не до разговоровъ. По времамъ слышался чей-либо сдержанійный вздохъ изъ стѣнелной груди. Разъ Настия попыталась заговорить непотомъ:

— Мамушка, а ежели она придетъ, ты тогда чтѣ.

— Молчи, глупая! — торопливо прошептала въ отвѣтъ Праксовою.—Никто не придетъ. Всюмни Богородицу и Ангела-Хранителя и сии.

И опять все стихло.

Дѣвочка не выдержала сторожевого бдѣнія до конца и заснула, не дождавшись никакого привидѣнія. Но бабы напряженно бодрствовали и—дождались бѣсовскихъ козней. Страшныя явленія совершились въ томъ

же самомъ порядкѣ, какъ и въ предыдущую ночь. Прежде всего такъ же, какъ и вчера, за ближайшей стѣной, на дворѣ, всполошились свиньи. «Иди въ стадо свиное» — моментально вспомнила Арина, и ей почему-то жаль стало будущую тушу... Затѣмъ, точно такъ-же, какъ и вчера, что-то зашуршало, зашмыгало на печкѣ, не то около печки.

— Вотъ она, вотъ она. идеть! — прошептала Арина, чуть дыша и толкая Прасковью.

Прасковья зажмурилась и заткнула уши. Арина, считая себя хорошо вооруженной для борьбы, приневолила себя не заграждать зрѣнія и слуха отъ воспріятія страшныхъ впечатлѣній. А впечатлѣнія эти не заставляли себя долго ждать. Вотъ послышалось —такъ-же, какъ и вчера—легкое пошлепыванье по полу большихъ ступней, что-то начало погромыхивать на судней лавкѣ, послышалось сощѣніе, замелькала противъ окна бѣлая масса... Арина дѣйствовала по всѣмъ правиламъ многоопытнаго Кирпича. Съ самаго начала козней она усердно шептала молитвенные отрывки и разныя заклинательныя изреченія. Когда она убѣдилась, что козы совершаются свободно и непрерывно, какъ будто-бы противъ нихъ и мѣръ никакихъ не принималось, ею овладѣло страшное смущеніе и потомъ отчаяніе. Заклинанія ея болѣе и болѣе путались и осложнялись Богъ-знаетъ-откуда вычеркнутыми странными сочетаніями словъ. «Оглашенные изыдите въ тартарарай!» безсознательно произнесла она уже вслухъ и тутъ-же испустово закричала: а-а-а-а-а!! За ней заорала и Прасковья, продолжая лежать, съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами. Настия встрепенулась отъ сна и, не понимая въ чемъ дѣло и ни о чёмъ не спросивши, вдругъ такъ громко заплакала, будто ее кто сильно ударилъ. Когда это оригинальное тріо обончилось, въ темной избѣ уже не замѣчалось никакихъ признаковъ присутствія сверхъестественнаго существа.

— Слава Богу, въ нынѣшнюю ночь, должно быть не придется, — сказала Арина, крестясь.

Въ противоположность недавнему молчанию, въ избѣ поднялся ожигленный говоръ, и бабы прогадѣли до свѣту.

На слѣдующій день бабы, уединившись отъ Наськи, устроили новое совѣщеніе.

— Ни крестъ, ни молитва не беретъ, — въ недоумѣніи говорила Арина. — Две ночи прошли въ мухахъ, а дальше, пожалуй, и не вынесешь. Покуда еще хотѣть намъ не прикасалась, а какъ начнется, что тогда?

— Умереть — одно слово, — отозвалась Прасковья. — Нужно еще что-нибудь удумать.

— Да что-же тутъ удумаешь? У меня ужъ умъ за разумъ заходитъ.

— Посовѣтывалась-бы еще съ кѣмъ-нибудь.

— Да съ кѣмъ? Одна огласка выйдетъ, а помочи никакой. А чего стоитъ эта ка огласка-то!.. Помнится, Кирилlyчъ что-то упомянулъ про панихиидку... Развѣ отслужить?

— Ну что-жъ, отслужить, такъ отслужить.

— Значитъ, къ попу нужно...

— И обо всемъ ему объявить?

— Да ужъ... стало быть, объявить. По настоящему, это все дѣло то поповское: гдѣ что нечисто — освятить; кому нужна молитва — что нибудь отслужить по-божественному.

— Такъ-то такъ, да очень я не привыкла разговаривать съ этимъ попомъ. Какой-то онъ... Кто его знаетъ. Развѣ *ты* сходишь, переговоришь съ нимъ?

— Ну, вотъ, съ какой стати? Ты *ей* dochь родная и по дому главная, а я что? Иди-ка, иди со Христомъ. Ты пойдешь къ попу въ домъ, а я прямо на кладбище, тамъ и подожду.

— Ну, ладно. Что дѣлать-то. Господи, помоги!.. А Наську возьмешь съ собой?

— Отчего-жъ? Пусть и она помолится.

— Какъ-бы дорогой кому не проболталась...

— Зачѣмъ? Я ей строго-на-строго...

— Ну, ну... Охъ, кабы-то Господь!..

Прежде чѣмъ отправиться къ попу, Арина сочла нужнымъ зайти къ Кирилlyчу.

— Чѣ, касатикъ, вѣдь не помогло твое-то... Приходила опять, отбыла свое время и ничуть не испугалась. Иду къ попу. Что будетъ, то будетъ.

— Главная бѣда въ томъ, что вы — бабы, оттого и не подѣствовало. Къ попу-то еще успѣла-бы, а прежде попробовала-бы еще ночью другую повторить повелѣнное... съ вѣрою.

— Нѣть, ужъ будетъ. Станешь повторять, а *она*... пѣть, мы ужъ порѣшили, и Прасковья поджидаетъ на могилѣ.

— Ну, такъ ты вотъ что, баба, — сказалъ Кирилlychъ, пѣсколько смущенный: — про меня ты ищу не упоминай. Тутъ дѣло премудрое. Понять — онъ не пойметъ, а нашумѣть — нашумитъ и обидитъ. А я, глядишь, еще не разъ вамъ пригожусь.

— Да ужъ не сумѣвайся. Мы тебя завсегда... Не съ радостью къ попу-то идешь. Податься некуда, а то развѣ-бы...

— То-то!

И Кирилlychъ просиялъ.

IV.

О. Никандръ, курносый блондинъ, съ густыми курчавыми волосами, въ бѣломъ лѣтнемъ подряснику, сидѣлъ въ свою крошечномъ залыѣ у окна и читалъ какую-то книгу. Возлѣ него сидѣла кругленькая, полненькая матушка, бѣдно, но чисто одѣтая, — и кормила манной кашей своего первенца.

Вошла Арина и, остановившись у порога, принялась молиться на иконы.

— Дмитрій Семенычъ, къ тебѣ .. —тихо сказала матушка мужу.

Батюшка, съ заложенной пальцемъ книгою, поднялся съ мѣста и заглянулъ въ переднюю.

— Иди сюда ближе.

Арина взглянула себѣ на ноги, осторожно ступила нѣсколько шаговъ и, остановившись въ дверяхъ залыца, сложила руки для принятія благословенія.

Батюшка благословилъ.

— Что тебѣ?

Арина отдувалась, словно взбѣжавши на гору, и не могла сразу отвѣтить. Оправившись, но все-таки заиняясь, она начала:

— Тайна у насть, батюшка, въ домѣ... по ночамъ.

— А-а!.. *Tайна*, да еще *по ночамъ*... Это что-то страшно, — проговорилъ о. Никандръ пресервѣннымъ тономъ, но глаза его смѣялись и поздри вздрагивали.

— Еще какъ страшно-то, батюшка-кормилецъ! Мы съ Прасковьей не чаяли живыми оставаться.

— Ай-ай-ай!.. — произнесъ батюшка, качая головой. — А можно узнать эту страшную тайну, или нѣть?

— Какъ-же не можно-то? Затѣмъ пришла.

— Ну, сообщи, сообщи, пожалуйста.

Матушка навострила было уши, чтобы слушать интересный разсказъ, но ребеночокъ ея такъ расплакался, что она должна была съ нимъ уйти.

— Ну? — повторилъ батюшка.

— Дай духъ перевести.

— Переведи, переведи.

— Охъ, нелегкое дѣло этакія рѣчи вести!.. Ф-фу?... Видишъ-ли... Матушки-то моя, что ты намедни похоронилъ-то... Ѣекла-то...

— Ну, помню, ну?

— Вѣдь этакіе грѣхи, Господи! Охъ!..

— Будетъ стонать-то, разсказывай.

— Вѣдь она... ходитъ!

Арина перекрестилась.

— То-есть какъ ходитъ?

— Какъ слѣдуетъ... во всей видимости... по ночамъ... по нашей избѣ.

— Ишь вѣдь штука какая!... Такъ-таки ходить?.. Какъ слѣдуетъ?.. по избѣ?.. мертвая?..

— Да вотъ поди-жь ты... Знать прогнѣвали мы Господа...

— И ты видѣла ее?

— Да какъ-же, Господи... Собственными глазами. И не хотѣль-бы видѣть, да... ничего не подѣлаешь.

— И руки, и ноги, и голову, и глаза, и носъ, и ротъ—все видѣла ясно?

— Зачѣмъ-же ясно? Дѣло ночное, да и легко-ли присматриваться въ страхи? А что это—она, мы сразу почуяли... Эстолько лѣть жили вмѣстѣ—пора привыкнуть!.. И Прасковья также... сейчасъ-же узнала.

— Какъ-же вы могли узнать, когда не присматривались и ясно не видали?

— Ахъ ты, Господи!.. Ну, какъ это ты, батюшка... Словно я тебя обманываю. Вѣдь она къ *намъ* ходить-то, а не къ кому-другому. Кому-же лучше знать? А ты ровно-бы не вѣриши.

— Да пока нечemu вѣрить. Ты говоришь о томъ, чего сама не знаешь. Не видала, а рассказываешь...

— Ну, вотъ ты какой, батюшка... Какъ-же еще мнѣ говорить, я ужъ и не знаю.

— Ты мнѣ скажи: по какимъ признакамъ ты рѣшила...

— Да не я одна, и Прасковья тутъ-же.

— Ну, хорошо, ну—по какимъ признакамъ вы съ Прасковьей рѣшили, что къ вамъ ходить ночью мертвая Фекла? Ну, говори, ну, ну. объясняй, въ порядкѣ, только покороче,—нетерпѣливо проговорилъ о. Никандръ.

— Охъ, и вспоминать-то — пожъ острый!.. Примѣты, батюшка, явныя. Протрется сквозь трубу и—прямо къ судней лавкѣ. Погремитъ—погремитъ тамъ чѣмъ-то, потомъ по избѣ пройдетъ, пригнувшись... Босая... Сопитъ, попрежнему обыкновенію своему... Савашъ на ней блѣдѣется... Потомъ опять къ судней лавкѣ... А она, упокойница, ужъ сколько годовъ ничего не дѣлала по дому. Бывало — царство ей не-бесное!—слѣзеть съ нечки босикомъ, пожуетъ чего-нибудь за обѣдомъ, молча и отойдетъ къ судней лавкѣ. Снимутъ...

— Ну, ладно. Ну, какъ-же ты...

— Нѣтъ, ты постой, я вѣдь не договорила... Я сейчасъ... Снимутъ ей туда все со стола, она и занимается: посуду и ложки перемоетъ, куски—которые покрупнѣй—отберетъ и сложитъ въ уголокъ, а

мелкие кусочки и крошки смететь и бросить въ лоханку. Любила она это, упокойница, каждый Божій день это дѣлала, а сама, бывало, все молчать, и только сопитъ, по обыкновенію своему... Вотъ она теперь за это же дѣло и принимается... На утро посмотрѣшь — ложки на судней лавкѣ развалены и хлѣбные крошки видать на чистомъ мѣстѣ, на лавкѣ и на полу... Мы прежнія ложки-то ужъ сожгли, новыя на мѣстѣ ихъ положили—и опять вышло то-же!..

— Значить, она даже хлѣбушка покупала? проголодалась, значитъ? иронизировалъ батюшка.

— А Господь ее знаетъ. Коли являлась, какъ живая, такъ могла и это... по живому.

— *Могла!* То-то и горе-то наше, что у насъ *все можетъ быть!*— заговорилъ батюшка, перемѣнившись спокойный, шуточный тонъ на суровый, обличительный.—Развела, какъ по писанному. Этакое глубочайшее невѣжество! этакая тупѣйшая глупость!

— Что-же ты, кормилецъ, браинься? плаксиво возразила Арина.— Я тебѣ всю истинную правду, какъ передъ Богомъ... Облегченія чаяла отъ тебя, а ты...

— Отъ чего я буду тебя облегчать? отъ чего? Дурачье вы! Сами сочинять себѣ невозможное, нелѣпѣйшее горе и лѣзутъ за ненужнымъ утѣшениемъ!

О. Никандръ въ волненіи прошелся по комнатѣ. Въ залѣ снова появилась матушка.

— Чего ты распушмълся? Только что убаюкала ребенка...

— Да вотъ... пришла меня увѣрять, что къ ней по ночамъ мертвая мать ходить!—сообщилъ о. Никандръ пониженнѣемъ, но все еще беспокойнымъ тономъ.

— Чего-же кипятиться-то? Она судить по своему, а ты разъясни ей,—сказала матушка.

Арина обрадовалась ея заступничеству.

— Родненькая ты моя, вники хоть ты. Вѣдь, двѣ ночи подрядъ... О сю пору я ужъ сама не своя, что-жъ дальше будетъ? Развѣ долго выдержишь на глазахъ такую страсть? Еще ночь — другая и шабашъ: испустишь духъ и все тутъ! А батюшка думаетъ, что я нарочно.

— Вотъ, поди-ка *разъясни* ей!.. Ей хоть колъ на головѣ теши— она все свое! съ досадой проговорилъ о. Никандръ и бросилъ книгу на столъ.—Видѣла невидѣнное и слышала неслышанное,— а попѣтѣ ей помоги! Благородная миссія! высокое служеніе!

— Вотъ что значитъ чужое-то горе, Господи! жалобно, нараспѣвъ произнесла Арина и обѣими руками стала тереть глаза.

Батюшка подошелъ къ ней и взялъ ее за локоть.

— Дура ты этакая, пойми ты: ничего этого не было и быть не можетъ, никакой мертвѣцъ къ тебѣ не приходилъ и придти не можетъ. Это тебѣ показалось. Ты наслушалась глупостей отъ такихъ же глупыхъ, какъ ты, о вѣдьмахъ, о привидѣніяхъ и т. п.; ночью во время безсонницы, все это ты припомнила, вотъ тебѣ и представилось... Пойми: представилось, показалось только, а на самомъ дѣлѣ ничего этого не было и быть не могло. Слышишь?

— Я-то слышу, да ты-то... Ну, спроси Прасковью, коли...

О. Никандръ махнулъ рукой, быстро прошелся по комнатѣ и снова подступилъ къ Аринѣ.

— Противъ того, что тебѣ кажется, я ничего не могу сдѣлать. Это дѣло доктора... По моему, ты должна плакнуть на всѣ эти пустые страхи и спать себѣ спокойно. Но если ты стояишь на своемъ, какуюже я тебѣ еще пользу могу принести?

— Охъ, Господи... Ты хоть панихидку-то отслужи по ней,—взмодлилась Арина.—Прасковья-то ужъ давно на кладбищѣ ждетъ.

— Да, панихидку? Это что-жъ... Это можно, молиться всегда можно,—сказалъ батюшка, смягчаясь.—Объ этомъ-бы прямо и попросила. А то—наплела всякой ерунды!

— Да я и панихидку-то придумала ради того, чтобы она больше не ходила... Авось, Богъ дастъ, успокоится.

Батюшка улыбнулся и пожалъ плечами.

— Миссія, миссія... высокое служеніе... воспитаніе народа...—бормоталъ онъ, пока надѣвалъ рясу и нахлобучивалъ шапку.

Батюшка, въ полинявшей и потертой щитрахили, совершаешь у могилы Феклы «панихидку», помахивая холоднымъ, слегка гремящимъ кадиломъ. Бабы вздыхаютъ и усердно молятся. Насѣка крестится, но въ то-же время интересуется тѣмъ, какъ вѣтеръ играетъ кудрями батюшки и выдуваетъ изъ кадила старый пепель. На могильной насыпи, весьма небрежно сдѣланной и успѣвшей уже осѣсть, виднѣлись небольшія трещинки.

— Вотъ въ эти щелочки-то она, стало быть, и пролѣзаетъ,—подумала Арина, мелькомъ взглянувши на трещинки, и усилила поклоны.

«Вѣчная память, вѣчная память, вѣчная память!» — не пропѣлъ, а продекламировалъ о. Никандръ.

Онъ кончилъ, покадилъ молящимся. Но бабы минуты двѣ еще продолжали креститься и клать поклоны. Батюшка, отъ ничего дѣлать, присмотрѣлся къ ихъ физіономіямъ. На лицѣ Арины изобразилась глубокая скорбь и вмѣстѣ—страхъ, обида и досада. Губы ея подергивались, глаза учащенно мигали, но она не заплакала. Батюшка почувствовалъ къ ней жалость.

— Молиться можно и должно... и хорошо, что вы такъ усердно молитесь,—мягко и ободрительно заговорил онъ.—Но, пожалуйста, не говорите такихъ глупостей. Неразумныя!. Сами себя мучите пона掸асну.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ за хлопоты, — сказала Арина и съ поклономъ вручила батюшкѣ мѣдный пятакъ.

Она еще съ минуту постояла, глядя на могилу въ какомъ-то раздумьи. Повидимому, ей хотѣлось, согласно обычая, положить «праху» три земныхъ поклона, но ее что-то удерживало отъ этого.

— Охъ, Господи, хотя-бы это помогло заключила она крестясь.

Перекрестились и ея спутницы.

О. Никандру блеснула, какъ ему показалось — счастливая мысль. Стуча нижней чашкой кадила по вершинѣ могилы, онъ съ поддѣльной строгостью произнесъ:

— Слыши, Фекла, больше не ходи вѣтъ къ нимъ по ночамъ. Если тебѣ когда вздумается прогуляться, такъ ты заходи лучше ко мнѣ, а ихъ оставь въ покоѣ. Такъ и знай!

Бабы взглянули на батюшку съ удивленіемъ и недоумѣніемъ.

— Ой, кормилецъ, что это ты?—воскликнула Арина.—Не дай Богъ самому злому татарину, не то, что тебѣ...

— Вы за меня-то не бойтесь, я-то не испугаюсь, потому что все это глупости,—успокоивалъ о. Никандръ.

V.

— Никандръ Семенычъ, зачѣмъ ты такъ сердишься... съ народомъ?—ласково и тономъ сожалѣнія произнесла матушка, встрѣтивъ мужа, возвратившагося съ кладбища.—Сколько разъ я тебя просила... Съ этой Ариной опять какъ рѣзко обошелся... Вѣдь и самъ ты въ дѣствѣ всему вѣрилъ... по народному; какъ-же можно взыскивать за это съ народа?..

— Я тебя, Соня, тоже нѣсколько разъ просилъ... не напоминать мнѣ о томъ, что я и безъ того твердо знаю. Мнѣ не менѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, хотѣлось-бы пожить спокойно, безъ тревогъ; но нельзя не возмущаться. Спраздновали мы девятисотлѣтній юбилей государства православной вѣры на Руси, а между тѣмъ народушко православный почти такъ же теменъ и суевѣренъ, какъ былъ до призванія варяговъ.

— Зачѣмъ преувеличивать? Сколько у насъ теперь школъ, грамотныхъ людей! Сколько просвѣщающихъ чтеній, собесѣданій! Народъ несомнѣнно просвѣщается.

— По большимъ дорогамъ, въ бойкихъ, болѣе или менѣе богатыхъ пунктахъ, все это продѣлывается, да и то, можетъ быть, больше на-

показъ, чѣмъ съ существенной пользой. А попробуй-ка просвѣщать въ этакой глуши! Вчера я говорилъ яснѣйшее и убѣдительнѣйшее поученіе о вредѣ суевѣрій, а сегодня дѣячокъ отъ имени моихъ вчерашнихъ слушателей, а также, очевидно, и отъ своего собственнаго имени, внушаетъ мнѣ, что въ могилу колдуны ѳеклы слѣдовало-бы вбить осиновый коль. Давно-ли это было?.. Наградили приходомъ—нечего сказать! Забыть не могу... ваше пр-ство, вѣдь тамъ жить нечѣмъ. «Ничего, это пока, по неимѣнію вакансій. Шобудешь короткое время и перейдешь на лучшее мѣсто. Тамъ приходъ, правда, молъ и бѣденъ, но за то тебѣ въ немъ спокойно будетъ: дѣлать совсѣмъ нечего». Хаха! Такъ-то и высшія-то назначенія совершаются. «Тамъ, дескать, захолустье, дѣла никакого, посадить туда «нища и убога»; или—пусть этотъ хороший человѣкъ побудетъ тамъ годокъ, отдохнетъ, а потомъ его возведемъ»... А между тѣмъ въ этомъ захолустыи вѣками накопилось столько дѣла, что для него требуются десятки геніевъ съ геркулесовскими силами и непрерывнымъ трудомъ. А захолустья-то составляютъ большую часть Россіи. Сообрази-ка, что выходитъ-то... «Дѣлать нечего!» Ха-ха... Тутъ до того одичали, что, при всемъ желаніи выслушать тебя и понять, не умѣютъ ни слушать, ни понимать. А вѣдь тутъ Кирилышъ пятьдесятъ лѣтъ *учитъ*. Слышала давеча? Ты ей говоришь свое, а она твердитъ свое. И все это съ поклонами и величаніями: «батюшка-кормилецъ»... И покоряется, и въ то-же время упорствуетъ, противорѣчитъ, оскорбляетъ и не сознаетъ этого. Вдвойнѣ досадно! «Дѣлать нечего»... Ха!.. Работы ужасъ сколько, и работы тяжелой, надрывающей. А въ чёмъ утѣшеніе? Въ безусыпности? Или въ томъ, что отъ времени до времени заработкаешь пятакъ въ день, какъ сегодня, напримѣръ?

— Ты, Дмитрій Семенычъ, сталъ ужъ очень нетерпѣливо и раздражителенъ. Обѣщали тебя перевести, стало-быть—переведутъ. Потерпимъ немножко. Еще не очень мы здѣсь засидѣлись, всего полтора года.

— Не очень... Вотъ у насъ одинъ ребенокъ родился, и то сколько расходовъ прибавилось, а родится другой, третій—тогда что мы будемъ дѣлать?

— Къ тому времени предложатъ лучшее, а не предложатъ—выпросишь.

— Да, выпросишь у нихъ... Легко попасть въ трущобу, а выбраться изъ нея ой-ой какъ трудно! Я тебѣ разсказывалъ, какъ на прошлой недѣлѣ со мной благочинный на стѣздѣ... Треплетъ меня по плечу: «Хе-хе, вотъ кому житье-то! Мы тутъ хлопочемъ о томъ, о другомъ, о третьемъ, а ему что? Спи себѣ день и ночь! Хе-хе...» Какъ, говорю, *сли?* У меня храмъ разрушается; я весь истрепался, выпрашивая на дѣло Божье по копѣечкѣ да по бревнышку; я изъ спль вы-

бываюсь, постоянно сражаясь съ невѣжествомъ и закорузлыми суетѣріями... И договорить мнѣ не далъ. «Ну, чего тамъ... Хе-хе...» Махнула на меня рукой и отошелъ прочь. Выходитъ, что я какой-то счастливчикъ, которому можно даже завидовать. Видять несуществующее благополучіе, а дѣйствительныхъ трудовъ не видятъ, а потому и не цѣнятъ. А взглядами благочинныхъ руководится архіерей. Вотъ и спди у моря и жди погоды. Все это постоянно представляешь себѣ, взвѣшивая и невольно возмущаешься.

- А ты поменьше думай объ этомъ,—посовѣтовала матушка.
 - Легко сказать...
 - А то вѣдь этакъ...
 - Ну, ладно, давай обѣдать.
-

Ночь.

Батюшка только что улегся въ своей маленькой спаленкѣ на широкую деревянную кровать. На противоположной сторонѣ той же комнатки, возлѣ печки возилась съ ребенкомъ матушка. Въ углу мерцала маленькая стѣнная лампочка, освѣщающая впсѧщій близъ ней бѣлый подрясникъ съ растопыренными рукавами.

— А знаешь, Соня, что я давеча сказалъ на кладбищѣ?—обратился батюшка къ супругѣ.

- Что?
- Ты, говорю, покойница, не ходи больше къ дочери въ домъ, а если захочешь когда прогуляться, такъ заходи лучше ко мнѣ.

— По моему, это ты—напрасно... Бабы могли подумать, что ты самъ вѣришь въ странствованіе мертвцевовъ, а между тѣмъ за эту-то вѣру ты и пробиралъ ихъ.

— Ну, зачѣмъ же... Я это сказалъ такъ, что онѣ не должны этого подумать,—сказалъ шутя и прибавилъ, что это ерунда.

- А что, если она къ тебѣ и въ правду придѣтъ? Ха-ха-ха...
- Что-жъ, милости просимъ. Ха-ха-ха.

— Слава Богу, что намъ съ тобой это стало смѣшно. А сколько-кимъ несчастнымъ это причиняетъ лишнія страданія!

Матушка помолилась Богу, ослабила свѣтъ въ лампочкѣ, раздѣлась, прилегла на край кровати и скоро заснула. Батюшка не спалъ послѣ нея еще съ полчаса. Подъ вліяніемъ преобладающихъ впечатлѣній дня, онъ предался невольнымъ воспоминаніямъ. Припомнились ему страшные рассказы о мертвцевахъ, слышанные имъ еще въ дѣтствѣ. Припомнилась ему и Фекла.

— А и страшная была эта старуха! думалось ему.—Этакая физіономія, этакіе глазищи... И такія странности... При невѣжествѣ и при суевѣрно настроенномъ воображеніи, да еще при этакихъ рѣсказняхъ про

старуху,—немудрено было подготовиться такому видѣнію... Гдѣ это я читалъ насчетъ киевскихъ вѣдьмъ... предположеніе, какъ могло создаться такое представлениe... А Вій Гоголя?.. Законы-то вѣдь одни... И до какой поразительной живости можетъ доходить напуганное воображеніе!.. У Арины это еще не очень замѣтно: физіономія ѡеклы ей не обрисовывалась со всею ясностью. А физіономія была такая, что... Этаe глаziши!.. Какъ могутъ исказиться черты человѣческія... Подрясникъ-то мой... Ужъ зима наступаетъ, а я все въ бѣломъ, по лѣтнему... Борись съ суетѣріями, гонай мертвцевовъ, а за все это... скоро и вовсе не во что будетъ одѣться... Одна нынѣшняя ѡекла чего стоитъ... Поглотила почти цѣлый день да вотъ и ночью... Когда же это пуговица-то отскочила? Завтра дать Сонъ пришить,—заключилъ о. Никандръ, смотря уже слипающимися глазами все на тотъ же бѣлый подрясникъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ виситъ подрясникъ, начинаетъ вырисовываться человѣческая фигура, съ наклоненной головой, покрытая чѣмъ-то бѣлымъ. Голова постепенно приподнимается и ясно обозначаются знакомыя черты: ввалившіяся, сморщенныя щеки, тонкія губы, рѣзкій взглядъ вналыхъ, большихъ черныхъ глазъ, сѣдыя волосы, стоящіе дыбомъ. Фигура раскачивается, дѣлаетъ усилия къ тому, чтобы двинуться... двигается къ кровати... останавливается... жуетъ губами, скрипитъ зубами, ворочаетъ глѣвными глазами... хочетъ вытянуть руки, но онъ едва-едва приподнимается отъ боковъ, къ которымъ плотно были прижаты. Слышился невнятная рѣчъ, съ прерывающимися звуками, словно относимая порывами вѣтра: «у, у... звалъ... вотъ... Чѣмъ?.. Вотъ-вотъ... шла... Зачѣмъ... у-у... звалъ? Пришла...» Тонкія губы раздвинулись, бѣлые широкіе зубы оскалились, глаза закрылись. Послышались злорадныя воскликанія: а-а! э-э! что?! ха-ха!..

— Дмитрій Семенычъ! Дмитрій Семенычъ! Проснись! Дмитрій Семенычъ! тревожно будила матушка супруга.

— О-ой! вонъ! вонъ! кричалъ батюшка.

— Проснись, говорю, — чего ты? Ребенка испугаешь. Дмитрій Семенычъ!.. повторила матушка.

— А? Гдѣ? Что такое? залпомъ выкрикнулъ батюшка, встрепенувшись.

— Перевернись на другой бокъ, — пословѣтала матушка. — Кричалъ ты сейчасъ, какъ сумасшедшій!

Тяжело дыша и отдуваясь, батюшка остановилъ мутный взоръ все на томъ-же бѣломъ подрясникѣ, и ему представлялось, что подрясникъ шевелится и оттопырившіеся рукава его движутся.

— Фу ты, батюшка, да что-же это такое? бормоталъ онъ, протирая глаза.

— Что, страшный сонъ видѣлъ?

— Да что, Соня... Представь себѣ... Вѣдь это безобразіе!.. Вотъ ужъ не чаилъ...

— Что-же такое?

— Эта противная... Фекла эта... сейчасъ, какъ живая... Вѣдь этакая ерунда!.. Сердце страхъ—какъ бьется... Тыфу, проклятие!

— Ага! А ты все надѣ бабами смѣялся.

— Ну, да вѣдь это что-жъ... Соня... Явленіе совершило независящее... Фу ты... Что за окаянство?.. Никакъ не успокоишься... Ахъ, шутъ тебя подери совсѣмъ!..

Матушка продолжала укачивать ребенка, къ которому встала задолго до пробужденія батюшки.

— Ну, будешь, дѣточка моя, ну, перестань,—причитала она:— а-а, а-а-ахъ! у-у, у-у-ухъ! ба-а-а-а-ай! э-э, э-э-эхъ! Да ну же, будешь, а то оттреплю!

Ввинченное въ потолокъ кольцо, на которомъ висѣла колыбель, издавало рѣзкій, непріятный скрипъ.

Батюшка пощупалъ себѣ голову. Она была горячая.

— Не то заболѣлъ оттого, что испугался, не то испугался оттого, что заболѣлъ,—подумалъ онъ и, тяжело дыша, перевернулся спиной къ свѣту.

VI.

На слѣдующее утро Арина, исхудавшая и позеленѣвшая, опять явилась къ о. Никандру.

— Ну, что?

— Да что, батюшка — кормилецъ, никакихъ силъ нѣть, хоть умирай! Опять приходила... Все какъ слѣдуетъ, попрежнему... Словно мы съ тобой и не служили... Дѣвчонка моя первыя-то ночи спала во время страстей-то, а нынче всю ночь промаячила съ нами, да такъ разревѣлась, что насилиу—насилиу уняли. Кажись, заколотиль-бы двери и окна и бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Вотъ каково пришло! А куда дѣвчонка? Кабы одна была, а то... Свѣтникъ ты нашъ, касатикъ, не придумаешь-ли ты для насть что-нибудь еще?

Арина заплакала и низко поклонилась батюшкѣ.

— Глупыя вы, несчастныя,—мягко заговорилъ батюшка: — сами ошалѣли отъ невѣжества и меня съ ума сведете.

Наклонивъ голову, о. Никандръ съ минуту что-то соображалъ. Арина стояла передъ нимъ молча, всхлипывала и утиралась ладонями.

— Когда именно она къ вамъ ходить?—спросилъ батюшка.

— Да ночью, все ночью,—сквозь слезы отвѣтила Арина.

— Слышалъ, но какъ это... съ вечера или поздно ночью?

— Такъ—такъ... Извѣстно, у насъ часовъ нѣту... А какъ погасимъ огонь, уляжемся, утихнетъ все... пройдетъ этакъ... ну, кто ее знаетъ сколько...—она вотъ—и она!

— Зачѣмъ-же вы огонь-то гасите? Пусть бы хоть лампадка горѣла всю ночь: тогда-бы и оказалось, что...

— О, Боже избави! Этакую страсть увидѣть при огнѣ, во всѣ глаза—и одновѣдно не дыхнешь!.. Я и Кириллычу то-же...

— Что Кириллычу?

— Гм... ничего, это я такъ... обмолвилась. А съ свѣтомъ, съ огнемъ—ни въ жисть!

— Ну, такъ вотъ что: я сегодня приду къ вамъ вечеромъ, и посмотримъ вмѣстѣ, что будетъ...

— Ой-ли? Неужто придешь? радостно воскликнула Арина.

— Непремѣнно приду.

— Ахъ ты, желанный, хороший! А вотъ Кириллычъ не... Тыфу! сама не знаю, что болтаю... Помоги, помоги намъ. Тебя-то она, можетъ, побоится. Вѣдь, вотъ ты вчера ее къ себѣ звалъ, а она опять къ намъ... Значить, она тебя не смѣеть...

— Ну, будетъ болтать-то, ступай!—заключилъ о. Никандръ.

Арина буркнула еще что-то въ похвалу и благодарность батюшкѣ и удалилась.

— Это, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ любопытно: какое такое чудо совершается по ночамъ у этихъ дурь? — подумалъ священникъ и съ нетерпѣніемъ сталъ ждать интереснаго вечера.

Стенило.

Въ «бабьемъ домѣ», въ присутствіи о. Никандра, идутъ совѣщанія и приготовленія къ встрѣчѣ нежеланной гостьи. Батюшка присѣлъ у стола, ближе къ срединѣ избы. Возлѣ себя, на краю стола, онъ поставилъ незаженную свѣчку и положилъ коробокъ спиртовыхъ спичекъ, который принесъ съ собой изъ своего дома.

— Ну, садитесь всѣ по лавкамъ, не прячьтесь, чтобы всѣмъ намъ было видно, въ чемъ дѣло, — скомандовалъ онъ ободряющимъ тономъ.

Послышалось возраженіе.

— Нѣть, кормилецъ, ты ужъ тутъ одинъ... Тебѣ Богъ поможетъ... А намъ такъ близко не надо: дюже страшно.

— Ничего, пустяки, дѣлайте, какъ вамъ приказываютъ,—настаиваетъ батюшка и съ удивленіемъ ловитъ себя на мысли, что ему самому будетъ покойнѣе и смѣлѣй, когда союзники помѣстятся поближе къ нему.

— Нѣть, упорствуетъ Арина: — мы лучше по своимъ постелямъ. Тебѣ все равно, а намъ... особливо Насѣкѣ: она о сю пору уже вся трясется.

— Пустяки, пустяки, не бойтесь. Настя, поди сюда, садись ко миѣ на колѣни.

Дѣвочка нерѣшительно подошла къ священнику, но на колѣни къ нему не захотѣла сѣсть. О. Никандръ усадилъ ее рядомъ съ собой и охватилъ одной рукой. Ласка батюшки къ ребенку ободрительно подѣйствовала и на взрослыхъ. Арина и Прасковья осмѣлились сѣсть на той-же лавкѣ, нѣсколько поодаль.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Выдумали глупыя чего-то бояться,—тихо произнесъ батюшка:— вотъ посмотрите—ничего не выйдетъ, я вѣсть увѣряю.

— Кабы-то Господь далъ, съ твоей... съ благословленной руки,— прошептала Арина.

Только что она проговорила это, какъ начались явленія, предваряющія страшное чудо и хорошо известныя не только родственницамъ Ѹеклы, но и о. Никандру, по разсказу Арины. Такъ-же, какъ и въ предыдущія ночи, всполошились на дворѣ свинь; такъ-же—кто-то съ усилемъ потеря о стѣнки печки; такъ-же кто-то смутно бѣлѣюЩій появился у судней лавки, примыкающей, подъ угломъ, къ той лавкѣ, на которой помѣстились наблюдатели.

— Боюсь! плакаво прошипѣла Настя, въ трепетѣ прижимаясь къ батюшкѣ.

Батюшка почувствовалъ, что у него захолодѣла голова и захватило духъ. Досадуя на свое малодушіе и на свой невольный страхъ, онъ дрожащей рукой торопливо черкнулъ спичку. Таинственнымъ посѣтителемъ оказалась... большая бѣлая собака, которая въ ту же минуту бросилась подъ печку. О. Никандръ засвѣтилъ свѣчу и молча, съ улыбкой, посмотрѣлъ на Настю. Та съ недоумѣніемъ посматривала то на него, то на мать. На глазахъ у неї еще блестѣли слезы.

— Такъ вотъ, Настя, кто приходилъ-то къ вамъ, а вовсе не Ѹекла. Эхъ, вы!..

— Ха-ха-ха! ха-ха-ха!—разразилась вдругъ дѣвочка.—Со...соба... собака! Ха-ха-ха! Пастухова собака! Мамушка, вотъ такъ бабушка! На... на четырехъ ногахъ. Ха-ха-ха.

Батюшка, услаждаемый своимъ подвигомъ и впечатлѣніемъ сдѣланнаго открытия, вскочилъ съ лавки и оживленно и весело обратился къ удивленнымъ бабамъ:

— Ну, не глупыя-ли вы—а? Не вникнувши въ дѣло, выдумали себѣ страхъ и мучатся безъ смысла, ни за что, ни про что. Говоришь имъ, что это—вздоръ, что этого быть не можетъ,—такъ нѣтъ: онъ все свое...

Арина кусала губы, подавляя улыбку, которая казалась ей слишкомъ поспѣшнымъ выраженіемъ радости послѣ такихъ печалей и тревогъ.

Междѣ тѣмъ Настя, такъ-же неудержимо теперь хохотала, какъ неудержимо плакала въ предыдущую ночь.

— Да какъ-же это она подъ печку-то? — собралась наконецъ возвратить Арина.

— Очень просто: значитъ, туда есть лазъ со двора, — отвѣтилъ батюшка...

На слѣдующее утро навели справку, и «избушка на курыхъ пожакахъ» оказалась дѣйствительно съ предательской прорѣхой. Прорѣху задѣлали, и Фекла перестала «ходить»... Измученные обитательницы «бабыаго дома» успокоились и отдохнули.

О. Никандръ пожелалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ свѣжимъ, нагляднымъ примѣромъ, доказывающимъ пустоту, нелѣпость и страшный вредъ суевѣрій. «Благовременно и безвременно» повторялъ онъ своимъ прихожанамъ подробный разсказъ о томъ, какъ блистательно защитилъ онъ репутацію скромной старушки. Но... «впрямь долбилъ Данила, да вкось пошло долбило», какъ говорить пословица. Разсказы о. Никандра вынесли на торжестве семейную тайну «бабыаго дома», сообщенную по секрету только «клиру», воскресили почти уже забытый образъ «вѣдьмы», оживили старые недобрые толки и породили нелучшіе новые. Кирилычъ, въ роли бродячаго Сократа, заводилъ на улицѣ и по домамъ бесѣды на животрепещущую тему и исправлялъ понятія прихожанъ, «испорченныя» незрѣлыми мудрствованіями о. Никандра.

— Экую вѣдь новость открылъ! — воскликнулъ Кирилычъ среди по-датливыхъ слушателей. — Собаку увидалъ — и радъ! Ужъ и видно, что молодо-зѣлено... Да разг҃ѣ это настоящая собака-то? Это только видимость собаки, а во образѣ ея и была настоящая вѣдьма. Кто-же этого не знаетъ? Должно быть, только онъ одинъ не слыхалъ этого сроду.

— Да вѣдь перестала-же она ходить, когда лазъ-то задѣлали, — возражали нѣкоторые смѣльчаки. — Стало быть — это и вправду была простая собака, а то нешто она не сумѣла-бы пролѣзть...

— Ты погоди еще, погоди... Рано порѣшилъ. Еще пролѣзть... Не только собакой, кѣмъ хочешь пролѣзть: козломъ, свиньей и всяческимъ скотомъ. И лазъ этотъ тутъ не при чемъ. Обернется сорокой — и въ трубу. Кто-же этого не знаетъ? Захочетъ донять — дойметъ. Ей закона не предпишешь... А то хвалитесь: глупыхъ людей вразумилъ и избавилъ... Погоди еще, братъ... Притихла пока на время, а тамъ, глядишь, такъ начнетъ пощучивать, что и...

Философія колоколенаго Сократа скоро восторжествовала въ обществѣ падъ ученьемъ о. Никандра. Арина и ея сожительницы, подъ давлениемъ общественнаго мнѣнія, наконецъ, снова упали духомъ и прониклись страхомъ. Хотя у нихъ въ домѣ давно уже все благопо-

лучно, но онъ доселѣ ни одной ночи не могутъ проспать вполнѣ спокойно. Ихъ все еще смущаетъ ожиданіе, что вотъ-вотъ опять явится къ пимъ она, если не въ образѣ человѣка, то въ видѣ какого-либо животнаго или птицы.

О. Никандръ волнуется и негодуетъ.

— Нѣтъ, такъ жить невозможно! — долго оставаться здѣсь немыслимо. Изорвешь всѣ нервы, дойдешь до галлюцинацій (ужъ начинались!), или одичаешь, озѣбрѣешь. Для такихъ Авгіевыхъ конюшень нужны Ахилесовѣ силы... Одинъ иль полѣ не воинъ... Нужно непрестанно напоминать о себѣ архіерею...

О. Забытый.

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

Лермонтовъ, Листъ, Глинка.

М-те Rossi—очаровательна; очень хорошенькая, милая и простодушная, она тотчасъ-же призналась Императрицѣ, что сердце у нея дрогнуло, когда Государь далъ сигналъ для аплодисментовъ, и прибавила: «это мнѣ напомнило старое хорошее время, трудно отвыкнуть отъ сцены». Она въ совершенствѣ исполняетъ партію Агаты и несколько не тщеславна, такъ какъ сказала мнѣ: «о, если-бы вы слышали въ этой партіи Jenny Lind, вы не нашли бы меня такой совершенной, да и голосъ ея болѣе драматиченъ». Императрица спросила ее, правда-ли, что Jenny Lind такъ некрасива. М-те Rossi отвѣтила: «когда она поетъ— она соловей!» Она разсказала намъ, какъ въ ранней молодости она исполняла Церлину, Гарсіа — командора, Милибрранъ — донну Эльвиру, Паста—донну Анну, Рубини—Октавіо, Лаблашъ—Лепорелло, Тамбурини—Донъ-Жуана. Съ такимъ составомъ опера шла только два раза и Лаблашъ сказалъ ей: «Моцартъ никогда и не мечталъ о такомъ исполненіи». Они всеѣ были совсѣмъ молодые, и она ужасно боялась Гарсіа, который съ ними былъ очень строгъ. Я разсказала это Глинкѣ, фанатическому поклоннику Моцарта; онъ вздохнулъ, сказавъ: «Больше не будетъ подобного исполненія». Я пригласила его обѣдать съ м-те Rossi и Hirt, которая ей аккомпанировала. Она пѣла тирольскія пѣсни, нѣмецкія баллады Шуберта, «Weihrauch», и, наконецъ, пѣсню Пресіозы (Вебера). Глинка былъ на верху блаженства и кончилъ тѣмъ, что поцѣловалъ ей руки. Николай зналъ Rossi въ Италии и въ Вѣнѣ, где онъ видѣлъ графиню Rossi совсѣмъ молодою. Она тогда уже пользовалась громаднымъ успѣхомъ, и никто ей никогда не завидовалъ, такъ какъ она была очень мила и пристрастна.

Я согласна съ мнѣніемъ Одоевскаго по поводу Россини. Его лучшая опера «Севильскій цырюльникъ», единственная безъ погрѣшностей. Нѣкоторая мѣста въ «Вильгельмъ Телль» и молитва Моисея съ хоромъ—очень хороши. Что-же касается его «Stabat», то хотя оно и эффеќтно, но не достигаетъ той высоты, какъ «Stabat» Перголезе, который замѣчательенъ. Онъ не достаточно трагиченъ. Въ итальянской музыкѣ все зависитъ отъ пѣвцовъ: такъ напр. послѣдній актъ Анны Болейнъ, спѣтый Пастою,—превосходенъ, но музыка его сама-по-себѣ бѣдна. Въ музыкѣ Мейербера больше содержанія, и кромѣ того онъ замѣчательно оркеструетъ. Есть очень красивыя мѣста въ «Робертѣ», въ «Гугенотахъ», и въ Парижѣ ихъ замѣчательно исполняютъ Duprez, Nourrit, Roger, Judith и Cornélie Talion, которая такъ драматичны, а также Alboni. Миѣ не особенно нравится Biардо; безусловно она виртуозка, но голосъ ея не красивъ и въ ней нѣть очарованія бѣдной Malibran. Что-же касается нынѣшнихъ композиторовъ, то мнѣ кажется, самый талантливый изъ нихъ — Берліозъ, и то что я слышала изъ его произведеній — красиво, немного странно и оригинально. Въ немъ есть идея *). Беріо (Bériot) игралъ передо мною отрывки изъ «Троянокъ», которая далеко превосходятъ Мейербера. Я видѣла его на концертахъ Листа; онъ меня заинтересовалъ, въ немъ есть что-то вымученное. Листъ говорилъ мнѣ, что онъ отъ рожденія несчастливъ. Какъ-то вечеромъ, когда мы были одни, Листъ сказалъ мнѣ: «Никто не игралъ Мендельсона лучше Шопена, а Бетховена лучше Мендельсона. Въ этомъ отношеніи они единственны. Послѣ великихъ нѣмецкихъ мастеровъ, Мендельсонъ — самый талантливый. На Мейербера находило иногда счастливое вдохновеніе, но онъ не создалъ да и не создастъ никогда Донъ-Жуана, волшебного стрѣлка, Фиделіо, ни даже Оберона. Но, кромѣ Шумана, кото-раго ожидаетъ большое будущее, самый великий мастеръ оперы явится въ Германіи; вы увидите, что въ этомъ столѣтіи у итальянцевъ не будетъ музыкального генія. «Stabat» Россини и Вильгельмъ Тель — это лучшее, что они могли дать, да пожалуй еще маленький жанръ — «Севильскій цырюльникъ». Этотъ народъ, имѣвшій Палестрину, Аллегри, Вайнъ Maccello, Порпора, Лотти, Перголезе, Керубини, Чимароза, Страделла, Мерcadante, Спонтини — сдѣлался легкомысленъ въ музыкѣ, arioso и бравурные мотивы его погубили. Вашъ Глинка хорошо оркестровалъ нѣкоторая вещи, очень хорошо. «Русланъ и Людмила», оркестровую партитуру которой я разбиралъ, чудная лирическая опера и болѣе музыкальная, чѣмъ «Жизнь за Царя»; нѣкоторая сцены послѣдней — очень красивы: сцена въ лѣсу, балъ, полонезъ, танцы, совсѣмъ не имѣющіе банальности итальянскихъ балетовъ, и, наконецъ, превосходная, ориги-

*) Онъ играетъ на скрипкѣ, бывшъ женатъ на Малибранъ.

нальная сцена коронованія, съ колоколами. Въ ней встрѣчаются диссонансы, которые производятъ замѣчательное впечатлѣніе и которые онъ сумѣлъ разрѣшить въ гармонію финала».

Я сказала Листу, что предпочитаю романсы Глинки, и я ему сыграла, между прочимъ, посвященный М-те Кернъ, «Сомнѣніе», и другіе; онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ, но въ особенности отъ пѣсни пѣсней; дѣйствительно, слова — прекрасны, но нужно быть музыкантомъ, чтобы передать ихъ чудными звуками. Я перевела ихъ Листу и онъ мнѣ сказалъ: «Это текстъ: Vulnerasti cor meum. Это одновременно мистично и страшно, и Глинка своимъ разбитымъ голосомъ передасть его лучше, чѣмъ пѣвецъ».

Авторъ толкованія гимна сказалъ объ Ея Величествѣ, что она «окрыленная лілія» (lys ailé). Листъ отвѣтилъ: Когда она мнѣ сказала: «М-те Смирнова говорила, что вы въ совершенствѣ исполняете мазурки Шопена, не сыграете-ли вы намъ сегодня вечеромъ?» я былъ въ восторгѣ. Я не особенно хотѣлъ играть именно мазурку, въ Парижѣ меня увѣряли, что здѣсь Шопена не любятъ. Я скажу имъ, что они глубоко ошибаются, именно въ Россіи издатель Шопена продаетъ болѣе всего. Но вѣдь вы знаете распространенное въ нѣкоторыхъ кружкахъ Парижа предубѣжденіе противъ Россіи».

Сегодня вечеромъ у Карамзинъ я узнала о смерти Лермонтова. Онъ былъ убитъ въ Пятигорскѣ, офицеромъ Мартыновымъ, о причинахъ дуэли подробности неизвѣстны. Андрей Карамзинъ принесъ эту новость изъ штаба.

Бѣдный Лерма! Я точно предчувствовала, что онъ окончитъ à la Печоринъ или à la Ленскій. Я помню, онъ мнѣ читалъ «Княжну Мери», и онъ умеръ какъ разъ въ этомъ, такъ хорошо описанномъ имъ, Баденъ-Баденѣ Кавказа. Онъ читалъ мнѣ «Бѣлу», «Тамань», мнѣ удалось его приручить. Мой братъ Александръ сказалъ ему, что у меня нѣть ни малѣйшей антипатіи, или предубѣжденія противъ него; какъ и Додо Ростопчина, онъ думалъ, что я — синій чулокъ; потомъ онъ вообразилъ, что я сержусь, потому что мнѣ передали, что онъ меня вывелъ подъ именемъ Минской; но такъ какъ въ этомъ набросокъ нѣть ничего грубаго, и я дѣйствительно часто имѣю въ обществѣ скучающей видѣ, то я его успокоила. Андрей Муравьевъ пришелъ сообщить намъ подробности дуэли. Присутствовали Глѣбовъ, Викторъ Васильчиковъ, Столыпинъ и С. Трубецкой. Лермонтовъ былъ убитъ наповалъ. Муравьевъ показалъ мнѣ прелестные стихи *), которые Лерма написалъ у него. Они проникнуты

*.) „Вѣтка Палестины“.

религіознымъ духомъ. Онъ не зналъ, что «молитва» *) была внушена ему княгинею S. Она прочла Лермонтову Ave Maria, и онъ тотчасъ написалъ стихи. Зачѣмъ наши поэты умираютъ такими молодыми, умираютъ. не сказать всего—зачѣмъ?..

У Карамзинъ много спорили о дуэли. Віельгорскій правъ. Пушкинъ мстилъ за свою честь, а главное за честь жены. Лермонтовъ оскорбиль товарища; вина, увы, на его сторонѣ, и съ его взглядами *противъ дуэли*, онъ еще болѣе виновенъ, такъ какъ почти принудилъ къ ней Мартынова, и даже въ этомъ какой-то фатализмъ, иронія судьбы. Государь дважды отсылалъ его, чтобы избѣжать дуэлей, и все таки онъ убить и изъ-за такой ничтожной причины. Говорятъ, что здѣсь замышлана женщина, что Лермонтовъ компрометировалъ родственницу Мартынова, другие говорятъ, что онъ нарисовалъ на него и какую-то даму карикатуру. и что, вообще, онъ во всемъ виноватъ. Богъ знаетъ, гдѣ правда, но теперь видна разница между нимъ и Пушкинъ, она чувствуется. Нашего дорогого Пушкина жалѣли, какъ поэта и какъ человѣка. У него были друзья, а враги его были посредственности, педанты, легкомысленные модники. Лерма не имѣлъ друзей, оплакиваются только поэта. Пушкинъ былъ жертвою клеветы, несправедливости, его смерть являлась трагичною, благодаря всему предшествовавшему; смерть же Лермонтова—потеря для литературы, самъ по себѣ человѣкъ не внушалъ истинной симпатіи. Мнѣ всегда его было жаль: онъ чувствовалъ, чего ему недостаетъ, но его своенравный, бурный характеръ, отсутствіе простоты и страшное самолюбіе мѣшали ему порвать съ привычками. Онъ спросилъ меня однажды: «Презираете вы людей или ненавидите ихъ?» Я отвѣтила: «Религія запрещаетъ мнѣ ихъ ненавидѣть, а совѣсть—презирать; я не имѣю на это права, да и никто не имѣеть». Онъ на меня удивленно посмотрѣлъ и, наконецъ, сказалъ: «Между тѣмъ вѣдь вы видите, что человѣчество ничего не стоитъ». Я возразила: «Почему я могу думать, что я лучше, вѣдь я тоже принадлежу къ человѣчеству». Онъ спросилъ меня потомъ, презиралъ ли Пушкинъ человѣчество? Я не могла не сказать ему: «Нѣть, это былъ слишкомъ великий умъ, и слишкомъ глубокий, чтобы не понять людской слабости, и слишкомъ добре сердце, чтобы ненавидѣть и презирать гуртомъ» (en bloc). Лерма передалъ этотъ разговоръ Додо Ростопчиной и прибавилъ: «Меня ввели въ заблужденіе относительно M-me Смирновой. Миѣ говорили, что она холода, сатирична и презрительна, а на самомъ дѣлѣ она можетъ быть снисходительнѣе всѣхъ, слывущихъ за добрыхъ, и дѣлающихъ patte de velours. Я понимаю, почему Пушкинъ ее такъ любилъ, онаискренна и непод-

*) „Въ минуту жизни трудную“.

куни». Додо призналась мнѣ, что до знакомства со мною боялась меня. Они все такъ привыкли къ банальной добротѣ людей, что принимаютъ ее за чистую монету.

Государь говорилъ со мною о Лермонтовѣ, и я напомнила ему стихи на смерть Пушкина. Онъ сказалъ мнѣ: «Стихи прекрасны и правдивы; за нихъ однихъ можно простить ему все его безумства. Я не за это ссылалъ его, а за многое другое, предшествовавшее стихамъ. Вообще, въ то время, вся молодежь была возбуждена, дуэли могли быть каждый день, онѣ сдѣлались даже въ модѣ, чѣмъ-то вродѣ маний. Я ненавижу дуэль, это варварство, на мой взглядъ, въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ английскай армии и хорошо сдѣлалъ!»

Великій князь Михаилъ провелъ у меня вечеръ, и мы говорили о Лермонтовѣ. Если-бы онъ зналъ, что Лермонтовъ былъ такъ противъ Мартынова! Онъ сказалъ: «будь я увѣренъ, что его убьютъ, я послалъ бы его въ экспедицію». Но все это не воскресить Лерму, и я сказала великому князю, что лучшіе-бы послѣдовать примѣру герцога Веллингтона *), выставивъ дуэль смѣшино и уничтоживъ этотъ предразсудокъ. Онъ отвѣтилъ: «У насъ это невозможно, онъ въ обычаяхъ». Онъ жалѣеть Лермонтова, хотя послѣдній и оскорблялъ все военные идеи великаго князя.

Онъ ему былъ симпатиченъ, и онъ даже сказалъ мнѣ, что предлагаю Лермонтову оставить военную службу. «Представьте себѣ, что онъ мнѣ отвѣтилъ: я люблю эту службу и предпочитаю ее всякой другой! Это былъ беспокойный, подвижной и въ высшей степени странный характеръ! Это—не Пушкинъ. Жить одному въ деревнѣ, впродолженіи двухъ лѣтъ, и выйти оттуда, полнымъ жизни, гения, вполнѣ созревшимъ—развѣ Лермонтовъ способенъ былъ на это, да онъ-бы умеръ. Пушкинъ находилъ все въ себѣ, онъ былъ геніалент; Лермонтовъ не могъ

*) Герцогъ Веллингтонъ строго преслѣдовалъ дуэль. Опѣ понялъ, что если дуэль исчезнетъ въ арміи, то и статскіе перестанутъ дратиться. Одно время было такъ, что походъ всѣхъ дуэлей былъ смертельный. Отправлялись дратиться въ Кале, въ Булонь. Англичане продолжали еще пѣсколько лѣтъ дуэлировать на континентѣ, но герцогъ разжаловалъ полковника, убившаго на дуэли другого полковника. Капитаны, майоры, поручики,—всѣхъ онъ безпощадно разжаловалъ. Но разжалованіе полковника показало всю серьезность преслѣдованія и, съ этого дня, англійскіе офицеры не обажали шаги пѣ-за каждого да или нетъ. Герцогъ объявилъ, что *жизнь военнаго послѣднему не принадлежитъ*, что она—принадлежность страны. То-же было по отношению къ морякамъ. Поправившіе дуэль исчезла пѣ-зъ англійскихъ и правовъ. Въ ме-муарахъ XVIII и первыхъ годовъ XIX столѣтій—дуэли безчислены такъ же, какъ и въ XVII столѣтіи—запамятная эра ударовъ шаги. Политическая дуэль была въ Англіи всегда очень серьезны.

живь собственнымъ внутреннимъ содержаниемъ, собственною глубиною». Это все виолѣ вѣрно. Великій князь хорошо ихъ обоихъ изучилъ, болѣе чѣмъ я предполагала. Дѣйствительно, Лермонтовъ не могъ бы жить со-бою. Я передала этотъ разговоръ Вяземскому и Віельгорскому. Они были поражены, услышавъ, что великий князь такъ вѣрно охарактеризовалъ обоихъ поэтовъ.

Онъ не слыветъ за любителя литературы, не строитъ изъ себя зна-тока, но, какъ и Государь, обладаетъ однимъ свойствомъ: судить всегда самъ, по собственному здравому смыслу. Онъ тоже очень справедливъ, и болѣе снисходителенъ, чѣмъ думаютъ. Строгій, сухой по вѣнчности, онъ въ глубинѣ прощаетъ всякия безумства, а одинъ Богъ знаетъ, что выѣзываютъ въ полкахъ; онъ не прощаетъ только выходки циничныя, совершенныя безъ увлеченія, хладнокровно.

Вчера вечеромъ съ обычнымъ жаромъ разбирали этотъ вопросъ у Карамзинъхъ. Молодые люди, конечно, были всѣ за дуэль, за дѣло чести, и очень волновались. Софи Карамзина сказала свое мнѣніе: Я допускаю дуэль въ защиту другого, въ защиту матери, женщины, сестры, дочери. Тѣмъ хуже для насъ, если мы еще такие варвары, такъ мало христіане, что наши отцы, мужья, братья, сыновья должны защищать насъ, съ пистолетомъ въ рукахъ! Но никто не имѣть права убивать ближняго, ради своего оправданія или мсти за клевету, оскорбление, обиду». Молодежь возмутилась и объявила, что это устарѣлые взгляды: «Дуэль еще болѣе устарѣла», отвѣтила Софи Карамзина, «она ведеть свое начало съ сред-нихъ вѣковъ».

Это совершенно справедливо. Въ былое время вѣрили въ судъ Божій, запищали «en champ clos» угнетенную невинность, дуэль носила поэтому юридический и даже quasi-религіозный характеръ. Теперь она не имѣть больше этой окраски. Прежде всего, теперь не вѣрятъ въ угнетенную невинность, а кто-же вѣритъ теперь въ судъ Божій? Я это все высказала, но, кажется, мы только вдвоемъ съ Софи Карамзиной и были этого мнѣнія.

Лордъ Clanricarde говорилъ, что герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ дуэль, доказавъ всю ея смѣшную пустоту, тщеславіе, и что въ англій-ской арміи и флотѣ она болѣе не существуетъ. Онъ былъ безплодаденъ, исключалъ изъ службы всѣхъ дравшихся и пользовался для этого всѣмъ своимъ громаднымъ вліяніемъ. Я вспомнила посѣщеніе Веллингтона въ Царскомъ и то вниманіе, которое оказалъ ему Государь. У него была красава фигура, громадный носъ и, несмотря на общую сухость, что-то чистое и наивное въ глазахъ.

Получены подробности дуэли. Они дрались въ горахъ, на особой узкой площадкѣ, среди утесовъ, и на близкомъ разстояніи. Лермонтовъ
Кн. 10. Отд. I.

быль убитъ на повалъ, онъ даже не издалъ звука. Секунданты и Мартыновъ уѣхали, оставивъ одного секунданта при тѣлѣ. Дѣло было къ вечеру, разразилась гроза и бѣдный секундантъ оставался нѣсколько часовъ одинъ на одинъ съ мертвцомъ, изрѣдка освѣщающимъ молнией. Раскаты грома были ужасны, благодаря отголоскамъ среди горъ. Поднялась сильная буря, дождь лить потоками. Перенести тѣло было очень затруднительно, особенно ввиду спуска съ горы. Только послѣ двухъ часовъ утра прибыли въ Пятигорскъ.

Письмо читали у Карамзинъ, и въ деталяхъ его много трагичнаго вполнѣ соотвѣтствующаго Лермонтову, всей его странной натурѣ, полной противорѣчий,—соединенію чудныхъ вещей съ иногда просто антиподичными проявленіями. Но онъ сильно все-таки созрѣлъ, бѣдный Лерма! Софи Карамзина плакала, слушая письмо и вдругъ вскрикнула: «Если бы онъ былъ живъ, какую чудную поэму онъ создаль бы изъ этой ночи среди горъ, въ грозу, у тѣла мертваго друга». Додо Ростопчина отвѣтила ей: «Да, конечно, это сюжетъ для поэмы, но нужно быть Лермонтовымъ, чтобы что-нибудь изъ него создать».

[Послѣ 1837 года есть замѣтки о Гоголѣ, послѣ парижскихъ замѣтокъ, гдѣ говорится о смерти Пушкина, о которой я уже упоминала]. Итакъ: «Вотъ уже годъ какъ умеръ Пушкинъ. Мы заказали по немъ панихиду. Николай и я—мы были очень тронуты, потому что Гоголь написалъ намъ обоимъ 29-го января».

Николай написалъ Гоголю, чтобы сообщить ему о Крыловѣ, который теперь поправляется послѣ болѣзни. Онъ даже у насъ обѣдалъ и спрашивалъ о «маленькомъ Хохлѣ». Онъ былъ въ театрѣ, чтобы еще разъ посмотреть Ревизора, и Николай написалъ обѣ этомъ Гоголю.

Наконецъ, я получила письмо отъ Гоголя; оно успокоило Жуковскаго и Плетнева. Онъ пишетъ, что путешествовалъ, болѣль лихорадкою, но теперь поправился. Онъ много работаетъ и читаетъ. Онъ благосклоненъ только ко мнѣ, ибо Жуковскій писалъ мнѣ, что Гоголь его забылъ, а Плетневъ уже цѣлую вѣчность не имѣлъ отъ него ни строчки.

Гоголь очень интересуется, какое впечатлѣніе произвела на меня Москва, и въ особенности деревня, потому что, въ смыслѣ деревенскаго, я видѣла въ Великороссіи только Царское Село, Петергофъ, Павловскъ и Гатчину.

Получила отвѣтъ отъ Гоголя; онъ доволенъ, что мнѣ нравится жизнь въ деревнѣ и что Спасское *) произвело на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ говоритъ, что русскіе не должны быть абсентеистами и должны больше жить въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи англичане подаютъ хороший примѣръ—абсентеизмъ помѣщиковъ погубилъ Ирландію.

Онъ доволенъ, что Николай охотился на волковъ, которые наносятъ такой вредъ. Онъ говоритъ, что русскіе мало знаютъ настоящую Россію. Это правда, но зима среди снѣговъ—слишкомъ плачевна, и я, по природѣ и климату, предпочла, чтобы Спасское находилось въ Малороссіи. Конечно, это тронуло бы Гоголя. Во всякомъ случаѣ, Московская губернія не похожа на мѣстность по берегу Финскаго залива и Невы. Онъ не особенно поразился, когда я написала ему, что Москва показалась мнѣ безтолковымъ городомъ. Это — большая деревня; конечно, Кремль красивъ, еще болѣе любопытенъ; видъ чудный, живописный, но городъ, самъ по себѣ, неудобенъ вслѣдствіе большихъ разстояній, и я вполнѣ понимаю, что общественная жизнь не можетъ быть тамъ развита; каждая поѣздка—цѣлое путешествіе, по невозможной мостовой. Николай, родившійся въ Москвѣ и имѣющій даже тамъ домъ, не хотѣлъ бы въ ней жить; правда, онъ покинулъ Москву совсѣмъ молодымъ. Вообще, я предпочитаю деревню. Въ Москвѣ—какая-то пустота, несмотря на то, что Кремль и городъ **) полны оживленія, но все показалось мнѣ «incohérent», — вотъ слово. На обратномъ пути, я осмотрѣла церкви. Пріѣхала Хомяковъ и сѣѣла со мною исторической обходѣ. Тетка моя свела меня къ Троицѣ, и я познакомилась съ о. Антоніемъ. грузиномъ по рожденію ***).

Это должно быть въ 1841—1842 гг.

Гоголь писалъ мнѣ, что много работаетъ, и надѣется, что Чичиковъ, его главный герой, будетъ имѣть счастье мнѣ понравиться. Онъ думаетъ также, что мнѣ понравятся провинциальная дамы, и что онѣ будутъ дѣйствительно очаровательны. Одна—дама просто пріятная, другая—пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо элегантнѣе, чѣмъ жена и дочь городничаго, это будетъ high life губернскаго города. Будетъ балъ у гу-

*) Имѣніе моего отца, въ Московской губерніи, на берегу р. Москвы. Гоголь былъ у насъ тамъ въ послѣднее лѣто передъ смертью.

O. H. C.

**) Это имѣніе было кажется причиной недовѣрія славянофиловъ къ моей матери, до полнаго знакомства послѣ 1845 года. Эта замѣтка очевидно 1838 года, когда моя мать отправилась въ деревню. Однажды она очень хвалила Ревель, оставшись въ ней лучшія воспоминанія, и высказывала желаніе піѣть тамъ вину. С. Аксаковъ глубоко возмутился: «Ревель—нѣмецкій городъ». Мать сказала: «Скорѣе фивляндскій. Наконецъ, точно не все равно, разъ мнѣ нравится. Въ Катериненталѣ такие чудные деревни и потомъ море варяговъ». Онъ пожалъ плечами.

***) Отецъ Антоній былъ настоятель троицко-сергіевской лавры.

бернатора, на которомъ Чичиковъ побѣдить все общество. Я съ нетерпѣniемъ жду прочесть эту Одиссею.

Онъ пишеть, что каждый день думаетъ о Пушкинѣ, что, Богъ знаетъ, что далъ бы, чтобы имѣть радость прочесть ему свой романъ, услышать его мнѣніе, которымъ онъ такъ дорожилъ и которое ставилъ выше всего.

Онъ пишеть мнѣ о Римѣ, о соборѣ Св. Петра, о Коллизѣѣ, Ватиканѣ. Онъ иногда отправляется въ виллу Волконскаго, откуда видна Кампания и акведуки, и говоритъ: «Есть моменты, когда въ Римѣ все чудно прекрасно: воздухъ, освѣщеніе, памятники, развалины,—когда чувствуешь себя среди грандиозно-трогательныхъ воспоминаній, одновременно грозныхъ, трагичныхъ и сверхъестественныхъ. Это городъ городовъ, это вѣчный городъ, предопределенный, и, если въ немъ остаются надолго, то любить, привязываются къ нему, какъ къ живому существу» *).

Онъ говорить объ Ивановѣ, находящемся въ очень затруднительномъ положеніи,—я скажу объ этомъ Государю.

[Нѣсколько дней спустя мать пишеть]: «Уваровъ былъ на вечерѣ у Императрицы. Я говорила ему объ Ивановѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ замолвить словечко у Государя, что я и сдѣлала, когда онъ пришелъ къ чаю; Его Величество обѣщалъ мнѣ послать ему пособіе.

Онъ меня спросилъ: «отъ кого вы это узнали?» Я отвѣтила, что мнѣ объ этомъ писалъ Гоголь. «А онъ какъ, нуждается въ деньгахъ?» «Да, онъ тоже стѣсненъ, но Ваше Величество уже дали ему пособіе нѣсколько времени тому назадъ». Государь улыбнулся: «Онъ навѣрно уже все истратилъ. Я велю вамъ выдать изъ моей шкатулки извѣстную сумму и для него, но съ условіемъ, что это останется между нами, вы меня не назовете». Я была въ восторгѣ, а Его Величество обратился къ Уварову: «Художнику Иванову нужны деньги, чтобы платить моделямъ, не забудьте, пожалуйста, позаботиться объ этомъ».

[Далѣе, моя мать пишеть о своемъ новомъ домѣ, въ который она перѣехала въ 1840 году. Изъ этого я заключила, что эта замѣтка также относится къ тому времени. Между 1837 и 1845 г. многое крайне сжатыхъ замѣтокъ о Гоголѣ, Жуковскомъ, Языковѣ, Вяземскомъ]:

«Письмо отъ Гоголя, плохое здоровье, ипохондрія. Языковъ очень боленъ, уѣзжаетъ за границу».

*) Не безъинтересно замѣтить странность того факта, что Гоголь, создавая «Мертваго душу», могъ одновременно такъ глубоко чувствовать красоты Рима. Это два совершенно различныя состоянія души и ума, и, очевидно, это поразило мою мать, такъ какъ она приводитъ эти слова въ своихъ замѣткахъ.

«У Вяземского катарактъ, но внутреннее его состояніе серьезнѣе; онъ никакъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти дочери.

«Мари Вяземская выходитъ замужъ. Большое волненіе для Асмодея. Это единственная, которая у нихъ осталась.

«Павель, находящійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получаетъ назначеніе заграницу, что сильно огорчаетъ моего милаго Асмодея».

«Гоголь пишетъ мнѣ, что оканчивается «Мертвыя души» и возвращается *in cara patria*, въ Москву, чтобы ихъ печатать. У него былъ Панаевъ и какой-то молодой Аниенковъ, которому онъ диктовалъ нѣсколько главъ; одно время они даже у него жили въ Римѣ».

«Ивановъ нарисовалъ еще голову Иоанна и Гоголь пишетъ, что эта голова—самая лучшая. Іорданъ работаетъ надъ гравюрою Преображенія. Пименовъ *)—въ Римѣ. Его статуя много обѣщаетъ, но вѣдь русскіе не поощряютъ своихъ артистовъ. Мужъ разсказывалъ мнѣ, что Шедринъ **) умиралъ съ голоду въ Неаполѣ, когда онъ купилъ у него три картины, а это былъ безусловно большой талантъ.

«Гоголь пишетъ, что проводить пѣлые дни въ галереяхъ съ Овербекомъ ***)), который научилъ его понимать Рафаэля. Ивановъ предпочитаетъ Микель-Анджело».

*) Эта скульпторъ сдѣлалъ статую, находящуюся передъ подъѣздомъ Александровскаго дворца, въ Царскомъ—Горгонъ, мечущій дискъ. У него былъ талантъ.

**) Шедринъ, умершій очень молодымъ, былъ хороший пейзажистъ.

***) Owerbeck—знаменитый мюнхенскій художникъ, жившій постоянно въ Римѣ.

Въ старомъ саду.

Изъ аллей несутся звуки.
Звуки сладкихъ серенадъ,
И заслушавшия дремлетъ
И киваетъ старый садъ.

Слышенъ шелестъ легкихъ платьевъ,
Звонъ доспеховъ, звукъ рѣчей,
И мигаетъ сквозь аллеи
Пламя красныхъ фонарей...

Дамы бѣлыя, какъ феи,
Строй изиѣженныхъ пажей...
И береты, и ливреи—
Тонуть въ сумракѣ аллей...

Греза-ль душу мнѣ плѣнила,
Или грежу на яву,—
Я не знаю... только страстно
Я мечтаю и живу...

Глубже... глубже въ мракѣ роскошный,
Очарованный—иду,
Слышу звуки серенады...
И еще услышать жду!..

К. Фофановъ.

Тяжелые сны.

Романъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Въ городѣ продолжали носиться странные и тревожные слухи, расползаясь все дальше и все болѣе волнуя горожанъ. Къ тому-же дошла до нашего города холера, и кое-кто отъ нея уже умеръ. Къ толкамъ о причинахъ холеры сама собою приплелась басня о воздушныхъ шарахъ. Говорили, что на шарахъ невѣдомые люди летаютъ, сыплютъ сверху въ рѣки и колодцы какое-то зелье, и отъ того холера. А потомъ сообразили, что тѣ шары прилетѣли изъ Англіи: англичане народъ морить вздумали, потомъ воевать придутъ,—англичане будто-бы и врачей здѣшнихъ подкупили. Около холерныхъ бараковъ стали похаживать небольшія артели мѣщанъ, злобно посматривая на фельдшеровъ.

Юшка Баглаевъ, какъ городской голова, вздумалъ показать свою распорядительность и велѣлъ окрасить нѣсколько фуръ въ черный цвѣтъ: на этихъ фурахъ думалъ онъ перевозить въ бараки холерныхъ больныхъ. Когда фуры были готовы и Юшка осматривалъ ихъ, онъ внезапно вдохновился и велѣлъ намазать на нихъ по краямъ бѣлые полосы. Эти странные экипажи показались на улицахъ и привели горожанъ въ уныніе.

Однажды ночью нѣсколько шалуновъ изъ мѣщанскихъ семей за-брались въ огородъ Мотовилова, къ его парникамъ. Было темно и тихо. Шалуны тихонько пересмѣшивались. Вдругъ одинъ изъ нихъ отчаянно взвизгнулъ. Остальные мигомъ были на заборѣ.

Самъ Мотовиловъ, заслыша шорохъ въ своемъ огородѣ, незамѣтно подкрался къ одному изъ незваныхъ посѣтителей и ухватилъ его за волосы. Мальчишка отчаянно барахтался, а Мотовиловъ тащилъ его къ дому и громкимъ крикомъ сзывалъ прислугу.

— Эге! да я тебя, негодяй, знаю! — заговорилъ Мотовиловъ, взглянувшись въ мальчишку. — Ахъ ты, скотина, а еще въ училищѣ быль.

Это былъ Иванъ Кувадинъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Былъ онъ родомъ изъ одной ближней деревни, но жилъ въ городѣ, въ обученіи у сапожника. Раньше онъ учился въ городскомъ училищѣ, но тамъ не кончилъ. Сегодня шалуны поставили Ваньку на стражу, а сами занялись дѣломъ. Мальчишка зазѣвался какъ-то — и попался.

Слыша голоса людей, бѣгущихъ изъ дома на помощь барину, онъ сдѣлалъ внезапное усиленіе, изловчился и укусилъ правую руку Мотовилова, прямо въ большой палецъ. Мотовиловъ вскрикнулъ и выпустилъ его, — Ванюшка въ одинъ мигъ уже былъ на заборѣ, а тамъ успѣты валь за своими товарищами. Скоро онъ догналъ ихъ и похвалился удачею.

Съ хохотомъ, крикомъ и визгомъ неслась по городу толпа мальчишекъ, дѣвчонокъ, подростковъ и дѣвушекъ. Растрепанные, босые, дикие, мелькали они въ блесковатой мглѣ чутъ обозначившагося въ воздухѣ разсвѣта. Собаки подняли тревожный и громкій лай. Въ домахъ послышно открывались окна. Встревоженные обыватели выбѣгали на улицу, вскочивъ прямо съ постелей, неодѣтые. Полиція всполошилась. Караульный, задремавшій было на вышкѣ пожарной каланчи, сдуру ударилъ въ набатъ. По всему городу пробѣжала тревога. Раздавались боевливые крики:

— Пожаръ!

— Шари прѣѣхали! Холеру спускаютъ!

— Англичане мору въ колодецъ засыпали, да наши ребята поймали и колошматятъ.

На базарной площади было особенно людно и шумно, — туда подсыпалъ набатъ, туда гнала и привычка. Пьяный мужчина стремительно перѣ въ толпу и, отчаянно работая могучими кулаками и локтями, изступленно оралъ:

— Никто, какъ Богъ! Не выдавайте, православные!

А зачинщики беспорядка бѣгали по городу, кричали, ухали и наслаждались смятеньемъ.

Потомъ собрадась толпа и у дома Логина. Близко къ дому не подходили, и криковъ здѣсь не было. Окна были не освѣщены, — Логинъ спалъ и не слышалъ суматохи. Въ толпѣ одни смеялись другими, — разошлись только подъ утро.

II.

Ко всѣмъ городскимъ толкамъ приплеталось имя Логина,—и сталъ онъ въ городѣ популярнымъ, самъ не зная о томъ. Каждый разъ, когда онъ выходилъ на улицу, встрѣчные осматривали его съ особеннымъ вниманіемъ. Иные останавливались и смотрѣли вслѣдъ за нимъ. Враждебны были эти взгляды...

А Логинъ не замѣчалъ ихъ,—онъ погруженъ былъ въ свои планы и мечты. Жажда личнаго счастія все чаще пробуждалась въ немъ.

Образъ Нюты мелькалъ передъ нимъ, ея голосъ звучалъ въ его ушахъ.

Тоскливые глаза Логина и его малословность поражали иногда, но не пугали Леню. Мальчикъ присматривался къ нему и старался что-то сообразить, но старался пока напрасно.

Разъ какъ-то вечеромъ, когда Логинъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, явился къ нему Юшка Баглаевъ, по обыкновенію, подъ хмѣлькомъ и красный.

— Сперва дѣла, — объявилъ онъ, — завтра на маевку Ѣдемъ. Согласенъ?

— Кто Ѣдетъ, скажи сначала, лѣниво спросилъ Логинъ.

— Чудакъ!—вскликнулъ Юшка:—ужъ скучать не будешь,—вѣдь и я тамъ съ тобой буду.

— Ну, въ такомъ разѣ какъ пе Ѣхать!—усмѣхаясь, отвѣчалъ Логинъ.

— Ну, а коли такъ, давай водки.

— Вотъ я тебѣ чаю налилъ, сказалъ Логинъ, указывая на дымившійся передъ Баглаевымъ стаканъ.

Но Юшка вытребовалъ себѣ водки. Ухвативъ рюмку дрожащими руками, онъ нечаянно стукнулъ ею о край стакана и пролилъ въ свой чай половину водки.

— Давай-ка, я тебѣ чай перемѣни, — сказалъ Логинъ и потянулся за Юшкинымъ стаканомъ.

Но Юшка замахалъ руками.

— Что ты, что ты!—закричалъ онъ:—добромъ добра не испортишь.

— Гдѣ это ты клюкнулъ сегодня, городская голова?

— Извѣстно гдѣ, — дома, за обѣдомъ, около стекла чисто обшелся,—а вотъ, пока къ тебѣ шелъ, вѣтромъ опахнуло, и опять чистъ, какъ стеклышко. Юшка Баглаевъ, замѣть себѣ, никогда не бываетъ пьянъ.

— Вѣрно!

— Я, братъ, къ тебѣ урвался потихоньку отъ жены,—зашепталъ Юшка:—ревнуетъ меня къ Валькѣ.

— Да Валентина нѣтъ сегодня въ городѣ.

— Да, поговори вотъ съ бабой.

— А ты, надо полагать, далъ поводъ къ ревности.

— Ну, ври больше...

Не успѣлъ Юшка опрокинуть еще и двухъ рюмокъ, какъ на улицѣ раздались звонкие крики Люцины Антоновны, жены Баглаева:

— Я знаю, что онъ здѣсь, подлецъ этакой! Я ему кишкы повытереблю!

Юшка вскочилъ и прижался къ стѣнѣ. Выпуклые глаза его выразили страхъ. Онъ прижималъ локти къ стѣнѣ, словно желая вдавиться въ нее.

— Вотъ вlopался,—зашепталъ онъ, вращая красноватыми бѣлками.— Спрячь, спрячь меня подальше: всѣ закоулки обшарить.

Логинъ подошелъ къ окну. Люцина Антоновна, вертляво двигаясь всѣмъ своимъ тѣломъ, закричала ему:

— Какъ вамъ не стыдно, господинъ Логинъ! Гдѣ вы спрятали моего мужа? Но не беспокойтесь, я знаю, гдѣ онъ и съ кѣмъ онъ.

Смуглоз лицо Баглаевой нервно подергивалось тысячью гнѣвныхъ гримасъ. Съ нею пришли Бинштокъ, слюняво и опасливо хихикающей въ сторонкѣ, и Евлалія Павловна, увядающей дѣвица съ веселыми улыбками и хмурыми глазами.

— Полноте, Люцина Антоновна,—принялся уговаривать Логинъ:— вашъ мужъ у меня въ безопасности, ужъ я его въ обиду не дамъ.

— А, вы еще смѣетесь!—пуще загорячилась Баглаева:—да что-же это такое! Что вы у себя публичный домъ, что-ли, устроили?

— Да вы войдите, посмотрите сами, Люцина Антоновна.

— Вы мнѣ мужа моего подайте, а къ вамъ я не пойду.

— Ну, Юшка,—сказалъ Логинъ, отходя отъ окна,—убирайся, не продолжай скандала.

Юшка, видя, что Логинъ намѣренъ выдать его, мгновенно разсвирѣпѣлъ и забормоталъ, наступая на Логина:

— Что? Гнать меня? За это я даю по мордасамъ.

Логинъ засмѣялся.

— Ну, иди, иди, нечего хорохориться.

Юшка такъ-же быстро остылъ. Логинъ нахлобучилъ на него шляпу. взялъ его подъ локоть и вывелъ на улицу.

— Вотъ вашъ супругъ,—сказалъ онъ Баглаевой,—и клянусь вамъ, никого, кромѣ Свѣтланы, съ нами не было.

— Знаю я васъ,—ворчливо отвѣчала Люцина Антоновна.—Вамъ, мужчинамъ, повѣрить, такъ будешь плакать кровавыми слезами. На

ваше счастье я навѣрное знаю, что эта стрекоза Валька сегодня въ деревнѣ.

— Такъ зачѣмъ-же вы скандалили? — спросилъ Логинъ, досадливо хмуря брови.

— А зачѣмъ вы мнѣ его сразу не отдали? Ну, да Богъ съ вами. Не забудьте-же, завтра на маевку.

Юшка съ беззаботнымъ видомъ распрошался съ Логинымъ и прошепталъ ему, подмигивая на жену:

— Нервы! самъ знаешь!

— Вѣдь вотъ, — сказалъ Ленька, когда Логинъ вернулся, — во всемъ-то онъ жены боится, а чтобы онъ водки не пилъ, до этого она еще не дошла.

III.

Общество, собравшееся на маевку, расположилось на лужайкѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой дороги, въ лѣсу у ручья, за которымъ подымались мрачные холмы, заросшіе сосной да елью. Это было верстахъ въ шести отъ города. По другую сторону дороги, на травѣ, около тарантасовъ паслись отпряженныя лошади. Вокругъ костра, на которомъ варилось что-то, на коврахъ или прямо на травѣ сидѣли и лежали маевщики, разговаривая и смѣясь. Здѣсь были: Мотовиловы, Клавдія, Нюта, супруги Баглаевы съ веселой Евлаліей Павловной, Андозерскій, беззаботное лицо котораго лоснилось изъ-подъ широкополой соломенной шляпы, Бинштокъ и Гомзинъ, юный товарищъ прокурора Браннолюбскій, актеры Пожарскій, Гуторовичъ, Тарантини, Ивакина и Валя съ сестрой: невдалекѣ отсюда находилась та деревня, гдѣ учительствовала Валя, и барышни по пути взяли ее съ собой, а съ ней и сестру ея. Было еще нѣсколько дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей, было пятеро гимнастистовъ: Свѣжуновъ и Мотовиловъ, которыми шло по семнадцатому году и которые поэтому начинали культивировать свои усы, и мальчики лѣтъ по тринадцати, Вкусовъ, Коноплевъ и Кудиновъ. Вся эта компания казалась Логину докучной, — ужъ очень много тутъ было лишнихъ людей.

Ивакина смотрѣла на Логина съ ужасомъ, но ее тянуло къ нему; она робко и страстно лепетала ему что-то наивное объ идеалахъ и о золотыхъ сердцахъ. Логинъ глядѣлъ на ея залитое чахоточнымъ румянцемъ лицо, на ея перепуганные глазки, и ему казалось почему-то, что она очень больна и бредить. Впрочемъ, онъ привѣтливо улыбался, разговаривая съ нею: Нюта сидѣла противъ него, и глаза ея были лукисты и бойки. Ивакина расхрабрилась и рѣшилась коснуться того, что ее сильно волновало все это время послѣ бесѣды съ Логинымъ.

— Позвольте васть спросить,— начала она,— объ одномъ предметѣ, который въ послѣдніе дни чрезвычайно интересуетъ и даже волнуетъ меня.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Логинъ хмурясь.

Сѣрые глаза его стали суровы. Ивакина струсила,—ей показалось, что неудовольствие Логина относится къ ней. А ему было на Нюту досадно,—теперь онъ испытывалъ это часто: она весело говорила съ Андозерскимъ, который дѣлалъ ей пѣжные глаза, и румяныя щеки которого были противны Логину. Онъ не могъ понять, какъ умная и чуткая девушка можетъ смотрѣть на этого пошлого франта и фата безъ отвращенія и даже улыбаться ему.

«Сплетникъ, Нарцисъ», думалъ Логинъ, «дуракъ, да еще самодовольный! Пустъ, какъ бутылка съ красивымъ этикетомъ, но безъ вина!»

— Когда я имѣла честь быть у васть въ послѣдній разъ,—волнуясь говорила Ивакина,—вы изволили упоминать объ аэростатахъ.

— Объ аэростатахъ?—съ удивленіемъ переспросилъ Логинъ.

«Конечно», думалъ онъ,—«нельзя-же ей быть прямо невѣжливой,—но зачѣмъ такая ясная довѣрчивость въ глазахъ, безразлично обращенная на всѣхъ? Зачѣмъ эта солнечная улыбка на этого нетопыря?»

— Да, вотъ видите, я тогда не совсѣмъ поняла,—лепетала Ивакина.—То-есть, я поняла, но я хотѣла бы знать о времени.

— Извините, я что-то не помню,—сказалъ Логинъ, добродушно улыбаясь.

«Ого, думалъ онъ, какими жестокими могутъ быть иногда Нютинны глазки! Бѣдный ухаживатель, кажется, наткнулся на хорошенькую маленькую шинельку и дѣлаетъ жалкое лицо. По-дѣломъ ему! Но мнѣ непростительно думать, что Нюта не видитъ насквозь этого моего друга!»

Логинъ снялъ свою мягкую шляпу и махалъ ею передъ лицомъ. Отъ движенія воздуха тонкая прядь свѣтло-русыхъ волосъ надъ его высокимъ лбомъ заколебалась, какъ пучокъ увядающей травы.

— Вы говорили, что скоро послѣдуетъ прибытіе воздушныхъ шаровъ; но не можете-ли вы опредѣлить болѣе точно, когда именно это произойдетъ? — спрашивала Ивакина.

Испуганные глазки Ивакиной уставились на Логина съ томительнымъ ожиданіемъ. Логинъ засмѣялся.

— Извините, я, право, не помню и не понимаю: какіе шары, куда прилетятъ?

— Позвольте, — зашептала Ивакина, — я понимаю, что это составляетъ секретъ, но я, увѣряю васъ, не выдамъ... я оправдаю ваше довѣріе, тѣмъ болѣе, что вы ужъ говорили мнѣ.

Логинъ вспомнилъ и улыбнулся.

— Ну, это я неясно выразился тогда. Я просто хотѣлъ сказать, что еще теперь не все́мъ доступны ускоренные способы сообщенія, телеграфъ, напримѣръ, — желѣзныхъ дорогъ мало, воздушные шары не усовершенствованы. А если-бы житель каждой глухой деревушки могъ легко сноситься съ кѣмъ угодно, жизнь измѣнилась-бы. Взять хоть желѣзная дорога: уже и онѣ сильно измѣняютъ бытъ.

На лицѣ Ивакиной отразилось спачала разочарование, потомъ недовѣрчивость.

— Нѣть, я вижу, вы не хотите оказать мнѣ довѣрія,—обиженно сказала она.— Но это совершенно напрасно. Конечно, я не принадлежу къ революціонной партии, но я глубоко презираю тѣ злоупотребленія, которыя держать нашъ бѣдный, заброшенный край въ глубокихъ объятіяхъ мрака невѣжества и суевѣрій. И если ожидаются какіе-нибудь неожиданные акты, которые двинутъ впередъ дѣло цивилизаціи и прогресса, то я, какъ всякий искренній другъ народа и просвѣщенной культуры, буду искренно радоваться.

«Вотъ дура какая досадная! подумалъ Логинъ. Ей хочется, чтобъ я преподнесъ ей какую-нибудь съ ногъ сшибательную нелѣпость. Ну что жъ, изволь!»

И онъ сказалъ ей шепотомъ:

— Черезъ двѣ недѣли въ четвергъ.

Ивакина затрепетала.

— Какъ? Но что именно?

— Произойдетъ рѣшительное: прилетѣть воздушные шары секретной конструкціи и привезутъ конституцію изъ Гамбурга.

— Изъ Гамбурга! — въ благоговѣйномъ ужасѣ шептала Ивакина.

Но Логинъ уже отошелъ отъ нея. Глаза его глядѣли устало и слегка насмѣшило.

IV.

Общество сидѣло за завтракомъ.

Мотовиловъ ораторствовалъ о чёмъ-то длинно, внушительно и кругло. Иные слушали съ видомъ почтительности, другіе вполноголоса разговаривали о своемъ. Андозерскій занималъ Пету и украдкой кидалъ на Нюту пронзительные взгляды.

— Вы говорили съ Ивакиной? — тихо спросила Клавдія.

— Да, — сказалъ Логинъ.

— Нашли съ кѣмъ проводить время!

Логинъ засмѣялся.

— Вы не любите ея?

— О нѣтъ, я только дивлюсь на нее. Быть такой... мертвой, говорить о прописахъ, буквярхъ, и вклевывать въ эти разговоры мертвые тирады обѣ идеалахъ,—какъ глупо! Да и идеалы-то все установленного образца.

— Она любитъ говорить,—сказала Нюта,—о томъ, чего не понимаетъ,—о своемъ дѣлѣ.

Браннолюбскій хлопалъ подъ шумокъ рюмку за рюмкой и быстро пьянѣлъ.

— Не согласенъ,—вдругъ заявилъ онъ.—Къ чорту идеалы!

Но тотчасъ же ослабѣлъ и легъ. Бинштокъ и Гомзинъ кудато прибрали его, и онъ больше не являлся.

Евлалія Павловна притворялась, что ей весело, но была въ жестокой досадѣ и безжалостно издѣвалась надъ Гомзиннымъ. Бинштокъ не подходилъ къ ней и посматривалъ на нее издали злорадно. Баглаевъ сидѣлъ рядомъ съ женой и имѣлъ пристыженій видъ. Нета разумнилась, и лицо у нея было счастливое.

Пришли гимназисты, и съ хохотомъ стали рассказывать что-то Андозерскому. Андозерскій захохоталъ.

— Вотъ такъ дѣти! — крикнула онъ.

Всѣ повернулись къ нему.

— Вотъ наши молодые люди интересное зрѣлище видѣли.

— Представьте,—заговорилъ Петя Мотовиловъ, показывая гнилые зубки и брызжа слюной,—мальчишки изображаютъ волостной судъ: тамъ одинъ изъ нихъ пьяница, его приговорили къ розгамъ. И все это у нихъ съ натуры, и тутъ-же приговоръ исполняютъ. А дѣвчонки тоже стоятъ и любуются.

Барышни краснѣли, кавалеры хохотали.

— Какие грубые руссіе мужики! — сказала Баглаева.

— Ну, и что-жъ дальше? — спросилъ Бинштокъ.

— Да мы ушли: очень ужъ подробно они представляютъ, даже противно.

V.

Гуторовичъ упрашивалъ Гомзина:

— Будь другъ, сыграй у насть Отелло.

Гомзинъ сердился и ворчалъ:

— Ну, еще что выдумалъ! Что я тебѣ за паяцъ!

— Ей Богу! Чего тебѣ стоитъ? Ты только зубами стукнешь, такъ всѣ дамы въ обморокъ попадаютъ.

— Прошу прекратить эти глупыя шутки!

Гомзинъ въ негодованіи отошелъ отъ Гуторовича. Молодые люди хохотали.

Логинъ и Пожарскій стояли въ сторонѣ. Логинъ спросилъ:

— Ну что, скоро на вашей свадьбѣ запиремъ?

— Какая тамъ свадьба! — уныло сказалъ Пожарскій.

— Что такъ?

— Сама дѣвица къ намъ почтительна, что и говорить, да вотъ гдѣ точка съ запятой: богатый, но неблагородный родитель и слышать о насъ не хочетъ, — козырь есть на примѣтѣ.

— Плохо! Но все-жъ вы попытайтесь.

— Чего пытаться-то? Формальное предложеніе сегодня дѣлалъ, — носъ натянули. А вы, почтеннѣйший синьоръ, ужъ за престарѣлой ingenue пріударили, за Ивакиной. Но это сушъ! Вы бы лучше Валечку, наперсницу барышень тронули, — веселенькая дѣвочка!

— Занята ужъ она, мой другъ.

— Фальстафъ?

— О, нѣтъ: это — ложная тревога Люцины: женихъ есть.

— Елена прекрасная, значитъ, даромъ волнуется?

— Совершенно напрасно.

VI.

Бинштокъ обратился къ Мотовилову съ заискивающей улыбкой:

— Алексѣй Степанычъ, вотъ Константинъ Степанычъ желаетъ прощеть вамъ стихи.

— Стихи? Я не охотникъ: стихами преимущественно глупости пишутъ.

— Но это,—сказалъ авторъ, Оглоблинъ,—совсѣмъ не такие стихи.

Я взяль смѣлость написать ихъ въ вашу честь.

— Пожалуй, послушаемъ, — благосклонно согласился Мотовиловъ.

Логинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неожиданного автора стиховъ въ честь Мотовилова: его раньше не было на маевкѣ, и какъ онъ сюда попалъ, Логинъ не замѣтилъ.

Оглоблинъ сталъ въ позу, заложилъ руку за бортъ пальто и, дѣлая другою рукою нелѣпые жесты, прочелъ на память:

Недавно гражданинъ честной,
Нашъ другъ и педагогъ искусный,
Былъ вдругъ постигнутъ клеветой
И возмутительной и гнусной.
И кто-же первый клеветникъ?
Его завистливый коллега!
Быть можетъ, цѣли-бы достигъ
Лукавый нравственный калѣка,—
Но вдругъ за правду поднялся
Бояринъ доблестно безстрашный,
И рѣчью гнѣвно-безшабашной
Склекать согражданъ принялся,

И пмъ всеобщаго протеста
Проектъ разумный предложилъ
Противъ того, что дали мѣсто
Въ тюремѣ тому, кто честенъ былъ.
И говорить, не уставая,
Бояринъ мудрый за того,
Кто горько слезы лилъ, рыдая,
Когда схватили вдругъ его,—
И за невиннаго хлопочеть,
И постоять за правду радъ.
И доказать начальству хотеть,
Кто въ этомъ дѣлѣ виноватъ.
Хвала, бояринъ именитый!
Живи и здравствуй столько лѣтъ,
Чтобъ быть ты въ старости маститой.
Не только дѣлъ, но и прадѣлъ!
А намъ тебѣ кричать пора:
Ура! ура! ура! ура!

Стихотвореніе, прочитанное съ чувствомъ и съ дрожью въ голосѣ, произвело впечатлѣніе: Мотовиловъ всталъ и горячо пожималъ руку Оглоблина. На лицѣ его лежалъ отпечатокъ величія души, услышанныя похвалы которой были какъ разъ въ пору. Онъ говорилъ:

— Очень вамъ благодаренъ за чувства, выраженные по отношенію ко мнѣ. Но и вообще очень прочувствованные стихи. Такія мысли дѣлаются вамъ честь.

Оглоблинъ прижалъ руку къ сердцу, кланялся и бормоталъ что-то умиленное. Около него стояли, пожимали ему руку и хвалили его за хорошія чувства,

— Умнѣйший человѣкъ! Бестія! — восклицалъ Баглаевъ

Были, впрочемъ, немногіе, на которыхъ чтеніе произвело иное впечатлѣніе. Логинъ слушалъ съ явной досадой и исподтишка наблюдалъ за Нютой. Клавдія тихонько засмѣялась при словахъ: «нравственный калѣка»; потому она слушала съ презрительно-скучающимъ видомъ. Нюта слегка хмурила брови и неопределенно улыбалась; слово «прадѣлъ» разсмѣшило ее своимъ ударениемъ, и она весело и долго смеялась. Нета, сидѣвшая рядомъ съ ними, чувствовала себя неловко: стихи ей нравились, но презрительный видъ Клавдіи и смѣхъ Нюты заставляли ее краснѣть мучительно, до слезъ. Клавдія спросила Валю:

— Что, Валя, понравились вамъ стихи?

— Отличные стишкы, — съ убѣжденіемъ сказала Валя. — А вотъ теперь еще есть очень хороший поэтъ, господинъ Фофановъ, совсѣмъ вродѣ Пушкина. Говорятъ, ему одно время запретили писать.

— За что-же?

— Ну вотъ, развѣ вы не слышали?

- Не слышала.
 — Вотъ какъ! Да, а теперь, говорятъ, опять пишетъ. Тоже, говорятъ, очень хорошие стишкы.

VII.

Нюта стояла одна у ручья, задумчиво глядя на струящуюся воду. Логинъ подошелъ къ ней.

— И зачѣмъ вы здѣсь?—спросилъ онъ.

Нюта улыбнулась. Логинъ продолжалъ:

— Такое пошлое все это общество... Впрочемъ, Богъ съ ними, здѣсь хорошо, вотъ здѣсь, гдѣ нѣть ихъ, гдѣ мы одни.

Онъ осторожно заглянулъ въ ея рдѣющееся лицо. Глаза ея были грустны и ласковы. Руки ихъ сомлились въ нѣжномъ пожатіи, и ощущеніе радости пронизало ихъ обоихъ, какъ внезапная боль.

VIII.

Какой-то пьяный мужичекъ топтался на дорогѣ около повозокъ. По-немногу дѣжался онъ смѣлѣ, и все ближе подвигался къ веселящимся господамъ. У него было подбитое лицо, недоумѣвающіе глаза, тусклая постоянная улыбка па синеватыхъ и сухихъ губахъ, взлохмаченные волосы, плохая одежонка; отъ него пахло водкой, и онъ производилъ впечатлѣніе безвозвратно опустившагося пропойцы. Логинъ помнилъ, что встрѣчалъ его иногда на городскихъ улицахъ, около кабаковъ: было въ городѣ человѣкъ десять постоянно пьяныхъ безобразниковъ, которыхъ здѣсь называли почему-то золоторотцами. Всѣ они имѣли одинаково-несчастный видъ и съ одинаковымъ жалко-нахальнымъ видомъ выпрашивали подаяніе у прохожихъ.

Баглаевъ захихикалъ и сказалъ Логину тихонько:

— Скандалчикъ будетъ, чуешь мое сердце, веселенький скандалчикъ. Логинъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Видишь,—объяснилъ Баглаевъ,— этого субъекта? ну, это, въ нѣкоторомъ родѣ, соперникъ нашего Алексея Степаныча.

Баглаевъ опять захихикалъ.

— Какъ это такъ?—спросилъ Логинъ.

— А это—Спирка, Ульянинъ мужъ. той, знаешь, что у Мотовилова живетъ, экономкой, понимаешь? Мотовиловъ Спиркѣ рога ставить, а Спирка съ горя пьянствуетъ.

Спирка въ это время былъ совсѣмъ близко и вдругъ заговорилъ:

— Ежели, къ примѣру, господинъ какую дѣвку изъ нашего соловія, то выходитъ на высадку, а тамъ, братъ, ау! пошлиютъ лѣчиться

на теплыхъ воды. Ну, а ежели кто бабъ, такъ я таکъ полагаю, что и за это по головкѣ не погладятъ.

— Ты, Спирька, опять пьянъ,—сказалъ Гомзинъ.

— Пьянъ? Вотъ еще! Важное дѣло! И господа пьютъ. Вотъ въ нашей школкѣ учитель пьетъ здорово, а гдѣ научился? Въ семинаріи, обучили въ лучшемъ видѣ, всѣмъ наукамъ, и пить, и, значитъ, за дѣвочками...

— Спиридонъ, уходи до грѣха,—строго сказалъ Мотовиловъ.

— Чего уходи! Куда я пойду? Ежели теперь моя жена... Ты мнѣ жену подай,—взревѣлъ вдругъ яростно Спирька,—а не то я, баринъ, и самъ управу найду. Есть и на васъ, чертей...

— Ну, ты, любезный,—крикнулъ Андозерскій,—держи языкъ за зубами.

— Чего мнѣ! Я тебя доѣду! Натко, какую моду выдумали!

Но тутъ Спирьку подхватили Мотовиловскіе кучера и извозчики, за которыми успѣлъ сбѣгать проворный Бинштокъ. Спирька отбивался и кричалъ:

— Ты меня попомни, баринъ: я тебѣ удрожу, я тебѣ подпушу краснаго пѣтуха.

Но скоро крики его затихли въ отдаленіи. Общество усиленно занималось развлечениями. Всѣ дѣлали видъ, что никто ничего не замѣтилъ.

Тарацтина затянула веселую пѣсенку, ей стали подтягивать. Нестройное, но громкое и веселое пѣніе разносилось по лѣсу, и звонкое эхо передразнивало его. Пьяный Баглаевъ подходилъ то къ одному, то къ другому и таинственно шепталъ на ухо:

— А вѣдь Спирьку-то Логинъ подусъкаль, никто, какъ онъ, ужъ это, братъ, вѣрно. Ужъ я знаю, мы съ нимъ пріятели.

— Ты врешь, Юшка,—сказалъ Бинштокъ.

— А, ты не вѣрить? Мнѣ, головѣ? Эй, ребята,—заоралъ Баглаевъ,—нѣмца крестить, Быньку! Въ воду.

Подвышившіе молодые люди съ хохотомъ окружили Бинштока и поташили его къ ручью. Бинштокъ кричалъ:

— Костюмчикъ непортите, вся новая тройка! Скандалъ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Былъ царскій день. Къ концу обѣдни церковь наполнилась, какъ принято говорить, молящимися. Были всѣ, кого обыкновенно можно видѣть здѣсь въ такую пору.

Чиновники съ важнымъ положенiemъ въ городѣ пыжились впереди, въ мундирахъ и при орденахъ, составляя отдельную группу. Здѣсь были: предводитель дворянства Дубицкій, Мотовиловъ, директоры гимназіи и учительской семинаріи, городской голова, исправникъ, Андозерскій. Сбоку, у клироса, стояли ихъ дамы. И они, и онъ, конечно, мало думали о молитвѣ: они крестились съ достоинствомъ, онъ съ граціей, и въ промежуткѣ двухъ крестныхъ знаменій вполголоса сплетничали,—такъ было принято. Дальше стояла средняя публика: чиновники помоложе, красавцы изъ мѣщанского сословія. Еще дальше — публика послѣдняго разсора: мужики въ смазныхъ сапогахъ, бабы въ пестрыхъ платочкахъ. Сѣдой старикъ въ сермагѣ затесался промежъ средней публики и грунно клалъ земные поклоны, шепча мистическія слова съ неизѣдомымъ смысломъ. Два канцеляриста, одинъ маленький, сухонькій и тоненький, какъ карандашъ, другой повыше и потолще, съ бѣло-розовымъ лицомъ вербнаго херувима, подталкивали другъ друга локтями, показывая глазами на старика, и фыркали, закрывая рты шапками. Барышни жеманились и часто опускались на колѣни, отъ усталости. Одна изъ нихъ молилась очень усердно: прижалъ ко лбу средній палецъ, она стояла нѣсколько мгновеній неподвижно на колѣняхъ, съ глазами устремленными изъ-подъ руки на образъ, потомъ кончала начатое знаменіе и прижималась лбомъ къ пыльному полу.

Впереди слѣва стояли рядами мальчишки, ученики городского училища, приведенные въ церковь Крикуновымъ. Они стояли, повидимому, смироно, но исподтишка щипали одинъ другого. Въ положенное время они крестились и дружно становились на колѣни. Дѣтскія лица были издали милы, и очень красивы были ихъ колѣнопреклоненные ряды, особенно для близорукихъ, не замѣчавшихъ ихъ шалостей. За ними стоялъ Крикуновъ. У него было молитвенно-сморщенное лицо; злые глазки напряженно смотрѣли на иконостасъ и на мальчишку, и маленькая головка благоговѣйно покачивалась. Новенький мундиръ, сшитый недавно по случаю проѣзда высокопоставленной особы, стягивалъ его шею и очень мало шель къ его непредставительной фигуркѣ.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, пришедший съ родителями, молился усердно и дѣлалъ частные земные поклоны. Когда онъ подымался, видно было по его лицу, что онъ очень доволенъ своею набожностью.

Щѣвчіе, изъ учениковъ семинаріи и начальной школы, были хоропши. Они стояли на хорахъ и пѣли тамъ, какъ ангелы. Регентъ имѣлъ красное лицо, свирѣпую наружность и увѣсистый кулакъ. Зазѣвавшіеся дисканты и спутовавшіе альты испытывали неоднократно на своихъ затылкахъ силу регентовой длані. Поэтому они шалили только тогда, когда регентъ отворачивался. Публика не видѣла ихъ, слушала ихъ

ангельское пѣніе и не знала, что уши пѣвцовъ, изображавшихъ тайно херувимовъ, находятся въ постоянной опасности.

День выдался жаркій и сухой, и въ соборѣ становилось душно. Когда начался молебенъ, стало тѣнѣ и душилѣ. Логинъ стоялъ въ толпѣ; мысли его уносились, и звуки церковнаго пѣнія только изрѣдка пробуждали его. Но подъ конецъ стало ему скверно; потные лица окружающихъ вѣяли на него истомой. Подумалъ было онъ выйти; но замѣтилъ, что толпа густа, и рѣшился перетерпѣть.

Молебенъ кончился. Особы и дамы ихъ прикладывались къ кресту; они и онъ старались не дать первенства тому, кто по положенію своему не имѣлъ на то права.

Къ Логину подошелъ Андозерскій въ красиво-сшитомъ мундирѣ.

— Что, братъ, жарища? — спросилъ онъ. — А какъ ты находишь мой мундиръ, а? хорошо?

— Что-жъ, недуренъ.

— Шитье, дружище, замѣтъ: мундиръ пятаго класса, почти генеральскій! Это не то, что какого-нибудь восьмого класса, бѣдненькое шитье. А ты что не въ мундирѣ?

— Ну, что-жъ, — съ улыбкой отвѣчалъ Логинъ, — мой мундиръ восьмого класса, — что въ немъ? бѣдненькое шитье!

— Да, братъ, я многонько обскакалъ тебя по службѣ. Что-жъ ты не тянешься?

— Куда миѣ тянуться?

— Да хоть въ инспектора куда-нибудь.

— Это для мундира-то?

— Ну, для мундира! Вообще, мало-ли. Ну, да ты, дружище, и такъ по-барски устраиваешься.

— Это какъ-же?

— Да какъ-же: свой казачекъ, обзавелся, вродѣ какъ-бы крѣпостного.

— А ну тебя, — прервалъ Логинъ и отвернулся отъ него.

Андозерскій злобно усмѣхнулся.

«Не нравится, видно!» язвительно подумалъ онъ.

Слова о казачкѣ онъ слышалъ отъ Мотовилова, счелъ ихъ чрезвычайно остроумными и повторялъ всякому, кого ни встрѣчалъ, повторялъ даже самому Мотовилову.

II.

Дома Логинъ пашелъ приглашеніе на обѣдъ къ Мотовилову: были именины Неты.

По дорогѣ къ Мотовиловымъ встрѣтилъ онъ Пожарскаго. Актеръ былъ грустенъ, но храбрился.

— Великодушный синьоръ! — сказалъ онъ: — вы, падо полагать, направляете стоны «въ ту самую сторонку, гдѣ милая живетъ»?

— Вѣро, другъ мой!

— Стало быть, удостоитесь лицезрѣть мою очаровательную Джузельтту!
А я-то, несчастный...

— Что-жъ, идите, поздравьте именинницу.

— Геніальний, восхитительный совѣтъ! Но, увы! не могу имъ воспользоваться,—не пустятъ. Формально просили—не посѣщать и не смущать.

— Сочувствую вашему горю.

— Ну, это еще поль-горя, а горе впереди будетъ.

— Такъ тѣмъ лучше, — значитъ, «лягъ, опочинься, ни о чёмъ не кручинься!»

— А великодушный другъ тѣмъ временемъ сварганилъ кой-какое дѣльце, а? не правда-ли?

Пожарскій схватилъ руку Логина и, крѣпко пожимая ее, умилъно смотрѣлъ ей въ глаза и просительно улыбался. Логинъ спросилъ:

— Какое дѣло? скажите, можетъ и сварганимъ.

— Будьте другомъ, вручите прелестнѣйшей изъ дѣвъ это бурно-пламенное посланіе, — но незамѣтнымъ манеромъ.

Пожарскій опять сжалъ руку Логина, — и сложенная крохотнымъ треугольникомъ записочка очутилась въ руки Логина. Логинъ засмѣялся.

— Ловко! — сказалъ онъ.

— Незамѣтнымъ манеромъ! — повторялъ Пожарскій просительнымъ голосомъ и поглаживалъ Логина по рукаву его пальто.

— Эхъ, вы, ловеласъ! Вы моему другу дорогу перебиваете, да еще хотите, чтобъ я вамъ помогалъ.

— Другу? Это Донъ-Жуанъ Андозерскій — вашъ другъ? Сбрендилъ, почтенный, — не валяйте Акима-простоту...

— Ну, вотъ еще!

— Великодушный синьоръ! всучить онъ вамъ щетинку, лопни моп глаза, всучить... Да вы, я знаю, иронизировать изволите! Такъ ужъ позвольте быть въ надеждѣ!

— Ладно, передамъ!

Здороваясь съ Нетой, Логинъ ловко всунулъ ей въ руку записку. Нета вспыхнула, но сумѣла незамѣтно спрятать ее. Потомъ она долго рассматривала на Логина благодарными глазами. Записка, видимо, обращалась къ ней, — она улучила время ее прочесть, и щеки ея горѣли, такъ что ей не приходилось прибѣгать къ пощипыванію пальцами, своему обычному средству румянить ихъ.

III.

Передъ обѣдомъ у Мотовилова въ кабинетѣ сидѣли городскіе особы и разсуждали. Мотовиловъ говорилъ съ удвоенно-важнымъ видомъ:

— Господа, я хочу обратить ваше вниманіе на слѣдующее печальное обстоятельство. Не знаю, изволили-ли вы замѣтить, а мнѣ не разъ довоодилось съ прискорбиемъ наталкиваться на такого рода факты: послѣ молебна, при выходѣ изъ собора младшіе чиновники, наши, такъ сказать, подчиненные, выходятъ первыми, а мы, первыя лица въ городѣ, принуждены идти сзади, и даже иногда приходится получать толчки.

— Да, я тоже возмущался этимъ, — сказалъ Моховиковъ, директоръ учительской семинаріи, — и я, между прочимъ, вполнѣ согласенъ съ вами.

— Не правда-ли? — повернулся къ нему Мотовиловъ. — Вѣдь это возмутительно: подчиненные насть въ грошъ не ставятъ.

— Это, еондеръ-шишъ, вольнодумство, — сказалъ исправникъ: — либертѣ, эгалитѣ, фратеринтѣ!

— Слѣдуетъ пресѣчь, — угрюмо рѣшилъ Дубицкій.

— Да, но какъ? — спросилъ Андозерскій. — Тутъ вѣдь разныя вѣдомства. Это — щекотливое дѣло.

— Господа, — возвысилъ голосъ Мотовиловъ, — если всѣ согласны... Вы, Сергѣй Михайловичъ?

— О, я тоже вполнѣ согласенъ, — съ лѣнивой усмѣшкой отозвался Павликіевскій, не отрываясь отъ созерцанія своихъ пухлыхъ ладоней.

— Всѣ согласны, — воскликнулъ казначей, — въ чемъ и готовы расписаться на мягкой бумагѣ.

— Вотъ и отлично, — продолжалъ Мотовиловъ. — Въ такомъ случаѣ, я думаю, такъ можно поступить. Каждый изъ насть въ своемъ вѣдомствѣ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы младшіе чиновники отнюдь не позволяли себѣ выходить изъ собора раньше начальствующихъ лицъ. Не такъ-ли, господа?

— Такъ, такъ, отлично! — раздались восклицанія.

— Такъ мы и сдѣлаемъ. А то, господа, совершенное безобразіе, вполнѣ отсутствіе всякой дисциплины.

— Какую у насть разведешь дисциплину, еондеръ-шишъ! Скоро со всякимъ паршивцемъ — волостнымъ писаремъ придется на вы говорить. Ему-бы, прохвосту, языкъ пониже пятокъ пришить надо, а съ нимъ... тыфу ты, прости Господи!

— Да-съ, — сказалъ инспекторъ народныхъ училищъ, — взять хоть-бы моихъ учителей: иной изъ мужиковъ, отецъ землю пахалъ, самъ на какіе-нибудь пятнадцать рублей въ мѣсяцъ живеть, одко слово — голь-

тепа,—а съ нимъ нѣжнічай, говори ему вы, руку ему подавай! Баринъ какой!

— Нѣть,—хриплымъ басомъ заговорилъ Дубицкій,—я съ ними не церемонлюсь, я имъ повадки не даю. За то они меня боятся, какъ черти ладона. Пріѣзжаю въ одну школу. Учитель молодой. Который годъ? спрашиваю. Первый, говоритъ. То-то, говорю, первый, съ людьми говорить не умѣешь; я, говорю, генераль, меня выше превосходительство называютъ. Покраснѣлъ, молчитъ. Ну, а я, знаете, не люблю этого. У меня чтобы по-военному. Эге, думаю, голубчикъ, тебѣ надо гонку задать, да такую, чтобы ты мѣста не нашелъ. Экзаменую. Какъ звали жену Лота?. Мальчишка не знаетъ...

— А какъ ее звали? и я не знаю,—сказалъ Баглаевъ, который до тѣхъ поръ сидѣлъ скромненько въ уголкѣ и тосковалъ по водкѣ.

— Я тоже позабылъ. Но вѣдь я давно учился, а они... Ну, ладно, это по Закону Божьему. А по другимъ предметамъ? Читай! Газета со мной была, «Гражданинъ», далъ ему. Читаетъ плохо. А что такое, спрашиваю, палка? Что такое земля? Молчатъ, стервецы, только глазами хлопаютъ,—никто не можетъ отвѣтить. Хорошо! Пиши! Пишетъ съ ошибками, сѣчь черезъ е пишетъ! Это, говорю, любезный, что такое? да чему ты ихъ учишь? да за что ты деньги получаешь? да что ты за учитель! да я тебя, мерзавца! — Да вы, говоритъ, на какомъ основанії?—Ахъ, ты скотина! Основаніе? На основаніи предоставленной мнѣ директорской власти—вонъ! Да чтобы сегодня-же, такой-сякой, и потроховъ твоихъ въ школѣ не было, чтобы и духу твоего не пахло! А? какъ это вамъ понравится?

Дубицкій захотѣлъ отрывисто и громко.

— Вотъ это ловко!—крикнулъ Свѣжуновъ.

— Нагнали вы ему жару!—говорилъ Мотовиловъ.

Остальные сочувственно и солидно смеялись.

— Что-жъ вы думаете? Смотрю, дрожитъ мой учитель, лица на немъ нѣть, да вдругъ мнѣ въ ноги, разрюмился, всплыть благимъ матомъ: «Смилуйтесь, ваше превосходительство, пощадите, не погубите!» — Ну, говорю, то-то, вставай, Богъ проститъ, да помни на будущее время, такой-сякой, ха-ха-ха! Какъ это вамъ нравится?

Одобрительный хохотъ покрылъ послѣднія слова Дубицкаго.

— Вотъ это по-нашему, енодеръ-шишъ!—въ восторгѣ воскликнулъ исправникъ.

Когда смыѣхъ поулегся, о. Андрей лѣстиво заговорилъ:

— Вы, ваше превосходительство, для всѣхъ наасъ какъ маякъ въ бурю. Одного боимся: не взяли-бы васъ отъ наасъ куда повыше.

Дубицкій величаво наклонилъ голову.

— И безъ меня есть. Не гонюсь. Впрочемъ, отчего-жъ...

— Да-съ, господа,—солидно сказалъ Мотовиловъ,—дисциплина—всему основаніе. Вожжи были опущены слишкомъ долго, пора взять ихъ въ руки.

— Да, гуманичаемъ не въ мѣру,—меланхолично замѣтилъ Андозерскій.

— Да, и въ нашей, такъ сказать, средѣ происходять явленія,—сказалъ Мотовиловъ,—глубоко прискорбныя. Возьмемъ хоть-бы недавній фактъ. Вамъ всѣмъ, господа, извѣстно, въ какомъ образцомъ порядкѣ содержится, стараніями почтенаго Юрия Александровича, здѣшняя Богадѣльня, какой пріютъ и уходъ получаются тамъ старики и старухи и какое высоко-нравственное воспитаніе дается тамъ дѣтямъ, вполнѣ въ духѣ доброй нравственности, скромности и трудолюбія.

— Да, могу сказать,—вмѣшился Юшка, затасканное лицо котораго засвѣтилось самодовольствомъ,—не жалѣю трудовъ и заботъ.

— И Богъ воздастъ вамъ за вашу истинно-христіанскую дѣятельность! Да-съ, такъ вотъ, господа, изъ Богадѣльни уѣжалъ мальчишка, уѣжалъ, замѣтьте, второй разъ: въ прошломъ году его нашли, наказали, такъ сказать, по-родительски, но, замѣтьте, не отказали ему въ пріютѣ и опять помѣстили въ Богадѣльнѣ. И какъ же онъ платить за всѣ оказанныя ему благодѣянія? Вѣжливъ, слоняется въ лѣсу, его тамъ находить человѣкъ, извѣстный памъ всѣмъ, беретъ къ себѣ домой и что-же съ нимъ дѣлаетъ? Возвращается туда, гдѣ мальчикъ получалъ соотвѣтственное его положенію воспитаніе? Нѣть-съ, оставляетъ у себя! Мальчишку, котораго за вторичный побѣгъ слѣдовало-бы вышороть такъ, чтобы чертамъ стало тошно,—такого мальчишку негоднаго онъ беретъ къ себѣ и обращаетъ въ какого-то барченка! Положенію этого олуха можетъ буквально позавидовать иной благородный ребенокъ, сынъ бѣдныхъ родителей. Я спрашиваю васъ: хорошо-ли это? не безобразно-ли это?

— Гуманность!—сказалъ Дубицкій съ презрѣніемъ.—А по моему, мальчишку слѣдовало-бы отобрать отъ него, отодрать и сослать подальше.

— Да, да, сослать,—подхватилъ Вкусовъ,—въ Сибирь, приписать куда-нибудь къ обществу, въ деревню, къ пейзанамъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказалъ Мотовиловъ,—нравственность его была-бы въ безопасности... Какое-то общество затѣвается! Но это—такая глупая мысль, что просто нельзя поверить, чтобы здѣсь чего не скрывалось.

— Гордыня, умствованіе,—наставительно говорилъ отецъ Андрей.—а вотъ Богъ за это и накажетъ. Нѣть, чтобы жить, какъ вѣ,—надо свое выдумывать!

— Господа,—сказалъ Андозерскій,—я долженъ заступиться за Логина: онъ, въ сущности, добрый малый, хотя, конечно, съ большими странностями.

Мотовиловъ перебилъ его:

— Извините, мы васъ понимаемъ! Это съ вашей стороны вполнѣ естественно и великодушно, что вы желаете вступиться за вашего бывшаго школьного товарища. До кого ни коснись, кому пріятно быть товарищемъ сомнительного господина. Вѣдь не съ вѣтру о немъ говорится...

— Ужъ это,—сказалъ исправникъ,—конечно, се не па жоли.

— Но все-таки, любезный Анатолій Петровичъ, ужъ настѣ-то вы не переубѣдите.

— Да-съ,—прохрипѣлъ Дубицкій,—мы знаемъ, что знаемъ: всего этого изъ пальца не высосать.

— Да вѣдь я, господа, что-жъ,—оправдывался Андозерскій:—я, конечно, знаю, что у него одного винтика не хватаетъ. Вѣдь мы съ нимъ давно знакомы, знаю я, что это за господчикъ. Но въ существѣ, такъ сказать, въ сердцевинѣ, онъ добрый малый,—конечно, испорченный,—ну, да что станешь дѣлать! Сами знаете, нашъ первный вѣкъ!

— Да,—сказалъ Дубицкій,—не разъ пожалѣешь доброе старое время.

— Доброе дворянское время,—подхватилъ Мотовиловъ,—когда невозможны были оригиналы, вродѣ Ермолина, который такъ дико воспиталъ своихъ несчастныхъ дѣтей.

— Да,—сказалъ Вкусовъ озабоченно,—смирно живеть, а все у меня сердце не спокойно: Богъ его знаетъ.

— Вредный человѣкъ!—сказалъ о. Андрей.—Атеністъ, и даже не считаетъ нужнымъ скрывать этого. Человѣкъ, который не вѣритъ въ Бога,—да что-же онъ самъ постѣ того? Если нѣть Бога, значитъ, и души нѣть? Да такой человѣкъ все равно, что собака, хуже татарина!

— Что собака!—сказалъ Дубицкій:—да иной человѣкъ хуже всякой собаки.

— И дочка у него,—продолжалъ сокрушаться Вкусовъ,—ведеть себя совсѣмъ неприлично. Помилуйте, пристало-ли дворянской дѣвицѣ, богатой невѣстѣ, бѣгать по деревнѣ, съ позволенія сказать, босикомъ? Одинъ соблазнъ! Да-съ, нехорошо, еондеръ-шишъ, не хорошо! Совсѣмъ моветонъ!

— Дрянная дѣвчонка!—рѣшилъ о. Андрей.

— Вся въ отца, взбалмошная,—сказалъ Мотовиловъ.

IV.

Въ гостиной дамы съ большимъ участіемъ разспрашивали Логина о мальчикѣ-найденышѣ.

Въ это время изъ кабинета вышли Мотовиловъ и его гости. Мотовиловъ, вслушавшись въ слова Логина, обратился къ нему съ наставительной рѣчью:

-- Я долженъ вамъ сказать, Василій Марковичъ, что нашъ простой народъ,—ну, и дѣти ихъ, конечно,—не понимаютъ деликатнаго съ ними обращенія. Да-съ, не понимаютъ. Развѣ это люди? Развѣ это такие же люди, какъ и мы? Вы ему одолженіе дѣлаете, даже благодѣяніе, а онъ принимаетъ это за должное.

— Ахъ, это совершенно вѣрно! Совершенная правда! — раздались сочувственные голоса.

Мотовиловъ продолжалъ:

— Я вообще думаю, что съ этимъ народомъ нужны мѣры простыя и быстрыя. Позвольте разказать вамъ по этому поводу фактъ, случившійся на-дняхъ. Живетъ у меня кухарка Марья, очень хорошая женщина. Правда, любитъ иногда выпить,—да вѣдь кто безъ слабостей? Одинъ Богъ безъ грѣха! Но, надо вамъ сказать, очень хорошая кухарка, и почтительная. Есть у нея сынъ, Владимира. Держитъ она его строго, ну и мальчикъ онъ смиренный, послушный, послужливый. Учится онъ въ городскомъ училищѣ. Конечно, отчего не поучиться? Я держусь того мнѣнія, что грамота, сама по себѣ, еще не вредна, если при этомъ добрые нравы. Ну-съ, вотъ одинъ разъ стоялъ я у окна и вижу: идетъ Владимира изъ школы,—а было ужъ довольно поздно. Ну, тамъ, зашалился съ товарищами или былъ наказанъ, — не знаю. И вижу, другіе мальчишки съ нимъ. Вдругъ, вижу, выскакиваетъ изъ калитки Марья, прямо къ сыну, и по щекѣ его — боть! по другой — боть! да за волосенки! Тутъ же на улицѣ такую тренику задала, что любо-дорого!

Разсказъ Мотовилова произвелъ на общество впечатлѣніе очень веселаго и милаго анекдота.

— Расчесала! — вкусно и сочно сказалъ Андозерскій.

— Воображаю, — кричалъ казначей, — какая у него была рожа!

— Да-съ, — продолжалъ Мотовиловъ, — тутъ же на улицѣ, при товарищахъ: товарищи хохочутъ, а ему и больно и стыдно.

— Верхъ безобразія, — брезгливо сказалъ Логинъ: — эта таска на улицѣ и смѣхъ мальчишекъ, гадкій смѣхъ надъ товарищемъ, — какая подлая сцена.

Всѣ неодобрительно и сурово посмотрѣли на Логина.

— А по моему мнѣнію, — сказалъ Мотовиловъ, — весьма нравственная сцена: мать наказала своего ребенка — это хорошо, а сѣхъ исправляетъ. Зато онъ у нея по ниточки ходить.

Логинъ улыбнулся. Странная и дикая мысль пришла ему въ голову: онъ представлялъ себѣ, что подойдетъ къ Мотовилову и дернетъ его за сѣдые кудри. Онъ смотрѣлъ на полусѣдую бороду Мотовилова, и его тянуло, почти неодолимо тянуло, встать и дернуть Мотовилова за волосы. Голова у него кружилась, и онъ съ усилиемъ отвернулся, чтобы смотрѣть въ другую сторону. Но глаза его противъ воли обращались

къ Мотовилову, и глупая мысль, какъ наважденіе, билась въ его мозгу, вызывая на его губы натянутую и блѣдную улыбку.

«Что же это?» — съ горестнымъ недоумѣніемъ думалъ онъ и отвѣчалъ себѣ: — «это — ненависть!»

И вдругъ волна злобаго чувства поднялась въ немъ и захватила его. «Убить тебя — доброе дѣло было бы!» — подумалъ онъ, и глаза его загорѣлись сухимъ блескомъ. Онъ рѣзко сказалъ:

— Ваша теорія имѣетъ одно несомнѣнное преимущество: это — послѣдовательность.

— Очень радъ, — иронически отвѣтилъ Мотовиловъ, — что сумѣлъ угодить вамъ хоть въ этомъ отношеніи.

Въ это время въ дверяхъ показалась Нюта.

«Какъ глупо», — подумалъ Логинъ, — «что я чувствую злобу! Негодовать на филиновъ, когда знаешь, что солнце все такъ-же ярко!»

И онъ отвѣчалъ Мотовилову спокойно и мягко:

— Нѣтъ, извините, мнѣ вовсе не мила такая послѣдовательность. Я привыкъ чувствовать по другому... У всякаго свои мысли... Я не думаю переубѣдить...

— Совершенно вѣрно, — сухо сказалъ Мотовиловъ. — У меня ужъ сивая борода, такъ мнѣ не подѣять стать переучиваться.

V.

Обѣдъ, шумный и веселый, для Логина тянулся долго и скучно. Пили, ёли, говорили попытая глупости... Даже съ Нютой не пришлось ему говорить сегодня... Потерянный день!

Мотовиловъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а что вы намѣрены дѣлать въ послѣдующее время съ этимъ... какъ его... вашимъ воспитанникомъ?

Разговоры призатихли, ножи простоялились въ рукахъ обѣдающихъ, всѣ повернули головы къ Логину и прислушивались къ тому, что онъ скажетъ. Онъ не успѣлъ приспособить своего голоса къ этому внезапному затишью, и въ столовой отвѣтъ его прозвучалъ какъ-то несоразмѣрно-громко и рѣзко:

— Отдамъ въ гимназію.

— Въ гимназію? — съ удивленнымъ видомъ переспросилъ Мотовиловъ.

Дамы язвительно засмѣялись, мужчины улыбались насмѣшиво и изображали на своихъ лицахъ, что отъ него, молъ, чего же и ожидать, какъ не глупостей.

— Да, онъ мальчикъ очень способный и любознательный.

Мотовиловъ сдѣлалъ строгое лицо и сказалъ:

— Ну, я долженъ вамъ замѣтить, что это едва-ли вамъ удастся. Логинъ удивился.

— Это отчего? — спросилъ онъ.

— Да кто же его приметъ? Я первый противъ. И я увѣренъ, что и почтенный Сергій Михайловичъ со мною согласенъ, не правда-ли?

Павликівскій апатично улыбнулся и молча наклонилъ голову.

— Приготовитесь, — сказалъ Логинъ, — выдержитъ экзаменъ, — за что-жъ его не принимать? Въ нашей гимназіи, я знаю, не тѣсно.

— Гимназія не для мужиковъ, — возразилъ Мотовиловъ, — вы это напрасно изволите не принимать во вниманіе.

— И гимназія, и университетъ, — настаивалъ Логинъ, — для всѣхъ желающихъ.

— Даже университетъ? — посмѣшиваясь, сказалъ Андозерскій. — Нѣть, дружище, и такъ перепроизводство чувствуется, да еще мужиченковъ черезъ университетъ протаскивать, — да они еще тамъ будутъ стипендіи выкляничивать. Ну, и конечно, съ ихъ мужицкимъ трудолюбiemъ... вѣдь это все тупой народъ, битюги, усидчивостью берутъ... гдѣ съ ними...

— Такъ отчего-жъ имъ не пользоваться стипендіями?

— Стипендій всѣ эти, — заявилъ Дубицкій, грозно хмуры брови, — баловство, развратъ. Не на что тебѣ учиться, — маршъ въ деревню, паши землю, а не клянчи. Учатся они тамъ! На собакахъ шерсть колотятъ, а потомъ въ чиновники лѣзутъ, да чтобы имъ тысячи отваливали. Это изъ податного-то сословія, а?

— Да, — сказалъ Павликівскій, — ужъ вы оставьте эту дорогу дѣтямъ изъ общества, а для этихъ... ну, тамъ у нихъ свои школки есть, — вѣдь это достаточно, куда-жъ тамъ!

— Напрасно думать, — возражалъ Логинъ, — что у насъ людей образованныхъ много, или хоть достаточно. Въ нашемъ обществѣ невѣжество все еще сильно даетъ себя чувствовать.

— Вотъ какъ! — въ нашемъ обществѣ — невѣжество! — обидчиво сказала хозяйка.

— Конечно, вы должны презирать наше общество! — поддержала ее Юлія Степановна, сестра Мотовилова.

Дамы переглядывались, улыбались, пожимали плечами. Только Нюта ласково смотрѣла на него, и кроткая улыбка ея говорила ему: «не стоить сердиться!»

— Извините меня, — сказалъ онъ, — я вовсе не то хочу сказать. — Я вообще о русскомъ обществѣ говорю...

— А вотъ мы, епондеръ-шишъ, — вмѣшался Вкусовъ, — и не были въ университѣтѣ, да что-жъ мы, невѣжды? А мы и парлѣ франсѣ умѣемъ!

— Мы съ тобой — дурачье, — закричалъ казначей: — такъ умники рѣшили.

Логинъ обвелъ глазами столь: глупыя и злыя лица, пошлость, злорадство. Онъ подумалъ:

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ могутъ не пустить Леньку въ гимназію!»

Апатичное лицо Павликова никогда раньше не казалось ему такимъ противнымъ. Торжественно-самодовольная мина Мотовилова подымала со дна его души негодованіе бессильное и озлобленное.

VI.

Въ концѣ обѣда произошелъ неожиданный и даже мало-вѣроятный скандалъ.

Невѣдомо какими путями въ дверяхъ столовой внезапно появился пьяный Спирка. Оборванный, грязный и безобразный, стоять онъ передъ удивленными гостями и, подымая громадные кулаки, кричалъ дикимъ голосомъ, пересыпая свои слова непечатной бранью:

— А, нашихъ бабъ портить! Всѣ — одна шайка! Подавай мою жену, слышь, подавай! Расшибу! Будешь мою дружбу помнить!

Произошло смятеніе; дамы и дѣвицы выскакивали изъ-за стола и разбѣгались, мужчины приняли оборонительныя позы. Спирку скоро удалось вытащить. Все пришло опять въ порядокъ. Мотовиловъ ораторствовалъ:

— Вотъ, мы видимъ воочію, что такое мужикъ. Это — тупая скотина, когда онъ трезвъ, и разъяренный звѣрь, когда напьется, но всегда — животное, которое нуждается въ обузданіи. Мы, члены первенствующаго сословія, не должны забывать нашего высокаго призванія по отношенію къ этому народу и государству. Если мы устранимся или ослабѣемъ, — вотъ кто явится намъ на смѣну. И чтобы выполнить нашу миссію, мы должны быть сильны не только единодушіемъ, но и тѣмъ, что, къ сожалѣнію, даетъ теперь силу всякому: мы должны быть богаты, должны не расточать, а собирать. И мы явимся въ такомъ случаѣ истинными собирателями русской земли. Это — великая заслуга передъ государствомъ, и государство должно оказать намъ болѣе существенную поддержку, чѣмъ было до сихъ поръ. Пора вернуться и намъ домой!

— Что такъ, то такъ! — подтвердилъ Дубицкій, — поразбрелись.

— Я иногда мечтаю, господа, — продолжалъ Мотовиловъ, — какъ наша святая Русь опять покроется помѣщицкими усадьбами, какъ въ каждой деревнѣ опять будетъ культурный центръ, — ну, а также и полицейскій, — будетъ баринъ и его семья...

— Это — мое, ваше русское дворянство, — сказалъ Логинъ, — повѣрьте, ничего не выйдетъ изъ дворянскихъ пополновеній. Таковъ удѣлъ нашего дворянства — прогорать, — съ блескомъ: пыль столбомъ дымъ коромысломъ...

VIII.

Когда обѣдъ кончился, Баглаевъ подъ шумокъ отвелъ Логина въ сторону и шепнуль ему заплетающимся отъ излишне выпитаго вина языкомъ:

— А вѣдь это я сдѣлалъ!

— Что такое!

— Спирьку-то,—напоилъ и науськалъ—я!

— Какъ это ты? и для чего?

— Т-съ! Послѣ разскажу. А? что? потѣши? Утеръ я ему носъ?

А Спирька-то каковъ? Молодецъ—мужчина, не правда-ли?..

Улучивъ минуту, когда Логинъ остался одинъ, Нета подошла къ нему.

— Извините, сказала она, но вы такой добрый!

И опять крохотный лоскотокъ лежалъ въ его рукѣ.

Логинъ усмѣхнулся, сунулъ письмо въ боковой карманъ сюртука и заговорилъ о другомъ.

IX.

Былъ уже вечеръ, когда Логинъ вышелъ изъ дома Мотовилова. На небѣ высипали звѣзды.

Толпился народъ на улицахъ,—было больше народа, чѣмъ обыкновенно въ праздничные дни. Толпа была возбуждена. Слышались оживленные разговоры. Всѣ глядѣли въ одну сторону, на небо, гдѣ свѣтилась яркая звѣзда. Говорили о воздушномъ шарѣ, о прусскихъ офицерахъ. Говорили обѣ англичанѣ и о холерѣ,—въ городѣ было уже нѣсколько умершихъ отъ холеры. Говорили, что попозже ночью шаръ прилетитъ въ самый городъ и что одни бунтовщики сойдутъ съ него, а другіе сядутъ и полетятъ. Кто-то увѣренно разсказывалъ, что въ самую полночь шаръ «подѣлѣтъ» къ окну острога, Молинъ сядетъ «въ шарѣ» и уѣдетъ. Настроеніе было невеселое и тревожное. Женщины причитали и охали. Мужчины больше прислушивались къ бабымъ толкамъ и были озлоблены.

Логинъ услышалъ за собою нахальный голосъ:

— А вотъ это и есть самый главный бунтовщикъ!

Логинъ оглянулся. Кучка мѣщанъ, человѣкъ десять, стояла посреди улицы; всѣ они недоброжелательно смотрѣли на Логина. Впереди стоялъ молодой парень съ блѣднымъ и злымъ лицомъ. Онъ имѣлъ какой-то несуразно-дикій видъ. Его сбитые на бокъ волосы торчали изъ-подъ фуражки, просаленной насквозь, какъ ражаной блинъ, на который она была похожа и формой и цвѣтомъ. Губы у него были перекошенныя,

сухая, синяя и тонкая. Глаза его были тускло оловянные. Тонкий и большой носъ казался картоннымъ. Измыганный пиджачишка, рваные штаны, закоруздые опорки—все на немъ неуклюже торчало, какъ грязные лохмотья на огородномъ чучелѣ. Видно было, что это буянъ и задира. Онъ-то и сказалъ слова, заставившія Логина остановиться.

Логинъ стоялъ и смотрѣлъ на мѣщанъ, они молчали и мрачно разсматривали его. Шарень съ оловянными глазами сплюнуль, покосился на своихъ товарищѣй и заговорилъ:

— Антихристову печать кладеть на людей, кого, значитъ, въ свое согласie повернетъ... Что ни ночь, на шарахъ летаетъ, травой сыплетъ, оттого и холера.

Остальные все молчали, угрюмо и злобно.

Поле зрѣнія Логина вдругъ очень сузилось: онъ видѣлъ только блѣдное лицо, синяя губы, оловянные глаза,—все это гдѣ-то далеко, но поразительно отчетливо. Онъ чувствовалъ въ груди какое-то, словно радостное, стѣсненіе; что-то властное и торжествующее толкало его впередъ. Блѣдное лицо, приковавшее къ себѣ его глаза, становилось все ближе и ближе, приближалось съ удивительной быстротой, и таѢже быстро все болѣе суживалось поле зрѣнія: вотъ въ немъ остались только тусклые оловянные глаза,—и вдругъ эти глаза безпомощно и робко забѣгали, замигали, заслезились...

Логинъ прошелъ: мѣщане раздвинулись передъ нимъ. Онъ перешелъ черезъ улицу и пошелъ, не оглядываясь. Мѣщане глядѣли за нимъ. Наконецъ одинъ изъ толпы сказалъ:

— Ежели слово знаетъ, такъ его не возьмешь.

— Нѣть, возразилъ другой, коли на—отмашь сдѣйствуешь, таѢ же оно того... и не запкнется.

— На—отмашь, это вѣрно, подтвердилъ буянъ съ оловянными глазами.

Жгучее любопытство мѣшало Логину идти домой. Онъ ходилъ по улицамъ, смотрѣлъ и слушалъ. Незамѣтная для него самого злая улыбка иногда выползала на его губы, медленная и печальная...

Долго ходилъ онъ и сталъ собирать свои впечатлѣнія.

«Дикія, злобныя лица!» думалъ онъ. «За что? Нѣть, вздоръ, это—иллюзія. Я просто пьянъ, и все тутъ».

X.

На одной изъ улицъ Логинъ встрѣтилъ двухъ директоровъ,—Павликова и Моховикова. Они стояли на деревянныхъ мосткахъ, поддерживали другъ друга подъ руку, слегка покачивались и смотрѣли на яркую звѣзду. Моховиковъ обратился къ Логину:

— Удивительное невѣжество! Ну скажите, пожалуйста, гдѣ тутъ сходство съ воздушнымъ шаромъ?

— Да, сходства мало, согласился Логинъ.

Павликівскій продолжалъ апатично глядѣть на небо, и шыная улыбка некрасиво растягивала его малокровныя губы. Моховиковъ продолжалъ излагать свои соображенія:

— Я, между прочимъ, думаю, что это комета.

— Почему вы такъ думаете, Николай Алексѣевичъ? спросилъ Павликівскій.

По его лицу видно было, что на него напала блажь заспорить.

— На томъ простомъ основаніи, объяснялъ Моховиковъ, что у него есть фостъ.

— Извините, я не вижу хвоста.

— Маленький фостицъ!

— И хвостика не вижу, невозмутимо продолжалъ настаивать Павликівскій.

Его улыбка становилась лукавой, губы понемногу сближались, и выраженіе упрямства расплзлось по лицу.

— Этакъ, знаете, закорючкой. очень убѣдительно говорилъ Моховиковъ, но въ голосѣ его уже звучала потка нерѣшительности и сомнѣнія.

— Нѣть, я не вижу.

— Г-мъ, странно, протянулъ Моховиковъ, чувствуя себя совершенно сбитымъ съ толку.—Ну, а что-же это по вашему?

Павликівскій пересталъ улыбаться, нахмурился, принялъ важный видъ и сказалъ:

— Какъ вамъ сказать!.. Я думаю, что это—Венера.

Моховиковъ постарался придать своему лицу, раскраснѣвшемуся отъ вина, еще болѣе глубокомысленное выраженіе и сказалъ:

— А я хочу вамъ сказать слѣдующее, Сергій Михайлович,—по моему мнѣнію, ужъ если это не комета, то Курмурій!

— Какъ? удивился Павликівскій.—То есть, Меркурій?

— Ну да, я и говорю, между прочимъ, Меркурій.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно, очень убѣжденно и горячо говорилъ Моховиковъ. Ну посудите сами, какая-же это Венера? Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это именно Меркурій.

— Пожалуй, согласился Павликівскій, можетъ быть и Меркурій.

Его упрямство уже улеглось, удовлетворенное первою побѣдою; ему наѣло спорить и было все равно.

— Конечно, Меркурій! воскликнулъ Моховиковъ, пыжась отъ радости, что верхъ таки его.

«Мудрецы!» злобно думалъ Логинъ.

Какая-то бойкая бабенка, которая выгорнула изъ толпы и сновала около разговаривавшихъ господъ, теперь метнулась къ своимъ товаркамъ и оживленнымъ шепотомъ сообщила:

— Слышь ты, тамъ въ шарѣ спитъ не то Невѣра, не то Моръ курій, господамъ-то не разобрать до точности.

Среди столпившихся бабъ послышались боязливыя восклицанія и молитвенный шепотъ.

XI.

Логинъ вышелъ изъ города и пошелъ по шоссейной дорогѣ. Было тихо и темно. Быстро шелъ онъ, вѣтеръ тихонько шелестѣлъ въ его ушахъ, нащѣвая скорбныя пѣсни, полныя неразрѣшимыхъ вопросовъ. Мечты и мысли неслись въ головѣ Логина, отрывочныя и несвязныя. Нѣсколько верстъ прошелъ онъ, вернулся, и, входя въ городъ, почти не чувствовалъ усталости или, вѣрнѣе, не замѣчалъ ея.

Было уже далеко за полночь. Городъ спалъ. На улицахъ никого не было. Когда Логинъ переходилъ черезъ одну улицу, вымощенную мелкимъ щебнемъ, носокъ его сапога ударился о камешекъ, выдавшій изъ мостовой; камешекъ покатился подъ его ногами. Логинъ оглянулся. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ остановился онъ, былъ домъ Андозерскаго.

Логинъ поднялъ камешекъ и, улыбаясь, пошелъ къ этому дому. Окна были темны.

Логинъ поднялъ руку, размахнулся и швырнулъ камешекъ въ окно спальни Андозерскаго. Послышался звонъ разбитаго стекла...

А Логинъ уже быстро шелъ прочь. Онъ завернуль за первый-же уголъ и все ускорялъ шаги. Сердце его сильно билось. Но мысли его ни на одну минуту не останавливались на этомъ странномъ поступкѣ, только неумолчно раздавался въ его ушахъ назойливый, звонкій смѣхъ стекла, разлетающагося въ дребезги.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Въ беспокойной головѣ Саввы Ивановича Коноплева развивался планъ, который, по его расчетамъ, можно было привести въ исполненіе теперь-же, не дожидаясь утвержденія задуманнаго общества. Саввѣ Ивановичу хотѣлось устроить въ нашемъ городѣ типографію. Работы у нея нашлось-бы, по соображеніямъ Коноплева: мало-ли въ городѣ учрежденій, которыхъ заказываютъ ежегодно такое множество форменныхъ бланокъ.

Всѣ эти заказы достаются теперь типографіи въ губернскомъ городѣ, единственной на всю губернію. До той типографіи далеко, своя-же будетъ подъ бокомъ, вотъ и шансъ взять въ свои руки всю типографскую работу въ городѣ.

Объ этомъ-то и разсуждали, выпивая и закусывая, въ прекрасное утро въ квартирѣ Логина онъ самъ, Коноплевъ и Шестовъ. Денегъ ни у кого изъ нихъ не было, но это ихъ не останавливало: Коноплевъ былъ увѣренъ, что все можно будетъ достать и устроить въ долгъ; Логинъ съ нимъ соглашался, потому что заранѣе былъ увѣренъ, что и изъ этого все равно ничего не выйдетъ, кто-нибудь помѣшаетъ, начнется, а пока все-таки это создаетъ призракъ жизни и дѣятельности; Шестовъ вѣрилъ другимъ на слово по своей молодости и совершенному незнанію того, какъ дѣлаются.

Но споръ все-же возникъ, очень горячій, и внезапно обострился до нельзя: Коноплевъ разсчитывалъ, что типографія будетъ печатать даромъ его сочиненія, тѣ самыя, въ которыхъ Савва Ивановичъ побѣжалъ одновременно и графа Льва Толстого и «научную науку». Логинъ возражалъ, что Коноплевъ обязанъ платить типографіи. Коноплева это чрезвычайно разогорчило и взволновало. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, махалъ безтолково длинными руками и кричалъ захлебывающеся скороговорокю:

— Помилуйте, если типографія моя, то зачѣмъ-же я буду платить? Гдѣ тутъ смыслъ? Посудите сами. Что мнѣ за расчетъ? Да плевать я хочу на вашу типографію тогда! Если то-же самое, что и въ чужой типографіи, такъ на что мнѣ она!

Шестовъ молчалъ и слушалъ, а Логинъ возражалъ:

— Типографія не ваша собственная, а общая.

— Какъ не моя собственная? Чья-же? — кипятился Коноплевъ.

— Наша общая.

— Да вѣдь и моя въ томъ числѣ?

— Да вѣдь и наша тоже.

— Да польза-то мнѣ отъ нея какая?

— А польза вамъ та, что дешевле, чѣмъ въ чужой типографіи: вѣдь часть того, что вы заплатите, вернется вамъ въ видѣ прибыли.

— Да никогда я вамъ платить не буду: бумагу, такъ и быть, самъ куплю, за шрифтъ, сколько сотрется, заплачу, чего еще!

— А работа? — спросилъ Логинъ.

— А работники на жалованье, такъ это изъ общихъ средствъ.

— Такъ! А вознагражденіе за затраченный вашими компаниями капиталъ?

— Какое еще вознагражденіе? Что за грошевые расчеты?

— Не совсѣмъ грошевые, Савва Ивановичъ. Да и грошами чужими зачѣмъ-же пользоваться!

— Ну, это чортъ знаетъ что такое! Съ вами пива не сваришь. Вы смотрите на дѣло съ узко-меркантильной точки зрења, у васъ грошовая душонка!

— Савва Ивановичъ, обращайте вниманіе на ваши выраженія.

— Ну да, да, именно грошовая, мелкая душонка. У васъ самые буржуазные взгляды! У васъ фальшивыя слова: на словахъ одно, на дѣлѣ другое!

— Экъ васъ задѣло за живое! Такъ нельзя, Савва Ивановичъ: о дѣлѣ говорите, а ругаться зачѣмъ? Это просто неприлично.

— Плевать я хочу на ваши приличія! Стану я перемониться со всякою мелкою душонкою, какъ-бы не такъ!

— Однимъ словомъ, мы съ вами не сойдемся, я по крайней мѣрѣ.

— Я тоже,—вставилъ Шестовъ и покраснѣлъ.

Коноплевъ посмотрѣлъ на него свѣрѣно и презрительно.

— Эхъ вы, туда-же! А я было считалъ васъ порядочнымъ человѣкомъ. Своего-то царя въ головѣ нѣть, что-ли?

— Попишите другихъ компаньоновъ,—сказалъ Логинъ,—а нась отъ вашей ругани избавьте.

— Чѣ, не нравится? Видно, правда глаза колетъ.

— Какая тамъ правда! Вздоръ городите, почтеннѣйшій.

— Вздоръ? Нѣть-съ, не вздоръ. А если-бы вы были честный и послѣдовательный человѣкъ...

— Савва Ивановичъ, вы становитесь невозможны...

Но Коноплевъ продолжалъ кричать, неистово бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Да-съ, вы воспользовались-бы случаемъ примѣнить свои идеи на практикѣ. Если я написалъ, я уже сдѣлалъ свое дѣло, а вы обязаны печатать даромъ, если и я участую въ типографії.

— Савва Ивановичъ, вѣдь вы не стали-бы даромъ давать уроки?..

— Это-съ другое дѣло: тамъ трудъ, а тутъ капиталъ. Эхъ вы, буржуй презрѣній! Теперь у меня открылись глаза на васъ! Теперь я понимаю ваши грязныя дѣлишки!

— Да? Какія-же это дѣлишки? — спросилъ Логинъ, дѣлая надъ собою усилие быть спокойнымъ.

— Да не ахтительный дѣлишки, что и говорить! То-то вотъ, вѣрно правду говорять, что вы самый безнравственный человѣкъ.

Логинъ поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Довольно! — суроно сказалъ онъ.

— Постыдныя, скверныя дѣла... — продолжалъ кричать Коноплевъ.

— Молчите! — крикнулъ Логинъ, подходя къ Коноплеву.

— Ну ужъ нѣть, на чужой ротокъ не накинете платокъ.

— Вамъ не угодно-ли взять свои слова назадъ?

— Нѣть-съ, не угодно-сть, оставьте ихъ при себѣ!

— Предпочитаете вызовъ?

— Вызовъ? — презрительно иронизуя Коноплевъ. — Это какой-же?

— Дуэль, что-ли, предпочитаете?

Коноплевъ захохоталъ.

— Нашли дурака! У меня жена, дѣти, стану я всякому проходимцу лобъ подставлять.

— Въ такомъ случаѣ, вы неуязвимы, — сказалъ Логинъ, отвертываясь отъ него, — судиться я не стану, что-бы вы ни говорили и ни дѣлали.

— По принципу, будто-бы? Такъ я вамъ и побѣришь, просто изъ трусости...

— Ужъ это мое дѣло, а только...

— А напрасно. Я-бы васъ на судѣ раздѣлалъ, въ лоскъ положильбы. Понимаю я теперь отлично, что и общество ваше — только обольщѣніе одно, а цѣль тоже какая-нибудь подлая. Чортъ васъ знаетъ, да вы можете быть бунтъ затѣяете! Правъ, видно, Мотовиловъ, что называется васъ анархистомъ. Только не выгоритъ ваше общество, не беспокойтесь, пожалуйста, мы съ Мотовиловымъ откроемъ глаза кому слѣдуетъ...

Наконецъ, Коноплевъ изнемогъ отъ своей скороговорки, запыхался и приостановился. Но видно было, что онъ намѣревается еще долго кричать и ругаться. Логинъ воспользовался его передышкой:

— А теперь, — сказалъ онъ, — прошу васъ вспомнить, что вы у меня, и избавить меня отъ вашего присутствія.

— Не беспокойтесь, уйду, и нога моя больше у васъ не будетъ. Я вамъ не такая овца, какъ Егоръ Платоновичъ, котораго вы совсѣмъ обошли.

А Егоръ Платоновичъ сгоралъ отъ негодованія и отъ неловкости. Это бурное объясненіе было совсѣмъ не по его застѣнчивому и кроткому нраву и невыносимо терзало его впечатлительную душу. Краснѣя, забился онъ въ уголъ комнаты и глядѣлъ оттуда горящими и обиженными глазами на Коноплева, который кричалъ все громче, брызжа бѣшеною слюною:

— Но на прощенье я вамъ выскажу всю правду-матку. Вы ужъ меня больше не обольстите, сахаръ медовичъ! Я вамъ отпою!

— Нѣть, ужъ увольте.

— Нѣть, ужъ я не смолчу. До чего ужъ, коли ваши сосѣди даже говорять, вѣдь ужъ имъ-то можно знать. Да васъ изъ гимназіи гнать собираются!

— Послушайте, если вы не оставите моей квартиры, я самъ уйду.

— Нѣть, шалишь, никуда вы отъ меня не уйдете! Да я за вами по улицѣ пойду, на перекресткахъ васъ расписывать буду, что вы за человѣкъ!

Логинъ пошелъ было къ двери въ столовую,—Коноплевъ загородилъ ему дорогу.

— Вы заманиваете къ себѣ...

Весь дрожа отъ бѣшенства, сдерживаемаго съ трудомъ, Логинъ постыпался отстранить Коноплева рукою,—говорить онъ не могъ и стискивалъ зѣбы: онъ чувствовалъ, что вмѣсто словъ дикій вопль ярости вырвался-бы изъ его груди,—но Коноплевъ схватилъ его за рукавъ.

— Да что, васть бить, что-ли, надо?—сквозь зѣбы тихо сказалъ Логинъ, сумрачно всматриваясь неподвижными глазами въ лицо Коноплева, которое все трепетало злобными судорогами и какъ-то нахально склонялось къ нему: Коноплевъ былъ ростомъ выше Логина, но держался сутуловато, а въ горячемъ спорѣ имѣлъ привычку слишкомъ близко подставлять свое лицо собесѣднику.

— Что?—заревѣлъ благимъ матомъ Коноплевъ—Бить? Меня? Вы? Да я васть въ порошокъ разотру, только мокренъко останется.

Дикое злобное чувство, какъ волна, разорвавшая плотину, разлилось въ груди Логина,—и въ то-же мгновеніе почувствовалъ онъ необычайное облегченіе, почти радость,—чувство стремительное, неодолимое.

— Злая гадина!—крикнулъ онъ открытымъ и пустымъ звукомъ.

Шестовъ крикнулъ что-то и бросился впередъ, къ Логину... Тяжелый мягкий стулъ упалъ у стѣны съ глухимъ шумомъ. Коноплевъ, ошеломленный сильнымъ ударомъ по спинѣ, съ растеряннымъ и жалкимъ лицомъ отодвигалъ дрожащими руками преддиванный столъ.

Логинъ отбросилъ ногою кресло съ другой стороны стола,—и Коноплевъ, опять увидѣвъ передъ собою лицо Логина, багровое, съ надувшимися на лбу венами, окончательно струсилъ, опустился на полъ и проворно юркнулъ подъ диванъ.

— Карапуль!—закричалъ онъ оттуда,—убили!

Логинъ опомнился.

— Какія безобразія способенъ выдѣлывать человѣкъ!—сказалъ онъ, подходя къ Шестову.—Вы его уберите... Скажите, чтобы вылѣзъ...

Онъ попробовалъ улыбнуться. Но онъ чувствовалъ, что дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и готовъ разрыдаться. Онъ торопливо вышелъ.

II.

Логинъ поздно заснулъ. Утромъ онъ спалъ долгѣ. Леня тихонько подошелъ къ его постели и подумалъ: «надо разбудить».

Шорохъ пробудившагося дня, долетая до Логина, разбудилъ въ немъ неясное сознаніе.

Ему приснилось пустынное и печальное мѣсто. Мрачная гора, пещера у ея подошвы; входъ въ пещеру, мрачно зіяющій, пріосѣненъ хмурыми сосновыми.

Въ груди утомленнаго путника проснулась жажда неизвѣданнаго счастья. Нечѣмъ было утолить ее, источникъ струился изъ-подъ горлъ скаль, но его воды были мутны, какъ кровь, и горьки, какъ слезы...

И увидѣлъ Логинъ, какъ опять въ изношеннай и пыльной одеждѣ вошелъ въ пещеру и легъ головою на камни. Сонъ нависъ надъ нимъ, тяжелый, долгій, долгій. Сквозь сонъ иногда слышалъ онъ дикое завываніе бури, жалобный скрещъ падающей сосны,—доносилось иногда до него беззаботное щебетаніе птицы. Сердце страстно замирало въ его груди и жаждало воли и жизни. Оно разгоняло по его тѣлу горячую кровь, и она шумѣла въ его ушахъ, словно шепча злойно и торопливо:

— Пора вставать, пора!

Опять пріоткрывалъ тяжелыя рѣсницы, и унылые сосны, печально покачивая вершинами, глухо говорили:

— Рано!

Опять смыкались рѣсницы, сердце опять замирало и трепетно билось... Проносились вѣка, долгіе, какъ безсонная ночь... И вотъ по вѣяло ароматомъ беззаботнаго дѣтства, проглянули въ лѣсу серебристые весеніе ландышіи, шаловливый лучъ восходящаго солнца засмѣялся и заигралъ на утомленной сморѣ груди, зазвенѣли пѣсенки бойкихъ птичекъ, и кристальнымъ лепетомъ заокурчалъ прояснѣвшій родникъ:

— Пора вставать!..

•

III.

Лена постоялъ сѣ минуту, потрогалъ Логина за плечо и сказалъ:

— Василій Марковичъ, пора вставать!

Логинъ открылъ глаза. Въ комнатѣ было свѣтло и весело. Лена улыбался. Лицо его было свѣжо тою особеною утреннею дѣтскою свѣжестью, которой никогда не увидишь ни на чьемъ лицѣ днемъ или вечеромъ.

Логинъ потянулся, зѣвнулъ и заложилъ руки подъ голову.

— А, ты ужъ всталъ?

Лена похлопывалъ ладонями по краю кушетки.

— Самоваръ поставилъ,—говорилъ онъ.

— Ну ладно, я сейчасъ тоже встану, — лѣпиво сказалъ Логинъ.

Лена подобралъ руки въ рукава рубахи, потоптался у постели своими босыми ногами и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Ступеньки лѣстницы слегка поскрипывали.

Логинъ поднялся и сѣлъ на постели. Голова его слегка закружилась. Онъ опять опустился на подушки. Онъ закрылъ глаза и всматривался въ темныя фигурки, которыя быстро вертѣлись, такъ что обрывались цѣлый калейдоскопъ смѣющихся и уродливыхъ лицъ. Потомъ

круговоротъ ихъ замедлился, и они стали тускнѣть. Логинъ открылъ глаза.

IV.

Логинъ вышелъ изъ дома и пошелъ за городъ, по дорогѣ къ усадьбѣ Ермолиныхъ. Битый часъ проходилъ онъ по извилистымъ тропинкамъ лѣса, вблизи дома Ермolina, и не рѣшился войти туда. Онъ думалъ:

— Что общаго между ею — чистою, и мною — порочнымъ? Какая пытка для меня быть теперь съ нею: это было-бы безнадежное блужданіе у закрытыхъ дверей потеряннаго рая! Какъ заманчиво счастье, и какъ оно невозможно!

Потомъ онъ вдругъ уличилъ себя въ тайной надеждѣ, что случайно увидитъ Нюту, встрѣтить ее на этихъ знакомыхъ ей тропинкахъ. Ему стало досадно и стыдно, и онъ быстро зашагалъ домой. При входѣ въ городъ, возлѣ Лѣтняго сада, встрѣтился онъ Андозерскаго. Андозерскій, здороваясь съ нимъ, хмуро улыбнулся и сказалъ неискреннимъ голосомъ:

— Зайдемъ, дружище, шары пошивать на шаропихѣ.

— Не хочется, — отвѣтилъ Логинъ, пожимая его руку, мягкое и теплое прикосновеніе которой было ему непріятно.

— Что такъ? На охоту, братъ, собрался? Эхъ ты, блыкунъ! Смотри, не промахнись.

— Какая тутъ еще охота?

— Извѣстно, какая, на красную дичь.

Андозерскій самодовольно захототалъ и скрылся въ воротахъ сада. Логинъ стоялъ на пыльной дорогѣ и досадливо смотрѣлъ ему вслѣдъ. Поднялся легкій вѣтерокъ, пыль и соломенки повлеклись изъ города, пошли за ними и Логинъ. Пыльные столбы плясали передъ нимъ и дразнили его, слагаясь въ черты Андозерскаго: и слова его, и фигура, — все въ Андозерскомъ было противно Логину. Онъ даже удивился, когда замѣтилъ, какъ далеко зашла его непріязнь къ Андозерскому. Онъ сдѣлалъ усилие не думать о немъ, и это ему удалось... Однако, не даромъ...

Пыльные столбы все плясали вокругъ него, и рядомъ съ нимъ засияла назойливая улыбка, сверкнули лукавые глаза и потухли... Логину стало грустно. Въ печальной задумчивости, наклонивъ голову,шелъ онъ по шоссе, потомъ свернулъ на тропинку во ржи. Среди шумящей ржи прошелъ онъ съ полверсты и вдругъ встрѣтилъ Нюту.

Платокъ, которымъ были повязаны волосы Нюты, бросаль тѣнь на ея смуглое лицо, которое улыбалось Логину.

— Вотъ встрѣча, — сказала она.—Вы гуляете здѣсь, да? А я по дѣлу.

— Куда, можно спросить?

— А вотъ тамъ деревня Рядки,—тамъ у меня дѣло.

— Благотворительное?—съ жесткой улыбкой спросилъ Логинъ, пропуская Нюту впередъ и идя за нею.

Нюта засмѣялась и спросила:

— Вы не любите благотворительныхъ дѣлъ?

— Помилуйте, что это за дѣла! Забава сытыхъ дамъ.

— А я думаю, что это и есть настоящія дѣла. Только слово нехорошее, книжное. И его употребляли слишкомъ много и неразборчиво. А дѣла помоши... Да у насъ, людей сытыхъ, какъ вы называете, и дѣлъ-то другихъ почти быть не можетъ.

— Есть лучшее дѣло.

— Какое?

— Исканіе правды.

— А! Это—отвлеченное дѣло. А правда—только въ любви къ людямъ... и вообще къ миру.

— Едва-ли много правды въ любви.

— А это, однако, такъ. Люди ищутъ правды и приходятъ къ любви. Мнѣ представляется, что такъ дѣло ишло. Сначала люди жили надеждой. Надежда часто обманывала и отодвигалась все дальше: евреи ждутъ Мессии, христіане надѣются только на загробную жизнь,—и вотъ люди стали жить вѣрой. Но вѣкъ вѣры кончается.

— Да, кончается,—старые боги умерли. А все-таки сильна потребность въ вѣрѣ. Новые божества еще не родились, въ томъ и вся наша бѣда и вся разгадка нашего пессимизма.

— Да новые божества и не родятся.

— Ничего, путь выдумаютъ!

— Нѣть, этого не можетъ быть. Будущее принадлежитъ любви.

— Вы, кажется, думаете, что и вѣра, и надежда мѣшаютъ любви?

— Да, я такъ думаю. Мнѣ кажется вотъ что: надежда—такая беспокойная, эгоистичная, при ней и вѣрѣ и любви тѣсно. Вѣра ужъ слишкомъ точна,—при ней и надежда таетъ, и любовь смиряется. Надѣются вѣдь только тогда, если можетъ быть и такъ, и этакъ, а тутъ все ясно, какъ въ сказкѣ: пойдешь на-право—коя потеряешь, на-лево—головы не сносишь. На что тутъ надѣяться? Да и любить можно только свободно, а не по заповѣдямъ. А вотъ когда людямъ не на что будетъ надѣяться, не во что вѣрить, тогда любовь будетъ принята всѣмъ міромъ.

— Какъ заповѣдь?—насмѣшливо спросилъ Логинъ.

— Нѣть, только какъ необходимость, единственное спасеніе. Вѣдь иначе жить нечѣмъ будеть.

— Любовь — невозможность, — разсёяно сказал Логинъ. — Наша любовь — только самолюбие, только стремление расширить свое я, — неосуществимое стремление.

— А вы его испытывали?

— Жажду его, — тоскливо воскликнул Логинъ. — Ахъ, Анна Максимовна, скажите, вы върите въ эту будущую людскую любовь?

Нюта отвѣтила, улыбаясь:

— Вѣрю.

— Да вѣдь вѣра мѣшаетъ любви? Какъ вы непослѣдовательны! Но и какая вы прелест!

Нюта засмѣялась.

— Вотъ неожиданный комплиментъ!

— Нѣтъ, нѣтъ... Я хотѣль-бы вамъ сказать... Но всѣ слова — такія жалкія!.. О, если-бы и вы...

Нюта повернулась къ Логину и смотрѣла на него. Ея вспыхнувшее лицо съ широко открытыми глазами горѣло радостнымъ ожиданіемъ.

Логинъ замолчалъ и шелъ рядомъ съ нею, глядя на ея улыбающіяся и вздрагивающія алые губы.

— Да, — сказала она смущенно, — можетъ быть...

— Ахъ, Нюта! — страстно воскликнулъ Логинъ.

Губы Нюты, алые и трепещущія, были такъ близки... Какія-то далекія и нечистыя воспоминанія вспыхнули въ его душѣ, зазвенѣли въ ушахъ чи-то грубыя и жестокія слова. Что-то повелительное, какъ совѣсть, стало между нимъ и непорочною улыбкою Нюты.

А молодая радость, жажда счастья влекли его къ ней.

Онъ мучительно колебался.

Губы Нюты горделиво дрогнули. Въ ея глазахъ промелькнуло какое-то темное и скорбное выраженіе. Нюта отвернулась и тихопѣко застѣялась.

Холодомъ повѣяло на Логина. Припомнился ему смѣхъ русалки на мельничной запрудѣ, тотъ смѣхъ, который слышался ему въ одну изъ его тяжелыхъ ночей.

Нюта сказала мечтательно и грустно:

— Мы замечтались подъ яснымъ небомъ... А я слышала, что вы разошлись съ Коноплевымъ.

Логинъ рассказалъ ей о своей ссорѣ съ Коноплевымъ. Нюта выслушала молча и потомъ сказала:

— Того и надо было ждать. Что это за человѣкъ! Дуль вѣтеръ съ запада, онъ былъ иигилистомъ. Повѣяло съ востока, — сталъ фанатикомъ Домостроя. А могъ-бы сдѣлаться и фанатикомъ опрошенія. Можетъ быть, и сдѣлается. Все это у него случайное. Своего — ничего.

— Странно,—сказалъ Логинъ,—что онъ ни на кого не ссылается, кроме Мотовилова.

— Мотовиловъ! Вотъ человѣкъ, который не имѣетъ права жить!

Логинъ заглянулъ въ ея лицо. Оно все пылало гнѣвомъ и негодованіемъ. Логинъ покорно улыбнулся.

V.

И съѣтло, и грустно было въ душѣ Логина, когда онъ возвращался домой. Косвенные лучи солнца улыбались ему въ малиново-красныхъ отблескахъ на стеклахъ сѣреныхъ деревянныхъ домишекъ. Улицы къ вечеру начинали быть болѣе людными.

Посреди улицы, изъ-за угла по дорогѣ отъ крѣпости, показалась толпа. Это было что-то вродѣ процессіи. Окна по пути поспѣшили отворяться, выглядывали изъ нихъ головы мирныхъ обывателей, прохожіе останавливались, уличные ребятишки бѣжали за процессіей съ видомъ презрѣчайшаго удивленія.

Наконецъ, Логинъ разсмотрѣлъ всѣхъ. Шли по самой серединѣ улицы Мотовиловъ съ женой, Крикуновъ съ табакеркой, два директора, Павловскій и Моховиковъ, казначей, закладчикъ и его жена, Гомзинъ, великолѣпные зѣбы котораго радостно сверкали издали, еще нѣсколько мужчинъ и дамъ, и среди этой толпы—Молинъ, арестованный недавно учитель. Очевидно, его только что выпустили изъ тюрмы.

Логинъ догадался, что это устраиваютъ овацію «невинно-пострадавшему»,—ведутъ его съ почетомъ по городу, чтобы показать всѣмъ, что репутація Молина никакъ не пострадала. Лица у всѣхъ были торжественные и, какъ часто бываетъ въ такихъ неожиданно-торжественныхъ случаяхъ, довольно-таки глупыя. Самый глупый видъ имѣлъ герой торжества. Онъ считалъ своимъ долгомъ хранить на лицѣ угрюмо-угнетенное и очень благородное выраженіе и шель ребромъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, съ лицомъ, покрытымъ рябинами и прищами, съ багровымъ носомъ записного пьяницы. Лобъ у него былъ узокъ, черепъ съ хорошо-развитымъ затылкомъ казался толстостѣпнымъ, громадныя скулы придавали лицу татарскій характеръ. Спинами очками въ стальной оправѣ прикрывались тусклые и близорукіе глаза.

Поровнявшись съ этимъ обществомъ, Логинъ приподнялъ шляпу.

— Вотъ кстати,—сказалъ Мотовиловъ,—Василій Марковичъ, пожалуйте-ка къ намъ сюда!

Логинъ остановился на мосткахъ и спросилъ:

— Прогуливаетесь, Алексѣй Степанычъ?

— Да, прогуливаемся,—значительно отвѣтилъ Мотовиловъ.

— Что-жъ, доброе дѣло. А меня прошу извинить,—очень усталъ. Имѣю честь кланяться.

Логинъ ошѣя приподнялъ шляпу и пошелъ дальше. Пожарскій догналъ его и спросилъ.

— Какъ-же это вы въ наше тріумфальное шествіе не впряжені? Вѣдь вы разсердили этимъ сѣдого прелюбодѣя.

— Глупо это, мой другъ. Тѣ, ну чиновники тамъ разные—они... ну, у нихъ связи, боятся, можетъ быть,—наконецъ, просто, пѣши. А вы-то зачѣмъ? человѣкъ вы независимый, въ нѣкоторомъ родѣ—артистъ, такъ сказать.—и вдругъ!

Пожарскій добродушно засмеялся.

— Не ехидничайте, почтеннѣйший синьоръ: я единственno изъ любви къ искусству.

— Это какъ-же?

— Мимику, значитъ, изучаю. Нашему брату это необходимо. Ну, да и то еще, грѣшнымъ дѣломъ... знаете сами: польсти, мой другъ, польсти...

— Коли не хочешь быть въ чести? такъ, что-ли? — закончилъ Логинъ.

— Вотъ, вотъ, оно самое и есть. То-есть не то, что въ чести, а все-же—сборы, ну да и бенефицишко. Эхъ, почтеннѣйший, всѣ мы отъ всѣхъ васть въ крѣпостной зависимости обрѣтаемся, вотъ ей-Богу! Всегда-то вы нась въ лучшемъ видѣ можете подкузьмить.

Логинъ слушалъ его досадливо, и вялое настроеніе расположилось по его душѣ.

— Да что, батенька,—продолжалъ Пожарскій,—главнаго-то вы не видѣли,—много потеряли, ей-Богу! У вратъ обители святой,—то бишь, передъ острогомъ,—вотъ гдѣ было зрелице! Мотовиловъ рѣчь на улицѣ говорилъ, дамы плакали, барышни ему, герою нашему, цвѣты поднесли,—букиетище такой, что наша Тарантина то-то, бѣдная, позавидовала-бы, коли-бы увидала!

— Сочиняете, кажется?

— Ну вотъ, сочиняю! Ната и Нета и подносилъ. Съ одной стороны, знаете, ангельская непорочность, а съ другой стороны—угнетенная невинность.

— И со всѣхъ сторонъ—глупость и пошлость, — злобно сказалъ Логинъ.

Пожарскій захохоталъ.

— Злитеесь, почтеннѣйший. А я радъ, что васть встрѣтилъ. Теперь я отъ нихъ отсталъ, и кстати. географію города изучать пойду. Барышни Мотовиловы отправились купаться, такъ мнѣ надо пробраться въ ту сторону...

- Подсматривать? — брезгливо спросилъ Логинъ.
- Ни-ни! На обратномъ пути Неточку встрѣчу, — только и всего.
- Вотъ какъ, — она вамъ ужъ Неточка?
- Чистѣйшій пыль! Любовная чепуха! Женьпремьерствую подъ открытымъ небомъ: дьявольски-выигрышная роль!
- Значить, дѣла хороши?
- Съ барышней давно поладили, вотъ какъ поладили! Прелестъ-дѣвочка: огонекъ и душа, — ахъ, душа! Но самъ Тартюфъ, — увы и ахъ! И подстуپиться страшно. Хоть въ петлю...
- Что-жъ, убѣгомъ!
- И то придется. Только попа гдѣ возьмешь, — вотъ въ чёмъ загвоздка!.. Ахъ, любовь, любовь! Поэзія, восторгъ! Безъ вина — пьянъ, вдохновеніе такъ и расширяетъ грудь. Кажется, луну съ неба для нея досталъ-бы.
- А попа достать не можете!
- Достану, почтеннѣйший, какъ пить дамъ, достану!

VI.

Молинъ поселился временно, пока найти квартиру, у о. Андрея. Вещи его еще оставались въ квартире Шестова.

Когда всѣ провожавшіе разошлись, Молинъ сталь предъ отцомъ Андреемъ, низко поклонился ему и произнесъ:

- Ну, архиерей, спасли вы съ Мотовиловымъ меня.
- Ну, чего тамъ — свои люди, — отмахивался о. Андрей.
- Но Молинъ продолжалъ:
- Вѣкъ не забуду. Спасибо. Чего ужъ, не умѣю, не рѣчишь, а что чувствую, прямо скажу: спасли! Сослали-бы въ каторгу, какъ пса смердящаго, — такъ тамъ и сгиниль-бы.

- Ну, будетъ, чего тамъ причитать!
- Эхъ, что тутъ! Дай-ка, отецъ благодѣтель, водки: цѣлый стаканъ за ваше здоровье хвачу.

Водка была подана. Хозяинъ и гость пили, обнимались, цѣловались, пили еще и еще, охмѣлѣли и плакали. Потомъ пришли гости. Засѣли играть въ карты и опять пили.

VII.

На другой день Шестовъ вышелъ изъ училища и встрѣтилъ Молина, который возвращался откуда-то. Молинъ подошелъ къ нему и подалъ ему руку. Они поздоровались и пошли рядомъ. Молинъ молчалъ съ тѣмъ-же вчерашнимъ видомъ человѣка, который невинно страдаетъ. Этотъ видъ раздражалъ Шестова. Шестовъ не находилъ, что

сказать, хотя они встрѣтились первый разъ послѣ ареста Молина. Шестовъ думалъ:

«Зачѣмъ у него такой видъ? Вѣдь все это было, все это въ его характерѣ... Дѣло складывается благопріятно, ему-бы только радоваться...»

Молинъ оттопырилъ свои толстыя губы и заговорилъ угрюмо:

— Вы съ вашей тетушкой меня въ каторжники записали: ну, погодите еще радоваться.

Шестовъ покраснѣлъ и дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Я очень желаю вамъ вышутаться изъ этого дѣла, — а радостнаго тутъ нѣтъ ничего.

Молинъ хмыкнулъ, сдѣлалъ жалкое и злое лицо и молчалъ.

Шестову невольно припоминались ихъ былыя отношенія. Молчать дѣжалось ему жутко, но онъ не говорилъ. Непріязнь къ Молину начала созрѣвать въ немъ. Молча дошли они до дома о. Андрея. Молинъ, не говоря ни слова и не прощаюсь, повернулся и пошелъ къ воротамъ. Шестовъ, не оборачиваясь, пошелъ дальше. Сердце его забилось отъ горькаго чувства и отъ неловкости, отъ стыда: увидѣть — посмѣются. Шестовъ досадливо думалъ:

«Зачѣмъ-же онъ ко мнѣ подходилъ и здоровался? — Для штуки! отвѣтилъ онъ самъ себѣ. Я былъ наивенъ, какъ десятилетній мальчикъ, а онъ всегда старался братъ верхъ, игралъ роль умнаго человѣка, вліянію котораго подчиняются».

Странное дѣло: отношенія къ нему Молина давно не нравились Шестову, но только теперь онъ сумѣлъ дать имъ опредѣленную характеристику.

VIII.

Молинъ вошелъ въ столовую. О. Андрей собирался обѣдать.

Онъ жилъ въ собственномъ домѣ. Это былъ небольшой деревянный домъ въ пять оконъ на улицу, одноэтажный, съ подваломъ. Столовая была въ подвальномъ этажѣ, рядомъ съ кухней. Свѣтъ двухъ небольшихъ окошекъ былъ недостаточенъ для столовой: въ длину, отъ оконъ, она была втрое больше, чѣмъ въ ширину, вдоль оконъ. Въ глубинѣ столовой было даже и днемъ сумрачно. Тамъ былъ поставецъ съ настоками. Возлѣ него стоялъ боченокъ дубового дерева съ водкой, особо пріятнаго вкуса и значительной крѣпости. Эту водку о. Андрей выпивалъ особо, прямо съ завода, для себя и для нѣкоторыхъ друзей, въ складчину. Въ окна видна была поросшая травой поверхность улицы, да изрѣдка шагали чьи-нибудь ноги. Вдоль длинной стѣны — той, что была противъ двери въ кухню — стояла узкая скамейка, обитая мягкими подушками и снабженная, для вящшаго комфорта, достаточнымъ количествомъ мягкихъ валиковъ. Длинный обѣденный столъ стоялъ вдоль

комфортабельной лавки. На одномъ концѣ, у окна, онъ былъ накрытъ бѣлою скатертью. Было замѣтно по многимъ пятнамъ, что эта скатерть стелется уже не первый день. На лавкѣ возлежалъ о. Андрей, головой къ оконку.

О. Андрей покрикивалъ на Евгению. Евгения порывисто носилась изъ столовой въ кухню и обратно съ тарелками и ножами, потрясала поль тяжелою поступью босыхъ ногъ и отвѣчала сердитыми взглядами на сердитые окрики о. Андрея.

Около стола копошилась матушка, Федосья Петровна, маленькая и юркая женщина лѣтъ пятидесяти. Она часто выбѣгала въ кухню, по-тихоньку шмыняла тамъ Евгению и, видимо, была озабочена предстоящимъ обѣдомъ. Изъ кухни слышались ея хлопотливыя восклицанія:

— Вѣдь ты знаешь, что батюшка не любить... Дура зеленая! Вѣдь ты знаешь, что Алексѣю Иванычу... Ахъ ты, дерево стоецосовое!

Молинъ усѣлся за столъ, горько улыбнулся и сказалъ:

— Отскочилъ!

О. Андрей посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ:

— О комъ это?

— Да тотъ, Шестовъ.

Матушка съ любопытнымъ видомъ выскочила изъ кухни и спросила Молина:

— А что, встрѣтили его?

— Какъ-же, встрѣтилъ! — отвѣчалъ Молинъ.

Онъ заколыхалъ своимъ сутуловатымъ станомъ, выдавилъ изъ него какой-то странный, косолапый смѣхъ, и сталъ разсказывать отрывисто, словно сердился и на себесѣдниковъ своихъ:

— Изъ училища перъ... Подскочилъ, лебезитъ, руку суетъ... Такъ-бы по зубамъ и смазаль! Еле сдержался...

— А слѣдовало-бы, — съ веселымъ смѣшкомъ сказалъ батюшка. — Эй, Евгения, неси обѣдъ!

— Да еще какъ слѣдовало-бы! — подтвердила матушка. — Евгения, дура косолапая! гдѣ ты пропала?

— А ну его ко всѣмъ чертамъ! — сердито говорилъ Молинъ. — Еще заплачетъ, ябедничать побѣжитъ, фитилька проклятая!

— Жена, — воскликнулъ о. Андрей, — гдѣ-же водка?

— Евгения, Евгения! — засуетилась матушка, — дурница нес совсѣмъ, есть-ли у тебя башка на плечахъ!

Евгения вносила въ столовую горячій пирогъ.

— Не разорваться, — кричала она.

Матушка метнулась къ поставцу и въ одинъ мигъ притащила водку и рюмки. Евгения помчалась за супомъ, а Молинъ бубнилъ себѣ:

— Юлиль за мной. До самыхъ воротъ бѣжалъ... въ прятуску...

Ну, да я па него нуль вниманія. Прикусишъ язычекъ, подралъ, какъ ошпаренный.

О. Андрей зычно захохоталъ. Матушка налила водку въ рюмки и приединула одну изъ нихъ Молину. Она смотрѣла на него ласковыми и влюбленными глазами. О. Андрей и Молинъ вышли, а матушка межъ тѣмъ положила Молину громадный кусокъ пирога съ говяжьей начинкой и наполнила его тарелку супомъ, еще дымнымъ отъ горячаго пара, который подымался надъ нимъ.

— Ловко! — говорилъ о. Андрей. — Такъ ихъ, мерзавцевъ, и надо учить. Ну что-жъ, братъ, по первой не закусываютъ. Ась, Алексѣй Иванычъ?

— Дѣльно! — одобрилъ Молинъ. — Я, признаюсь, выпью, — въ проклятомъ острогѣ пришлось поосторожиться.

Налили по второй и вышли. Горькія воспоминанія преислѣдовали Молина. Онъ заговорилъ:

— Если-бъ онъ, скотина, былъ настоящій товарищъ, онъ-бы сразу долженъ былъ сунуть подъ хвостъ той сволочи. Сочлисъ-бы!

— Извѣстно!

— Ну, если-бъ она не взяла, да накляузничала-бы слѣдователю, я все-же былъ-бы въ сторонѣ, — не я подкупалъ, мнѣ что за дѣло! А то не мнѣ-же было ей деньги предлагать.

— Ну, само собой. Да и мнѣ неловко. Я такъ и думалъ, онъ съ теткой обтишаютъ. А они воинъ что.

— Подлѣйшия твари! — взвизгнула матушка.

— Ну да ладно — и даромъ отверчусь.

О. Андрей вдругъ засмѣялся и спросилъ Молина:

— На экзаменѣ-то, говорилъ я вамъ, что вышло?

— Нѣтъ. А что?

— Да, да, представьте, какая подлость! — закищтилась матушка.

— На Акимова накинулся, — разсказывалъ о. Андрей. — Не знаетъ, дескать, геометріи. Единицу поставилъ. Переэкзаменовку, моль, надо. Ну, да мы еще посмотримъ... Почемъ знать, чего не знаешь.

— Это, знаете, онъ отъ зависти, — объясняла матушка, — отецъ Акимова подарилъ батюшкѣ на рясу, а ему — шишъ. Акимовъ купецъ по-чтительный, только, конечно, кому слѣдуетъ: вѣдь всякий видѣть, кто чего стоитъ. Батюшка, Андрей Никитычъ, да что-жъ ты не угощаешь? Видишь, рюмки пустыя.

— И то, — сказалъ батюшка, и налилъ.

— Эхъ! — крикнулъ Молинъ, — Руки есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти.

— Евгенія! — крикнулъ о. Андрей въ открытую дверь кухни, — ты это съ кѣмъ тамъ таранишь?

— Да это, батюшка, мой братъ,—отвѣтила Евгения.

Ея братъ, мальчишка лѣтъ двѣнадцати, опасливо прижался къ углу кухни. Онъ боялся о. Андрея: онъ учился въ городскомъ училищѣ.

— Братъ? Ну и кетати. Пусть посидитъ тамъ, мнѣ его послать надо. Удивляюсь я только тому,—обратился о. Андрей къ Молину,—какъ это наши мальчишки не устроятъ ему сюрприза за единицы, пустильбы кто-нибудь камешкомъ изъ-за угла,—преотличное дѣло: ха-ха-ха!

Матушка взвизнула отъ удовольствія.

— Въ загривокъ!—крикнула она и звонко засмѣялась.

Молинъ кивнулъ головой на открытую дверь кухни. О. Андрей закричалъ:

— Евгения, дверь запри! Ишь напустила чаду, кобыла!

Евгения стремительно захлопнула дверь. О. Андрей тихонько засмѣялся.

— Чего тамъ!—сказалъ онъ.

— Все же неловко,—ученикъ, и все такое...

— Чудакъ, да вѣдь я нарочно,—зашепталъ о. Андрей:—пусть слышитъ. Скажетъ товарищамъ,—найдется шалунъ поотчаяннѣе, да и запуститъ.

О. Андрей снова захочоталъ и налилъ по четвертой рюмкѣ. Молинъ сочувственно захихикалъ и показалъ свои пожелтѣлые отъ табака зубы. Онъ проглотилъ водку и крикнулъ:

— Эхъ, завей горе веревочкой!

— Все шляется къ Логину,—сказалъ о. Андрей.

— А, къ слѣпому чорту! Ишь ты, агитаторъ пустоголовый, нашель себѣ дурака, плѣнилъ кривую рожу. Ну, да онъ мастакъ бредки городить.

— Возжались съ Коноплевымъ, да расплевались, сообщила матушка.

— Ишь ты, лѣшева дудка, куда полѣзла! почуялъ грошъ.

— Ничего, сведется на нѣтъ вся ихъ затѣя, общество это дурацкое,—злорадно сказалъ о. Андрей.

— А что?—спросилъ Молинъ.

— Да ужъ подковырнетъ ихъ Мотовиловъ.

— Подковырнетъ!—съ азартомъ воскликнула матушка.

— Ужъ Мотовилова на это взять,—согласился Молинъ:—шельмець первой руки.

— Да, братъ,—разъяснялъ о. Андрей,—ему въ ротъ пальца не клади. Съ нимъ дружить дружи, а камень за пазухой держи.

— Шельма, шельма, одно слово!—восторгалась матушка.

— Но умная шельма,—поправилъ Молинъ.

— Да я то же и говорю: первостатейная шельма, молодецъ,—продолжала матушка.—Ужъ мой Андрей Никитичъ хитеръ, ой хитеръ, а тотъ и еще хитрѣе.

Оедоръ Сологубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Англійське віляніє въ Россії *).

Всего труднѣе бороться съ международными предразсудками: они вытекаютъ, кромѣ различія расы и темперамента, также изъ религіозныхъ и политическихъ разногласій. И въ особенности политика является источникомъ взаимныхъ непониманій. А когда въ какой-нибудь странѣ, национальное чувство, сознаніе своего достоинства и силы дѣлается въ изрѣстныхъ направленіяхъ болѣе возбужденнымъ, другія націи могутъ легко не разглядѣть настоящей сути общественного мнѣнія этой страны во всемъ, что касается ихъ самихъ. То-же случилось и съ Россіей въ послѣднія десять или двадцать лѣтъ. Оцѣнивая русское мнѣніе объ Англіи, всего необходимѣе брать въ расчетъ такого рода предубѣжденія. Во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи бывали моменты, встрѣчавшіе не рѣдко протесты въ Англіи, а иногда даже и взрывы негодованія. Со времени послѣдней турецкой войны тамъ возрастало тревожное чувство насчетъ русскихъ видовъ на Индію и Константинополь. Я не буду здѣсь изслѣдоватъ, въ какой степени такія опасенія были основательны: подобная черная точки въ политикѣ, во всякомъ случаѣ, не вызываютъ взаимного дружескаго пониманія; но и среди внутреннихъ русскихъ вопросовъ есть одинъ, который возбуждалъ не малую долю негодованія въ Великобританіи. Я разумѣю положеніе русскихъ евреевъ. Объ этомъ деликатномъ вопросѣ я не буду онять-таки распространяться; не стану также входить въ тѣ мотивы, которые вліяли всего больше на англійское общественное мнѣніе, къ невыгодѣ Россіи. Такъ или иначе, по всѣмъ этимъ вопросамъ недовольство возникало въ Англіи, а не въ Россіи. Даже въ такъ называемой «патріотической» московской прессѣ трудно было-бы найти прямыхъ попытки—воинственно возбудить обще-

*) Статья эта, задуманная первоначально, какъ публичная рѣчъ, появилась въ англійскомъ подлинникѣ въ іюльской книжкѣ «Contemporary Review». Русскій текстъ доставленъ самимъ авторомъ.

Пр. редакціи.

ственное мнѣніе въ Россіи противъ британскаго владычества въ Индіи. Я отставлю этотъ вопросъ къ сторонѣ, какъ принадлежащий къ области гаданий, смертныхъ страховъ, которые только болѣе или менѣе отдаленное будущее можетъ осуществить или разсказать. Еврейскій вопросъ болѣе положительній, и суть англійскихъ протестовъ способна возбудить симпатію тѣхъ, кто сочувствуетъ человѣчности и цивилизаціи. Но общественное мнѣніе въ Россіи, по этому вопросу, вовсе не такъ единодушно, какъ обыкновенно принимаютъ это, и мѣры правительства не вполнѣ соответствуютъ идеямъ того меньшинства, которое представляется собою самую развитую и либерально-мыслящую долю нашей публики. Но даже еслибы мы и признали, что правительство и нація одинаково желаютъ обращаться съ евреями, какъ съ расой, достойной безпощаднаго преслѣдованія, то этотъ самый фактъничего-бы не доказывалъ въ вопросѣ о дѣйствительномъ отношеніи русского общества къ Англіи.

Франція и Россія, какъ извѣстно, въ настоящую минуту, сплошь дружатъ. Это единеніе чрезвычайно популярно въ обѣихъ странахъ, и самый скептическій наблюдатель долженъ быть-бы сознаться, что въ демонстраціяхъ Кронштадта, Тулона и Парижа было нечто большее—формального обѣна любезностей. Однако, положеніе евреевъ во Франціи, несмотря на новѣйшую анти-семитскую пропаганду, рѣзко различается отъ положенія той-же самой расы въ Россіи. Стало-быть, различіе во внутренней политикѣ, по этому вопросу, въ двухъ странахъ согласимо не только съ признаніемъ взаимныхъ интересовъ и достоинствъ, но и съ искренними порывами симпатіи, несмотря на то, что оба государства не разъ вели между собою войны, какъ это случалось между Франціей и Россіей.

Моя цѣль—разсмотрѣть, каково *дѣйствительное* общественное мнѣніе въ Россіи объ Англіи, беря въ расчетъ, какъ я уже сказаль, взгляды той доли русского общества, на которую съ полнымъ правомъ можно смотрѣть, какъ на самую развитую въ умственномъ и соціальномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью я сначала кратко очерчу ходъ знакомства съ Англіей и англійскими дѣлами въ Россіи, начиная съ того періода, когда двѣ націи вступили другъ съ другомъ въ непосредственныя сношения.

Со средины шестнадцатаго вѣка, въ царствованіе царя Ивана Грознаго, политическая и торговыя сношения между двумя правительствами и обеими народами не только существовали, но и приняли довольно дружественный характеръ. Англійскіе купцы добились привилегій въ Россіи, какія не были даны другимъ иностранцамъ, и грозный царь также былъ привлеченъ сплошь и блескомъ англійской короны и благородствиемъ подданныхъ, что добровольно вступилъ въ дипломатическую переписку съ королевой Елизаветой. Къ тому времени онъ былъ уже по-

жилой человѣкъ и нарушить нѣсколько браковъ, дѣйствуя по этой части такъ-же, какъ и король Генрихъ VIII. Онъ сдѣлалъ англійской королевѣ предложеніе и, послѣ ея очень ловкаго отказа, задумалъ жениться на англійской принцессѣ, рекомендованной ему умной королевой. Московія и ся жители сдѣлались въ семнадцатомъ вѣкѣ предметомъ довольно обстоятельный описаній англійскихъ путешественниковъ, и весьма извѣстная книга Флетчера до сихъ поръ считается очень хорошимъ источникомъ для изученія домашней жизни, религіозныхъ обычаевъ, управления и экономическихъ ресурсовъ старого московскаго царства.

Въ реформахъ Петра Великаго преобладало голландское и нѣмецкое вліяніе и для умственной, и для материальной культуры нашей страны. Нѣмецкіе порядки, въ особенности, были въ ходу въ царствованіе императрицы Анны, но при императрицѣ Елизавете, бывшей всегда политическимъ другомъ французской монархіи, языкъ, обычай, вкусы и моды Франціи дѣлались все популярнѣе. Съ этой эпохи французскій языкъ сталъ языкомъ нашего двора и никогда не былъ вытѣсненъ какимъ-либо другимъ иностраннымъ языкомъ въ нашихъ высшихъ классахъ.

Императрица Екатерина II-я, во вѣнчаній политикѣ, не была особенно наклонна къ союзу съ Франціей, но воспиталась во французскихъ идеяхъ и вкусахъ. Она говорила и писала по-французски почти такъ-же, какъ на своемъ родномъ языкѣ, изучала съ раннихъ лѣтъ знаменитыхъ французскихъ писателей съ большимъ интересомъ и симпатіей; стала сама русскимъ писателемъ подъ умственнымъ руководствомъ французскихъ свободныхъ мыслителей, вела переписку съ Вольтеромъ и Дидро, заимствовала свои политическая и нравственная идеи у Монтескія, какъ руководящіе принципы трактатовъ и статутовъ, которые сама обрабатывала. На ея внука, Александра I-го, можно такъ-же посмотретьъ, какъ на выученика французскихъ идей и литературныхъ вкусовъ восемнадцатаго вѣка. Его воспитатель былъ французъ Лагарпѣ, и ежедневный языкъ — также французскій. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, можно сказать, что при русскомъ дворѣ и въ высшемъ дворянствѣ французскій жаргонъ сдѣлялся обязательнымъ для каждого, кто желалъ играть какую-нибудь роль въ обществѣ.

Но съ этой эпохи замѣчается нѣкоторая перемѣна въ умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ высшихъ классовъ въ Россіи. Интересъ къ англійскому языку и жизни началъ проявляться, вопреки общему увлеченню всѣмъ тѣмъ, что было французское. Война 1812 г. содѣйствовала этому повороту мнѣній. Англійские авторы — романисты, публицисты, критики, моралисты — стали переводиться, дѣтей аристократическихъ фамилій (болѣе дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ) часто учили англійскому языку и, къ концу царствованія Александра I-го, англійский стиль сдѣлялся очень «faschionable» въ большомъ свѣтѣ Петербурга и Москвы. Такъ

пазываемые *англійскіе* клубы заводились въ обѣихъ русскихъ столицахъ; такие писатели, какъ Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ, затмили на извѣстное время обаяніе французскихъ поэтовъ и романистовъ. Въ нашей лучшей сатирической комедіи, относящейся къ концу этого періода, въ «Горе отъ ума», мы находимъ намеки и нападки, обращенные противъ *англомановъ*, которые обезъянить англійскіе фасоны — явный признакъ того, что англійское вліяніе достаточно уже проникло въ русскую великосвѣтскую жизнь. Нѣсколько позднѣе, въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ царствованія Николая, образованный средній классъ вовлечень былъ также въ извѣстнаго рода англоманію подъ руководствомъ вліяніемъ русскихъ періодическихъ изданій, гдѣ англійскіе авторы были очень въ ходу. Послѣ Вальтеръ-Скотта и Байрона симпатіи публики раздѣляли Бульверъ, Куперъ и, поверхъ всего, два большихъ романиста — Диккенсъ и Тэkkерей. Цензура, бывшая очень строгой во все царствованіе Николая I-го, сдѣлалась еще суровѣе послѣ французской революціи 1848 года и почти не допускала переводовъ англійскихъ книгъ, написанныхъ въ духѣ политического и философскаго свободомыслія. Въ этомъ отношеніи царствованія Екатерины II-й и ея старшаго внука были мягче и, какъ я сказалъ, большая часть англійскихъ философовъ, политическихъ мыслителей и моралистовъ были переведены въ то именно времена. Англійскій писатель Бентамъ — представитель европейскаго движенія нравственныхъ идей въ началѣ девятнадцатаго столѣтія — былъ одинъ изъ любимыхъ авторовъ самаго Александра I-го, вплоть до перемѣны въ сторону мистицизма, овладѣвшаго душой этого государя къ концу его царствованія. Идеи Бентама преобладали во многихъ кружкахъ Петербурга и Москвы, довольно долго. Философскія произведенія Бэкона и Локка, а также шотландская психологическая школа находили себѣ послѣдователей между образованными русскими журналистами, студентами, даже свѣтскими людьми — мужчинами и женщинами.

Мы подходимъ къ тому моменту, въ которомъ можно видѣть демаркационную линію между двумя эпохами, когда, послѣ крымской войны и смерти Николая I-го, русское общество отдалось прогрессивнымъ идеямъ, движимое глубокимъ сознаніемъ тѣхъ пороковъ, злоупотребленій и язвъ, какіе разѣдали общественную жизнь и домашній бытъ нашей страны. Самое высшее зло старого уклада въ Россіи — крѣпостное право — было уничтожено въ 1861 г., и мы можемъ признать въ этомъ событии гарантію и символъ всѣхъ остальныхъ элементовъ и умственнаго, и нравственнаго освобожденія.

Немного болѣе четверти вѣка назадъ, въ 1868 г., я напечаталъ, во времія моего пребыванія въ Лондонѣ, краткій этюдъ подъ названіемъ «Нигилизмъ въ Россіи». Эта работа была предложена мнѣ тогдашнимъ главнымъ редакторомъ «Fortnightly review» Джономъ Морлэй, впослѣд-

ствіи министромъ по прландскимъ дѣламъ. Онъ находилъ, что тогда англійская публика не имѣла никакого яснаго представлениія о такъ называемомъ *нигилизмѣ*. А нигилизмъ, какъ разъ къ тому времени, заставилъ уже говорить о себѣ въ западной Европѣ по поводу волненій среди русской молодежи въ обѣихъ пашихъ столицахъ и даже въ провинціи, подъ вліяніемъ русской революціонной прессы, руководимой политическими эмигрантами. Въ этомъ этюдѣ я старался опредѣлить философское и научное происхожденіе нигилизма, *въ первый періодъ его развитія*, и показать, что, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ въ этомъ развитіи преобладало вліяніе англійскихъ писателей. Книга Бокля открыла собою серію произведеній, сдѣлавшихся, для русского юношества, источникомъ возрождающихъ идей и упованій. Чарльзъ Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Маудсли, Льюисъ, Джонъ Стюартъ Милль — въ соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ—вотъ кто были настоящіе инициаторы движенія, въ которомъ можно различать два теченія: одно болѣе серьезное и умѣренное, другое съ преувеличенной пропагандой отрицательныхъ и материалистическихъ доктринъ. Мы остановимся только на первомъ. Въ теченіе послѣдней четверти текущаго столѣтія самая образованная и либерально-мыслящая доля нашей публики не переставала быть въ постоянномъ умственномъ соприкосновеніи съ англійской литературой, интересуясь, нисколько не менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, англійской жизнью въ разныхъ смыслахъ.

И теперь, послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, я поставлю главный вопросъ: русское общественное мнѣніе въ девятнадцатомъ вѣкѣ (исключая періоды войнъ и политическихъ столкновеній) было-ли враждебно англійской нації или равнодушно къ соціальному движенію Великобританіи и къ произведеніямъ ея изящной литературы, науки и философіи? Утверждаю, что на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный отвѣтъ каждымъ русскимъ, или англичаниномъ, кто не желаетъ быть обвиненнымъ въ пристрастіи. Это можно легко доказать фактами, и самымъ лучшимъ способомъ доказательства было-бы—набросать сравнительную картину развитія русского общественного мнѣнія обѣ Англіи и тѣхъ колебаній, какія нѣмцы и французы вызывали въ нашемъ образо ванномъ обществѣ за тотъ-же періодъ времени.

Нѣмцы—наши ближайшіе сосѣди—не перестаютъ до сихъ поръ производить вліяніе на русскую культуру, во всѣхъ направленіяхъ. Они были и теперь еще могутъ считаться посредствующимъ элементомъ между Россіей и западной Европой. Но эти продолжительныя и постоянныя сношенія съ нѣмцами, то болѣе или менѣе добровольное подчиненіе, какое мы оказывали имъ, какъ нашимъ преподавателямъ и воспитателямъ—все-таки же не помышали русскому общественному мнѣнію проходить черезъ большія неровности въ смыслѣ взглядовъ и симпатий.

Нѣмцевъ у насъ не любятъ, не только крайніе «патріоты», но даже и вѣсма космополитически настроенные люди, въ добавокъ обязанные нѣмецкой культурѣ значительной долей своего развитія. Это можно отчасти объяснить положеніемъ двухъ странъ, ихъ ближайшимъ сосѣдствомъ, хотя нѣмцы и русскіе не воевали между собою, какъ извѣстно, съ самой Семилѣтней войны. Тотъ фактъ, что балтійскія провинціи, гдѣ высшіе классы нѣмецкаго происхожденія, были присоединены къ имперіи, въ царствованіе Петра Великаго, а, впослѣдствіи, императрицы Екатерины II, способствовалъ также извѣстному антагонизму между двумя расами, вопреки постояннымъ сношеніямъ и общимъ интересамъ всякаго рода.

На счетъ французовъ и Франціи наше общественное мнѣніе прошло также чрезъ разнообразныя и противорѣчивыя полосы. Увлеченіе французскимъ языкомъ и модами не было у насъ никогда до такой степени преобладающимъ въ среднемъ классѣ, какъ въ высшемъ сословіи; но даже въ дворянскихъ сферахъ, между крупнымъ чиновничествомъ и помѣщичествомъ, гдѣ иностранній стиль жизни чрезвычайно въ ходу — болѣе проницательный наблюдатель, быть можетъ, не нашелъ бы настоящей политической или нравственной *солидарности* между существенными качествами современной французской націи и тѣми *reconsideration*, какія мы видимъ въ нѣкоторыхъ членахъ высшаго класса въ Россіи. Современная Франція — демократическая и свободомыслящая республика. Она обладаетъ уже учрежденіями, обеспечивающими ей въ будущемъ соціальный прогрессъ, между тѣмъ какъ большинство нашихъ патріотическихъ «франкомановъ» проникнуты до сихъ поръ абсолютными принципами, склонны защищать кастовыя чувства и привилегіи и врядъ ли способны действительно оцѣнивать все то, что Франція создала великаго въ политикѣ, наукѣ, искусствѣ и передовыхъ идеяхъ, даже ясно оцѣнивать крупные черты французской исторіи. А съ другой стороны, мы находимъ, и въ писательскихъ, и въ университетскихъ кружкахъ Россіи, на протяженіи всего девятнадцатаго столѣтія, періоды, когда французскія симпатіи бывали вполнѣ или значительно затемняемы нѣмецкими. Мало развитая публика, конечно, продолжала читать популярные французскіе романы, но авторитетъ французской литературной и философской мысли бывалъ иногда сильно колеблемъ. Даже великие французскіе писатели на долгое время впадали въ немилость подъ вліяніемъ нѣмецкихъ и англійскихъ идей и вкусовъ.

Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ отношеніяхъ русскаго либерального общества къ Англіи: ни колебанія мнѣній, ни контрастовъ симпатій и враждебности, ни періодовъ равнодушія или упадка. Напротивъ, мы видимъ постоянный и увеличивающійся ростъ во всѣхъ направленіяхъ. Философія, наука, литература, политика, техническія усовершенствованія британскаго происхожденія — и въ настоящую минуту искольку не менѣе

оцѣниваются въ нашей странѣ, чѣмъ это было десять и двадцать лѣтъ назадъ. Въ русской критической литературѣ такія имена, какъ Бэконъ, Локкъ, Юмъ, Милль, Бокль, Дарвинъ, Шекспиръ, Байронъ, Шелли, Тэккерей, Диккенсъ, Маколей, Джоржъ Эліотъ — никогда не были предметомъ нападокъ со стороны либерального лагеря, который, отъ времени до времени, становился довольно страстно враждебнымъ къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ и французскимъ писателямъ. Въ техническомъ и профессиональномъ дѣлѣ, въ области спорта, фешенебельного изящества и комфорта английское *торговое клеймо* занимаетъ несомнѣнно первое мѣсто. Не только британскіе товары и произведения высоко цѣнятся, но также и тѣ, кто представляетъ собою англійское умѣніе и трудолюбіе въ Россіи: директора фабрикъ, механики всякаго рода, инженеры, моряки, специалисты, завѣдующіе промышленными и торговыми обществами. Если британскія артистическія произведенія до сихъ поръ не цѣнятся въ Россіи какъ-бы стѣдовали — это происходитъ единственно отъ недостатка прямого знакомства съ артистами, которые прославили, въ своемъ отечествѣ, живопись и другія области изящныхъ искусствъ.

Было-бы, по моему, излишнимъ допытываться — въ какой степени характеръ англичанъ, ихъ особенности вообще, симпатичны русскому народу? До сихъ поръ прямая сношенія съ англичанами очень ограничены въ предѣлахъ Россіи, чтобы решить подобный вопросъ въ томъ или иномъ смыслѣ. Правда — известнаго рода опытъ былъ сдѣланъ во время крымской войны. Тѣ, кто присматривался къ сношеніямъ непріятелей, находили, что съ французами мы ладили больше, чѣмъ съ англичанами, что легко объясняется болѣе живымъ характеромъ французовъ. Но не нужно забывать, что мы изслѣдуемъ истинный уровень современного общественного мнѣнія обѣ Англіи, а не то, что могло-бы быть. Спросите какого угодно образованнаго русскаго въ Россіи, какъ тѣхъ, кто составилъ себѣ мнѣніе только пзъ английскихъ книгъ, такъ и тѣхъ, кто имѣлъ прямая сношенія съ англичанами — и вы, конечно, услышите отзывы, которые сводятся къ слѣдующему: англичане — народъ серьезный, честный, добросовѣстный, энергическій, выносливый въ каждомъ дѣлѣ и очень гостепріимный — у себя дома.

Разумѣется, такую оцѣнку не подтвердятъ безусловно всѣ русскіе, какіе сталкивались съ англичанами въ своихъ заграниценныхъ поездкахъ. Мы знаемъ, что есть разница между англичаниномъ дома и за границей, въ особенности когда мы встрѣчаемся съ известнаго рода путешественниками въ дешевыхъ поѣздахъ и въ дешевыхъ та旑льдатахъ. Вѣдь и мы, русскіе, не особенно пріятны, когда съ нами сталкиваются въ вагонахъ или на палубѣ пароходовъ. Такія запинки національного темперамента нельзѧ серьезно брать въ соображеніе. Русскіе прекрасно понимаютъ разницу между истинными качествами и второстепенными или случайными слабостями

ми. Они знаютъ, что англичане, являющіеся изучать нашу страну, дѣлаютъ это обыкновенно съ большой искренностью, въ духѣ терпимости и съ яснымъ пониманіемъ нашего характера и всего того, что нашъ простой народъ и образованные классы имѣютъ хорошаго въ обычаяхъ, чувствахъ и стремленіяхъ.

Изъ новѣйшихъ книгъ путешествій, посвященныхъ Россіи, лучшая—безъ всякаго сомнѣнія—книга сэра Мекензи Уоллеса, который употребилъ семь лѣтъ на изученіе нашего отечества. Онъ, по крайней мѣрѣ, былъ способенъ самъ убѣдиться—въ какой степени русскіе, съ кѣмъ онъ ни сталкивался,—враждебны всему тому, что Англія выработала самаго лучшаго. Онъ могъ-бы также засвидѣтельствовать и то: считали онъ себя до такой-же степени отчужденнымъ, когда попадалъ въ образованную русскую среду: онъ, самъ по себѣ, настоящій коренной англичанинъ. А его экспедиціи по Россіи были въ высшей степени интересны даже и для насъ.

Русскіе всѣхъ классовъ, и особенно наши крестьяне, долго не забудутъ, что въ годину голода англо-саксонская раса выказала себя самой великодушной. Добровольныя приношенія зерномъ и деньгами, прибывшія изъ Англіи и Америки, были замѣчательнымъ доказательствомъ того, какъ два народа саксонской расы понимаютъ настоящее единеніе между цивилизованными народами.

Какія заключенія можно вывести изъ этого краткаго, но существеннаго анализа?

Во-первыхъ, то, что совсѣмъ неразумно смѣшивать тенденціи правительства и официальныхъ сферъ съ независимымъ общественнымъ мнѣніемъ, особенно въ такой странѣ, какъ Россія. Ничто возможное въ политическихъ комбинаціяхъ и даже столкновеніяхъ неизмѣнитъ идей и симпатій, которыя лучшее русское общество вырабатывало себѣ относительно Англіи въ послѣдніе годы.

Во-вторыхъ: Великобританія, соціальная и политическая условія страны, обычай частной и публичной жизни, ея философія, наука, литература, экономическое благосостояніе и т. д.—были и въ настоящую минуту не перестаютъ быть предметомъ самого серьезнаго интереса въ образованныхъ сферахъ Россіи. Въ послѣднія десять лѣтъ эти умственныя и нравственные связи были еще закрѣплены въ силу быстраго развитія въ Англіи общей заботы о рабочемъ людѣ, искренняго желанія высокообразованныхъ классовъ подвинуть культуру народной массы. Ирландскій вопросъ, въ которомъ значительная часть націи проявила такія великодушныя стремленія, способствовалъ также, не въ малой мѣрѣ, созданію добрыхъ чувствъ между либерально мыслящими русскими. Имя «великаго старца», сдѣлавшаго изъ этого вопроса высший моментъ своей политической карьеры, такъ-же популярно среди насъ,

какъ и въ какой-бы то ни было чужой странѣ, а живая симпатія всѣхъ передовыхъ русскихъ къ высокому идеалу этого государственного человѣка и патріота является результатомъ долгаго и молчаливаго процесса, происходившаго въ нѣдрахъ русскаго общества въ теченіе девятнадцатаго вѣка.

Такого рода связь—самая твердая основа для взаимнаго уваженія двухъ великихъ народовъ. Безъ нея нѣтъ просвѣта въ сторону истиннаго человѣчнаго прогресса, какой неминуемо переживетъ всякий временный столкновенія и ложныя толкованія такъ называемаго патріотическаго чувства и международнаго соперничества.

II. Боборыкинъ.

ИСПОВѢДЬ.

Ливи Безантъ.

Конецъ 1883 года прошелъ среди обычнаго тяжелаго труда. Быль объ уничтоженій обязательной присяги быль отмѣненъ, а агитация, возбужденія м-ромъ Брэдло, все разросталась, либеральная пресса склонилась на его сторону. Въ Амстердамѣ состоялся вскорѣ международный конгрессъ, собравшій въ голландской столицѣ многихъ изъ нашихъ единомышленниковъ. Для менѣ лично годъ этотъ представлялъ большой интересъ, такъ какъ я познакомилась тогда впервые съ рабочимъ движениемъ. Я виникала мало до тѣхъ поръ въ экономической основанія соціалистического ученія. Я не была знакома съ соціалистическимъ ученіемъ, такъ какъ изучала только въ молодости англійскихъ экономистовъ старой школы. Въ началѣ февраля мнѣ въ первый разъ попалась въ руки газета, называемая «Justice», въ которой были нападки на м-ра Брэдло.

Весна ознаменовалась двумя событиями—м-ръ Брэдло оить лишился депутатскаго мѣста, вслѣдствіе возобновленнаго постановленія палаты объ его удаленії, и съ торжествомъ вернулся въ палату, избранный въ четвертый разъ 4032 голосами, т. е. значительно возросшимъ съ послѣднихъ выборовъ числомъ избирателей. Другимъ событиемъ было освобожденіе м-ра Фута изъ голландской тюрьмы и его триумфальное возвращеніе домой, устроенное друзьями. 12-го марта ему и его товарищамъ устроены быль торжественный приемъ въ научномъ клубѣ и передано было много подарковъ отъ друзей и сочувствующихъ.

17-го апрѣля въ St. James's Hall, въ Лондонѣ, между м-ромъ Брэдло и м-ромъ Гейдмапомъ произошло публичный диспутъ, побудившій меня серьезно заняться этими вопросами.

Въ это время также я познакомилась съ Джоржемъ Бернардомъ Шо, большинствомъ оригиналомъ въ жизни. Онъ быль гениаленъ въ своемъ искусстве выводить изъ себя энтузиастовъ партій и имѣть особую страсть

выдавать себя за негодия. При моей первой встречѣ съ нимъ на лекціи въ South Place Institute онъ отрекомендовалъ себя «праздношатающимся», и я отозвалась о немъ довольно рѣзко въ «Reformer», потому что праздношатающие были мнѣ неизвестны, и вдругъ я узнаю, что Бернардъ Шо очень бѣденъ, потому что его убѣжденія заставили его предпочитать материальную нужду духовному порабощенію; назвалъ же онъ себя праздношатающимся только потому, что ему безразлично было какого о немъ будуть мнѣнія. Конечно, я извинилась предъ нимъ за свое строгое сужденіе, но почувствовала внутреннюю досаду за то, что онъ провелъ меня. Тѣмъ временемъ я все болѣе отдалась отъ политики и отдавалась все болѣе народному дѣлу. Въ июнѣ я очутилась въ чистѣ протестующихъ противъ билля сэра Джона Леббока, который устанавливала норму въ 12 часовъ—въ день для труда малолѣтнихъ рабочихъ. «12-ти часовой рабочій день—сущее варварство», писала я. «Если законъ признаетъ возможность 12 часовой работы, жизнь сдѣлаетъ это общимъ правиломъ. По моему, законнымъ количествомъ рабочихъ часовъ «должно быть восемь часовъ въ пять дней недѣли и не болѣе пяти часовъ на шестой. Если работа изнурительного свойства, этотъ срокъ слишкомъ большой». Новая окраска моего образа мыслей обнаружилась, когда я стала требовать, чтобы въ народныхъ школахъ дѣтямъ давали есть, потому что иначе они падаютъ подъ двойнымъ бременемъ—обученія и голода.

Въ январѣ 1885 г. появились первые нападки на мое воззрѣніе; они исходили отъ м-ра В. П. Балла, пославшаго въ «Reformer» возраженіе на высказанную мною мысль о снабженіи пищей дѣтей городскихъ школъ. Возникла небольшая полемика, въ которой я отстаивала свой взглядъ, уклоняясь отъ вопроса — соціалистка-ли я по своимъ убѣжденіямъ. Я не рѣшалась припомнить открыто къ соціалистической партии изъ-за ея враждебнаго отношенія къ м-ру Бредло. На его спѣшный, настойчивый характеръ, скрѣпленный въ рѣзко выраженному индивидуализмѣ, доводы молодого поколѣнія не имѣли вліянія. Онъ не могъ измѣнить своихъ воззрѣній изъ-за того, что народилось новое пониманіе жизненныхъ задачъ, и онъ не видѣлъ до чего отличенъ соціализмъ нашихъ дней отъ прежнихъ соціалистическихъ мечтаний о несуществимомъ идеалѣ лучшаго строя общества. Могла ли я рѣшаться на поступокъ, который долженъ былъ привести къ столкновенію съ самимъ дорогимъ другомъ, ослабить глубокую дружбу, такъ давно установленную между нами? Вся моя душа, благодарность, которую я чувствовала къ м-ру Бредло—все возставало противъ мыслей о союзѣ съ тѣми, которые такъ несправедливо поступали относительно него.

Общіе выборы произошли осенью того-же года, и Нордгэмптонъ въ пятый разъ избралъ м-ра Бредло, полагая этимъ конецъ долгой борьбы,

потому что м-ръ Брэдло принесъ присягу, занявъ свое мѣсто при возобновлениі засѣданій въ январѣ; тотчасъ-же затѣмъ онъ внесъ въ палату предложеніе «бills о присягѣ», который давалъ-бы право каждому замѣнить присягу завѣреніемъ истины своихъ словъ. М-ръ Брэдло былъ избранъ большинствомъ голосовъ, чѣмъ когда-либо прежде — 4,315 голосовъ было за него; онъ вступилъ въ парламентъ съ ореоломъ своей громкой борьбы и сдѣлался такимъ образомъ сразу однѣмъ изъ передовыхъ дѣятелей, сила и значеніе котораго были признаны всѣми въ палатѣ. Произошла попытка вновь возбудить протестъ противъ его избранія, но предсѣдатель палаты, м-ръ Пиль, сразу разрушилъ ее. Сэръ Мейкэль, Гиксъ Бичъ, м-ръ Сесиль Райксъ и сэръ Джонъ Геновэй обратились письменно къ предсѣдателю, прося его принять участіе въ проектпруемомъ протестѣ, но м-ръ Пиль отвѣтилъ, что онъ не имѣеть ни власти, ни права не допустить къ присягѣ законно избраннаго члена палаты. Этимъ закончилась шестилѣтняя парламентская борьба, изъ которой побѣдитель вышелъ съ расшатаннымъ здоровьемъ и съ окончательно разстроеннымъ материальными средствами; слѣдствиемъ пережитыхъ волненій была его ранняя смерть. Онъ достаточно долго жилъ, чтобы оправдать свое избраніе, чтобы доказать свое значеніе парламенту и всей Англіи, но умеръ слишкомъ рано, не успѣвъ сдѣлать для своей родины всего того, на что его дѣлали способнымъ его долгая подготовка, большія знанія, отважность и высокая честность.

Я подверглась спѣльнымъ нападкамъ за свою пропаганду со стороны радикальныхъ членовъ партіи свободомыслящихъ и, пересматривая теперь направленія противъ меня въ то время статьи, я вижу, про меня говорили, что во мнѣ «столько-же твердости, какъ въ кувшинѣ съ молокомъ». Тотъ-же любезный критикъ говорилъ, что, по дошедшемъ до него слухамъ, «м-съ Безантъ, какъ большинство жѣнщинъ, занимается свои экономическія идеи отъ знакомыхъ мужчинъ, занимающихся этими вопросами». Я имѣла глупость оправдываться передъ подобнымъ противникомъ, не убѣдившись еще что самозашита прямая потеря времени, которое могло-быть употреблено съ гораздо большей пользой на служеніе другимъ людямъ. Я-бы, конечно, не стала теперь тратить времени на то, чтобы написать слѣдующее: «Съ той минуты, какъ критикъ начинаетъ пользоваться тѣмъ, что авторъ—женщина и этимъ опровергать высказываемыя сю мысли, серьезный читатель понимаетъ, что у критика нѣть болѣе серьезныхъ возраженій. Положительно, все эти глупыя нападки на женскую неспособность къ самостоятельному мышленію и дѣятельности утратили свою силу и на нихъ можно только отвѣтить насмѣшкой надъ безконечнымъ «мужскимъ самодовольствомъ» критика. Могу прибавить, что подобная стрѣлы особенно недѣйствительны противъ меня. Эти слова были излишни, какъ всякая

самозащита, и вызывали, какъ всякое возраженіе, продолженіе полемики. Но еще не пришла пора самообладанія, знающаго истинную цѣну сужденій другихъ людей, безразличнаго къ похвалѣ и къ хулѣ; я еще не знала, что не нужно отвѣтить зломъ на зло, гнѣвомъ на гнѣвъ; я еще не видѣла нравственнаго закона въ словахъ Будды: «ненависть нельзя побѣдить ненавистью; она побѣждается только любовью».

По мѣрѣ того какъ съ наступленіемъ зимнихъ мѣсяцевъ страданія населенія увеличивались, митинги лишенныхъ заработка становились все многочисленнѣе.

Начался 1887 годъ. Соціалисты употребляли всю свою энергію на организацію помощи лишеннымъ заработка; они побуждали разныя общественные учрежденія доставать заработокъ уволеннымъ рабочимъ, вносили въ муниципальные совѣты предложения о томъ, какъ утилизировать продуктивныя силы незанятыхъ рабочихъ, выискивая разныя средства помочь бѣдственному ихъ положенію. Мнеъ пришлось испробовать свою энергию въ четырехдневномъ диспутѣ съ м-ромъ Футомъ и въ письменной полемикѣ съ м-ромъ Брэдло. Напечатанныя отдѣльными брошюрами отчеты о диспутѣ и о полемикѣ съ м-ромъ Брэдло, разошлись въ очень большомъ количествѣ. Серія дневныхъ диспутовъ между ораторами различныхъ партій организована была вскорѣ въ South Place Institute и между мной и Корри Грантомъ произошелъ оживленный споръ, въ которомъ я доказывала, «что существованіе классовъ населенія, живущихъ на незаработаннѣя средства, губительно для общества и должно было бы быть прекращено законодательнымъ порядкомъ». Другой диспутъ произошелъ письменно въ «National Reformer» между пасторомъ Гэндель Роу и мной по вопросу: «имѣть-ли атеизмъ логическія основанія и возможно-ли существованіе атеистической системы, которая-бы руководила нравственной стороной человѣческой жизни». Съ наступающей осенью нищета становилась все грознѣе, такъ что въ сентябрѣ я писала: «несомнѣнно только одно—общество должно заняться рабочими, лишенными возможности заработка. Нѣкоторое развлечениѳ отъ дѣлъ доставлялъ намъ устроившійся въ то время чарингъ-クロскій парламентъ, въ которомъ мы съ большинствомъ рвемся обсуждали «злобы дня». Организована была дружная партія, которая побѣдила либеральное правительство, забрала въ руки бразды правленія и послѣ тронной рѣчи, въ которой королева обращалась къ палатѣ съ неслыханной до того (и послѣ того) простотой и искренностью — мы внесли въ парламентъ нѣсколько биллей истинно героического характера. Бернардъ Шо, въ качествѣ предсѣдателя городскаго управления, и я, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, рѣзко критиковали рѣзкія мѣры правительства.

Слѣдующій изъ моихъ письменныхъ диспутовъ произошелъ въ октябрѣ на тему «о христіанскомъ ученіи», и это была пятая пзъ серій моихъ

ченій и диспутовъ въ эту зиму. Въ томъ-же мѣсяцѣ произошла тяжелая для меня, но необходимая перемѣна: я отказалась отъ очень цѣннаго для меня положенія соредактора «National Reformer», и номеръ отъ 23-го октября появился только за подписью Чарльза Брэдло. Эта перемѣна не имѣла вліянія на мою работу въ газетѣ, но я изъ члена редакціи сдѣлалась только сотрудникѣй. Причины этого шага яснѣ всего изложены мною печатно: «Въ теченіе послѣдняго времени», писала я, «до меня стало доходить все болѣе и болѣе жалобъ съ разныхъ сторонъ, сбивающіхъ съ пути различныя мнѣнія членовъ редакціи по вопросу о соціализмѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я предложила устраниить это осложненіе, отказавшись отъ соредакторства; но мой товарищъ по изданію, съ свойственнымъ ему великодушiemъ, попросилъ меня не дѣлать этого и посмотретьъ, нельзя ли вести дѣло по-прежнему. Но трудность, вмѣсто того чтобы исчезнуть, все увеличивалась, и какой-нибудь исходъ становился неизбѣжнымъ; мы оба чувствовали, что читатели въ правѣ требовать разрѣшенія неопредѣленаго положенія газеты. Расколъ съ м-ръ Брэдло по рабочему вопросу совершился по моей винѣ, а не по его, и поэтому я должна выйти изъ состава редакціи. Во всѣхъ другихъ вопросахъ нашей обширной программы мы сходимся и, вѣроятно, будемъ всегда продолжать смотрѣть одинаково. Перехожу по этому на прежнее положеніе сотрудника, снимая такимъ образомъ съ «National Reformer» всякую ответственность за мои взгляды».

Къ этому м-ръ Брэдло прибавилъ слѣдующее:

«Я считаю почти лишнимъ прибавить къ сказанному выше, какъ глубоко я сожалѣю о необходимости для м-ссы Безантъ отказаться отъ совмѣстнаго со мною веденія журнала, и какъ искренно я скорблю объ ея отказѣ отъ положенія, въ которомъ она оказала такъ много услугъ дѣлу свободомыслія и радикализма. Я надѣюсь, что «National Reformer» не утратитъ въ ней постоянную сотрудницу, содѣйствіе которой крайне драгоценно. Въ теченіе 13-ти лѣтъ эта газета обязана была значительной частью своихъ достоинствъ ея неутомимому плодотворному труду. Я согласенъ съ ней, что изданіе должно имѣть опредѣленное направление, и я считаю эту опредѣленность тѣмъ болѣе необходимой, что каждому сотруднику газеты предоставляется полная свобода пера. Я понимаю и выражаютъ глубокоеуваженіе предъ геронческимъ самоотверженіемъ, вспущившимъ м-ссы Безантъ строки, къ которымъ я прибавляю эти нѣсколько словъ. Чарльзъ Брэдло».

Безконечно тяжело было миѣ порвать связь, за которую я такъ дорого заплатила трипнадцать лѣтъ тому назадъ; но справедливость требовала этого шага. Если приходится принять рѣшеніе, сопряженное съ нравственными страданіями, то долгъ чести требуетъ, чтобы по возмож-

ности брать трудности и страданія на себя, нельзя возлагать жертвы на другихъ или платить выкупъ за себя чужими деньгами. Долгъ чести необходимо должно быть закономъ для человѣка съ стремлениемъ къ идеалу, и нарушение вѣрности этому стремлению есть единственная истинная измѣна въ жизни.

У меня была еще одна причина, побуждавшая меня отдѣлиться отъ м-ра Брэло, но я не рѣшалась назвать ее ему, потому что, съ свойственной ему щепетильностью въ вопросахъ чести, онъ-бы упрямо отказался допустить мой выходъ изъ состава редакціи. Я видѣла перемѣну, произошедшую въ общественномъ мнѣніи, видѣла, какъ постепенно склонились на его сторону либералы, державшіеся прежде вдали отъ него; я знала, что на меня они смотрѣли крайне недружелюбно, и что, если-бы мое участіе въ его дѣйствіяхъ было-бы менѣе замѣтнымъ, ему было-бы гораздо легче слѣдовать своему пути. Въ виду этого, я старалась все болѣе уходить на второй планъ и не сопровождала болѣе м-ра Брэдло на митинги. Я уже не могла быть ему полезной въ его общественной дѣятельности, напротивъ мое сообщничество приносило ему вредъ. Пока онъ былъ отверженнымъ и окруженъ всеобщей ненавистью, я съ гордостью стояла за него; но когда его стали окружать друзья, которые всегда являются вмѣстѣ съ успѣхомъ, я могла быть наиболѣе полезной ему, отстранивъ себя отъ его дѣла. Но всю литературную совмѣстную работу я продолжала попрежнему, и теоретическая разногласія не нарушили его доброго отношенія ко мнѣ, хотя, послѣ послѣдовавшаго вскорѣ присоединенія моего къ теософическому обществу, онъ потерялъ вѣру въ здравость моихъ сужденій.

Въ теченіе того-же октября рабочими, лишившимися заработка, стали устраиваться процессіи по городу и вслѣдствіе излишней строгости полиціи дѣло дошло до нѣсколькихъ столкновеній. Сэръ Чарльзъ Варренъ считалъ своимъ долгомъ разгонять лондонскіе митинги вооруженной спѣлой, подобно тому какъ это дѣлается префектами континентальныхъ городовъ, и непрѣбѣжимъ результатомъ его образа дѣйствій было возникновеніе враждебнаго чувства между народной массой и полиціей.

Наконецъ, мы сформировали оборонительную лину для помощи бѣднымъ рабочимъ, которыхъ привлекали къ суду и осуждали только на основаніи показаній полиції; сам-же они не имѣли никакой возможности обратиться къ законнымъ средствамъ защиты. Я организовала для подобныхъ случаевъ общество состоятельныхъ людей, которые обѣщали являться каждый разъ, когда ихъ вызовутъ по телеграммѣ, будь то днемъ или вечеромъ, и, внеся залогъ, брать на поруки всякаго изъ рабочихъ, арестованныхъ за пользованіе всегда существовавшимъ правомъ устраивать процессіи и говорить на митингахъ. Беру одинъ примѣръ: арестованы были м-ръ Берлей, извѣстный военный корреспон-

дентъ, и м-ръ Винксъ, обвиняемые въ подстрекательствѣ народа къ мятежу; вмѣстѣ съ ними взять быть и рабочій Найтъ. Я пошла въ полицейскій комиссаріатъ и предложила залогъ за Найта. Начальникъ полиціи Гоуардъ согласился взять залогъ за Берлея и Винкса, но не за Найта. На слѣдующій день, въ полицейскомъ управлениі потребовали за Найта неправдоподобно большой залогъ въ 400 ф. ст. Эта сумма доставлена была моими вѣрными союзниками, и въ слѣдующемъ засѣданіи прокуроръ м-ръ Палендъ отказался отъ обвиненія въ виду отсутствія достаточныхъ показаній. Вскорѣ запрещено было устройство митинговъ на Трафальгаръ-скверѣ и приняты были неожиданно крутая мѣры.

Мнѣ пріятно вспомнить при этомъ случаѣ, съ какимъ сочувствіемъ м-ръ Брэдло отнесся къ нашей тяжелой борьбѣ съ полиціей, и слѣдующая выписка изъ его газеты показываетъ, съ какимъ великолѣпіемъ онъ умѣлъ признавать заслуги тѣхъ, которыешли по иному пути, чѣмъ онъ: «Такъ какъ я недавно выказалъ очень существенное разногласіе», писалъ онъ, «съ моей смѣлой и преданной дѣлу союзницей, и такъ какъ это разногласіе сдѣлалось еще болѣе замѣтнымъ вслѣдствіе ея выхода изъ состава редакціи, то я чувствую тѣмъ большую потребность выразить ей мое сочувствіе въ настоящую минуту. Я безконечно благодаренъ ей не только за организацію защиты жертвамъ полиціи, но и за ея ежедневная посѣщенія полицейскихъ участковъ и тюремъ, где она значительно повлияла на улучшеніе обращенія съ заключенными съ одной стороны и на успокоеніе раздраженія съ другой. Я не могу сказать, что считаю подобное занятіе подходящимъ для женщины дѣломъ, особенно среди лондонской зимы, но долженъ выразить свое мнѣніе, что дѣйствовала она великодушно и принесла громадную пользу. Я особенно настаиваю на этомъ именно потому, что взгляды м-ссы Безантъ и моя еще болѣе разошлись, чѣмъ я, это считалъ возможнымъ, въ принципіальныхъ вопросахъ, составляющихъ основу борьбы, которая становится все болѣе и болѣе серьезной». Чарльзъ Брэдло всегда обнаруживалъ подобную широту взглядовъ и готовность признавать достоинства даже въ людяхъ, идущихъ противъ его принциповъ.

Негодованіе толпы возрастило; полицію старались бойкотировать, при чёмъ тактическое и сдержанное поведеніе толпы не давало никакого по-вода прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Наконецъ, положеніе полиціи сдѣлалось невыносимымъ и торійское правительство почувствовало недружелюбность лондонского населенія; сэръ Чарльзъ Варренъ былъ тогда смѣщенъ и его замѣнило болѣе распорядительное лицо.

ГЛАВА XIII.

Чрезъ штормъ къ миру.

Среди всѣхъ этихъ треволненій и душевной борьбы окрѣпло братство, въ которомъ таился завѣтъ лучшихъ дней. М-ръ Стэдъ и я сдѣлались близкими друзьями; онъ и я проникнуты были общею любовью къ человѣку и общей ненавистью къ притѣснителямъ. Я писала по этому поводу въ «Our Corner» за февраль 1888 г. слѣдующее:

«Въ послѣднее время у людей, очень различныхъ по своимъ теологическимъ взглядамъ, возникла мысль объ образованіи новаго братства, въ которомъ никто не считался бы чужимъ, кто не отказывается работать въ пользу человѣчества. Неужели достиженіе подобнаго идеала только мечта энтузіаста? Но вѣдь мы видѣли, какъ люди, такъ сильно расходящіеся между собой въ вопросахъ религіозныхъ, дружно работали въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ надъ тѣмъ, чтобы помочь жертвамъ наспѣя и поднять въ нихъ духъ. Общая цѣль заставила всѣхъ насъ согласно работать, и развѣ это не доказываетъ, что существуетъ связь, которая сильнѣе антагонизма, и объединяющая идея, которая глубже разъединяющіхъ теорій».

Какъ безсознательно приблизжалась я къ теософіи, которая должна была увѣнчать мою жизнь въ моемъ слѣпомъ исkanіи братскаго союза. Братство это было уже создано «старшими братьями» нашей расы, и къ ихъ ногамъ мнѣ суждено было броситься въ скоромъ времени. Какъ глубоко было во мнѣ стремленіе къ чему-нибудь болѣе высокому, чѣмъ все видѣнное до того, какъ сильно было мое убѣждѣніе, что есть нечто великолѣпное, къ которому приводить служеніе людямъ, это видно изъ другого мѣста въ той-же статьѣ:

«Многіе думали, что въ наши дни фабрикъ и желѣзныхъ дорогъ, фальсификацій и подѣлокъ, жизнь можетъ идти только ровнымъ, будничнымъ шагомъ и что сіяніе идеала уже не можетъ озарить сѣраго горизонта современной жизни. Но много симптомовъ показываютъ, что въ человѣческихъ сердцахъ пробуждается героизмъ старинныхъ вѣковъ. Страстная жажда справедливости и свободы, волновавшая душу великихъ людей прошлаго, находить въ настѣ живой откликъ и по-прежнему волнуетъ сердца людей. Все еще жива вѣчная притягательная сила св. Граля, но ищащіе не поднимаютъ болѣе глазъ къ небу, не ищутъ по морямъ и въ далекихъ странахъ, потому что они знаютъ, что удовлетвореніе божественнаго стремленія лежитъ въ страданіи, окружающемъ ихъ со всѣхъ сторонъ, что святыня таится въ мукахъ страдающихъ, доведенныхъ до отчаянія бѣдняковъ. Если правда, что бываетъ вѣра, сдвигающая горы невѣжества и зла, то это вѣра въ конечное торжество истины и спра-

ведливости; она только одна придаетъ цѣну и смыслъ жизни и освѣщаетъ самыя мрачныя тучи отчаянія свѣтлой радугой безсмертной надежды».

Какъ шагъ къ началу объединенія людей, готовыхъ работать на пользу человѣчества, мы Стѣдѣ и я основали недѣльную газетку въ испанска, «The Link». Направленіе ея ясно изъ стѣдующаго эпиграфа, взятаго изъ Виктора Гюго: «Народъ застылъ въ молчаніи. Я буду толкователемъ этого молчанія. Я буду говорить за нѣмыхъ. Я буду говорить великимъ людямъ о маленькихъ сильныхъ—о слабыхъ... Я буду говорить за всѣхъ, кто полонъ отчаянія и молчитъ. Я объясню ихъ глухой ропотъ, ихъ вздохи, объясню внезапныя волненія толпы, смутно выраженные жалобы и всѣ звѣрскіе крики, которые издаєтъ человѣкъ въ своемъ невѣжествѣ и среди мутъ... Я буду глашатаемъ народа, я все скажу».

«Мы хотимъ,—сказано было въ первыхъ номерахъ.—найти въ каждой деревушкѣ, на каждой улицѣ хоть одного человѣка, мужчину или женщину, которые посвятили бы время и трудъ служенію людямъ съ той-же готовностью и систематичностью, съ которой многіе относятся къ тому, что считаютъ служеніемъ Богу». Каждую недѣлю появлялся номеръ маленькой газетки, вносившій лучъ истины въ окружающій мракъ. Тамъ предавались огласкѣ мелкие факты, характеризующіе несправедливость къ народу. Мы писали объ эксплоататорскихъ цѣнахъ на женскій трудъ, о жертвахъ «sweating system», о томъ, какъ заканчивателю сапогъ платили 2 ш. 6 п. за дюжину паръ сапогъ, при чемъ нитки и лакъ были на его счетъ, какъ женщины работали по $10\frac{1}{2}$ часовъ въ день надъ сорочками «fantaisie», получая отъ 10 п. до 3 ш. за дюжину; нитки и иголки они должны были покупать сами и кромѣ того еще платить за газь, за полотенце при умываніи рукъ и за чай, который они обязаны были брать у хозяйки. Ихъ недѣльный заработка колебался такимъ образомъ между 4—10 шиллингами. Мастерица верхняго платья зарабатывала $2\frac{1}{2}$ шилл. въ недѣлю, и изъ нихъ 6 пенсовъ уходило на прикладъ. Мы отмѣчали также случаи судебнаго преслѣдованія честныхъ трудящихся безъ устали женщинъ за покушенія на самоубійство въ принадкѣ отчаянія отъ вѣчной нужды. Другой стороной нашей дѣятельности была защита фермеровъ отъ несправедливостей землевладѣльцевъ, разоблаченія скандаловъ, происходящихъ въ рабочихъ домахъ, защита борьбы объ отвѣтственности хозяевъ, образованіе инспекціонныхъ кружковъ, члены которыхъ слѣдили въ своихъ участкахъ за всѣми случаями жестокаго обращенія съ дѣтьми, вымогательства, негигіеничнаго содержанія мастерскихъ и т. п. и дѣлали мнѣ обѣ этомъ доклады. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ помогалъ Гербертъ Берреусъ, который примкнулъ ко мнѣ во время столкновенія въ Трафальгарѣ и который написалъ нѣсколько горячихъ статей въ «Link». Онъ страстно былъ преданъ народному дѣлу, ненави-

видѣть насилие и несправедливость, работая съ неустанной энергией, страдая изъ-за зла, противъ котораго онъ не видѣлъ средствъ. Весь его характеръ отразился въ словахъ, которыя онъ сказаль въ бреду, спитая себя умирающимъ: «Скажите народу», просилъ онъ окружающихъ, «какъ я его любилъ всегда».

Мы заботились также о доставленіи обѣдовъ дѣтямъ. «Если мы началяемъ на образованіи дѣтей, то необходимо позаботиться и объ ихъ пищѣ. Не дѣля этого, мы даемъ имъ познанія, которыя они не могутъ ассимилировать, и мучимъ многихъ изъ нихъ прямо до смерти. Мы загоняемъ несчастныхъ дѣтей въ школы и заставляемъ ихъ учиться; ихъ грустные, пытливые глаза спрашиваютъ: зачѣмъ мы причиняемъ это новое странное страданіе и вносимъ новую муку въ ихъ грустное существованіе. «Почему не оставить насть въ покой?» жалобно спрашиваютъ терпѣливыя маленькия личинки. И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы этого не сдѣлать, если для этихъ маленькихъ трущобныхъ мучениковъ общество имѣеть только формулы, а не пищу». Мы вели пропаганду противъ «дешевыхъ товаровъ», потому что они добываются путемъ эксплоатации и ограбленія рабочихъ». «Этическіе принципы покупателя должны быть самыми простыми. Намъ нуженъ извѣстный предметъ и мы не хотимъ ни получить его, какъ подарокъ, ни уворовать его. Для того-же, чтобы получить его не воруя, не принимая милостыни, мы должны дать за него взамѣнъ что-нибудь одинаковое по цѣнности. Столько-то труда нашего ближняго вложено было въ изготошеніе нужной намъ вещи; если мы не дадимъ ему что-нибудь по цѣнѣ равное его труду, и возьмемъ его работу, мы грабимъ его и, не желая давать должную цѣну за его трудъ, мы не имѣемъ права на продуктъ его труда».

Эта отрасль нашей дѣятельности привела вскорѣ къ серьеznой борьбѣ, закончившейся блестящими результатами. На одномъ засѣданіи фабіанского общества миссъ Клементина Блэкъ прочла прекрасную лекцію о женскомъ труде и подала мысль основать «союзъ потребителей», члены котораго дадутъ слово покупать только у продавцевъ, не эксплоатирующихъ своихъ рабочихъ. Въ послѣдовавшихъ за лекціей преніяхъ Г. Г. Чемпіонъ обратилъ вниманіе на жалованье рабочихъ на спичечной фабрикѣ Брайанта и Мэя; владѣльцы ея выплачивали такие дивиденты что акціи, выпущенные вначалѣ по 5 ф. ст., поднялись до $10\frac{1}{2}$. Гербертъ Берреусъ и я свидѣлись съ нѣсколькими работницами, добыли списки жалованій, штрафовъ и т. д. Мы увидѣли, что въ большинствѣ случаевъ работницы были 16-ти-лѣтнія дѣвушки, работающія поштучно: зарабатываетъ такая дѣвушка шиллинга четыре въ недѣлю и живеть обыкновенно съ сестрой, которая работаетъ на той-же фабрикѣ и «имѣеть хороший заработокъ въ 8 или 9 шиллинговъ въ недѣлю». Изъ этихъ денегъ 2 шил. въ недѣлю платятся за наемъ одной комнатки. Младшая

дѣвушка питается чаемъ и хлѣбомъ съ масломъ на завтракъ и обѣдъ, но, какъ одна изъ нихъ намъ рассказывала съ сияющими глазами, разъ въ мѣсяцъ она бываетъ на обѣдѣ, «гдѣ даютъ кофе, хлѣбъ съ масломъ и варенье, и много всего этого». Мы опубликовали эти факты подъ заглавиемъ «бѣлокожіе рабы въ Лондонѣ» и уговаривали бойкотировать спички Брайанта и Мэя. «Пора уже, чтобы кто-нибудь вступилъ за насъ», сказали мы двѣ блѣднолиція дѣвушки на фабрикѣ. Я писала по этому поводу слѣдующее въ своей газетѣ: «Да кто захочетъ помочь? Многіе сочувствуютъ хорошему дѣлу, но не захотятъ сдѣлать усилия, чтобы способствовать ему и тѣмъ болѣе рисковать чѣмъ нибудь для него. «Нужно чтобы кто-нибудь сдѣлалъ это, но почему именно я?» повторяетъ большинство этихъ благожелателей. — «Кому-нибудь нужно начать дѣйствовать, почему-же *не* мы?» — вотъ что думаетъ человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ хочетъ помочь людямъ и съ готовностью берется за всякое трудное дѣло. Между этими двумя фразами лежать цѣлые вѣка нравственной эволюціи».

Мы угрожали возбужденіемъ преслѣдований за подстрекательство, но изъ этого ничего не вышло; гораздо легче было выместить злобу на работницахъ. Черезъ нѣсколько дней на Fleet Street явилась толпа работницъ спичечной фабрики, и стала вызывать изъ редакціи Анни Безантъ. Я не могла обратиться къ нимъ съ рѣчью на улицѣ и попросила, чтобы ко мнѣ поднялась депутациѣ и объяснила, что имъ отъ меня нужно. Вошли три женщины и объяснили въ чемъ дѣло: имъ предлагали подписываться подъ бумагой, свидѣтельствующей о томъ, что они довольноны существующими на фабрикѣ порядками и что мои показанія ложны. Они отказались подписываться. «Вы за насъ заступились», объяснила одна изъ женщинъ, — «и мы не откажемся отъ васъ». Одной изъ работницъ, зачинщицѣ протеста, пригрозили отказомъ отъ работы; она не сдалась. На слѣдующій день ее уволили подъ какимъ-то пустячнымъ предлогомъ, и тогда 1,400 работницъ бросили свои мѣста; часть ихъ отправилась спросить у меня, какъ имъ теперь поступать. Въ послѣдовавшій затѣмъ двѣ недѣли Гербертъ Беррингтонъ и я работали болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни. Намъ удалось поднять цѣлую бурю. Мы открыли подиумы и деньги полились къ намъ рѣкой; мы составили списокъ прекратившихъ работу дѣвушекъ, платили имъ жалованье на время стачки, писали статьи, подняли клубы, устраивали митинги, убѣдили м-ра Брэдло сдѣлать интерpellацию въ парламентѣ, организовали комитеты, въ которыхъ акціонеры были членами, и вся Англія принимала живое участіе въ перипетіяхъ нашей кампаніи. М-ръ Фредерикъ Чаррингтонъ далъ намъ залу для регистраціи участующихъ въ стачкѣ, м-ръ Сиднэй Веббъ и другіе привлекли на нашу сторону National Liberal Club; мы отправились съ большой депутациѣ отъ работницъ въ парламентъ и бесѣдо-

вали тамъ съ нѣсколькими членами парламента, которые подробно разспрашивали дѣвушекъ. Послѣднія держали себя великолѣнно, ни одна не отставала отъ подругъ и въ теченіе всей стачки онѣ обнаружили большую выносливость и бодрость духа. М-ръ Гобардъ, членъ соціал-демократической федераціи, Шо, Блэндъ, Оливеръ и Гедлэмъ, фабіанцы, миссъ Клементина Блэкъ и еще многіе другіе содѣйствовали успѣху нашего дѣла. Лондонскій цеховой совѣтъ (Trades Council) согласился, наконецъ, взять на себя посредничество по этому дѣлу и этимъ путемъ достигнуты были благопріятные результаты: работницы возобновили работу, всякая денежная взысканія были уничтожены, и цѣна за трудъ поднялась. Основанъ былъ союзъ работницъ на спичечныхъ фабрикахъ, и до сихъ поръ онъ считается среди женскихъ рабочихъ союзовъ однимъ изъ самыхъ спльныхъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ я была секретаремъ союза до тѣхъ поръ, пока подъ бременемъ другихъ обязанностей мнѣ не пришлось отказаться отъ должности секретаря и меня замѣстила м-съ Торнтонъ Смитъ; Гербертъ Берреусъ продолжаетъ до сихъ поръ состоять казначеемъ союза. Одно время существовали несогласія между фирмой Брайанта и Мэя и союзомъ, но они скоро сгладились. подъ дѣйствіемъ здраваго смысла у обѣихъ сторонъ; директоръ фабрики выказалъ готовность выслушивать всякую справедливую жалобу и по возможности устранять причины неудовольствія; сами-же владѣльцы фабрики дѣлали щедрые взносы въ клубъ работницъ въ Боу, основанный Е. П. Блаватской.

Болѣе всего пострадали во время стачки изготавлили спичечныхъ коробочекъ, лишенныя работы. Имъ платили по $2\frac{1}{2}$ пенса за сотню коробочекъ и изъ этого нужно было еще покупать матеріаль для работы. Конечно, отъ такой платы они не богатѣли, но когда и эта работа исчезла, имъ стала угрожать прямо голодная смерть. Какіе ужасы приходилось намъ видѣть, когда мы отправлялись вечеромъ, по окончаніи дневного труда, въ окрестности Бетналь-Грина: на подстилкахъ изъ стружекъ тамъ лежали дѣти, обвернутыя въ лохмотья. На ихъ дѣтскихъ лицахъ въ широко раскрытыхъ глазахъ женщины голодъ наложилъ свою печать; о голодѣ свидѣтельствовали дрожащи руки мужчинъ. Дѣлалось жутко, глядя на нихъ, и все громче звучалъ вопросъ: «гдѣ лѣкарство противъ скорби, гдѣ путь спасенія для міра?» Въ августѣ я стала пропагандировать устройство рисовального класса для работницъ на спичечныхъ фабрикахъ. «Тамъ намъ нужно будетъ имѣть фортепіано», писала я, «столы для газетъ, для игръ, для беллетристики. Такимъ образомъ создалось-бы свѣтлое уютное убѣжище для дѣвушекъ, не имѣющихъ ни дома, ни мѣста для игры, кромѣ улицы. Мы не хотимъ основать «пріюта» съ строгой дисциплиной и навязываніемъ правилъ приличія, а организовать клубъ, гдѣ господствовало-бы товарищеское отношеніе и свобода, основанная на сознаніи собственнаго достоинства, т. е. та атмосфера, кото-

рую испытать всякий, живший въ родной семье, но которая—увы—такъ чужда многимъ дѣвушкамъ лондонского пшѣ-энда. Въ августѣ же мѣсяцѣ, по двумя годами позже, Е. П. Блаватская основала такой «home» для работницъ.

Послѣ того обратились къ намъ за помощью изготавители жестяныхъ ящиковъ въ южныхъ кварталахъ Лондона; ихъ штрафовали самыми незаконными образомъ и, кромѣ того, они постоянно подвергались увѣчьямъ изъ-за дурного содержанія машинъ на фабрикахъ; затѣмъ пришлося вступаться за приказчиковъ въ лавкахъ и ограждать ихъ отъ произвольныхъ штрафовъ; продолжались также массами рабочіе процессы, для которыхъ мы подыскивали защитниковъ и добывали залоги. Сильная агитация о доставленіи иници дѣтямъ въ школахъ, обѣ увеличеній жалованій служащимъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденіяхъ, заступничество за рабочихъ на докахъ и изложеніе ихъ безъисходнаго положенія; посѣщеніе изготавителей цѣпей въ Cradley Heath, бесѣды съ ними, статьи о нихъ въ газетахъ, избирательная борьба по поводу выборовъ въ училищный совѣтъ, победа на этихъ выборахъ — таковы были дѣла, среди которыхъ прошла осень; къ этому присоединилось еще множество лекцій — соціалистическихъ, экономическихъ и атеистическихъ — и масса статей, которыя я писала для того, чтобы прокормить себя. Когда къ этому прибавилась работа въ училищномъ совѣтѣ, я почувствовала, что больше ничего брать на себя не въ силахъ.

Среди всѣхъ этихъ событий, приблизился незабвенный для меня 1889 годъ...

З. Венгерова.

Объединение суда и судебный языкъ.

Въ разное время бывають разныя реформы. Въ одно время ждуть однѣхъ реформъ, въ другое—другихъ. Когда ждали судебной реформы въ началѣ 60-хъ годовъ, то ждали именно Судебныхъ Уставовъ, построенныхъ на тѣхъ общихъ началахъ и тѣхъ общихъ идеяхъ, «несомнѣнное достоинство коихъ признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ» *). Когда было объявлено о началомъ теперь пересмотрѣ Судебныхъ Уставовъ, то всѣ ждали такой ихъ «націонализациі», которая могла угрожать лежащимъ въ ихъ основаніи общимъ идеямъ и общимъ началамъ. На этотъ счетъ недоумѣнія и опасенія такъ обострились, что было признано необходимымъ официально объявить о томъ, что при пересмотрѣ начала Судебныхъ Уставовъ не будутъ нарушены. Тотъ восторгъ, съ которымъ было встрѣчено это заявленіе, ясно свидѣтельствуетъ о наиболѣе вѣроятномъ направлениі и своевременности предпринятой реформы. Общую радость вызвало заявленіе о томъ, что сохранившіяся гарантіи правосудія не будутъ подвергнуты нарушенію. Разъ начала Судебныхъ Уставовъ не будутъ нарушены, то и это хорошо, а о большемъ—де теперь и думать не приходится! На какое-либо дальнѣйшее усовершенствованіе судоустройства и судопроизводства въ духѣ общихъ культурныхъ идей особыхъ надеждъ не возлагается. Наоборотъ, всѣ сознаютъ, что въ данное время пересмотръ Судебныхъ Уставовъ можетъ сопровождаться такими уступками, которыхъ если и не будутъ противорѣчить духу времени, то едва-ли будутъ отвѣтывать общимъ идеямъ, признаннымъ наукою и опытомъ европейскихъ государствъ.

*.) Въ Высочайшемъ повелѣніи 1862 г. (число неизвѣстно) было сказано: «изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи».

Перечислить и предусмотрѣть возможныя уступки не легко. Списокъ разныхъ уступокъ, допущенныхъ въ отправленіи правосудія со времени изданія Судебныхъ Уставовъ до нашихъ дней, отличается уже достаточнай полнотой. Такимъ образомъ, до извѣстной степени, быть можетъ, является утѣшительнымъ тотъ фактъ, что въ длинномъ спискѣ измѣнений и дополненій къ Судебнымъ Уставамъ осталось очень мало места для дальнѣйшихъ уступокъ. Въ этомъ отношеніи встрѣченное съ восторгомъ заявленіе о сохраненіи началь Судебныхъ Уставовъ требовало и требуетъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ поясненій. Начала Судебныхъ Уставовъ уже нарушены во многихъ и многихъ основныхъ пунктахъ. Крайнее ограниченіе компетенціи суда присяжныхъ, устраненіе несмѣняемости судей, уничтоженіе мировой юстиціи — все это уже совершившіяся события. Если при предпринятой судебнай реформѣ имѣется въ виду сохранить въ Судебныхъ Уставахъ то, что еще не подверглось нарушенію, то съ этой задачей справляться не трудно. Однако, дальнѣйшее ненарушеніе Судебныхъ Уставовъ едва-ли можно отождествлять съ сохраненіемъ началь Судебныхъ Уставовъ. Это, во-первыхъ, Во-вторыхъ, едва-ли возможно вести рѣчь о ненарушимости началь Судебныхъ Уставовъ, уже настолько нарушенныхъ, что для дальнѣйшаго ихъ нарушенія оставалось-бы развѣ устранить гласность и возстановить теорію формальныхъ доказательствъ. Ненарушимость началь Судебныхъ Уставовъ при предпринятомъ ихъ пересмотрѣ можетъ быть понимаема лишь въ смыслѣ устраненія допущенныхъ нарушеній и дальнѣйшаго развитія и упроченія тѣхъ началь и ідей, которыми руководствовались составители Уставовъ. Заявлению о сохраненіи началь Судебныхъ Уставовъ, напр., отвѣчало-бы распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на всѣ безъ исключенія уголовныя преступленія, обложенные болѣе или менѣе тяжкими наказаніями, несмотря на то, что нѣкоторые виды этихъ преступлений составители Судебныхъ Уставовъ отнесли къ компетенціи суда съ участіемъ словесныхъ представителей. Такое распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на тѣ преступленія, для которыхъ составители Уставовъ создали особый судъ съ участіемъ словесныхъ представителей, являлось-бы развитіемъ и упроченіемъ началь Судебныхъ Уставовъ: оно устраивало-бы отклоненіе отъ этихъ началь, допущенное составителями Уставовъ по противорѣчивымъ мотивамъ и вопреки тѣмъ идеямъ, которыми они вообще руководствовались. Въ такомъ чрезвычайно сложномъ и новомъ дѣлѣ, какое выпало на долю составителей Судебныхъ Уставовъ, нѣкоторая невыдержанность и въ нѣкоторыхъ случаяхъ непослѣдовательность являются вполнѣ понятными и непрѣбѣжными. Пересмотръ Уставовъ, въ видахъ сохраненія ихъ началь, и долженъ выразиться въ охраненіи этихъ началь, т.-е. въ строгомъ и послѣдовательномъ ихъ проведеніи. Такая охрана началь Судебныхъ Уставовъ должна выразиться *въ обединеніи правовъ*.

судія распространениемъ компетенціи суда присяжныхъ на всѣ преступленія, признаваемыя болѣе или менѣе тяжкими.

Распространеніе компетенціи суда присяжныхъ на всѣ преступленія, обложенные болѣе или менѣе тяжкими наказаніями, дѣйствительно являлось-бы первымъ и самымъ важнымъ шагомъ для объединенія суда въ Имперіи. Тѣ принципіальная соображенія, въ силу которыхъ всѣ преступленія, обложенные болѣе или менѣе тяжкими карами, должны быть отнесены къ компетенціи суда присяжныхъ, стоять въ условій времени и мѣста. Покойный А. М. Унковскій справедливо утверждалъ, что «судъ присяжныхъ годится одинаково для всѣхъ народовъ и для всѣхъ степеней развитія» *). Существующая у насъ мода на разныя «соображенія» съ условіями мѣста и времени превратила судоустройство и судопроизводство въ рядъ исключений и изъятій изъ общаго порядка. Этотъ общий порядокъ, хотя въ немъ и проглядываютъ культурныя идеи и начала, очень мало ощущается въ жизни. Онъ, въ свою очередь, сведенъ на степень исключенія и изъятія въ ряду цѣлой сѣти другихъ исключений и изъятій. Въ результатѣ «соображенія» съ условіями мѣста и времени привели къ тому, что установился настоящій хаосъ разныхъ формъ судоустройства и судопроизводства. По соображеніямъ съ условіями времени для уголовныхъ преступленій, взамѣнъ одного суда присяжныхъ, въ одной и той-же части Имперіи установлены: судъ коронный, судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, судъ военный и судъ присяжныхъ. По соображеніямъ съ условіями мѣста, въ однѣхъ частяхъ территории по дѣламъ уголовнымъ дѣйствуетъ только судъ коронный, въ другихъ широкое примѣненіе получаютъ военные суды, въ третьихъ дѣйствуютъ и судъ коронный, и судъ присяжныхъ, и судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, и судъ военный. Устраненіе этого хаоса формъ судоустройства и судопроизводства, несомнѣнно, отразилось-бы весьма благотворно на интересахъ правосудія. Однако, не всякое объединеніе суда оказалось-бы благотворнымъ для интересовъ правосудія. Распространеніе военного и коронного судовъ на всѣ уголовныя преступленія, признаваемыя болѣе или менѣе тяжкими, во всѣхъ частяхъ территории являлось-бы объединеніемъ суда для формы и вопреки интересамъ правосудія. Объединеніе-же суда по дѣламъ уголовнымъ въ интересахъ правосудія можетъ быть достигнуто только тогда, когда для всѣхъ дѣяній, признаваемыхъ болѣе или менѣе тяжкими уголовными преступленіями, будетъ *сюду* установленъ судъ присяжныхъ. Только одинъ судъ общественной совѣсти можетъ объединить судооправленіе въ интересахъ правосудія на всей территории и по всѣмъ видамъ дѣяній, признаваемыхъ тяжкими уголовными преступленіями.

*.) Джаншіевъ, А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ, приложеія, стр. 6-я.

Предъ общественной совѣтствомъ, какъ главнымъ факторомъ правосудія, должны стущеваться разныя «соображенія», которыя могли-бы затормазить объединеніе суда въ интересахъ судебной правды. У насъ часто слышатся заявленія о «національномъ русскомъ» судѣ и о служеніи суда «русскому дѣлу» на окраинахъ. Такъ понимаемое объединеніе суда въ Имперіи неизбѣжно ведеть къ признанію государственного языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Многіе, если не большинство, склонны понимать весь вопросъ объ объединеніи суда въ смыслѣ отправленія правосудія на одномъ государственномъ языкѣ. Нѣть спора, отправленіе правосудія представителями общественной совѣтстви на одномъ языкѣ на всей территоріи какого-либо государства является весьма важнымъ удобствомъ. Однако, нѣкоторыя государства отрѣзали себѣ путь къ справедливому использованію такими удобствами. Нѣкоторыя государства присоединили къ себѣ не мало разныхъ народностей и должны считаться съ этимъ фактомъ, который не можетъ быть вмѣняемъ въ вину самимъ присоединеннымъ народностямъ. Тутъ приходится или приносить интересы правосудія въ жертву формальному объединенію судоотправлениія при помощи одного государственного языка, или объединить судъ на началахъ отправленія правосудія представителями общественной совѣтстви, на какомъ-бы языкѣ ни выражалась этой совѣтстви. Въ Польшѣ, въ прибалтийскихъ губерніяхъ и т. д. немыслимо введеніе суда присяжныхъ при отправленіи правосудія на государственномъ языкѣ, недоступномъ для населения, изъ которого должны вербоваться присяжные засѣдатели. Слѣдовательно, объединеніе суда въ интересахъ правосудія немыслимо при признаніи государственного языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Понимающіе объединеніе суда въ смыслѣ исключительного господства въ судахъ одного государственного языка, оставаясь въ предѣлахъ интересовъ правосудія, должны были бы доказать, что самъ по себѣ государственный языкъ есть хранитель и источникъ суда по совѣтстви и правдѣ. Признавать такую силу за языкъ нельзя вообще и за государственнымъ въ частности. Онъ еще недавно, 25 лѣтъ тому назадъ, въ судахъ служилъ искаженной совѣтстви, отправленію кривосудія и нарушенію правды. Государственный языкъ слѣдуетъ оберегать отъ возвращенія на этотъ старый путь. Сторонники объединенія суда при помощи государственного языка какъ-то тутъ примиряютъ все это съ уваженіемъ къ родному языку. Всякій, относящійся съ уваженіемъ къ отечественному языку, предпочтеть его господство въ интересахъ правды на маленькомъ пространствѣ, чѣмъ преобладаніе его на громадной территоріи, вопреки интересамъ правосудія. Интересы-же этого правосудія пострадаютъ отъ объединенія суда при помощи государственного языка уже вслѣдствіе указанной невозможности объединить уголовное судоотправление подчиненіемъ его *всюду* представителямъ общественной совѣтстви. Но сторони-

ники объединенія суда при помощи государственного языка идуть дальше и судебную его службу явно расширяютъ за предѣлы правосудія и во-преки его интересамъ. Всѣ заявленія о національномъ русскомъ судѣ и «службѣ суда русскому дѣлу» не требуютъ особаго разъясненія, но сводить счеты съ ними въ наши дни необходимо. Они служатъ основными посылками въ пользу объединенія суда при помощи государственного языка и указываютъ на цѣли такого объединенія. Съ этихъ двухъ сторонъ мы и должны разобрать заявленія о національно-русскомъ судѣ и его службѣ «русскому дѣлу».

Прежде всего было-бы желательно знать, что слѣдуетъ разумѣть подъ національнымъ судомъ вообще и русскимъ національнымъ судомъ въ частности? Безспорно, существуютъ суды французскіе, нѣмецкіе и англійскіе, и такое ихъ название оправдывается главнымъ образомъ тѣмъ, что они отправляютъ правосудіе на нѣмецкой, французской и англійской терроріяхъ. Но мѣрѣ того, какъ отправленіе суда усовершенствуется въ интересахъ все большаго и большаго достижениія справедливости, оно все болѣе и болѣе становится интернаціональнымъ. Интересы правосудія, какъ и сама правда, вездѣ одни и тѣ-же, и достигаются они одними и тѣми-же средствами и способами. Было-бы странно приспособлять судъ къ національнымъ особенностямъ, а не къ интересамъ правосудія. Судъ, какъ и правда, интересамъ которой онъ служить, не можетъ имѣть національныхъ особенностей. Судъ не можетъ быть ни національно-русскимъ, ни національно-французскимъ, а долженъ быть только судомъ правосуднымъ. Поставивъ себѣ идеаломъ стремленіе къ тому, чтобы судъ въ Россіи былъ національно-русскимъ, «патріоты» требуютъ того, что непримиримо съ стремленіемъ къ прогрессу страны вообще и къ усовершенствованію правосудія въ частности. Ссылка на то, что судъ на всей терроріи долженъ быть отправляемъ на государственномъ языкѣ потому, что судъ во что бы то ни стало долженъ быть національно-русскимъ, не выдерживаетъ никакой критики. Такая аргументація въ сущности сводится къ тому, что пусть-де судъ будетъ даже кривосуднымъ, но лишь бы онъ былъ національно-русскимъ и отправлялся на одномъ государственномъ языкѣ. Высшимъ оправданіемъ для такого суда является службеніе его «русскому дѣлу». Однако, было-бы интересно знать, какую услугу такое объединеніе суда можетъ оказать «русскому дѣлу»? Приглашеніе суда на путь служенія «русскому дѣлу» окажеть плохую услугу и русскому дѣлу и русскому суду. Русскій судъ, состоящій на службѣ не у правосудія, а у «русско-го дѣла», потеряетъ право называться судомъ. Патріотамъ слѣдовало-бы дать себѣ ясный отчетъ о тѣхъ цвѣтахъ, въ которые выкрасится въ глазахъ мѣстного населенія «руssкое дѣло», если ему начнетъ служить судъ. Пусть они задумаются надъ взглядами мѣстного населенія на тотъ русскій судъ, который будетъ служить

прежде всего русскому дѣлу, а потомъ правдѣ. Очевидно и судъ, и «русское дѣло» будутъ окончательно дискредитированы среди мѣстного населенія. Слѣдовательно, заботы о какомъ-то русскомъ національномъ судѣ и его служеніи русскому дѣлу вообще являются чрезвычайно опасной игрой и могутъ принести существенный вредъ интересамъ такъ называемой окраинной политики.

Можно какими угодно «соображеніями» оправдывать принудительное распространеніе государственного языка, но нельзя возлагать такое распространеніе языка на судъ, да еще въ интересахъ служенія суда «русскому дѣлу». Какими соображеніями можно было бы оправдать принудительное отиправленіе правосудія на одномъ государственномъ языкѣ, мы, право, не знаемъ. Превращать судъ въ орудіе распространенія государственного языка, во всякомъ случаѣ, значитъ навязывать суду задачи, не имѣющія ничего общаго съ его прямымъ призваніемъ. Насколько-же принудительное распространеніе какого-нибудь языка, вынужденіе населенія къ отказу отъ самаго естественнаго наслѣдія предковъ, можетъ со-впадать съ задачами конца XIX вѣка,—объ этомъ свидѣтельствуютъ громкіе протесты русскихъ газетъ противъ австрійской политики въ славянскихъ земляхъ. Отъ души раздѣля эти протесты, мы напомнимъ русскимъ газетамъ, что Австрія уже сдѣлала много отступленій отъ принудительного распространенія государственного языка. Государственный языкъ тамъ уже утратилъ свое значеніе единственнаго школьнаго и судебнаго языка. Однако, образованіе и судъ отъ такой ненаціональной политики никакъ не пострадали въ славянскихъ земляхъ.

При всѣхъ этихъ уступкахъ въ пользу мѣстныхъ нарѣчій, судъ въ Австріѣ всетаки болѣе объединенъ, чѣмъ въ Россіи, несмотря на ея явное стремленіе сдѣлать государственный языкъ единственнымъ судебнымъ языкомъ. Отказавшись отъ государственного языка, какъ единственного судебнаго языка, Австрія вступила на путь объединенія суда въ интересахъ правосудія, т. е. такого объединенія суда, которое выражается и скрѣпляется признаніемъ одной общественной совѣсти главнымъ и единственнымъ факторомъ правосудія. Если-бы Австрія строго проводила политику формального объединенія суда при помощи государственного языка, то ей не удалось бы объединить правосудіе въ имперіи повсемѣстнымъ введеніемъ суда присяжныхъ, какъ не удастся такое объединеніе суда и въ Россіи при признаніи государственного языка единственнымъ судебнымъ языкомъ. Въ однѣхъ частяхъ имперіи будетъ функционировать судъ присяжныхъ, въ другихъ его не будетъ, такъ какъ мѣстное населеніе не можетъ сознательно участвовать въ отиправленіи правосудія на языкѣ ему чуждомъ. Это раздробленіе судоотиправленія при настоящей его «націонализациі» приводитъ къ другому еще болѣе важному раздѣленію территоріи въ судебнѣмъ отношеніи. Въ однѣхъ частяхъ терри-

ториі нормальнымъ порядкомъ является отправление суда при прямомъ и непосредственномъ участіі тяжущихся, обвиняемаго, обвинителя и судей, въ другихъ частяхъ террорії, наоборотъ, нормальнымъ порядкомъ является отправление правосудія по переводамъ и при помощи переводчиковъ.

Конечно, безъ переводчиковъ отправление правосудія немыслимо во многихъ случаяхъ, но дѣло идетъ не о случаяхъ. При признаніи государственного языка единственнымъ судебнымъ языкомъ, десятки миллионовъ народа, сгруппированныхъ въ определенныхъ частяхъ террорії, неизбѣжно будутъ смотрѣть на судебныя учрежденія, творящія судъ на чуждомъ языку, какъ на учрежденія имъ чуждыя. Никакая сила не въ состояніи измѣнить этого чувства отчужденія отъ суда, творящаго правосудіе на чуждомъ языку. Задачи окраинной политики, если только такая политика вообще можетъ претендовать на принципіальное оправданіе, тутъ, какъ мы уже сказали, много проиграютъ и ничего не выиграютъ. Интересы-же правосудія, для которыхъ только и существуютъ суды, тутъ отодвигаются уже на второстепенное мѣсто. Стоитъ задуматься надъ такимъ положеніемъ, когда среди десятковъ миллионовъ населения, представляющихъ цѣлый государства правосудіе отправляется почти исключительно по переводамъ и при помощи переводчиковъ! Насколько страдаютъ интересы правосудія въ томъ случаѣ, когда обвиняемый и свидѣтели лишаются возможности давать показанія на языку судьямъ понятномъ и объясняются съ ними только при помощи переводчиковъ! Всякому пзвѣстно различіе между оригиналомъ и переводомъ, но тутъ это различіе въ слабой степени отѣняетъ дѣйствительное положеніе дѣла. Вѣдь судъ по совѣсти и правдѣ весь основанъ на внутреннемъ убѣждениіи суды, которое складывается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ процесса и такихъ впечатлѣній, которыя или утрачиваются или искаются при веденіи процесса черезъ переводчиковъ. Суды мало-по-малу отвыкаютъ отъ разрѣшенія дѣль, основанного на внутреннемъ убѣждениіи, и все больше и больше привыкаютъ къ разбирательству и разрѣшенію дѣль на основаніи формальныхъ доказательствъ. Судъ чрезъ переводчиковъ, когда онъ становится нормальнымъ и постояннымъ, непрѣменно ведеть къ возстановленію теоріи формальныхъ доказательствъ на громадномъ пространствѣ среди многочисленнаго населения.

Конечно, все это отстоитъ слишкомъ далеко отъ ідей и началь, лежащихъ въ основаніи Судебныхъ Уставовъ. Судебные Уставы слишкомъ враждебно относятся къ суду на основаніи формальныхъ доказательствъ. Они признаютъ судъ только на основаніи живого внутренняго убѣжденія суды, которое вытравляется при постоянномъ, мертвеннемъ веденіи процесса чрезъ переводчиковъ. Единственною задачею уголовнаго

процесса судебные уставы признаютъ *только открытие истины*. Всѣ тормазы на пути къ достижению этой единственной цѣли уголовнаго правосудія должны быть устраниены. Судебные Уставы, какъ справедливо замѣтилъ г. Переходовецъ, требуютъ, чтобы «открытие истины не обусловливалось ни малѣйшимъ наспіемъ надъ обвиняемымъ, чтобы уголовный процессъ не заключалъ въ себѣ ни малѣйшаго слѣда инквизиціоннаго процесса, чтобы обвиняемому были представлены *всѣ способы* къ оправданію. Словомъ, гуманное отношеніе къ обвиняемому съ замѣчательно строгою послѣдовательностью проведено отъ начала до конца въ уставѣ уголовнаго судопроизводства... И здравый смыслъ и законъ въ числѣ способовъ, предоставляемыхъ обвиняемому для оправданія, *первое мѣсто* отводятъ тому, чтобы обвиняемый *понималъ, разумѣль* все то, что совершаются судебнми органами въ видахъ раскрытия истины отъ начала возникновенія до конца процесса. Очевидно для каждого, что безъ разумѣнія, безъ яснаго и точнаго пониманія показаній свидѣтелей и рѣчей обвинителя,—обвиняемый далеко не можетъ воспользоваться всѣми способами для оправданія, а слѣдовательно при такихъ условіяхъ совершенно теряется характеръ состязательнаго процесса, равноправность обвиняемаго и обвинителя падаетъ; выступаетъ предъ судомъ лишь одно обвиненіе. Первымъ и самыемъ главнымъ, самыемъ существеннымъ средствомъ для уразумѣнія и пониманія обвиняемымъ того, что совершаются судомъ, является безспорно *языкъ*. Не разумѣя языка суда, а въ особенности языка свидѣтелей,—обвиняемый не можетъ воспользоваться не только «всѣми», но, пожалуй, и ни однимъ способомъ для оправданія. Въ этомъ случаѣ даже самый блестящій защитникъ не пополнитъ недостатка, потому что самая суть дѣла никому лучше обвиняемаго не можетъ быть извѣстна» *).

Мы преднаамѣренно приводимъ эту длинную цитату, а именно въ тѣхъ видахъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ утрировкѣ и натяжкахъ при выясненіи того, какъ въ принципѣ Судебные Уставы относятся къ вопросу о судебнмъ языкѣ. Судебные Уставы въ принципѣ подчиняютъ разрѣшеніе этого вопроса интересамъ истины и интересамъ обвиняемаго. Постоянное веденіе уголовныхъ процессовъ на языкѣ чуждомъ свидѣтелямъ и обвиняемому является кореннымъ ступеніемъ отъ идей и принциповъ, лежащихъ въ основаніи Судебныхъ Уставовъ. Поэтому распространеніе Судебныхъ Уставовъ на окраины и веденіе процессовъ на языкѣ чуждомъ местному населенію никогда не можетъ быть признано введеніемъ Судебныхъ Уставовъ на окраинахъ. Оно можетъ быть признано введеніемъ процесса по Судебнымъ Уставамъ вопреки

*) «О малорусскомъ языкѣ въ судѣ», см. «Юридический Вѣстникъ», за 1881 годъ, стр. 525—526.

этими самыми Судебными Уставами. Судъ по меньшей мѣрѣ, странный, хотя быть можетъ, онъ и имѣлъ бы полное право на признаніе его национальнымъ русскимъ судомъ.

Нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что такой национально-русскій судъ сице недавно не пользовался въ офиціальныхъ сферахъ никакимъ престижемъ. По поводу такого национально-русскаго суда еще не такъ давно въ разныхъ комиссіяхъ велись горячіе споры путемъ сложной переписки, дачи отзывовъ, составленія докладовъ, проектовъ и контроль-проектовъ. Если не ошибаемся, впервые «послѣ отрезвленія отъ увлеченій» Судебными Уставами, вопросъ о судѣ и языкѣ горячо дебатировался въ комиссіяхъ, разрабатывавшихъ и обсуждавшихъ проекты о введеніи Судебныхъ Уставовъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Эти проекты о распространеніи на Прибалтійский край Судебныхъ Уставовъ переживали не мало фазисовъ и не мало потребовалось времени на обсужденіе одного вопроса о введеніи въ краѣ мировыхъ судебныхъ установлений. Языкъ и тутъ подать поводъ къ разногласіямъ. Графъ Паленъ проектировалъ установить слѣдующія правила: 1) всѣ жалобы и просьбы могутъ быть приносимы на русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, 2) словесное разбирательство происходитъ на томъ изъ вышеозначенныхъ языковъ, который понятенъ для участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ и для подсудимаго. 3) если относительно языка, на которомъ должно происходить разбирательство, будетъ заявлено возраженіе отъ сторонъ или подсудимаго, то разбирательство происходитъ: по гражданскимъ дѣламъ—на томъ языкѣ, который понятенъ отвѣтчику, а по уголовнымъ—на томъ, который наиболѣе понятенъ подсудимому. Эти правила графа Палена не встрѣтили особаго сочувствія при разсмотрѣніи ихъ въ комиссіи. Комиссія полагала, что «прежде всего надлежитъ оградить соответствующее значеніе русскаго языка, какъ языка государственнаго, не стѣсняя впрочемъ мѣстного населенія, недостаточно знакомаго съ русскою рѣчью. и для сего постановить, что въ мировыхъ судебныхъ установленихъ прибалтійскихъ губерній при изложеніи протоколовъ, рѣшеній и приговоровъ, независимо отъ русскаго, допускается употребленіе и нѣмецкаго языка. Сторонамъ, участвующимъ въ дѣлѣ, предоставляется представлять словесныя объясненія и подавать прошенія, кромѣ русскаго, на нѣмецкомъ или на мѣстномъ языкѣ». Такимъ образомъ, несмотря на искреннее желаніе оградить «соответствующее значеніе» государственного языка, комиссія все-таки отдала предпочтеніе интересамъ правосудія, допустивъ въ судѣ мѣстный языкъ и мѣстная нарѣчія (эстонское и латышское). Комиссія понимала, что охрана «соответствующаго значенія» государственного языка, доведенная до нарушенія интересовъ правосудія, являлась бы дискредитированіемъ и государственного правосудія, и государственного языка. Однако, комиссія все-таки пришивала охраненію

государственного языка къ функциямъ суда, для котораго единственной функцией является охрана интересовъ правосудія. Въ государственномъ совѣтѣ эта тенденція комиссіи была подмѣчена. Заключенія комиссіи разсматривались государственнымъ совѣтомъ въ началѣ 1880 г., при чёмъ было постановлено соотвѣтствующую статью редактировать слѣдующимъ образомъ. «Просьбы и жалобы по дѣламъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судебныхъ установлений, относящіяся къ послѣднимъ письменнымъ доказательства, а также словесныя заявленія и объясненія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ передъ мировыми судьями и съѣздами, показанія свидѣтелей и окольныхъ людей и заключенія свѣдущихъ людей могутъ быть представляемы какъ на русскомъ, такъ равно и на нѣмецкомъ языке и мѣстныхъ нарѣчіяхъ (эстонскомъ и латышскомъ). При изложеніи мировыми судьями и съѣздами протоколовъ рѣчиеній и приговоровъ, равно какъ въ исполнительныхъ листахъ, независимо отъ русского языка допускается употребленіе и нѣмецкаго языка. Повѣстки, а равно копии съ протоколовъ и другихъ бумагъ мирового суды или съѣзда, въ случаѣ требованія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, должны быть выдаваемы соотвѣтственно ихъ желанію, на одномъ изъ означенныхъ языковъ и нарѣчій. По дѣламъ, перенесеннымъ въ сенатъ или судебную палату, кассационныя и иные жалобы и прошенія, а равно отзывы и протесты прокуроровъ излагаются на русскомъ, а относящіяся къ симъ дѣламъ протоколы и другія бумаги мировыхъ судебныхъ установлений, въ случаѣ составленія ихъ на лѣмѣцкомъ языке, должны сопровождаться переведомъ на русскій языкъ» *).

Эта редакція статьи свидѣтельствуетъ о томъ, что государственный совѣтъ отводилъ мѣстному языку и мѣстнымъ нарѣчіямъ гораздо большее мѣсто, чѣмъ то допускала комиссія въ своихъ заключеніяхъ. Г-нъ Ремдуль явно выражаетъ свое неудовольствіе по поводу такихъ уступокъ государственному совѣту въ ущербъ значенію государственного языка **). Мы, конечно, не видимъ тутъ никакихъ уступокъ, вредныхъ для государственного языка. Наоборотъ, государственный совѣтъ, на сколько могъ, настолько и защищалъ престижъ государственного языка. Государственный совѣтъ не согласился съ тѣмъ, чтобы государственный языкъ въ глазахъ мѣстного населения приобрѣлъ славу одного изъ тягчайшихъ тормазовъ къ правильному отправленію правосудія. Можно лишь сожалѣть о томъ, что такая точка зренія на взаимное отношеніе между престижемъ государственного языка и интересами правосудія не была проведена послѣдовательно. Государственный совѣтъ, охраняя престижъ государственного языка, перечислилъ не мало бумагъ и судебныхъ

*) Ремдуль. Нѣмецкіе суды въ Прибалтійскомъ краѣ наканунѣ ихъ упраздненія. См. „Юридический Вѣстникъ“, октябрь и ноябрь 1887 г.

**) Ibid. Ноябрь, стр. 424.

актовъ, которые въ интересахъ правосудія должны быть освобождены отъ обязательного изложенія ихъ на языкѣ чуждомъ мѣстному населенію. Въ результатѣ получился компромиссъ, не гарантирующей въ достаточной степени ни престижъ государственного языка, ни интересы правосудія. Не вступая на путь такихъ вредныхъ компромиссовъ, слѣдовало-бы оставаться вѣрнымъ тому основному началу, что интересы правосудія и престижъ государственного языка одинаково требуютъ, чтобы правосудіе не отправлялось на языкѣ чуждомъ мѣстному населенію. Вместо длинной статьи съ разными перечисленіями получилась-бы весьма краткая, определенная и вполнѣ мотивированная статья, въ которой было-бы сказано, что ограждая престижъ государственного языка и интересы правосудія, необходимо вести всѣ судебныя дѣла во всѣхъ стадіяхъ процесса на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Переводы-же и переводчики допускаются только для дѣлъ, перенесенныхъ въ сенатъ или судебную палату. Въ сенатъ и судебную палату переносятся сравнительно не много дѣлъ. При узаконеніи такого порядка для массы населенія въ дѣлахъ, связанныхъ съ его интересами и стоянновеніями, правосудіе отправлялось-бы, если можно такъ выразиться, въ подлинникѣ, а не въ переводѣ. Ответчикъ и истецъ, подсудимый и свидѣтели дѣйствительно участвовали-бы въ процессѣ съ полнымъ разумѣніемъ всего того, что происходит при разбирательствѣ дѣль. Въ добавленіе къ этому оставалось-бы пожелать, чтобы и суды получили возможность исполнять свои обязанности съ полнымъ разумѣніемъ.

Вопросъ о судьяхъ, дѣйствующихъ съ полнымъ разумѣніемъ, встрѣчаетъ благосклонное къ себѣ отношеніе даже на страницахъ нѣкоторыхъ русскихъ «курсовъ» по уголовному судопроизводству. Отечественные учёные со свойственной имъ «трезвостью» и не безъ нѣкотораго величія иногда роняютъ слѣдующія пять словъ: *судья долженъ знать местное наречіе*. Нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ исключенія, быть можетъ, пдутъ и дальше, но было бы отрадно, если бы до общаго сознанія дошла та простая истина, что судья долженъ знать мѣстное нарѣчіе. Судья, отправляющійся творить правосудіе среди населенія, съ языкомъ или нарѣчіемъ кого-либо онъ незнакомъ, является какимъ-то недоразумѣніемъ. Населеніе не можетъ на него смотрѣть, какъ на своего судью, а будетъ признавать его заѣзжимъ, командированнымъ чиновникомъ. Судья, въ свою очередь, будетъ чувствовать себя заѣзжимъ, чужимъ человѣкомъ, такъ какъ между нимъ и населеніемъ неѣть даже той простой и элементарной связи, которая устанавливается общностью языка. Такая отчужденность между судьями и населеніемъ не можетъ быть признана благопріятнымъ или безразличнымъ условіемъ для интересовъ правосудія вообще и въ частности для престижа хотя-бы того-же національно-русского правосудія. Быть можетъ, многие признаютъ, что отчужденность между судьями и на-

селеніемъ, доходящая до явной вражды, является полезной для независимости судей. Но вѣдь судья въ своихъ рѣшеніяхъ прежде всего зависитъ отъ своего собственного настроения и своего господствующаго чувства въ отношеніяхъ къ тому населенію, изъ рядовъ котораго выступаютъ предъ нимъ истцы, ответчики, подсудимые, свидѣтели и т. д. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, судья, судящій по переводамъ и всецѣло зависящій въ своемъ пониманіи всѣхъ обстоятельствъ и оттѣнковъ дѣла отъ перевода и переводчиковъ, не можетъ похвалиться своей особой независимостью. Все это, конечно, только добавочная соображенія въ пользу одного и того-же принципіального рѣшенія вопроса. Разъ, вообще, правосудіе можетъ быть отправляемо только на языкѣ, понятномъ мѣстному населенію, то и суды должны выбираться изъ лицъ, знакомыхъ съ мѣстнымъ языккомъ или мѣстнымъ нарѣчіемъ.

Такой порядокъ вполнѣ отвѣчалъ бы духу Судебныхъ Уставовъ. Судебные Уставы мѣстнымъ нарѣчіямъ и мѣстному простонародному языку открываютъ широкій просторъ въ интересахъ все той же судебной правды. Начиная съ допроса обвиняемаго при производствѣ предварительного слѣдствія, составители Уставовъ позаботились о томъ, чтобы языкъ не служилъ помѣхой къ открытію истины. При снятіи допроса съ обвиняемаго судебнымъ слѣдователемъ, какъ сказано въ ст. 409 Уст. уг. суд., «показанія обвиняемаго записываются въ первомъ лицѣ, собственными его словами, безъ всякихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій. Слова и выраженія простонародныя, жестныя или не совсѣмъ понятныя объясняются въ скобкахъ». Такимъ образомъ, введеніе предварительного слѣдствія на мѣстномъ и простонародномъ нарѣчіи прямо является обязательнымъ для судебнаго слѣдователя, который и долженъ быть знакомъ съ мѣстнымъ говоромъ и мѣстнымъ нарѣчіемъ. Судебный слѣдователь не можетъ потребовать отъ обвиняемаго, чтобы онъ давалъ показанія на государственномъ языкѣ, а не на мѣстномъ нарѣчіи. Такое требование онъ не можетъ предъявить, ссылаясь на то, что онъ не знаетъ и не обязанъ знать мѣстное нарѣчіе. Ст. 409 считаетъ такое знакомство слѣдователя съ мѣстнымъ нарѣчіемъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Такое же знакомство съ мѣстнымъ нарѣчіемъ предполагается и у предсѣдателя суда. Въ ст. 614 Уст. уг. суд. сказано: «по дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ участвуютъ присяжные засѣдатели, предсѣдатель суда обращаетъ особенное внимание на то, чтобы они воспользовались всѣми средствами для обстоятельного разсмотрѣнія дѣла и, по требованію ихъ, дасть имъ надлежащія объясненія въ простыхъ и понятныхъ для нихъ словахъ». Присяжные всегда имѣютъ право потребовать отъ предсѣдателя, чтобы онъ разъяснилъ имъ то, чего они не понимаютъ, на понятномъ и привычномъ для нихъ мѣстномъ нарѣчіи. Будучи обязанъ всѣчески содѣйствовать тому, чтобы присяжные воспользовались всѣми

средствами для обстоятельного разсмотрѣнія дѣла, предсѣдатель, незнакомый съ мѣстнымъ, обычнымъ для присяжныхъ нарѣчіемъ, не удовлетворялъ бы ясному требованію ст. 614-й и былъ бы не на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, выраженіе статьи «всѣми средствами» обязываетъ предсѣдателя содѣйствовать тому, чтобы возможно большая часть всего процесса прошла предъ присяжными на обычномъ для нихъ нарѣчіи.

Всѣ эти ясныя и вполнѣ справедливыя требованія Судебныхъ Уставовъ теперь совершенно игнорируются на практикѣ. Судебный персоналъ теперь проявляетъ явное и не скрываемое пренебреженіе къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Раньше-же смотрѣли болѣе трезво и болѣе правдиво на значеніе языка для открытия судебнай правды. Такъ, до второй половины 70-хъ годовъ малороссийскій языкъ свободно допускался на судѣ. Всякому извѣстно, что для крестьянъ-малороссовъ, настоящій русскій, а въ особенности «русскій юридическій» языкъ непонятенъ и недоступенъ. Судь долженъ быть считаться съ этимъ фактомъ въ виду какъ прямого и яснаго смысла ст. 409 п 614 Уст. уг. суд., такъ и въ виду общаго духа и смысла Судебныхъ Уставовъ, ставящихъ открытие истины выше всего. «Уваженіе къ языку обвиняемаго и свидѣтелей, независимо отъ требованій закона,—говорить г. Переходовецъ,—вызывалось на практикѣ, гдѣ личнымъ благородствомъ и безпристрастiemъ предсѣдателя, а гдѣ неумолимою силой вещей. Вѣдь на югѣ Россіи массу въ процентномъ отношеніи и обвиняемыхъ и свидѣтелей составляютъ малороссы—простолюдины; какъ же тутъ быть, если и обвиняемые и свидѣтели не понимаютъ вопросовъ прокурора, а иногда и самого защитника? или если прокуроръ и судь съ трудомъ и не всегда точно понимаютъ, а лишь воображаютъ, что понимаютъ обвиняемаго и свидѣтелей? Конечно, надо обратиться къ языку понятному, народному—малорусскому» *). Но со второй половины 70-хъ гг. суды почему-то отступили отъ духа и смысла судебныхъ уставовъ и стали изгонять малороссийскій языкъ. Допросъ свидѣтелей на понятномъ для нихъ нарѣчіи былъ признанъ неумѣстнымъ. Если защитникъ пытался разъяснить дѣло, предлагая свидѣтелямъ вопросы на обычномъ, родномъ для нихъ малороссийскомъ языке, то предсѣдатель немедленно его останавливалъ, дѣлалъ внушенія и приглашалъ употреблять «общепонятный русскій языкъ». Изгнаніе малороссийскаго языка изъ судовъ въ малороссийскихъ мѣстностяхъ, само собою понятно, сопровождается печальными исторіями, которыя не имѣли-бы мѣста, если-бы суды придерживались духа и смысла Судебныхъ Уставовъ. Засѣданіе суда происходитъ при такой обстановкѣ, что суды съ одной стороны, а свидѣтели и подсудимые съ другой—говорятъ на разныхъ языкахъ. Вотъ предъ вами появляется свидѣтельница, опоздавшая въ судъ. Предсѣда-

*) Ibid.

тель предлагаетъ ей объяснить причины несвоевременной явки въ засѣданіе суда. Свидѣтельница отвѣчаетъ на малороссийскомъ языке, что она старалась своевременно явиться, но, отправившись въ городъ «всю ночь блудила». Судь былъ смущенъ такой излишней откровенностью свидѣтельницы. Вся сцена разыгралась только благодаря тому, что слово «блудила» на малороссийскомъ значить сбилась съ дороги и не имѣть никакого отношенія къ 7-й заповѣди. Вотъ вамъ разбирается въ судѣ крупное дѣло о кражѣ со взломомъ. На судебному слѣдствіи обвиняемый заявляетъ, что онъ «видѣвши закрутку, выштовъ въ хисму». Прокуроръ произноситъ громовую рѣчь, доказывая, что самъ обвиняемый признался въ кражѣ со взломомъ, заявивъ, что «онъ выворотилъ и скрутилъ запоръ у дверей». Защитникъ, ни слова не понимавшій по малороссийски, не возражаетъ противъ такихъ вольныхъ переводовъ г. прокурора. Тогда предсѣдатель сталъ выяснять, что «закрутка» не есть ни замокъ, ни запоръ и что кражи со взломомъ быть не могло. На этотъ разъ дѣло кончилось благополучно, но нерѣдко процедура сводится къ явной опасности попасть въ Сибирь. Два пастуха сложенный въ кучу камышъ скормили скотомъ и, чтобы скрыть слѣды *потравы*, остатки сожгли. Собственникъ камыша потребовалъ вознагражденія за потраву и получилъ его въ размѣрѣ 3 р. Дѣло кончилось благополучно, но урядникъ—великий законникъ—составилъ актъ «объ умыщенномъ поджогѣ кургана зеленаго тростника». Пастуховъ стали обвинять по 1614 ст. Уложенія о наказаніяхъ, которая угрожаетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на поселеніе. На судѣ и въ обвинительномъ актѣ обвиненіе поддерживалось ссылкой на показанія самихъ обвиняемыхъ, что они подожгли курганъ тростника, который былъ «сготовленъ», т. е. приготовленъ. На самомъ дѣлѣ обвиняемые утверждали, что тростникъ ими былъ «сголованъ». Защитникъ пояснилъ, что и слѣдователь и прокуроръ неправильно поняли слово «сголованъ», которое въ переводе на государственный языкъ значить скормленъ, съѣдѣнъ. Камышъ «сголованъ», т. е. скормленъ скотамъ, и, такимъ образомъ, не оставалось «имущества», которое подлежало бы истребленію; были сожжены негодные недоѣдные остатки. Послѣ такихъ разъясненій прокуроръ отказался отъ обвиненія.

Кто же виноватъ въ такихъ слишкомъ рискованныхъ обвиненіяхъ? Прокуроры, суды и слѣдователи? Пожалуй, они виноваты въ томъ, что отправились творить судь среди населенія, съ языкомъ котораго они не знакомы. Однако, они пошли туда не по своей доброй волѣ, а по назначению. Г. Переходовецъ, изъ замѣтки котораго мы позаимствовали приведенные факты, совершенно основательно заключаетъ, что «невозможно обвинять за такие промахи самого добросовѣстнаго прокурора или слѣдователя. Но страдающая свобода обвиняемыхъ винитъ за себя

къ тѣмъ, которые должны принимать во внимание этнографические условия при назначенияхъ на судебные должности. Интересы правосудия, справедливости и нравственности вопиютъ за себя къ тѣмъ, которые такъ очевидно нарушаютъ законъ, не допуская при допросахъ народного языка. Что можетъ быть ужаснѣе и преступнѣе: лишеніе человѣка свободы, затѣмъ угроза каторгою, а, пожалуй, и самая каторга, за что? только за то, что, вопреки человѣческому и юридическому закону, народный языкъ изгнанъ и практикуется непониманіе «общепонятнаго русскаго языка» *)

Быть можетъ, эта странная практика и установилась по недоразумѣнію, но устраненіе ея необходимо въ интересахъ сохраненія правды и ненарушимости Судебныхъ Уставовъ, тѣмъ болѣе, что и препятствій къ тому никакихъ не имѣется. Вполнѣ возможно и должно назначать судей, сообразуясь съ этнографическими условиями. Суды изъ мѣстныхъ уроженцевъ всегда будутъ понимать мѣстный языкъ. Только такая система назначеній и можетъ отвѣтить призванию и назначению судьи. Судьи, незнакомые съ мѣстнымъ языкомъ, съ мѣстными нравами и обычаями и съ міровоззрѣніемъ мѣстнаго населенія, не могутъ быть настоящими судьями по совѣсти и убѣждѣнію. Если чиновники, появляющіеся на службѣ въ мѣстностяхъ имъ совершенно чуждыихъ, не являются пріобрѣтеніемъ для населенія и задачѣ администраціи, то вѣдь между судьей и канцелярскимъ чиновникомъ существуетъ крупная разница. Судья долженъ пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ населенія, которое можетъ внушать только свой человѣкъ и которое въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть завоевано пришельцемъ, обладающимъ рѣдкими и выдающимися достоинствами. «Рѣдкихъ» же людей очень мало и на нихъ нельзя разсчитывать при замѣщеніи многочисленныхъ судебныхъ должностей.

М. Стиваль.

*) Ibid.

Сердечные мотивы.

I.

Въ душѣ моей, счастіемъ бѣдной,
И къ счастію жадной,
Твой смѣхъ отозвался рыданьемъ,
Твой смѣхъ безпощадный.
И съ болью я думалъ: отнынѣ
Какъ жить и что будетъ,
Когда ни обиды, ни страсти
Душа не забудеть?
И вдругъ въ моей памяти вѣрной
Лицо твое встало,
И чувствъ непонятныхъ сліянье
Его оживляло.
Глаза твои въ небо глядѣли,
Глаза херувима,
Уста улыбались безопасно
И неумолимо.
И такъ несказанно прекрасно
Лицо твое было,
Что сердце и страсть, и обиду,
И все позабыло.

II.

Волна.

Нѣжно-безстрастная,
Нѣжно-холодная,
Вѣчно подвластная,
Вѣчно свободная.
Къ берегу лѣнущая,
Томно-ревнивая,
Въ море бѣгущая,
Вольнолюбивая.
Въ безднѣ рожденная,
Смертью грозящая,
Въ небо влюбленная,
Тайной манящая,
Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

Н. Минскій.

„Наяда“.

Крупное и быстрое волнение неслось навстрѣчу и наскось куреу «Наяды». Ея медленный ходъ, ея порывистая и неровная качка показывали, что въ настоящую минуту она боролась. На фонѣ сѣрыхъ неба и воды чернѣлъ тонкій и высокій мостики, а на немъ въ свою очередь чернѣло нѣсколько человѣческихъ силуэтовъ. Четверо изъ нихъ съ видимымъ усилиемъ ворочали штурвалъ, около—двоє сигнальщиковъ неустанно изслѣдовали чрезъ подзорныя трубы всѣ точки однообразнаго, сѣраго горизонта, и впереди всѣхъ старшій офицеръ, еще молодой, но уже начинающій тяжелѣть, сутуловатый блондинъ, съ короткой густой бородой, хмуро смотрѣлъ на кипѣвшее море, и всѣми чувствами опытнаго моряка сосредоточился на той массѣ желѣза, которая находилась у него подъ ногами.

Шорывистыя взмахи «Наяды» дѣйствовали губительно на ея ржавый и износившійся корпусъ. Давно она уже не находилась въ окружавшей теперь ея обстановкѣ, и опасенія старшаго офицера раздѣлялись всѣми людьми на этомъ высокомъ мостики, хотя этого и нельзя было замѣтить, глядя на ихъ коричневыя, теперь словно окаменѣвшія лица. Только одинъ изъ нихъ, молодой безусый мичманъ, отличался отъ всѣхъ въ этомъ отношеніи. Онъ съ упорной безпечностью не замѣчалъ общаго настроенія, какъ это можно было заключить по той независимой щеголеватости въ манерахъ, съ которой онъ иногда пытался прохаживаться по мостику.

Было сѣ҃ко. Осеній вѣтеръ давалъ себя знать, заставляя ежиться отъ холода. Старшій офицеръ взялъ трубу, положилъ ее на плечо матроса и сталъ высматривать впередъ и вправо, гдѣ висѣла темная туманная полоса, походившая на дымъ прошедшаго парохода. Тамъ по его расчетамъ уже давно долженъ быть открытъся маякъ. Но маякъ не открывался и въ головѣ у офицера копошились невеселыя предчувствія относительно своей «Наяды».

И дѣйствительно, всякий, кому приходилось видѣть «Наяду» невольно поражался несоотвѣтствиемъ такого поэтическаго имени съ дѣйствительной ея наружностью. Даже и люди, смотрѣвшіе на нее съ точки зрѣнія морскихъ вопросовъ дня,—и тѣ находили виѣшность ея лишь необыкновенной. Впрочемъ, такихъ наблюдателей оставалось уже немногого. Вотъ уже минуло 30 лѣтъ, какъ «Наяда» вмѣстѣ съ другими подобными ей судами опровергла возлагаемыя на нее надежды. Теперь-же она, къ довершенню всего, была и стара, что сразу можно было замѣтить, несмотря на ея тщательную гримировку. Слизь и ржавчина таились подъ густымъ слоемъ сурика, покрывавшаго ея подводную часть, трюмъ таилъ въ себѣ вѣчное и глубокое болото, а въ темныхъ палубахъ царилъ вѣчный мракъ и тяжелая сырья атмосфера.

Но самый главный недостатокъ «Наяды» заключался въ ея сердцѣ,— машинѣ, разслабленной и дряблой. Она давно уже была обречена на средний ходъ, да и то только во время тихой погоды.

Въ такомъ-то безотрадномъ положеніи мы застаемъ «Наяду» въ осенний бурный день, въ открытомъ морѣ на нѣсколько часовомъ переходѣ.

При пасмурности и порывистомъ вѣтре, тяжелый кузовъ «Наяды» былъ совершенно покрытъ волненіемъ, носившимся черезъ него. Только высокій мостики съ бѣлой трубой, двѣ сѣрыя приземистыя башни, да три тонкія мачты безъ рей смутными очертаніями виднѣлись надъ сѣрой и вздувшейся поверхностью моря. Только по этимъ смутнымъ контурамъ и можно было замѣтить присутствіе большого военного монитора.

Междуда тѣмъ, темная полоска на горизонтѣ, казалось, стущалась съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Старшій офицеръ почувствовалъ на своемъ лицѣ нѣсколько холодныхъ капель.

— Дьяченко,—крикнулъ онъ вдругъ, не отрываясь отъ трубы.

— Есть,—отозвался загорѣлый сигнальщикъ съ другаго борта.

— Погляди-ка, братецъ. Кажется, тамъ «Ночь»...

Сигнальщикъ подошелъ, положилъ свою трубу на другое плечо матроса и на нѣсколько минутъ прильнулъ глазомъ къ отверстію.

Но старшій офицеръ просто обглядѣлся. Въ круглыхъ дискахъ трубъ ничего не было, кроме однообразно сѣрыхъ воды и неба. Очевидно, «Ночь», спутница «Наяды», ушла въ эту туманную полосу. Такое заключеніе вызвало нѣсколько неопределенныхъ, но энергичныхъ воскликаній со стороны офицера.

Порывы вѣтра стали приносить холодныя брызги. Начинался одинъ изъ тѣхъ осеннихъ дождей, которые моросятъ по нѣсколько сутокъ. Офицеръ сердито крякнулъ, круто повернулся и пошелъ по мостику, чуть не швырнувъ сигнальщику подзорную трубу. Но тутъ-же боковой взмахъ заставилъ его остановиться и придержаться за поручни.

— Такъ и есть... ушла въ туманъ,—тихо прошипѣлъ Дьяченко своему сосѣду. Снизу затрещалъ звонокъ. Безусый мичманъ подошелъ къ говорной трубѣ и сталъ перекрикиваться съ механикомъ. Изъ машины третій разъ сообщали, что необходимо убavitъ ходъ. Мичманъ развязно и размѣренно подошелъ къ старшему офицеру и, приложивъ руку къ козырьку своей зюйдъ-вестки, доложилъ о просьбѣ механика.

Старшій офицеръ отвѣталъ на это пожатіемъ плечей. Потомъ онъ быстро оттолкнулся отъ поручня и, перейдя мостикъ, сталъ съ рѣшительнымъ видомъ спускаться по трапу, расположенному въ узкой желѣзной трубѣ. Очутившись въ полутемнотѣ каюты-кампаніи, онъ подошелъ къ двери капитанской каюты и взялся за ручку. Отворенная дверь обнаружила небольшую каюту, еще болѣе темную, чѣмъ первая.

— Это вы?.. Ну, что новаго?—спросилъ вошедшаго кто-то изъ темнаго угла усталымъ и негромкимъ голосомъ. Въ этотъ моментъ послышался тяжелый ударъ сверху, и два обнаженныхъ отъ воды иллюминатора на нѣсколько секундъ освѣтили каюту съ дубовой низкой комой, гдѣ теперь лежалъ рыжеватый, блѣдный человѣкъ съ необычайно тощими руками и ногами.

— Я опять къ вамъ, Валерьянъ Ивановичъ,—сказалъ старшій офицеръ. Надо вѣдь, наконецъ, вернуться. «Ночь» ушла вправо, ей хорошо... а мы поломаемъ машину. Дальше намъ идти нельзя.

Лежавшій, вмѣсто отвѣта, маxнулъ рукой съ раздраженiemъ человѣка, которому надоѣлъ одинъ и тотъ-же разговоръ. Старшій офицеръ нахмурился почти свирѣпо.

— Воля ваша, а только я думаю, что дальше намъ идти нельзя,—проговорилъ онъ отрывисто.

— А я то, я то!.. Куда мнѣ дѣваться тогда?—заголовился командиръ.

— Никто объ этомъ и говорить не станетъ. Да и «Пріемщикъ» ушелъ назадъ, а вѣдь онъ парусникъ, ему казалось-бы можно идти. Стало быть кто-же съ «Наядами» и спрашивать будетъ...

— Такъ, такъ, это вѣрно, а только лучше мы потерпимъ еще немногого. Самъ зналъ, что теку, когда уходилъ, да что толку. Побудьте наверху, а потомъ я самъ выйду. Вы не повѣрите, какъ у меня голова болитъ...

Старшій офицеръ вздернуль плечами и вышелъ, почти хлопнувъ дверью. Командиръ вздохнулъ и закрылъ глаза. Впрочемъ, ему было не до сна. Взмахи качки, шумъ извѣя и удары въ палубу сверху не давали ему покоя ни на минуту, въ то время, когда голова его, казалось, разваливалась отъ боли, которая накоплялась съ каждой минутой все болѣе и болѣе. Но хуже всего былъ одинъ страшный вопросъ, заставлявшій забывать даже его головную боль. Надо вернуться! Эта

необходимость была слишкомъ очевидна, потому что «Наяда» не въ состояніи выдержать такую погоду, противъ которой не устоялъ даже и «Прѣмщикъ» — настоящее морское судно. Что-же требовать отъ «Наяды», которая течетъ всѣми пазами, всѣми своими семью тысячами болтовъ? При мысли о болтахъ въ головѣ командира возникло такое непріятное воспоминаніе, что его усталые глаза вдругъ загорѣлись чувствомъ тяжкой и несправедливой обиды.

«Если-же теперь съ полдороги придется вернуться назадъ, то... нѣтъ, лучше перенести все, что угодно, только не это», — думалъ командиръ, и дыханіе его стѣснялось при одномъ представлѣніи тѣхъ уничтоженій и оскорблений, какія ожидали его, если-бы «Наяда» съ полдороги вернулась обратно.

Но командиръ, дѣйствительно, былъ правъ, убѣждаясь въ необходимости повернуть назадъ. «Наяда» давно уже служила притчей во языцѣхъ. Американская идея — оставить непріятельскому обстрѣлу только башни и трубу, будучи сама по себѣ не лишенной остроумія, оказалась на практикѣ чистѣйшимъ абсурдомъ. Насильственное погруженіе корпуса внутрь сразу-же обнаружило такой быстрый кренъ, что нельзя было на новомъ суднѣ плавать, не рискуя буквально развалиться по всѣмъ склѣнамъ.

Качка была облегчена внутреннимъ перемѣщеніемъ тяжестей, что-же касалось до течи, то она была признана неизбѣжнымъ зломъ. Однажды «Наяда» бокъ-о-бокъ стояла съ судномъ, которое, собираясь уходить въ море, наливало для баласта свой трюмъ водой. Валерьянъ Ивановичъ въ разговорѣ съ командромъ, смѣясь, указалъ на разницу между этими сосѣдними судами. Одно наливалось, а другое никакъ не могло отлиться. И дѣйствительно, течь «Наяды» была чрезвычайно велика.

А потому, одно только воспоминаніе о «Сиренѣ» родной сестрѣ «Наядѣ». Это походило на мрачное предсказаніе, приводившее командря въ ужасъ. Лѣтъ десять тому назадъ «Сирена», будучи введена для исправленія въ докъ, вдругъ на глазахъ у всѣхъ торжественно пошла ко дну. Это произошло послѣ восьмичасовой стоянки въ докѣ, когда отливаться было уже не нужно. Специалисты торжествовали, потому что этотъ случай блистательно подтвердилъ ихъ математическія выкладки, гдѣ доказывалось, что всѣ суда подобнаго типа, во-первыхъ, легко теряютъ свою плавучесть и, во-вторыхъ, сейчасъ-же послѣ этого опрокидываются. А потомъ еще случай, когда «Тайфунъ», этотъ братъ «Наяды» и «Сирены», выскочилъ на гладкій камень въ финскихъ шхерахъ и затонулъ такъ быстро, что ни одно изъ окружавшихъ его судовъ не успѣло подать ему помощи. Этотъ случай тоже обошелся благополучно, такъ какъ камень былъ мелокъ. Теперь-же «Наяда» находилась въ открытомъ морѣ.

Валерьянъ Ивановичъ, конечно, зналъ обо всемъ этомъ, когда принималъ командование «Наядой», но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что командование это было временное и что «Наада» давно уже посылается только въ тихую погоду, несетъ службу на «стоячей водѣ», какъ острили моряки. Будучи самъ по себѣ прекраснымъ теоретикомъ, сочиненія которого въ морскомъ мірѣ принимались какъ руководство, Валерьянъ Ивановичъ, въ то же время былъ плохимъ практикомъ - морякомъ. Но въ описываемый день онъ прекрасно понималъ положеніе «Наяды». Все это для него было ближе всѣхъ прочихъ, такъ какъ онъ убѣдился въ необходимости повернуть назадъ и зналъ, что въ то-же время весь позоръ этого бѣгства всецѣло падетъ на него одного. А теперь онъ, соглашаясь со всѣми доводами своего помощника, мучился, и упрашивалъ съ момента на моментъ свое приказаніе положить руль на бортъ.

Старшій офицеръ поднимался наверхъ, упираясь въ стѣнку трубы руками и съ трудомъ избѣгалъ толчковъ обѣ нее. Эти быстрые взмахи качки представляли собой такую очевидную опасность, что былъ моментъ, когда старшій офицеръ хотѣлъ на свою отвѣтственность свернуть поближе къ шхерамъ, гдѣ, въ крайнемъ случаѣ, можно было бы сѣсть на мель. Но это желаніе длилось лишь мгновеніе, онъ переломилъ себя и вышелъ на мостики, гдѣ попрежнему, ухватившись за поручень, сталъ наблюдать море.

Странное смущеніе испытывалъ этотъ морякъ. Онъ чуялъ опасность подъ ногами, зналъ, что «Наада» течетъ втрое быстрѣе обыкновеннаго, и въ то же время имъ овладѣвало какое-то умственное ощѣпленіе, отчего онъ уже наблюдалъ окружавшее его, не поражаясь, не удивляясь и не боясь. Морякамъ знакомо это чувство, или, вѣрнѣе, состояніе духа, которое является въ крайніе моменты. Его можно назвать пассивнымъ предчувствіемъ каждой изъ слѣдующихъ другъ за другомъ фазъ кораблекрушенія. Онѣ уже не поражаютъ моряка, онъ знаетъ, онъ предвидѣтъ каждую изъ нихъ. Это ощущеніе присуще преимущественно храбрымъ, которые чувствуютъ въ одинаковой мѣрѣ со всѣми страхъ близкой гибели, въ то-же время сохраняютъ способность мыслить и дѣйствовать, не поддаваясь непреоборимому внутреннему трепетанію. Только лицо стянуто какой-то судорогой холоднаго и жестокаго чувства, какъ будто человѣкъ заранѣе предрѣшилъ свои муки и свою гибель.

Именно съ такимъ-то лицомъ и съ такимъ-же выраженіемъ въ пронзительномъ металлическомъ взглядѣ старшій офицеръ стоялъ и глядѣлъ на склокотавшее море. Онъ думалъ, что въ то время, когда черезъ это мѣсто въ такую-же погоду, любой изъ парусныхъ угольщиковъ пройдетъ шутя и безъ малѣйшей тревоги, они могутъ погибнуть со всѣми своими знаніями, опытностью и съ двумя сотнями здоровыхъ руѣ.

Отъ этихъ мыслей въ душѣ его накопляется взрывъ противъ нерѣшительности его команда. Но въ то-же время онъ хорошо сознавъ его положеніе и это-то и удерживало его отъ рѣшительнаго шага. Нѣтъ сомнѣнія, что верпись «Наяда» обратно, то найдется немноги моряковъ, которые не назовутъ команда малодушнымъ. Старшій офицеръ укоризненно и неодобрительно крякнулъ, какъ-бы отвѣчая на собственная свои мысли и затѣмъ желая разсвѣтиться, шагнулъ было по мостику, но сей-часъ-же взмахъ кашки заставилъ его ухватиться за по-рученъ и пригнуться подъ вліяніемъ неодолимой тяжести. Взглядъ его на секунду остановился на шлюпкѣ, подвѣшанной къ баканцамъ и прикрытой брезентомъ, положеніе котораго навело офицера па нѣкото-рную догадку.

— Опять забрался кто-нибудь... Скотина, — пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Мичманъ ежился подъ холоднымъ дождемъ и не слышалъ его замѣчанія. Сигнальщики рулевые съ окаменѣвшими лицами и удвоеннымъ вниманіемъ дѣлали свое дѣло, упорно не замѣчая открытія начальника. Офицеръ хотѣлъ было выгнать изъ шлюпки спавшаго матроса, но вдругъ ему пришло въ голову, что незачѣмъ гнать человѣка въ трюмъ, только для того, чтобы онъ погибъ тамъ вмѣстѣ со своими товарищами. Быть можетъ, судьба избрала этого самаго матроса, какъ вѣстника всему миру о томъ, что его товарищи-моряки не отступили, а умерли со славой...

Вѣтеръ сталъ бить жестокими порывами. Черезъ башню съ тяж-кимъ ревомъ прошелъ сѣдогривый и сѣрый валъ и потрясъ до основанія весь мостики. Офицеръ посмотрѣлъ на небо.

— Дьяченко! — крикнулъ онъ, словно сердясь.

— Есть, — отозвался тотъ попрежнему.

Старшій офицеръ перешелъ къ нему на надвѣтренную сторону.

— Смотри, тамъ кажется туча спустилась... это къ погодѣ, — проговорилъ онъ, указывая на темноватое пятно, едва замѣтное на одно-образно сѣромъ небѣ. Но сигнальщикъ не отвѣчалъ ни слова, и когда офицеръ повернулся къ нему, то замѣтилъ на его загорѣломъ лицѣ выраженіе того-же чувства, какое испытывалъ и самъ.

А валы наскакивали на башни все чаще и чаще, проносились съ тяжкимъ ревомъ надъ скрытымъ корпусомъ «Наяды», подшлепывали мостики, отчего тотъ трясся сверху до низу, сшибались опять и уходили за бортъ въ кипѣвшее море, уступая мѣсто новымъ такимъ-же безобразнымъ и тяжелымъ волнамъ. Угрюмое небо все болѣе и болѣе темнѣло и, казалось, спускалось надъ клокочущей пѣной поверхностью моря. Волненіе боролось съ теченіемъ, и крупная толчая съ неумолимой постепенностью расшатывала корпусъ «Наяды».

— Ваше благородіе, — услышалъ офицеръ позади себя и обернулся.

Передъ нимъ вплотиую, лицомъ къ лицу, стоялъ одинъ изъ рулевыхъ, молодой паренекъ съ глуповатымъ лицомъ и жидкими вѣчно приподнятыми бровями. Но теперь оно носило еще выраженіе самой серьезной заботливости, словно онъ что нибудь забылъ, или потерялъ и теперь тщательно напрягалъ свой мозгъ. Въ обыкновенное время подобная выходка сошла бы за немыслимую дерзость, но теперь почему-то и сигнальщики, и рулевые, и мичманъ, да и самъ старшій офицеръ не нашли ничего удивительнаго въ этой выходкѣ. Что-то слишкомъ необыкновенное и важное чувствовалось въ поведеніи глупаго паренька...

— Чего тебѣ? — не выдержалъ, наконецъ офицеръ. Эти сѣрые, наивно встревоженные глаза возбудили въ немъ невыносимо скверное чувство.

— Ваше благородіе, — надвинулся тотъ съ быстрой и мелкой судорогой на лицѣ, тщетно усиливаясь что-то вспомнить, или понять. — Ваше... ваше... гляди сюда... — продолжалъ онъ торопливо, словно окочченный холодной водой. — Я Сенькѣ говорю: гдѣ маякъ знаешь? Вонъ, оттѣдова глянулъ... Ей-Богу!.. Ваше благородіе!

Матросикъ впился растеряннымъ взглядомъ въ хмурое лицо начальника, отрывисто и дребезжаще засмѣялся и нескладно махнулъ рукой мимо своего уха, не то указывая, не то отмахиваясь, словно отъ муки.

Потомъ онъ вдругъ выпрямился, отчетливо повернулся на лѣво кругомъ и отправился къ штурвалу, на свое мѣсто. Офицеръ продолжалъ стоять въ оцепененіи. Хотя онъ и не понялъ безвязныхъ бормотаній матроса, но его странное поведеніе, однако, не было загадкой. Оно было понятно безъ словъ, и ему, и всѣмъ присутствовавшимъ, которые теперь съ удвоеннымъ вниманіемъ занимались своимъ дѣломъ съ однимъ и тѣмъ-же выраженіемъ предчувствія на загорѣлыхъ лицахъ и словно не замѣтили всего произошедшаго. Общее невыносимое состояніе духа и подтолкнуло матроса на его нелѣпую выходку.

Старшій офицеръ взялъ изъ рукъ сигнальщика трубу и сталъ разсматривать ту часть сѣраго горизонта, куда махнулъ рукой рулевой. «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ!» невольно думалось ему, хотя онъ и прекрасно зналъ, что сигнальщики со своими трубами и биноклями видѣли несравненно лучше рулеваго. Но море было сѣро и однообразно и только рѣдкія черныя точки, разбросанныя и тамъ и сямъ, указывали на присутствіе вѣхъ ограждающихъ камни и мели.

Вѣтеръ бѣть въ лицо холоднымъ дождемъ, подъ ногами носятся сѣрые валы, въ сырой и темный трюмъ сочится вода... Офицеръ вздрогнулъ отъ этихъ невеселыхъ ощущеній и оглянулся на людей. Дождевики ихъ были мокры и имъ, видимо, было холодно. Руки, державшія штурвалъ, посинѣли и сами матросы ежились подъ косыми и холодными брызгами. Къ довершенію всего, качка бросала ихъ изъ стороны въ сто-

рону. Начался штурмъ, которому и конца не предвидѣлось. Старшій офицеръ выпрямился, и въ глазахъ его засѣтилось твердое и опредѣленное рѣшеніе. Онъ приказалъ сигнальщикамъ и рулевымъ, а также и мичману привязаться концами къ поручнямъ мостика, чтобы какой-нибудь шальной валъ не смылъ ихъ въ море. Это было продѣлано очень быстро и офицеръ, бросивъ послѣдній взглядъ на сѣрый горизонтъ, спустился внизъ.

Командиръ лежалъ съ открытыми глазами. Шумъ извѣнѣ заглушилъ шаги старшаго офицера, и командиръ только тогда замѣтилъ его, когда вдругъ изъ полусумрака на него глянули два глаза. Командиръ вздрогнулъ и приподнялся.

— Валерьянъ Ивановичъ,—началъ офицеръ твердымъ, но спокойнымъ тономъ:—я пришолъ вамъ доложить, что я сейчасъ поверну самъ.

Командиръ безнадежно махнулъ рукой, повернулся и легъ ничкомъ.

— Голубчикъ, нельзя! Ей-Богу, не могу,—простоналъ онъ.

— Хорошо, тогда вотъ что. Я ослушаться не могу, конечно, но думаю, что вы позволите мнѣ распорядиться относительно команды.

— А? Что?—спросилъ командиръ не перемѣнная положенія.

— Я прикажу людямъ переодѣться въ чистое бѣлье...

Командиръ сразу сѣлъ на койку и съ выраженіемъ отчаянія поднялъ руки.

— Ждать больше нельзя. Или повернемъ, или...

— Вы хотите... Да развѣ такъ плохо?

— Развѣ вы не видите. Валерьянъ Ивановичъ въ послѣдній разъ прошу васъ: прикажите повернуть.

— Ну хорошо, хорошо, только переждемъ еще немнogo.

Старшій офицеръ рѣшительно вздернулъ плечами, быстро повернулся и направился вонъ.

— Постойте, постойте!—кричалъ ему вслѣдъ командиръ. — Ради Бога остановитесь... Я согласенъ на все...

Тотъ выслушалъ его, стоя на порогѣ и собираясь уйти.

Вдругъ «Наяда» быстро накренилась вправо и такъ сильно, что онъ долженъ былъ ухватиться за косыкъ. Всѣдѣ затѣмъ судно выпрямилось и накрепило въ другую сторону и также сильно. Въ такомъ положеніи оно стояло въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, и оба моряка, блѣдные и съ широко раскрытыми глазами, безмолвно глядѣли другъ на друга. Съ каждымъ мгновеніемъ ужасъ дѣлался явственнѣе на ихъ поблѣдѣвшихъ лицахъ.

«Наяда» могла безопасно выдерживать только очень небольшой кренъ и теперь она ежеминутно угрожала перевернуться. Вдругъ зловѣщая темнота надвинулась на иллюминаторы и ревъ моря сразу смѣнился глубокой тишиной. Оба моряка бросились было къ дверямъ, но

иавстрѣчу имъ хлынула каскадъ холдной воды, а гдѣ-то за переборками послышались крики.

«Наяда» дрожала и кренилась влѣво. Что-то шипѣло и свистало въ трюмѣ. «Наяда» накренилась еще и вдругъ скрипѣ и трескѣ переборокъ и свистѣ, снизу заглушили человѣческіе крики въ трюмѣ.

— Мы подъ водой,—закричалъ кто-то въ офицерскихъ каютахъ голосомъ, заглушившимъ на секунду хаосъ звуковъ вокругъ. Напоръ воды вырвалъ захлопнувшуюся дверь и ворвавшійся каскадъ подхватилъ командинра и старшаго офицера, закружилъ ихъ и метнулъ въ уголъ. Ниже въ трюмѣ поднялся непередаваемый долгій вопль сотенъ голосовъ. А за нимъ что-то клокотало, шипѣло, трещало и, несмотря на все это, одинъ пронзительный голосъ прорѣзалъ шумъ крикомъ: «братцы, да неужли-жъ конецъ!»

Потомъ раздался глухой рвущій ударъ, шипѣніе пара и опять нечеловѣческие визги.

«Наяда» накренилась еще и тихо-тихо перевернулась килемъ кверху. Въ этотъ моментъ она уже вся была подъ водой.

Лѣвая шлюшка сорвалась съ баканцевъ при погруженіи «Наяды» и притомъ съ такимъ отчаяннымъ взмахомъ, что спавшій въ ней матросъ ударился затылкомъ о скамейку и умеръ, не успѣвъ даже проснуться. Шлюшка съ мертвѣцомъ понеслась по морю, чтобы оповѣстить весь міръ о страшной участіи моряковъ, которую этотъ мертвѣцъ раздѣлилъ съ ними лишь на половину, потому что не пережилъ страшной агоніи подъ водою.

«Наяды» не стало, а съ нею не стало и двѣ сотни славныхъ моряковъ, скромныхъ и неизвѣстныхъ героевъ ужасной трагедіи на днѣ морскомъ. «Наяда», наконецъ, оправдала долголѣтнія и упорныя предсказанія ученыхъ теоретиковъ. Неужели для этого она и погибла?..

* * *

А. Чернышъ.

С Н Ы.

Мнѣ снится иногда, какъ будто я иду
Среди безмолвія равнинъ однообразныхъ,
И путь мнѣ кажется одной изъ безобразныхъ
Тяжелыхъ грёзъ, томящихъ нась въ бреду.

Все также тучь нависшихъ вереница,
Все та же сѣрая, безрадостная мгла,
И даже мысль живая замерла,
Какъ на лету подстрѣленная птица...

А прежде снились мнѣ: заоблачная высь
И горы чудныя съ ихъ дѣственной вершиной,
И мысли къ небесамъ сіяющимъ неслись
Свободной стаю орлиной.

Мнѣ снился огни тропическихъ свѣтиль,
И ночи темныя и волны океана,
Вспѣнненныя во тьмѣ порывомъ урагана:
Борьба могучая несокрушимыхъ силь.

Теперь подобныхъ сновъ ужъ я не вижу болѣ,
Равниной плоскою печально я бреду;
Какъ узникъ, много лѣтъ томящійся въ неволѣ —
И я конца пути—освобожденья жду.

О. Чюмина.

„QUO VADIS“.

РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НЕРОНА ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА.

Переводъ съ польского Е. Льдова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIV.

Урсъ и Хилонъ вошли. Былъ зимний пасмурный вечеръ, въ комнатѣ господствовалъ сумракъ, слабо озарёмы отблескомъ углей, горѣвшихъ на очагѣ. Винницій не различилъ вошедшаго: онъ лишь догадался, что въ кашюонѣ къ нему приблизился Хилонъ; грекъ, увидѣвши въ углу комнаты ложе и на немъ Винниція, направился, несмотря на окружающихъ, прямо къ нему.—Хилонъ, казалось, прониксяувѣренностью, что, приблизившись къ Винницію, находится въ наибольшей безопасности.

— О, господинъ! зачѣмъ ты не послушался моихъ совѣтовъ! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки.

— Молчи,—возразилъ Винницій,—и слушай!

Онъ сталъ пристально смотрѣть въ глаза Хилону, и заговорилъ съ разстановкой, но отчетливо, какъ бы желая, чтобы каждое его слово было понято, какъ приказаніе, и навсегда запечатлѣлось въ памяти Хилона:

— Кротонъ бросился на меня съ цѣлью убить меня и ограбить,—понимаешь! Тогда я убилъ его, — эти же люди перевязали раны, которыхъ я получилъ во время борьбы съ Кротономъ.

Хилонъ сразу понялъ, что Винницій, вѣроятно, говоритъ такимъ образомъ, вслѣдствіе какого-то условія, заключеннаго съ христіанами,—и, слѣдовательно, хочетъ, чтобы ему вѣрили. Онъ сообразилъ это и по выражению лица молодого трибуна; онъ тотчасъ-же, не выказавъ ни недоумѣнія, ни сомнѣній, поднялъ глаза и воскликнулъ:

— Кротонъ былъ сущимъ негодяемъ! Вѣдь я предостерегаль тебя, господинъ, чтобы ты ему не довѣрялъ. Всѣ мои поученія отскакивали отъ его головы, какъ горохъ отъ стѣны. Во всемъ Аидѣ не пайдется для него достаточныхъ мукъ. Ибо кто не можетъ быть честнымъ человѣкомъ, тотъ принужденъ быть мошенникомъ; а кому же труднѣе сдѣлаться честнымъ, какъ не плуту? Но пасть на своего благодѣтеля и столь щедраго господина... О, боги!..

Туть, однако, онъ вспомнилъ, что по дорогѣ выдавалъ себя Уреу за христіанина,— и замолчалъ.

Винцій сказалъ:

— Если бы не «Sica», которая была при мнѣ, онъ бы меня убилъ.

— Благословляю ту минуту, когда я посовѣтовалъ тебѣ захватить хоть ножъ.

Но Винцій посмотрѣлъ на грека испытующимъ взоромъ и спросилъ:

— Что ты дѣлалъ сегодня?

— Какъ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, господинъ, что произносилъ обѣты за твое здоровье?

— И только?

— И я какъ разъ собирался павѣстить тебя, когда пришелъ тотъ добрый человѣкъ и сообщилъ мнѣ, что ты меня зовешь.

— Возьми эти дощечки и отнеси ихъ въ мой домъ, тамъ ты отыщешь моего вольноотпущенника и отдашь ему. На нихъ написано, что я уѣхалъ въ Беневентъ. Добавь Демасу отъ себя, что я уѣхалъ сегодня утромъ, вызванный спѣшнымъ письмомъ отъ Петронія.

Винцій повторилъ еще внушительнѣе:

— Я уѣхалъ въ Беневентъ, понимаешь!

— Ты уѣхалъ, господинъ! Поутру я распостился съ тобою у Porta Capena — и со времени твоего отѣзда мной овладѣла такая тоска, что, если твоя щедрость не смягчитъ ее, то я загрущу до смерти, какъ несчастная жена Зеоа, превращенная въ соловья отъ скорби по Итилу.

Винцій, не смотря на свою болѣзнь и на то, что онъ уже успѣлъ привыкнуть къ покладливости грека, не могъ, однако, удержаться отъ улыбки. Обрадованный, что Хилонъ понялъ его съ полуслова, онъ сказалъ:

— Поэтому я припину, чтобы тебѣ отерли слезы. Дай мнѣ свѣтильникъ.

Хилонъ, совершенно успокоившись, отошелъ къ очагу и взялъ горѣвшій на камennомъ выступѣ свѣтильникъ.

Когда при этомъ капюшонъ соскользнулъ съ его головы и свѣтъ упалъ прямо на его лицо, Главкъ стремительно соскочилъ со скамьи и, быстро приблизившись, остановился передъ нимъ.

— Ты не узнаешь меня, Цеасъ? — спросил онъ.

Въ голосѣ его прозвучало нечто столь ужасное, что всѣ присутствовавшіе невольно содрогнулись. Хилонъ поднялъ свѣтильникъ и почти въ то же мгновеніе уронилъ его на полъ, — затѣмъ онъ весь скрчился и принялъ жалобно вонить:

— Я не... я не!.. сжалътесь!

Главкъ обратился въ сторону сидѣвшихъ за столомъ и сказалъ:

— Этотъ человѣкъ предалъ и погубилъ меня и мое семейство!..

Исторія его была извѣстна какъ всѣмъ христіанамъ, такъ и Виницію, который не догадался, кѣмъ былъ Главкъ только потому, что нѣсколько разъ, лишаясь сознанія отъ боли при перевязкѣ, не разслышалъ его имени. Но для Урса эта мгновенная сцена и слова Главка блеснули, какъ молнія въ потемкахъ. Узнавъ Хилона, онъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ него, схватилъ за руки и перегнувъ ихъ назадъ, воскликнулъ:

— Это онъ подговаривалъ меня убить Главка!

— Сжалътесь! — стоналъ Хилонъ, — я вамъ возвращу... Господинъ! — воскликнулъ онъ, повернувъ голову къ Виницію, — спаси меня! Я довѣрился тебѣ, заступись за меня... Твое письмо... я отнесу. Господинъ! господинъ!..

Но Виницій равнодушнѣе всѣхъ смотрѣвшій на произошедшее, во-первыхъ, потому что всѣ продѣлки грека были ему болѣе или менѣе извѣстны и, во-вторыхъ, оттого, что сердцу его было незнакомо состраданіе, произнесъ:

— Заройте его въ саду: письмо снесетъ кто-нибудь другой.

Хилону показалось, что этими словами надѣ нимъ произнесенъ смертный приговоръ. Кости его затрещали въ ужасныхъ рукахъ Урса, глаза отъ боли наполнились слезами.

— Во имя вашего Бога! сжалътесь, — воспилъ онъ, — я христіанинъ!.. Рах vobiscum, я христіанинъ, а если вы мнѣ не вѣрите, окрестите меня еще разъ, еще два, еще десять разъ! Главкъ, это — ошибка! Позвольте мнѣ разскказать! сдѣлайте меня рабомъ... Не убивайте меня! сжалътесь!

Голосъ его, прерывавшійся отъ боли, все болѣе ослабѣвалъ. Изъ-за стола вдругъ поднялся апостолъ Петръ; втеченіе нѣсколькихъ мгновеній онъ покачивалъ сѣдою головой, наклоняя ее къ груди. Наконецъ, онъ раскрылъ опущенные глаза и произнесъ среди общаго безмолвія:

— Спаситель сказалъ намъ: «Если согрѣшишь противъ тебя братъ твой, обличи его; и если покастанъ, прости ему и если семь разъ въ день согрѣшишь противъ тебя, и семь разъ въ день обратится, и скажетъ: каюсь! — прости ему».

Въ комнатѣ водворилась еще большая тишина.

Главкъ долго стоялъ, закрывъ лицо руками; затѣмъ онъ опустилъ ихъ и сказаъ:

— Цефасъ, пусть Господь отпуститъ тебѣ причиненное мнѣ зло, какъ я прощаю тебя во имя Христа.

Урсъ, отпустивъ руки грека, добавилъ:

— Пусть Спаситель проститъ меня, какъ я тебя прощаю.

Хилонъ упалъ на полъ и, опершись руками, ворочалъ головой, какъ звѣрь, пойманный въ западню, озираясь вокругъ и ожидая, откуда придется смерть. Онъ еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ, не смѣя надѣяться на помилование.

Постепенно, однако, самообладаніе возвращалось къ нему, лишь поспѣвшія губы тряслись еще отъ испытанного ужаса. Апостолъ обратился къ нему со словами:

— Иди съ миromъ!

Хилонъ всталъ, но не могъ еще говорить. Онъ безсознательно приблизился къ ложу Винниція, точно продолжая просить защиты, такъ какъ еще не успѣлъ сообразить, что молодой трибуунъ, хотя пользовался его услугами и былъ, нѣкоторымъ образомъ, его сообщникомъ, осудилъ его, тогда какъ тѣ именно, противъ которыхъ онъ служилъ, помиловали. Мысль эта лишь позже возникла въ его умѣ. Пока въ глазахъ грека отражались только изумленіе и недовѣріе. Хотя онъ уже понялъ, что его простили, однако, хотѣлъ какъ можно скорѣе вырваться живымъ отъ этихъ непонятныхъ людей, кротость которыхъ пугала его почти въ такой-же степени, какъ испугала-бы жестокость. Ему казалось, что если онъ пробудетъ дольше, произойдетъ еще какая-нибудь неожиданность; ставъ передъ Винниціемъ, онъ заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Дай письмо, господинъ; дай письмо!

Схвативъ дощечки, подданныя Винниціемъ, Хилонъ отвѣсилъ по поклону христіанамъ и больному,—и, согнувшись, пробираясь у самой стѣники, бросился къ двери.

Въ садикѣ, гдѣ его охватилъ сумракъ, на головѣ грека отъ страха снова поднялись дыбомъ волосы: онъ былъ увѣренъ, что Урсъ выбѣжитъ всѣдѣ за нимъ и убьетъ его впопыхахъ. Хилонъ побѣжалъ бы изо всѣхъ силъ, но ноги отказывались повиноваться, а вскорѣ и совсѣмъ оѣпенѣли,—когда Урсъ, въ самомъ дѣлѣ, очутился возлѣ него.

Хилонъ упалъ лицомъ на землю и пристоналъ:

— Урабанъ... во имя Христа...

Но Урабанъ сказалъ:

— Не бойся. Апостолъ приказалъ мнѣ вывести тебя за ворота, чтобы ты не заблудился въ темнотѣ. Если-же ты ослабѣлъ, я провожу тебя до дому.

Хилонъ поднялъ голову.

— Что ты говоришь — что?.. Ты не убьешь меня?

— Нѣтъ! я не убью тебя, а если я схватилъ тебя слишкомъ сильно и помялъ кости, прости меня.

— Помоги мнѣ встать, — сказалъ грекъ. — Такъ ты не убьешь меня, а? Выведи меня на улицу, дальше я пойду одинъ.

Урсъ поднялъ его съ земли, какъ перышко, и, поставивъ на ноги, повелъ темнымъ коридоромъ на второй дворъ, откуда сѣни выходили на улицу. Въ коридорѣ Хилонъ снова мысленно повторялъ: «теперь я погибъ!» — лишь очутившись на улицѣ, ободрился и произнесъ:

— Дальше я пойду одинъ.

— Миръ съ тобою.

— И съ тобой! и съ тобой!.. Дэй мнѣ перевести духъ.

Когда Урсъ удалился, Хилонъ вздохнулъ полною грудью. Онъ ощущалъ руками свое туловище и бедра, какъ-бы желая убѣдиться, что остался невредимъ, и поспѣшилъ зашагать по улицѣ.

Но, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ остановился и произнесъ:

— Почему-же, однако, они не убили меня?

И, несмотря на прежніе бесѣды съ Эврицемъ о христіанскомъ учениѣ, несмотря на разговоръ, который самъ вель надъ рѣкою съ Ураномъ, несмотря на всѣ поученія, выслушанныя въ Остраницѣ, — грекъ не находилъ отвѣта на этотъ вопросъ.

XXV.

Винницій также не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло, и въ глубинѣ души былъ изумленъ не меныше, чѣмъ Хилонъ. Что христіане обошлись съ нимъ самимъ такимъ-же образомъ — п, вмѣсто того, чтобы отомстить ему за нападеніе, заботливо перевязали его раны, Винницій приписывалъ отчасти ихъ вѣроученію, въ особенности-же, влиянию Лигії, и, въ нѣкоторой степени, своему высокому званію. Но поступокъ ихъ по отношенію къ Хилону просто превышалъ его представление о доступной людямъ способности прощать. Ему также невольно думалось: почему христіане не убили грека? Вѣдь они могли сдѣлать это безнаказанно. Урсъ зарылъ бы его въ саду, или бросилъ бы ночью въ Тибръ: въ тѣ времена, когда самъ цезарь производилъ по ночамъ разбои, на рѣкѣ такъ часто всплывали по утрамъ мертвыхъ тѣла, что никто даже не дознавался, откуда они брались.

Притомъ-же, христіане, по мнѣнію Винниція, не только могли, но и должны были убить Хилона. Милосердіе не было, въ сущности, вполнѣ чуждымъ тому миру, къ которому принадлежалъ молодой патрицій. Аоп-

няне посвятили милосердію храмъ и долго противились перенесенію въ Аѳіны состязаній гладіаторовъ. Служалось, что и въ Римѣ миловали побѣжденныхъ, — напримѣръ, бретонскій царь Калликратъ, взятый въ пленъ въ царствованіе императора Клавдія, былъ щедро одаренъ послѣднимъ и свободно жилъ въ Римѣ. Но миценіе за личныя обиды представлялось Винницію, какъ и всѣмъ его современникамъ, вполнѣ основательнымъ и справедливымъ. Препнебреженіе местью было ему, вообще, не по душѣ. Хотя и Винницій слышалъ въ Острани, что слѣдуетъ любить даже враговъ, но онъ счелъ эти слова за какую-то теорію, не примѣпимую въ жизни. И теперь онъ догадывался, что Хилона, быть можетъ, не убили лишь отъ того, что наступила пора года или четверть луны, во время которой христіанамъ запрещено проливать кровь. Онъ слышалъ, что пѣкоторымъ народамъ въ извѣстную пору года запрещено даже выступать въ походъ. Но почему-же, въ такомъ случаѣ, они не предали Хилона въ руки правосудія, — почему апостолъ сказалъ, что согрѣшившаго семъ разъ слѣдуетъ семъ разъ простить, и почему Главкъ сказалъ Хилону: да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю? А вѣдь Хилонъ нанесъ ему величайшее зло, какое только можно причинить человѣку! Сердце Винниція, при одномъ предположеніи о томъ, какъ-бы онъ поступилъ съ человѣкомъ, который, напримѣръ, убилъ бы Лигію, забурлило, какъ кипятокъ: нѣть такихъ пытокъ, которыми бы онъ не отомстилъ за нее! А Главкъ простила! — И Уресь также простила, — Уресь, который, очевидно, можетъ убить въ Римѣ кого угодно съ полной безнаказанностью, такъ какъ ему придется затѣмъ лишь умертвить царя Неморенской рощи и самому занять его мѣсто. Противъ силача, съ которымъ не могъ справиться Кротонъ, не устоялъ бы и гладіаторъ, пользуясь этимъ званіемъ, приобрѣтымъ лишь посредствомъ убіенія предшествующаго «царя».

На всѣ эти вопросы оставалось отвѣтить лишь одно: христіане не убиваютъ, вслѣдствіе какой-то столь великой доброты, что подобной еще не бывало на свѣтѣ, и вслѣдствіе безпредѣльной любви къ людямъ, предписзывающей забывать о себѣ, о своихъ обидахъ, о своихъ радостяхъ и невзгодахъ и жить для другихъ. На какую награду уповаютъ христіане, Винницій слышалъ въ Острани, но не могъ примириться и освоиться съ этимъ. Онъ чувствовалъ, что подобная земная жизнь, соединенная съ отреченіемъ отъ всякихъ благъ и наслажденій въ пользу другихъ, должна быть жалкою. Поэтому въ размышленіяхъ Винниція о христіанахъ, паряду съ чрезвычайнымъ изумленіемъ, отражалось и сожалѣніе о нихъ и какъ-бы оттѣнокъ презрѣнія. Ему казалось, что послѣдователи странного вѣроученія — овцы, обреченные рано или поздно быть съѣденными волками; римская натура Винниція была способна пропикунутьсяуважениемъ къ тѣмъ, которые обрекаютъ себя на поглощеніе.

Его поразило, тѣмъ не менѣе, что, по удаленіи Хилона, лица вѣхъ окружающихъ озарились чрезвычайною радостью. Апостоль подошелъ къ Главку и, положивши руку на его голову, сказалъ:

— Христосъ побѣдилъ въ тебѣ!

Главкъ вознесъ къ небесамъ взоры, проникнутые такой вѣрой и радостью, точно ему ниспослано неожиданное великое счастье. Виницій, способный понять лишь наслажденіе отъ выполненной мести, смотрѣль на него расширившимся отъ лихорадки зрачками, какъ-будто на безумнаго. Онъ увидѣлъ затѣмъ не безъ душевнаго возмущенія, что Лигія приложила свои уста царевны къ рукѣ этого человѣка, вѣшнотью напоминавшаго раба,—и ему казалось, что порядокъ всего міра нарушенъ.

Вернувшійся Урсъ сталъ разказывать, какъ онъ вывелъ Хилона на улицу и какъ просилъ грека простить ущербъ, который могъ причинить его костямъ; апостолъ благословилъ за это и лигійца. Криспъ сказалъ, что этотъ день — есть день великой побѣды. Услышавъ объ этой побѣдѣ, Виницій окончательно сѣлся съ толку.

Когда Лигія вскорѣ снова подала ему прохладительное питье, молодой патрицій на мгновеніе задержалъ ея руку и спросилъ:

— Значитъ, и ты простила меня?

— Мы христіане. Намъ запрещено тантъ въ сердцѣ гибель.

— Лигія, каковъ бы ни былъ твой Богъ, я принесу въ честь Его гекатомбу, потому только, что ты вѣруешь въ Него.

Лигія возразила:

— Ты принесешь Ему жертву въ сердцѣ своемъ, когда полюбишь Его.

— Только потому, что Онъ — твой Богъ... — произнесъ упавшимъ голосомъ Виницій.

Вѣки болниго опустились; силы снова оставили его.

Лигія отошла, но вскорѣ вернулась и, приблизивши къ ложу Виниція, склонилась, чтобы убѣдиться, спитъ-ли онъ. Виницій, почувствовавъ ея приближеніе, раскрылъ глаза и улыбнулся, она-же слегка приложила къ немъ руку, какъ-бы желая склонить его ко сну. Сладостная истома овладѣла имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ болниго. Ночь уже наступила и, по мѣрѣ того, какъ темнѣло, жаръ усиливается. Виницій не могъ уснуть и слѣдилъ взорами за каждымъ движениемъ Лигії. По временамъ, однако, онъ впадалъ въ забытье; при этомъ, онъ видѣлъ и слышалъ все, что происходило вокругъ, хотя дѣйствительность сливалась съ видѣніями бреда. Ему представлялось, что на какомъ-то старомъ, запущенномъ кладбищѣ возвышается храмъ въ видѣ башни. Лигія — жрица этого храма. Большой не сводилъ съ нея глазъ, но она чудилась ему стоящею съ лютней въ рукахъ на вершинѣ башни, окруженною сияніемъ, подобною тѣмъ жрицамъ, пѣв-

шимъ по ночамъ гимны въ честь луны, которыхъ Виницію слушалось видѣть на Востокѣ. Самъ онъ съ чрезвычайными усилиями поднимался по закругленной лѣстницѣ, чтобы походить Лигію, а за нимъ ползъ Хилонъ, стуча зубами отъ ужаса и повторяя: «не дѣлай этого, господинъ, потому что она—жрица, за которую отомстить Онъ...» Виницій не зналъ, про кого говорить Хилонъ, но понималъ, однако, что идетъ совершить святотатство, и также испытывалъ беспредѣльный ужасъ. Когда-же онъ достигъ зубчатой ограды, завершившей башню, рядомъ съ Лигіей внезапно сталъ апостолъ съ серебристой бородой и произнесъ: «не поднимай на нее руки, такъ какъ она принадлежитъ мнѣ». Старецъ, сказавъ эти слова, пошелъ вмѣстѣ съ Лигіей по скѣтлой полосѣ луннаго луча, точно по шти къ небесамъ, а Виницій, простирая къ нимъ руки, умолялъ, чтобы они взяли его съ собою.

Виницій проснулся, опомнился и сталъ осматриваться. Огонь на высокомъ очагѣ пламенѣлъ слабѣ; всѣ, озаренные его отблескомъ, сидѣли, грѣясь у огня, такъ какъ ночь была довольно холодною. Виницій видѣлъ, какъ дыханіе ихъ исходило изъ устъ въ видѣ пара. По серединѣ сидѣлъ апостолъ, у его колѣней, на низкой скамейкѣ,—Лигія, далѣе—Главкъ, Криспъ, Миріамъ, Урсь и, съ другого конца, Назарій, сынъ Миріамъ, мальчикъ съ прелестнымъ лицомъ и длинными черными волосами, ниспадавшими на плечи.

Лигія слушала, обративъ глаза къ апостолу, и всѣ головы были обращены къ нему; онъ говорилъ что-то вполноголоса. Виницій глядѣлъ на него съ суевѣрною боязнью, почти равнouю ужасу, испытанному имъ въ бреду. Онъ подумалъ, что въ бреду, быть можетъ, предугадалъ истину,—что этотъ сѣдой пришелецъ изъ далекихъ странъ, въ самомъ дѣлѣ, отнимаетъ отъ него Лигію и ведетъ ее куда-то, на невѣдомый путь.

Виницій былъ увѣренъ, что старецъ говорить о немъ, и, быть можетъ, совѣтуетъ, какъ разлучить его съ Лигіей: молодому трибуну казалось невозможнымъ, чтобы кто-нибудь могъ говорить о чёмъ-либо другомъ. Онъ сталъ прислушиваться, напрягая все свое вниманіе, къ словамъ Петра.

Оказалось, однако, что Виницій ошибся: апостолъ снова говорилъ о Христѣ.

— Они живутъ лишь Его именемъ!—подумалъ Виницій.

Старецъ разсказывалъ, какъ схватили Спасителя. Пришелъ отрядъ воиновъ и служители первосвященниковъ, чтобы взять Его. Когда Онъ спросилъ: «кого ищете?»—они отвѣтили: «Иисуса Назорея!» Когда-же Онъ имъ сказалъ: «это Я», они пали на землю и не смѣли поднять на Его руки, и лишь послѣ вторичнаго вопроса—схватили Его.

Апостолъ прервалъ повѣствованіе и, протянувъ руку къ огню, произнѣшъ:

— Ночь была холодная, такая-же, какъ шиньче, но во мнѣ вскипѣло сердце,—я извлекъ мечъ, чтобы защитить Его, и отсѣкъ ухо рабу первосвященника. И я защищалъ-бы Его больше, чѣмъ собственную жизнь, если-бы Онъ не сказалъ мнѣ: «Вложи мечъ твой въ ножны. Неужели мнѣ не пить чаши, которую мнѣ далъ Отецъ?» Тогда взяли Иисуса и связали Его.

Произнеся эти слова, онъ подперъ чело рукою и умолкъ, стараясь подавить, передъ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ, живость воспоминаній. Урсъ, не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе, вскочилъ и поправилъ кочергой огонь на очагѣ такъ, что искры посыпались золотымъ дождемъ и огонь вспыхнулъ ярче; затѣмъ онъ снова сѣлъ и воскликнулъ:

— И пусть случилось-бы потомъ что угодно, гей!..

Урсъ мгновенно умолкъ, увидѣвъ, что Лигія приложила палецъ къ устамъ. Лигіецъ дышалъ тяжело, и было замѣтно, что въ душѣ онъ возмущенъ: Урсъ, хотя и готовъ всегда цѣловать стопы апостола, но съ однимъ этимъ поступкомъ не можетъ примириться. Если-бы кто-нибудь тутъ-же, при немъ, дерзнулъ поднять руку на Спасителя, если-бы онъ былъ съ Христомъ въ ту ночь,—онъ сокрушилъ-бы и воиновъ, и рабовъ первосвященническихъ, и служителей... Глаза лигійца наполнились слезами, при одной мысли объ этомъ, отъ скорби и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ душевнаго смущенія: онъ, съ одной стороны, подумалъ, что не только самъ защищалъ-бы Спасителя, но и созвалъ-бы на помошь Ему лигійцевъ,—но, если-бы онъ сдѣлалъ это, оказалъ-бы непослушаніе Спасителю и воспрепятствовалъ-бы искупленію мира.

Оттого онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Апостолъ Петръ, опустивъ руку, подправившую чело, продолжалъ повѣствованіе, но Винницій снова впалъ въ забытье. Услышанныя теперь слова смыкались съ тѣмъ, что апостолъ рассказывалъ прошлою ночью въ Остраниѣ о явленіи Христа на берегу Тиверіадскаго озера. Ему представился широкій разливъ, рыбачья лодка и въ ней Петръ съ Лигіей. Самъ онъ изо всѣхъ силъ плыветъ за ними, но боль въ сломанной рукѣ не позволяетъ ему догнать ихъ. Бурливыя волны ослѣпляютъ его, онъ тонетъ, взыываетъ умоляющимъ голосомъ о спасеніи. Тогда Лигія опустилась на колѣни передъ апостоломъ; старецъ повернулъ лодку и протянулъ къ нему весло. Винницій ухватился за весло, съ ихъ помощью влѣзъ въ лодку—и упалъ на дно.

Затѣмъ ему приснилось, что онъ всталъ и увидѣлъ множество людей, плывущихъ за лодкой. Волны обрызгивали пѣной ихъ головы, у некоторыхъ изъ пучины виднѣлись лишь руки, но Петръ одного за

другимъ спасаль утопающихъ, вытаскивая ихъ въ лодку, расширявшуюся, точно чудомъ. Вскорѣ наполнили ее толпы народа, столь многолюдныя, какъ сборище въ Остраниѣ, а затѣмъ и еще болѣе многочисленныя. Винницій удивлялся, какъ могло помѣститься въ лодкѣ столько людей, и сталъ опасаться, что она затонетъ. Но Лигія принялась ободрять его и указывала ему какой-то свѣтъ на отдаленномъ берегу, къ которому они плыли. Тутъ грезы Винниція снова смыкались съ выслушаннымъ въ Остраниѣ повѣствованіемъ апостола о явленіи Спасителя у озера. Въ надбрежномъ сіяніи онъ различилъ чей-то образъ, къ которому правилъ Пётръ и, по мѣрѣ приближенія, бура стихала, поверхность воды становилась гладже, сіяніе казалось болѣе яркимъ. Народъ запѣлъ сладостный гимнъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ нарда; вода отливала цвѣтами радуги, точно со дна просвѣчиваются лилии и розы... Наконецъ, ладья слегка причалила къ песчаному берегу. Лигія взяла его за руку и сказала: «пойдемъ, я сведу тебя!» — И повела его къ свѣту.

Винницій снова проснулся, но сновидѣніе разсѣпалось лишь постепенно; больной не сразу освоился съ дѣйствительностью. Ему казалось еще нѣсколько времени, что онъ находится надъ озеромъ, где окружаютъ его толпы народа, среди котораго онъ, — самъ не зная, зачѣмъ, — ищетъ Петронія и удивляется, что не можетъ найти его. Пламя очага, передъ которымъ уже не грѣлся никто, возвратило его окончательно къ дѣйствительности. При отблескѣ, очевидно, недавно подброшенныхъ дровъ, Винницій увидѣлъ Лигію, спѣвшую неподалеку отъ его ложа.

Видѣя потрясъ его до глубины души. Онъ вспомнилъ, что молодая девушка провела прошлую ночь въ Остраниѣ, а въ теченіе всего дня хлопотала при перевязкѣ; теперь же, когда всѣ удалились отдохнуть, она одна бодрствуетъ у его ложа. Не трудно было догадаться, однако, что Лигія очень устала: она спѣла неподвижно, съ закрытыми глазами. Винницій не зналъ, спитъ-ли она или углубилась въ размышленіе. Онъ смотрѣлъ на ея профиль, на руки, сложенные на колѣняхъ, и въ языческомъ сознаніи его стало съ трудомъ слагаться представление о томъ, что, наряду съ тицеславной и горделивой элліпской и римской красотой формъ, существуетъ какая-то иная, дивно чистая, одухотворенная прелесть.

Онъ не решался назвать эту красоту христіанской, думая, однако, о Лигіи, не могъ уже обосновать ея обаяніе отъ исповѣдуемаго ею вѣроученія. Онъ постигъ даже, что Лигія, которой онъ панеъ столько обидъ, бодрствуетъ надъ нимъ въ то время, когда всѣ остальные ушли спать, потому именно, что такъ поступать предписывается христіанская

вѣра. Дивясь христіанству, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что мысль эта огорчаетъ его. Онъ предпочелъ бы, чтобы Лигія поступала такимъ образомъ изъ любви къ нему, ради его лица, глазъ, стройнаго тѣла,— словомъ, ради всѣхъ побужденій, вслѣдствіе которыхъ столько разъ обивались вокругъ его шеи бѣлоснѣжныя руки римлянокъ и гре-чанокъ.

Но вдругъ его осѣнила мысль, что, если-бы Лигія стала такою, какъ всѣ остальные женщины, то она лишилась бы въ его глазахъ доли своего обаянія. Открытие это поразило его: что сдѣлалось съ нимъ? Онъ замѣтилъ, что въ его душѣ зародились какія-то новые чувства и влеченія, чуждые міру, среди котораго жилъ онъ прежде.

Лигія раскрыла глаза; видя, что Виницій смотритъ на нее, она приблизилась и сказала:

— Я возлѣ тебя.

Онъ отвѣтилъ:

— Я видѣлъ во снѣ твою душу*).

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Редакція вынуждена ограничиться на этотъ разъ напечатаніемъ столь незна-
чительного отрывка романа вслѣдствіе болѣзни переводчика. Ред.

Вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингії.

Важность его для современной Европы.—Его неразрушимость съ точки зреіїя интересовъ однихъ обоихъ соперниковъ.—Четыре возможныхъ исхода его безъ войны.—Оппозиція Германії.—Процедура рѣшенія.—Заключеніе.

Вопросы, которые болѣе всего поддерживаютъ политическую разнъю между народами Европы въ наши дни и которые поэтому являются главными причинами гнетущаго ихъ милитаризма, суть: *эльзасъ-лотарингій* и *восточный* въ широкомъ смыслѣ. Постановленія на ихъ счетъ договоровъ франкфуртскаго (1871 г.) и берлинскаго (1878) столь несовершены и несправедливы, что настоятельно требуютъ пересмотра и радикального ихъ измѣненія, и чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ лучше. Ими, въ значительной степени, питается, хотя глухая, но сильная вражда между Франціею и Германіею; между Россіею и Англіею, Австріею и даже съ присоединеніемъ сюда, въ известной степени, и Германіи; между Франціею и Англіею съ Италіею. Къ этимъ узламъ политической вражды привлекаются то прямо, то косвенно остальные державы Европы и тѣмъ или инымъ отношеніемъ ихъ къ этимъ капитальными пунктамъ опредѣляется главнымъ образомъ политическая ихъ группировка въ наши дни (союзы: тройственный и двойственный).

I.

Поговоримъ сперва объ участіи *Эльзаса* и *Лотарингіи*. Со временемъ отторженія ихъ отъ Франціи Германіею по франкфуртскому трактату (1872 г.) о нихъ возникла цѣлая литература *), и Франція не пере-

*) Назовемъ напр. различныя брошюры французскаго патріота, скрывающагося подъ псевдонимомъ *Jean Heimweh*: *Pensons-y et Parlons-en*; *Triple-Alliance et Alsace-Lorraine*; *L'Alsace-Lorraine et la Paix*; *La guerre et la frontière du Rhin*; *Patients* (псевдонимъ капитана Moch). *L'Alsace-Lorraine devant l'Europe*, 1894 года.

стаетъ, въ сущности, требовать ихъ возвращенія. Германія, какъ побѣдительница, объ этомъ и слышать не хочетъ и даже соціалисты и наиболѣе радикальныя партіи не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Между тѣмъ для всякаго безпредвзятаго ума очевидны тутъ двѣ истины: во-первыхъ, предоставленная только себѣ самимъ, Франція и Германія никогда не договорятся до окончательного и мирнаго рѣшенія участія Эльзаса и Лотарингіи. Распри изъ-за нихъ тянутся уже впродолженіе трехъ вѣковъ, и слишкомъ противоположны, по отношенію къ нимъ, интересы и воззрѣнія обоихъ могущественныхъ соперниковъ. Во-вторыхъ, пока этотъ вопросъ не будетъ рѣшено окончательно и безпредвзятно, миръ въ Европѣ не будетъ обеспеченъ.

II.

Совершенно противоположными доводами стараются обосновать свое господство надъ этими областями нѣмцы и французы.

Нѣмцы ссылаются на прежнюю ихъ принадлежность къ Германіи, на насильственное или вѣроломное отнятіе ихъ у нея въ свое время Франціею, наконецъ—на необходимость обладанія военными гарантіями противъ всегда возможныхъ въ будущемъ новыхъ нападеній на нихъ ихъ исконнаго врага—Франціи *).

Французы на это отвѣчаютъ указаніемъ глубокаго различія между событиями 17 и 19 вв. Тогда не существовало нѣмецкаго отечества, какъ одного живого цѣлага. Отнятіе Эльзаса Франціею не чувствовалось тогда такимъ поруганіемъ надъ священнѣйшимъ правами человѣка, какимъ оно явилось въ 1870 г. Жители спорныхъ областей вопреки тѣмъ или инымъ даннымъ этнографіи и независимо отъ ихъ языка и вѣроисповѣданія, суть теперь по душѣ, по своимъ чувствамъ и симпатіямъ—французы. Франція создала современный Эльзасъ; въ силу принципа национальности, понимаемаго не въ материальномъ смыслѣ, а въ духовномъ, культурномъ, какъ право самоопределенія населеній, Эльзасъ долженъ принадлежать Франціи. «Наши противники, восклицаетъ Эрнестъ Лависсъ **), отрицаютъ движение въ исторіи, свободу душъ. Мы, на-

Найболѣе обстоятельное сочиненіе. Объ этомъ вопросѣ писали и говорили такія лица, какъ: Лависсъ, Фредерикъ Пасси и Молинари во Франціи; Бизли, Дилькъ и Лабушеръ въ Англіи, Де-Губернатисъ и Бонги въ Италии, Кастеляръ въ Испаніи, Новиковъ въ Россіи, Таллиме въ Швейцаріи, Гобле д'Альвіелла въ Бельгіи, Бѣрністернъ-Бѣрнсонъ въ Норвегіи и мн. др. (Ср. *Heimweh. La guvre et la frontière du Rhin*; 1895; р. 102—103. *Pichon. L'Alsace-Lorraine devant l'Europe Nouvelle*, 1 февраля 1895).

*.) Доводы нѣмцевъ излагаются и опровергаются *Heimweh. L'Alsace-Lorraine et la Paix*. 1894; р. 54—66.

**) *Ernest Lavisse. La Question d'Alsace-Lorraine* (*L'Europe Nouvelle*, 1 juin 1895).

противъ, полагаемъ, что національность есть дѣло природы и исторіи, освященное согласіемъ людей. Мы вѣримъ въ существованіе у народовъ души, которая, медленно слагаясь, также имѣть право на бытѣ и на неприкосновенность, какъ душа отдельнаго человѣка».

Отъ себя добавимъ, что, оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о національности, нельзя не согласиться съ французами въ двухъ пунктахъ ихъ критики: идея отместки въ 1870 г. за дѣянія Людовика XIV и требование военныхъ гарантій равно представляются несостоятельными. Если народамъ, какъ и индивидамъ, вѣчно только озираться назадъ и заботиться о возстановленіи прежнихъ, давно исчезнувшихъ отношеній, для нихъ будетъ невозможно установленіе прочнаго и болѣе справедливаго порядка въ настоящемъ и будущемъ. Политика мести изъ всѣхъ, быть можетъ, самая близорукая и лишенная зиждительной силы. Военной безопасности Германія также отъ обладанія Страсбургомъ и Мецомъ не пріобрѣла: она не прекращаетъ своихъ вооруженій, и натянутость ея отношеній къ Франціи почти не ослабѣваетъ. Оба противника по сю и по ту сторону Рейна истощаютъ себя и другихъ въ безумномъ соревнованіи превзойти одинъ другого въ вооруженіяхъ, въ военныхъ открытіяхъ и т. д., забывая о своихъ высшихъ культурныхъ задачахъ.

III.

Какой-же выходъ изъ этого невыносимаго положенія?

Мыслимы *четыре* способа рѣшенія занимающаго настъ теперь вопроса: возвращеніе спорныхъ областей Германіею Франції; ихъ раздѣлъ между соперниками; присоединеніе ихъ къ какой-либо нейтральной соѣднѣй страны; наконецъ, дарованіе имъ независимости.

1. *Возвращеніе*. Оно можетъ явиться результатомъ либо войны, либо мирныхъ переговоровъ.

Прежде всего нельзя не сказать, что *война* была-бы изъ всѣхъ способовъ рѣшенія наихудшимъ, менѣе всего справедливымъ и окончательнымъ. Съ этимъ согласны теперь и сами французы. Въ самомъ дѣлѣ, что представилъ-бы этотъ исходъ съ точки зрѣнія только однихъ противниковъ? Изъ новой войны Германія вышла-бы либо усиленнымъ военнымъ могуществомъ, что повлекло-бы за собою новое закреѣщеніе ея сыновъ и усиленіе милитаризма и деспотизма въ Европѣ; тогда она отторгла-бы, вѣроятно, новыя области и колоніи отъ Франціи, ослабленіе которой, однако, вовсе нежелательно въ интересахъ всѣхъ. Или-же, наоборотъ, Германія распалась-бы и линилась такимъ образомъ всѣхъ результатовъ политического своего возрожденія, достигнутаго цѣною такихъ усилий. Франція въ новой войнѣ рисковала-бы потерять не однѣ свои области, но и тѣ республиканскія учрежденія,

которыя болѣе всего определяютъ ей свободу и благосостояніе. А въ случаѣ побѣды, она, вѣроятно, потребовала-бы себѣ пресловутую рѣйнскую границу и Бельгію и попыталась-бы снова утвердить надъ Европой тяжелую военную диктатуру, которая напомнила-бы собою эпохи Людовика XIV и Наполеона I. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ было-бы поставлено на карту бытіе нейтральныхъ странъ, лежащихъ между обеими врагами, и были-бы созданы новыя болѣшія опасности для общаго мира и для свободы европейскихъ народовъ. «Какое грубое заблужденіе полагать, говоритъ Новиковъ, будто эльзасъ-лотарингскій вопросъ можетъ быть решенъ только войною. Одни принципы въ состояніи решать международные вопросы. Вотъ почему война тутъ бесполезна. Каковъ-бы ни былъ исходъ будущей войны, вопросъ эльзасъ-лотарингскій останется во всей своей силѣ, пока нѣмцы сохранятъ теперешнія свои идеи. Учрежденія не входять въ умы людей действиемъ пушекъ. Идеи, а не массы избѣженія преобразуютъ міръ» *).

Но этого мало: при существующихъ политическихъ союзахъ, война франко-германская одна немыслима: она сейчасъ-же превратилась-бы въ общеевропейскую, даже, вѣроятно, въ міровую. Къ Германиі присоединятся не только ея прямые союзники Австрія и Италия, но, по всѣмъ предположеніямъ, Англія и, нѣкоторыя второстепенные страны. Съ Франциею пойдетъ обѣ руку Россія.

Конечно этими замѣшательствами воспользуются Японія, Китай, балканскія земли и т. д. Но, что вышло-бы изъ всего этого, и кто, въ сущности, выиграль-бы? При довольно уравновѣшенности силъ главныхъ противниковъ борьба ихъ, поглотивъ страшныхъ жертвъ, не могла-бы быть ни решительна, ни окончательна. Миръ, которымъ она кончилась-бы, былъ-бы еще болѣе неремириемъ, чѣмъ то, среди котораго мы живемъ теперь. Но Европа, въ конецъ разоренная и обезсиленная, сделала-бы еще новые, болѣшіе шаги назадъ къ огрубленію и варварству сравнительно съ печальною войною 1870—71 г.

И такъ остается открытымъ только мирный путь переговоровъ. Но захочетъ-ли на него вступить побѣдительница Германия? Это, при существующихъ порядкахъ, болѣе чѣмъ сомнительно. Впрочемъ, къ этому пункту мы вернемся еще далѣе, а здѣсь на время допустимъ, что такие переговоры открылись. Что могла-бы предложить ей Франція взамѣнъ двухъ этихъ областей?

Выкупъ? Но этотъ способъ претитъ нравственному сознанію цивилизованного общества. Люди не стадо животныхъ, которыхъ можно было-бы дѣлить и вымѣнивать на деньги.

*) *Novicow.* La question de l'Alsace-Lorraine ne sera jamais r  solue par la guerre. (*L'Europe Nouvelle.* 1 Mai, 1894).

Обмѣнъ на какую-либо колонію, кстати ихъ много у Франції? На этотъ способъ не пойдетъ Германія изъ-за чувства національного достоинства. Взятый самъ по себѣ, онъ, какъ и предшествующій способъ, недостаточенъ еще, потому что не въ состояніи дать Германіи тѣхъ военныхъ гарантій, ради которыхъ она настаиваетъ на обладаніи имперскою областью (Reichsland, какъ специально зовутся теперь Эльзасъ и Лотарингія). Этотъ аргументъ едва-ль не самый рѣшительный въ глазахъ нѣмецкихъ военныхъ людей и патріотовъ вообще. Принимая въ соображеніе, говорить онъ, любовь французовъ къ военной славѣ, ихъ воинственность, одушевляющую ихъ жажду мщенія, какую опасность представляетъ для южной Германіи, въ рукахъ Франціи, уголь Виссембурга, опирающейся на такія крѣпости, какъ Мецъ и Страсбургъ? Обладаніе первымъ городомъ одно стоитъ для нея стотысячной арміи.

На это справедливо возражаютъ французы, что напрасно ихъ противники приписываютъ *современной* Франціи, демократической и трудящейся, недостатки, отличавшіе ее въ прежніе эпохи: войнолюбіе и страсть къ завоеваніямъ. Если-бы у нея не были отторгнуты эти двѣ ея области, ни о какомъ мщеніи послѣ войны 1870—71 г. она и не помышляла-бы. Какая ненависть отдѣляла прежде французовъ отъ англичанъ! А развѣ онъ не примирились теперь, хотя первые и не потребовали предварительно удовлетворенія за Ватерлоо и Св. Елену?*) Что-же касается до владѣнія Мецомъ, то, какъ это доказалъ послѣдующій почти 25-ти-лѣтній опытъ, оно не только не доставило Германіи выгодъ 100 тысячной арміи, но заставило ее наоборотъ увеличить свои резервы въ нѣсколько сотъ тысячъ!

Одинъ изъ нейтральныхъ публицистовъ Tallichet выступилъ въ издаваемомъ имъ швейцарскомъ журналь: «Bibliothèque universelle et Revue Suisse» (янв. 1892 г.) **) съ слѣдующимъ проектомъ: «Германія следовало-бы, болѣе всего въ собственныхъ интересахъ, отказаться среди мира и добровольно отъ имперской области, но, конечно, подъ условіемъ достаточнаго за это вознагражденія: Франція могла-бы дать ей одну изъ своихъ колоній, напр. Тонкинъ, имѣющій большую будущность, или протекторатъ надъ Мадагаскаромъ. Кромѣ того, всѣ крѣпости въ имперской области срываются и стороны обязуются никогда не возводить тамъ новыхъ. Ничто не помѣшало-бы Франціи, говорить уважаемый авторъ, согласиться на эти условія. Тогда Эльзасъ-Лотарингія сдѣлалась-бы страною открытою, какъ-бы связующимъ звеномъ между обѣими спорящими о нихъ странами и новымъ надежнымъ оплотомъ мира. За этимъ могло бы послѣдовать общее соглашеніе между европейскими кабинетами по

*) Хорошо у *Heimweh. L'Alsace-Lorraine et la Paix*; p. 64 sv.

**) Эта статья: „La paix en Europe“ перепечатана въ *L'Europe nouvelle* (1 d間embre 1894).

различнымъ вопросамъ и особенно по вопросу объ уменьшениі вооруженій, которыя потеряли-бы свое разумное основаніе съ момента устраненія главныхъ причинъ ихъ несогласій. Впрочемъ, при этомъ условіи, даже безъ такого соглашенія, вооруженія быстро пошли-бы на убыль. Если наша мысль вѣрна, она проложить себѣ дорогу. Пусть только будуть съ каждымъ годомъ возрастать существующія тягости; Германія придется, наконецъ, къ тому заключенію, что Эльзасъ-Лотарингія представляетъ для нея не только вѣчную опасность, но и большое препятствіе къ ея замиренію и благоденствію. Тогда она подумаетъ объ устраненіи этой опасности и, дай Богъ, чтобы это не было уже поздно. Лишьбы только не давала она національной гордости себя ослѣплять. Пусть-же, при полномъ обладаніи своимъ могуществомъ, она добровольно пожертвуетъ Эльзасъ-Лотарингію дѣлу мира въ Европѣ,—она тѣмъ самымъ сдѣлается для собственного величія и блага гораздо болѣе, нежели выигрывая какія-бы то ни было битвы, ибо она призоветъ на себя благородность и благословенія всѣхъ людей».

Прекрасныя и глубоко вѣрныя слова. Къ сожалѣнію, самъ авторъ сознается, что, при существующемъ настроеніи въ Германіи «весьма мало вѣроятій», чтобы она пошла на уступку спорныхъ областей даже подъ условіемъ вознагражденія. Между тѣмъ мысли его нашли себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, приверженцевъ во Франціи. Ихъ повторяется и добавляется напр. Геймве *). Онъ за приравненіе Эльзасъ-Лотарингіи къ положенію Шабле и Фосини, на которыя распространенъ нейтралитетъ Швейцаріи: не только крѣпости въ этой области должны быть срыты, но и гарнизоны, въ ней содержащіеся, не превышать опредѣленной численности. Франція, уступая взамѣнъ ея одну изъ своихъ колоній, вноситъ и потребную сумму для ея обзаведенія и управленія на первое время. Если эта колонія довольно велика и пользуется здоровымъ климатомъ (Мадагаскаръ былъ-бы для этого особенно пригоденъ), во сколько разъ она была-бы полезнѣе имперской области для Германіи въ видахъ направленія туда избытка ея населенія и доставленія нового рынка, для ея промышленности **). Авторъ дѣлаетъ еще одно весьма симпатичное предложеніе: пусть Страсбургъ, съ согласія его жителей, будетъ объявленъ вольнымъ городомъ; университетъ его, полу-нѣмецкій, полу-французскій, содержался-бы на средства обоихъ великихъсосѣднихъ народовъ. Это превратило-бы ихъ вѣковую вражду въ мирное соревнованіе, поставивъ

*) *Heimweh*, см. особенно отдѣль: „La solution“ въ назв. его брошюрѣ „La guerre et la fronti re du Rhin“, р. 103—110 et 82—83.

**) Въ 24 года со времени присоединенія имперской области въ ней поселилось меньшее число нѣмцевъ (считая ихъ должностныхъ лицъ съ семействами). нежели какое выселяется изъ вѣа среднимъ числомъ въ одинъ годъ.

подъ одну сѣнь науки пѣмецкихъ студентовъ и профессоровъ съ ихъ французскими товарищами.

Такое рѣшеніе эльзасъ-лотарингскаго вопроса, по мнѣнію автора, одно достойно цивилизованной Европы. Лишь этимъ бы былъ бы сдѣланъ серьезный шагъ къ ея замиренію. Но, какъ республиканецъ, онъ требуетъ, чтобы само населеніе имперской области было спрошено о своемъ желаніи—принадлежать впредь къ Германіи ли или къ Франціи, очевидно не сомнѣваясь въ какую сторону будуть поданы ея голоса.

Но возможно-ли, чтобы Германія, гдѣ вообще теорія плебесцитовъ даже въ литературѣ не пользуется никакимъ авторитетомъ, пошла на это условіе? Самъ Геймве очень хорошо говорить о глубокихъ противорѣчіяхъ, все еще господствующихъ въ общественномъ строѣ и въ политическихъ учрежденіяхъ нѣмецкаго народа, о развоенности души образованнаго нѣмца въ наши дни, вслѣдствіе существованія у него множества отжившихъ феодальныхъ порядковъ и воззрѣй, и видѣть главную причину ненависти пѣмцевъ къ французамъ въ наше время въ проискахъ военно-юнкерской партіи въ Пруссіи, которая єю пользуется какъ лучшимъ орудіемъ для собственного возвышенія и для порабощенія остального населенія.

Какъ бы то ни было, но страннѣе можетъ показаться то, что въ послѣднемъ пункѣ съ французскимъ авторомъ сходится и нашъ соотечественникъ г. Новиковъ *), горячій, впрочемъ, поборникъ мира и справедливости въ международныхъ сношеніяхъ: единственное *решеніе* эльзасъ-лотарингскаго вопроса, говорить онъ, таково: опросить населеніе по сю сторону Вогезовъ и по ту Рейна и поступить сообразно съ его голосованіемъ. Внушить нѣмцамъ, что собственный ихъ прямой *интерес* требуетъ примѣненія принципа національности къ Эльзасу и Лотарингію,—вотъ надѣль чѣмъ слѣдуетъ работать болѣе всего и непрерывно **).

Это просто и радикально, но, къ сожалѣнію, страшно трудно осуществимо на практикѣ. Въ имперской области 1.600,000 жит. Кромѣ ихъ желаній, нельзя же не считаться съ желаніями ихъ могущественныхъ соперничающихъ сосѣдей. Какъ уже сказано, ни въ идеи, ни въ нравы нѣмцевъ не проникла еще теорія плебесцитовъ. Какъ ожидать, чтобы они согласились примѣнить ее, да еще къ такой области, какъ Эльзасъ-Лотарингія, когда Пруссія отказалась приложить ее даже къ сѣверному Шлезвигу? Кромѣ того, это ученіе, чтобы вступить въ жизнь, должно быть поставлено на *международную почву* и со стороны формы и процедуры обеспечено серьезными *гарантіями*. Очевидно, для согла-

*) Недавно вышли его послѣднія интересныя работы: *Les luttes entre sociétés humaines et leurs phases successives*; 1893, и *La guerre et ses prétendus bienfaits*; 1894.

**) Выше—назв. ст. его въ *L'Europe Nouvelle*.

шения обоихъ противниковъ надо искать другого исхода, болѣе удобо-пріемлемаго для нѣмцевъ.

IV.

2. Нѣкоторые, также нейтральные, писатели предлагаютъ поэтуому *раздѣлъ* Эльзаса и Лотарингіи между обоими соперниками. Мысль эта не новая, но она была недавно опять высказана Пан-Аріономъ *), съ-веро-американскимъ гражданиномъ, и горячо поддержанна Лѣвомъ (Love), президентомъ упіи всеобщаго мира въ Филадельфіи. Раздѣлъ этотъ пропизвести на основаніи принципа національности, признакомъ котораго взять исключительно языкъ населенія. Настоящими границами народовъ должны быть признаны лишь тѣ, которыя проводятся по языку. По мнѣнію автора Германіи въ этомъ случаѣ пришлось бы поступиться не болѣе какъ 250,000 чel., т. е. приблизительно шестою частью всего населенія этой области и притомъ тѣми округами ея, которые примыкаютъ къ Франції. Но она потеряла бы Мецъ. Однако, при современныхъ тактическихъ условіяхъ, это не означало бы многого, ибо «всѣмъ извѣстно, что въ случаѣ франко-германскаго столкновенія, нейтралитетъ Бельгіи и Швейцаріи будетъ рано или поздно нарушенъ. Поэтому Мецъ становится почти ненужнымъ для Германіи, которая взамѣнъ его обрѣла бы гарантію гораздо болѣе надежную въ дружбѣ Франціи».

Такимъ образомъ, уступивъ послѣдней 250,000 чel., Германія навсегда закрѣпила бы за собой 1½ милл. эльзасцевъ, говорящихъ по-нѣмецки. Авторъ разсчитываетъ при этомъ на великодушіе нѣмцевъ и на пониманіе ими ихъ собственной пользы. Мысли свои онъ особенно рекомендуетъ вниманію императора Вильгельма II, горячо приглашая его «присоединить къ славнымъ дѣяніямъ прошлаго еще такое, которое затмило бы всѣ поступки, упоминаемые въ исторіи и даровало бы ему титулъ императора мира, вслѣдствіе закрѣпленія навсегда мира на землѣ». Противъ этого проекта раздѣла французы дѣлаютъ, по существу, два возраженія: во-первыхъ, не вѣрна и слишкомъ низка оценка лицъ, для которыхъ французскій языкъ является въ Эльзасѣ-Лотарингіи природнымъ: число ихъ равняется не менѣе 800,000 чel. Во-вторыхъ, эта провинція, въ силу всего своего прошлаго, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Предлагаемый критерій для ея раздѣла—языкъ—болѣе чѣмъ несостоятеленъ въ видахъ справедливаго опредѣленія національности говорящихъ на немъ лицъ. Вообще, говорить Геймве **), эти вопросы о

*) *Pan-Aryon. Un commencement de paix universelle* (въ извлечениі въ L'Europe Nouvelle 1 Mai 1895; впервые напечатана въ Нью-Йоркѣ въ Review of Reviews 1 декабря 1894, и на франц. яз. въ Revue des Revues, 15 янв. 1895 г.).

**) См. отвѣтъ его Пан-Аріону въ назв. брошюре: La guerre et la frontière du Rhin; p. 73—§3 и L'Europe Nouvelle, 1 мая, 1895 г.

національности, къ несчастію, не такъ прости, какъ это предполагаетъ Пан-Арианъ. Отождествить отечество съ языкомъ, сдѣлать изъ послѣдняго вѣрный признакъ національности, это, по свидѣтельству множества фактовъ, очевидное преувеличеніе или даже заблужденіе. Разнообразныя причины соединяютъ людей въ одно цѣлое и общность языка только одна изъ такихъ причинъ (и не всегда даже главная). Это бросается въ глаза въ Швейцаріи, гдѣ національности нѣмецкая, французская и итальянская слились въ одинъ прочно сплоченный народъ. Мы видимъ это даже во Франціи, одной изъ наиболѣе централизованныхъ странъ, гдѣ однако населеніе, кромѣ французского языка, говорить еще по-бретонски, фланандски, нѣмецки, провансальски, итальянски, баски. Не то же ли самое представляется въ Америкѣ, гдѣ въ Канадѣ $1\frac{1}{2}$ милл. французовъ, будучи столь же вѣрными подданными королевы англійской, какъ ихъ англійские сограждане, сохраняютъ однако съ любовью нравы и языки своихъ отцовъ.

Словомъ, если указанный признакъ принимать въ буквальномъ смыслѣ и распространять его на всѣ языки и національности, пришлось бы перемежевать множество границъ и передѣлать чуть не весь міръ и это было бы большею частію къ ущербу цивилизациі, ибо нахожденіе въ государствахъ различныхъ національностей и притомъ съ языками смежныхъ къ нимъ народовъ, есть само по себѣ такой фактъ, который, содѣйствуя обмѣну между ними идей, служитъ къ установленію лучшихъ отношеній между самими государствами *).

Для того, чтобы произвести предлагаемый раздѣлъ по справедливости, надо было бы найти въ поведеніи, въ нравахъ и въ воззрѣніяхъ жителей, говорящихъ на томъ или на другомъ языке, какія либо различія, которыхъ, однако, ни въ чёмъ не существуютъ. Они одинаково мыслятъ и чувствуютъ въ громадномъ большинствѣ какъ французы, хотя бы и говорили по-нѣмецки. Франція, присоединивъ ихъ, оставила имъ языкъ и нравы; она не поступала съ ними какъ Германія, которая, послѣ 1871 г. хотѣла во что бы то ни стало германізировать ихъ и не отступаетъ для этого ни предъ какимъ административнымъ и полицейскимъ давленіемъ. Но ни археология, ни этнографія, ни языки, ни грубая военная отторженія опредѣляютъ національности, а ихъ духовные особенности и потребности, сказывающіяся въ самомъ сознаніи ихъ членовъ, и считаются съ которыми обязаны въ нашъ цивилизованный вѣкъ самп государствомъ.

Чтобы опредѣлить настоящее настроеніе эльзасцевъ-лотарингцевъ, существуетъ два весьма вѣрныхъ признака: выселеніе и выборы среди нихъ депутатовъ въ члены рейхстага.

*; Тамъ-же, стр. 74—75.

По даннымъ пфемецкой же официальной статистики мы узнаемъ, что за первый 20-лѣтній періодъ (1871—90) изъ Эльзаса-Лотарингіи выселилось 280,000 чel., что составляетъ около пятой части всего туземнаго населенія. Лишь въ большихъ городахъ эмиграція нѣмцевъ уравновѣшиваетъ или даже, какъ въ Страсбургѣ, превосходитъ число выселенцевъ, но въ сельскихъ округахъ она доселѣ очень слаба. Съ 1871 до 1875 г. выселилось 80,000 чel.; съ 1875 до 87 число ихъ колебалось между 13 и 7,000 чel. въ годъ, но въ 1886 г. оно опять достигло 8,600 чel. и съ тѣхъ поръ оно не измѣнилось значительно *). Свидѣтельствуя о патріотизмѣ эльзасцевъ, выселеніе, справедливо говорить Геймве, является средствомъ протеста болѣе опаснымъ, нежели выгоднымъ, патетичнымъ по формѣ, но по существу обманчивымъ, поощрять которое неблагоразумно.

Не менѣе характерны по своимъ указаніямъ выборы депутатовъ отъ имперской области въ рейхстагѣ. Несмотря на цѣлый рядъ давленій и насилий, къ которымъ дозволило себѣ прибѣгать въ неѣ правительство въ видахъ ихъ направленія (объявленіе осаднаго положенія, запрещеніе сходокъ, выставленіе собственныхъ кандидатовъ, крайнія стѣсненія печати и т. д.), въ депутаты избирались по преимуществу, если не исключительно, лица *протестующія* (*les protestataires*) противъ нѣмецкаго режима и враждебнаго имперіи и эти результаты достигались, между прочимъ, благодаря неестественному союзу между черными и красными, т. е. между католиками и соціалистами, которые, какъ показалъ опытъ, одни въ состояніи съ успѣхомъ бороться противъ военнаго деспотизма Пруссіи. И что всего любопытнѣе: наиболѣе враждебными къ нѣмецкому владычеству оказались сельскіе округи съ природнымъ нѣмецкимъ языкомъ **).

Итакъ, дѣлежъ Эльзаса и Лотарингіи не удовлетворилъ-бы никого и менѣе всего ихъ жителей, о которыхъ ихъ американскіе друзья повидимому и не заботятся ***). Пусть-же не винимаетъ совѣтамъ послѣднихъ, восклицаетъ эльзасскій патріотъ, слова котораго мы часто приводимъ (*Heimweh*), германскій императоръ; пусть онъ отнесется къ вопросу эльзасъ-лотарингскому не какъ деспотъ, по своему произволу рѣшающій участъ полутора мілліона своихъ ближнихъ, а какъ государь просвѣщенный, уважающій человѣческое достоинство и стремящійся къ утвержденію, въ сфере международныхъ сношеній, справедливости и мира. Пусть онъ обратится къ самому населенію, подвергнувшемуся столь тяжкой участіи въ 1871 г., и предоставитъ ему возможность самому рѣшить свою дальнѣйшую судьбу.

*) *Heimweh. La guerre, etc.*, p. 78, и *L'Alsace Lorraine et la paix*. p. 40—41.

**) *Heimweh. L'Alsace-Lorraine et la paix*; p. 43—53.

***) *Fréd. Passy. La question de la Paixde L'Europe Nouvelle*, 1 juillet, 1893.

V.

3. Указываютъ еще на другое рѣшеніе занимающей насъ проблемы: на присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, какъ земли въ свою очередь *зажиренной*, къ одной изъ *нейтралізованныхъ* странъ: къ Люксембургу, къ Бельгіи или къ Швейцаріи. Люксембургъ самъ по себѣ слишкомъ слабъ для этого и, кромѣ того, онъ входить въ составъ Германской имперіи.

Бельгія, какъ монархія и сравнительно еще очень недавняго происхожденія, представляеть менышія гарантіи для прочнаго мира въ дѣлѣ указываемой комбинаціи, нежели Швейцарія. На нее поздавна заявляла претензіи Франція, теперь не особенно къ ней дружелюбная изъ-за Конго; въ печати ходили не разъ слухи не то о симпатіи, не то о союзѣ бельгійскаго правительства съ нѣмецкимъ. Бельгія территоріально не соприкасается съ имперскою областію.

Намъ поэтому лучшимъ представляется присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи къ Швейцаріи. Но французскіе писатели осуждаютъ этотъ проектъ: сами указанныя страны, говорять они, поспѣшили бы отклонить столь опасный даръ, ибо онъ не обладаютъ достаточными военными силами для воспрепятствованія Эльзасъ-Лотарингіи возсоединиться съ Франціею. Особенно Швейцарія была-бы противъ присоединенія равнинъ ея къ себѣ, ибо это отразилось-бы глубоко на собственномъ ея строѣ, столь однородномъ и сплоченномъ. Да и самимъ заинтересованнымъ лицамъ не понравилась-бы такая перспектива.

Позволяемъ себѣ находить эти утвержденія голословными. Каковы были-бы на этотъ счетъ желанія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ — въ этомъ слѣдовало-бы прежде серьезно убѣдиться. Самы французы прославляютъ Швейцарію за прочность ея свободнѣйшей въ Европѣ конституціи и за искусство, съ которымъ эта маленькая страна сумѣла мирно соединить подъ своею властью части различныхъ національностей и особенно тѣ дѣя главныя, нѣмецкую и французскую, которыхъ составляютъ населеніе обѣихъ этихъ областей и являются яблокомъ раздора между ея двумя могущественными сосѣдями. Съ ихъ согласія Швейцарія могла-бы совершить это дѣло мира, ничѣмъ не рискуя. Страсбургъ сродствомъ Базелю иначе не менѣе чѣмъ любому изъ другихъ нѣмецкихъ городовъ, но на него повѣяло-бы оттуда свободою, которую онъ конечно не найдетъ подъ прусскимъ режимомъ. А что можетъ отделять Мюлльгаузенъ отъ Женевы, идеи которой первѣко вліяли на Парижъ?

VI.

4. Еще предлагаются: обяжать Эльзасъ-Лотарингію *независимымъ государствомъ*. Но это, конечно, подъ двумя условіями: чтобы оно было нейтралізовано и чтобы его жители сами выбрали какъ форму правленія, такъ и лицо или лица, имѣющія стать во главѣ ихъ.

Но можно-ли, восклицасть Геймве, создать независимое государство изъ двухъ провинцій прежде раздѣленныхъ и никогда не составлявшихъ цѣльного организма? Такое созданіе безъ precedentовъ и традицій въ прошломъ, безъ желанія жителей или вопреки таковому было-бы предприятіемъ крайне рискованнымъ; это государство составило-бы узкую полосу земли между двумя могущественными державами, которая не замедлила бы ее задушить въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Не безъ основанія кн. Бисмаркъ въ своей рѣчи въ рейхстагѣ 2 мая 1871 г., оправдывая присоединеніе г҃ь Германіи Эльзаса и Лотарингіи, полагалъ невозможнымъ для нихъ, если-бы они были сдѣланы независимыми, соблюденіе нейтралитата, въ случаѣ новой франко-германской войны. И дѣйствительно, добавляетъ Геймве, въ военномъ отношеніи они для этого были-бы слишкомъ слабы, а симпатіи ихъ не преминули-бы съ первого дня этой борьбы бросить ихъ въ объятія Франціи *).

Мы, однако, полагаемъ, что независимость явилась-бы и для нихъ еще высшимъ благомъ, чѣмъ возвращеніе къ Франціи хотя-бы даже безъ войны; да и заслужили они эту независимость своими прежними долгими страданіями. Фактъ, что они не составляли ранѣе государства, не есть возраженіе, ибо французскіе-же писатели признаютъ за ними извѣстную культурную цѣльность и обособленность. Превращеніе ихъ въ самостоятельный политический организмъ могло-бы состояться только на *международной почвѣ*, т. е. съ согласія и по опредѣленіямъ Европы, а въ такомъ случаѣ не пришлось-бы бояться ни за сліяніе ихъ опять съ Франціею, ни за подавленіе ихъ тѣмъ или другимъ изъ могущественныхъ ихъ сосѣдей.

VII.

Какъ разсмотрѣнное нами сейчасъ рѣшеніе, такъ и предшествующій способъ (соединеніе Эльзасъ-Лотарингіи съ Швейцаріею) должны быть признаны удобопріемлемыми для всѣхъ странъ и этимъ было-бы положено начало новому и болѣе прочному миру между обоими противниками по сю и по ту сторону Рейна. Франція должна принять одно изъ этихъ рѣшеній уже по любви своей къ Эльзасу и Лотарингіи. Для Германіи

**) Heimweh. La guerre, etc. p. 104—105.*

же эта жертва не могла-бы показаться излишне тягостною, она сдѣлала-бы ее среди мира, по собственному рѣшенію, какъ страна высоко-культурная, а не подъ угрозою надменнаго побѣдителя и принесла-бы она ее ради столько-же собственного блага, какъ и ради высшаго блага и мира Европы и послѣ того, какъ она обезопаситъ себя цѣлою непрерывною полосою замиренныхъ странъ, которая навсегда отдала-бы ее отъ Франціи.

Однако, которому изъ этихъ обоихъ способовъ отдать предпочтеніе?

Для Европы выборъ между ними безразличенъ и онъ долженъ быть предоставленъ самимъ заинтересованнымъ, т. е. жителямъ Эльзаса и Лотарингіи.

Но этотъ *плебисцитъ*, какъ институтъ совершенно новый и международный, долженъ и быть поставленъ на почву международную и обставленъ таковыми-же гарантіями. Голосованіе, о которомъ мы говоримъ, чтобы быть вполнѣ свободнымъ и вѣрно выражать волю населенія, должно быть устроено вѣдь всякаго военнаго давленія и изъято отъ воздействиія со стороны ихъ обоихъ соперничающихъ соцѣдей. Лучше всего, чтобы оно происходило подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ *международной комиссіи*, составленной изъ делегатовъ Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и Италии. Лица, которые остались-бы недовольными решеніемъ участіи ихъ отечества, пользуются въ широкихъ границахъ правомъ выселенія, куда они захотятъ, но не будучи стѣсняемы ни срокомъ пользованія этимъ правомъ, ни обязанностью продать свои недвижимыя имущества въ покидаемой ими странѣ.

По какъ поступить, если голосованіе будетъ въ пользу все-таки возращенія къ Франціи? Признать-ли его дѣйствіе и въ этомъ случаѣ?

Теоретически разсуждая, конечно, его слѣдовало-бы признать, но, принимая во вниманіе оппозицію этому Германіи и имѣя въ виду возможно скорое и прочное замиреніе *всіхъ*, жители Эльзаса и Лотарингіи, по требованію Европы, должны были-бы сдѣлать выборъ лишь между альтернативою либо присоединенія къ одной изъ нейтралізованныхъ странъ, либо полученія независимости. Примириться съ этимъ они могли бы тѣмъ больше что за этимъ, какъ предлагаютъ некоторые, могла-бы послѣдовать таможенная унія между Франціею и Германіею, въ которой ихъ страна явилась-бы живымъ и посредствующимъ между нами звеномъ.

Новый *международный актъ*, который опредѣлилъ-бы указанное положеніе Эльзасъ-Лотарингіи и замѣнилъ-бы собою франкфуртскій трактатъ 1871 г., долженъ былъ-бы быть выработанъ на *обще-европейскомъ конгрессѣ* и поставленъ подъ гарантію всѣхъ его участниковъ.

VIII.

До сихъ поръ мы разсматривали возможные способы рѣшенія эльзасъ-лотарингскаго вопроса все въ томъ предположеніи, что на рѣшеніе его согласится *Германія*. Но вѣрно-ли это? Какъ смотрятъ на него сами нѣмцы и что дѣлать въ видахъ склоненія ихъ къ перерѣщенію этого злополучнаго дѣла?

Въ этомъ отношеніи любопытна небольшая брошюра Франца *Вирта*, предсѣдателя нѣмецкаго общества мира во Франкфуртѣ на Майнѣ и одного изъ членовъ постоянной комиссіи конгрессовъ мира. Мысли его интересны еще потому, что онъ принадлежитъ къ партіи соціаль-демократовъ, которые, сравнительно говоря, напменѣе враждебны къ идеѣ возвращенія имперской области Франціи *). Успія, направляемыя за послѣднее время французскими и американскими друзьями мира въ пользу такого возвращенія, говоритъ авторъ, дѣлаютъ необходимымъ ознакомленіе французского народа и друзей мира съ настоящими чувствами Германіи обѣ этомъ вопросѣ. Общее мнѣніе въ Германіи таково, что должно считать совершенно бесполезною всякую попытку соглашенія между нею и Франціею насчетъ этого. Если хотѣть достичь третейскаго суда, мира и разоруженія—надо признать *statu quo*. Иначе предъ нами возникъ бы нескончаемый рядъ претензій: Ницца, родина Гарibalди, захотѣла-бы вернуться къ Италиѣ, Савойя—соединиться съ Швейцаріею, Польша и до дюжины другихъ славянскихъ земель пожелали-бы перемѣны своей участіи. Мы никогда не кончили-бы, если-бы захотѣли всѣхъ удовлетворить. Американцы ошибаются, утверждая будто къ Германіи была присоединена французская часть Лотарингіи. Лишь Мецъ и прилегающія къ нему деревни были не нѣмецкой національности. Никогда Германія ихъ не отдастъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ п они станутъ нѣмецкими. Иностранцы не знаютъ, какъ глубоко въ народной душѣ нѣмцевъ запало представление обѣ Эльзасѣ и Лотарингіи. Обѣ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ народныя пѣсни. Опустошенія, нѣкогда произведенныя французами въ Германіи, оставили по себѣ непизгладимые слѣды. Никогда не забудутъ нѣмцы разореніе Палатоноша, сожженіе и разграбленіе 300 деревень, развалины Вормса, Гейдельбергскаго замка. Они знаютъ ненасытное честолюбіе французовъ, вѣчно мучимыхъ желаніемъ распространить свои границы вплоть до Рейна. Для того, чтобы оградить себя отъ этого беспокойнаго и несговорчиваго народа, они отняли у него земли имъ же у нихъ нѣкогда похищенные, они его

*) Эта брошюра: *L'Alsace et la France разобрана Геймве въ его La guerre etc p. 85—111.*

ослабили, лишивъ Меца и Страсбурга, но послѣ войны, объявленной имъ Франціею, безъ достаточныхъ поводовъ.

Если друзья мира хотятъ что-либо сдѣлать, они должны оставить въ сторонѣ такъ называемый эльзасъ-лотарингскій вопросъ. Товарищи ихъ во Франціи слишкомъ много имъ занимаются. Если-бъ имъ было извѣстно общественное настроеніе въ Германіи, они видѣли-бы, что ничего нельзя сдѣлать по этому вопросу. Фред. Пасси требуетъ предоставленія Эльзасу права располагать самимъ собою. Мы, говорить Виртъ, граждане бывшей франкфуртской республики и, принадлежа къ партіи соціаль-демократовъ, конечно, согласились-бы дать эльзасцамъ право выскажать свою волю, но мы составляемъ такое менышинство германского народа, который такъ рѣшительно противъ подобнаго голосованія и вообще противъ возвращенія Эльзаса при какихъ-бы то ни было условіяхъ, что совершенно даже бесполезно останавливаться болѣе на этомъ. Жалобы и прописки здѣсь французовъ одна изъ причинъ, задерживающихъ успѣхъ миролюбивыхъ идей въ Германіи. Два общества мира, основанныя Годжсонъ! Протомъ въ Дармштадтѣ и Штутгартѣ, были закрыты, потому что онъ помѣстилъ въ свое мѣсто журнатаѣ нѣсколько замѣчаній о присоединеніи Эльзаса. Теперь обсужденіе этого вопроса было-бы еще пагубнѣе для приверженцевъ мира. Пусть-же таковы во Франціи серьезно позаботятся объ умѣреніи, въ этомъ направленіи, патріотического пыла своихъ соотечественниковъ и особенно объ обузданіи издаваемыхъ во Франціи популярныхъ журналовъ и брошюръ, въ которыхъ прославляется война, проповѣдуется отомщеніе, и всячески возбуждается ненависть къ Германіи.

Нѣмцы въ наши дни не отвергаютъ громадной выгоды, которую представило-бы окончательное примиреніе ихъ съ Франціею, но они по-своему смотрять на рѣшеніе этой многотрудной задачи. Она состоится прежде всего въ томъ, читаемъ мы въ другой новѣйшей статьѣ одного германского патріота *), чтобы «убѣдить французовъ въ необходимости честно держаться франкфуртского договора и признать окончательнымъ созданное имъ размежеваніе земель». Идея отомщенія не имѣеть подъсобою почвы. Придерживаясь ея, люди никогда не могутъ отказаться отъ войны. Всякий, побѣженный въ послѣдней войнѣ, будетъ, опираясь на нее, завтра же помышлять объ отплатѣ. Это мораль—достойная дѣтей или варваровъ. Пора намъ промѣнять понятія о воображаемой чести на другое, болѣе высокое. Авторъ тоже ищетъ опереться на национальность эльзасцевъ и на предполагаемое желаніе лотарингцевъ оставаться въ теперешнемъ ихъ политическомъ положеніи. Послѣдніе выборы, по его

*) France et Allemagne (L'Europe Nouvelle 1 Mai 1894) статья, напечатанная не безъ оффціозной связи съ Берлпомъ.

словамъ, показываютъ сильное возрастаніе въ нижнемъ Эльзасѣ числа голосовъ, благопріятныхъ для Германіи. Съ каждымъ годомъ увеличивается число тѣхъ, которые признаютъ въ Германской имперіи законнаго преемника прежней «Священной Имперіи», въ составъ которой, какъ одинъ изъ ся лучшихъ иерловъ, входилъ и Страсбургъ. Другіе преклоняются предъ давностію и соглашаются съ тѣмъ, что время, этотъ общій нашъ владыка, оказываетъ мощное свое дѣйствіе и на лицъ. Понемногу оно закроетъ пропасть, сдѣланную къ несчастію центральной Европы, между обеими нашими народами.

Но починь къ примиренію долженъ произойти отъ самихъ эльзасцевъ и лотарингцевъ. Для нихъ однихъ тутъ нѣть мѣста вопросу о чести. Пусть же они скажутъ французамъ: «мы видимъ, что ради услуги, требуемой нами отъ васъ, вы должны бы поставить на карту все ваше национальное будущее. Такою цѣною было бы слишкомъ дорого уплачено наше счастье. Не жертвуйте же собою для настъ». Подобный языкъ не быть ли бы одобреньемъ строгимъ судомъ чести и не напомнить ли бы онъ великодушіе государя, который, лишаемый престола, изъ любви къ отечеству торжественно освобождается своихъ товарищѣй по оружію отъ принесенной ему клятвы въ вѣрности?

Авторъ не отказываетъ въ величіи поведенію эльзасцевъ - лотарингцевъ, не боящихся изгнанія, порванія семейныхъ и дружественныхъ узъ, но говоритьъ, что они, сами того не желая, все-таки толкаютъ къ войнѣ, ибо ласкаютъ надежду о мирной уступкѣ ихъ страны Франціи, которая для каждого трезваго ума не болѣе какъ химера.

А между тѣмъ, если бы они принесли въ жертву свои національные симпатіи благу Европы, какъ измѣнилось бы къ лучшему собственное ихъ положеніе. Ихъ страна стала бы краеугольнымъ камнемъ франко-германского союза и болѣе великаго зданія союза таможеннаго центральной Европы. Всякіе паспорты, таможенные осмотры на границахъ и практикуемыя до нынѣ мѣры строгости исчезли бы сами собою на всемъ пространствѣ отъ Букарешта до Гавра и отъ Кенигсберга до Лиссабона. Широкою самостоятельною жизнью зажила бы тогда Эльзасъ - Лотарингія, ибо политический строй Германіи, гораздо менѣе централизованный, нежели во Франціи, дозволилъ бы ей развитіе такой же обособленности, какою пользуются напр. Баварія или Виртембергъ и которая выразилась бы въ сочетаніи лучшихъ элементовъ обѣихъ доселъ враждовавшихъ цивилизаций.

Мысль о *торговомъ союзѣ* между Франціею и Германіею, какъ спосѣбъ мирнаго рѣшенія и занимающаго насъ вопроса, встрѣчается не рѣдко въ современной печати. Отмѣтимъ, напр., брошюру одного Эльзасца *), принадлежащаго къ промышленной аристократіи и къ партіи

*.) L'Alliance franco-allemande, par un Alsacien.

протестующихъ въ германскомъ рейхстагѣ. Онъ отвергаетъ мнѣніе, будто до 1871 г. отнятіе Эльзасъ-Лотарингіи требовалось общественнымъ мнѣніемъ Германиі: его высказывали лишь нѣкоторые теоретики и патріоты подобно тому, какъ раздаются отдѣльные голоса о захватѣ Голландіи, балтийскихъ провинцій, Триеста. Указываемый экономический союзъ требуетъ особенностями какъ населеній, такъ и естественныхъ богатствъ почвы и всѣмъ характеромъ промышленности обѣихъ странъ, которымъ онъ не только принесъ бы миръ, но и далъ бы возможность бороться противъ все возрастающей промышленной конкуренціи Англіи и Америки *).

Какъ бы ни разсуждали германскіе патріоты, но они не правы по слѣдующимъ пунктамъ: 1) когда они отрицаютъ самое существованіе вопроса эльзасъ-лотарингскаго. Существованіе его признается самою Германіею, если не юридически, то фактически и это сказывается въ ея вооруженіяхъ, союзахъ, словомъ—во всей ея вѣнчаней и внутренней политикѣ. 2) Когда они утверждаютъ себѣ мыслью о всепроникающей силѣ времени. До наступленія такого блаженнаго момента въ будущемъ, тягости милитаризма дѣлаются въ настоящемъ непосильными и могутъ вызвать войну (даже неизбѣжно вызовутъ ее) и тогда правительства не будутъ въ состояніи опредѣлить ни ея границы, ни ея послѣдователь для всего цивилизованныго міра. 3) Когда они взываютъ къ великолѣтію самихъ жителей имперской области. Сами пѣмцы, къ сожалѣнію, закрыли себѣ этотъ исходъ цѣлымъ рядомъ суровыхъ и несправедливыхъ мѣръ по отношенію къ нимъ, начиная съ осады и взятія Страсбурга и до послѣднихъ преслѣдованій ихъ за ихъ национальныя чувства и симпатіи. 4) Не правы пѣмцы и по капитальному вопросу: о национальности эльзасцевъ. Послѣднихъ можно причислять къ пѣмцамъ (въ извѣстномъ количествѣ), по ихъ нарѣчію и по даннымъ исторіи, но не по ихъ теперешнему настроенію и стремлѣніямъ, а это главное. Франція, хотя и отторгла ихъ въ былое время отъ ихъ первоначального отечества, но оставила имъ ихъ национальность: ихъ религію, языкъ, нравы и потомъ связала ихъ съ собою идеями своей культуры, что выразилось особенно послѣ ея первой революціи. Пѣмцы поступаютъ наоборотъ: насильственными мѣрами хотятъ вернуть имперскую область къ ея прежней национальности. И это когда? Въ нашъ вѣкъ, когда принципъ национальности такъ глубоко проникаетъ въ сознаніе и жизнь народныхъ массъ. Французы правы, говоря, что въ этомъ вопросѣ рѣчь идетъ не о числѣ квадратныхъ миль спорной территории, а о принципахъ, о томъ: должна

* Назовемъ еще: *C. de Leuss. La paix par l'union douanière franco-allemande; Emile Worms. Une association douanierë franco-allemande; G. de Molinari. La question de l'Alsace-Lorraine et l'union douanière de l'Europe centrale (Journal des Economistes, 15 Dec. 1888). Liber. Evolution (L'Europe Nouvelle, 1 Juil. 1894).*

ли всегда сила поинирать право, или, наоборотъ, пора, наконецъ, праву стать владыкою и вершителемъ судебъ народовъ? 5) Такъ же не выдерживаютъ критики, какъ мы говорили выше, толки нѣмцевъ о военныхъ гарантіяхъ, будто бы доставляемыхъ имъ обладаніемъ Мецомъ и Страсбургомъ: французы замѣнили ихъ новыми грозными крѣпостями; а благодаря вооруженіямъ общей, безопасности теперь повсюду менѣе, чѣмъ было прежде. Что же касается до мстительности и войнолюбія французовъ, то, при современныхъ условіяхъ войны и общественной жизни, эти черты не могутъ угрожать, разъ будетъ справедливо рѣшенъ злополучный вопросъ объ Эльзасѣ-Лотарингіи. Но въ прошломъ и сравнительно недалекомъ, ихъ нельзя было не опасаться и въ этомъ пунктѣ мы не согласны уже съ французами. Въ своей полемикѣ съ нѣмцами они умалчиваютъ о двухъ обстоятельствахъ: о томъ, что они впродолженіе вѣковъ, съ эпохи Ришелье, стремились къ разъединенію и ослабленію Германіи и о томъ, что они даже передъ 1870 г. не хотѣли впадть въ политически объединенію, т. е. отказывали ей въ благѣ, котораго сами давно достигли и въ достижениіи котораго они помогали же Италии. Въ этомъ своемъ противодѣйствіи они дали себя даже увлечь до войны. За это они лишились Эльзаса-Лотарингіи, какъ потеряли они, по признанію самого же Геймве, Бельгію и рейнскую границу, которыми владѣли впродолженіе почти 20 лѣтъ послѣ Кампоформійскаго мира и сдѣлалось это только вслѣдствіе непрерывной войны (*guerre à outrance*). Примѣръ поучительный для всѣхъ приверженцевъ войны!

Но для упроченія мира въ наше время требуются другіе пріемы и рѣшенія. «Мы гораздо съ меньшимъ терпѣніемъ переносимъ общественные язвы, нежели наши предки. Доказательствомъ тому между прочимъ служить глубокая тревога, причиняемая Европѣ послѣднимъ завоеваніемъ Эльзаса-Лотарингіи. Прежде этотъ актъ быль бы разсмотриваемъ просто, какъ предметъ сдѣлки между государствами и дипломатами, какъ предлогъ для войны и для переговоровъ, теперь онъ потрясаетъ души и возбуждаетъ страсти въ массахъ. Это потому, что въ людяхъ возрасло уваженіе къ правамъ ближняго. Изъ сферы частныхъ сношеній это чувство распространяется и на сношенія народовъ. Понемногу слагается и право международное. Несмотря на то, что оно еще не занесено въ особый кодексъ, понятія его, однако, выясняются въ сознаніи людей и все это погрѣшаетъ противъ этой новой идеи справедливости, возмущаетъ глубоко нашу совѣсть. Вместо прежняго грубаго способа рѣшенія международныхъ споровъ силою, прокладываетъ себѣ дорогу новый юридический принципъ—свободное согласіе самихъ населеній *).

*) *Heimweh. L'Alsace-Lorraine et la paix*, p. 70—71; *La guerre etc.*, p. 63.

IX.

Повторяемъ: при противоположности возврѣній обѣихъ сторонъ на эльзасъ-лотарингскій вопросъ, нѣтъ надежды, чтобъ онѣ сами и непосредственно столковались между собой о немъ. Для этого необходимо сильное воздействиѣ на нихъ какого-либо посторонняго примиряющаго элемента. Гдѣ его найти и кто можетъ имъ быть? Это переводить наше къ вопросу о *процедурѣ* самого рѣшенія.

Отыскиваемымъ авторитетомъ не можетъ быть какая-либо политическая сила въ отдельности или соединеніе нѣсколькихъ такихъ силъ во имя однихъ соображеній и расчетовъ политики. Указываютъ на папу, на государей Великобританіи, Россіи, Австріи или же на совмѣстное дѣйствіе нейтралізованныхъ странъ Швейцаріи и Бельгіи.

Тѣ, которые желаютъ, чтобы папа взялъ въ свои руки дѣло возстановленія мира между Германіей и Франціей, ссылаются, помимо высокаго характера современнаго римскаго первосвященника, на усиленіе его правственнаго авторитета со временемъ утраты папою свѣтской власти, дѣлающей его какъ бы, по его положенію, особенно безпристрастнымъ и независимымъ въ совѣтѣ государей. Посредничество Льва XIII было принято Германію и Испанію по спору о Каролинскихъ островахъ. Но этотъ споръ можетъ-ли идти въ сравненіе по своему значенію съ эльзасъ-лотарингскимъ? Католики Германіи недавно показали, что, при всемъ уваженіи къ папѣ, они не намѣрены слѣдовать его руководительству по вопросамъ даже внутренней политики ихъ отечества. Обратится-ли къ нему правительство современной республиканской Франціи, недавно еще столь враждебное къ католической религії?

Что касается до государей великихъ державъ Европы, то именно въ силу ихъ политическаго положенія они либо сами не выступятъ въ этой роли верховныхъ посредниковъ, либо, принятые одною пзъ сторонъ, будутъ отклонены другою. Австрія, какъ членъ тройственнаго союза, не удобопрѣемлема для Франціи. Англія, по вопросамъ колоніальной политики и по предполагаемымъ ея симпатіямъ къ названной лигѣ, также не была бы, вѣроятно, избрана Франціею, которая предпочла бы ей, конечно, въ этомъ качествѣ Россію. Но дала-ли бы на послѣднее свое согласіе Германія? Нѣкоторые, и въ томъ числѣ Бѣрнштѣнъ-Бѣрнсонъ, полагаютъ, что малымъ народамъ присущество выступить на защиту «попранныхъ правъ человѣчества». Лависсъ съ слѣдующими словами обращается къ Бельгіи и Швейцаріи: «вы лучше другихъ осведомлены обѣ этомъ великому спорѣ и поэтому вы обязаны возвысить свой голосъ. Европа создала для васъ привилегированное положеніе, гарантировавъ вамъ миръ. И вы должны теперь помочь ей найти миръ посредствомъ

справедливости». Выше мы указали, какъ бы онѣ, и особенно Швейцарія, могли содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса, но, лишенныя политической силы, были ли бы онѣ въ состояніи провести свои воззрѣнія или придать состоявшемуся рѣшенію санкцію безъ воли Европы? *)

Необходимо для дѣйствительного окончанія этого вопроса перенести его съ зыбкой почвы *политики* (эгоизма и силы) въ высшую и широкую область *международного права*. Отдельные правительства, кто бы они ни были, должны выступить при этомъ не обособленно, не отъ своего мира и не въ духѣ симпатій къ той или другой изъ споряющихъ сторонъ, а соединить свои усилия и возвысить голосъ отъ имени *всей Европы*, какъ *одного высшаго культурнаго общества народовъ*, членами котораго они состоятъ. Чѣмъ они будутъ согласнѣе, серьезнѣе и безпристрастнѣе, тѣмъ большій вѣсъ получить ихъ голосъ и приговоръ. Ихъ обязанность склонить, во имя общаго блага и мира, Германію и Францію къ принятію такого способа окончанія ихъ распри, который уладилъ бы это дѣло разъ навсегда безъ войны и наиболѣе справедливо и согласно съ дѣйствительными интересами всей Европы, Германіи и Франціи и самихъ, наконецъ, жителей Эльзасъ-Лотарингіи.

Органами для постановленія такого окончательного сужденія могутъ явиться: либо третейскій судъ, либо общеевропейскій конгрессъ. Мы — за послѣдній способъ.

Международный третейскій судъ, говорить одинъ изъ его приверженцевъ, долженъ бы заняться разсмотрѣніемъ трехъ вопросовъ: фактическаго, объ обладаніи Эльзасъ-Лотарингіею Германіею въ силу франкфуртскаго договора, теоретическаго (*point de doctrine*) — о правѣ ихъ жителей располагать своею судьбою, и вопроса о цѣлесообразности (*convenance*), касающагося военной безопасности, доставляемой Германіи этимъ обладаніемъ.

Таково мнѣніе Геймве **). Не можемъ найти вѣрными ни постановку предлагаемыхъ имъ вопросовъ, ни разграничение ихъ въ частности. Владѣніе имперскою областью есть для Германіи не только фактъ, но и право. Право эльзасъ-лотарингцевъ располагать собою никогда еще, къ сожалѣнію, въ положительномъ правѣ не признано, но должно бы получить признаніе и охрану на международной почвѣ. Но и независимо отъ этого, третейскій судъ по существу некомпетентенъ для разсмотрѣнія этого дѣла: какъ органъ права, онъ долженъ стать на почву дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, а съ точки зрѣнія таковыхъ распри объ Эльзасъ - Лотарингіи не разрѣшима. Что бы ни говорили французы, но нѣмцы съ формальной только стороны правы,

*) L'Europe Nouvelle, 1 Févr. 1895.

**) L'Alsace-Lorraine et la Paix; p. 72.

пока они опираются на трактать и на вѣкамъ допускавшееся, какъ право, завоеваніе послѣ войны. Тутъ-же для рѣшенія этого спора требуется отысканіе и признаніе *новаго, лучшаго права*, которое и должно быть торжественно закрѣплено общимъ согласіемъ народовъ. Вотъ почему необходимъ *конгрессъ*. Полномочія его шире, и кругъ его дѣятельности менѣе стѣсненъ. Въ роли посредника и примирителя, онъ бытъ бы призванъ, отъ имени всѣхъ своихъ участниковъ, высказать авторитетно эти *новыя желаемыя начала справедливости въ согласіи съ серьезными интересами всѣхъ*. Но ему должны предшествовать собранія двоякаго рода. Во-первыхъ, изъ жителей самихъ Эльзаса и Лотарингіи. Они призываются изъ лучшихъ элементовъ населенія и констатируютъ возможно полно и безпристрастно его дѣйствительныя нужды и желанія. Во - вторыхъ, смѣшанная комиссія изъ делегатовъ Германіи и Франції обсуждаетъ всѣ удобопріемлемые для ихъ правительства пути и средства къ рѣшенію предложенаго имъ вопроса о ихъ замиреніи въ будущемъ. На основаніи этого матеріала предлагаемый обще-европейскій конгрессъ, взвѣспивъ всѣ стороны дѣла, вырабатываетъ свои заключенія либо въ единственной, для сторонъ прямо уже обязательной, формѣ, либо въ нѣсколькихъ формахъ, предоставляемыхъ, съ согласія сторонъ, выборъ между ними голосованію самихъ эльзасъ-лотарингцевъ, какъ было сказано выше. Подобный *международный плебисцитъ* не подорвалъ бы принципа самостоятельности государствъ. Онъ въ будущемъ долженъ бытъ бы прилагаться только къ областямъ спорнымъ, и притомъ примѣняться лишь по началамъ международного права, подъ строгимъ контролемъ нейтральныхъ безпристрастныхъ властей. Для введенія его въ практику весьма подходитъ иначе, какъ однимъ только вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіѣ.

Самый конгрессъ, о которомъ мы говоримъ, для успѣшности дѣла не долженъ быть собраніемъ исключительно дипломатическими. Въ среду его правительствамъ слѣдовало бы послать лицъ, пользующихся общимъ довѣріемъ по своему знакомству съ современнымъ общественнымъ строемъ Европы, съ принципами международного права, а ровно по своимъ нравственнымъ качествамъ: безпристрастію, независимости и любви къ человѣчеству. Дипломаты же, изъ наиболѣе серьезныхъ и опытныхъ, присоединялись бы къ нимъ только въ качествѣ совѣтниковъ, въ меньшинствѣ и безъ рѣшающаго голоса. Назначаются эти довѣренныя лица правительствами всѣхъ европейскихъ странъ (въ числѣ, по ихъ усмотрѣнію), но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что каждая страна располагаетъ не болѣе какъ однимъ только голосомъ.

Такой необычный составъ конгресса требуется новизною и трудностью самаго дѣла, ему поручаемаго.

X.

Думаемъ, что, при намѣченныхъ нами условіяхъ, разрѣшился бы безъ войны эльзаскь-лотарингскій вопросъ, что стало бы возможнымъ подумать объ уменьшениіи душащихъ насть тягостей милитаризма и быть бы сдѣланъ великий шагъ впередъ къ упроченію, въ средѣ христіанскихъ народовъ, настоящаго и общаго мира. Во всякомъ случаѣ этотъ путь, хотя несравненно труднѣе и длиннѣе, по надежнѣе предлагаемаго германскими патріотами: созвать конгрессъ для закрытиенія *statu quo* и обсужденія мѣръ къ разоруженію.

У нась, въ Россіи, приходится иногда встрѣчать мнѣніе, будто вражда между Франціею и Германіею для нась полезна въ томъ смыслѣ, что она, дѣлая невозможную коалицію западныхъ державъ противъ нея, возводить се на степень вершительницы судебъ міра. Указываютъ при этомъ на то, что наши вооруженія, въ отлічіе отъ нашихъ сосѣдей, далеко не дошли еще до своего предѣльного пункта и что русскіе финансы, достигнувъ за послѣдніе годы столь блестящихъ успѣховъ, позволяютъ намъ спокойно и впередъ трудиться надъ развитіемъ военной мощи нашего отечества.

Эти разсужденія намъ представляются опасными политическими софизмами. Миръ необходимъ для Россіи, если не болѣе, то никакъ не менѣе нежели для любой изъ остальныхъ странъ Европы. Это сознается и нашими Государями. Громадная вооруженія Россіи вызываются не столько потребностями ея внутренней безопасности, сколько фактъмъ, что все сосѣди ея дѣлаютъ то же, и она, естественно, отъ нихъ отстать не можетъ. Сочувствовать этому могутъ развѣ лишь тѣ лица, которыхъ приписываются Россіи самые широкіе и безмыслииные планы завоеваній, въ родѣ захвата не только Балканского полуострова, но и Малой Азіи, покоренія Индіи и т. п. *). Въ какомъ-бы положеніи ни находились русскіе финансы, ненормальнымъ является уже то, что большую часть ихъ поглощаютъ военные расходы, въ своемъ непрерывномъ ростѣ пре- восходящіе развитіе производительныхъ силъ страны. Мало того: это печальное обстоятельство задерживаетъ осуществленіе наиболѣе настоящихъ задачъ по внутреннему управлению, мѣшааетъ грозной борьбѣ со стихіями (требующей облесенія и обводненія нашихъ обширныхъ равнинъ, регулированія теченія большихъ все мельчающихъ рекъ, оздоровленія сель и городовъ) и не менѣе тяжелой борьбѣ съ невѣжествомъ и бѣдностью большинства населенія, особенно сельскаго. Новая война, при сложившихся обстоятельствахъ, была бы страшнымъ бѣдствіемъ для всего цивилизованнаго міра. Но ея не избѣгнемъ, если продолжать идти

*) *Tallichet. Double et triple Alliance (L'Europe Nouvelle, 1 Juin, 1894).*
Кн. 10. Отд. I.

по пути, по которому мы идемъ, по пути непрекращающиxся вооруженій. Необходимо среди перемирия, намъ даннаго, серьезно позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыя поддерживаютъ между народами взаимное раздраженіе и вражду. Къ числу наиболѣе жгучихъ вопросовъ этого рода принадлежитъ безспорно эльзасъ-лотарингскій, и Германія и Франція обязаны сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, для мирнаго и справедливаго его уложенія, если онѣ хотятъ дѣйствительно оставаться въ числѣ передовыхъ націй Европы и если имъ дороги высшія блага нашей культуры. Но во имя того же самаго не менѣе серьезно обязаны помочь имъ въ этомъ всѣ остальные члены христіанского міра.

Гр. Л. Камаровскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Валеріанъ Майковъ.

Эстетические и общественные вопросы передъ судомъ соціологической критики.

1.

Литературная дѣятельность Валеріана Майкова продолжалась недолго. Появившись впервые въ печати въ 1845 г., онъ проработалъ около двухъ лѣтъ въ трехъ различныхъ журналахъ. 15-го юля 1847 г. его уже не стало: онъ утонулъ, купаясь въ прудѣ недалеко оть Петербурга, на двадцать четвертомъ году оть рожденія. За это короткое время усиленного умственного труда молодой писатель успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе выдающихся дѣятелей тогдашней литературы, вызвать горячія возраженія со стороны Бѣлинскаго, который не захотѣлъ обойти молчаніемъ нѣкоторые взгляды нового критика, а въ средѣ, близко стоявшей къ редакції «Отечественныхъ Записокъ», возбудить глубокую симпатію ширинною своего научнаго кругозора. Многимъ казалось въ то время, что Майковъ съ полнымъ достоинствомъ займетъ въ русской литературѣ мѣсто умирающаго Бѣлинскаго. Его склонность къ теоретическимъ обобщеніямъ по вопросамъ эстетики и народности, при нѣкоторой новизнѣ приемовъ анализа, внушала надежду, что онъ окончательно приведеть къ единству спорные вопросы, разсѣть сомнѣнія и противорѣчія, волновавшія современныхъ читателей статей Бѣлинскаго и твердыми научными доводами вывести русскую критику, а съ нею и всю русскую литературу на путь реализма. Потребность въ какихъ-нибудь определенныхъ взглядахъ на искусство была такъ велика, что ограниченная по существу теорія Майкова, въ которой, однако, чувствовалось движение новыхъ умственныхъ настроеній, получила ходъ среди молодыхъ работниковъ либеральной журналистики. Не подлежало сомнѣнію, что ми-

возрѣніе Майкова, несмотря на всю его незаконченность, являлось иѣ-которой поправкой къ литературной критикѣ Бѣлинскаго, пережившей три различныхъ, другъ другу противорѣчащихъ, периода развитія и ии въ одномъ изъ нихъ не давшей полной и удовлетворительной эстетической теоріи. Можно было подумать, что Майкову суждено спасти искусство отъ разрушительныхъ требованій тенденціозности, которая стали вторгаться въ критическая сужденія по вопросамъ литературного творчества и развить новую теорію народности, не только не дѣлающую ни малѣйшей уступки патріотическимъ мечтаніямъ славянофильской партіи, но и превосходящую всѣ требования умѣреннаго западничества духомъ полнаго, непримиримаго и принципіального отрицанія всякой национальной ограниченности. При живомъ, смѣломъ стилѣ, страдающемъ, правда, иногда растянутостью, философскія мысли Майкова производили впечатлѣніе иѣкотораго научнаго новаторства. Реалистическая эпоха, такъ-сказать, предсказанная въ послѣднихъ статьяхъ Бѣлинскаго, окончательно выступала впередъ въ разсужденіяхъ писателя, прошедшаго хорошую школу юридического образования, вынесшаго изъ университета горячее уображеніе о необходимости особой соціальной философіи, въ качествѣ высшей самостоятельной науки. Оригинальный взглядъ на тайну художественного творчества, на его цѣли и средства, привлекалъ къ нему сочувствіе всѣхъ, желавшихъ вмѣсть съ интересами искусства спасти и утилитарные принципы всякой умственной дѣятельности...

Обратимся, однако, къ немногочисленнымъ статьямъ Майкова. Пролѣдимъ его литературную дѣятельность въ ея главныхъ чертахъ и по-смотримъ, представляютъ-ли его критическіе взгляды иѣкоторый шагъ впередъ по сравненію со взглядами Бѣлинскаго. Обладалъ-ли Майковъ настоящимъ критическимъ талантомъ? Представляетъ-ли его эстетическая теорія новое, свѣтлос обобщеніе, дающее возможность глубже разбраться въ явленіяхъ художественного творчества? Наконецъ, какое значеніе имѣютъ его соціальные воззрѣнія для пониманія вопросовъ искусства, для определенія роли народности въ историческомъ развитіи человѣчества? На всѣ эти вопросы мы должны дать краткіе, но рѣши-тельные отвѣты. Оцѣнивая научное достоинство литературныхъ работъ Майкова, мы найдемъ возможность лишнѣй разъ убѣдиться въ томъ, что законы, цѣли и формы поэтическаго творчества, красота въ литературѣ, какъ и красота въ природѣ и жизни, не поддаются никакимъ эмпирическимъ объясненіямъ. Критика художественного процесса, чтобы освѣтить игру идей въ живыхъ формахъ искусства, должна обратиться къ философіи, т. е. къ наукѣ объ идеальныхъ началахъ человѣческой душѣ, принадлежащихъ не вѣнченному, а высшему, духовному миру. Никакая критическая работа не можетъ исполнить своей задачи иначе, какъ разрѣшивъ цѣлый рядъ эстетическихъ вопросовъ — не съ той или другой

времени, исторической точки зрения, прибываю не к анализу низшихъ, первобытныхъ силъ и влечений души, а подвергнувъ самому широкому истолкованию высшія потребности и отвлеченные идеи красоты и совершенства, переходящія съ разными видоизмененіями отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ одной эпохи въ другую. Будучи средствомъ теоретического пониманія сложнаго, страстнаго движенья души къ свѣтлымъ началамъ, проникающимъ мировую жизнь, съ ея трагическими контрастами и постоянными смѣнами событий, характеровъ и умственныхъ вѣяній, художественная критика по необходимости должна войти въ глубокое изученіе не одной только психологіи, но и метафизики человѣческаго существованія. Поэтические образы искусства обнаруживаютъ свой настоящій смыслъ только въ яркомъ освѣщеніи идеалистической эстетики, улавливающей всѣ проявленія духовной красоты отъ низшихъ до высшихъ ступеней художественного процесса. Въ этой эстетикѣ мы можемъ найти не только оправданіе, но и широкое теоретическое объясненіе фантастического элемента въ искусствѣ, безъ котораго его созданія выступали бы въ пространствахъ, ограниченныхъ узкимъ бытовымъ кругозоромъ, временными понятіями и задачами. Только эта эстетика, раздвигая горизонты эпохи, открываетъ въ искусствѣ его вѣчную, непрекращающую основу, одинаковую для всѣхъ родовъ человѣческаго вдохновенія, сближающую между собою сферы нравственнаго, религіознаго и поэтическаго творчества.

Первые литературные труды Майкова стали появляться въ 1845 г. Онъ принялъ почти одновременно участіе въ двухъ изданіяхъ—въ «Карманомъ словарѣ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка» и въ «Финскомъ Вѣстникѣ», выходившемъ подъ официальную редакцію Ф. Дершау. Въ обоихъ изданіяхъ молодой писатель сразу занялъ положеніе фактическаго руководителя, дававшаго тонъ и направление всему, что въ нихъ печаталось. Въ «Карманомъ словарѣ», задуманнымъ штабс-капитаномъ Кириловымъ, Майкову принадлежать несолько важнѣйшихъ, принципіальныхъ статей, лучшія объясненія наиболѣе трудныхъ въ научномъ отношеніи иностранныхъ словъ и выражений. Несмотря на миниатюрный характеръ изданія, оно преслѣдовало опредѣленный цѣль и, проникнутое живою, интеллигентною мыслью, могло возбуждать и двигать умы въ извѣстномъ направленіи своимъ коротенькими, въ два-три небольшихъ столбца, опредѣленіями, всегда выдержаными въ духѣ современной науки, иногда проникнутыми тонкимъ публицистическимъ ядомъ, иногда намѣчающими кой-какія новыя политическія перспективы. Въ двухъ дошедшихъ до насть выпускахъ этого симпатичнаго предпріятія, прекратившаго по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ, мы не нашли ни одной замѣтки, составленной безъ надлежащаго знанія предмета или страдающей небрежностью

въ научномъ отношеніи. При твердомъ университетскомъ образованіи и болѣе или менѣе обширномъ знакомствѣ съ политическими и юридическими теоріями европейской науки, Майковъ сумѣлъ влить живое содержаніе въ каждую отдельную характеристику того или другого понятія. Бодрая юношеская мысль, увлекаемая собственными успѣхами, пробивается въ его краткихъ разсужденіяхъ, не имѣющихъ значенія какихъ-либо особенно оригинальныхъ умственныхъ открытій, но дѣлающихъ популярными выводы современного знанія въ области политики, экономики и соціальной нравственности. Стоя по характеру своихъ индивидуальныхъ умственныхъ влечений на реалистическомъ пути, Майковъ передаетъ свсі основные научные принципы въ небольшой статейкѣ обѣ анализы и синтезѣ, составляющей боевую часть первого выпуска Словаря. На пяти столбцахъ, въ одушевленномъ изложеніи—не безъ оттенка профессорского краснорѣчія—авторъ рисуетъ движение научного знанія съ древнихъ временъ до настоящаго исторического момента. Съ особеннымъ сочувствіемъ указываетъ онъ на *аналитическую* работу человѣческой мысли, на ея принципіальное значеніе въ добываніи всячаго рода знаній, на ея пригодность для разрушенія унаследованныхъ предразсудковъ и фантомовъ наивнаго или невѣжественнаго мышленія. «Безъ анализа,» говорить Майковъ, «мы вѣчно бродили бы въ какомъ-то туманномъ представлениі всего существующаго, какъ новорожденные младенцы». При каждомъ познавательномъ актѣ мы прежде всего обращаемся къ анализу, чтобы ярко поставить передъ глазами главные признаки предмета, его составная части, его отдельныя, самостоятельный силы. Но, расчленяя то или другое явленіе, мы сейчасъ-же стремимся восстановить его въ прежнемъ видѣ, возвратить ему въ новомъ и глубокомъ освѣщеніи его первоначальную физиономію. всякая умственная работа, начавшись анализомъ, должна завершиться научнымъ синтезомъ, безъ котораго мы не понимали-бы связи предметовъ между собою, ихъ высшаго единства, ихъ принадлежности къ болѣе сложному цѣлому. Очевидно, замѣчаетъ Майковъ, что въ наукѣ оба способа человѣческаго познанія, обѣ дѣятельности ума должны находиться «въ самой тѣсной неразрывности», хотя исторические факты показываютъ намъ, что истина, ясная для сознанія современного человѣка, оказывалась недоступною людямъ прежнихъ культурныхъ эпохъ. То «коснѣя въ туманѣ синтеза», то утопая «въ бездонномъ морѣ анализа», умъ человѣческий постоянно попадалъ въ противоположныя крайности—временами сводя всѣ тайны жизни къ одному какому-нибудь началу, временами изучая только разрозненные явленія и отbrasывая отъ себя всякую попытку постигнуть связь, существующую между частями міра. Аналитъ прокладываетъ дорогу къ самымъ свѣтлымъ открытіямъ въ области природы и человѣческой жизни. Но защитники чисто-спиритического метода

думают иначе. Пренебрегая опытомъ съ явлениями жизни, они произвольно, «наугадъ», составляют себѣ разныя общія понятія и вносятъ ихъ въ изученіе неизвѣстныхъ фактovъ. Всѣ унаслѣдованныя заблужденія европейской цивилизациі суть ничто иное, какъ «синтетическая» (апріорическая) идея, укорененная въ нашихъ умахъ тысячелѣтіями». Уничтожить эти нагубные «апріорические» призраки, развеять эти унаследованные «апріорические» предразсудки, провести все, что составляетъ человѣческую жизнь, «сквозь спасительное горнило основательного размышленія»—вотъ та задача, которую должна себѣ поставить современная научная философія. Пусть противники прогресса жалуются, что, анализируя явленія, мы лишаемъ себя возможности наслаждаться ими, разбиваемъ множество плѣнительныхъ обмановъ, подготавляемъ обильный матеріалъ для самого глубокаго разочарованія. Но въ стремленіяхъ къ истинѣ и къ добру, съ нѣкоторой пылкостью возвращаетъ Майковъ воображаемымъ противникамъ научнаго прогресса,—не должна-ли поддерживать насъ надежда на осуществленіе завѣтныхъ нашихъ мыслей? Анализъ ничего не убиваетъ—онъ только изобличаетъ ничтожество разныхъ произвольныхъ понятій и фантастическихъ построекъ. «Если смотрѣть на современную науку,—говорится въ заключеніи статейки объ анализѣ и синтезѣ, какъ на начальную дѣятельность ума, рѣшившагося безпристрастно пересмотрѣть и пересоздать все, что до сихъ поръ было имъ сдѣлано, то нельзя не согласиться, что человѣчество рѣшилось идти къ истинѣ самимъ прямымъ и естественнымъ путемъ» *).

Съ такими общими взглядами Майковъ и приступилъ къ своимъ первымъ научнымъ работамъ. Заявивъ себя горячимъ сторонникомъ аналитического метода, онъ не далъ настоящаго философскаго объясненія тѣхъ путей, какими развивается человѣческое познаніе. Самое представленіе о задачахъ науки вышло подъ его перомъ черезчуръ поверхностнымъ, не коснулось главнаго психологическаго вопроса, не показало самого познавательного процесса въ его живомъ, непосредственномъ движениі. Майковъ какъ-бы не видитъ, что наука должна освѣтить глубокія основы нашей умственной дѣятельности, открыть тѣ идеальные принципы, которые направляютъ весь опытъ. Вносятъ свѣтъ пониманія въ каждое наше прикосновеніе съ вѣнчаниемъ міромъ, съ людьми, съ политическими и соціальными фактами. Въ самомъ низшемъ познавательномъ актѣ, въ нашихъ простыхъ ощущеніяхъ главною творческою силою является не анализъ, а синтезъ. Синтезомъ начинается работа ума, потому что всякое обращеніе къ дѣйствительному міру требуетъ постояннаго вмѣшательства личнаго сознанія, участія извѣстныхъ идей, предшествующихъ опыту,

*.) „Карманный словарь“, С.-Петербургъ MDCCXLV, стр. 10.

дѣлающіхъ его возможнымъ въ томъ или другомъ объемѣ. Анализъ есть дальнѣйшая ступень—отвлеченнѣе разъединеніе на части, по опредѣленнымъ признакамъ, того, что въ живомъ психологическомъ процессѣ постоянно выступаетъ цѣльными, слитными явленіями, завершенными событиями извѣстнаго порядка. Въ каждой умственной работе, какъ она совершаются непосредственно, синтезъ и анализъ переплетаются вмѣстѣ и даютъ въ результатѣ определенный предметъ, тотъ или другой фактъ, который въ свою очередь можетъ быть подвергнутъ новому философскому обѣдованію. Миръ, въ который мы вступаемъ съ нашими ограниченными средствами научнаго изученія, получаетъ извѣстную форму отъ нашего сознанія, одѣвается цвѣтами нашего воображенія. Прежде, чѣмъ анализировать природу, открывать въ ней строгую послѣдовательность и преемственность явленій, мы должны воспринять ее извѣстнымъ образомъ, а это воспріятіе уже заключаетъ въ себѣ самостоятельный, оригинальный, субъективный элементъ, который, соединяясь съ виѣлежащимъ материаломъ, и образуетъ синтетический актъ познанія — основу всякаго опыта. Научный анализъ вскрываетъ только то, что до него уже вложено нашей умственной дѣятельностью въ міръ явленій, какъ внутреннихъ, такъ и вѣнчанихъ. Обыденное и научное познаніе развиваются двумя различными путями, не противорѣчающими другъ другу, но приводящими наше пониманіе жизни къ настоящему, полному совершенству. Безсознательные акты души, которыми вносится наше творческое начало во все, что доходитъ до нашего чувства, въ наукѣ освѣщаются съ различныхъ сторонъ, осмысливаются идеями, приведенными въ строгій порядокъ и систему. Анализъ, говорить одинъ изъ первыхъ представителей новой итальянской философіи, есть чтеніе великой книги жизни, созданной синтезомъ. Ошибка Майкова заключается въ томъ, что онъ не провелъ границы между научнымъ процессомъ изученія природы и непосредственнымъ воспріятіемъ ея явленій, въ которомъ основная роль принадлежитъ синтезу. Въ его обрисовкѣ вся задача научнаго анализа сводится къ чисто вѣнченному расчлененію предмета, къ малозначащему сопоставленію различныхъ его частей. Но собирая и разъединяя по случайнымъ признакамъ отдѣльные элементы явленій, мы не изучаемъ при этомъ ихъ сущности, ихъ скрытой природы — того внутренняго идеального центра, около которого врашается міровая жизнь. При эмпирическомъ взглядѣ на задачу науки исчезаютъ изъ кругозора тѣ основы міра, безъ которыхъ вся ея работа превращается въ сухую схоластику, въ собираніе мертвыхъ фактовъ, не говорящихъ ничего живому воображенію, не дающихъ возможности обнять человѣческій опытъ въ одной цѣльной и законченной системѣ идей и понятій. Какъ это подтверждается и отдѣльными отзывами Майкова о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ, онъ не стоялъ на высотѣ новѣйшей критической философіи, и потому,—несмотря на при-

родную склонность къ теоретическимъ обобщеніямъ,—его разсужденія о задачахъ науки, въ связи съ вопросомъ объ анализѣ и синтезѣ, носятъ поверхностный, псевдо-прогрессивный характеръ.

II.

Въ 1845 г. Майковъ, какъ мы уже говорили, принялъ близкое участіе, въ качествѣ негласнаго редактора, въ новомъ журналь, подъ названіемъ «Финскій Вѣстникъ». Въ программѣ этого изданія, приложенной къ первой его книгѣ и написанной Майковымъ, мы уже встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками тѣхъ самыхъ научныхъ симпатій, которыя выразились въ главныхъ замѣткахъ Карманнаго Словаря Кирилова. Анализъ, говорится въ этой программѣ, развился такъ сильно во всей Европѣ, что «правоописанія почти поглотили пзящную литературу». Это новое направление въ искусствѣ обнаружилось и въ Россіи—не въ сплу пустой моды, а вслѣдствіе серьезныхъ историческихъ причинъ. Русское общество вступило въ эпоху полнаго самосознанія. Мы дѣлаемъ первые шаги на по-прищѣ истинной культуры. Россія выходитъ на арену исторіи съ новой миссіей, заключающейся не въ чёмъ иномъ, какъ «въ критическомъ разборѣ всѣхъ стихій цивилизаций, которую призваны мы пользоваться позже всѣхъ другихъ народовъ Европы». Старая европейская культура уже не можетъ вызвать никакого восторга въ ея ученикахъ. «полныхъ юности и энергій...»

Съ такими оптимистическими мыслями, навѣянными нѣкоторыми новыми теченіями, Майковъ и приступилъ къ своей первой крупной статьѣ «Общественные науки въ Россіи», не оконченной печатаніемъ въ «Финскомъ Вѣстнике», но дополненной въ отдельномъ изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ 1891 г., по бумагамъ, сохранившимся въ ~~въ~~ семейномъ архивѣ Майковыхъ. То, что въ словарѣ Кирилова не могло получить широкой разработки, вслѣдствіе его миниатюрности, что въ программѣ новаго журнала могло быть намѣчено только въ самыхъ общихъ чертахъ, здесь развито и закончено съ большою ясностью. Майковъ является въ этой статьѣ теоретикомъ новой соціальной науки, о которой до него и въ этомъ направленіи въ русскихъ журналахъ почти ничего не говорилось. Выступая все съ тою же научною программою, о которой мы только что говорили, онъ подробно рисуетъ хаотическое состояніе отдельныхъ отраслей знаній—экономическихъ, юридическихъ и нравственныхъ наукъ, указываетъ точныя границы каждой изъ этихъ областей, непрѣбѣжную зависимость отдельныхъ изслѣдований отъ одной, высшей научной дисциплины. Старое представленіе объ анализѣ и синтезѣ подсказываетъ ему рядъ мыслей, при помощи которыхъ легко понять самую конструкцію этой новой науки, ея объемъ, ея главные методы, ея теоретическая и

практическія цѣли при современномъ движеніи умовъ, въбудораженныхъ важными вопросами антропологического и національного характера. «Безъ соціальной философіи, говорить Майковъ, безъ общей теоріи общественной жизни, науки гибнутъ въ анархіи, тщетно стремясь къ организаціи, которая дала бы каждой изъ нихъ новую жизнь, водворила бы между ними порядокъ и содѣлала ихъ причастными живой дѣятельности, освободивъ изъ оковъ односторонняго анализа». Существование отдельной философіи общества не уничтожаетъ существованія права, политической экономіи и педагогики, какъ обширный взглядъ на явленія міра не вытѣсняетъ отдельныхъ частныхъ взглядовъ, которые разрабатываются въ специальныхъ областяхъ. Живая идея общественныхъ наукъ, проникающая и политическую экономію, и право, и педагогику, въ соціальной философіи изучается во всей ея логической полнотѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было ограниченій, неизбѣжныхъ во всякомъ частномъ изслѣдованіи. Общественная философія разсматриваетъ всю жизнь людей, какъ жизнь цѣльного органическаго тѣла, одаренного индивидуальностью, какъ гармонію экономическихъ, нравственныхъ и политическихъ силъ, дѣйствующихъ въ каждомъ государствѣ. Въ этомъ заключается аналитическая часть ея обширной научной работы, имѣющей глубокое практическое значеніе, потому что ни одно положеніе, ни одинъ принципъ не можетъ быть внесено въ жизнь иначе, какъ черезъ ея посредство. Отдельныя истины политической экономіи, права и педагогики вступаютъ въ сферу человѣческихъ отношеній не иначе, какъ «пройдя сквозь горнило философіи общества, науки, разсматривающей ихъ въ той живой гармоніи, въ томъ взаимномъ проникновеніи, какое представляютъ дѣйствительные явленія міра экономического, нравственного и политического». Слѣдовательно, только подъ влияніемъ философіи общества частныя, общественные науки могутъ получить практическое значеніе. заключаетъ Майковъ. Таковы взаимныя отношенія различныхъ соціальныхъ наукъ, открытые философскимъ анализомъ. Ограничивъ точными определеніями три научныхъ области, Майковъ нашелъ и отдельный предметъ для новой науки—идею общественного благосостоянія, которая въ правѣ, экономикѣ и педагогикѣ разрабатывается по частямъ, иногда въ противоположныхъ направлениыхъ, и потому должна получить окончательное, полное, всеобъемлющее истолкованіе въ какой-нибудь высшей области человѣческаго знанія. Порядокъ вещей, говорить Майковъ, оправдываемый одною изъ общественныхъ наукъ, можетъ быть одобренъ безусловно только тогда, когда и другія науки его оправдываютъ. Исторія показываетъ, что интересы политическіе, экономическіе и нравственные такъ тѣсно связаны между собою, что успѣхъ или упадокъ одной стороны благосостоянія неминуемо влечетъ за собою рядъ параллельныхъ явленій и въ двухъ остальныхъ. Если бы различныя стороны общества

венного благосостояния не находились между собою въ такихъ гармоническихъ отношенияхъ, соціальная сфера представляла бы хаотическое состояніе и быстро уничтожилась бы совершило борьбою своихъ собственныхъ стихій. Но представивъ въ такомъ видѣ задачу соціальной философіи и теоретические интересы, размежеванные на отдѣльныя группы. Майковъ въ сущности придалъ узкій характеръ всему своему ученію. По его мнѣнію, въ юридическихъ наукахъ можетъ и долженъ господствовать только политической принципъ безъ всякой примѣси какихъ-нибудь другихъ идеальныхъ элементовъ, въ чистомъ выраженіи государственного закона, установленного и санкционированного верховной властью. Такъ, напр., разбирая современный взглядъ на гражданское право, Майковъ становится въ рѣшительную оппозицію ко всякимъ притязаніямъ цивилистовъ давать широкія опредѣленія, съ нравственною философскими оттенкомъ, различныхъ гражданскихъ институтовъ. Современная наука гражданского права, говорить онъ, хочетъ проникнуть въ существенное содержаніе гражданскихъ законовъ. Она не ограничивается изслѣдованиемъ тѣхъ гарантій, которыя верховная власть установила въ этой области. Но для чего же, спрашиваетъ Майковъ, существуетъ нравственная философія, съ ея теоріями личности и съ идеей такъ называемаго естественного права? Изслѣдовать взаимныя права и обязанности членовъ общества безъ отношенія къ верховной власти—не значитъ-ли это захватывать понятія изъ чуждыхъ гражданскому праву отраслей знанія? Никакое юридическое право не должно, по твердому убѣждению Майкова, заключать въ своихъ предѣлахъ никакихъ антропологическихъ или моральныхъ вопросовъ. *Отвлеченные* права личности рассматриваются въ этикѣ. Какъ основы общественной нравственности, они рассматриваются въ педагогикѣ. Остается только изученіе права съ узко-государственной точки зреянія, и въ этомъ именно заключается функция юридической науки. По общепринятыму опредѣленію гражданское право есть «изслѣдованіе правъ и обязанностей членовъ гражданского общества»; по опредѣленію Майкова, изгоняющему изъ этой науки животворящій нравственный элементъ, гражданское право есть наука, изслѣдующая «мѣры верховной власти для опредѣленія и огражденія личныхъ правъ» *). Стоя на той же почвѣ, Майковъ пытается сузить и смыслъ уголовного права. Съ убѣждениемъ открытаго защитника государственности, онъ принимаетъ сторону официальной репрессіи въ борьбѣ съ человѣческою преступностью. По его мнѣнію, наказаніе ведеть къ сокращенію числа правонарушеній и потому необходимость этой мѣры будетъ неоспорима до тѣхъ поръ, пока не воцарятся на землѣ добро и разумъ, пока нравственность не пріобрѣтетъ того могущества, при ко-

*) «Критические опыты», изд. 1891, стр. 574—575.

торомъ требованія эгоизма приимираются съ требованіями человѣколюбія. «До тѣхъ порь виѣння спа останется единственнымъ средствомъ къ поддержанію законнаго порядка вещей». До тѣхъ порь въ каждомъ государствѣ определенное число судей такъ же необходимо, какъ войско въ борьбѣ народовъ. Уголовный законъ гарантируетъ всѣ другіе законы общежитія страхомъ наказанія. Въ уголовномъ правѣ, такъ же какъ и въ гражданскомъ, элементъ политической играетъ первенствующую роль. Пусть утописты мечтаютъ объ уничтоженіи репрессивныхъ мѣръ. Но пока они не показали, какими средствами можно довести человѣка до идеального совершенства, необходимость наказанія будетъ такъ же очевидна, какъ необходимость виѣнной власти *).

Съ такими-же ограниченіями выступаютъ въ изложеніи Майкова науки экономическая и нравственная. Онъ не допускаетъ антропологического начала при изученіи вопросовъ материальнаго благосостоянія. По привычкѣ постоянно сообразоваться въ нашихъ разсужденіяхъ съ потребностями отдѣльного лица, мы «персонифирируемъ общество тамъ, где оно совершенно отличается отъ частнаго человѣка». Склонные дѣлать человѣка мѣриломъ въ вопросахъ нравственного и философскаго характера, мы забываемъ, что «въ глазахъ соціалиста [соціалога] потребности теряютъ всю свою непосредственность», что въ экономической науки имѣютъ решающее значеніе не сами потребности людей, а только орудія ихъ удовлетворенія. Экономистъ погруженъ въ искусственный міръ условій, въ міръ «средствъ къ достижению цѣлей, которыхъ важность признается за данное». Съ этой-же ограничительной тенденціей мы встрѣчаемся и въ нравственной сфере, замѣчаешь Майковъ, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія общественнаго благосостоянія. Разсуждая о наукѣ, объ искусстве, о различныхъ сторонахъ высшей моральной дѣятельности, педагогика только опредѣляетъ тѣ *условія*, при которыхъ можетъ съ большей или меньшей энергией развиваться въ обществѣ свободная работа ума, творческаго воображенія и воли.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Майковъ воздвигаетъ соціальную философию на крайне шаткихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Вынимая изъ юридическихъ, экономическихъ и нравственныхъ наукъ ту идеиную основу, которая сродняетъ ихъ между собою и каждую изъ нихъ ставить въ зависимость отъ одного общаго философскаго понятія, Майковъ долженъ былъ прийти къ крайне узкому, формальному представлению о правѣ, экономическѣ и педагогикѣ. Мы видѣли, до какихъ предѣловъ сдавливается въ его схоластическомъ толкованіи самая идея права, составляющая, можно сказать, душу всей юриспруденціи вообще. Права *личности*, которая должны быть осью вращенія всѣхъ юридическихъ наукъ, въ его

*.) «Критические опыты», стр. 578—579.

изображений получили характеръ какой-то добровольной дани со стороны высшихъ житейскихъ авторитетовъ подиначальному плебесу. Уголовная наука опирается, какъ на незыблемую аксиому, на идею карающей власти, ведущей человѣчество къ юридическому благополучію путемъ безпощаднаго возмездія за всякое отступленіе отъ предписаній и запретовъ юридическихъ кодексовъ. Экономическая наука подъ этимъ условнымъ угломъ зреінія пришла тотъ-же узкій, непринципіальный характеръ. Педагогика превратилась въ стѣное орудіе какой-то вѣшиной дисциплины во имя нравственныхъ началь, изслѣдуемыхъ опять-таки за ся предѣлами. Ни одна общественная наука не занимается существомъ дѣла. Каждая изъ нихъ вращается только въ сферѣ мертвыхъ схоластическихъ опредѣлений и формъ, держится на понятіяхъ, критика которыхъ не подлежитъ ся компетенції. Стремленія этихъ наукъ проникнуться настоящимъ идеинамъ содержаніемъ Майковъ, съ горячностью молодого приверженца чисто-аналитического метода, провозглашаетъ незаконными, вредными для ихъ правильного и прямолинейнаго развитія. То, что является для нихъ живительнымъ началомъ, то, что вливается въ нихъ прогрессивный элементъ, то, что можетъ соединить ихъ общимъ духомъ гуманности, изгоняется Майковымъ изъ его системы и выдѣляется въ особую науку подъ очень громкимъ названіемъ.

Покончивъ съ аналитической стороной соціальной философіи, Майковъ посвящаетъ нѣсколько страницъ выясненію ея синтетической части. До сихъ поръ, говорить онъ, мы разсматривали общество, какъ цѣлое, состоящее изъ частей, теперь-же мы должны посмотретьъ на него, какъ на часть высшаго цѣлага. Въ этомъ пункѣ философія общества соприкасается съ антропологіей. Если высшая соціальная наука изслѣдуетъ вѣшинія формы человѣческой жизни, то отсюда понятно, что ея главные принципы должны подчиниться принципамъ той науки, въ которой разсматривается самая сущность предмета, самъ человѣкъ съ его типическими признаками характера и темперамента. Анализъ явлений соціальной жизни приводитъ къ болѣе обширному взгляду на всѣ общественные вопросы, къ теоріи народности — «не какъ этническаго начала, раздѣляющаго націи, но какъ органическаго условія ихъ единства». Народность есть одно изъ проявленій человѣческой природы, которое кладеть свою печать на всѣ общественные науки — на политическую экономію, право и нравственность. Каждый народъ, заявляетъ Майковъ, имѣть свою науку, свое искусство, свою нравственность, и при разнообразіи національныхъ особенностей, — всѣ виды человѣческой дѣятельности только служатъ общечеловѣческому мировому началу. Проникаясь идею народности, соціальная наука вступаетъ въ союзъ съ антропологіей, безъ которой ся теоретические и практическіе выводы не могли бы имѣть плодотворнаго влиянія на дѣйствительную жизнь человѣческихъ обществъ. «Народность,

разсматриваемая въ еи отношеніи къ интересамъ человѣчества, вотъ основаніе соціального синтеза и антропологическая основа общественнаго благосостоянія». Национальность въ народѣ то-же, что темпераментъ въ отдельномъ человѣкѣ. Ея настоящая сила—не въ формахъ быта, а въ понятіяхъ. Обставьте народъ какими угодно условіями жизни,—онъ неизмѣнитъ своего характера, своей национальности, потому что, говорить Майковъ, его типическія черты непримѣнны въ его натуру. Не отдѣляясь отъ цивилизаций другихъ народовъ, каждый народъ своими личными способностями и умственными стремленіями представляетъ одно изъ условій органическаго развитія всего человѣчества. Обращаясь отъ этихъ незаконченныхъ и тусклыхъ разсужденій о синтезѣ соціальной науки къ характеристикѣ русской народности, Майковъ въ слѣдующихъ пышныхъ выраженіяхъ рисуетъ ея главныя черты и признаки. Русскій умъ, говоритъ онъ, не удовлетворяется ни чистымъ умозрѣніемъ, ни голымъ опытомъ. Одно онъ называетъ мечтою, другое—механическимъ трудомъ. При антиподіи ко всякимъ внѣшнимъ эффектамъ, искусственному блеску, оскорбляющему его степенность и строгость, русскій человѣкъ глубоко сознаетъ внутреннее равенство между анализомъ и синтезомъ и потому въ области науки можетъ оказаться однимъ изъ самыхъ прогрессивныхъ дѣятелей настоящаго времени. Къ этой характеристики русскаго ума, которую самъ Майковъ готовъ назвать панегирикомъ, молодой писатель прибавляетъ еще одну блестательную черту, «на которую до сихъ поръ не обращено надлежащаго вниманія». Русскій умъ, говоритъ онъ, «отличается необыкновенною смѣлостью». То, что въ западной Европѣ развивалось медленно, путемъ самыхъ трудныхъ историческихъ превращений, рядомъ серьезнѣйшихъ умственныхъ и соціальныхъ катастрофъ, въ Россіи съ неимовѣрною быстротою обходило всѣ слои интеллигентнаго общества. Въ незамѣтный мигъ времени, безъ волненій, «въ лонѣ мирнаго сознанія» рождались у насъ вопросы огромной важности. Философія энциклопедистовъ разлилась по всей Россіи, не встрѣтивъ никакой серьезной задержки. Смѣлый тонъ нашего убѣжденія, презирающаго всякия странныя понятія общественной учтивости, рѣзкие, ни передъ чѣмъ не останавливающіеся приговоры, съ явнымъ оттенкомъ критической безпощадности—при такихъ качествахъ нельзя бояться подпасть подъ владычество какихъ-либо авторитетовъ. Итакъ, заключаетъ Майковъ, гармонія аналитического воззрѣнія съ синтетическимъ, строгая простота выраженія и энергическая смѣлость—таковы отличительныя достоинства русскаго ума *).

Вотъ въ самыхъ главныхъ чертахъ вся философія первой болыпой статьи Майкова, обратившей на себя вниманіе въ интеллигентныхъ круж-

*.) «Критические опыты», стр. 600.

кахъ того времени. Отсутствие въ русскомъ обществѣ какихъ-нибудь серьезныхъ умственныхъ преданій, непривычка разсуждать на трудныя философскія темы, виѣнніе признаки прогрессивности въ самой постановкѣ новой научной задачи, иѣкоторая, хотя и очень ординарная увлекательность въ изложеніи—все это бросилось въ глаза и показалось чѣмъ-то многознаменательнымъ, имѣющимъ широкую будущность. Въ статьяхъ Бѣлинского философскія мысли, выраженные съ большою страстью, производили всегда впечатлѣніе поэтическихъ изліяній. Овладѣвая чувствомъ, они оставляли часто безъ удовлетворенія живую потребность въ простой ясной, холодной логикѣ, опирающейся на несокрушимые доводы науки. Безмятежная, слегка докторальная, хотя и многословная манера Майкова, при его постоянныхъ ссылкахъ на новѣйшія европейскія имена и выдающіяся сочиненія по разнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ, не могли не возбудить въ обществѣ и въ литературѣ иѣкоторыхъ надеждъ. Среди дѣятелей молодой журналистики не было ни одного человека, который быль способенъ подвергнуть строгой критикѣ его общія философскія положенія. Въ какихъ изданіяхъ сороковыхъ годовъ можно было найти серьезные разсужденія о разныхъ научныхъ методахъ, о цѣляхъ и приемахъ общественныхъ наукъ, рассматриваемыхъ съ точки зрѣнія одной высшей соціальной идеи? Вопросъ о національности, служившій предметомъ горячихъ препирательствъ между Бѣлинскимъ и дѣятелями «Москвитянина», ни кѣмъ въ то время не быль поставленъ на почву соціологии. Майковъ своимъ трактатомъ сразу внесъ въ журнальную литературу духъ научно-философскаго изслѣдованія, который долженъ быль расшевелить умы въ совершенно новомъ, неожиданномъ для той эпохи направлениі. При свѣжихъ перспективахъ старые интересы, раздѣлявшіе главныхъ дѣятелей литературы на противоположные лагері, выступали, наконецъ, въ солидныхъ, импозантныхъ формахъ, допускающихъ чисто логическое обсужденіе съ разныхъ объективныхъ и доступныхъ точекъ зрѣнія. Майковъ придалъ національному вопросу, на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности, характеръ научной теоремы, необходимой для завершенія, для полнаго округленія соціальной философіи. Вотъ несомнѣнная заслуга этого рано умершаго писателя, не обладавшаго крупнымъ литературнымъ талантомъ, по своему сухому, разсудочному темпераменту мало подходившаго для роли эстетического критика, но по всему своему умственному складу несомнѣнно призваннаго для университетской каѳедры. Это педантическое разграничение между отдельными науками одной и той-же категоріи, съ полнымъ изгнаніемъ изъ нихъ жгучаго, идеально-протестантскаго элемента, эти утвержденные разсужденія о правѣ съ узко-формальной, государственной точки зрѣнія, это сколастическое пониманіе самой задачи соціологии, представленной въ видѣ какой-то высшей контрольной палаты по вопросамъ

трехъ различныхъ порядковъ—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ характерную физиономію молодого двигателя образованія въ узкой рамкѣ патріотической педагогики и казенныхъ предначертаній. При всей симпатіи къ новымъ обобщеніямъ, Майковъ не поднимался надъ уровнемъ обычной носредственной учености, которая не могла оставить глубокаго слѣда въ развитіи общества. Его идеи, изложенные въ его первыхъ статьяхъ, возбудили вниманіе въ небольшомъ кругу журнальныхъ дѣятелей, очень скоро совершенно затерялись и даже, въ измѣненномъ видѣ, не пустили никакихъ корней въ публицистической и философской литературѣ Россіи. При вѣнчанихъ признакахъ новаторства, въ работахъ Майкова не было большого внутренняго содержанія и той острой научной критики, которая отъ общихъ положений быстро обращается къ частнымъ фактамъ, чтобы на нихъ, съ художественной рельефностью, освѣтить и оправдать извѣстную теорію, извѣстную систему понятій. Мысли его, при схематической стройности, не сплошены внутренней психологической силой, страстно прочувствованнымъ убѣжденіемъ, которое во всѣхъ формахъ личной и общественной жизни ищетъ отраженія непрѣмѣнныхъ началъ мірового процесса, тѣхъ общечеловѣческихъ теченій, которымъ проходить черезъ души цѣльныхъ и яркихъ людей, независимо отъ степени ихъ образованія и литературнаго таланта.

Мы уже видѣли, съ какими педантическими ограниченіями Майковъ разсмотрѣлъ и очертилъ аналитическую работу соціальной философіи. Отдельныя ея части оказались совершенно формальными, блѣдными науками съ случайнымъ направленіемъ понятій, опредѣляемымъ вѣнчаними историческими силами. Сама соціальная философія получила въ его изложеніи, характеръ вѣнчаного надзора за дѣятельностью этихъ наукъ въ узко отмежеванныхъ границахъ. Но на этомъ не остановилась ограничительная тенденція Майкова въ важной области научнаго разбора общественныхъ явлений. Въ учениіи о соціальномъ синтезѣ, искусственно сведенномъ къ идеѣ народности, вся его философія становится источникомъ мертвящихъ принциповъ, оплотомъ рутинныхъ взглядовъ и оправданіемъ грубыхъ шовинистическихъ инстинктовъ малокультурныхъ народовъ. Наука, которая, по природѣ своей, должна вырабатывать только идеи высшаго мірового порядка, суженная поверхностнымъ анализомъ въ самомъ центрѣ философскаго изслѣдованія, въ заключительныхъ соображеніяхъ сведена къ фабрикаціи какихъ-то рецептовъ мѣстнаго благоустройства, составляющаго самостоятельную часть общечеловѣческаго благоустройства. Политическая экономія должна имѣть строго-национальный характеръ. Понятія о правѣ и справедливости видоизмѣняются для каждого отдельнаго народа. Даже нравственные идеалы, которые, несомнѣнно, должны были бы представлять незыблемый устой среди мѣняющихся вѣяній исторіи, подчинены национальнымъ и расовымъ особенностямъ. Въ умственномъ развитіи человѣ-

вѣчества не оказывается ничего объединяющаго, мірового, стоящаго выше случайныхъ народныхъ стремлений и направляющаго культуру къ вѣчнымъ идеальнымъ цѣлямъ. Приписавъ онибочаюе значеніе національной идеѣ, Майковъ не разгадалъ и не открылъ ея истинной природы. Не давая матеріала для заключительныхъ обобщеній соціальной науки, которая соединяютъ ее съ общими, основными философскими понятіями, идея народности представляеть громадный интересъ въ другомъ, психологическомъ отношеніи, на который Майковъ не обратилъ никакого вниманія. Сказавъ однажды, что народность заключается въ духѣ, а не въ формахъ быта, онъ при этомъ не далъ понять, что подъ духомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть исключительно народный *temperament*, сферу чувствъ, оригинальныхъ настроеній, оттѣняющихъ общечеловѣческія стремлениія и идеи въ данной умственной и соціальной средѣ. Национальность—не въ различіи понятій, не въ разнообразіи нравственныхъ и философскихъ взглядовъ, исходящихъ изъ общечеловѣческихъ духовныхъ источниковъ, а только въ характерѣ, въ темпѣ внутреннихъ волненій и ощущеній, сопровождающихъ каждое духовное воспріятіе, каждый порывъ ума къ универсальной истинѣ. При единствѣ общечеловѣческихъ идеи справедливости и свободы, при коренномъ сходствѣ въ идеалахъ красоты и совершенства, разные народы постоянно вносятъ индивидуальный колоритъ въ свою историческую работу, въ произведенія своихъ лучшихъ и характернейшихъ художественныхъ талантовъ. Общія міровыя идеи, стѣсненные определенными бытовыми условіями, границами тѣхъ или другихъ расовыхъ и психическихъ индивидуальностей, выступаютъ, въ переработкѣ отдѣльныхъ народовъ, односторонними типическими явленіями единаго духовнаго порядка. Вотъ въ какомъ смыслѣ умѣстно говорить обѣ идеѣ народности: она имѣеть значеніе для чисто психологического пониманія душевной жизни массъ, какъ идея индивидуальности, она можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ при изученіи исторіи отдѣльныхъ обществъ, создаваемой борьбою инстинктовъ, чувствъ и страстей, она даетъ возможность проникнуть въ капризныя, подвижныя формы творчества, отвѣчающія интимнымъ особенностямъ отдѣльныхъ темпераментовъ. Давая ключъ къ объясненію того, что создается непосредственными чувствами и симпатіями, она не можетъ быть руководящимъ принципомъ при оценкѣ явлений, имѣющихъ умственное, теоретическое значеніе. Только въ жизненномъ и художественномъ воплощеніи общечеловѣческихъ идеи естественно проявляется индивидуальное разнообразіе, ибо каждое выраженіе безилотной по природѣ мысли неизбѣжно принимаетъ рельефность и яркость оригинального колорита вмѣстѣ съ ограниченностью и условностью всякой чувственной формы. Но по скольку національная печать отмѣчаетъ *теоретическія* идеи известнаго порядка, по стольку она извращаетъ значеніе этихъ идей, потому что

въ области духа, въ области отвлеченної мысли не должно быть и не можетъ быть двухъ истинъ по отношенію къ одному и тому-же предмету.

Для полноты характеристики Майкова въ этомъ моментѣ его литературной дѣятельности отмѣтимъ нѣсколькими критическими замѣчаніями то, что имъ сказано о свойствахъ русского ума. Съ чувствомъ особаго патріотического удовлетворенія Майковъ, какъ мы видѣли, усматриваетъ въ русскомъ народѣ гармоническое сочетаніе аналитическихъ и синтетическихъ «воззрѣній». При ненависти къ ничтожному остроумію и блестательной фразеологіи, русскій человѣкъ счастливо соединилъ въ себѣ умѣніе разлагать каждое явленіе на части и затѣмъ вновь соединять эти части по строго-логическому, трезвому методу. Такова наивная, не глубокая, хотя пылкая характеристика, вышедшая изъ подъ пера молодого фактическаго редактора «Финскаго Вѣстника». Изгоняя изъ своихъ разсужденій строго научное представление о вѣн-опытныхъ, мистическихъ элементахъ духовной жизни и сведя всю дѣятельность человѣческаго ума къ какому-то вѣнчальному процессу, Майковъ не могъ заглянуть въ глубь индивидуальности русскаго народа. Если принять характеристику Майкова, то пришлось-бы допустить, что въ Россіи находятся на одинаковой высотѣ и то, что производится аналитическою работою человѣка, и то, что создается его синтетическими силами. Можно подумать, что русское художественное творчество и русская культура стоятъ на одинаковомъ уровнѣ развитія. Политическая исторія русскаго общества и русская политическая наука, если вѣрить Майкову, если держаться его поверхностно-оптимистического взгляда, должны представлять цѣлый рядъ триумфовъ, свидѣтельствующихъ о несокрушимомъ, житейскомъ и теоретическомъ анализѣ русскаго ума. Искусство, для которого прежде всего требуется своеобразное воспріятіе дѣйствительности въ непосредственномъ идеальномъ свѣтѣ сознанія, искусство, которое начинается синтезомъ, продолжается синтезомъ и никогда не переходитъ въ разсудочный послѣдовательный анализъ, искусство, запечатлѣнное, въ своихъ краскахъ и формахъ, оригинальностью характера и темперамента—вотъ въ чёмъ обнаружилась истинная духовная сила русскаго общества. При бѣдной культурѣ, двигающейся робкими и невѣрными путями, при крайней ограниченности политической мысли, при убожествѣ и грубости публицистическихъ орудій, при общей банальности и мелкости научно-философскихъ пріемовъ и стремлений, одно только русское поэтическое творчество представляетъ законченное самобытное явленіе, имѣющее общечеловѣческое, міровое значеніе. Анализъ не показалъ себя до сихъ поръ въ Россіи сколько-нибудь замѣтной, развитой способностью. Въ области гуманитарныхъ знаній, ведущихъ общество по пути нравственного и умственного прогресса, мы не имѣемъ еще до настоящей минуты ни одного особенно крупного факта, который

могъ-бы выдержать сравненіе съ однородными проявленіями могущественнаго анализа европейской мысли. Русская соціальная наука влажится въ прахѣ, цѣпляясь за самыя поверхностныя теченія въ культурной жизни другихъ народовъ, работъствую передъ собственными ничтожными кумирами, постоянно приснащаюсь къ случайнымъ публичистическимъ интересамъ. Русская философская мысль до сихъ поръ еще находится подъ запретомъ у коноводовъ журнальной печати, искушанно содрагаясь отъ крикливыхъ, нагло-невѣжественныхъ обвиненій въ склонности къ метафорическому бреднямъ. Гдѣ-же можно открыть, хотя бы теперь, черезъ полвѣка послѣ громкаго заявленія Майкова, какое-нибудь яркіе слѣды настоящаго научного анализа, плодотворной умственной работы, соединяющей въ себѣ обѣ стороны человѣческаго мышленія, захватывающей въ одномъ цѣльномъ построеніи результаты синтеза и анализа? Гдѣ доказательства того, что русская натура обладаетъ такими разносторонними духовными способностями, такой «энергичной смѣлостью» при органической симпатіи къ строгой правдѣ, если даже въ практической сфере всѣ ея прогрессивные стремленія сводятся къ какимъ-то жалкимъ, быстро проходящимъ, «благимъ порывамъ»?..

Теперь мы исчерпали все, что относится къ соціальной философіи въ разсужденіяхъ Майкова. Анализъ, синтезъ, вопросъ о национальности въ его теоретической постановкѣ и частный вопросъ о характерныхъ свойствахъ русской народности — эти различныя темы и составляютъ главное содержаніе обширной статьи Майкова «Общественная наука въ Россіи». Съ этими мыслями, безъ посредствующаго эстетического звена, было бы невозможно прямо обратиться къ предмету настоящей литературной критики, и вотъ мы находимъ въ отрывкахъ Майкова, не напечатанныхъ въ свое время, но обнародованныхъ, какъ мы уже сказали, въ полномъ собраніи его работъ, нѣсколько мыслей, получившихъ дальнѣйшее развитіе въ его слѣдующихъ статьяхъ. Майковъ, на двухъ страницахъ, дѣлаетъ первый набросокъ своей эстетической теоріи. Онъ старается отмѣтить главный типический признакъ искусства вѣдь опредѣленій «школьной эстетики». Изыщно все то, говорить онъ, что только производить *какое-нибудь* впечатлѣніе на человѣческое чувство. «Изыщное произведение тѣмъ и отличается отъ другихъ произведений свободной дѣятельности духа, что дѣйствуетъ на чувство, и что безъ того оно не было бы изыщнымъ». Наука обращается къ уму и никто не можетъ требовать, чтобы она управляла волею и «раздражала чувство». Истины, добытыя путемъ научного изслѣдованія, не дѣйствуютъ «на чувствительную сторону человѣческой души», не производятъ никакого вліянія и на нравственность. Аполлонъ Бельведерскій ничего собою не доказываетъ, ни къ чему не подвигаетъ, но «смотря на этотъ антикъ, вы трепещете отъ восторга, видя передъ собой осуществленіе душевной и тѣлесной

красоты». Онъ до основанія поражаетъ нашу чувствительность. Въ опроверженіе этого взгляда на искусство часто приводятъ, замѣчаютъ Майковъ, примѣры такихъ произведеній, которые въ одно время удовлетворяютъ и требованіямъ ума, и требованіямъ изящнаго. Утверждаютъ, что писатель можетъ и доказывать и пѣнить художественностью формы. Но такое представлѣніе Майковъ считаетъ совершенно ложнымъ: «поэзія, говорить онъ, доказательствъ не терпитъ, ибо доказательство необходимо приводить къ чистой мысли, разоблаченной отъ жизненныхъ формъ»... *) Вотъ вкратцѣ эстетические взгляды, выраженные Майковымъ въ статьѣ его «Общественная науки въ Россіи», взгляды, представляющіе, несмотря на отсутствіе пространныхъ доказательствъ, иѣкоторый литературный интересъ.

Не углубляясь пока въ критику этой эстетической теоріи, укажемъ ея главные общіе недостатки. *Во-первыхъ*, опредѣленіе изящнаго, сдѣланное Майковымъ, не заключаетъ въ себѣ типическихъ признаковъ художественнаго произведенія и въ то же время не выдѣляетъ его изъ необъятной сферы явлений, такъ или иначе дѣйствующихъ на наше чувство. Нельзя считать изящнымъ все то, что производитъ на насъ *какое-нибудь* впечатлѣніе. Наши впечатлѣнія разнообразны, какъ міръ. Наши чувства приходятъ въ движение по самимъ различнымъ мотивамъ, потому что нѣтъ такого явленія, которое, вступая въ нашу душу съ большей или меньшей силой, не вызвало бы волненія въ области нашихъ ощущеній. Волненіе эстетическое имѣть свою собственную окраску, тенденцію, и задача эстетики заключается именно въ томъ, чтобы точно опредѣлить его природу. Но отъ такой научной постановки вопроса Майковъ, по крайней мѣрѣ въ данномъ разсужденіи, стоялъ очень далеко. *Во-вторыхъ*, нельзя не признать крайне одностороннимъ понятіе объ изящномъ, какъ о чѣмъ-то радикально отличномъ отъ истиннаго. Майковъ не уразумѣлъ, что изящное есть только *правильное воплощеніе* истиннаго. Вынимая изъ художественнаго произведенія разумный элементъ, который не можетъ не дѣйствовать на сознаніе, двигать его въ ту или другую сторону, возбуждать въ немъ, вмѣстѣ съ кипѣніемъ чувствъ, діалектическую работу и борьбу различныхъ идей и понятій, Майковъ опять обнаруживаетъ непониманіе спиритического характера художественного процесса. Безсознательно развертываясь въ произведеніяхъ искусства, выступая въ полномъ сліяніи съ опредѣленною вѣшнею формою, идеи составляютъ душу всякаго художественнаго творенія и, по самой своей природѣ, могутъ быть постигнуты только сознаніемъ. Именно въ этомъ и заключается отличительный характеръ эстетическихъ чувствъ, ихъ идейнымъ происхожденіемъ и объясняется ихъ возвышенность и утон-

*) «Критические опыты», стр. 613.

ченность, находящаяся въ прямомъ отношеніи къ степени умственной и нравственной культуры человѣка. Не теряя никакихъ разсудочныхъ доказательствъ, искусство полно жгучей діалектики, овладѣвающей умъ съ властною, иначе непобѣдимою силой.

Мы оставимъ безъ вниманія двѣ совершенно незначительныхъ замѣтки Майкова о кн. Одоевскомъ и Тургеневѣ въ библіографическомъ отдѣлѣ «Финского Вѣстника» и перейдемъ къ новому и послѣднему періоду его литературной дѣятельности—въ «Отечественныхъ Запискахъ».

III.

За годъ до отѣзда въ Зальцбурнъ, Бѣлинскій разорвалъ съ «Отечественными Записками» и собирая труды друзей своихъ для обширного альманаха «Левіафанъ». Тургеневъ, разсказываетъ Анненковъ, былъ изъ первыхъ, обѣщавшихъ Бѣлинскому свою лепту, а между тѣмъ, по лукавству, составляющему обычное явленіе въ литературныхъ кружкахъ, онъ вовсе не искалъ и не хотѣлъ конечной гибели «Отечественныхъ Записокъ» *). Сочувствуя, какъ начинающему писателю, В. Майкову, Тургеневъ свѣль его съ Краевскимъ, который и поручилъ ему главныя части критического отдѣла своего журнала. Эстетика Майкова, замѣчаешь Анненковъ, построенная на этнографическихъ данныхъ, могла дать окраску этому либеральному изданию, и пятнадцать мѣсяцевъ усерднаго участія Майкова въ «Отечественныхъ Запискахъ», съ апрѣля 1846 г. по юль 1847 г., до нѣкоторой степени поддерживало ихъ старую репутацію, не смотря на переходъ Бѣлинскаго въ «Современникъ». Майковъ возбудилъ своимъ статьямъ, которыя именно теперь пріобрѣли болѣе или менѣе яркій колоритъ, довольно оживленная пренія въ журнальныхъ кругахъ, вновь и съ особеною силой поставилъ и разрѣшилъ старый вопросъ о народности, подробно и ясно изложилъ эстетическое ученіе, отличающееся кореннымъ образомъ отъ теоретическихъ воззрѣній Бѣлинскаго въ этомъ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности. Публика, знакомая со статьею Майкова въ «Финскомъ Вѣстнике», знала его общія соціальные идеи, но вовсе не могла подозрѣвать въ немъ какія-нибудь опредѣленныя критическія стремленія въ области эстетическихъ вопросовъ. За исключеніемъ двухъ—трехъ фразъ, въ которыхъ говорится, что никакая «новая мысль не можетъ быть выражена эстетически», что поэзія не терпитъ доказательствъ и что задача истиннаго художника заключается въ томъ, чтобы глубоко прочувствовать общую идею вѣка и творчески воплотить ее «въ животрепещущій образъ», за исключеніемъ этихъ и нѣкоторыхъ

*). *П. В. Анненковъ.* Молодость И. С. Тургенева, «Вѣстникъ Европы», 1884, № 2, стр. 46².

другихъ попутныхъ, случайныхъ замѣчаній, въ первыхъ работахъ Майкова нельзя найти нищего опредѣленнаго, яснаго, твердаго на тему объ искусствѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» литературная дѣятельность Майкова, за выбытіемъ изъ состава редакціи Бѣлинскаго, должна была развернуться шире—именно въ сферѣ эстетическихъ вопросовъ. Приходилось постоянно отвлекаться отъ предметовъ юридическихъ и экономическихъ, всего болѣе отвѣчавшихъ его внутреннимъ склонностямъ, чтобы давать своевременные отчеты о явленіяхъ чисто литературныхъ, о художественныхъ произведеніяхъ, сколько нибудь выдѣляющихся по таланту и значительности идеяного содержанія. Около такихъ произведеній и явленій яркое дарованіе Бѣлинскаго достигло вершины своего развитія, и писатель, который рѣшился занять его мѣсто на страницахъ одного изъ самыхъ видныхъ органовъ того времени, долженъ былъ явиться передъ публикой съ опредѣленными эстетическими убѣжденіями и художественными симпатіями. Надо было обнаружить извѣстную систему понятій и тонкій вкусъ, дѣйствующій не безотчетно, не по капризу авторскихъ пристрастій, а по опредѣленному критическому принципу, доступному для спора и возраженій съ какихъ нибудь другихъ точекъ зрѣнія. Майковъ, повидимому, хорошо понималъ отвѣтственность своего положенія въ качествѣ первого критика журнала. Съ первыхъ же шаговъ онъ старается, по разнымъ важнымъ и неважнымъ поводамъ, занять извѣстную позицію по отношенію къ задачамъ искусства, разбирая современныя произведенія художественнаго и поэтическаго творчества, давая мимолетныя характеристики выходящимъ книгамъ. Онъ пишетъ о Жадовской, выемываетъ стихотворныя упражненія В. Аскоченскаго, набрасываетъ нѣсколько неувѣренную, хотя въ общемъ сочувственную рецензію на сборникъ А. Плещеева и довольно часто распространяется объ историческихъ судьбахъ русской литературы, о Пушкинѣ, Лермонтовѣ. Онъ проводитъ параллель между Гоголемъ и Достоверскимъ, адресуетъ нѣсколько похвальныхъ замѣчаній Герцену, выражаетъ скорбь, съ оттенкомъ возмущенія и протesta, о томъ что бездарныя вирши, «порожденія самолюбивой затѣйливости», часто вытѣсняютъ такія истинно талантливыя поэтическія произведенія, какъ стихотворенія Тютчева. Рядомъ съ краткими оцѣнками отдѣльныхъ эстетическихъ явленій, мы постоянно встрѣчаемся въ статьяхъ Майкова этого периода съ пространными разсужденіями теоретического характера. Не умѣя сгущать выраженія своихъ мыслей и постоянно прибегая къ разнымъ малозначащимъ историческимъ иллюстраціямъ, Майковъ теперь окончательно развиваетъ передъ читателемъ опредѣленное ученіе объ искусствѣ и творчествѣ, стоящее повидимому въ принципіальномъ противорѣчіи съ утилитарными взглядами Бѣлинскаго—почти наканунѣ его смерти. Онъ не только не измѣняетъ своимъ научнымъ симпатіямъ, какъ онѣ опредѣлились въ разсмотрѣнныхъ статьяхъ «Карманнаго Словаря» и

«Финского Вестника», но еще съ большею уверенностью провозглашаетъ великое значеніе аналитического метода, какъ онъ его понимъ. Онъ нашесть приложеніе своимъ понятіямъ, воспитаннымъ въ николь формальныхъ юридическихъ опредѣлений, и отынѣ его журнальная дѣятельность направляется къ двумъ, не совсѣмъ однороднымъ цѣлямъ. Продолжая начатыя работы, онъ завершаетъ свою эстетическую теорію и окончательно перестраиваетъ прежнюю теорію народности, подробно разобранную нами выше.

Главныя мысли Майкова объ искусствѣ собрались въ статьѣ его о Кольцовѣ. Обширная и растянутая, статья эта трактуетъ о многихъ предметахъ, но ея главное содержаніе можетъ быть разбито на двѣ части. Въ первой говорится о тайнѣ художественного творчества, во второй — о народности въ жизни и литературѣ. Постѣ длинныхъ разсужденій о классицизмѣ и романтизмѣ, Майковъ, установивъ свое отношеніе къ критикѣ Бѣлинскаго, которую онъ обвиняетъ въ отсутствіи опредѣленныхъ, непрѣмѣнныхъ научныхъ доказательствъ, въ безсознательномъ стремлениѣ къ диктаторству, переходитъ къ чисто теоретическому вопросамъ. Онъ проводить твердое разграничение между явленіями, входящими въ область искусства и явленіями, относящимися къ научной сфере. Никакимъ образомъ не слѣдуетъ смѣшивать вещей занимательныхъ съ тѣмъ, что волнуетъ наше чувство. Все, лежащее виѣ настѣ, не сродное съ нами по природѣ, все, надѣленное собственною, еще не ясною для насъ индивидуальностью — все это возбуждаетъ любознательность, мучить и маниТЬ насъ въ даль, пока таинственное не становится яснымъ, отдаленное близкимъ и понятнымъ. Въ этой области дѣйствуетъ наука, постоянно разъясняя то, что подстrekнуло любопытство, возбудило интересъ ума, въ извѣстномъ направлениѣ. Вотъ гдѣ не можетъ проявиться никакое поэтическое творчество, требующее иного материала, иныхъ силъ, иныхъ горизонтовъ. Искусство имѣеть дѣло съ тѣмъ, что *симпатично*, сродно съ нашими человѣческими интересами, тождественно съ нами по существу. Мы умѣемъ сочувствовать только тому, въ чемъ нашли самихъ себя. Мы восторгаемся природою, потому что ощущаемъ ее внутри себя. Нѣть на свѣтѣ ни одного неизящнаго, неплѣнительнаго предмета, если только художникъ, изображающій его, обладаетъ достаточнымъ талантомъ, чтобы отдатьть въ немъ «безразличное отъ симпатического», чтобы не смыть «симпатического съ занимательнымъ». Въ искусствѣ все дѣло не въ художественности формъ, которая никогда не могутъ быть лучше живыхъ формъ дѣйствительности, въ какихъ она движется передъ нашими глазами, а въ поэтической мысли, радикально отличной отъ научно-дидактической мысли. всякая художественная идея никогда не выливается въ форму сухого, разсудочнаго силлогизма, не заключаетъ въ себѣ никакого доказательства и вліяетъ на насъ своими общечеловѣче-

скими, симпатическими свойствами. Художественная идея рождается въ формѣ живой любви или живого отвращенія отъ предмета изображенія, У великихъ талантовъ каждая поэтическая черта одушевлена человѣческимъ чувствомъ. Истинный художникъ умѣеть открывать присутствіе человѣческаго интереса въ томъ мірѣ явленій, которымъ занято его воображеніе. Мы не можемъ прослѣдить, какъ возникаетъ и какъ затѣмъ выражается художественная мысль въ опредѣленной формѣ, но для научной эстетики достаточно, что она въправѣ установить слѣдующую несомнѣнную истину: «тайна творчества состоить въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны, иными словами: художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершающее не измѣненіемъ ся формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ, въ поэзію» *).

Вотъ въ общихъ словахъ главныя черты новой эстетической теоріи Майкова. Искусство не имѣеть дѣла съ тѣмъ, что занимательно, тайна его воздействія на людей заключается въ томъ, что оно воспроизводить дѣйствительность съ ея симпатической стороны, что оно гуманизируетъ ее, переводить ее въ сферу человѣческихъ интересовъ. Въ искусствѣ не должно быть никакой дидактики, потому что сухое логическое разсужденіе убиваетъ всѣ виды чистой поэзіи, даже сатири, въ которой привыкли искать назиданія и поученія. Современная эстетика разъ навсегда отказалась «отъ титла руководительницы» художественныхъ талантовъ, сфера ея вліянія ограничивается исключительно «опытнымъ изслѣдованиемъ обстоятельствъ, сопровождающихъ зачатіе, развитіе и выраженіе художественной мысли» **). О самой художественной идеѣ, въ отличіе ея отъ идеи научно-дидактической, Майковъ высказывается съ иѣкоторой сбивчивостью, при всей рѣшительности отдѣльныхъ фразъ. На одной и той же страницѣ говорится, что всякая поэтическая идея рождается въ формѣ живой любви или отвращенія отъ предмета изображенія и тутъ же, черезъ иѣсколько строкъ, прибавляется новый оттѣнокъ къ ея опредѣленію. Художественная мысль, говорить Майковъ, есть ничто иное, какъ *чувство тѣждества*, чувство общенія какой бы то ни было дѣйствительности съ человѣкомъ. Очевидно, Майковъ не дѣлаетъ никакого различія между поэтической идеей и поэтическимъ чувствомъ. Если прибавить къ этимъ опредѣленіямъ задачи и цѣли искусства соображенія Майкова о томъ, что художественное творчество не допускаеть никакой копировки виѣшняго міра, мы будемъ имѣть все его эстетическое учение, въ полномъ объемѣ его главныхъ и второстепенныхъ положеній. Борьба съ дидактикой и открытие симпатическихъ силъ искусства — вотъ тѣ новые принципы, которыми Майковъ хотѣлъ, повидимому, оказать рѣши-

*) «Критические опыты», стр. 44.

**) Ibidem. Иѣчто о русской литературѣ въ 1846 г., стр. 342.

тельное научное сопротивление начавшемуся въ журналистикѣ броженію утилитарныхъ понятій. Оградивъ искусство отъ чуждыхъ ему элементовъ, Майковъ въ то же время указываетъ ему высокую задачу въ области жизненныхъ человѣческихъ интересовъ. Однако, если внимательно присмотрѣтесь къ этому учению, легко замѣтить въ немъ недостатки философскаго характера, имѣющіе немаловажное значеніе. *Во-первыхъ*, самое дѣленіе предметовъ на занимательные и симпатические, играющее въ теоріи Майкова первенствующую роль, надо признать совершенно условнымъ. Какъ мы уже говорили, все, что входитъ въ сознаніе человѣка, что интересуетъ его въ томъ или другомъ отношеніи, не можетъ не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на чувство. Въ каждомъ актѣ познанія міръ открывается намъ съ «симпатической» стороны, т. е. со стороны, задѣвающей и волнующей нашу душу. Научное изслѣдованіе извѣстныхъ явлений такъ же овладѣваетъ нашими чувствами, какъ и художественное воспроизведеніе природы, тѣхъ или другихъ событий въ жизни людей. Когда мы говоримъ о тѣлѣ, замѣчаетъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Гоголю, мы можемъ опредѣленно означать каждую отдельную его часть. Но когда мы говоримъ: умъ, воля, мы разными именами означаемъ одно и то же—всю душу, нераздѣлимомъ дѣйствующую въ каждомъ частномъ случаѣ. Но если-бы искусство поражало только чувство, оно не могло бы имѣть такого широкаго культурнаго значенія, какое оно имѣеть въ развитіи каждого общества. *Во-вторыхъ*, характеристика творческаго процесса вышла у Майкова крайне узкою, недостаточною для борьбы съ утилитарными представлѣніями о задачѣ искусства. Въ этой характеристики особенно ярко выступилъ его ошибочный взглядъ на саму природу художественнаго процесса, въ которомъ синтезъ является въ дѣйствительности настоящею творческою силою. Майковъ выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о человѣческихъ интересахъ, съ которыми должно слиться всякое художественное произведеніе. Но понятіе о человѣческихъ интересахъ, не развитое философскимъ образомъ, даже не связанное въ разсужденіи Майкова съ какимъ нибудь опредѣленнымъ психологическимъ содержаниемъ, даетъ совершенно случайное мѣрило при опѣнкѣ истинно талантливыхъ созданій искусства. Художникъ долженъ изображать, говорится въ вышеупомянутомъ письмѣ Жуковскаго, не одну собственную человѣческую идею, не одну свою душу, но широкую міровую идею, проникающую все доступное нашему созерцанію. Задумавъ бороться съ дидактикой, Майковъ не сумѣлъ, однако, возвыситься до теоріи настоящаго свободнаго искусства, которое не только не подчиняется никакимъ временнымъ человѣческимъ интересамъ, но и самые эти интересы подчиняетъ непреходящимъ объективнымъ цѣлямъ и міровымъ принципамъ красоты и правды. Мало изгнать изъ искусства холодное резонерство. Надо показать его важную философскую задачу въ цѣльной системѣ,

отражающей самыя таинственныя, безкорыстныя, вдохновенные стрелы человѣческой души. *Вѣ-трестънхъ*, наконецъ, дѣленіе идеи на художественную и дидактическую представляется искусственнымъ, формальнымъ дѣленіемъ, лишеннымъ истинно научного и эстетического значенія. Всѣ безъ исключенія идеи могутъ быть предметомъ искусства: онѣ становятся художественными, поэтическими, когда получаютъ гармоническое, правильное, не случайное выраженіе въ опредѣленной конкретной формѣ. Майковъ не придаетъ значенія тому, что въ искусстве стоять на первомъ планѣ, какъ его виѣшняя природа. Художественные формы, говорить онъ, всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности. Но въ томъ-то и дѣло, что между искусствомъ и дѣйствительностью неѣтъ такого соотвѣтствія и каждый предметъ, перенесенный изъ виѣшняго міра на полотно, въ литературное произведеніе, высѣченный изъ мрамора, совершенно преображается въ идеальный, законченный, символический образъ. Если въ мірѣ грубыхъ фактовъ нашего виѣшняго опыта, въ мірѣ жизненныхъ явлений мы можемъ еще не видѣть и не чувствовать за ними присутствія высшей духовной стихіи, то, обращаясь къ произведеніямъ человѣческаго творчества, мы непрѣдѣльно соприкасаемся и разумомъ, и чувствами съ верховными силами и законами, съ животрепещущимъ воплощеніемъ безусловной истины. Не понявъ дѣйствительныхъ свойствъ ни обыденнаго, ни научнаго синтеза, Майковъ не могъ оцѣнить и синтеза художественного, которымъ въ каждое произведеніе вносится цѣлое міросозерцаніе, рядъ эстетическихъ и нравственныхъ понятій, высоко поднимающихъ всѣ его образы, все повѣствованіе надъ повседневными явленіями жизни. Идеи, влагаемыя художникомъ въ его творенія, суть тѣ же самыя идеи, которыми разрабатываются въ науцѣ, приводятся въ систему въ философіи, которые становятся дидактическими въ сухомъ логическомъ разсужденіи. Выраженные въ поэтической формѣ, онѣ получаютъ какъ бы живое индивидуальное существованіе и говорять одновременно и воображенію, и чувству, и разуму.

Подходя съ своими позитивными эстетическими взглядами къ различнымъ явленіямъ русской словесности, Майковъ не далъ ни одной настоящей характеристики, которая могла бы оставаться въ литературѣ, какъ образецъ таланта и тонкаго критического вкуса. О Пушкинѣ онъ не сумѣлъ сказать ни одного яркаго, оригинального слова, хотя вся дѣятельность Бѣлинскаго, полная противорѣчій въ этомъ вопросѣ, должна была бы возбудить на работу его лучшая умственная силы, если бы онъ былъ созданъ для настоящаго литературно-критического дѣла. Лермонтова онъ сравниваетъ съ Баирономъ на томъ основаніи, что произведенія обоихъ «выражаютъ собою анализъ и отрицаніе людей, допедшихъ до того и другого путемъ борьбы, страданія и скорбныхъ утратъ». Гого-

лемъ Майковъ занимается во многихъ замѣткахъ. Онъ считаетъ его главнымъ представителемъ новѣйшаго русскаго искусства, основателемъ национальной школы, въ произведеніяхъ котораго «торжество русскаго анализа, анализа мощнаго, безтренетнаго и торжественно-спокойнаго» достигло своего апогея. Собрание сочиненій Гоголя Майковъ, съ чувствомъ наивнаго удовлетворенія, называетъ «художественной статистикой Россіи». Его разсужденія о Достоевскомъ, о Герценѣ — при всемъ его глубокомъ сочувствіи къ этимъ писателямъ, не обнаруживаютъ никакой особенной проницательности. Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что не понять существеннаго тождества дидактическихъ и художественныхъ идей, отрицая въ искусствѣ чисто-идейное содержаніе и усматриваю на примѣрахъ съ беллетристическими произведеніями какое то противорѣчіе съ основными своимъ убѣжденіями, Майковъ рѣшился создать по этому случаю новую *полу-дидактическую* смѣшанную форму искусства. На этой фальшивой почвѣ не было никакой возможности глубоко постигнуть и осмыслить тотъ новый, широко развивающійся вноскѣствѣннѣй родъ творчества, которому присвоено название романа. Наконецъ, характеристика Кольцова, несмотря на пространность, не отличается ни глубиною, ни мѣткостью. «Думы» Кольцова онъ совершенно отвергаетъ, какъ «недѣчные попытки самоучки замѣнить истину, къ которой стремился, призраками, которые для самого его имѣли силу кратковременно дѣйствующаго дурмана». Бѣлинскому Майковъ, какъ мы видѣли, дѣлаетъ упреки за стремленіе къ диктаторству и спорить съ нимъ, между прочимъ, по случайному вопросу о терминѣ «гениальный талантъ».

Остается размотрѣть еще новую теорію народности, предложенную Майковымъ въ той-же статьѣ о Кольцовѣ, оттѣненную нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями въ другихъ его статьяхъ библіографического отдѣла «Отечественныхъ Записокъ». По прошествіи одного только года, взгляды Майкова измѣнились самымъ радикальнымъ образомъ. Теперь онъ иначе опредѣляетъ значеніе идеи народности въ развитіи человѣчества, передѣливаетъ всѣ прежніе выводы и является защитникомъ безусловнаго космополитизма. Не заботясь о приведеніи въ надлежащую систему своихъ возврѣній на соціальную философію, въ связи съ новыми своимъ мыслями, онъ падетъ теперь совершенно другимъ путемъ, излагаетъ свои убѣжденія безъ малѣйшихъ ссылокъ на прежнія научно-философскія теоремы. Разсужденія Майкова пріурочены къ вопросу о томъ, можно-ли считать Кольцова национальнымъ поэтомъ, что такое народность въ литературѣ и духъ народности въ жизни отдѣльныхъ людей. Майковъ слѣдующимъ образомъ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія, возникавшія и возникающія на этой почвѣ, и въ заключеніе формулируетъ новый законъ, до сихъ поръ не оцѣненный, какъ онъ говоритъ, этнографами, но вполнѣ выражаютъ собою «отношеніе национальныхъ

особенностей къ человѣчности и указывающій на путь, по которому народы стремятся къ идеалу». Вотъ его собственныя слова, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» особеннымъ, крупнымъ шрифтомъ. «Каждый народъ, говоритъ Майковъ, имѣть двѣ физіономіи. Одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой: одна принадлежить большинству, другая—меньшинству. Большинство народа всегда представляеть собою механическую подчиненность вліянію климата, мѣстности, племени и судьбы. Меньшинство же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ явлений» *). Обѣ эти крайности—типическія черты народныхъ массъ и умственныхъ и нравственныхъ качествъ людей изъ интеллигентныхъ слоевъ—представляютъ уклоненіе отъ нормального человѣка съ его коренными, прирожденными психическими особенностями. Человѣкъ вообще, къ какому-бы племени онъ ни принадлежаль, говоритъ Майковъ, подъ какимъ бы градусомъ онъ ни родился, долженъ быть и честенъ, и великодушенъ, и уменъ, и смѣлъ. Общій всѣмъ людямъ идеалъ человѣка составленъ изъ положительныхъ свойствъ, которыя обыкновенно называются добродѣтелями. Ни одна добродѣтель не приходитъ извнѣ. Нѣть такой добродѣтели, зародышъ которой не таился-бы въ природѣ человѣка. Но въ противорѣчи съ положительными силами, прирожденными человѣку, всѣ пороки суть ничто иное, какъ добрая наклонность—«или сбытия съ прямого пути, или вовсе не уваженная внѣшними обстоятельствами». Въ устройствѣ стихій нашей жизненности, замѣчаетъ Майковъ, господствуетъ полная гармонія, и потому совершенно несправедливо видѣть въ самомъ человѣкѣ истину его несовершенствъ. Но народные массы, живущія среди тяжелыхъ условій, обезсиливаются въ своихъ лучшихъ, человѣческихъ чертахъ и, подъ долгимъ гнетомъ историческихъ обстоятельствъ, обростаютъ какимъ-то безобразнымъ внѣшнимъ покровомъ, которому название общенаціональной физіономіи присвоется только по ошибкѣ. Въ народной толпе всегда находятся люди, которые высоко поднимаются надъ своими современниками, надъ инертными культурными слоями, надъ ихъ привычками и умственными стремленіями. Они выходятъ изъ среды своего народа, отрѣшаются отъ его типическихъ особенностей и развиваются въ себѣ черты прямо противоположного характера. Проникаясь иными идеями, побѣждая въ себѣ всякую подчиненность внѣшнимъ силамъ, угнетающимъ народную жизнь, эти люди дѣлаютъ спасительный шагъ къ богоподобію, хотя и впадаютъ при этомъ, какъ уже сказано, въ новыя крайности. Они являются защитниками настоящей цивилизациі, въ которой не можетъ быть ничего народнаго. Подобно тому, какъ мы должны считать наиболѣе совершеннымъ того человѣка, который ближе всего подходитъ къ воображае-

*.) «Критическіе опыты», стр. 69

мому, идеальному, безтемпераментному человѣку, мы должны признать наиболѣе совершенную ту цивилизацию, въ которой меньше всего какихъ бы то ни было типическихъ особенностей. Цивилизация и народность—идея совершенно непримиримыя, одна другую исключающія. Майковъ выясняетъ свою мысль на примерѣ съ поэзіей Кольцова. Вотъ истинно совершенное искусство, которое избѣгло обѣихъ указанныхъ крайностей, преодолѣвъ духъ подчиненности, разлитый въ народной толпѣ, и духъ «отчаянного удальства», отличающей меньшинство. Стихотворенія Кольцова, выражая «изумительную жизненность», проникнуты вмѣстѣ съ тѣмъ «какою-то необыкновенною дѣльностью и нормальностью». Въ нихъ нѣтъ никакихъ крайностей, никакихъ проявленій болѣзnenной раздражительности. Читая его произведенія, вы безпрестанно видите передъ собою человѣка, «въ самой ровной борьбѣ съ обстоятельствами», человѣка, которому нѣтъ надобности сострадать, потому что вы увѣрены, что побѣда останется на его сторонѣ и что силы его «еще болѣе разовьются отъ страшной гимнастики». Въ нихъ вы, навѣрно, не встрѣтите никакого злостнаго увлеченія, никакой желчности, никакой односторонности, «образующейся въ людяхъ посредственной жизненности вслѣдствие вражды съ обстоятельствами». Вся его біографія переполнена фактами, доказывающими, что въ немъ господствовала полная гармонія «между стремлениемъ къ лучшему и разумнымъуваженiemъ дѣйствительности».

Несмотря на иѣкоторый внѣшній блескъ, это новое учение о народности тоже страдаетъ очень существенными недостатками, которые дѣлаютъ его особенно непригоднымъ при изученіи человѣческаго творчества въ его разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ. При такихъ понятіяхъ о народной индивидуальности, особенно ярко выступающей въ поэтическихъ произведеніяхъ, Майковъ долженъ былъ потерять всякий интересъ и чутье къ тому, что въ искусствѣ стоитъ на первомъ планѣ—къ совершенству оригинального выраженія общечеловѣческихъ, мировыхъ идей и настроений. Самое создание этой теоріи показываетъ въ Майковѣ человѣка, безъ яркаго темперамента и глубокихъ художественныхъ симпатій къ разнообразнымъ формамъ красоты, къ игрѣ высшей жизни въ индивидуальныхъ воплощеніяхъ и образахъ. Признаеть, въ противоположность своимъ прежнимъ ложнымъ взглядамъ, космополитический характеръ всякаго общаго понятія и всѣхъ отвлеченныхъ идей и сдѣлавъ въ этомъ отношеніи существенный, прогрессивный шагъ, Майковъ не разглядѣть, однако, въ чемъ именно заключается идея народности, понятой вѣкъ какихъ бы то ни было шовинистическихъ и политическихъ стремлений. Во-первыхъ, устанавливая «законъ двойственности народныхъ физіономій», при чёмъ одна физіономія принадлежитъ народной массѣ, а другая интеллигентному меньшинству, онъ не видѣть истинныхъ отно-

шений глубокой оригинальной личности къ той умственной и соціальной средѣ, изъ которой она вышла. При выдающихся духовныхъ силахъ научного или художественного характера, при яркомъ умѣ и волѣ, способный бороться съ слѣпыми жизненными стихіями и предразсудкамиъ, даровитый человѣкъ обнаруживаетъ въ наиболѣе чистомъ и законченномъ видѣ тѣ именно качества группового темперамента и характера, которыя затерты въ массѣ грубыми историческими силами. Въ истинно интеллигентной средѣ типическая народная черты, часто скрытые отъ глаза, искаженные виѣшними вліяніями, выступаютъ съ большою свободою и потому съ большою красотою. О народной индивидуальности приходится судить именно по самымъ талантливымъ людямъ. Образованный человѣкъ, участвующій въ созданіи литературы и науки, или добровольно и сознательно отдающійся ихъ течению, говоритъ Потебія, какой бы анаѳемѣ ни придавали его изувѣры за отличие его взглядовъ и вѣрованій отъ взглядовъ и вѣрованій простолюдина, не только не отдаленъ отъ него какою то прonaстью, но, напротивъ того, имѣть право считать себя болѣе типическимъ выразителемъ своего народа, чѣмъ простолюдинъ *). Образованный человѣкъ устойчивѣе въ своей народности, чѣмъ человѣкъ малой и шаткой умственной культуры. Самое содержаніе его научныхъ и нравственныхъ убѣжденій и общественныхъ понятій должно оставаться общечеловѣческимъ, но выраженіе ихъ въ жизни, въ литературѣ будетъ непремѣнно имѣть свою особенную форму, своеобразный стиль даннаго народа. Необходимо при этомъ отмѣтить то обстоятельство, что, понявъ ошибочно смыслъ и *психологическое* значеніе идеи народности, Майковъ не рѣшился стать на сторону того меньшинства, которое онъ самъ признаетъ выразителемъ интеллигентнаго протesta во имя человѣческаго богоподобія. Вотъ почему, желая выразить свою симпатію къ могучему, страстному, порывистому таланту Кольцова, онъ рисуетъ фигуру спокойнаго, уравновѣщенаго, разсудительно-дѣловитаго человѣка. Во-вторыхъ, представленіе Майкова о прирожденности «добродѣтелей» и случайности «пороковъ» имѣть самый поверхностный характеръ. Его изображеніе не передаетъ той драмы, которая совершается въ человѣческой душѣ—борьбы противоположныхъ идей и понятій, идущихъ изънутри человѣка, изъ глубины его діалектическаго по природѣ духа. По представленію Майкова человѣкъ, преодолѣвшій виѣшнія жизненные силы, выйдя изъ подъ давленія историческихъ предразсудковъ, вмѣстѣ съ этимъ окончательно сбрасываетъ съ себя свою порочную оболочку и становится олицетвореніемъ безтемпераментной добродѣтели. А между тѣмъ, истинный освободительный процессъ совершается прежде всего внутри самого человѣка, въ глубинѣ сознанія—съ его кореннымъ мета-

*.) «Вѣстникъ Европы», 1895, Сентябрь.

физическимъ разладомъ, который можетъ разрешиться только въ высшихъ идеальныхъ обобщеніяхъ. Въ-третьихъ, паконецъ, при правильномъ пониманіи народности, Майковъ не могъ бы говорить о радикальномъ противорѣчіи между народностью и цивилизацией. Въ прежнихъ своихъ разсужденіяхъ на эту тему онъ сдѣлалъ принципіальную ошибку, давъ мѣсто идеѣ национальности въ чисто научныхъ и философскихъ вопросахъ. Теперь, ошибочно усматривая въ народности то же идеиное содержаніе, онъ неизбѣжно долженъ былъ признать ее разрушительнымъ началомъ по отношенію къ цивилизаций. Онъ и теперь не видитъ, что типическія свойства народа въ его индивидуальномъ темпераментѣ, въ характерѣ его непосредственныхъ силъ, и что разнообразіе этихъ свойствъ въ человѣчествѣ, порождающее разнообразіе въ склонностяхъ и безсознательныхъ влеченияхъ, николи образомъ не можетъ находиться въ логическомъ противорѣчіи съ идеей просвѣщенія, съ идеей единой для всѣхъ людей цивилизаций.

IV.

Бѣлинскій, встрѣтившій сочувственными словами первую большую статью Майкова, отнесся съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ его новымъ идеямъ о народности. Въ обозрѣніи русской литературы 1846 г., онъ, не называя по имени нового критика «Отечественныхъ Записокъ», въ довольно рѣшительныхъ выраженіяхъ оспариваетъ его ученіе о народности. Изложенное въ статьѣ о Кольцовѣ. Разсужденія Бѣлинского отличаются обычною страстью, и несмотря на многія преувеличенія и сочувственныя фразы по адресу славянофильской партіи, производятъ яркое, сильное впечатлѣніе. Статья написана съ лихорадочнымъ жаромъ. Столкновеніе съ новой либеральной силой, выступавшей съ научными и соціальными теоріями и отвергавшей индивидуальность въ формахъ поэтическаго творчества, разбудила въ Бѣлинскомъ его прежняя, когда-то глубоко пережитыя, эстетическая симпатіи. Онъ накидывается на молодого писателя, разбрасываетъ по всѣмъ направленіямъ фразы, полныя огня и вдохновенія, съ особенной силой противопоставляетъ взглядамъ Майкова свои собственные, смѣлыя. На этотъ разъ оттѣненныя нѣкоторыми преувеличенными патріотизмомъ, націоналистической убѣжденіемъ *). Какъ известно, статья эта вызвала смущеніе въ литературныхъ кругахъ, близко стоявшихъ къ «Современнику». Самъ Майковъ, повидимому, не склонился на сторону своего достойнаго оппонента, хотя и нашелъ нужнымъ объясниться передъ Тургеневымъ относительно своихъ критическихъ замѣчаній о Бѣлинскомъ. Возникшая полемика, въ виду нѣкоторыхъ неловкихъ

*.) Сочиненія Бѣлинского, т. XI, изданіе 1892 г., „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“, стр. 41—42, 44—45.

фразъ Бѣлинскаго, быть можетъ, даже подняла Майкова въ глазахъ людей, слѣдившихъ за развитіемъ молодыхъ талантовъ, и уже въ первые мѣсяцы 1847 г. критикъ «Отечественныхъ Записокъ» получилъ приглашеніе участвовать въ «Современникѣ», приглашеніе столь настоятельное, что у него мелькнула даже мысль, разсказывается Порѣцкій, прервать обязательныя отношенія съ Краевскимъ. Дѣло, однако, обошлось такъ, что Майковъ сталъ писать въ обоихъ журналахъ: въ іюньской книгѣ «Современника» уже были помѣщены двѣ написанныя имъ рецензіи *).

Когда Майковъ умеръ, въ журналахъ появился цѣлый рядъ некрологовъ и замѣтокъ, въ которыхъ его кратковременная дѣятельность была представлена въ самомъ сочувственномъ свѣтѣ. Около семейства Майковыхъ уже тогда группировались лучшіе дѣятели печати, люди ума и таланта, для которыхъ Аиоллонъ Майковъ долженъ былъ являться притягательною поэтическою силой. Въ этомъ обществѣ, где преобладающую роль играли писатели съ художественнымъ направленіемъ мысли, съ широкими эстетическими интересами, Валеріанъ Майковъ и получилъ свои первыя умственныя впечатлѣнія. Можно допустить, что молодой критикъ именно здѣсь услышалъ и воспринялъ нѣкоторые изъ литературныхъ отзывовъ, которые потомъ и перешли въ его статьи безъ надлежащей и самостоятельной аргументаціи. Такъ, напримѣръ, въ печати много разъ указывалось, какъ на доказательство тонкаго эстетического чутья Майкова, на его отзывъ о стихахъ Тютчева. А между тѣмъ, немногочисленныя фразы, брошенныя Майковымъ обѣ этомъ превосходномъ талантѣ, вовсе не свидѣтельствуютъ о критическомъ пониманіи Тютчева. Въ нихъ нѣть никакого самостоятельного колорита — образъ Тютчева не намѣченъ ни единымъ штрихомъ, его поэтическія настроенія, полны глубокаго философскаго смысла, не обрисованы ни единымъ словомъ. Явившись случайнымъ заключеніемъ въ рецензіи о стихахъ Плещеева, нѣсколько фразъ о Тютчевѣ могли быть простымъ отголоскомъ какихъ-нибудь болѣе или менѣе типическихъ, мѣткихъ разсужденій, напр., Тургенева, который, какъ известно, очень высоко цѣнилъ это оригинальное и глубокое дарованіе. Вращаясь въ обществѣ людей съ самыми изысканными вкусомъ, Майковъ постоянно натыкался на чисто литературные вопросы, при разрѣшеніи которыхъ онъ пускалъ въ ходъ свои теоретическія способности, свою начитанность въ ученыхъ книгахъ новѣйшаго характера. При отзывчивости на различные интересы и нѣкоторой легкости въ восприятіи самыхъ трудныхъ истинъ науки, Майковъ долженъ былъ производить выгодное впечатлѣніе многообѣщающаго и талантливаго юноши. Онъ быстро двигался въ своемъ умственномъ развитіи, и когда въ печати появились его первыя статьи, не чуждыя реформаторскихъ притязаній,

*.) «Критические опыты», ст. XLV.

снисходительный судъ такихъ крупныхъ художниковъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, долженъ былъ отнести къnimъ съ крайней благосклонностью. Тургеневъ, какъ мы уже рассказывали, свѣль Валеріана Майкова съ Краевскимъ, выслушивалъ его объясненія и оправданія по поводу его полемической характеристики Бѣлинского. Онъ же, черезъ много лѣтъ, вспоминалъ о Майковѣ въ словахъ, заключающихъ въ себѣ, кроме покровительственного одобренія, нѣкоторую двусмысленную критику и Бѣлинского, и Майкова: «Незадолго до смерти, пишетъ онъ, Бѣлинский начиналъ чувствовать, что наступило время сдѣлать новый шагъ, выйти изъ тѣснаго круга. *Политико-экономические вопросы должны были* смѣнить вопросы эстетические, литературные. Но самъ онъ себя уже устранилъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—В. Н. Майкова, брата поэта» *). Съ полнымъ сочувствіемъ, безъ всякихъ ограниченій, съ добродушіемъ человѣка, готоваго хвалить всякий добрый порывъ, какъ нѣкоторую положительную заслугу, выставляетъ умственные и нравственные качества Майкова Гончаровъ, въ некрологѣ, напечатанномъ въ «Современникѣ». Отличительная достопримѣтка статей Майкова, пишетъ онъ—«строгая послѣдовательность въ развитіи идей, логичность и доказательность положеній и выводовъ, потомъ глубина и вѣрность взгляда, остроуміе и начитанность». Обозначивъ въ такихъ полновѣсныхъ, можно сказать, великодушныхъ выраженіяхъ положительныя стороны его таланта, Гончаровъ кратко и какъ-бы неохотно отмѣчаетъ его главные недостатки: излишнюю плодовитость, непривычку распоряжаться богатствомъ своихъ силъ, раздробленность и мѣстами «слишкомъ тонкую и отвлеченную изысканность анализа» **). Раздробленный анализъ при строгой послѣдовательности идей и доказательности общихъ положеній—едва-ли въ этомъ сочетаніи логически противорѣчивыхъ признаковъ можно найти твердую опору для упроченія литературной репутаціи Майкова. Достоевскій въ статьѣ о Добро-любовѣ, напечатанной въ 1861 г., тоже посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ фразъ памяти рано умершаго критика, хотя въ словахъ его звучитъ горячая похвала скорѣе человѣческой личности Майкова, чѣмъ его литературному таланту. Послѣ Бѣлинского, пишетъ онъ, занялся отдѣломъ критики въ «Отечественныхъ Запискахъ» Валеріанъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта. «Онъ принялъ за дѣло горячо, блестательно, съ *свѣтлыи* убѣженіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться» ***).

Этп извѣстные въ литературѣ отзывы о таланѣ Майкова не остались безъ вліянія на критиковъ ближайшей къ намъ эпохи. Нѣкоторыя черты

*) Полное собрание сочинений Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 32—33.

**) «Критические опыты», стр. VI.

***) Полное собрание сочинений О. М. Достоевского, изд. 1883 г., т. X, стр. 38. Кн. 10. Отд. I.

его теоретическихъ возврѣній дѣлали его прямымъ предшественникомъ Чернышевскаго и Добролюбова, хотя, какъ мы видѣли, онъ и старался оградить искусство отъ вторженія какой-бы то ни было дидактики. Политико-экономическая тенденція, безъ которыхъ не обходилась ни одна его крупная статья, сближаютъ его съ дѣятелями журналистики 50-хъ и 60-хъ годовъ. Новая теорія народности, выраженная съ нѣкоторымъ либеральнымъ задоромъ, показалась наиболѣе виднымъ дѣятелямъ «Современника» цѣлью политическимъ откровеніемъ, дающимъ рѣшительное орудіе въ борьбѣ съ славянофильской партіей. Однимъ словомъ, въ статьяхъ Майкова, не отличавшихся ни яркостью, ни глубиною мысли, но имѣющихъ несомнѣнную научную закваску, историки литературы усмотрѣли важные признаки литературно-критического прогресса по сравненію даже съ произведеніями такого могучаго, признаннаго, живого таланта, какимъ былъ Бѣлинскій. Мало-по-малу сложилась даже какая-то легенда, господствующая до сихъ поръ въ журнальныхъ кругахъ, привыкшихъ съ довѣріемъ повторять чужіе авторитетные отзывы и приговоры. Быть молодой критикъ Валеріанъ Майковъ, братъ извѣстнаго, замѣчательнаго поэта Апполона Майкова. Онъ писалъ недолго, но за самое короткое время своей журнальной дѣятельности онъ разработалъ собственную эстетическую теорію на строго-научныхъ основаніяхъ и широкое космополитическое ученіе о народности. Если-бы не ранняя, случайная смерть, онъ замѣнилъ бы въ литературѣ самого Бѣлинскаго...

Въ такомъ именно направленіи опѣнили Майкова два новѣйшихъ критика. Скабичевскій называетъ его эстетическое ученіе «первой положительной эстетической теоріей, съ которой выступила молодая мысль, освободившаяся отъ метафизическихъ принциповъ». Нѣкоторые промахи не мѣшаютъ ей, полагаетъ этотъ критикъ, оставаться истинною въ такой степени, что «всѣ позднѣйшия открытія не только не опровергаютъ, а только больше подтверждаютъ и уясняютъ ее» *). Отзывъ этотъ Скабичевскій поддерживаетъ до настоящаго времени. Онъ все еще считаетъ критическія разсужденія Майкова «весьма блестательной попыткой пересадить эстетическія понятія на вполнѣ реальную почву того положительнаго мышленія», однимъ изъ первыхъ приверженцевъ котораго онъ былъ **). Скабичевскій горячо отстаиваетъ и его идею народности противъ критики Бѣлинскаго, въ которой онъ по этому поводу усматриваетъ даже зародышъ «тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ», съ какими выступили впослѣдствіи сверстники Бѣлинскаго противъ движенія 60-хъ годовъ ***).

*.) Сочиненія А. Скабичевскаго. «Сорокъ лѣтъ русской критики», стр. 465.

**) «Съверный Вѣстникъ», 1891 г., мартъ (въ отдѣльѣ библіографической критики), по поводу изданія «Критическихъ опытовъ».

***) Ibidem, стр. 478, 479.

Другой критикъ, К. Арсеньевъ, ставить Майкова рядомъ съ Бѣлинскимъ, въ качествѣ его продолжателя. Если Майковъ могъ раздвинуть задачи критики, говорить Арсеньевъ почти словами Тургенева, то онъ былъ обязанъ этимъ Бѣлинскому. Основныя понятія въ огромномъ большинствѣ случаевъ были установлены Бѣлинскимъ, и новая критика, въ лицѣ Майкова, могла бодро пойти впередъ, не останавливаясь «передъ предразсудками и невѣжествомъ читателей». Изученіе критическихъ статей Майкова Арсеньевъ считаетъ особенно важнымъ именно въ настоящее время, какъ по тому, что онъ одинъ изъ первыхъ приблизился къ «современному взгляду на искусство», такъ и потому, что онъ не отдался «всесѣло служенію одной крайней идеѣ» *). Вся обширная статья Арсеньева, проникнутая благожелательностью умѣреннаго и коррѣкtnаго либерализма, переполнена такого рода размышеніями, не обличающими въ почтенномъ публицистѣ ни критической глубины, ни даже достаточнаго знакомства съ литературной дѣятельностью Бѣлинского. Майковъ никогда не могъ быть ни продолжателемъ, ни ученикомъ Бѣлинского. По темпераменту, по направленію мыслей, по кореннымъ свойствамъ литературнаго таланта, онъ ни въ чемъ почти не сходился съ Бѣлинскимъ—ни въ одномъ изъ трехъ periodовъ дѣятельности послѣдняго. Бѣлинский, какъ писательскій талантъ, какъ характеръ, какъ яркая, умственная величина, стоялъ безконечно выше этого начинающаго критика безъ какихъ либо рѣзкихъ проявленій страстной психической жизни. Даже въ ошибкахъ Бѣлинского больше жизни, чѣмъ въ сбивчихъ, растянутыхъ и тусклыхъ разсужденіяхъ Майкова, несмотря на всю его научную передовитость и либеральную политическую и соціологическую стремленія. Это—со стороны литературной. Но Майкова никакимъ образомъ нельзя считать преемникомъ Бѣлинского и по существу его общихъ философскихъ возврѣній. Они разошлись радикальнымъ образомъ по вопросу о народности. Они не могли быть солидарны и по вопросу о природѣ искусства. Майковъ защищалъ на позитивныхъ основаніяхъ свободу творчества. Бѣлинский, въ periodѣ своихъ утилитарныхъ увлечений, требовалъ отъ искусства гражданственной дидактики,—въ предыдущѣ-же periodы своей дѣятельности, защищая свободу искусства, онъ, при всей шаткости своихъ общефилософскихъ понятій, не сходилъ съ метафизической почвы. Можно вообще сказать, что основная ошибка въ сужденіяхъ о Майковѣ, общая всѣмъ его литературнымъ цѣнителямъ, состоять въ признаніи за nimъ прирожденного чисто критического дарованія. Рисуя его кратковременную дѣятельность, въ которой не было ни одного яркаго проявленія тонкаго художественнаго вкуса и способности къ оструму эстетическому анализу, историки русской лите-

*) К. Арсеньевъ. «Критические этюды», т. II, стр. 255, 293.

ратуры не видять при этомъ его настоящей умственной физіономіи. Майковъ не былъ настоящимъ литературнымъ критикомъ. Въ роли критика онъ выступалъ только случайно, не по призванию, и тѣмъ, кто усомнился бы въ этомъ, можно напомнить его собственные слова о себѣ въ письмѣ къ Тургеневу: «я никогда не думалъ быть критикомъ въ смыслѣ оцѣнщика литературныхъ произведеній, говорить онъ. Я чувствовалъ всегда непреодолимое отвращеніе къ сочиненію отрывочныхъ статей. Я всегда мечталъ о карьерѣ ученаго и до сихъ поръ ни мало не отказался отъ этой мечты. Но какъ добиться того, чтобы публика читала ученыя сочиненія? Я видѣлъ и вижу въ критикѣ единственное средство заманить ее въ сѣти интереса науки» *).

А. Волынскій.

*.) «Критические опыты», стр. XL.

На Западъ.

Въ данный моментъ на Западъ съ обывателемъ продѣлываютъ довольно забавныя шутки. Официа́льно признали его достигшимъ полнаго счастья и довольства къ такому-то дню сентябрь сего 1895 года, и безъ всякаго спросу начали праздновать и веселиться на его счетъ. И дѣйствительно празднують и веселятся на славу. Юбилейныя празднества въ одномъ государствѣ смѣняются такими-же празднествами въ другомъ государствѣ. Газеты помѣщаютъ длинные отчеты о «національныхъ» или «народныхъ» праздникахъ. *Mise en scène* оказалась блестящей и едва поддающейся описанію. Режиссеры обнаружили искусство и ловкость, а бутафорская часть затмила всѣ переливы всѣхъ цвѣтовъ радуги. Были собраны депутаціи, тьма депутатій: отъ ветерановъ, отъ городовъ, отъ общинъ, отъ провинцій, отъ «націі», отъ «народа» и т. д. Всѣ эти депутаціи разставлялись въ извѣстномъ порядке и въ каждомъ актѣ «представленія» получали опредѣлённыя роли. Исполняя все, что значилось по программѣ, депутатіи проходили съ музыкой и знаменами въ разноцвѣтныхъ костюмахъ историческихъ, аллегорическихъ и просто фантастическихъ. Вся эта толпа пестро разодѣтыхъ статистовъ въ каждомъ актѣ представлениія вызывала настоящій восторгъ среди такой-же толпы праздныхъ зѣвакъ. Оставалось радоваться и благодарить режиссеровъ. Однако и въ Берлинѣ, и въ Римѣ осталось немало неблагодарныхъ скептиковъ, которые спрашивали режиссеровъ, почему устроенные ими представлениія должны называться «національными» и «народными» праздниками? Они просятъ ихъ выяснить понятіе о томъ, что такое «національный» или «народный» праздникъ? Режиссеры недовольны возбужденiemъ такого вопроса, хотя онъ является вполнѣ своевременнымъ и вполнѣ естественнымъ. Разъ входить въ моду какой либо видъ театральныхъ представлений, то зарождается и соответствующая разновидность критики.

Юбилейные представлениа, устроенные въ Римѣ и Берлинѣ, нуждаются въ критическомъ анализѣ ихъ характера и въ определеніи ихъ идеи и ближайшихъ ихъ цѣлей. Всѣ эти представлениа давались на ту старую и вѣчно юную тему, которая всѣмъ хорошо известна. Сидя на университетской скамьѣ, во всѣхъ видахъ и подъ разными соусами вы усваивали жвачку на тему о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и обществомъ, народомъ и правительствомъ. Вы невольно вспоминаете стереотипную фразу о бѣдномъ дикарѣ, который, живя на свободѣ безъ государства, не зналъ благъ государственной жизни. Потомъ ему повезло и онъ сталъ входить во вкусъ государственной жизни. Потомъ почему-то исторія дала рядъ поучительныхъ «представлений» на тему: государство и общество, народъ и правительство. Послѣдній актъ этихъ представлений заканчивается разно. Вотъ, напр., Лакомбъ утверждаетъ, что «нѣкоторые народы были доведены нищетою до такого печального положенія, что у нихъ вовсе нѣть правительства» *). Вотъ до какой степени юбилей какогонибудь политического строя и режима можетъ не совпадать съ юбилеемъ культурно-соціальныхъ преобрѣтеній народа. Первый юбилей можетъ быть юбилеемъ разочарованій народа, юбилеемъ его неоправдавшихся и не сбывшихся надеждъ... Что будетъ дальше—непрѣдѣльно, а пока исторія учитъ тому что юбилеи политическихъ режимовъ и юбилей крупныхъ соціально-политическихъ приобрѣтеній народа относятся другъ къ другу такъ, какъ годовщина смерти относится къ годовщинѣ рожденія. Пока въ исторіи все крупныя соціально-культурныя приобрѣтенія народовъ сопровождались смертью и погребеніемъ какого-нибудь политического режима. Въ послѣднее время взаимныя отношенія между двумя юбилеями, быть можетъ, нѣсколько смягчились по той простой причинѣ, что народу удалось запастись такими культурными формами политического устройства, которыя по своей природѣ болѣе приспособлены къ осуществленію его желаній и проведенію культурно-соціальныхъ реформъ. Но, вѣдь, форма въ рукахъ людей терпитъ не мало искаженій. Самая высокія начала при своемъ проведеніи въ жизнь могутъ выходить изъ рукъ человѣческихъ совершенно неизнаваемыми. Между культурно-политической формой правленія и установленвшимся режимомъ можетъ быть такое-же крупное различіе, какъ между идеей и дѣйствительностью. Это различіе, само собою понятно, говорить не противъ культурно-политической формы правленія, а противъ искажающихъ ее режимовъ. Вотъ почему даже юбилеи существующихъ теперь на западѣ въ принципѣ культурныхъ формъ политического устройства могутъ совпадать съ юбилеями разочарованій народа, съ юбилеями его неоправдавшихся надеждъ и несбытий ожиданій. Въ

*.) «Соціологическія основы исторіи», рус. переводъ, стр. 96.

такомъ случаѣ юбилейныя празднества въ честь данного политического режима являются по меньшей мѣрѣ неумѣстными и, уже конечно, не имѣютъ никакого права на признаніе ихъ «народными» и «национальными» праздниками.

Въ юбилейный день любого политического режима всегда самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ насколько этотъ режимъ содѣствовалъ повороту колеса истории въ пользу тѣхъ самыхъ массъ населенія, которыя, живя въ государствѣ, также мало вкусили отъ благъ жизни государстваенной, какъ и дикарь живущій на свободѣ, безъ государства. Съ этой точки зреінія во Франціи двадцатипятилѣтній юбилей правительства третьей республики не пріобрѣлъ права на признаніе его «народнымъ» праздникомъ французской націи.

Правительство третьей республики усердно подводитъ итоги тѣмъ благодѣяніямъ, которымъ оно наградило французский народъ. Всѣ эти благодѣянія легко укладываются въ стереотипную фразу. Любая рѣчь любого ministra начинается и кончается указаниемъ на то, что республиканское правительство 25 лѣтъ тому назадъ приняло страну изолированной и обезспеченной, а теперь Франція является могущественной и имѣть вѣрныхъ друзей и союзниковъ. Кто же разумѣется въ этой фразѣ подъ «Франціей»? Когда правительства двухъ разныхъ странъ между собою въ дружбѣ состоять, то это, говорятъ,—по волѣ народовъ сихъ самыхъ странъ. Историкъ про волю народовъ разскажетъ не мало такого, что ею прикрывалось нерѣдко. Современниковъ же занимаетъ вопросъ лишь о томъ, что дружба, любовь и вліяніе всегда пдуть неразлучно. Въ этомъ пункѣ дѣло начинаетъ разъясняться. Французскій народъ сейчасъ начинаетъ клепать и доказывать, что онъ не допустить, чтобы русское правительство вліяло на французскія дѣла и интересы. Русскія газеты, отвѣчая самозванно за русскій народъ, доказываютъ, что французское вліяніе не можетъ быть допущено въ Россіи. Англійскія газеты, интересуясь франко-русскою дружбою, для разъясненія контроверсы, распоряжаются одной весьма разумной посылкой. Онѣ утверждаютъ, что если одна страна состоитъ въ дружбѣ съ другой, сильной своей культурой и своимъ культурно-политическимъ строемъ, то возникающее изъ дружбы вліяніе сильнаго друга является непрѣбѣжимъ и весьма благодѣтельнымъ. Но роль такого друга съ такимъ вліяніемъ, по мнѣнію англійской печати, не можетъ быть удѣломъ Франціи. Франція и до сихъ поръ не отличается политической зрѣлостью, а гospодствующій въ ней административный режимъ не позволяетъ населенію выйти изъ состоянія политического дѣтства. Политическое могущество Франціи является призрачнымъ. Въ день 25-лѣтніи годовщины республики все лучшіе люди во Франціи и за предѣлами Франціи отъ души пожелаютъ, чтобы для упроченія ея руководящіе классы не противились воспитанію народа въ духѣ демократи-

ческихъ республиканскихъ учрежденій. За 25 лѣтъ существованія республики въ этомъ отношеніи было сдѣлано слишкомъ мало. Весь режимъ третьей республики все еще остается приспособленнымъ для возобновленія такихъ союз d'Etat, какой былъ нанесенъ второй республикѣ Наполеономъ III. Во Франціи и до сихъ поръ республика является вывѣской, за которой скрываются настоящій деспотизмъ и рабство. Въ чемъ выражаются деспотизмъ и какія мѣры предлагаются для ихъ устраненія — обѣ этомъ мы обѣщали прошлый разъ поговорить подробнѣ. Выясненіе вопроса потребовало такъ много мѣста, что мы вынуждены выдѣлить его изъ пределовъ нашей обычной рубрики «На Западѣ» въ особую статью «Къ двадцатипятилѣтию юбилею французской республики», которая появится въ слѣдующей кликѣ. Изъ этой статьи читатели увидятъ, до какой степени французскій народъ душать бюрократизмъ и централизація. Общий духъ централизаціи и бюрократизма, отражаясь на всѣхъ сторонахъ жизни, гибельно дѣйствуетъ и на военное могущество Франціи.

Военное могущество какой-либо страны мы не можемъ причислить, къ культурнымъ успѣхамъ этой страны. Но разъ правительство третьей республики вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу созданіе военного могущества Франціи, то мы должны ближе ознакомиться съ этой заслугой. Армія и флотъ для правительства республики всегда являлись предлогомъ для эксплуатации народныхъ чувствъ и народного кармана. Всякому, болѣе или менѣе близко знакомому съ французскими порядками, известно, до какой степени правительство республики эксплуатируетъ армію и флотъ для непростительной игры съ народнымъ воображеніемъ. Послѣдніе великие маневры на западной границѣ также являлись маневромъ для давленія на воображеніе и фантазію народа. Моментъ для такого маневра оказался, сверхъ ожиданія, выбраннымъ весьма неудачно. Народное воображеніе было до крайности подогрѣто и въ моментъ крайняго напряженія былъ пущенъ холодный душъ въ видѣ доклада Кавенъяка. Степень реакціи для всякаго понятна. Значить народъ обманывали! Значить все военное могущество есть сказка! Развѣ этого съ Франціей и раньше не случалось? Развѣ военное могущество не является миоомъ и въ другой странѣ? Вотъ, какие вопросы, послѣ маневровъ, «поразившихъ весь миръ», задаютъ себѣ граждане республики, прочитывая докладъ Кавенъяка и прислушиваясь къ вызванной имъ газетной полемикѣ. Докладъ Кавенъяка *) въ комиссіи, обсуждающей бюджетъ воинскаго министерства на 1896 г., свидѣтельствуетъ, что даже толковый и энергичный министръ можетъ играть лишь самую слабую роль въ улучшениіи сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи. «Духъ бюро-

*) Напечатанъ въ видѣ особаго приложения къ газетѣ «Temps» отъ 28 сент. в. с.

ратії» во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ и тутъ пачайтъ и всѣмъ управляетъ. «Всякій вопросъ, говорить Кавенъякъ, не медленно является причиной возникновенія личной борьбы между двумя административными вѣдомствами, между двумя департаментами, между двумя столами, чрезъ которые онъ долженъ пройти. Вопросы то-нуть въ лабиринтѣ обмѣнной переписки, которая можетъ вызывать удивленіе по обилію ресурсовъ бюрократического самолюбія и по искусной защите духа инерціи. Тамъ можно найти все, исключая того, что должно доминировать въ подобныхъ дебатахъ, т.-е. настоящей заботливости объ общемъ интересѣ». Любой изъ министровъ можетъ быть втянутъ въ эту паутину, а они въ дѣйствительности бываютъ людьми любой профессіи, кромѣ военной. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ во главѣ французского флота стояли: профессоръ риторики, фабрикантъ трико, политиканъ безъ опредѣленныхъ занятій и наконецъ адмиралъ. Изслѣдованіе состоянія французского флота оказалось настоятельно необходимымъ, такъ какъ рядъ самыхъ печальныхъ разоблаченій не могъ быть подвергнутъ обычному замалчиванію и забвенію. Быть можетъ, при обсужденіи бюджета морского министерства, всплынутъ наружу настоящія достоинства и недостатки флота. Положеніе же сухопутной арміи достаточно выяснено Кавенъякомъ. Мы не имѣемъ мѣста для перечисленія всѣхъ грустныхъ разоблаченій Кавенъяка, да въ томъ и нѣть никакой особой надобности. Характеръ и родъ злоупотреблений въ военномъ вѣдомствѣ всѣмъ извѣстенъ. Самыми обычными изъ нихъ являются подкупы и взятки съ подрядчиковъ. Въ результатѣ въ военныхъ складахъ плохая амуниція, гнилая обувь и воздушная одежда, расползающаяся на части въ моментъ ея надѣванія. Французская армія, имѣющая официально все въ запасѣ для самой быстрой мобилизациі,—полное обмундированіе и т. д., пошла-бы босой на поле сраженій. Для конницы, если-бы лошади и нашлись, въ складахъ военного вѣдомства оказались-бы узды никуда негодными. Пришлось-бы пускаться въ бой на невзвинченныхъ лошадяхъ. Все это разоблачается въ годовщину тѣхъ самыхъ седанскихъ дней, которые, казалось, прошли безвозвратно. Несчастная мадагаскарская война служить какъ-бы иллюстраціей для всѣхъ разоблаченій Кавенъяка. Нынѣтожная война съ беззащитнымъ дикимъ народомъ, послѣ медленной и довольно продолжительной подготовки, раскрыла всю неподготовленность, небрежность и крайнюю беспорядочность въ военномъ вѣдомствѣ. «Temps»—вѣрный слуга правительства и всегдашний его защитникъ—находитъ утѣшеніе лишь въ томъ, что «во всѣ времена существовали ошибки, злоупотребленія и скандалы, подобные тѣмъ, которые перечисляются Кавенъякъ, и если республикансское правительство еще не успѣло разомъ ихъ уничтожить, то можно сказать, что оно одно имѣло мужество указать на зло». Небольшое утѣшеніе! Сама газета сознаетъ, что это «зло»

въ связи съ беспорядками въ мадагаскарской экспедиціи не сулить въ чого хорошаго теперешнему министерству. «Правительство, говорит «Temps», должно быть готовымъ къ тому, что, при возобновлениі засѣданій палаты, на него посыпятся выраженія недовольства съ разныхъ сторонъ. Конечно, президентъ совѣта министровъ (Рибо) чудный ораторъ, но бываютъ обстоятельства болѣе спѣшныя, чѣмъ какое-бы то ни было ораторское искусство. Если на разоблаченія докладчика военнаго бюджета (Кавеньяка) президентъ совѣта министровъ можетъ отвѣтить только словами, то можно-ли быть увѣреннымъ въ томъ, что большинство (въ палатѣ) этимъ удовольствуется?» Газета предлагаетъ правительству заняться папскорѣйшей чисткой личнаго состава въ военномъ вѣдомствѣ. Только эта мѣра можетъ успокоить общественное мнѣніе и продолжить пребываніе у власти настоящаго министерства... Это, конечно, маневръ недурной, хотя и жестокий. Нѣсколько уволенныхъ чиновниковъ могутъ окупить продолженіе жизни настоящаго министерства. Но что-же дальше? Право, французскій народъ заслужилъ, чтобы его перестали дурачить. Суть дѣла не можетъ быть замазана и выступаетъ во всей своей наготѣ.

При такой грустной, полной разочарованій обстановкѣ, французскому народу приходится праздновать 25-ти-лѣтній юбилей правительства третьей республики. Къ тому-же, вмѣсто одного врага на границѣ, правительство успѣло нажить и другого, въ лицѣ Италии; населенной родственнымъ народомъ. Этассора двухъ родственныхъ народовъ является продуктомъ совмѣстной дѣятельности правительства третьей республики и правительства объединенной Италии, которое уже устроило себѣ пышный двадцатипятилѣтній юбилей. Седанская катастрофа не только для Германіи, но и для Италии являлась радостнымъ праздникомъ. Она отрѣзала Наполеону путь къ возвращенію въ Парижъ и открыла дорогу Виктору-Эммануилу въ Римъ. Папская область охранялась и поддерживалась Францией. Пораженіе Франціи подъ Седаномъ являлось одновременно потерей самостоятельности Папской области. Пзвѣстіе о пораженіи французовъ подъ Седаномъ вызвало общій восторгъ въ средѣ итальянскихъ политиковъ. Они забывали, что подъ Седаномъ было погребено не одно правительство Наполеона, запиравшее имъ дорогу въ Римъ. Это пораженіе являлось тяжелой раной и для ни въ чёмъ неповиннаго родственного французскаго народа, новое правительство котораго и не думало мѣшать итальянскимъ патріотамъ въ осуществлениі ихъ завѣтнаго желанія.

Жюль Фавръ на зацрость итальянского правительства прямо отвѣчалъ, что Франція теперь не до римскаго вопроса. И вотъ, спустя всего 10 дней послѣ седанской катастрофы, 11 сентября н. с., войска Виктора Эммануила подъ предводительствомъ генерала Кадорны, въ трехъ разныхъ пунктахъ перешли границу Папской области. Во время похода никакихъ сраженій не было и въ полдень 20 сентября н. с. 1870 г. войска подъ

предводительствомъ генерала Кадорны мирно вступили въ Римъ, чрезъ брешь, продѣланную въ Porta Pia. Населеніе Рима встрѣчало ихъ съ неописанной радостью. Нѣмецкій писатель Карлъ Гиллебрандъ, состоявший при штабѣ генерала Кадорны, пишетъ: «люди точно съ ума сошли. Они бросались подъ лошадей генерала и его свиты; они обнимали и целовали каждого изъ итальянскихъ солдатъ». 2 октября римское населеніе изъ всѣхъ 40,046 человѣкъ, принимавшихъ участіе въ голосованіи, большинствомъ въ 40,000 противъ 46 высказалось за присоединеніе къ Италии. Объединеніе Италии закончилось и Римъ сталъ столицей итальянского королевства. Въ послѣднюю сессію итальянскій парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ постановилъ признать день 20 сентября национальнымъ праздникомъ. Истекшаго 20 сентября и былъ пышно отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей правительства объединенной Италии подъ ложнымъ названіемъ «народнаго» праздника.

По поводу этихъ празднествъ разныя заинтересованныя стороны даютъ разную оценку тѣмъ событиямъ, которыми сопровождалось 20 сентября 1870 г. Съ утратой Папской области и свѣтской власти Ватиканъ до сихъ не примирился. Папа и до сихъ поръ считаетъ нарушенными свои права, и права не побочныхъ, а именно тѣ существенные права, которыя входятъ въ самое понятіе о папѣ и папской власти. Мы, конечно, не станемъ входить въ подробное обсужденіе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли свѣтская власть и обладаніе папской областью являются самыми существенными для понятія о папской власти и самомъ призваніи папы. Если папа даетъ на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ, то этимъ самымъ онъ признаетъ папскую власть обезличенной въ теченіе всѣхъ послѣднихъ 25 лѣтъ. Однако, и Пії IX, а особенно Левъ XIII, не переставая жаловаться на явную несправедливость итальянского правительства, считали и считаютъ себя первой силой въ мірѣ. Объ ослабленіи папской власти и папского престижа не можетъ быть и рѣчи. Папа былъ слишкомъ совершенно не подходящимъ къ нему функций свѣтского государя. Это неподходящая къ нему роль свѣтского государя, имѣющаго своихъ подданныхъ и свою территорію, крайне подрывала престижъ папской власти и папского призванія. Поэтому поводу Крипци въ своей рѣчи при открытіи памятника Гарибальди 20 сентября н. с. высказалъ рядъ старыхъ, но вполнѣ основательныхъ соображеній. «Этотъ день и это мѣсто, говорилъ Крипци, напоминаютъ о трудной и плодотворной борьбѣ свободы съ тираніей. Годы, протекшіе съ 4-го іюля 1849 до 20-го сентября 1870 г., были послѣдними испытаніями для гражданской власти. Церковь доказала, что была не въ силахъ жить собственными силами; она для своего поддержанія нуждалась въ чужихъ штыкахъ, подъ господство которыхъ она, въ свою очередь, подпада. Враги итальянского единства желаютъ истролковать сегодняшній празд-

никъ, какъ оскорблениѣ папы, но здравый смыслъ народа не подчиняется этими хитроумными толкованіямъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что христианство, будучи божественнымъ по своей природѣ, не нуждается въ пушкахъ для своего существованія. Въ дѣйствительности наши враги домогаются возстановленія свѣтской власти папы не въ интересахъ охраны и престижа религіи, а по соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ религіей. Они не задумываются надъ тѣмъ, что свѣтскій государь не можетъ быть ни святымъ, ни непогрѣшимъ. Прибѣгать къ оружію и къ насилию, которыя оправдываются съ точки зрѣнія государства, противно душѣ полубога. Такіе пріемы отнимаются у него всякой престижъ, подавляютъ всякое чувствоуваженія къ намѣстнику Христа на землѣ, который долженъ проповѣдывать миръ и разрѣшать отъ прегрѣщеній сыновъ Адама молитвою и прощеніемъ. Религія не есть и не должна быть государственною функциєю. Ни въ какомъ государствѣ католическая церковь не пользовалась такою свободою иуваженіемъ, и лишь Италия дала примѣръ отреченія отъ обычныхъ атрибутовъ государства въ церковной сфере. Духовная автономія, охраненная и обеспеченная нами, для папы своего рода крѣпость, въ которой онъ долженъ запереться и въ которой онъ не доступенъ нападеніямъ. Души принаследжать ему. Онъ на нихъ имѣть такое вліяніе, что всѣ земныя власти могутъ ему завидовать. Протестантскіе и даже нехристианскіе государи почтительно преклоняются предъ нимъ и принимаютъ его судь. Итальянскій геній въ законѣ 9-го мая 1871 года разрѣшилъ задачу, которая въ другія времена могла-бы показаться неразрѣшимою. По этому закону папѣ была предоставлена безграницная свобода во всей сфере его духовной власти. Такимъ образомъ, онъ подчиняется только Богу. Никакая человѣческая власть не можетъ достигнуть до него. Какъ свѣтскій государь, папа не могъ-бы имѣть такого авторитета, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ быль-бы равенъ всѣмъ другимъ государямъ и не могъ-бы быть первымъ среди нихъ. Всѣ боролись-бы противъ него, какъ они и боролись съ нимъ цѣлые вѣка къ ущербу для вѣры и для духовнаго авторитета. Теперь-же папа независимъ, онъ выше всѣхъ. Въ этомъ его могущество. Католицизмъ долженъ быть признательнъ Италии за услуги, оказанныя ею римскому понтификату послѣ 1870 года. Въ дерзкихъ людяхъ, не признающихъ церковнаго закона и противившихся Богу, неѣтъ недостатка, и мы должны съ сожалѣніемъ сказать, что таковы тѣ, которые объявляютъ себя Его священнослужителями. Но они не будутъ имѣть успѣха, такъ какъ Италия очень сплѣна, оченьувѣрена въ самой себѣ, не боится усиливъ мятежниковъ. Неѣтъ, они не справляются съ нами. Быть можетъ, они уймутся. Духовенство знаетъ, что его никто не тронетъ, пока оно останется въ предѣлахъ своихъ правъ. Оно знаетъ, что, проповѣдуя возмущеніе противъ

законовъ, оно содѣйствуетъ анархистамъ, отрицающимъ Бога и короля».

Послѣднія фразы вызвали сдѣланныю улыбку даже среди министровъ, почтительно стоявшихъ предъ своимъ патрономъ. Всѣ присутствовавшіе невольно вспомнили, что Криспинъ большую часть своей сознательной жизни провелъ въ роли дѣятельного и неустранимаго революціонера. Этотъ инцидентъ и излишняя грубость выражений диктатора ослабляли впечатлѣніе у слушателей, но по существу рѣчь Криспинъ является неуязвимой. Основныя ея положенія могутъ быть послѣдовательно проведены и до полнаго отрицанія какой бы то ни было папской власти, и какихъ бы то ни было монопольныхъ притязаній въ религіозной сферѣ. Мало того, Криспинъ могъ бы воспользоваться весьма благодарной темой для развѣнчиванія папской власти и папскихъ притязаній на возстановленіе Церковной области. Онъ могъ бы нарисовать мрачную картину режима, царившую въ Папской области, и отсюда сдѣлать переходъ къ описанію тѣхъ радостей и восторговъ, съ которыми населеніе встрѣчало вступленіе войскъ Виктора Эммануила въ предѣлы Папской области и въ самій Римъ. Но тутъ являлся уже вполнѣ естественнымъ переходъ и къ тому, что восторги и радости оказались преждевременными. Пришло бы волей-неволей считаться съ тѣмъ, которые доказываютъ, что пышный юбилей, устроенный самому себѣ правительствомъ объединенной Италии подъ громкимъ названіемъ «народнаго праздника», совпадаетъ съ юбилеемъ разочарованій и скорби народа.

Режимъ правительства объединенной Италии, блестящимъ представителемъ котораго является диктаторъ Криспинъ, такъ ратовавшій когда-то за права народа и націи, является попираниемъ правъ народа и позоромъ для націи. Органы тройственного союза, энергично поддерживающіе Криспинъ, какъ главную опору «союза» въ Италии, расписывая всѣ прелести «национального» праздника и мудрость его устроителя,— все-таки не могли обойти горькую правду. «Что не единицами считаются тѣ, которые протестуютъ противъ празднествъ, это, говоритъ «Neue Freie Presse» (№ отъ 20 сент.), не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ бы тамъ ни гремѣли празднества въ Римѣ, но они раздѣляются далеко не во всей Италии. Настроение въ странѣ не праздничное, а грустное. Съ досадой и удивленіемъ было встрѣчено пзвѣстіе о невѣроятномъ событии въ Палермо, гдѣ старыхъ гарibalдійцевъ при отѣздѣ ихъ въ Римъ (на празднства) всячески оскорбляли и бросали въ нихъ камнями. Казалось бы совершенно невѣроятнымъ, что тѣхъ самыхъ подвижниковъ, которые помогли освободить ихъ островъ изъ подъ власти бурбоновъ, сициліанцы будутъ третировать какъ враговъ, и что красная сорочка (костюмъ гарibalдійцевъ) на итальянской почвѣ не можетъ

служить защитой противъ оскорблений. Однако, нужда и нищета не знаютъ патріотизма. Воспоминаніями народъ не можетъ утолить свой голодъ. Хотять хлѣба, а его нѣтъ не въ одной только Спіції. Народъ предъявляетъ и другія, идеальные требованія, которыя выражаются въ возгласѣ: да здравствуетъ амністія! Является непонятнымъ, почему такие вожди, какъ де Феличе, Боско, Барбето и другіе, присуждены къ многолетнимъ тюремнымъ заключеніямъ и должны ихъ отбыть, когда въ то же самое время Толонгѣ и его товарищи гуляютъ на свободѣ. Средніе классы жалуются и ропщутъ на чрезмѣрную податную тягости, на произволъ и нечестивую грубость полиції. Подъ блестящей крышей римскихъ празднествъ танцуетъ глубокое недовольство». Действительно итальянскій народъ имѣеть основаніе быть недовольнымъ. О чемъ онъ думалъ, на что онъ надѣялся 25 лѣтъ тому назадъ? Онъ думалъ, онъ вѣрилъ, что объединенная Италия есть залогъ культуры и прогресса итальянской націи. Всѣмъ казалось, что объединенный итальянскій народъ, заживъ общей жизнью подъ кровомъ общихъ политическихъ и гражданскихъ учрежденій, быстро пойдетъ по пути къ славѣ и величію. Римъ уже рисовался Римомъ временъ цезарей съ его мировымъ значеніемъ. Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Правительство объединенной Италии за 25 лѣтъ своей мудрой и якобы «прогрессивной» политики довело страну до нищенства и разоренія. Въ культурномъ отношеніи Италия не только не возвратила себѣ того значенія, какое она имѣла, при раздробленіи на разныя республики, въ семье западныхъ народовъ, но окончательно обез силѣла и замерла. Самъ г. Криспи, бесѣдуя съ пзвѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ А. Вагнеромъ, какъ намъ приходилось слышать отъ самого Вагнера, съ грустью замѣтилъ: «да прежде говорили *Bolonia docet*, а теперь говорятъ—*Germania docet*». Итальянскій народъ думалъ, что послѣ 20-го сентября 1871 года воскреснутъ дни Болоньи и Падуи, воскреснутъ времена Рофаэля и Микель Анджело. Но нѣтъ, эти времена и дни не воскресли, а времена цезарей, пожалуй, воскресли въ томъ отношеніи, что весь итальянскій народъ превращается съ нечестивой быстротой въ положеніе римской черни, лишь съ тѣмъ однѣмъ различиемъ, что онъ не кричитъ властно и громко: *panem et circenses*, но только въ видѣ милости проситъ *panem*. Кавуръ и Гарibalди—думали они, работая въ пользу правительства объединенной Италии, что святое для нихъ дѣло кончится нищетой итальянского народа и диктатурой, причемъ место диктатора займетъ ихъ же сподвижникъ, старый революціонеръ Криспи! Какими глазами смотрѣлъ Криспи 20 сентября на выпитую изъ бронзы рыцарскія благородную фигуру Гарibalди? Онъ стоялъ у подножія памятника. Полотнопало, и предстала точно живая фигура Гарibalди въ той самой позѣ, въ какой онъ произносилъ завѣтныя для него слова: смерть или Римъ! Вся эта памятная для Криспи фигура

и звукъ этихъ памятныхъ для него словъ не смущили его душу. Онъ не прогнулся и позорная комедія была благополучно доведена до конца. Высшаго оскорблениія для національнаго героя и для всей итальянской нації не придумалъ бы и самъ Мефистофель. Гарибальди не разъ перевернулся бы въ гробу, еслибы узналъ, что ему открываетъ памятникъ диктаторъ надъ тѣмъ самымъ народомъ, за свободу и единство котораго онъ боролся. Какой позоръ! неужели онъ, Гарібальди, сражался и работалъ всю жизнь для того, чтобы заслужить благодарность диктаторовъ и узурпаторовъ правъ народа и націи! Герой въ гробу не повѣрить, что народъ не вступился за его честь и во время не прекратилъ этой позорной для него комедіи.

Но народъ не могъ вступиться за честь своего героя: онъ обезсильѣ и материально, и морально и не могъ сплотиться для массового протеста. Режимъ правительства объединенной Италии вытравилъ въ народѣ чувство гордости и уваженія къ своимъ правамъ, преданіямъ и идеаламъ. Противъ оскорбительныхъ, позорныхъ празднествъ громко протестовали только въ Палермо. Ветераны-гарібальдіцы, при ихъ отѣзѣдѣ на римскія празднства, были обруганы и забросаны камнями. «Neue Freie Presse» видѣть тутъ проявленіе черной неблагодарности со стороны населенія Сициліи къ Гарібальди и его сподвижникамъ, сражавшимся за освобожденіе острова изъ подъ гнета власти Бурбоновъ. Инцидентъ для газеты представляется удивительнымъ и непонятнымъ и она готова объяснить его взрывомъ грубыхъ страстей голодной толпы. Это неправда. «Neue Freie Presse» клевещетъ на голодную толпу. Эта голодная толпа, забывая голодъ, вступила за честь Гарібальди и гарібальдійцевъ. Она приѣгла къ послѣднему средству для вразумленія гарібальдійцевъ, отправлявшихся на празднства, оскорбительныя для нихъ самихъ и позорныя для памяти ихъ великаго вождя. Брань и камни свидѣтельствуютъ, что спцилланцы свято чтуть память героя, который изъ гроба не могъ встать на защиту своей чести и чести своихъ сподвижниковъ. Если бы онъ былъ въ живыхъ, то точно также употребилъ бы послѣднія средства къ удержанію своихъ ветерановъ отъ участія въ празднствахъ, устраиваемыхъ въ честь экономического и морального изнеможенія и порабощенія того самого народа, за благо и свободу котораго они сражались подъ его предводительствомъ.

Когда отстоить итальянскій народъ попранныя его права и прекратить политику экономического и морального изможденія націи? Диктаторъ Криспі скажетъ, что для его преклоннаго возраста этотъ моментъ не угрожаетъ своей близостью. Онъ успѣеть отправиться къ проотцамъ раныше, чѣмъ измученный народъ потеряетъ терпѣніе. Это, конечно, утѣшеніе для гибкой совѣсти, растряченной на компромиссы. Но не для всѣхъ доступно и это утѣшеніе. Республиканско движение ростетъ въ

Италіи, несмотря на всѣ рецессіи. Быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ исторія готовить новое поучительное «представленіе» на тему: государство и общество, народъ и правительство. Правительство соединенной Италіи при его усердіи можетъ довести итальянскій народъ до оправданія того положенія Лакомба, что нѣкоторые народы, доведены піщетою до такого положенія, что у нихъ вовсе нѣть правительства.

Своимъ терпѣніемъ итальянскій народъ искушилъ свои грѣхи, и было бы крайне обидно, если-бы этотъ режимъ присосавшихъ мнімыхъ охранителей трона и династіи продолжился еще на неопределеннное время. Клика интригановъ, примазывающихъ къ мнімой охранѣ трона и интересовъ династіи, давно уже не выступала на сценѣ въ такой наготѣ, въ какой она выступила въ Германіи, въ инцидентѣ Гаммерштейнъ-Штѣкеръ. Гаммерштейнъ былъ душой и главой старой придворно-консервативной партии и редакторомъ ея органа—«Крестовой Газеты». Въ придворныхъ кружкахъ онъ считался охранителемъ началь семьи, нравственности и христіанской религіи. Но «охранители» вездѣ съ равнымъ успѣхомъ играютъ роль Тартюфа и теперь судебный слѣдователь разбратается въ дѣлахъ Гаммерштейна, бѣжавшаго свободно и безъ всякихъ препятствій изъ предѣловъ Германіи. Охранитель семьи, нравственности и христіанской религіи расхитилъ фонды своей партіи, назначенные на веденіе «Крестовой Газеты», занимался подлогами и поддѣлками. Такъ гласитъ объявленіе судебнаго слѣдователя, приглашающее задержать бѣжавшаго Гаммерштейна. Но это приглашеніе такъ и останется приглашеніемъ. Судебная власти, явно покровительствовавшія свободному отъѣзду Гаммерштейна изъ Берлина, отъ души желаютъ, чтобы этотъ охранитель трона не попался въ руки правосудія. Дѣло чрезвычайно щекотливое для суда. На судѣ обнаружились-бы такія подробности, которыхъ были бы непріятны самому Вильгельму II. Тутъ обрисовались-бы многія сцены изъ печальныхъ дней покойнаго Фридриха III и первыхъ дней царствованія самого Вильгельма; за Гаммерштейномъ выступили бы и другія фигуры. Пока-же за Гаммерштейномъ выступила фигура бывшаго придворного проповѣдника Штѣкера. Этотъ «божій человѣкъ» и «второй Лютеръ»—интриганъ починце Гаммерштейна, его ближайшаго друга. Они вмѣстѣ съ нимъ работали на трудномъ и почтенномъ поприще по охраненію семьи, христіанской религіи, трона и династіи. Иногда оба интригана обмѣнивались откровенными письмами, въ которыхъ они бѣсѣдовали по душѣ. Нѣсколько писемъ Штѣкера къ Гаммерштейну попало въ распоряженіе органовъ печати, враждебныхъ феодальному консерватизму, и были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Штѣкеръ отъ этихъ писемъ не могъ отказаться и призналъ ихъ подлинность. Въ письмахъ откровенно выяснялось, что клика примазавшихъ къ охранѣ трона и интересовъ династіи просто рѣшила пѣнить императора,

захватить его въ свои руки, и вертѣть имъ, какъ того требуютъ ихъ, интригановъ, интересы и интересы феодально - консервативной партіи. Она смѣло шла къ достижению цѣли, въ чемъ замѣшанъ и самъ Вальдерзе. Вальдерзе былъ начальникомъ генерального штаба и къ нему императоръ былъ сильно привязанъ въ началѣ своего царствованія, а потомъ удалилъ его на мѣсто корпуснаго командира въ провинцію. Достойно вниманія рыцарское благородство этого Вальдерзе. Когда лѣтомъ 1890 г. въ печати громко заговорили о роли Вальдерзе, неподходящей къ обязанностямъ начальника главнаго штаба, то онъ не постыдился созвать и во всѣхъ газетахъ помѣстить письмо, въ которомъ онъ говорилъ: «я служу моему королю и императору какъ солдатъ и не занимаюсь политикой». Что теперь скажетъ графъ Вальдерзе послѣ опубликованія писемъ Штёкера, въ которыхъ ясно описана его роль. Его, какъ состоящаго на дѣйствительной военной службѣ, не могутъ прикрыть решенія консервативной партіи такъ, какъ они прикрыли Штёкера. На собраніи консервативной партіи, состоявшемся по поводу неожиданного разоблаченія фізіономіи Штёкера въ его собственныхъ письмахъ, онъ не былъ признанъ опороченнымъ, а, наоборотъ, былъ признанъ благородно помогавшимъ императору избавиться отъ гибельной внутренней политики Бисмарка... Какъ долженъ чувствовать себя императоръ, ознакомившись со всей этой резолюціей и со всей «благородной» помощью интригановъ! Онъ, Вильгельмъ—императоръ, плѣненный кликой интригановъ, отрѣзанный отъ народа! Нужно бороться. Но нѣтъ, борьба оказывается не по силамъ и все приводить къ сознанію, что эта клика не желаетъ его выпустить изъ рукъ, а готова всегда энергично оказывать ему благородную помощь!.. Ему, какъ крайне энергичному человѣку, иногда удается вырваться на свободу. Онъ собираетъ международный конгрессъ по рабочему вопросу. Клика принципіальныхъ поклонниковъ имперіи употребляетъ всѣ усилия для того, чтобы дискредитировать начинанія «обожаемаго» монарха и путемъ всяческихъ интригъ убѣдить его въ томъ, что онъ «на свободѣ» можетъ лишь дискредитировать престижъ монарха и монархіи. Наоборотъ, подъ заботливою опекой ихъ, охранителей трона, онъ будетъ продолжать свое царствованіе мудро, величаво и правдиво. И вотъ опять возстанавливается нормальный порядокъ плѣненія. Вильгельму все-таки удается опять вырваться на свободу и онъ начинаетъ принимать мѣры къ удешевленію хлѣба для рабочихъ. Охранители опять начинаютъ поносить «обожаемаго» монарха и дѣло кончается тѣмъ, что Вильгельмъ, при всемъ своемъ упорствѣ, начинаетъ отстаивать чаянія аграріевъ. Клика на этотъ разъ решаетъ быть осторожной и не выпускать своего «обожаемаго» плѣнника на свободу. Его взвинчиваютъ до такой степени, что онъ измѣняетъ своему честному императорскому слову, своей присягѣ и обнаруживаетъ крайнюю энергию въ

явиомъ стремленіп посягнуть на гарантированныя конституціей права германскаго народа. Всѧ Германія встала на ноги и вступила въ борьбу съ императоромъ и его министрами, требовавшими отъ рейхстага, чтобы онъ принялъ законопроектъ, отмѣняющій свободу слова, совѣсти и убѣжденій. Мало того, одновременно та-же клика тартюфовъ энергично втягиваетъ императора въ племенную и религіозную травлю. Императора сегодня тянутъ противъ поляковъ, завтра — противъ евреевъ.

Это возбужденіе религіозной и племенной вражды до сихъ поръ занимало весьма выдающееся мѣсто въ дѣятельности «божьяго человѣка» и его друга Гаммерштейна. Штекерь и Гаммерштейнъ дружно охраняли христіанство и работали въ пользу общественнаго мира на началахъ христіанской нравственности. Реально эта великолушная дѣятельность выражалась въ поддержкѣ и возможно большемъ растрѣливаній угасшаго въ Германіи антисемитизма. Какимъ образомъ «божій человѣкъ» примирялъ служение общественному миру на началахъ христіанской нравственности съ травлей однихъ гражданъ противъ другихъ, — это составляетъ тайну интриганской души «второго Лютера» и проворовавшагося рыцаря въ бѣгахъ. У нихъ, навѣрно, есть свой, вполнѣ удовлетворяющій ихъ интриганскую совѣсть вольный переводъ текста: «нѣсть эллинъ, ип ѹдѣй». Но въ Германіи невѣжество уже отошло въ область преданий и тамъ проповѣдь варварства и невѣжества не могла и не можетъ имѣть никакого успѣха. Чистый антисемитизмъ, ставящій въ своей программѣ одну племенную и религіозную вражду, не смотря на всѣ усилия Штекера и Гаммерштейна, не имѣлъ никакого замѣтнаго успѣха. Спросите любого человѣка въ Германіи, какое движение тамъ является наиболѣе слабымъ и беспочвеннымъ, и вами всякий отвѣтить, что такую судьбу влечитъineизбѣжно антисемитизмъ. Все, что можно было бы включить въ программу антисемитизма путемъ разныхъ натяжекъ для его скращивания — все это находится въ рукахъ и въ программѣ прогрессивныхъ партій, которая никогда не позволяла дурачить народъ. Стремленіе придать антисемитизму какую-нибудь антикапиталистическую окраску въ Германіи не можетъ имѣть успѣха, такъ какъ демократическая партія, пользующаяся исключительной популярностью среди рабочихъ массъ, въ достаточной мѣрѣ отстаиваетъ антикапиталистическую тенденцію и право труда, и въ то же самое время является главнымъ противникомъ антисемитизма. Всякий рабочий въ Германіи понимаетъ, что демократія и антисемитизмъ взаимно отрицаютъ другъ друга. Только въ такихъ случаяхъ, где нѣть сложившейся и завоевавшей себѣ широкую популярность демократической партіи, можно примишивать къ программѣ антисемитизма разные побочные пункты, интересующіе массу, видящую, что эти интересные для нея пункты не представляются никакой особой, болѣе или менѣе сильной партіей. Само собою понятно, что такое подшиваніе

мягкой подкладкой грубой программы чистаго антисемитизма предполагаетъ такую степень ненѣжества въ массахъ населенія, которой въ Германии уже не замѣчается, и приспособляется прямо къ эксплоатациіи ненѣжества массъ населенія. И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Вѣнѣ удалось именно такое подшываніе антисемитизма разными подкладками, а не настоящее антисемитическое движеніе. Надѣлавшіе такъ много шума вѣнскіе выборы нарасно, совершенно ложно и крайне нахально эксплоатируются въ пользу антисемитизма и въ доказательство его жизненности. Самыи сторонники антисемитизма въ Римѣ признали его давнишнюю смерть и полную непопулярность, отказавшись выступить съ программой антисемитизма въ его чистомъ видѣ. Они признали необходимымъ срѣть его подъ разными прикрасами и разсчитывали ловить населеніе на эти прикрасы, эксплоатируя одновременно его крайнее разочарованіе въ программѣ нѣмецкой либеральной партії. Населеніе голосовало въ пользу прикрасъ и противъ нѣмецкой либеральной партії, а не въ пользу антисемитизма въ точномъ смыслѣ этого слова.

Нѣмецкая либеральная партія потеряла кредитъ, благодаря отсталости своей выцвѣтшей программы и своимъ узко-национальнымъ (нѣмецкимъ) тенденціямъ. Послѣдняя ея неудачи въ парламентѣ окончательно ее дискредитировали. Въ вѣнскомъ-же муниципалитетѣ и были только двѣ готовыи партіи: нѣмецкая либеральная и антисемитическая съ довольно пестрой программой. Голоса отъ дискредитированной нѣмецкой либеральной партіи и могли отходить только къ антисемитической партіи, пестрая программа которой открывала пріютъ разнымъ мнѣніямъ. Воїди этой партіи наканунѣ выборной горячкы и во время выборовъ продолжали пестрить и раскрашивать свою программу. Въ результатѣ изъ 128 мѣстъ въ вѣнской ратушѣ на 92 мѣста антисемиты успѣли посадить своихъ кандидатовъ, а 46 мѣстъ осталось въ распоряженіи разбитой нѣмецкой либеральной партіи. Но 92 гласныхъ, сидящихъ на скамьяхъ партіи, въ сущности являются или только выразителями недовольства существующимъ порядкомъ, или сторонниками самыхъ разнообразныхъ пунктовъ пестрой выборной программы, въ глубинѣ которыхъ потонулъ и не всплынетъ наружу чистый неприкрашенный антисемитизмъ.

Что дѣйствительно изъ 92 мѣстъ на скамьяхъ антисемитовъ нѣкоторыя мѣста заняты выразителями недовольства существующими порядками, въ этомъ читатели убѣдятся изъ одного весьма характерного документа. Чиновники въ Вѣнѣ тоже голосовали главнымъ образомъ за кандидатовъ антисемитической партіи. Всѣмъ показалось удивительнымъ, что чиновники—люди съ хорошимъ образованіемъ, оказались въ рядахъ партіи антисемитовъ. Въ разъясненіе этого недоразумѣнія одинъ чиновникъ приспалъ весьма любопытное письмо въ редакцію «Neue Freie

Presse» подъ весьма характернымъ заглавиемъ «Das Wahre an der Sache» «Органы повседневной печати всѣхъ лагерей,— пишетъ чиновникъ въ этомъ письмѣ,— спятъ выяснить вопросъ, почему большая часть вѣнскихъ чиновниковъ голосовала въ пользу кандидатовъ антисемитической партіи, но до сихъ поръ никто не разгадалъ эту загадку. Прежде всего, до крайности должно уничтожать хороший вкусъ (den guten Geschmack) чиновниковъ до того, чтобы серьезно заподозривать ихъ въ спнопатіяхъ къ вождю антисемитовъ, д-ру Карлу Люгеру... Ни докторъ Люгеръ, ни представляемая имъ идея антисемитизма, въ своихъ конечныхъ выводахъ достаточно мрачна для правового государства, не могли склонить чиновниковъ къ голосованію въ пользу кандидатовъ антисемитической партіи. Истинная причина выхода чиновниковъ изъ либерального лагеря кроется въ ихъ крайнемъ недовольствѣ своимъ положеніемъ... Зародилось желаніе — скрытое до сихъ поръ недовольство манфестировать вѣнціумъ образомъ, и вотъ былъ выбранъ косвенный путь выраженія правительству своего недовольства, въ видѣ поддержанія своими голосами оппозиціи... Что эта оппозиція являлась антисемитической, это уже чисто случайное явленіе; въ Германіи чиновники подали бы голоса прямо въ пользу соціаль-демократовъ». Эти послѣднія слова являются документальнымъ подтвержденіемъ высказанной нами мысли, что антисемитизмъ, украшаясь разными добавочными пунктами, ловить голоса представителей труда только въ той странѣ, где нѣть сильной демократической партіи. Въ Вѣнѣ-же было только двѣ партіи. Голоса, отходящіе отъ немецкой либеральной партіи, перешли-бы къ демократической, если-бы она существовала, но ся не было, и волей неволей приходилось искать пріютъ подъ какимъ-нибудь пунктомъ гостепріимной пестрой программы вождей антисемитическихъ партій. Въ подтвержденіе этой пестроты программы, всячески раздувавшейся во время выборовъ вождями антисемитической партіи, мы не станемъ приводить длинные отрывки изъ ихъ рѣчей. Но эта пестрота прямо отразилась въ пестротѣ тѣхъ объясненій, которыя приводятъ газеты, желая дать отчетъ въ причинахъ успѣха на вѣнскихъ выборахъ антисемитической партіи. Чуть-ли не всѣ газеты, враждебныя антисемитизму, признали наиболѣе полными разъясненія краковской газеты «Seas». «Неопределенность въ стремленихъ антисемитизма, говорить «Seas», приводитъ къ демагогическимъ средствамъ, къ неистовствамъ и радиализму, къ игрѣ съ безопасностью и спокойствіемъ въ государствѣ. Такія партіи обыкновенно работаютъ для другихъ. Антисемитизмъ возбуждаетъ расовую ненависть, но въ тоже самое время онъ разжигаетъ зависть у бѣдныхъ къ богатымъ, онъ возбуждаетъ войну противъ капитала, т.-е. противъ собственности. Его средства и его сущность отличаются чисто демагогическимъ характеромъ. Его наследниками скорѣе будутъ партіи непровер-

женія существующаго порядка, чѣмъ консерваторы, которые штатою надежды на то, что они могутъ пользоваться антисемитизмомъ. Самъ по себѣ антисемитизмъ не имѣть никакой подкладки для своего существованія и поэтому онъ или перестанетъ существовать, или выродится въ партію испроверженія существующаго порядка». Изъ этого объясненія ясно видно, какіе пестрые узоры разшиль вѣнскій антисемитизмъ въ своей программѣ и на чёмъ именно онъ выигралъ. И тутъ опять мы находимъ новыя подтвержденія тому, что антисемитизмъ разукрасился тѣми пунктами, которые не поддерживаются ни въ Вѣнѣ, ни въ Австріи вообще особой сплошной демократической партіей. Если-бы эта партія существовала, то, какъ справедливо замѣчаетъ «Scas», разукрасившійся антисемитизмъ утратилъ бы свою пеструю программу, которая была-бы сведена къ чистому антисемитизму, утратившему всякую подкладку для своего существованія. Въ результатѣ получается итогъ, мало ожидаемый консерваторами, идущими рука объ руку съ настоящими антисемитами. Дружная ихъ работа приводить къ возникновенію и укрѣпленію демократическихъ партій. Эти партіи, будучи враждебными буржуазнымъ тенденціямъ во внутренней политикѣ, начнутъ сильно ратовать и уже ратуютъ и противъ буржуазной вѣнціи политики. Пока слышатся громкіе протесты противъ колоніальной политики европейскихъ государствъ.

На нѣкоторыхъ послѣдніхъ событіяхъ въ области колоніальной политики мы уже останавливались въ прошлыхъ лѣсахъ. Такъ, мы старались выяснить истинный смыслъ мадагаскарской экспедиціи. Не находя въ этой экспедиціѣ ничего лестнаго для Франціи, мы говорили: «Франція, такъ много послужившая фѣлу личной и политической свободы въ началѣ столѣтія, могла-бы отнестись съ уваженіемъ ко всякому стремленію къ свободѣ, даже если-бы это стремленіе проявляли говасы. Но нѣтъ, по мнѣнію руководящихъ французскихъ классовъ населенія, на Мадагаскарѣ долженъ развиваться французскій флагъ и царить французскій жандармъ. Право, пора-бы поставить на иную точку зрѣнія вопросъ о протекторатѣ надъ несчастными полудикими народами въ связи съ вопросомъ о раздѣлѣ «чернаго материка». Трудно допустить мысль о томъ, что черный материкъ долженъ служить торговымъ интересамъ европейскихъ государствъ, а не интересамъ народностей, искони ихъ населявшихъ. Европейскія государства, сражавшіяся съ мѣстными королями подъ предлогомъ прекращенія торговли невольниками, стали сами между собою торговать не отдѣльными невольниками, а цѣльными королевствами, въ которыхъ они ведутъ политику, направленную къ вырожденію туземнаго населенія»*). Приблизительно по такимъ-же соображеніямъ теперь стали протестовать противъ мадагаскарской экспедиціи и въ самой Франціи.

*.) См. «Сѣв. Вѣсти», № 8, 1895, стр. 323—324.

На конгрессъ рабочей партії въ Ромили, какъ сообщаетъ «Journal des débats», была принята слѣдующая резолюція: «принимая во вниманіе, что колоніальная экспедиціи, предпринимаемыя подъ предлогомъ распространенія цивилизациі и защиты національной чести, приводятъ къ коррупціі и полному уничтоженію примитивныхъ народностей, конгрессъ рабочей партії всячески протестуетъ противъ колоніального разбойничества, для которого никогда не слѣдуетъ жертвовать ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ су». Трудно заподозрить представителей рабочей партії, вотировавшихъ такую резолюцію, въ недостаткѣ патріотизма, въ отсутствіи у нихъ желанія видѣть Францію великой и могущественной. Могущество, растрачиваемое на колоніальную пріобрѣтенія и экспедиціи, падаетъ, а не усиливается. Многочисленные сторонники той теоріи, будто бы колоніальная политика является лучшимъ средствомъ для разрѣшенія соціального вопроса, должны прислушаться къ голосу представителей рабочей партії. Они являются стороной запинтересованной въ этомъ разрѣшеніи и готовы воспользоваться всякимъ подходящимъ для того средствомъ, не противорѣчащимъ человѣческому достоинству и элементарнымъ требованіямъ справедливости. Однако, они протестуютъ противъ современной колоніальной политики и не видѣть въ ней для себя никакой помощи. Руководящіе классы, всегда указываютъ для разрѣшенія соціального вопроса на такія средства, которыя могутъ имъ принести самую вѣрную пользу и не могутъ благотворно отразиться на судьбѣ выдвинутаго ими соціального вопроса. Вражда между разыгравшимися аппетитами руководящихъ классовъ разныхъ государствъ придала всей колоніальной политикѣ характеръ настоящей охоты на черныхъ и желтыхъ. Такія тенденціи, не имѣющія ничего общаго съ гуманными началами и основными идеями соціально-этической политики, вызвали у нѣкоторыхъ передовыхъ людей стремление «облагородить» общими усилиями современную колоніальную политику. Возникла идея объ образованіи *международного колоніального института*.

Впервые мысль объ учрежденіи колоніального института была высказана французскимъ экономистомъ Шайп-Бертомъ (Chailley-Bert). Шайп-Бертъ былъ командированъ французскимъ правительствомъ въ Голландію для изученія тѣхъ способовъ, которые тамъ практикуются для образованія чиновниковъ, подходящихъ къ службѣ въ колоніяхъ. Въ январѣ 1893 г. голландскій министръ колоній баронъ ванъ-Дедемъ давалъ въ честь Шайп-Берта обѣдъ, на которомъ присутствовали бывшіе министры колоній, бывшіе губернаторы въ колоніяхъ, профессора университета и т. д. Шайп-Бертъ, пользуясь такимъ благопріятнымъ подборомъ общества, собравшагося за обѣдомъ, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ существенную потребность въ учрежденіи международного колоніального института. Рѣчь Шайпъ вы-

звала улыбку среди общества, весьма опытного въ колониальныхъ дѣлахъ и вопросахъ. Ему стали доказывать, что институтъ будетъ обреченъ на преждевременную смерть или будетъ влачить жалкое существование. При настоящей колониальной конкуренціи, возражали Шайи, правительства всѣхъ странъ будутъ игнорировать институтъ и останутся глухими ко всѣмъ его постановленіямъ. Занятіе же пустыми разговорами на сессіяхъ института будетъ способствовать наиболыше му и напекорѣйшему его дискредитированію. Шайибыть смущены, но не желалъ разстаться съ своей идеей. Онъ сталъ энергично завоевывать себѣ сторонниковъ и въ скоромъ времени къ нему примкнули: въ Голландіи профессоръ Лейденскаго университета ванъ-деръ-Литъ и Франсентъ-де-Путтесь, бывшій весьма долгое время руководителемъ голландской колониальной политики, во Франціи—извѣстный экономистъ Леонъ Сэй, бывшій министромъ финансовъ, въ Англіи бывшій губернаторъ въ Бомбей лордъ Рей и Альфредъ Лайлъ, также бывшій губернаторомъ въ колоніяхъ и написавшій нѣсколько выдающихся брошюръ по вопросамъ колониальной политики, въ Бельгіи—майоръ Тисъ (Thys), много поработавшій въ Конго, и Жансенъ, бывшій губернаторъ независимаго государства Конго. Всѣ эти лица въ октябрѣ 1893 г. собрались въ Парижѣ и выработали сообща статуты и регламенты международнаго института колониальной политики. Этотъ октябрьскій съездъ явился открытиемъ института и вмѣстѣ съ тѣмъ первой сессіей. Вторая сессія института состоялась въ Брюсселѣ, при чмъ число его членовъ, присутствовавшихъ на сессіи, достигло 20. Третья сессія недавно закончилась въ Гагѣ и на ней уже присутствовало 40 человѣкъ. Такимъ образомъ, международный колониальный институтъ могъ-бы имѣть свою будущность, если-бы онъ на самомъ дѣлѣ стремился къ проведенію гуманныхъ и этическихъ началь въ колониальную политику.

Пока международный колониальный институтъ дѣятельно занялся изучениемъ и разслѣдованиемъ разныхъ сторонъ колониальной жизни и колониальной политики. Институтъ уже имѣть свое изданіе—«Bibliotheque coloniale internationale», которая будетъ выходить серіями и въ каждой серіи по одному какому-нибудь вопросу будутъ собраны законы, распоряженія, статистическая данныя и т. д. изъ всѣхъ странъ и колоній. Пока вышелъ первый томъ первой серіи «Библіотеки», въ которомъ собраны законы, распоряженія и регламенты, опредѣляющіе положеніе рабочихъ въ голландскихъ, бельгійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ колоніяхъ. Во второмъ томѣ первой серіи будетъ продолжаться печатаніе того-же самаго материала, относящагося уже къ другимъ странамъ и другимъ колоніямъ. Затѣмъ будутъ взяты другие вопросы, а именно о колониальномъ чиновничествѣ, о земельныхъ порядкахъ въ колоніяхъ. Кроме «Библіотеки», институтъ будетъ издаватъ еще «Отчетъ» о своихъ заня-

тіяхъ втечение года, въ которомъ будуть печататься всѣ доклады и всѣ пренія по разнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на ежегодныхъ сессіяхъ международного колоніального института. По этимъ докладамъ и преніямъ можно судить о направленіи дѣятельности института и соціально-этическомъ характерѣ колоніальной политики. Такъ на послѣдней третьей сессіи института особое внимание было посвящено вопросу о рабочихъ въ колоніяхъ. Оказывается, что рабочій вопросъ въ колоніяхъ обострился не менѣе, чѣмъ и въ старой Европѣ. Крупные и средніе капиталисты изъ разныхъ странъ Европы направляются въ колоніи, чтобы тамъ пріумножить свое богатства, занимаясь весьма доходными культурами чая, кофѣ, сахарныхъ растеній и т. д. Для всѣхъ этихъ культуръ требуется громадное количество рабочихъ рукъ. Вопросъ о рабочихъ рукахъ разрѣшается предпринимателями разично. Если въ данной колоніи имѣется достаточный запасъ рабочихъ изъ мѣстнаго населенія, то предприниматели, по своему усмотрѣнію, заключаютъ съ ними контракты на разные сроки. Если же данная колонія населена такъ слабо, что среди мѣстнаго населенія нельзя набрать нужное число рабочихъ, то предприниматели отправляются на поиски въ соєднія болѣе населенныхъ мѣстностіи. Эти поиски и путешествія конечно требуютъ не малой затраты денегъ и времени. Предприниматели, желая избавить себя отъ излишнихъ расходовъ, заключаютъ съ рабочими контракты на долгіе сроки, напр., на два года, на пять и даже на семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ рабочіе не имѣютъ права возвращаться на родину. Законтрактованные неприхотливые и выносливые представители черной и желтой расы уже испытали благодѣянія предпринимателей и требуютъ, что ввозъ рабочихъ въ колоніи и рабочіе контракты были контролируемы безпристрастными представителями колоніального управлениія. Международный колоніальный институтъ по этому вопросу проявилъ особую тенденцію къ защите интересовъ предпринимателей и призналъ необходимымъ защитить ихъ отъ «произвола рабочихъ», неисполняющихъ контракты и массами бросяющихъ работу до истечения того срока, на который они были законтрактованы. Въ этихъ видахъ на засѣданіяхъ третьей сессіи было признано необходимымъ дополнить колоніальное законодательство постановлениемъ о томъ, что уходъ рабочаго до истечения контракта есть не только гражданское, но и *уголовное* правонарушеніе.

Въ этихъ краткихъ указанияхъ довольно ясно обрисовывается соціально-этический характеръ современной колоніальной политики и степень участія въ разрѣшеніи соціального вопроса. Европейскіе предприниматели для разрѣшенія соціального вопроса въ Европѣ занялись политикой насажденія этого вопроса въ колоніяхъ. Нѣть ничего удивительного въ томъ, что обычные простые рабочіе, пользуясь въ Европѣ защищкой рабочаго законодательства, не желаютъ вручать себя усмотрѣнію

предпринимателей въ колоніяхъ, на которыхъ рабочее законодательство не распространяется. Если же оно и распространяется въ извѣстной степени, то слабое его значеніе, при снисходительности надзирающихъ властей на континентѣ, въ колоніяхъ сводится къ нулю по отсутствію надзора и при большой свободѣ для всякаго произвола. Въ колоніи предприниматели заманиваютъ съ усѣхъ только рабочую аристократію, т. е. рабочихъ съ техническими познаніями на разныя руководящія должности. Для самой же работы приходится набирать рабочихъ изъ мѣстного населенія или привозить «черныхъ» и «желтыхъ» изъ ближайшихъ къ колоніи мѣстностей. Съ рабочими изъ черныхъ и желтыхъ можно обращаться свободно безъ особыхъ церемоній. Такимъ образомъ, въ значительной степени та отмѣна рабства въ колоніяхъ, которой такъ гордится Европа, является призрачной или замѣненной рабочими вопросомъ, разрѣпаемымъ въ колоніяхъ на чисто рабскихъ началахъ. Если мѣстное населеніе колоній, при своей сравнительной многочисленности, пуждается въ работѣ, то предприниматели держать его въ ежевыхъ руководцахъ. Если же предпринимателямъ приходится прибѣгать къ привозу черныхъ и желтыхъ, то они обставляютъ себя такими контрактами, которые уже по одной продолжительности срока конкурируютъ съ рабствомъ, не говоря уже о разныхъ другихъ пунктахъ контрактовъ. Нѣтъ ничего удивительного въ томъ, что рабочие систематически убѣгаютъ отъ культурныхъ предпринимателей. Какая благодарная работа тутъ предстояла международному колоніальному институту! Онъ долженъ былъ-бы стать на защиту тѣхъ, которые сами себя защитить не могутъ. Предприниматели всегда постоять и защищать свои интересы. За нихъ вся администрація. Вѣдь для чего и приобрѣтаются колоніи, какъ не для распространенія «национальной предпріимчивости въ далекихъ странахъ». За миллионы-же «черныхъ» и «желтыхъ» вступиться некому. Принявъ ихъ подъ свою защиту, поставивъ себѣ единственной цѣлью защиту рабочихъ въ колоніяхъ, международный колоніальный институтъ, несомнѣнно, вызвалъ-бы къ себѣ общее сочувствие среди мыслящей части европейскаго общества. Его буржуазныя тенденціи, стремленія защитить предпринимателей отъ «произвола рабочихъ» уголовными карами не сулить ему блестящей будущности. Такое направленіе въ дѣятельности института плохо мирится съ разрѣшеніемъ того соціального вопроса, интересомъ котораго, по мнѣнію самого Шайн-Берта, должна служить колоніальная политика.

Международный колоніальный институтъ своей защитой интересовъ мѣстного «чернаго» и «желтаго» населенія въ значительной степени способствовалъ-бы и болѣе гуманному направленію европейской международной политики въ дѣлахъ востока. Проповѣдь гуманныхъ началъ является весьма необходимой въ то время, когда академики проповѣдуютъ

войну европейскаго континента противъ азіатскаго, проповѣдуютъ крестовый походъ европейцевъ на желтыхъ и черныхъ. Читатели помнятъ письмо французскаго академика Эрнеста Лависа къ германскому императору Вильгельму II. Академикъ приглашалъ императора образовать европейскую коалицію для похода на «желтыхъ», естественныхъ враговъ европейскаго населенія и европейской культуры. Наші возраженія воинственному академику не понравились одному соотечественнику, пребывающему въ Америкѣ, и онъ прислалъ намъ съ береговъ Ніагары «вразумительное» письмо. «Вы, господинъ ***, говорить путешествующій соотечественникъ,—предаетесь похвальнымъ мечтамъ» Вотъ основная мысль, которую авторъ письма развиваетъ и доказываетъ, опираясь на свой собственный опытъ и свои собственныя свѣдѣнія.

«*Lavisse*,—говорить путешествующій россіянинъ,—призываєтъ германскаго императора къ образованію коалиціи Европы противъ желтой расы, а вы удивляетесь, почему востокъ долженъ быть лишенъ права на самостоятельное существование. Я позволю себѣ отвѣтить вамъ,—потому что пробудившіяся востокъ, съ его безчисленнымъ населеніемъ, грозить не только преобладанію Европы надъ Азіей, но и самому существованію европейскихъ народовъ, въ смыслѣ самостоятельности, и самой европейской цивилизаціи. Прислушайтесь къ толку японскихъ газетъ, къ рѣчамъ японцевъ! Что они говорятъ? Чрезъ всѣ японскія газеты красною нитью проводится мысль, что Японія призвана пробудить спящія силы востока, воскресить въ немъ чувство національности и выступить на борьбу съ Европой. Здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, не мало хорошо образованныхъ японцевъ, и мнѣ пера разъ приходилось говорить съ ними по этому поводу. Всегда отвѣты и возврѣніи одинаковы и разница только въ томъ, что одинъ откровеннѣе, другой сдержаннѣе отвѣчаетъ. Еще на дняхъ пришлося мнѣ говорить съ японцемъ, изучающимъ въ Чикаго медицину. Вотъ его слова: «Что вы скажете про народъ, съумѣвшій въ 25 лѣтъ, безъ посторонняго побужденія, безъ кровопролитій и политическихъ смутъ (значительныхъ), кореннымъ образомъ измѣнить свой государственный строй, создать армію, флотъ. Нѣть основанія думать, что ваша европейская цивилизація будетъ вѣчна и избѣгнетъ общей участіи. По меньшей мѣрѣ, мы желтая раса, этого не думаемъ. Напротивъ, мы твердо увѣрены, что именно мы сломимъ ей голову и на ея могилѣ воздвигнемъ свою, болѣе усовершенствованную и гуманную. Къ этому мы пмѣмъ всѣ данныя!»

Въ результатѣ русскій обыватель на берегахъ Ніагары пришелъ къ тому заключенію что роль защитника европейской культуры, любезно предложенная Лависомъ германскому императору, по совокупности всѣхъ правъ и призваній, должна принадлежать Россіи. Этотъ выводъ въ данное время имѣетъ свое значеніе и мы о немъ поговоримъ ниже, а теперь остановимся на самыхъ посылкахъ въ пользу крестового похода противъ желтой расы. Что японцы, горды своими быстрыми успѣхами на пути къ прогрессу умственному иполитическому, громко говорятъ объ этихъ успѣхахъ, это вполнѣ понятно и естественно. Почему же имъ и не поговорить громко объ умственномъ иполитическомъ прогрессѣ своей

страны, если тотъ и другой успѣхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію? Эти разговоры могутъ вызывать зависть у тѣхъ, кто равными успѣхами похвалиться не можетъ... Въ чемъ-же однако проявляется варварскій характеръ японскихъ замысловъ? Въ стремлениі и въ сознаніи своей пригодности къ созданію культуры, болѣе гуманной, чѣмъ существующая теперь европейская культура. Если дѣйствительно японцы воодушевлены такими стремлѣніями, то ихъ нужно всячески хвалить и одобрять, а не сажать на штыки и не рѣзать. Какая- же культурная страна можетъ объявить войну другой странѣ за то что эта другая страна стремится къ усовершенствованію культуры и культурныхъ формъ жизни? Было-бы весьма прискорбно, еслибы роль такой державы приняла на себя Россія. Если-же и на самомъ дѣлѣ европейской культурѣ, съ какой либо стороны, угрожаетъ враждебное къ ней отношеніе,—то тутъ Россіи естественно подумать о судьбѣ европейской культуры въ самой Россіи. Россія сдѣлала-бы благое дѣло, если-бы въ своихъ собственныхъ границахъ вела войну противъ враждебнаго отношенія къ культурѣ. Господинъ соотечественникъ съ береговъ Ніагары, что вы скажите, если японскія газеты начнутъ писать о томъ, что для огражденія интересовъ культуры въ предѣлахъ Россіи нѣтъ другаго средства, кроме войны съ Россіей, и что эта война во имя культуры должна быть объявлена такимъ ея защитникомъ, какимъ именно является Японія? Соразмѣрьте степень культуры въ той и другой странѣ и скажите, кто имѣеть больше правъ на защиту культуры вѣтъ предѣловъ своей собственной территории? Россіи нужно заботиться о европейской культурѣ у себя дома и нужно думать объ интересахъ своего собственнаго населенія.

* * *

Бібліографіческія замѣтки.

(Ізъ старинныхъ газетъ и журналовъ).

I. A. С. Пушкинъ.

16) Къ исторіи создания повѣсти «Египетскія ночи».

Въ исторіи всякаго истинно-художественнаго произведенія весьма важно познакомиться съ тѣмпъ дѣйствителными событиями въ жизни автора, которыя послужили матеріаломъ для его творчества, давъ ему тѣ краски, тѣ живыя черты, отъ которыхъ зависѣтъ живость и самаго изображенія. Въ данномъ случаѣ однѣмъ изъ такихъ событий могъ быть, какъ намъ думается, прїездъ въ Петербургъ, въ 1832 году, нѣмца-импровизатора *Лангеншварца*, который и могъ послужить «моделью» для пушкинского шталмейца-импровизатора. Лангеншварцъ прїѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ мая и пробылъ до конца июня, такъ что Пушкинъ, уѣхавшій въ Москву въ сентябрѣ (Гротъ: хронологич. карта для біографіи Пушкина, стр. 34) могъ быть свидѣтелемъ его представленій, а можетъ быть даже, какъ увидимъ, принималъ и живое участіе въ этихъ представленіяхъ, задавая темы.

О представленияхъ Лангеншварца мы находимъ въ тогдашніхъ газетахъ слѣдующія извѣстія: «Недавно прїѣхалъ въ С.-Петербургъ изъ Германіи отличный нѣмецъ импровизаторъ *Лангеншварцъ*, коего похвалами наполнили газеты Берлина, Мюнхена Вѣны и Лейпцига...»

... Г-нъ Лангеншварцъ импровизуетъ на каждый заданный ему предметъ въ любоемъ родѣ поэзіи, въ какомъ угодно размѣрѣ, пустуно или письменно и притомъ на нѣмецкомъ языке, коего стопосложеніе несравненно труднѣе итальянскаго. Ему потребно лишь нѣсколько милють, чтобы обозрѣть предметъ свой, уловить въ немъ пітическую сторону, сообразить мѣстныя обстоятельства, составить планъ и приступить къ исполненію. Присутствіе духа, или, лучше сказать, вдохновеніе довершаютъ все прочее. Г-нъ Лангеншварцъ уже явилъ въ нѣкоторыхъ обществахъ сей столицы оныты своего дивнаго таланта. Заданные ему предметы были самого различнаго рода. Одинъ изъ славнѣйшихъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ предложилъ ему для письменной импровизаціи «Смерть графа Каподистрія», и г-нъ Лангеншварцъ въ той самой комватѣ, гдѣ громко бесѣдовало общество, не болѣе, какъ въ полчаса сочинилъ прекрасную элегію, которую потомъ прочель къ удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ, а вслѣдъ затѣмъ, по желанію одного паходившагося въ обществѣ извѣстнаго ученаго, пустуно импровизовалъ родъ эпического стихотворенія: Агарь иъ пустынѣ. То и другое отличалось какъ полнотою вымысла, такъ и изяществомъ формъ, и, смотря по свойству предмета, величіемъ или нѣжностью чувствованій. Но

этого еще мало: г-пъ Лангеншварцъ дозволяетъ себѣ задавать вдругъ по два или по три предмета, переходить отъ одного къ другому, даетъ прерывать себя постороннимъ вопросамъ, и со всемъ тѣмъ никогда не теряетъ пытия своего повѣствованія. Никакой шумъ, никакое вспышнее впечатлѣніе не могутъ развлечь его мыслей, остановить полетъ его воображенія. Какъ же подивиться послѣ сего творческой спѣѣ поэта-импровизатора!» («Спб. Вѣд.» 1832, № 116, 19 мая, стр. 1249: смъсъ; «Москов. Вѣдом.», 1832, № 44, стр. 1971).

Кто же этотъ «одинъ изъ славнейшихъ нашихъ поэтовъ», предложившій Лангеншварцу тему: «Смерть графа Каподистрія»? По всейѣ вѣроятности — Пушкинъ, хотя могъ быть и Жуковскій. Но послѣдній прямо и названъ въ извѣстіи о придворномъ представлениі Лангеншварца, о которомъ тоже находимъ въ газетахъ извѣстіе, приводимое нами далѣе. Слѣдовательно, не было причины не называть его и въ настоящемъ случаѣ. Съ другой стороны и выборъ темы скорѣе могъ принадлежать Пушкину, чѣмъ Жуковскому.

О придворномъ представлениі Лангеншварца мы сообщимъ свѣдѣнія вмѣстѣ съ извѣстіями, относящимися къ Жуковскому.

Пока прибавимъ только, что появленіе Лангеншварца возбудило въ обществѣ интересъ къ импровизаторамъ, и въ ближайшемъ (119) номерѣ «Спб. Вѣдом.» (1832, стр. 1272) помѣщено извѣстіе о первомъ французскомъ импровизаторѣ Евгѣніи де Праделѣ.

Одна изъ импровизаций Лангеншварца («Soldatentod. Gemälde aus dem Anfange unseres Jahrhunderts») помѣщена въ изданномъ канцлеромъ Брифомъ альманахѣ «Biarium», 1833 г.

17) 9 июня 1832 г. въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ представлена была, въ бенефисъ Щепкина, «Цыгане, поэма А. С. Пушкина» («Русск. Изв.», 1832, № 143, 9 июня, стр. 572).

Пьеса эта продержалась на сценѣ чуть ли не болѣе 20 лѣтъ. По крайней мѣрѣ въ провинції она давалась еще въ 50 годахъ. Напр., въ Уфѣ въ спектакль въ пользу актера Манпова, 19 января 1851 г., играна была романтическая пьеса «Цыганка» взятая изъ поэмы Пушкина («Спб. Пчел.», 1851, № 59, 15 марта, стр. 254: Провинц. поз. Уфа).

18) 30 октября 1832 г. представленъ былъ въ Большомъ театрѣ въ С.-Петербургѣ: «Русланъ и Людмила» или пизверженіе черномора, злого волшебника, большої волшебно-героической балетъ въ 5 дѣйств. («Русск. Изв.», 1832, № 273, 30 октября, стр. 1092).

19) С.-Петербургъ, Октября 13. «Пароходъ Николай I, совершивъ свое путешествіе въ 78 часовъ, 8 сего октября прибылъ въ Кронштадтъ съ 42 пассажирами, въ томъ числе королевско-нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ» («Моск. Вѣд.», 1833, № 84, стр. 3689).

20) «Я, нынѣ подписанійся, отказавшись отъ всего наслѣдства, оставшагося послѣ родного моего брата, покойнаго кол. ассес. Василия Львовича Пушкина, спѣмъ даю знать, чтоъ всѣ, кто покойному должны, и кому онъ долженъ, относились куда слѣдуетъ на законномъ основаніи; ибо обѣ отреченіи моемъ отъ братства наслѣдства извѣстно уже опекѣ, учрежденной надъ имѣніемъ покойнаго, Нижегородской губ., въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Пятаго класса и кавалеръ Сергій Львовъ Пушкинъ. („Москов. Вѣд.“, № 1, стр. 28, объявление, № 27).

21) „О именованіи поручика барона Георга Карла д'Антеса барономъ Георгомъ Карломъ Геккереномъ.

«По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали рапортъ господина управляющаго Военнымъ Министерствомъ, что пребывающій въ

С.-Петербургъ нидерландскій посланикъ баронъ Геккеренъ, усыновивъ поручика кавалергардскаго ея Величества полка барона Георга Карла д'Антеса, которому, по повелѣнію короля нидерландскаго, главная дворянская палата королевства предоставила носить имя и титулъ, а также употреблять гербъ барона Геккерена, испрашивавъ Высочайшаго на сіе созволенія, съ тѣмъ, чтобы баронъ д'Антесъ, какъ въ полковыхъ спискахъ, такъ и во всѣхъ актахъ, вместо прежней своей фамиліи, именуемъ быль отныне барономъ Георгомъ-Карломъ Геккереномъ. По всеподданѣшему докладу изъясненій просыбы посланика барона Геккерена, Его Императорское Величество изволитъ изъявить Высочайшее на сіе созволеніе. О таковомъ Монаршемъ соизволеніи г. управляющій Воеводскимъ Министерствомъ доносить Правит. Сенату къ зависящему распоряженію Приказамъ (сообщить во всѣ присутственныя мѣста) Іюня 23 дня 1836 г. По 1-му Деп—ту». (Спб.—ія Сенатск. Вѣд. 1836, № 27, Іюля 4, стр. 1075—1076).

22. «Александръ Сергеевичъ Пушкинъ въ нынѣшнемъ 1836 году будетъ издаваться литературный журналъ подъ названіемъ: *Современникъ*. Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составитъ четыре тома. Цѣна годовому изданию 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. аст. Подписка принимается въ Спб—гѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные относятся въ газетную экспедицію» (Москов. Вѣд. 1836, № 13, февр. 12 стр. 272).

23. Киевскій митроп. Евгений писалъ Т. М. Снегиреву 15 февр 1837 г. изъ Киева: «Вотъ и стихотворецъ Пушкинъ умеръ отъ поедника. Онъ былъ хороший стихотворецъ, но худой сынъ, родственникъ и гражданинъ. Я его зналъ въ Псковѣ гдѣ его фамилія». (*Старина русской земли. Изслѣд. и статьи Н. М. Снегирева. Т. I* кн. 1, Спб. 1871 г., стр. 135).

24) Въ спектаклѣ 27 августа 1851 г. „читанъ быль г. Караганѣнъ И „Мѣдный Всадникъ“; разумѣется, прекрасно, но не слишкомъ-ли часто является на сценѣ этотъ отрывокъ? Мы то-же самое сказали бы и о сценѣ изъ *Онѣгина*. Г-жа Самойлова была въ ней прелестна. Въ нынѣшній разъ она придала даже этому отрывку другой оттѣвокъ: прежде она говорила въ видѣ твердой, оскорблѣнной женщины, дающей урокъ своему преслѣдователю; нынѣ она играла Таню, все еще любящую Онѣгина и почти падающею подъ бременемъ этого чувства. Первое исполненіе было эффектное для сцены; нынѣшнее памъ больше вѣялъся по физиологии чувства и по женственности выраженія» („Сынъ. Пчел.“, 1851, № 203, 13 сентября, стр. 809: изъ театральной хроники. Р. 3.).

Въ заключеніе, сообщимъ дополненія къ изданію покойнымъ В. И. Межовымъ „*Puschkinianъ*“, указавъ какъ пропущенія въ ней статьи, такъ и появившіяся послѣ изданія межовскаго указателя. Но при этомъ считаемъ необходимы замѣтить что и наши дополненія не исчерпываютъ всего, что появилось о Пушкинѣ въ различныхъ областяхъ человѣческаго творчества. Мы сообщаемъ только тѣ свѣдѣнія, которыхъ попались намъ при нашихъ библіографическихъ занятіяхъ и которыхъ нѣть въ межовскомъ указателѣ. Но у самого Межова въ его указателѣ статей о Пушкинѣ не вошло многое изъ того, что указано нынѣ же въ библіографическомъ указателѣ, изданномъ нынѣ въ 1872 г. подъ заглавиемъ: „Исторія русской и всеобщей словесности“.

А. Статьи о Пушкинѣ и его сочиненіяхъ.

1) О распределеніи къ должностямъ лицепствовъ 1-го выпуска императорскаго царскосельского лицея. („Сенатск. Вѣдом.“ 1817, № 37, стр. 295).

2) Вильгельмъ (Кюхельбекеръ). *Къ Пушкину.* („Благонамѣрен.“ 1818, № VІІІ стр. 136—137.

3) Relations historiques, politiques et familiaires en forme de lettres sur divers Usages, Arts, Sciences, Institutions et Monuments publiés des Russes, recueillies dans ses différents voyages et resumés par le Chev. de Dominicis. 2 vols St.-Petersbourg 1824—25. 8° 150 и 148 стр. Съ карт. и иллюстрациями.

Тутъ сообщены отзывы о разныхъ русскихъ писателяхъ, въ томъ числѣ и объ А. С. Пушкинѣ. Рецензія этой книги помѣщена въ «Москов. Телегр.» 1826, ч. VIII, стр. 52—57.

4) Взглядъ на стихотвореніе А. Пушкина, подъ названіемъ: «Цыгане». (Карман. книжк. для любит. рус. старину изъ 1829 г.).

5) Пушкиной и Пушкину. Стихотвор. («Дамск. Журн.», 1831, № 17).

6) На посвященіе Пушкинья своего творенія: «Годуновъ» памяти Карамзина. Стихотвор. («Дамск. Журн.», 1831, № 7).

7) Сравненіе Викт. Гюго съ Пушкинымъ. Въ статьѣ Сто-перваго (А. Галахова): Характеръ сочиненій Виктора Гюго. («Отеч. Зап.» 1841, т. 17, отд. 17, стр. 1—18).

8) Фарнгагенъ фонъ-Энзе. Новѣшайшая русская литература (*Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland*, 1841, кн. 1). Переводъ этой статьи помѣщенъ въ «Отеч. Зап.» 1841, т. 17, отд. 17, стр. 83—86.

9) Рассказъ А. С. Пушкина г-же А. А. Фуссъ о предсказаніи гадалки. («Казанск. Губ. Вѣд.» 1844, № 2).

10) Статья, обозначенная у Межкова подъ № 92, поздана была также отдельно (Собр. 1848 г., 89) и принадлежала Д. И. Мацкевичу, цензору.

11) Н. Мизко. Столѣтіе русской литературы. Одесса. 1850 г. (Обозрѣніе русской литературы отъ Ломоносова до смерти Пушкина). Рецензія: «Отеч. Зап.» 1850, № 4, Ств. Пч. 1851, № 141, фельетон.

12) Русскій историч. альбомъ, изд. Погодинымъ. 1853. Листъ 39: Черновой набросок стихотвор. Пушкина: «Есть роза дивная».

13) Пушкинъ, Алекс. Серг. Справочн. энциклопедич. слов. подъ ред. А. Старевскаго, Спб. 1854, т. IX, стр. 351—353,

14) F. Agago. Notices scientifiques. T. 1. Paris. 1854, p. 324: О посылкѣ Пушкина противъ саранчи.

15) С. Т. Аксаковъ. Разныя сочиненія. М. 1858. Тутъ помѣщено письмо о Пушкинѣ, перепечатан. изъ «Москов. Вѣстн.» 1830 г. Помѣщено также въ полн. собр. С. Т. Аксакова, 1886, т. IV, стр. 156—158.

16) Новѣя стихотворенія Пушкина и Шевченко. 1859.

17) Импровизація Мицкевича (и Пушкина). («Бібл. Зап.», 1859, столб. 604—605).

18) Mickiewicz, Adam. Pisma. 1860. IX, 293.

19) Собрание стихотвореній А. Пушкина, Кольцова и Крылова. Хрестомат. для рода. Спб. 1860.

20) Соч. Д. В. Давыдова. М. 1860, ч. 3 стр. 142: Письмо Давыдова къ Пушкину Чаадаеву.

21) Замѣтка на это письмо М. Н. Лопгинова. «Русск. Вѣсти.» 1860, № 5, современная литература, стр. 21—25, перепечатанная въ «Бібл. Зап.», 1861, № 1, столб. —18.

22) Одно неиздѣланное стихотвореніе Пушкина. («Время», 1861, VII).

23) Я. К. Гротъ. Памятъ Пушкина. Стихотвор. («Русск. Вѣсти.», 1861, № 4, 701—702).

23) Народная сказка о рыбакѣ и рыбѣ. А. С. Пушкина. Спб. 1861. Тип. Гофельде и К° 8°, 16 стр. Цѣна 5 к. Съ 5 политпражами.

„Это едва ли не первый примѣръ такого добросовѣстнаго и дешеваго изданія“. бібл. Зап. 1861, № 3, столб. 98).

- 24) Пушкинская стипендія („Время“ 1862, № 1, съмъсъ).
- 25) Стипендія Пушкина (прп. с.-петербургскому университету). („Ж. М. Н. Пр.“ 1861, № 1, стр. 18, съмъсъ).
- 26) Tchadaïeff, Pierre. Œuvres choisies. Paris et Leipzig. 1862.
- Тутъ помѣщено письмо А. С. Пушкина къ Чаадаеву. Замѣтка объ этой книгѣ помѣщена въ „Русск. Арх.“, 1863, стр. 871.
27. Домъ Гензова, бывшаго памѣстника Бессарабіи. Спб. 1864. 2⁰ 1 листъ.
- Изображеніе дома спято съ натуры въ 1854 г. и исполнено на камѣ К. Егоровъмъ. Въ верхней части листа изображенъ домъ Гензова, въ нижней—помѣщено стихотвореніе непозвѣстнаго автора, выражающее впечатлѣнія, павѣянныя на него видомъ дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ.
- 28) А. Любавскій. Русскіе уголовные процессы. Спб. 1866, стр. 560—569: Все-подданнѣйший докладъ о дуэли Пушкина съ Дантеомъ.
- 29) Евгений Онегинъ. Романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ. Тайны человѣкомъ (Д. Минаевымъ). Съ приложениемъ 5 рис. раб. художн. П. А. Лебедева. Спб. тип. Деп. Удѣл., 1866, 8⁰, 58 стр.
- 30) Непизданыя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя. Мѣньшіе Пушкина о монархіи. Ода Пушкина Императору Николаю I („Русск. Арх.“, 1866, стр. 1731—1734).
- 31) Русское чтеніе для еврейскаго юношества. Изд. 2. Вильна. 1867.
- Тутъ помѣщено 31 стихотвор. разн. авторовъ, въ томъ числѣ п. Пушкина.
- 32) Жизнеописанія В. А. Жуковскаго, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова и И. С. Никитина. Сборникъ для парод.наго чтенія. 1870.
- 33) А. Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества, 1825—60, „Отеч. Зап.“, 1870, №№ 10 и 11; 1871, №№ 1, 2, 3, 4, 10 и 11; 1872, №№ 4, 5 и 6. О Пушкинѣ въ гл. VII и IX.
- 34) Возобновленіе подписки на памятникъ Пушкину. Отъ Выгоч. утвержд. Особ. Комитета. („Вѣсти. Европы“, 1871, № 5, стр. 494—496).
- 35) Библіографическая судьба Пушкина. Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. Т. I, изд. 2. Спб. 1870. («Вѣсти. Евр.», 1871, № 3, стр. 445—463).
- 36) Я. К. Гротъ. О возобновленіи подписки на памятникъ Пушкину («Спб. Вѣд.», 1871, № 104).
- 37) Lettres à une inconnue, par Prosper Mérimeé. Paris. 1874.
- Свѣдѣнія о Пушкинѣ перепечатаны въ «Вѣсти. Евр.», 1874, № 3, стр. 174, 172—173.
- 38) Громачевскій. Автографъ Пушкина (отрывокъ изъ поэмы «Цыган») («Древн. и Нов. Рос.», 1876, № 5, стр. 91).
- 39) Каменныій гость. Сцены А. С. Пушкина. 1877. Пьеса, разсмотрѣнная драматическою палеузиою въ октябрѣ 1877 и дозволенная «съ исключеніемъ». (Указат. по дѣл. печ.), 1877, № 20—21, стр. 3.
- 40) Лобаповъ, Д. Владимира Дубровскаго, или смерть за смерть. Драма въ 1 дѣйств.
- 41) Лобаповъ, Д. Картижникъ. Драма въ 5 д. (изъ повѣсти Пушкина). Спб. 1877. Лиц. И. Смирнова. М. 4⁰, 95 стр.
- Это драматическое переложеніе повѣсти: «Ипповская дама».

Ф. Витбергъ.

что

нет

31

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Рабочіе на Сибирской желѣзной дорогѣ.

Въ 1893 и 1894 годахъ мнѣ пришлось на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ рабочихъ на Сибирской желѣзной дорогѣ. Тутъ повторяется старая, но вѣчно юная исторія, прекрасно изложенная въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова. Читатели позволятъ мнѣ разсказать имъ часть правды о тѣхъ тысячахъ рабочихъ, которые потребовались для сооруженія «великаго сибирскаго пути». По своему составу они подраздѣляются приблизительно на слѣдующія группы: 1) землекопы, 2) каменьщики, 3) лодочники и водоливы, 4) молотобойцы и клепальщики, 5) плотники, столяры и свайщики, 6) извозчики и, наконецъ, 7) чернорабочіе. Въ средѣ этого многочисленнаго и разнообразнаго рабочаго люда встрѣтите крестьянъ чуть-ли не изъ всѣхъ губерній европейской Россіи, природныхъ сибиряковъ изъ губерній и областей Западной и Восточной Сибири; новоселовъ-переселенцевъ, ссыльно-поселенцевъ, инородцевъ-киргизъ изъ Семипалатинской области и, наконецъ, даже небольшую артель итальянцевъ-каменотесовъ. Рабочіе нанимаются, главнымъ образомъ, желѣзнодорожными подрядчиками и «рядчиками», частью же — непосредственно самой желѣзно-дорожной администрациѣ, исполняющей нѣкоторыя работы самостоятельно, такъ называемымъ «хозяйственнымъ способомъ».

Нанимаются рабочіе на различныхъ условіяхъ. Такъ, напр., «російские» заключаютъ съ подрядчикомъ-хозяиномъ на извѣстный срокъ письменный договоръ или контрактъ и отсюда называются «контрактными»; сибирские, по большей части, работаютъ на земляныхъ рабочихъ или по счету кубиковъ вырабатываемой ими земли и называются — «кубичниками», или поденно и едѣльно и называются «поденнымъ» и «едѣльными». Въ 1894 году преобладающими контингентомъ на среднесибирской ж. д. являлись «контрактные» рабочіе. Мы ознакомимся сначала съ тѣмъ положеніемъ этой главной группы рабочихъ, которое имъ

было «гарантировано» въ контрактахъ, а затѣмъ мы перейдемъ къ тому положенію, въ какомъ они оказались на самомъ дѣлѣ.

«Контрактные» рабочіе обыкновенно панимались къ подрядчикамъ на извѣстный срокъ. Послѣдний не во всѣхъ заключенныхъ подрядчиками договорахъ одинаковъ. Такъ напримѣръ, одинъ изъ подрядчиковъ нанялъ рабочихъ съ 4-го числа марта мѣсяца по 1-ое число октября 1894 года, другой—по 15-ое октября, третій—на цѣлий годъ, и, наконецъ, четвертый—на полтора года и т. д. и т. д. Обозначая въ контрактѣ срокъ, большинство подрядчиковъ дѣлаютъ при этомъ нѣкоторыя оговорки. Такъ, напр., въ одномъ изъ договоровъ мы читаемъ, что такой-то «нанялся съ 4-го октября по 1-ое октября 1894 года съ тѣмъ, что если подрядчикъ укажетъ на необходимость продолжать работы долѣе срока, то я обязанъ безпрекословно исполнять всѣ работы въ теченіе пятнадцати дней сверхъ срока, съ платою по той же расценкѣ, какая условлена въ пунктѣ такомъ-то договора». Въ другомъ контрактѣ мы читаемъ слѣдующее: «мы нижеподписавшіеся нанялись для производства земляныхъ работъ на Средне-Сибирскую желѣзную дорогу, срокомъ со дня прибытія на мѣсто работъ по 15-е октября 1894 года; въ случаѣ же, если работы будутъ прекращены раньше этого срока, то расчетъ мы получимъ по день прекращенія работъ. Если по прибытіи на мѣсто къ производству земляныхъ работъ по какимъ бы то ни было причинамъ нельзя будетъ приступить тотчасъ же, то мы обязаны до начала ихъ производить всякаго рода работы, которыхъ будуть указаны: какъ-то рубка лѣса, пилка дровъ и др.». «Срокъ работъ опредѣляется до 15-го октября,—читаемъ мы въ третьемъ договорѣ,—если же работамъ будетъ препятствовать наступленіе глубокой осени, то срокъ считается до окончанія возможности производить работы».

Наряду съ обозначеніемъ извѣстнаго периода обязательной работы въ договорахъ обыкновенно точно указывается и тотъ районъ въ которомъ законтрактованные рабочіе обязаны производить работы. Но и здѣсь предусмотрительными подрядчиками сдѣланы нѣкоторыя существенные оговорки въ такомъ, напр., родѣ: «впрочемъ, если нужно будетъ подрядчику перевести меня съ этой работы на другую дальше или ближе назначенного пункта, то я обязанъ безпрекословно перейти въ назначенное мѣсто съ тѣмъ, чтобы подрядчикъ считалъ все время перехода рабочими днями и выдавалъ мнѣ на харчи по 30 коп. въ сутки. Прходить же я обязанъ не менѣе 40 верстъ въ сутки. Переходъ въ праздники обязанъ дѣлать бесплатно». Въ другихъ договорахъ районы работъ не обозначаются, а прямо говорится слѣдующее: «работать мы должны тамъ, гдѣ будетъ указано. Въ случаѣ надобности перевести рабочихъ съ одного пункта на другой, такой переходъ совершаются въ праздничные дни безъ всякаго за то вознагражденія. При переходѣ болѣе 10 верстъ подъ рабочихъ и ихъ багажъ полагаются подводы, при меньшихъ разстояніяхъ рабочіе переходятъ пѣшкомъ».

Заключая съ подрядчиками договоръ, рабочіе обыкновенно выговариваются себѣ въ задатокъ извѣстную сумму денегъ изъ причитающейся имъ заработной платы. Рабочіе, согласно договорамъ, при слѣдованіи по дорогѣ на мѣсто своихъ работъ «должны вести себя чинно и вполнѣ инициативно сопровождающему ихъ служащему и никакихъ болѣе требованій на выдачу денегъ въ счетъ будущаго заработка права не предъявлять». Въ случаѣ же, если рабочій не отправится изъ дома на работу, то обязанъ немедленно, по требованію подрядчика, возвратить взятый имъ отъ послѣдняго задатокъ и сверхъ того уплатить неустойки 25 рублей. Если же въ теченіе пятнадцати дней послѣ срока рабочій не явится на работу, то, согласно нѣкоторымъ договорамъ, кромѣ возвращенія задатка и неустойки въ 25 руб., подвергается отвѣтственности согласно § 82 Выс. утв. 21 марта 1861 г. правиль о наймѣ рабочихъ. За просрочку же подрядчикъ вычитаетъ съ рабочаго за каждый день послѣдней по 1 руб. 20 коп. Рабочіе, самовольно оставивши работы, по однимъ контрактамъ, сверхъ высылки на онъя и взысканія по условіямъ договора, подвергаются наказанію по ст. 1224 т. XV св. зак., по приговорамъ ближайшаго къ мѣсту работы суда. Тому же взысканію и возвращенію задаточныхъ денегъ подвергаются одиночные рабочіе, получивши свои задаточные деньги и не явившіеся на работу по договору. По другимъ же договорамъ, рабочій не явившійся на работу или, самовольно оставившій таковую ранѣе договорнаго срока, кромѣ возвращенія задатка или неотработанной части его, — уплачиваетъ стоимость своего переѣзда до мѣста работы и, кромѣ того, 25 руб. неустойки.

Дорожные расходы рабочихъ во время передвиженія съ родины на мѣсто работъ нѣкоторыми подрядчиками принимаются на себя, при чмъ каждому рабочему полагается нѣкоторая сумма денегъ (напр., по 25 коп. на человѣка въ сутки) на харчи, на обратный-же путь также выговаривается или извѣстная впередъ условленная сумма, или-же сумма, равная стоимости провоза рабочихъ въ прежній путь, при чмъ харчевыхъ денегъ уже не полагается. Другими-же подрядчиками дорожные расходы рабочихъ или вовсе не принимаются на себя, или-же, если и принимаются, то только на обратный путь или даже на половину этого пути, напр., отъ мѣста работъ до города Кургана, Тобольской губерніи; содержаться-же рабочіе въ томъ и другомъ случаѣ должны на свой счетъ. Нанятый рабочій, согласно договору, обязанъ прибыть на мѣсто работъ за день до указаннаго въ немъ числа выступленія на работу. Эта запасной день, обыкновенно, дается рабочему для отдыха послѣ дальней дороги. Прибывшему рабочему подрядчикъ обязанъ отвести въ деревянную квартиру или дать мѣсто въ баракѣ и выдать всѣ нужные для работы инструменты, которые рабочій обязанъ приготовить ко дню своего выступленія на работу. Платы за день отдыха обыкновенно не полагается. Нѣкоторыми изъ подрядчиковъ также обусловлено въ договорѣ право

передачи послѣдняго другому лицу, во всемъ его объемѣ, при чёмъ рабочіе безпрекословно обязаны исполнять всѣ условія договора и сберечь всѣ свои отношенія и къ новому своему подрядчику, къ которому передастъ его старый.

Заработка плата контрактныхъ рабочихъ у всѣхъ подрядчиковъ на Средне-Сибирской желѣзной дороги находится въ прямой и тѣсной связи съ силой и искусствомъ каждого рабочаго. Рабочіе, обыкновенно, подраздѣляются на три группы или, какъ принято называть, «руки». Самые сильные и ловкіе рабочіе составляютъ «первую руку»; уступающіе нѣсколько въ силѣ и ловкости первымъ образуютъ «вторую руку» и, наконецъ, сравнительно слабые, какъ физически, такъ и въ работѣ—относятся къ «третьей руке». Самая трудная и спѣшная работы обыкновенно возлагаются на «первоклассныхъ» рабочихъ; второстепенные, требующія среднихъ силъ и ловкости,—на «второклассныхъ»; наконецъ, остальная болѣе легкія и мелкія работы, какъ равненіе земляного полотна, чистка досокъ и т. п., исполняютъ «третью руку».

Для всѣхъ этихъ «рукъ», въ большинствѣ договоровъ, обыкновенно устанавливается извѣстная норма обязательной работы. Такъ, напр., по одному договору, «первая рука при среднихъ грунтахъ и дальности возки до 50 саж., обязана вырабатывать одну кубическую сажень; вторая—0,80 кубическ. саж. и третья—0,70 саж. При грунтахъ болѣе легкихъ и уменьшенніи разстоянія возки урокъ можетъ быть увеличиваемъ на 25%. Во всякомъ случаѣ, первоклассный рабочій долженъ вырабатывать не менѣе того, что вырабатываетъ лучшій рабочій артели». Размеры уроковъ, означенные въ приведенномъ нами сейчасъ договорѣ, типичны и для большинства остальныхъ. По окончаніи урока рабочему не воспрещается, за особую плату, вырабатывать дополнительные уроки, при чёмъ такая работа у одного изъ подрядчиковъ обыкновенно оплачивалась по 1 рублю за кубическ. сажень. Если-же рабочій «будеть неусиленъ» въ заданной ему подрядчикомъ работѣ, то, по большинству договоровъ, кромѣ вычета за недодѣланный урокъ, подрядчикъ воленъ перевести рабочаго изъ первой руки во вторую, изъ второй—въ третью, съ уменьшеніемъ договорной заработной платы по его усмотрѣнію и записать это въ расчетную книжку.

Заработка плата выдается рабочимъ или за все рабочее время въ определенной общей суммѣ за каждую «руку», или-же ежемѣсячно. Такъ, напримѣръ, рабочіе, подрядившіеся «срокомъ со дня прибытія на мѣсто работъ по 15-е октября 1894 года», получаютъ слѣдующее: 1-я рука по 125 руб., 2-я рука — 100 руб. и 90 руб. и 3-я рука отъ 70 до 80 рублей. Другіе рабочіе, законтрактованные подрядчикомъ на 18 мѣсяцевъ, работаютъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1-я рука—230 руб., 2-я рука отъ 220 до 210 руб. и 3-я рука—180 р. Наконецъ, третиимъ очень крупнымъ подрядчикомъ рабочіе были назначены на слѣдующихъ нѣсколько отличныхъ отъ другихъ условіяхъ:

а) за каждую кубическую сажень обыкновенного грунта безъ употребленія кайль, при резервѣ глубины до 0,75 саж.—1 р. 75 к., б) при наличности возки до 30 саж. за каждыя лишнія 10 саж. возки прибавляется по 15 коп. за пудь; в) за одну кубическую сажень нагорныхъ отводныхъ канавъ па выметь по 1 рублю, если-же канавы будутъ глубиною болѣе 0,60 саж, то по 1 р. 20 к. и г) если-же подрядчикъ поставитъ на транспортныя работы лошадей, то за пагрузку на колымажку 1 кубическ. сажени рабочіе получаютъ по 1 рублю; д) если-же грунтъ окажется крѣпкій и несоответствующій пункта, то плата должна опредѣляться по особому соглашенію рабочихъ съ подрядчикомъ, если-же такого соглашенія не послѣдуетъ, то рабочіе обязаны производить работы по мѣстнымъ цѣнамъ.

При мѣсячныхъ расчетахъ «руки» также играютъ свою обычную роль. Такъ, напр., у одного изъ подрядчиковъ перворучные рабочіе получаются въ мѣсяцъ 22 рубля, второручные—отъ 18 до 20 р. и третьеручные—«смотря по работѣ», какъ сказано въ договорѣ.

Кромѣ опредѣленной заработной платы, контрактные рабочіе получаютъ отъ своихъ хозяевъ-подрядчиковъ готовое содержаніе, помѣщеніе и необходимыя орудія. Нѣкоторые же подрядчики, выдавъ своимъ рабочимъ задатокъ въ счетъ заработной платы нѣсколько рублей, чтобы гарантировать свой карманъ отъ тѣхъ или другихъ случайностей, обыкновенно, удерживаютъ выданный задатокъ при первыхъ-же причитающихся платежахъ. Дальнѣйший-же расчетъ обыкновенно производится слѣдующимъ порядкомъ: на мелочные расходы каждому рабочему выдается по 1 рублю въ мѣсяцъ, а остальная причитающаяся ему сумма или остается въ конторѣ подрядчика до окончательного расчета, или-же высылается, по желанію рабочихъ, на родину, при чемъ подрядчикъ долженъ представить въ томъ рабочимъ почтовую квитанцію не позже 20 июля, какъ это обусловлено въ одномъ изъ договоровъ. Остальная-же деньги, причитающаяся рабочимъ, выдаются имъ уже при окончательномъ расчетѣ. Впрочемъ, въ числѣ всѣхъ прочихъ договоровъ существуетъ еще и такой, по которому выдача рабочимъ заработной платы должна производиться еженедѣльно, при чемъ при каждой уплатѣ должно быть удержано по два рубля съ человѣка, полученныхыхъ прежде отъ подрядчика въ видѣ задатка, до полнаго удержанія такового, а по окончаніи этихъ вычетовъ, должно производиться удержаніе съ полученной рабочимъ заработной платы по 5 коп. съ рубля. Эти послѣднія деньги выдаются рабочимъ по окончаніи работъ; если-же кто изъ рабочихъ уйдетъ раньше окончанія работъ, то на полученіе этихъ денегъ права не имѣеть. Въ случаѣ замедленія подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ выдачи подрядчикомъ рабочимъ въ опредѣленные сроки заработной платы, первый подвергается за это законной ответственности.

При наймѣ на работу каждый рабочій, взамѣнъ сдаваемаго имъ въ контору паспорта, получаетъ установленную закономъ рабочую книжку,

въ которую записывается его «зaborъ» и заработокъ, выданные на руки инструменты, а такъ-же вычеты и неустойки. Для учета рабочихъ и нерабочихъ дней у всѣхъ подрядчиковъ, обыкновенно, ведется ежедневная табель, всегда принимаемая за основаніе при расчетахъ. Перваго числа каждого мѣсяца рабочій обязуется предъявить свою книжку въ контору, где записываются дни рабочіе, больные, дождевые и прогулочные. Книжка, обыкновенно, выдается рабочему седьмого числа вновь наступившаго мѣсяца. При обратномъ полученіи книжки изъ конторы рабочій обязанъ свѣряться въ конторѣ и заявить о своемъ неудовольствіи, въ теченіе семи дней, какъ опредѣлено въ одномъ изъ договоровъ, иначе записанное считается правильнымъ. Отъ представленія книжки въ контору рабочій уклоняться не имѣеть права; въ случаѣ-же потери ея, онъ обязанъ тотчасъ-же заявить о томъ конторщику и получить новую книжку, за которую, какъ и за первую, обыкновенно, вычитается по 10 коп. Въ случаѣ скрытія или потери книжки, расчеты производятся по конторскимъ книгамъ, и рабочій не вправѣ заявлять на это претензіи, а обязанъ принять расчетъ по книгамъ конторы и по условіямъ расчетныхъ книжекъ другихъ рабочихъ той-же наемки.

На работѣ рабочіе обязаны быть, по однимъ договорамъ, «положенное по Высочайше утвержденному урочному положенію времія»; по другимъ рабочіе обязаны съ первого мая по первое августа начинать работу въ четыре часа утра, кончать въ семь часовъ вечера, на обѣдъ и отдыхъ полагается два съ половиною часа. Съ первого-же августа по первое сентября обязаны начинать въ $4\frac{1}{2}$ часа утра, кончать—въ $7\frac{1}{2}$ ч. вечера; на обѣдъ и отдыхъ полагается одинъ часъ *).

Работы должны производиться ежедневно, кроме воскресныхъ дней и двунадесятыхъ праздниковъ. Въ экстренныхъ случаяхъ, рабочіе не вправѣ отказываться отъ работы и въ праздники, при этомъ за такие дни, по однимъ договорамъ, они получаютъ на 15 коп. больше противъ обыкновенной заработной платы; по другимъ-же,—особую плату, назначаемую по обоюдному съ подрядчикомъ соглашенію. По нѣкоторымъ контрактамъ рабочіе не имѣютъ права отказываться отъ работы и въ ночное время, за что получаютъ особую плату по 75 копѣекъ за ночь. Если кто-либо изъ рабочихъ не выйдетъ на работу по-болѣзни, то, по нѣкоторымъ договорамъ, онъ за этотъ день не получаетъ платы и, кроме того, уплачиваетъ за свое содержаніе 25 коп. Невышедший на работу самовольно, безъ уважительной причины, подвергается штрафу въ размѣрѣ двойной своей заработной платы. «Такому-же штрафу подвергается каждый изъ рабочихъ за грубость, пьянство, неповиновеніе администраціи работѣ и др. постушки» (?). За тѣ дни, въ которые работа окажется невозможной, вслѣдствіе непогоды, жалованья рабочіе не получаютъ, но и за харчи съ нихъ не вычитываютъ; если-же въ

*) Средній рабочій день равняется 13—14 часовъ.

течение лѣта такихъ дождевыхъ дней окажется болѣе двухъ (?), то рабочіе должны ихъ отработать, въ противномъ случаѣ съ нихъ удерживается за харчи по 35 коп. за каждый неотработанный день. По другимъ-же договорамъ, за прогулочные дни также удерживается жалованье и сверхъ того дѣлается вычетъ въ пользу подрядчика изъ уговорной платы по 1 руб. 50 коп. за каждый день и 30 коп. за харчи. За дни болѣзни жалованья рабочему не полагается и вычитается за харчи по 35 коп. въ день. Заболѣвшему рабочему дозволяется лежать въ баракахъ не болѣе двухъ дней, а затѣмъ онъ долженъ отправляться въ больницу, а если-же будетъ упорствовать, то «пролежанные дни» будуть считаться прогулными. Серьезно заболѣвший рабочій совершенно увольняется отъ работъ и получаетъ отъ хозяина полный расчетъ только въ случаѣ своей полной неспособности продолжать работу по болѣзни, удостовѣренной желѣзнодорожнымъ участковымъ врачомъ. Съ каждого рабочаго нѣкоторыми подрядчиками удерживается по одному рублю во весь срокъ на содержаніе больницы.

Рабочіе, какъ уже сказано выше, обыкновенно получаютъ отъ своихъ подрядчиковъ готовое содержаніе и помѣщеніе. По однимъ договорамъ, каждому рабочему ежедневно полагается по 4 фунта ржаного хлѣба, 1 фунтъ мяса въ сыромъ вѣсѣ, $\frac{1}{2}$ фунта крупы, 1 ф. масла скоромнаго на 15 человѣкъ и квасу, сколько потребуется. По другому договору, подрядчикъ долженъ выдавать пищу въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества, а именно: въ день мяса соленаго или свѣжаго $1\frac{1}{2}$ фунта на человѣка, масла постнаго или скоромнаго и соли 1 ф. одному человѣку на десять дней; каши гречневой или ишеничной (ячменной) два раза въ день въ обѣдъ и ужинъ, но не болѣе 1 фунта на человѣка; хлѣба и квасу сколько потребуется; приваръ изъ кислой или свѣжей капусты, а за неимѣніемъ онаго полагается кашица. Въ постные дни, а также въ Петровъ и Спасовъ посты полагаются постные щи или каша. Пищей рабочій обязанъ довольствоваться только въ указанныхъ мѣстахъ и не вправѣ брать съ собою какихъ-либо продуктовъ, а тѣмъ болѣе уносить ихъ съ собою за черту работъ, за что подвергается законной ответственности.

О характерѣ помѣщеній для рабочихъ ни въ одномъ изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ договорахъ почему-то не говорится ни одного слова. Въ нѣкоторыхъ изъ договоровъ встрѣчается еще упоминаніе о банѣ, которая должна быть предоставляема рабочимъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ.

Что-же касается до самого производства работъ, то въ нѣкоторыхъ контрактахъ говорится, что «при работахъ рабочій не долженъ разсыпать земли вокругъ своей нивки, по дорогѣ, по которой возится земля, равно какъ земля отъ нивки до самого полотна должна быть чисто подобрана, къ вечеру-же, къ окончанію работъ, доски и тачки рабочіе обязуются очищать». Нѣкоторые изъ подрядчиковъ регламен-

тировали даже поведеніе рабочихъ во время работъ. «Во время нахожденія на работѣ,—гласить одинъ изъ договоровъ,—рабочій долженъ вести себя честно, сохранять къ подрядчику и его служащимъ вѣжливость и послушаніе, не грубить, не пьянствовать, не играть въ азартныя игры и не проматывать полученные вещи и припасы, самовольно не отлучаться съ мѣста работы и къ себѣ безъ разрѣшенія подрядчика или его служащихъ никого не принимать (?!), съ подозрительными лицами (?) связи не имѣть, вообще вести себя на работахъ во всѣхъ отношеніяхъ добропорядочно». Въ случаѣ какого-либо несчастія на линіи или пожара, рабочій обязанъ немедленно явиться на мѣсто, несмотря ни на какое время дня и ночи, и способствовать спасенію всѣми силами.

На основаніи §§ 35, 36, 37, 38, 46, 82 и 92 правилъ о наймѣ рабочихъ рабочіе во всѣхъ своихъ неудовольствіяхъ должны обращаться съ жалобой къ хозяину или къ его служащимъ не иначе, какъ черезъ своихъ выборныхъ, для чего изъ своей среды они выбираютъ не болѣе трехъ человѣкъ. Если они не получаютъ удовлетворенія отъ подрядчика, то должны обращаться къ правительству инженеру, наблюдающему за постройкой. Если въ этомъ случаѣ претензіи рабочихъ будутъ оставлены безъ удовлетворенія, то они могутъ приносить жалобу въ судебнаго учрежденія по мѣсту производства работъ, для чего также должны послать не болѣе трехъ выборныхъ, остальные-же недовольные рабочіе обязаны работать до разрѣшенія судомъ ихъ жалобы; въ противномъ случаѣ, они подвергаются вычету, какъ за прогульные дни.

Такова сущность договоровъ, заключенныхъ желѣзнодорожными подрядчиками съ нанитыми ими рабочими. Въ нихъ наблюдается старая и вѣчно новая исторія: интересы подрядчика-работодателя во всѣхъ подробностяхъ предусмотрены и гарантированы, а интересы рабочихъ настолько игнорированы, что ихъ какъ-то не замѣчаешь. Однако, въ договорахъ все-таки говорится о какихъ-то правахъ и интересахъ рабочихъ и невольно возникаетъ вопросъ о томъ, существуютъ-ли эти опредѣленные въ договорахъ права рабочихъ *de facto*? Тутъ возникаетъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ вопросовъ, а именно: какова на самомъ дѣлѣ зароботная плата рабочихъ? Каковы пища и жилища рабочихъ? Каковы, наконецъ, взаимныя отношенія рабочихъ къ подрядчикамъ и наоборотъ?

Начнемъ наше изложеніе съ отправленія рабочихъ съ ихъ мѣстожительства на работы по сооруженію Сибирской желѣзной дороги.

Большинство подрядчиковъ, по договорамъ, обязуется доставлять рабочихъ съ родины на мѣсто желѣзнодорожныхъ работъ на свой счетъ. Обыкновенно до г. Челябинска рабочихъ перевозили по желѣзной дорогѣ по удешевленному переселенческому тарифу, затѣмъ,—на подводахъ до самого мѣста работы. Іѣзда «по удешевленному переселенческому тарифу» не особенно заманчива, но все-же лучшее, чѣмъ єїзда «на подводахъ», на которыхъ подрядчики безцеремонно размѣщали рабо-

чихъ, какъ товаръ. Они давали очень мало подводъ подъ рабочихъ и на каждую изъ нихъ назначали слишкомъ много пассажировъ. Всѣдствіе этого, рабочіе съ болѣшимъ трудомъ размѣщались со своимъ багажемъ на подводахъ и значительную часть дороги вынуждены были идти за подводами пѣшкомъ. Среди желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ встрѣчались даже такіе щутники, которые сдавали своихъ рабочихъ подрядчикамъ-возчикамъ «попудно», какъ обыкновенно перевозятъ чай и прочій товаръ. Перевозить рабочихъ «попудно» для подрядчиковъ представлялось очень выгоднымъ, особенно если въ Челябинскѣ находились обратные ямщики. Однажды намъ приходилось бесѣдоватъ съ артелью рабочихъ, перевезенной изъ г. Челябинска до Ачинска такимъ оригинальнымъ и остроумнымъ образомъ. Конечно, эта длинная дорога для рабочихъ была полна всяческихъ мытарствъ. Значительную часть пути имъ пришлось пройти пѣшкомъ, и страшно страдать отъ холода и вообще дурной погоды, такъ какъ переѣздъ этотъ совершился еще ранней сибирской весной, а рабочіе были одѣты очень бѣдно и легко. Другіе подрядчики перевозили своихъ рабочихъ черезъ Тюмень на пароходахъ, по рѣкамъ Западной Сибири. И отъ этого водяного способа передвиженія рабочимъ не особенно-то поздоровилось. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подрядчиковъ нагрузилъ своихъ рабочихъ въ судно, какъ сельдей въ бочку; затѣмъ, по приѣздѣ въ г. Томскъ, желая поскорѣе начать работы, не дать рабочимъ ни минуты для отдыха, а тотчасъ-же посадилъ ихъ на подводы и повезъ на мѣсто работъ. Полуголодные, уставшіе, загрязнившіеся за дорогу рабочіе попытались было протестовать, желая остановиться въ г. Томскѣ на одинъ день или нѣсколько часовъ, но подрядчикъ прибѣгнулъ къ содѣйствію мѣстной полиціи, и рабочіе должны были покориться своей участіи, т. е. не отдохнувши, продолжать свой тяжелый путь.

По приѣздѣ на мѣсто работъ, отдохнувъ положенное время (сутки), рабочіе, обыкновенно, должны были выходить на тяжелую работу. Особенno тяжелы и изнурительны работы были весной, когда по желѣзнодорожной линіи снѣгъ еще не стаялъ и приходилось производить рубку лѣса и расчистку тайги. Цѣлые дни, стоя по колѣна, а иногда и по грудь въ рыхломъ и мокромъ снѣгу, въ легкой одежонкѣ, въ истоптаныхъ и дырявыхъ лаптяхъ или бродняхъ, рабочіе рубятъ дремучую сибирскую тайгу, оттаскиваютъ могучихъ великановъ въ сторону, выкорчевываютъ громадные, кремнистые пни и кореня. Работа—египетская. Нужно ее видѣть самому, чтобы ясно представить себѣ ея изнурительность. Нужно обладать желѣзной волей, удивительной выносливостью, чтобы изо днѣ въ день, по 15—16 часовъ въ сутки, мужественно переносить всѣ эти невзгоды и преодолѣвать естественные препятствія сибирской суровой природы. Но вотъ, рубка и корчевка лѣса окончены, подрядчикъ получилъ отъ инженера «выписку» на производства земляныхъ работъ и переводить рабочихъ на послѣднія. Если земляные ра-

боты производится еще съ весны, то тогда земля бываеть мерзлая и крѣпкая, какъ камень; необходимо употребить страшныя усилія, чтобы только раздробить ее. На обязанности-же каждого рабочаго, какъ видѣли читатели выше, лежитъ опредѣленный урокъ, который такъ или иначе, но необходимо отработать, чтобы получить свою заработную плату сполна и не быть переведеннымъ въ другую руку. Какія-же усилія долженъ употреблять рабочій, чтобы въ весенное время сполна отработать свой обычный урокъ, доходящій для перворучныхъ обыкновенно до одной кубич. сажени мерзлой земли, которую необходимо раздробить, выбросать и отвезти на откосъ желѣзнодорожнаго полотна! Но такія работы, какъ рубка и отвозка лѣса, пилка дровъ и шипаль и т. п.—еще сносны сравнительно съ работой по устройству водосточныхъ трубъ подъ земляной насыпью. Послѣдняя работа прямо адская работа и въ особенности весной. При устройствѣ водосточныхъ трубъ обыкновенно приходится работать подъ земляной насыпью, въ землѣ на глубинѣ 2—3 сажень. Если эта работа производится весной или раннимъ лѣтомъ, то земля, обыкновенно, еще бываеть мерзлая. Для оттаиванія ея на мѣстѣ работъ устраиваютъ громадный шалашъ, крытый дерномъ и соломой, въ которомъ топятся 3—4 большія желѣзныя печи. Отаявшая земля превращается въ жидкую грязь; послѣднюю нагружаютъ въ тачки и по мокрымъ, скользкимъ доскамъ вывозятъ на верхъ. Иззябшіе, вымокшіе, по колѣна въ грязи и водѣ рабочіе производятъ самое удручающее впечатлѣніе: лица и руки ихъ посинѣли и окоченѣли, иззябшее тѣло подергивается частыми судорогами и дрожью... Однако, какъ-бы ни была тяжела эта работа, но обращать на это вниманіе рабочему не приходится. Здѣсь есть строгій надзоръ хозяйскаго глаза, и здѣсь существуетъ урокъ. Въ лѣтнее время трудность подобнаго рода работъ не уменьшается—та-же обычная грязь и холодная ключевая вода, такъ какъ водосточные трубы устраиваются въ мѣстахъ болотистыхъ и низменныхъ. Что-же касается земляныхъ и вообще прочихъ желѣзнодорожныхъ работъ, то въ лѣтнее время онѣ не только не облегчаются, но, наоборотъ—становятся гораздо труднѣе, такъ какъ ко всѣмъ прежнимъ неудобствамъ присоединяется еще лѣтній зной, а съ нимъ и неизбѣжная «мошка»,—этотъ настоящій сибирскій бичъ человѣка и животныхъ.

Русскіе рабочіе, подряжаясь на Сибирскую желѣзную дорогу, совершенно не ожидали встрѣтить столь непріглядную и невозможную обстановку и вообще такія тяжелыя условія труда.

— Здѣсь можно робить желѣзному да каменному человѣку! — жаловались намъ рабочіе. Большинство рабочихъ единогласно заявляютъ, что они—«попустились-бы всѣмъ, только отпустили бы насъ домой!—Мы сей-часъ-бы ушли, да вотъ, бѣда — видовъ съ нами нѣту! У хозяина видыто въ конторѣ, бають, подъ замкомъ лежать. А куда-же нашему брату безъ видовъ сунуться?.. А кабы видѣ-то былъ, такъ мы тѣмъ-же часомъ бы махнули. На сторонѣ куды болѣе заробили-бы!..»

Между тѣмъ, десятники-надзорщики за работами требуютъ отъ рабочихъ интенсивнаго труда, выработки въ сутки полнаго урока, въ противномъ-же случаѣ изъ заработка платы дѣлается соотвѣтствующій вычетъ. Послѣдній обыкновенно производится только извѣстное время, а затѣмъ рабочаго переводятъ изъ одной, напр., первой руки, въ другую—вторую. Отъ штрафовъ-же, переводовъ изъ одной руки въ другую рабочіе никогда не могутъ быть гарантированы: все зависитъ отъ воли подрядчика, который можетъ назначить урокъ, превышающій силы большинства рабочихъ и доступный только немногимъ лицамъ изъ артели. А разъ урокъ этотъ вырабатывается однимъ, двумя лицами изъ артели, и т. п. подрядчикъ считаетъ своимъ законнымъ правомъ требовать того-же и отъ остальной артели, такъ какъ въ контрактѣ на этотъ случай сдѣлана очень ясная и определенная оговорка въ родѣ, напр., слѣдующей: «во всякомъ случаѣ, перворучный рабочий долженъ вырабатывать не менѣе того, что вырабатываетъ лучший рабочий артели». Въ данномъ случаѣ все это дѣлается на «законномъ основаніи», но есть и другие нелегальные способы. Среди нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ—землемкоповъ, разсказывалъ намъ одинъ компетентнѣйший въ этомъ человѣкъ, иногда практикуется тайный подкупъ двухъ—трехъ лучшихъ рабочихъ артели, которые обязуются передъ подрядчикомъ ежедневно аккуратно вырабатывать повышенный до крайнихъ размѣровъ урокъ и, такимъ образомъ, «тянуть» за собой и остальныхъ перворучныхъ рабочихъ, обязанныхъ, согласно договору, не отставать въ работѣ отъ лучшихъ рабочихъ артели. Эти подкупленные рабочіе, обыкновенно, называются «темными» руками. Присутствіе въ артели такихъ «темныхъ» рукъ—большое несчастіе для послѣдней: она вынуждена бывать прямо надрываться отъ своей непосильной работы или же прибѣгать къ какимъ-нибудь особымъ приемамъ при работѣ. Изъ послѣднихъ особенно распространена система работы съ такъ называемой «подкалкой» земли, строго преслѣдуемая желѣзнодорожной администрацией, какъ крайне опасная для жизни и здоровья рабочихъ. Система эта состоить въ слѣдующемъ: рабочій сначала срываетъ землю снизу и старается изъ верхняго слоя земли образовать нѣчто въ родѣ отвѣсной скалы; затѣмъ, когда снизу земля достаточно срыта, онъ поднимается наверхъ и ударами лопаты и тяжестью всего своего тѣла пытается разомъ оторвать эту земляную скалу и сбросить внизъ. Такимъ образомъ, достигается значительная экономія времени и силъ, но она очень часто влечетъ за собой несчастные случаи. Земляная глыба преждевременно и неожиданно обваливается внизъ и придавливаетъ собою рабочаго. На Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ эта система работы практикуется довольно широко, но только въ томъ случаѣ, когда за рабочими неѣтъ никакого административнаго надзора.

Въ общемъ-же, при неожиданныхъ трудностяхъ работъ, высокихъ урокахъ и невозможности выполненія ихъ, вычетахъ и штрафахъ, наконецъ, при частыхъ переводахъ изъ первой руки во «вторую» или

«третью» — заработка плата рабочихъ, сравнительно съ предполагаемой, неожиданно понижалась до крайняго minimum'a. Такъ, напр., рабочий, мечтавшій «идти въ первой рукѣ» и заработать 125 руб., въ дѣйствительности опредѣлялся подрядчикомъ во «второручные» и, такимъ образомъ, за все время своихъ работъ могъ заработать всего только 90—100 рублей. Собственно говоря, и послѣдняя цифра заработка въ дѣйствительности является довольно гадательной и условной, такъ какъ очень часто возникаетъ еще цѣлый рядъ условій, гибельно вліяющихъ на нее. Къ послѣднимъ мы относимъ обмѣры при приемѣ отъ рабочаго его уроковъ, «недописки» всѣхъ выработанныхъ имъ кубовъ и «сотокъ» земли, приписки въ рабочую книжку незабранныхъ товаровъ и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ продѣлкахъ десятники, артельщики, табельщики и другія лица, принадлежащія къ администраціи,—виртуозы своего дѣла, которое они ведутъ настолько тонко и аккуратно, что всѣ ихъ мошенничества очень часто и легко ускользаютъ отъ вниманія даже опытнаго, старого землекопа. На всякой случай у нихъ есть своя хитрая механика. Такъ, напр., при приемѣ отъ рабочаго урока десятники измѣряютъ количество выработанныхъ кубовъ и «сотокъ» земли такъ своеобразно и ловко, что обязательно украдутъ у рабочаго не только нѣсколько «сотокъ», а иногда кубъ-два и больше земли. Въ подобныхъ случаяхъ, кроме цѣлаго ряда техническихъ хитростей, десятники обыкновенно прибегаютъ еще и къ слѣдующему способу: они подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не принимаютъ отъ рабочаго выработанныхъ имъ уроковъ въ извѣстное время, а стараются пріемѣ затянутъ возможно дольше съ тою цѣлью, чтобы у рабочаго накопилось выработанныхъ имъ кубовъ земли возможно больше и, чтобы онъ, благодаря этому, самъ смѣшился въ точномъ счетѣ ихъ. На послѣднюю удоочку очень часто попадаетъ много простодушныхъ рабочихъ, ничего не подозрѣвавшихъ въ этой «затяжкѣ». Во время нашей поѣздки по линіи желѣзной дороги намъ приходилось бесѣдовать съ массой рабочихъ и всѣ они въ одинъ голосъ жаловались на обмѣры. Но не всегда удачно сходять десятникамъ ихъ продѣлки. Часто случается и такъ, что рабочий уличаетъ десятника на мѣстѣ преступленія, или-же, свѣривъ свой счетъ, требуетъ отъ первого снова перемѣрить землю, но уже при свидѣтеляхъ. На одномъ пзъ же желѣзодорожныхъ участковъ на эту тему намъ разсказывали такой случай. Одинъ пзъ рабочихъ-землекоповъ («кубичниковъ»), понадѣявшись на честность десятника, запустилъ счетъ своей работы на нѣсколько недѣль и, такимъ образомъ, накопилъ порядочное количество выработанныхъ имъ кубиковъ земли. Наконецъ, онъ произвелъ съ десятникомъ расчетъ. И что-же оказалось? Ловкий десятникъ сумѣлъ обсчитать его на цѣлую треть. Рабочий, конечно, взвылъ и обратился за помощью къ своей артели. Послѣдняя потребовала отъ десятника новой провѣрки, и, такимъ образомъ, пытка вспыхла наружу. Что постигло за нее десятника — мы хорошо не знаемъ, но подрядчики, будучи часто лично заинтересованными въ

подобныхъ плутняхъ, обыкновенно смотрять на это довольно смиходительно. Такъ напр., мы знаемъ нѣсколько такихъ фактовъ, что десятниковъ, уличенныхыхъ въ плутняхъ, подрядчики не прогоняли отъ себя, а только ограничивались выговоромъ и переводомъ ихъ съ одного мѣста работать на другое. — Такъ-же ловко обираютъ рабочихъ и артельщики. Послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, исполняютъ обязанности прикащикъ въ лавочкахъ, открываемыхъ подрядчиками на мѣстѣ работать для своихъ рабочихъ, которымъ все необходимое продаются въ счетъ зароботной платы въ кредитъ и записывается артельщикомъ въ рабочую книжку. Вотъ, при посредствѣ послѣдней-то артельщикъ, обыкновенно и обираетъ безграмотнаго рабочаго. Иногда рабочій при расчетѣ и глазамъ своимъ не вѣрить. За какую-нибудь недѣлю-двѣ, оказывается, онъ выкуриваетъ по нѣсколько фунтовъ махорки и около дести «цигарочнай» бумаги; въ какой-нибудь мѣсяцъ изнашивается двѣ пары ботовъ и нѣсколько лаитецъ, вышиваетъ громадное количество чаю и т. п. Иногда случались, по словамъ очевидцевъ, такие курьезы, что усердные не по разуму въ своихъ записяхъ артельщики записывали въ книжкѣ табакъ такимъ рабочимъ, которые никогда въ своей жизни не курили. Въ подобныхъ случаяхъ, конечно, возникаютъ конфликты, изъ которыхъ ловкие артельщики, въ большинствѣ случаевъ, выходятъ правыми или «безъ вины виноватыми». Чтобы усѣдить за правильностью записей въ книжкѣ своихъ заборовъ изъ лавочки, рабочему необходимо быть или грамотнымъ, или-же обладать хорошей памятью, иначе, какъ онъ не мудри, его обязательно обсчитаютъ.—Наконецъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ, «за потерю инструментовъ и порчу ихъ отъ небрежности, рабочій обязанъ уплатить ихъ стоимость». Отъ потери-же и порчи инструментовъ рабочій, конечно, не гарантированъ; и то, и другое нерѣдко случается у него, что также въ значительной степени отражается на зароботной платѣ.

Такимъ образомъ, если мы примемъ во вниманіе всѣ вышеуказанныя и нѣкоторыя другія,—неблагопріятныя условія, о которыхъ мы скажемъ ниже, то станетъ вполнѣ понятной та призрачность «хорошаго зароботка» рабочаго, о которомъ мечтали рабочіе, направляясь въ Сибирь.

Теперь мы посмотримъ, чѣмъ и какъ кормятъ подрядчики-хозяева своихъ рабочихъ, въ какихъ помѣщеніяхъ и въ какой санитарной обстановкѣ живутъ послѣдніе и какимъ образомъ все это, вмѣстѣ взятое, отзывается на здоровыи рабочихъ. Въ договорахъ, какъ было сказано выше, опредѣлялось количество провизіи, отпускаемой рабочимъ. Заготовкой-же и доставкой на мѣсто работъ провизіи завѣдаютъ или сами подрядчики, или-же сдаются ей кому-нибудь на подрядъ. Приготавляется пища самими рабочими въ особыхъ, приспособленныхъ для этого кухняхъ-баракахъ, устройство которыхъ лежитъ на подрядчикѣ. Для приготовленія пищи рабочіе обыкновенно выбираютъ изъ своей среды поваровъ, помощниковъ имъ, хлѣбопековъ, кашеваровъ и квасниковъ, на обязанности кото-

рыхъ всецѣло лежатъ всѣ заботы о продовольствіи артели. Выбранные рабочіе (за исключениемъ доставки продуктовъ) обыкновенно освобождаются отъ всѣхъ прочихъ работъ.

Весной большинство подрядчиковъ кормило своихъ рабочихъ соленымъ мясомъ, которое, нужно замѣтить, не вездѣ и не всегда было хорошаго качества. Такъ, по словамъ одного желѣзодорожнаго участковаго фельдшера, весной у одной компании подрядчиковъ пища была страшно плохая: мясо тухлое, хлѣбъ заплесневѣвшій, несъянный, такъ что въ немъ очень часто попадались всевозможные суррогаты—щепки, палки и т. п. Фельдшеръ не разъ говорилъ подрядчикамъ о дурномъ качествѣ выдаваемой рабочимъ пищи и незаконности этого, но тѣ и слушать ничего не хотѣли и продолжали кормить рабочихъ всевозможной дрянью до тѣхъ поръ, пока по участку не пронесся слухъ о скоромъ приѣздѣ изъ гор. Томска специальной санитарной комиссіи.

— Придемъ это съ работы-то измученные, какъ собаки, голодные.. Поставимъ чашку со щами передъ собой да и сидимъ, смотримъ другъ на дружку, выжидаемъ кто первой зачнетъ хлебать-то. А никому неохота. На щи-то муторно смотрѣть, а не то што хлебать—мерзость одна. Кто поголоднѣе, ну тотъ и хлебнегъ, а за нимъ, глядишь, и другіе тянутся. Хлебнешь это ложку-другу да и отходишь на сторону поблевать. Така ужъ пища, паринъ, што отъ нее сразу блевать захочешь. Право слово!.. Изъ всей артели двое, четверо хлебаютъ, а другіе-то по угламъ блюютъ. Къ хлѣбу тоже и дотрогиваться неохота было—всякая всячина въ него навалена. Вотъ, «колодеру» *) поѣши маненько да такъ и ходишь день-то, маешься. Все нутро тогдѣсь истинуло намъ, такъ и горить, бурчить въ брюхѣ-то. Тогдѣсь сколь народу-то перехворало. Такъ и несло, инда съ кровью...—передавали намъ рабочіе страничку изъ своей весенней голодной жизни, при чёмъ справедливость всего этого разсказа подтвердила намъ здѣсь-же находившійся съ нами участковый фельдшеръ.

У другого подрядчика весной мясо было настолько плохое, что рабочіе вслѣдствіе этого прямо забунтовали. По требованію врачебнаго персонала, подрядчикъ вынужденъ былъ закупить 15—20 пудовъ мяса въ землю. Вообще, о весеннемъ продовольствіи рабочихъ на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ по всей строившейся линіи единогласно всѣ, какъ медицинскій персоналъ и другіе очевидцы, такъ и сами рабочіе разсказывали мало хорошаго. Недоброкачественность пищи, выдаваемой подрядчиками своимъ рабочимъ, обусловливалаась, главнымъ образомъ, недобросовѣстной экономіей; отчасти-же затруднительностью доставки провизіи изъ окрестныхъ селъ и деревень на линію. Въ лѣтнее время трудность доставки провизіи на линію нѣсколько облегчалась, вслѣдствіе чего и провизія рабочихъ нѣсколько улучшалась. Послѣднему много способствовало еще и то обстоятельство, что мясо начали выдавать не соленое,

*) Ячменная каша.

а болѣе или менѣе свѣжее *). Для полученія мяса въ свѣжемъ видѣ большинство подрядчиковъ начало пригонять скотъ на мяста работъ и колоть его по мѣрѣ надобности. Хотя всѣ эти мяры сравнительно улучшили пищу рабочихъ, но все-же она оставалась далеко неудовлетворительной. Кромѣ того, некоторые подрядчики и лѣтомъ давали своимъ рабочимъ продукты плохого качества. Такъ, напр., та самая компанія подрядчиковъ, которая весной кормила рабочихъ тухлой солониной, до первыхъ чиселъ августа продолжала доставлять рабочимъ дуриные продукты и нѣсколько улучшила ихъ опять-таки, какъ и въ первый разъ, только при вторичномъ появлѣніи на линіи санитарной комиссіи. Но лишь только послѣдняя скрылась изъ глазъ, компанія подрядчиковъ возвратилась къ своему прежнему порядку. Правда, и они «держали мясо на ногахъ», т. е. имѣли живой скотъ на мястѣ своихъ работъ, но участковый медицинскій фельдшеръ высказывалъ большое сомнѣніе относительно доброкачественности этого мяса, такъ какъ большинство изъ пригнанныхъ компаніей на линію быковъ оказались больными. По словамъ рабочихъ, заколотые быки передъ своей смертью и такъ уже плохо держались на ногахъ.

У другого подрядчика, у котораго, какъ мы сообщали выше, весной участковый фельдшеръ законапъ въ землю около 15—20 пудовъ солонины,— лѣтомъ выдавалось рабочимъ мясо хотя и свѣжее, однако, по словамъ послѣднихъ, это далеко не улучшало ихъ питанія. Причину этого рабочие объяснили слѣдующимъ образомъ. Хотя по положенію имъ ежедневно слѣдовало по 1 ф. свѣжаго мяса, но въ дѣйствительности бывало иначе—свѣжее, мягкое мясо артельщики продавали по 6 коп. за фунтъ «сдѣльнымъ» и «кубичнымъ» рабочимъ, а имъ, «контрактнымъ» выдавали «что похоже да остатки»: голову, осердѣ, брюшину и, если когда либо слишкомъ долго затаекается старый языкъ, такъ тогда и его бросаютъ въ общій котель». Хлѣбъ у этого подрядчика лѣтомъ также былъ плохой, хуже солдатскаго—несѣянный, такъ что въ немъ очень часто попадались всякия нечистоты. Приготовленіе пищи было безобразное. По словамъ служащихъ этого подрядчика, мясо почти никогда не мылось и бросалось въ котель въ свою очередь первоначальному видѣ, т. е. кровяное, грязное. «Кабы рабочие посмотрѣли какъ имъ щи-то приготовляютъ, то даже съ голоду не стали бы есть», такъ отзывался о приготовленіи пищи рабочимъ одинъ изъ служащихъ подрядчика. Затѣмъ, одинъ изъ крупныхъ подрядчиковъ кормилъ своихъ рабочихъ до 15-го іюня соленымъ мясомъ, крайне плохого качества, что неоднократно констатировалось врачебнымъ персоналомъ даннаго пункта. Экономный подрядчикъ предполагалъ—было прокормить рабочихъ подобнымъ мясомъ даже до 29-го поля, какъ это было обусловлено имъ въ договорѣ съ рабочими, но врачебный

*) Соленое мясо большинствомъ подрядчиковъ выдавалось рабочимъ обыкновенно до 15-го іюня, а некоторыми даже и до 1-го іюля.

персональ насталъ на уничтоженіе его. Квасъ былъ жидкій; сухари давались заплеснѣвшіе, такъ что въ первыхъ числахъ юня студентомъ-медикомъ а также и участковымъ жандармомъ былъ составленъ о нихъ протоколъ. Хлѣбъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ непросяянный и не-пропеченный; масло и сало средняго качества; крупы иногда сорные. Приготовленіе пищи также не отличалось особенной чистотой, такъ, напр., мясо держалось въ сѣткахъ, мѣнявшихся только разъ въ недѣлю, вслѣдствіе чего онъ былъ весьма грязныи. И послѣ 15-го юля, т. е. когда соленое мясо было замѣнено свѣжимъ, послѣднее не всегда было таковыи. Такъ, напр., 25-го юля, при посѣщеніи бараковъ, въ кухнѣ участковый врачъ нашелъ мясо плохого качества — разложившееся и уже съ личинками червей. Мясо это, какъ оказалось по справкамъ, предназначалось рабочимъ для ужина; оно, конечно, тотчасъ-же было конфисковано и, по распоряженію врача, закопано въ землю. Здѣсь-же, при этомъ посѣщеніи, врачемъ было констатировано, что кухня была безъ отводной трубы, вслѣдствіе чего огонь и сажа неизбѣжно должны были попадать на варившееся въ печи продукты. Подрядчикъ предпочиталъ кормить рабочихъ «колодеромъ», что также, конечно, огорчало рабочихъ, привыкшихъ къ русскимъ щамъ съ кислой капустой. Капусты, несмотря на условіе, подрядчикъ не заготовилъ въ достаточномъ количествѣ, вслѣдствіе чего, рабочие болѣе мѣсяца просидѣли на «пустыхъ» щахъ и «коло-дерѣ», что вызывало среди рабочихъ сильное неудовольствіе. Изъ всѣхъ опрошенныхъ нами рабочихъ на Средне-спблрской желѣзной дорогѣ только одна артель отзывалась хорошо о своемъ продовольствіи, заявляя, что все время мясо у нихъ было свѣжее, «изъ подъ ножа», квасъ густой, хлѣбъ мягкий, щи жирныи съ капустой.

Относительно характера помѣщеній для рабочихъ во всѣхъ договорахъ, какъ мы выше уже говорили, почти ничего не говорится, кроме того, что «бараки для помѣщенія рабочихъ должны быть отъ нанимателя». Каковы-же эти бараки и вообще тѣ санитарныя условія, въ которыхъ ставить наниматель-подрядчикъ своихъ рабочихъ? Большинство бараковъ, устроенныхъ подрядчиками для своихъ рабочихъ, — одного типа. Сни представляютъ собою большихъ размѣровъ сараи, съ крышей, нарами, двумя, тремя небольшими оконцами-форточкиами и желѣзными печами. Эти сараи-бараки устраиваются слѣдующимъ образомъ. Предварительно вырывается яма правильной четыреугольной формы, глубиною въ одинъ или $1\frac{1}{2}$ арш., затѣмъ, надъ ней устанавливается такой-же формы и размѣровъ срубъ, на-скоро сколоченный изъ молодыхъ деревьевъ, сверху онъ покрывается крышей «накатникомъ»; при чемъ, послѣдняя иногда имѣеть наклонъ, иногда-же «накатникъ» настилается прямо, т. е. параллельно съ краями сруба. Снизу, съ основанія, срубъ барака обрываются землей; пазы-же — проконопачиваются мохомъ. Въ весеннее и осенне время баракъ обыкновенно заваливаютъ со всѣхъ сторонъ дерномъ. Въ большинствѣ бараковъ полъ земляной, очень немногіе имѣютъ дере-

вянный полъ. Внутреннее устройство бараковъ — самое жалкое. Вдоль двухъ болѣе длинныхъ стѣнъ, на $\frac{1}{2}$ аршина отъ земли, тянутся деревянныя нары, на которыхъ по $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину отводится мѣсто на каждого рабочаго. Въ нѣкоторыхъ баракахъ между нарами и вдоль ихъ тянутся деревянные столы и скамья. При входѣ и посрединѣ стоятъ желѣзныя печи; въ стѣнахъ барака прорѣзано нѣсколько небольшихъ отверстій, это—окна, которыя иногда заставляются стеклянной рамой, иногда-же просто затыкаются какой-нибудь тряпцей. Болѣе экономные подрядчики имѣютъ бараки для своихъ рабочихъ еще худшаго типа. Обыкновенно вырывается четыреугольная яма, на которой прямо устраивается наклонной формы крыша изъ жердей, отвѣсно укрѣпляемыхъ въ землѣ надъ этой ямой. Крыша заваливается землей и дерномъ, а иногда и соломой. Вообще, большинство бараковъ самого примитивѣшаго типа и во всѣхъ отношеніяхъ ниже всякой критики. Нечего, конечно, говорить о томъ, что въ такихъ помѣщеніяхъ рабочимъ живется очень и очень плохо. Лѣтомъ, когда стоитъ хорошая, сухая погода, кое-какъ жить еще можно, что прямо немыслимо весной или въ лѣтнее ненастное время и осенью. Вотъ напр., что разсказываетъ намъ одна партія рабочихъ о своемъ житьѣ-бытьѣ на работахъ у одной крупной компаніи подрядчиковъ.

— Привели это, значитъ, насъ на мѣсто-то, а кругомъ еще бѣлымъ бѣло, снѣгъ. Зима тогда еще стояла. Согнали это насъ съ подводъ, смотримъ, а еще ничѣмъ ничего—бараку-то для насъ еще не построили даже. Десятники говорятъ—руби сами, ребята! Сложили мы на снѣгъ свои котомки, видно ничего не подѣлаешь—принялись за работу. Вырыли это кое-какъ, значитъ, ямы, жердь на нихъ навалили, землю съ дерномъ сверху. Логовище готово. Полѣзай теперь, ребята, грѣйся!.. командуютъ надъ нами десятники. Переночевали. На утро десятники насъ на работу ужъ гонять. Такъ и сдохнѣть не успѣли. Лѣсь приказано было рубить. Снѣгъ въ лѣсу почесть по поясъ. Доступу туда никакого нѣту. А рубить надо было, потому на урокъ поставили. Залѣзъ это въ снѣгъ то по поясъ, маемся, маемся, насили лѣснину-то свалимъ. За день-то такъ измотаешься, что до барака-то кое-какъ ноги волочишь. Мокрехонекъ весь, нитки сухой на тебѣ нѣту. Придешь въ баракъ и прилечь-то нельзя—сырость, мокрота. Погрѣешься малость у печки, просохнешь, да и свалишься пластомъ на нары. И тутъ мокро, а въ баракѣ холодъ поднимется. Лихоманка тебя трясетъ. Измотаешься весь и уснешь. Печка погаснетъ, въ баракѣ одно што на улицѣ—холодище страшенней!.. За ночь-то и примернешь къ нарамъ. На утро десятникъ будить на работу, съ пресонокъ соскочишь это да такъ и взвоешь— волосы-то, значитъ, къ нарамъ пристыли. Не вѣришь, баринъ! Ей Богу право, вотъ те Христосъ!.. почесь каждый день хто-нибудь изъ нашихъ робить примерзаль. А одежонка, такъ та всегдашь, кожинную ночь примерзала, на утро отрывашь. Помаялись, помаялись, да хозлевамъ жаловаться пошли. Не слушаютъ, ругаются. Подумали мы это, да и порѣшили между собой въ Томскъ пти съ жалобой.

Большинство врачебнаго персонала о баракахъ и санитарныхъ условіяхъ на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ отзывается очень плохо. Санитары и врачи въ одинъ голосъ твердятъ, что «живѣть въ такой обстановкѣ сколько-нибудь по-человѣчески нельзѧ». Страшная

сырость, грязь, скверный, вонючий, совершенно испорченный воздухъ, отсутствіе достаточнаго свѣта и простора, гнилая лежалая солома на нарахъ, блохи и другіе паразиты—вотъ, обычнаѧ санитарнаѧ обстановка помѣщений рабочихъ въ весеннее, осенне и лѣтнее ненастное время. Въ лѣтнее ясное время въ баракахъ, конечно, значительно лучше, но тяжелый, испорченный воздухъ попрежнему остается въ нихъ. Послѣднее обстоятельство очень часто побуждаетъ рабочихъ спать гдѣ нибудь па свѣжемъ воздухѣ. Среди большинства этихъ неудовлетворительныхъ бараковъ мы встрѣчали иѣсколько счастливыхъ исключеній. Два-три подрядчика болѣе или менѣе позаботились о своихъ рабочихъ и устроили для нихъ сравнительно сносныѧ жилища. У нихъ бараки были досчатые, съ деревяннымъ поломъ, настоящей тесовой крышей; въ нихъ — достаточно свѣтло, тепло и просторно; воздухъ также довольно сносный. Рабочіе здѣсь чувствуютъ себя хорошо и, видимо, находятъ для себя дѣйствительный покой и отдыхъ. Но эти бараки, повторяемъ, къ сожалѣнію, только счастливое и какое-то случайное исключение изо всѣхъ остальныхъ бараковъ, напоминающихъ скорѣе навозныѧ ямы, чѣмъ человѣческія жилища. Архитектура бараковъ крайне примитивна и загонять на ночь въ эти балаганы десятки людей,—дѣло очень и очень рискованное. Рискъ, говорить, благородное дѣло, что, видимо, вполнѣ раздѣляютъ гг. подрядчики. Но не всегда это «благородное дѣло» благородно кончается. Возьмемъ, напримѣръ, инцидентъ съ человѣческими жертвами на VIII участкѣ Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ 10-го февраля текущаго года. Въ телеграммѣ Россійскаго телеграфнаго агентства отъ 10 февраля текущаго года было сказано: «на восьмомъ участкѣ Средне-Сибирской ж. д. обрушившимся баракомъ придавлено во время обѣда 30 рабочихъ, убито 2, изувѣчено 7, остальные отдѣлались легкими поврежденіями». При крайне скверномъ и небрежномъ устройствѣ бараковъ, подобные печальныѧ факты неизбѣжны и далеко не единичны; они бывали и прежде, но тогда сора изъ избы не выносили и все оставалось шитымъ и крытымъ. Такъ, напр., въ 1893 г. на одномъ изъ первыхъ участковъ Средне-Сибирской желѣзной дороги также обвалился баракъ и придавилъ своей тяжестью многихъ рабочихъ. И сколько, павѣрно, случалось еще подобныхъ инцидентовъ! Только одна тайга является молчаливой свидѣтельницей всѣхъ этихъ человѣческихъ несчастий и, какъ всегда, угрюмо скрываетъ все видѣнное и слышанное ею отъ добрыхъ людей и свѣта!..

При крайнихъ невзгодахъ, окружающихъ рабочихъ, заболѣваемость и смертность среди ихъ не можетъ выражаться скромными цифрами. На этотъ счетъ у насъ имѣются точныѧ данныѧ, извлеченные изъ офиціальныхъ записей участковаго медицинскаго персонала. Такъ, напр., на второмъ участкѣ Средне-Сибирской ж. д. изъ 645 рабочихъ, находившихся на данномъ участкѣ въ апрѣль мѣсяцѣ 1894 г. стационарныхъ больныхъ было 25 человѣкъ, изъ которыхъ выздоровѣло 16, умерло 1, амбулаторныхъ — 253 челов.; въ маѣ — стационарныхъ — 31, выздор-

вѣло — 20, умерло — 1, амбулаторныхъ — 276; въ юнѣ изъ всего числа 3,627 челов. заболѣло — 29., выздоровѣло — 22, умерло — 1, амбулаторныхъ — 271 челов.; въ юнѣ — стационарныхъ — 30, выздоровѣло — 21, умерло — 2, амбулаторныхъ — 252 человѣка. На VI-мъ участкѣ въ юнѣ амбулаторныхъ было 272, стационарныхъ — 9, въ юнѣ амбулаторныхъ — 298, стационарныхъ — 9, въ августѣ (за 1-ю половину мѣс.) амбулаторныхъ — отъ 158—175, стационарныхъ — 10, умерло съ 1-го юна по 20-ое число августа. Болѣзни рабочихъ крайне разнообразны, при чёмъ большее количество приходится на слѣдующія: малярия, ушибы, переломы, раны, ревматизмы, катарры кишечкѣ и вообще пищеварительныхъ органовъ, воспаленіе подкожной клѣтчатки и, наконецъ, карбункуль.

На Средне-Спбірской желѣзной дорогѣ санитарный надзоръ за условіями жизни и работы желѣзнодорожныхъ рабочихъ ложить на обязанности участковыхъ врачей и фельдшеровъ. На каждый желѣзнодорожный участокъ полагается по одному врачу и по два, а иногда и болѣе, фельдшера, при чёмъ на нѣкоторыхъ участкахъ обязанности постѣднихъ исполнялись студентами-медиками V-го курса томскаго университета. Гг. желѣзнодорожные участковые врачи, по словамъ какъ рабочихъ, такъ и младшаго медицинскаго персонала, не особенно-то добросовѣстно исполняли возложенія на нихъ обязанности, т. е. аккуратно и возможно чаще посѣщать и осматривать бараки, слѣдить за пищей рабочихъ и т. д. и т. д. Такъ, напр., нѣкоторые врачи объѣзжали бараки своего участка только раза по-два въ мѣсяцъ; другіе же и этого не дѣлали. Конечно, среди врачей есть и исключенія, но они очень рѣдки. Весь санитарный надзоръ за жизнью рабочихъ, обыкновенно, взваливался врачами на своихъ участковыхъ фельдшеровъ или студентовъ-медиковъ. Безъ сомнѣнія, успѣхъ санитарного надзора, вслѣдствіе этого, въ значительной степени уменьшился, такъ какъ ихъ степенства — подрядчики безъ всякаго стѣсненія и даже съ большимъ нахальствомъ игнорировали «всѣхъ этихъ лѣкаршиекъ» и, не обращая вниманія на указанія и требованія послѣднихъ, попрежнему вели свою разгульскую линію. Затѣмъ, больничная помѣщенія аптеки, всевозможные медикаменты и т. п., по словамъ врачебнаго персонала, въ большинствѣ случаевъ, оказывались крайне неудовлетворительными. Такъ, многіе студенты-медики и фельдшера въ боясьахъ съ нами указывали на недоброкачественность и недостатокъ лѣкарствъ въ аптекахъ, на полное отсутствіе или недостатокъ нѣкоторыхъ хирургическихъ и другихъ инструментовъ и вообще тѣхъ или другихъ приспособленій, необходимыхъ во врачебной практикѣ. За неимѣніемъ отдѣльныхъ помѣщеній, приспособленныхъ специально для больныхъ, послѣднихъ волей-неволей приходится помѣщать или въ общемъ баракѣ рабочихъ или еще въ болѣе неудобномъ мѣстѣ. Участковыя больницы Средне-Спбірской желѣзной дороги также оставляютъ желать многаго: помѣщенія, отведенныя подъ нихъ, тѣсны и негигіеничны. Подъ желѣзнодорожную больницу желѣзнодорожнымъ вѣдомствомъ, въ селѣ или

Черевиѣ обыкновенно нанимаются какои-нибудь изъ крестьянскихъ домовъ, въ которомъ помѣщается все: пріемный покой, больница и аптека, при чёмъ подъ больницею приходится не болѣе двухъ небольшихъ комнатъ. Нѣкоторыя изъ больничныхъ зданій, кромѣ своей тѣсноты и другихъ неудобствъ, очень ветхи, такъ что въ ненастное время потолки комнатъ начинаютъ течь. Такъ, напр., Чернорѣчинская больница (на VI участкѣ) помѣщается въ домѣ, состоящемъ всего изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ въ двухъ находятся больничные койки, а въ третьей — аптека. По словамъ медика, въ каждой изъ этихъ комнатъ съ трудомъ можно поставить три кровати, тогда какъ въ дѣйствительности стоять по пяти. Во всѣхъ трехъ комнатахъ при малѣйшемъ ненастии потолки даютъ значительную течь. Въ Ачинской больнице потолки также низки, комнаты тѣсны; въ послѣднихъ всегда стоитъ грязь, соръ, крайне тяжелый, испорченный воздухъ. Самая лучшая комната отведена подъ аптеку. Положеніе медицинской помощи на VI участкѣ Средне-Сибирской желѣзной дороги самъ старшій врачъ, проѣзжая черезъ г. Ачинскъ и VI участокъ 27-го юля 1894 г., нашелъ крайне неудовлетворительнымъ.

Н. Арефьевъ.

(Окончаніе смыслается).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Нижегородское торжище и гульбище. — Холера въ Волынской и Подольской губерніяхъ. — Разореніе Казани. — Вѣночъ старииковъ. — Выставка въ Вильнѣ. — Народная чтенія. — «Самарскій Вѣстникъ», о пьянствѣ на сельской площади. — Круговая порука безъ общины. — Безпорядки въ юрьевской тюрьмѣ. — Ученики и учебники. — Фельетонистъ «Одесского Листка» и корреспондентъ «Одесскихъ Новостей». — Философъ «Русскаго Слова». — «Прибалт. Листокъ» и «Новое Время». — Въ Саратовѣ бывать нѣмцевъ. — О врачахъ.

Вотъ второй годъ, что при открытии нижегородской ярмарки, я не находилъ свѣдѣній — въ какую сторону дули флаги и «лопотали-ли они весело» — что предвѣщаетъ хорошую распродажу. Но зато сдѣлалось извѣстно, что малоуспѣшность прошлогодней ярмарки зависѣла отъ лопотація не флаговъ, а языковъ и притомъ лопотанія не веселаго, но боязливаго и мрачнаго. Это было удостовѣрено официально въ рѣчи градоначальника, о которой теперь напомнилъ корреспондентъ «Русск. Вѣдомостей». Были, по выражению ген. Баранова, «секретныя болтовни, удобныя на почвѣ разъединенного общества». О чѣмъ-же была секретная болтовня? О холерѣ. Хотя это былъ уже третій въ ряду холерный

годъ и заболѣло почти вдвое менѣе людей, чѣмъ въ первомъ году, но паника была на этотъ разъ гораздо сильнѣе. Купцы побросали дѣла, вслѣдствіе того, что—по словамъ ген. Баранова,—«безконтрольное шушуканье сравнительно не сильную холеру раздуло до необыкновенныхъ размѣровъ». Впрочемъ, корреспондентъ объясняетъ прошлогоднюю «секретную болтовню и безконтрольное шушуканье» не разъединенностью общества, но тѣмъ обстоятельствомъ, что эпидемія появилась уже 20-го юля, то есть черезъ пять дней послѣ лопотанія флаговъ, а первое официальное извѣщеніе о ней вышло только 7 августа.

Холера, какъ оказывалось по крайней мѣрѣ изъ двухъ послѣднихъ эпидемій, держится обыкновенно три года въ области, где она появилась, несмотря на всѣ санитарныя мѣры, а на четвертый исчезаетъ. Но исключение представляютъ на этотъ разъ Подольская и Волынская губерніи. Тамъ съ нею происходитъ что-то необыкновенное. Эпидемія появилась въ обѣихъ тѣхъ губерніяхъ въ 1892 году, какъ почти во всей Россіи. Но затѣмъ въ Подольской губерніи она не прекращалась зимой, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а держалась постоянно, съ высокими цифрами смертности. Однако, нынѣшней зимой она вдругъ, какъ-то, повидимому, сразу, прекратилась. Извѣстія о холерѣ въ Подольской губерніи перестали выходить, но за то появились свѣдѣнія о весьма значительномъ развитіи холеры въсосѣдней—Волынской губерніи. По свѣдѣніямъ житомирской газеты «Волынь», въ первую половину августа заболѣло 4 т. чел., и врачебная помощь населенію должна быть признана достаточна. Но «Кievлянинъ», на основаніи данныхъ волынского врачебного отдѣленія, утверждалъ, что съ 6 по 19 августа заболѣли 5.849 и умерли 2.134 чел. и что принятіе предупредительныхъ мѣръ должно быть признано далеко недостаточнымъ. Какъ-бы то ни было, но любопытнѣй фактъ, что въ августѣ стали опять появляться официальные извѣстія и о холерѣ въ Подольской губерніи, впрочемъ съ небольшими цифрами. Трудно объяснить себѣ такое своеобразное поведеніе холеры въ этой послѣдней губерніи, совсѣмъ не похожее на ея ходъ въ другихъ областяхъ.

Возвратимся однако къ нижегородской ярмаркѣ. Прошлогодняя паника, неосновательная и порожденная просто «безконтрольнымъ шушуканіемъ» такъ, однако, подействовала на московскихъ купцовъ, что они и нынче не слишкомъ торопились на ярмарку. Правда, по официальнымъ извѣстіямъ, въ Нижнемъ все обстояло благополучно. Но замосковорѣцкій купецъ долго не трогался: «Пименычъ-то вѣдь въ прошломъ году померъ, когда извѣстій о холерѣ еще не было. Такъ сердечный и въ статистику не попадъ». Занимали москвики лавки на ярмаркѣ и высыпали приказчиковъ, а сами выжидали. Наконецъ, когда приказчики донесли хозяевамъ, что и слуховъ нѣть, тронулись «сами». И по дѣламъ нужно было, да и гульнуть сильно хотѣлось. Такимъ образомъ уже только въ половинѣ августа ярмарка, по словамъ корреспондента «Р. В.», «стала

какъ-то судорожно быстро наполняться и оживать... Газеты то и дѣло отмѣчали гуловыя ночи, когда полиція сбивалась съ ногъ, не успѣвая справляться съ протоколами, и ярмарочные гауптвахты переполнялись временными гостями... Ярмарка стала бѣшено веселой; среди гостей гауптвахты попадались люди съ десятками тысячъ рублей въ карманѣ... О тысячныхъ крюшонахъ и попыткѣ купанія пѣвицъ въ лохани, наполненной шампанскимъ, я уже сообщалъ»...

Въ одинъ день, 20 августа, по разсказу «Астраханскаго Вѣстника», въ самой ярмаркѣ задержано было 39 лицъ за пьянство и скандалы. Въ числѣ ихъ находился загулявшій 79-ти лѣтній почетный гражданинъ Б. (въ газетѣ фамилія выписана полностью).—Ваше званіе?—Я въ настоящее время житель Заблицкаго погоста, но недавно я былъ болгарскимъ княземъ.—Какъ такъ?—Служилъ я одновременно во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, женился, имѣлъ два десятка тысячъ дѣтей и за это былъ сосланъ въ Болгарию, где выбрали меня княземъ». Этотъ почетный гражданинъ не имѣлъ уже ни денегъ, ни паспорта, такъ что его отправили «по этапу». Другой случай, разсказанный тамъ-же. Московскій купецъ Г. (всѣ вообще фамиліи прописаны цѣликомъ) приѣхалъ на ярмарку съ женой и пропалъ, имѣя при себѣ 24 т. рублей. Жена заявила о пропажѣ мужа полиціи. Оказалось, что Г. наканунѣ отправился съ какой-то женщиной въ одно ярмарочное заведеніе и, занявъ комнату, написалъ «до безчувствія», при чёмъ сбросилъ съ себя на полъ жилетъ, въ которомъ были пачки серій и сторублевыхъ бумажекъ. Увидавъ такое количество денегъ, женщина испугалась и, когда Г. проснулся, передала ему жилетъ, а узнавъ, где онъ остановился, поѣхала къ его женѣ. Обѣ опѣ прибыли вмѣстѣ въ заведеніе, но не нашли тамъ Г. Онъ прощаился въ какой-то трактирѣ и уже тамъ былъ отысканъ полиціею. Первымъ его дѣломъ было заявить о покражѣ у него 900 рублей, съ обвиненіемъ женщины, которая была съ нимъ. У нея былъ произведенъ обыскъ и найдены были 100 р. Но такъ какъ оказалось, что у нея всегда были деньги и еще до встрѣчи съ Г. она купила себѣ какой-то предметъ одежды за 100 р., то не было повода подозревать, что и найденные у нея деньги—краденія. По всей вѣроятности, Г. самъ прокутилъ или разбросалъ сотни рублей; онъ и отказался отъ обвиненія женщины, которая въ дѣйствительности спасла его отъ ограбленія, такъ какъ вся остальная сумма оказалась при немъ.

«Волгарь» повѣствовалъ о появлѣніи въ полиціи ярмарочной пѣвицы С., бывшей воспитанницы Смольного монастыря, «дочери богатой барской семьи». Нужда заставила ее пойти въ хоръ, пѣвшій въ трактире. Ужасная обстановка, отвратительная пьяная публика, бессонныя ночи, все это побудило С. выйти изъ хора. Когда-то она пѣла на зарубинчихъ театрахъ въ оперѣ, а теперь пѣла въ нижегородскомъ трактире, аккомпанировала на фортепиано арфисткамъ, переписывала ноты: нужда была. Наконецъ ей отказали и выдали столько, что не хватило

на дорогу. Она и просила обязать хозяина, отказавшаго ей уплатить за все время ярмарки, такъ, чтобы она могла выѣхать. Не знаю, сдѣлала-ли нижегородская полиція это благое распоряженіе. Но если только хотѣла, то могла рѣшить дѣло гражданское, такъ какъ она рѣшала безъ дальнихъ проволочекъ дѣла уголовныя. Приведу изъ «Астры. В.» два примѣра, называя и фамилии. Крестьянинъ Лосевъ обвинялся въ «нарушениіи обязательныхъ постановленій, выразившееся въ неоднократныхъ со стороны Лосева буйствахъ и дракахъ». Если-бы Лосевъ нарушаъ только общіе законы, воспрещающіе буйство и драку, тогда онъ, по всей вѣроятности, былъ-бы привлеченъ къ суду, на основаніи общихъ же законовъ. Но Лосевъ сдѣлалъ хуже—онъ нарушилъ обязательныя постановленія, которыя запрещаютъ буйство и драки, въ подкрайненіе законамъ. А потому, онъ былъ распорядительнымъ порядкомъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца. Точно такъ нарвскій гражданинъ Рунъ за приставаніе къ женщинамъ и дерзости былъ распорядительно подвергнутъ аресту на семь дней. Наконецъ, изъ «Нижегор. Листка» вижу, что къ аресту на мѣсяцъ тѣмъ-же порядкомъ приговорены два актера. Полиція въ Нижнемъ «сблась съ ногъ», какъ писалъ корреспондентъ «Р. В.». Торговцы бѣгали, суетились, наживались, пропадали, разыскивались, пѣвицы иѣли по 10 часовъ въ сутки. Одни только счастливцы проводили ярмарочное время въ безметежной праздности—то были мировые суды. Имъ, очевидно, нечего было дѣлать.

Не вѣрю я тому нижегородскому пессимизму, который изъ году въ годъ твердитъ, что значеніе макарьевскаго торжища постепенно падаетъ. Вѣдь торжище это есть вмѣстѣ всероссійское гульбище. Какъ-же можетъ уменьшиться его значеніе, когда элементъ гульбы несколько не ослабѣваетъ по городамъ и въ обычное, мирное, такъ сказать, время. Особое «значеніе» и огромная притягательная спа макарьевской ярмарки въ томъ и состоить, что она представляетъ собой, выражаясь по военному, «мобилизацію и концентрацію» всероссійской гульбы и безобразій. Это концентрированное гульбище относится къ единично-городскому, какъ ванна, наполненная шампанскимъ для купанья пѣвицъ, относится къ скромной бутылкѣ того-же напитка, выпитой коммерсантами любителями музыки—въ фортепіано. Да, всероссійское торжище и гульбище долго еще будетъ процвѣтать. Въ будущемъ году и всѣ пязычные искусства явятся туда на выставку для того, чтобы удвоить продолжительность макарьевскаго безобразія. Совершенно такъ, какъ та смолянка, опѣрная пѣвица и «дочь барской семьи», являлась въ трактирномъ хорѣ на постѣху пропадавшихъ безъ вѣсти и счастливо разысканныхъ полиціею купцовъ, спокойно ночевавшихъ затѣмъ на гаултвахѣ съ десятками тысячъ рублей въ карманѣ... Какъ имъ было не благодарить полицію за попечительность? Вотъ только безконтрольное шушуканье въ прошломъ году нѣсколько подгадило. А если-бы и шушуканье взять подъ контроль, тогда гуляй душа на ярмаркѣ окончательно, нечего будетъ и опасаться.

Впрочемъ, это—довольно общая провинціальная черта — плакаться, что дѣла идутъ все хуже, предсказывать всякия бѣды. Такъ въ настоящее время плачется Казань на предстоящую ей горькую судьбу, вслѣдствіе проведенія сибирской желѣзной дороги—не черезъ Казань, а черезъ Самару и постройки желѣзнодорожныхъ линій Вологда-Котлассъ и Пермь-Вятка-Котлассъ. Въ «Волжскомъ Вѣстнике» изложено содержаніе записки по этому предмету, составленной городскимъ головой г. Дьяченко и другими представителями интересовъ города. Записка представляется министру путей сообщенія. Она столь трогательно описываетъ судьбу города, что такъ и напрашивается для просящаго города на название «казанская спрота». Направленіе сибирского пути черезъ Самару «окончательно подорвало» торговое промышленное значеніе Казани и всего края. Уже 30 лѣтъ Казань бѣдствуетъ оттого, что въ остальной Россіи есть желѣзнодорожная сѣть, а Казань не соединена съ нею. Правда, два года тому она уже соединена желѣзной дорогой съ Москвой, имѣя притомъ такой путь, какъ Волга. Но на желѣзной дорогѣ нѣть моста черезъ Волгу, а перегрузка дорога; сама-же Волга все больше мѣлѣеть и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Теперь на съверъ пойдетъ сибирскій хлѣбъ помимо Казани, да еще строится соединеніе Пермь-Вятка-Котлассъ, при которомъ и мануфактурные товары пойдутъ въ Вятскую губернію изъ другихъ мѣсть, а въ казанскомъ краѣ некуда будетъ сбывать 10 милл. пудовъ хлѣба; заводы и фабрики существовать будутъ не въ состояніи, кустарная, ремесленная и мануфактурная промышленность падутъ, наконецъ, крестьяне лишатся заработка отъ извознаго промысла.

Однимъ словомъ—такія горькія жалобы, какъ если-бы Казань имѣла выстроенные ѿна на свой счетъ желѣзныя дороги въ Сибирь, Архангельскъ, Москву и Петербургъ, а теперь поnimъ вдругъ велѣно было бы прекратить движеніе. Но у насъ проведеніе каждой желѣзнодорожной линіи вызываетъ жалобы другихъ областей. У Казани есть Волга и желѣзная дорога въ Москву; нѣть на этой дорогѣ моста, ну и просить бы о мостѣ; да и самой Казани можно бы построить этотъ мостъ, если отсутствіе его ее разоряетъ. Нѣть, непремѣнно — на казенный счетъ и непремѣнно надо просить, какъ можно больше ходатайствовать и просить сразу о соединеніи Казани съ вновь строящеюся дорогой между Пермью и Вяткой, о постройкѣ моста на Волгѣ и еще о соединеніи города съ Волгой посредствомъ бухты. Какъ только построятся упомянутое соединеніе, все будетъ спасено: «Казань не лишится своихъ торговыхъ связей съ съверовостокомъ и сохранить за собой роль центра для ближайшихъ губерній и однимъ словомъ сохранить возможность экономически существовать». Итакъ, для спасенія экономической будущности цѣлаго казанскаго края, нужна дорога-то всего въ 250 верстъ. Строить ее—дешево при дешевизнѣ рабочихъ рукъ, обилии лѣса, камня и другихъ матерьяловъ. А выгодность

этой дороги несомнѣнна, «такъ какъ она пройдетъ черезъ самыя плодородныя мѣстности Вятской губерніи и явится надежнѣйшимъ путемъ для торговыхъ сношеній съ районами рѣкъ Волги и Вятки».

Но если дорога не велика, если постройкой ея можно спасти цѣлый край, если обойдется она дешево и обѣщасть быть выгодной—то постройте-же ее сами. Ну, знаете, всетаки 9 миллионовъ; да притомъ это вѣдь такъ говорится въ ходатайствѣ. А пріѣдутъ инженеры, сдѣлаютъ промѣръ, и составятъ смету въ 12 милл., а выстроить, и окажется, что она обошлась въ 18 миллионовъ. Да и девять-то миллионовъ откуда-же взять? Однако, такія-ли дороги строились въ Америкѣ на частныя средства? Отъ океана до океана, да еще нѣсколько путей. Пусть-бы, если дорога такъ необходима и выгодна, соединились земства обѣихъ губерній, общества обоихъ губернскихъ городовъ, уговорили одного богатаго купчина и другого, чтобы вошли въ дѣло съ земствами, просили-бы разрешенія выпустить заемъ.—Нѣтъ, куда-же! То—Америка, А у насъ, если-бы и возможно было собрать нѣсколько миллионовъ, то съ какой-же стати мы бы ихъ затрачивали, когда вездѣ въ другихъ мѣстахъ строить казна на свой счетъ, или даетъ гарантію и субсидія концессіонерамъ? И когда еще намъ разрѣшать, а если деньги и будуть наши, то вѣдь стропть-то намъ велять по ихнему, не такъ какъ для насъ выгоднѣе, а какъ того требуютъ единообразіе правилъ и благообразіе станціонныхъ зданій; предпишутъ все до мелочей, даже какой краской красить вагоны и какого цвета должна быть тулья на фуражкѣ у помощниковъ начальниковъ станцій. Ну, не можете собрать 9 милл. на дорогу въ 250 верстъ, такъ зачѣмъ вы въ томъ-же ходатайствѣ просите еще у казны 17 т. р. на замощеніе кирпической дамбы и сверхъ того—сооруженія двухъ подъѣздныхъ путей отъ Малмыжа и Кротовки? Вѣдь ужъ 17-то тысячъ можете собрать?—Да такъ, видите, просимъ; ужъ просятъ, такъ просятъ; мало-то просятъ, такъ вѣдь все равно урѣжутъ. Я долженъ прибавить, что это не подслушанные мною отвѣты казенныхъ городскихъ дѣятелей, а предположенные мной самимъ, по знанію родныхъ условій и взглядовъ.

Не выходя изъ Казани, перейду къ сооруженію пнного рода. Въ Казани происходило 30 августа открытие памятника Императору Александру II. Памятникъ построентъ по проекту академика Шервуда. Въ рѣчахъ при открытиї, въ газетныхъ статьяхъ по этому поводу, въ самомъ характерѣ торжества, какъ и въ надписи на памятникѣ, преобладало воспоминанія о великому дѣлѣ освобожденія крестьянъ. «Изъ многочисленныхъ вѣнковъ, писалъ корреспондентъ «Ижегородскаго Листка»— обращаясь на себя вниманіе принесенный дряхлыми стариками крестьянами вѣнокъ изъ колосьевъ ржи и овса, безъ всякой надписи, безъ ленты, еле поддерживаемый старцами». Прекрасная мысль. Старики, которымъ въ 1861 году было болѣе 40 лѣтъ, которые въ тотъ моментъ радовались не за себя только, но и за своихъ дѣтей, принесли къ памятнику освобожденія не цветы съ лентой и придуманной надписью, но—колосья

хлѣба посѣяннаго и собраннаго свободными руками. Въ день открытия памятника раздавались бесплатныя обѣды бѣднымъ, были народныя чтенія, конечно, музыка и иллюминація на площади, и обѣдъ въ городской думѣ, за которымъ, по словамъ «Казанскаго Телеграфа», «приглашенные весело провели время почти до 3 часовъ ночи». Памятникъ сдѣланъ исключительно на средства, доставленныя подпискою, которая была открыта въ Казанской губерніи. Самая мысль о постановкѣ памятника и все исполненіе ея принадлежало городскому управлению. Итакъ, городское управление у насъ все-таки можетъ сдѣлать нечто, только далѣе оно еще не пошло.

Когда-то еще начинуть свои поощрительныя дѣйствія мѣстные органы вѣдомства сельского хозяйства... Пока, въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ существуютъ уже зачатки организаций для улучшения орудій и сѣмянъ. А въ губерніяхъ, не имѣющихъ земства, не существуетъ ничего по этой части, за исключеніемъ областныхъ сельско-хозяйственныхъ и кустарно-промышленныхъ выставокъ. Онѣ несомнѣнно полезны, хотя польза ихъ и скромная. На нихъ съезжаются люди изъ нѣсколькихъ губерній, крестьяне,—конечно состоятельный—имѣютъ случай ознакомиться съ недорогими землемѣрческими орудіями, кустари впдѣть, какъ работаются въ другихъ мѣстахъ тѣ-же пѣдѣлія. наконецъ, кое-что и продается тутъ же, такъ-что выставки имѣютъ и нѣкоторое торговое значеніе, но не для массъ. Такая очередная выставка открылась въ прошломъ мѣсяцѣ въ Вильнѣ. Предшествующая выставка была въ 1892 году, нынѣшняя выставка—седьмая и, какъ пишутъ, она значительнѣе предшествующей. Помнится, въ Вильнѣ были двѣ-три этажа выставки къ ряду ежегодно; но нашлись бдительныя газеты и вотъ нынѣшняя выставка уже на третій годъ. Бдительные голоса имѣютъ особенную звонкость и всегда слышны, какъ свистки раздающіеся среди уличнаго шума.

Поощреніе экспонентамъ на областныхъ выставкахъ весьма скромное. Такъ, въ данномъ случаѣ назначены: отъ министерства землемѣрія, для крестьянъ за лошадей и скотъ—1 молотплка, 1 вѣялка, 6 плуговъ. 1 серебряная медаль, 1 бронзовая и деньгами 100 рублей («Виленскій Вѣстникъ»); затѣмъ, отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, обществъ птицеводства и покровительства животнымъ—медали и похвальные листы. Много медалей отъ мѣстнаго скакового общества, въ томъ числѣ 7 золотыхъ. Сельско-хозяйственная выставка устраивается въ Вильнѣ въ самомъ центрѣ города и вносить нѣкоторое наружное оживленіе въ таможню мертвую жизнь, если можно такъ выразиться. Наполѣе примѣчательно на этихъ выставкахъ, что крестьяне приводятъ иногда прекрасныхъ лошадей и продаютъ ихъ сравнительно дешево. Хороши такъ-же крестьянскія самодѣльныя сунки. Изъ мѣстной газеты узнаю, что теперь уже окончательно выбрано мѣсто для постановки памятника графу Муравьеву—въ скверѣ передъ генераль-губернаторскимъ домомъ. Съ сооруженіемъ этого памятника произошла нѣкоторая проволочка, вслѣдствіе

недочета въ собранныхъ деньгахъ. Да, сказать правду, позволительно еще спросить: необходи́мъ ли въ самомъ дѣлѣ памятникъ Муравьеву въ Вильнѣ? Развѣ поставленъ въ Новгородѣ памятникъ Аракчееву, усмирившему бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ? Достаточно уже того, что при Никольскомъ соборѣ въ Вильнѣ, на главной улицѣ, построена въ память Муравьева богатая часовня. Воспоминанія о мятежахъ и усмирениихъ слѣдуетъ сглаживать, а не увѣковѣчивать. Правда, деньги собраны; но имъ-бы можно дать благотворительное назначение—въ Вильнѣ страшная нищета, или обратить ихъ на стипендию въ мѣстныхъ училищахъ. И навѣрно, всѣ давшіе эти болѣе или менѣе доброхотныя приношенія были-бы довольны обращеніемъ ихъ на цѣль реальной пользы.

Введеніе казенної питейной монополіи вызвало, какъ будто неожи-данно для всѣхъ, явленіе, которое легко было предвидѣть: исchezъ въ селеніи кабакъ, какъ мѣсто для времяпрепровожденія, а другого такого мѣста нѣтъ. Правда, попечительства трезвости, которымъ сами только возникаютъ, устраиваютъ чайныя. Но когда-то ихъ устроили по всѣмъ деревнямъ... Газеты указываютъ на необходимость создавать въ деревняхъ сборные пункты для невиннаго времяпрепровожденія: читальни, чтенія съ туманными картинами. Но это дѣло надо сперва облегчить. Пусть-бы имъ могъ заняться всякъ, кто пожелаетъ. Вѣдь присмотрѣ-же будетъ—дѣло на глазахъ всѣхъ, стало быть, на что-бы тутъ представлять программы и т. д.? А при порядкѣ предварительного просмотра и одобренія, вездѣ-ли могутъ найтись люди, готовые на хлопоты? Да вотъ газета «Кievское Слово» недавно рассказала о случайнѣ, бывшемъ въ Кролевецкомъ уѣзде. Мѣстный священникъ завелъ для крестьянъ воскрес-нья чтенія съ фонаремъ, и народа стало собираться много. Но это не понравилось землевладѣльцу, возгѣ усадьбы котораго устроился такою сборный пунктъ для невиннаго времяпрепровожденія. Онъ обвинилъ свя-щенника въ развращеніи народа и тотчасъ былъ посланъ для дознанія завѣдующій городскимъ училищемъ. Тотъ уѣдился, что ничего дурного не происходило. Но если такой случай можетъ быть съ мѣстнымъ свя-щенникомъ, то какъ-же взяться за такое дѣло самовольно учителю, а тѣмъ болѣе кому-либо изъ грамотныхъ крестьянѣ? Ожидать-же, что въ каждомъ селеніи поучительный сборный пунктъ будетъ устроенъ изъ уѣзда, земствомъ или кѣмъ-бы то ни было, едва-ли возможно.

На упраздненіе распивочнаго кабака взглянуль еще съ иной стороны «Самарскій Вѣстникъ». Газета находитъ, что распиваніе на улицѣ «по-судинѣ», купленной въ казенної лавкѣ, «вредно отражается на населеніи и дѣйствуетъ на непьющихъ заразительнымъ образомъ». Прежде пили въ кабакѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ посѣтителей, и «безобразія» оставались въ кабакѣ, рѣдко выходя на улицу. «Въ настоящее-же время, въ базарные дни, крестьяне производятъ выпивки открыто на базарной площади, при всѣхъ находящихся тамъ, въ присутствіи своихъ женъ, дочерей, сыновей и другихъ семейныхъ». Были и другіе отзывы о вредѣ

распивать на улицѣ. «Новое Время», обсуждая вопросъ о томъ пустомъ мѣстѣ въ деревнѣ, какое оставилъ послѣ себя кабакъ, признаетъ, что чайная не можетъ замѣнить его, а нужно такое заведеніе, гдѣ крестьяне пили-бы водку, но «умѣренно». Газета «Волынь», по поводу распитки на улицѣ, говоритъ: «очевидно, для крестьянна нужна не винная лавка, гдѣ продается водка на выносъ, и не кабакъ, гдѣ водку приходилось пить голымъ, а — трактиръ». Вѣроятно, тоже самое хотѣло сказать и «Новое Время», такъ какъ иначе трудно понять, какое это заведеніе, гдѣ пить «умѣренно»?

Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, вокругъ котораго мы толчемся тридцать лѣтъ и, такъ сказать, перетягиваемся, какъ дѣти за палку, при чемъ «то сей, то оный на бокъ гнется». Сперва думали подѣйствовать на сельскую публику «честью», «добромъ». Тридцать лѣтъ тому назадъ, водка вышла дешевенькая, патентовъ на продажу раздавали сколько угодно, видя въ томъ прямой интересъ казны. Кушайте, моль, на здоровье, православные; пусть вамъ водка—недорогая, пусть она вамъ не въ рѣдкость, не диковина какая, отъ которой разъ дорвавшись трудно отстать. Ошибетесь разъ, другой — ничего, попривыкнете и потомъ сами ужъ сумѣете раціонально соразмѣрить потребленіе, какъ съ потребностью вашего организма, такъ равно и съ интересомъ, въ данномъ случаѣ, государственного казначейства.

Ожиданіе это, повидимому, не оправдалось. такъ какъ лѣтъ черезъ десять послѣ того вопросъ былъ подвергнутъ новому, всестороннему обсужденію и переработкѣ. Было признано необходиимымъ всемѣрно стремиться къ уменьшенію числа питейныхъ заведеній, по такому соображенію, что каждый лишній кабакъ составляетъ лишній соблазнъ. Начали уменьшать, а въ Петербургѣ даже опредѣлили небольшое число питейныхъ домовъ и стали ихъ отдавать съ торговъ за большія деньги. Однако, и послѣ того въ Петербургѣ или исколько не менѣе прежняго. Что значить для желающаго выпить—пройти лишнихъ полверсты, а хотя-бы и версту? А сверхъ того, вѣдь только первые два шкалика обидно переплатить, а тамъ, когда расширилась душа, то можно пить и въ трактирахъ, которыхъ имѣется три въ одномъ переулкѣ.

Тѣмъ не менѣе, законодательство пошло и далѣе по пути ограниченія числа кабаковъ, распространило установление опредѣленного для нихъ числа—на большую часть государства, что въ слѣдующемъ-же году повело за собой сокращеніе числа сельскихъ кабаковъ на цѣлыхъ двѣ трети. И что-же? Должно быть не стало лучше, коль скоро нынѣ предпринято совершенное упраздненіе кабаковъ, съ замѣною ихъ винными лавками, съ приказчиками, при назначеніи которыхъ отдается предпочтеніе лицамъ съ университетскимъ образованіемъ.

Еще только въ какомъ-нибудь десяткѣ губерній введено это преобразованіе, а уже газеты говорятъ, что не надо винной лавки, а одной чайной мало; необходимъ сборный пунктъ съ распитіемъ «умѣреннымъ»,

нуженъ—трактиръ. Но что значить название? Трактиръ, отличающійся отъ кабака тѣмъ, что въ немъ подаютъ кушанье, это будетъ западная корчма; а корчма—тотъ-же кабакъ. Развѣ крестьянинъ въ своей деревни станетъ Ѣсть въ трактире? Вотъ, въ Петербургѣ—множество «ренеско-выхъ погребовъ». Но за исключеніемъ какихъ-нибудь десятковъ, принадлежащихъ известнымъ виноторговцамъ, всѣ остальные—просто штофныя лавочки. Такъ будетъ и съ сельскими трактирами. Почему полагать, что если написано «трактиръ», то тамъ будутъ пить «умѣренно»? Съ другой стороны, сказаніе, что нынѣ, съ упраздненіемъ кабака, пьянство переходитъ на улицу и на базарную площадь и происходитъ на виду у семейныхъ, на мой взглядъ не составляетъ возраженія противъ основной мысли нынѣшней реформы. Вѣдь ея цѣль и состоитъ въ томъ, чтобы пили прямо въ семье, именно на глазахъ жены, дочерей и проч. Если же пока пьютъ только на улицѣ, то это еще полдороги осталось до достижения предположенной цѣли.

Читатель можетъ спросить, какое-же мое-то мнѣніе? Не только никакого опредѣленного предположенія у меня нѣть, но я даже противъ всякихъ предположеній. Нельзя исправить людей посредствомъ ограничений. Пока не исправятся—они сумѣютъ обойти всякія ограниченія, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ «душа просить». Что тутъ подѣлаешь? Вѣдь въ тюрьмахъ пьютъ—на что ужъ, казалось-бы, ограниченное состояніе; а пьютъ. Когда-же исправятся, то ограничений и не нужно. Виро-чемъ, собственно насчетъ питья въ семье—приведу мнѣніе не свое, а одного моего знакомаго, почтенаго крестьянина въ большомъ селѣ Петербургской губерніи. Мужикъ былъ обстоятельный, держаль четырехъ лошадей, два женатыхъ сына жили при немъ, хозяйство было большое. но никакой торговли онъ не велъ, былъ только землемѣльцемъ. Со старухой своей былъ ласковъ, человѣкъ умный и всеми уважаемый. Никогда я его не видѣлъ пьянымъ. Но каждый день, въ началѣ восьмого часа вечеромъ, его можно было встрѣтить на улицѣ и онъ непремѣнно усмѣхнется.—Куда, это вы, Никифоръ Алексѣевичъ?—спрашивалъ я вначалѣ.—Все туда-же, къ мировому.—И покажетъ рукой, гдѣ питейное заведеніе. Если пройдетъ полчаса и онъ еще не возвратился, смотришь, старуха его медленно бредеть въ ту-же сторону и возвращается вмѣстѣ; она пною разъ и пошутить:—Пригнала старушка-то ко двору. —Вотъ я разъ и спросилъ:—Что вамъ, Никифоръ Алексѣевичъ, за охота каждый день туда ходить? Вѣдь вы всего шкаликъ пьете, такъ держали-бы дома. —Намъ это невозможно, у себя намъ держать нельзя,—сказалъ онъ съ убѣженіемъ. Миѣ неловко было спросить—почему? А вслѣдствіе того я такъ и доселѣ не знаю.

Во время голодовки 1891 и 1892 годовъ продовольственные ссуды выдавались крестьянамъ за круговой порукой не только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, но и въ тѣхъ, гдѣ владѣніе подворное. Впослѣдствіе въ быть подворно-землемѣльческій чуждаго

ему начала обѣ отвѣтственности всѣхъ за каждого должно было вызвать любопытное явленіе. Приведу примѣръ по корреспонденціи «Жизни и Искусства» изъ Уманского уѣзда. Крестьяне м. Шаулихъ просили въ 1892 г. ссуды хлѣбомъ и она была разрѣшена имъ на сумму 3,900 р., но подъ условіемъ круговой поруки въ возвратѣ. Быть голодъ и крестьяне, конечно, соглашались на всякія условія. Но уже когда пришлось дѣлить хлѣбъ, возникли недоразумѣнія. Въ Шаулихъ, какъ и во всякомъ крестьянскомъ обществѣ, есть хозяева «надежные», сомнительные и совсѣмъ «ненадежные», которые любятъ «казаковать», то-есть гулять. «Надежные и рѣшили — «ненадежныи» ссуды вовсе не выдавать, такъ какъ за нихъ, очевидно, пришлось бы платить другимъ. Но начальство заставило раздѣлить ссуду на всѣхъ членовъ общества. Домохозяевъ—304 и изъ нихъ только 8 не нуждались въ ссудѣ, а въ порукѣ пришлось участвовать и имъ. Ссуда была разсрочена на 3 года. Прошло осенью наступилъ первый срокъ уплаты. Надежные припасли деньги, а ненадежные спѣли въ шинкѣ и пѣли: «гей, гей, доле моя, дѣ-жъ ты водою заплыла!» — «Давайте грѣши, — говорять имъ на сходѣ. А они: «Нема, ей-же Богу, нема; якъ-бы були, мы-бъ виддали». — «Въ канцуръ ихъ!» — Сажали ненадежныхъ въ карцеръ. А «заключенные медлительно доставали свои кисти, набивали люльки и сосредоточенно закуривали».

Общины нѣтъ, сходъ не имѣть права обратить неписправимыхъ на какую-либо работу, а карцеръ не дѣйствуетъ. Тогда рѣшили сдать въ аренду двѣ принадлежащи обществу хорошия мельницы и арендными деньгами пополнить всю ссуду. Мельницы эти давали 2,000 р. доходу въ годъ, но арендаторъ, разумѣется, воспользовался положеніемъ крестьянъ и снялъ обѣ мельницы за 3,000 рублей всего на 18 лѣтъ. Но противъ этого заспорили тѣ крестьяне, которые вовсе ссуды не брали, а теперь за возвращеніе ея лишились своей доли въ доходѣ съ мельницъ. Ихъ удовлетворили, однако, выдавъ каждому по 10 рублей. «Думается, — заключаетъ корреспондентъ, — что къ круговой поруки слѣдовало-бы прибѣгать съ болѣшею осторожностью; существованіе ея обусловливается существованіемъ общины, какъ цѣльнаго общественнаго организма». Конечно, обидно было отдать за 3,000 р. мельницы, которыхъ 18 лѣтъ могли принести 36,000 рублей дохода. Но почему-же «надежные» не предпочли уплатить сами всей ссуды или хотя-бы половины ея, съ возвратомъ имъ въ 1 $\frac{1}{2}$ года изъ доходовъ съ мельницы? Едвѣ-ли «ненадежные» воспротивились-бы этому, такъ какъ они теперь болѣше потеряютъ на доляхъ въ прежнихъ доходахъ отъ мельницъ. Конечно, нельзя судить, не зная точно обстоятельствъ дѣла. Но можно объяснить себѣ столь очевидно-невыгодную сделку — тѣмъ преувеличеннымъ инстинктомъ индивидуализма, который развивается владѣніемъ подворнымъ: пусть лучше пропадаютъ 30,000 рублей денегъ общественныхъ, чѣмъ надежнымъ хозяевамъ платить изъ своихъ денегъ полтора года за ненадежныхъ. Но какъ-же было выдать ссуду иначе, чѣмъ подъ общую поруку? Или ненадежныхъ въ

самомъ дѣлѣ можно было оставить безъ хлѣба? Такъ-ли, сякъ-ли, все-таки всѣ прожили голодный годъ, а теперь «надежные» сами виноваты, что упустили изъ руки мельницы.

Вставлю опять нѣсколько словъ о той несоразмѣрности кары за разные виды преступлений и проступковъ, какая у насъ нерѣдко проявляется и побуждаетъ желать, чтобы пересмотръ уложенія о наказаніяхъ довершился скорѣе. Въ «Рижскомъ Вѣстнику» подробно изложено рассматривавшееся въ Юрьевскомъ (дерптскомъ) окружномъ судѣ въ августѣ дѣло о беспорядкахъ въ тамошней тюрьмѣ. Въ прошломъ январѣ арестантамъ было объявлено, что вслѣдствіе распоряженія высшаго тюремнаго управлѣнія суточное ихъ довольствіе будетъ уменьшено на 2 коп. на человѣка. Это объявленіе вызвало среди заключенныхъ неудовольствіе. «Нѣкоторые изъ нихъ,—сообщаетъ газета,—высказывали предположеніе, что уменьшеніе порціоннаго содержанія непремѣнно вызоветъ и ухудшеніе качества пищи; другіе обвиняли Любимова (директора) въ неправильности его распоряженій». Арестанты, очевидно, не довѣряли. Это доказывалось и тѣмъ соображеніемъ, какимъ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствовали на своихъ товарищахъ, а именно, что жаловаться на новое распоряженіе «значило-бы только бумагу марать» и что «добиться прежнихъ порядковъ можно только путемъ беспорядковъ». Такой нелѣпый расчетъ не можетъ быть объясненъ и неразвитостью арестантовъ, развѣ именно допустилъ, что распоряженіе они дѣйствительно считали неправильнымъ и думали, что только вслѣдствіе беспорядковъ оно можетъ сдѣлаться известнымъ высшему управлѣнію, а затѣмъ, будетъ отмѣнено. Безпорядки и произошли: арестанты ломали мебель, двери, били фонари, окна и т. д., побили и нѣсколько человѣкъ изъ сторожей, такъ что пришлось вызвать военную команду. Но ни о какихъ ранахъ, ни о попыткахъ побѣга въ отчетѣ не упоминается. Между тѣмъ, судъ приговорилъ пятерыхъ къ каторжной работѣ на 8 лѣтъ и одного—на 4 года, а остальныхъ—къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія и содержанію въ тюрьмѣ на разные сроки. Но вѣдь когда люди совершаютъ преступленіе по соображенію прямо нелѣпому, то ясно, что дѣяніе, подлежащее карѣ, было вызвано недоразумѣніемъ. А недоразумѣніе, при нѣкоторой заботливости о томъ, всегда возможно устраниить. Ужъ эсты, кажется—народъ несклонный къ бунтамъ, а всѣ шестеро, приговоренные къ каторжной работѣ, именно—эсты.

Къ числу нашихъ сезонныхъ, періодически возвращающихся вопросовъ принадлежитъ и «вопросъ» о снабженіи учениковъ учебниками. Объ этомъ вопросѣ вновь упомянули нѣсколько газетъ. Снабдить гимназиста учебными пособіями для новаго класса стоять рублей 6—8. А у кого двое-трое дѣтей учащихся, тому это накладно. Конечно, старшій сынъ могъ-бы передавать свои учебники младшему брату. «Новости Дня» предлагали даже, чтобы такая передача учебниковъ ученикамъ старшаго класса—ихъ товарищамъ, смѣняющимъ ихъ на тѣхъ-же скамейкахъ, про-

пзводилась при посредствѣ самихъ училищъ, при чемъ книги, уже бывшія въ употребленіѣ, передавались-бы новымъ пріобрѣтателямъ по пониженной цѣнѣ. Но дѣло въ томъ, что слишкомъ часто мѣняются самыя руководства или изданія ихъ, такъ что прежняя уже негодятся и для младшихъ классовъ. Вотъ гдѣ была-бы, пожалуй, полезна и нѣкоторая регламентація. Новый учебникъ далеко не всегда лучше прежняго, а новые изданія сплошь-и-рядомъ, бывають просто перепечатками. По словамъ той-же газеты, букинисты придумали «фальсификацію» изданій учебниковъ. Весной они скупаютъ книжки у учениковъ, переходящихъ въ слѣдующій классъ, перемѣняютъ обложки съ означеніемъ на нихъ новаго изданія, и осенью сбываютъ купленные по ничтожной цѣнѣ—за двойную цѣну. Торговцы часто жалуются, что теперь во всемъ подозрѣвается фальсификація, и не любятъ это слово. А между тѣмъ, оно какъ-бы нарочно придумано въ ихъ интересѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что значить въ дѣйствительности продать полуbumажную вещь за шерстянную или брусиличное вино за виноградное? Это значить совершить мошенничество, украдь, за что полагаются разныя личныя кары, непремѣнно соединенные съ лишеніемъ «нѣкоторыхъ правъ» и даже «преимуществъ». А за «фальсификацію» назначается только денежный штрафъ, съ сохраненіемъ за личностью промышленника или торговца всего его достоинства и всѣхъ «преимуществъ».

Отъ сообщенныхъ газетами фактовъ перейду теперь къ самимъ газетамъ. Впрочемъ, вотъ еще фактъ, хотя и сомнительной достовѣрности. Фельетонистъ «Одесского Листка» пошутилъ надъ велосипедистами. Кстати, отчего не употребляется издавна существующее русское слово «самокатъ»? А юздающихъ на самокатахъ можно бы называть «самовозчиками». Предлагаю эту национальную идею «Московскимъ Вѣдомостямъ». Теперь тотъ же фельетонистъ сообщаетъ, будто одесскіе велосипедисты рѣшили никогда не упоминать его имени, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 рублей и что будто уже были случаи взысканія такихъ штрафовъ, съ обращеніемъ ихъ—на ужинъ. «По моему,—прибавляетъ авторъ,—для велосипедистовъ это даже слишкомъ умно». Въ послѣднее время для фельетонистовъ двухъ одесскихъ газетъ служилъ «матерьяломъ» извѣстный франкорусъ г. Мишель Берновъ, который въ августѣ и сентябрѣ совершалъ путешествіе «изъ Одессы пѣшкомъ въ Бессарабію» и подъ такимъ заглавіемъ печаталъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» подробныя реляціи о своихъ наблюденіяхъ, ощущеніяхъ, воспоминаніяхъ и даже мысляхъ. Въ письмахъ этихъ встрѣчаются курьезы, а иногда не встрѣчается и ровно ничего. Напр. путникъ подходитъ къ Бендерамъ и отмѣчаетъ: «къ Бендерамъ привыкло мое ухо съ ранняго дѣтства въ хрестоматіяхъ, по которымъ приходилось упражняться въ чтеніи по-французски; одна изъ первыхъ статей была озаглавлена «Charles XII à Bender». Настоящей франкорусъ даже и свѣдѣніе о географіи Россіи почерпалъ изъ французской хрестоматіи и этому я вполнѣ вѣрю, такъ

какъ г. Берновъ когда-то принадлежалъ къ тѣкъ называемому петербургскому «свѣту», конечно, задолго раньше открытия «Salon fran莽e-russe» въ Парижѣ. А въ «свѣтѣ» чуть-ли не большинство, въ прежнее время (не рѣшаюсь сказать — и доселѣ) учились географіи сперва по хрестоматіямъ, а впослѣдствіи уже практически — при завѣдываніи той или другой мѣстностью. Но г. Берновъ не попись или, лучше сказать, не дошелъ по этой дорогѣ и вотъ теперь ему и пришлось совершать путь пѣщкомъ изъ Одессы въ Бессарабію, для «Одесскихъ Новостей».

«Мое появленіе здѣсь — писать онъ о Бендерахъ — вызвало необыкновенную сенсацію, и мнѣ всѣ эти знакомства, выраженіе симпатій начинаютъ становиться въ тягость... О популярность, чортъ тебя побери! Я, не привыкшій важничать, волей-неволей, долженъ напустить на себя извѣстную неприступность... Человѣку съ мелочнымъ самолюбіемъ есть отъ чего просіять, какъ новый пятакъ, а философу усмѣхнуться. Бесѣдуя однажды съ Саррой Бернаръ, я сказалъ ей комплиментъ — слѣдуетъ разсказать о комплиментѣ и объ отвѣтѣ Сарры Бернаръ. И несомнѣнно, что онъ говорилъ съ этой актрисой, да и мало-ли съ кѣмъ, въ Парижѣ. Но вотъ теперь такой франкорусъ шагаетъ въ Бендеры, описываетъ пыль на дорогѣ, сообщаетъ, что гостиница Петербургъ — «изенькій домишко, на видъ напоминающій извѣстнаго рода институты... но въ петербургскомъ институтѣ въ спискѣ институтокъ имѣются только однѣ свиньи; эти милые животные весьма ловко отворяютъ двери и разгуливаютъ по коридору» и т. д. Впрочемъ, независимо отъ такихъ курьезовъ, «письма» эти, по степени содержательности и идеиности, право, ужъ не такъ далеко отстаютъ отъ большинства корреспонденцій, начинающихся словами: захолустье — небольшой городокъ, имѣющій всего 3 тысячи жителей, и контингентъ интеллигентовъ въ немъ не великъ».

Да и въ столичныхъ городахъ бываютъ статьи, значительно уступающие въ умственномъ отношеніи письмамъ франкорусса изъ Бессарабіи. Такова, напр., статья въ московскомъ «Русскомъ Словѣ» противъ дарвинизма и чрезмѣрныхъ притязаній науки вообще. «Съ легкой руки Дарвина, — пишетъ авторъ, — по свѣту Божьему пошла гулять теорія, будто человѣкъ сродни животнымъ... Дѣло вотъ въ чемъ: уроды-мыслители всегда были и будуть (единственное достоинство статьи и заключается въ томъ, что она сама подтверждаетъ эту истину); если ихъ не сажаютъ въ безумный (?) домъ, то, конечно, потому, что они — самый въ сущности безвредный народъ; что-жъ, хочется имъ быть скотами несмысленными — пусть ихъ считаютъ себя таковыми на здоровье!.. Онъ (т. е. уродъ-мыслитель) пишетъ такую книгу на премію общества, да еще не одного, а нѣсколькихъ обществъ, союза обществъ, члены коихъ, очевидно, жаждутъ чести быть братьями баранамъ и телятамъ. И премія присуждается автору, и онъувѣнчанъ... рогами барана или быка иносится съ этими рогами, какъ нашъ знаменитый ученый; слава Богу, что у насъ на Руси это невозможное дѣло». Но отчего-же слава Богу?

Вѣдь выше сказано, что такие уродо-мыслители — народъ самый безвредный?

Однако, каковъ образчикъ аргументаці! Если-бы авторъ шутилъ такимъ образомъ, то было-бы только глупо. Нѣтъ, онъ началъ въ газетѣ цѣлый рядъ напсеръезнѣйшихъ статей: такимъ аргументомъ, что дарвинисты «хотѣть быть скотами», онъ думаетъ нанести неотразимый ударъ пѣлому міровоззрѣнію. Вотъ чѣмъ писаніе его и любопытно. Оно—образчикъ умственного паденія цѣлаго періода, когда, дѣйствительно, бумага стала «все терпѣть», когда появились публицисты невѣжественные и недобросовѣстные, разсчитывающіе на такихъ читателей, которые неспособны мыслить, не имѣютъ никакихъ убѣждений, а падки только на слова, могущія пригодиться для карьеры, какъ-бы слова тѣ ип были безсмысленны. Я уже однажды замѣтилъ, что Аскоченскій въ своей «Домашней Бесѣдѣ» писалъ гораздо умнѣе нынѣшніхъ публицистовъ извѣстнаго сорта. Чтобы найти подобныхъ имъ по убожеству мышленія или по безцеремонности самыхъ явныхъ извращеній, надо обратиться далеко назадъ. лѣтъ за пятьдесятъ слишкомъ, къ Булгарину и писакамъ его школы, проявившей въ такое время, когда большинство читателей были также равнодушны къ смыслу преподносимыхъ имъ словъ и только ловили благонамѣренные звуки. Когда Булгаринъ пресеръезнилъ национальному чувству тѣмъ, что Россія кормить Западъ своимъ хлѣбомъ, а Западъ платить ей за хлѣбъ обезьянами и раковинами, то это было разсужденіе совершенно равноцѣнное со многими, которыхъ мы слышимъ теперь уже изрядное число лѣтъ. И въ то время бумага все терпѣла. Но кто могъ думать въ 60-хъ годахъ, что то время повторится...

Нѣсколько газетъ поставили себѣ главной цѣлью—«блости» за обывателями вообще, а за своими собратами въ особенности. Такъ недавно выходившая въ Юрьевѣ газета «Прибалтийскій листокъ» была переведена издателемъ въ Ригу. Казалось-бы, не все-ли равно для безопасности государства, въ которомъ изъ балтийскихъ городовъ выходить «Листокъ», который проповѣдуетъ нѣмцамъ сближеніе съ русскимъ обществомъ, но держитъ себя умѣреннѣе, чѣмъ «Рижскій Вѣстникъ», относящейся къ нѣмцамъ прямо враждебно, что вполнѣ нелѣпо, особенно со стороны газеты, выходящей въ Ригѣ. Нѣтъ, totчасъ появилась въ «Новомъ Времени» статейка въ такомъ смыслѣ, что «Приб. Листокъ» переносится въ Ригу съ цѣлью «затмить, уничтожить и погубить серьезную, патріотически ведомую газету «Рижскій Вѣстникъ». Изъ чего, очевидно, следовало-бы, что русская-же газета «Приб. Листокъ» ведется не патріотически и что... однимъ словомъ, то, что всегда вишаются подобные указания.

Издатель инкриминированаго «Листка» возразилъ «Новому Времени», что единственнымъ поводомъ къ перенесенію газеты въ Ригу явилась невозможность издавать ее въ небольшомъ городѣ,

гдѣ слишкомъ мало интеллигентныхъ русскихъ людей, что губить «Вѣстникъ» онъ вовсе не имѣеть въ виду, наконецъ, что «Листокъ» также служить «дѣлу сліянія прибалтійского пноморья съ остальною Россіей», расходясь съ «Вѣстникомъ» только во взглядахъ «на методы привлеченія ко всему русскому симпатіи мѣстныхъ инородцевъ». И «Новое Время» не возразило. Но при первомъ случаѣ оно опять скажетъ прежнее.

Какъ, очевидно, несправедливы и нелѣны ни были иная наускиванья, они не оставались безъ дѣйствія на многихъ читателей, можно даже сказать, на большинство полуобразованнаго общества. Именно при слабости мышленія люди бывають податливы на возбужденіе дикихъ инстинктовъ. Доходило до того, что иной изъ «патріотизма» возмущался, слыша какую-либо инородческую рѣчь на улицѣ. Сошлись здѣсь на «Самарскій Вѣстникъ». За послѣднее время—говорить газета—все чаще и чаще приходится наталкиваться въ газетахъ на факты, указывающіе, что наше культурное общество или, какъ его называютъ щедрые на слова люди, «интелигенція» дичаетъ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими недавними скандалами въ Саратовѣ, онъ разсказываетъ о слѣдующихъ двухъ, очень характерныхъ. «Вскорѣ послѣ того, два пьяныхъ сына марса избили въ Очкінскомъ саду провизора аптеки, нѣмца, за то, что онъ въ ихъ присутствіи *осмыслился* говорить по-нѣмецки. Вѣроятно—прибавляетъ авторъ—поступокъ ихъ остался безнаказаннымъ, такъ какъ недавно повторился подобный-же скандалъ съ другимъ, пріѣзжимъ нѣмцемъ. Въ городѣ разсказываютъ, что когда нѣмецъ отправился жаловаться на своихъ общдчиковъ, то, вмѣсто удовлетворенія своихъ претензій, выслушалъ *внушеніе*. Вотъ плоды дѣятельности такихъ газетъ, какъ «Новое Время», «Рижскій Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости» и т. д. Не ими конечно привиты значительной части общества дикие инстинкты, которые сказываются въ столь частыхъ у насъ скандалахъ всякаго рода. Но именно газетное усыканье въ теченіе продолжительнаго периода произвело то, что эти инстинкты стали «разыгрываться» въ извѣстномъ направлениѣ, напр. проявляться въ сбиваніи шапокъ съ мирныхъ обывателей подъ «благонамѣренныемъ» предлогомъ, подъ покровомъ котораго грубия натуры проявляютъ всю свою грубость, прямо разсчитывая на безнаказанность.

Другимъ прикрытиемъ для безнаказанности нѣкоторые господа считаютъ мундиръ. Такъ, у мирового суды въ Кіевѣ разбиралось дѣло о военному врачу Галинѣ, обвинившемся въ «нарушеніи общественной типшины», оскорблениіи дѣйствіемъ жены присяжного повѣреннаго Соболевской и оскорблениіи словами ея 14-ти лѣтней дочери. Сцена произошла въ саду купеческаго собранія. Г-жы Соболевская заняли ненумерованныя мѣста на скамейкѣ передъ эстрадой. Вдругъ къ нимъ подходить Галинъ съ товарищемъ, также врачомъ, и заявляютъ, что они *прежде* сидѣли на тѣхъ мѣстахъ. Имъ отвѣчаютъ, что ненумерованная свободная мѣста

могутъ быть заняты каждымъ. Тогда военный врачъ Галинъ садится дѣвицѣ Соболевской на колѣни. Мать требуетъ отъ наглеца, чтобы онъ всталъ, а тотъ обращается къ дочери со словами: «молчи, а то я тебя выдеру за уши!» Мать стала звать полицію, съ дѣвушкой случился истерический припадокъ, а публика—смѣется! Въ какой другой странѣ это мыслимо? Въ Англіи, Германіи, Франції «нарушеніе общественной типшы» въ подобномъ случаѣ выразилось бы тѣмъ, что публика выгнала бы вонъ подобного дикобраза. А у насъ смѣются! Въ судѣ врачъ Галинъ призналъ, что имъ были сказаны слова, обращенные къ дѣвушкѣ, но защищался тѣмъ, что «это все—ерунда!» Пріятный врачъ въ практикѣ долженъ быть этотъ господинъ. Навѣрное, онъ былъ убѣжденъ, что дамы убѣгутъ, испугавшись «офицера». Но что-же такой врачъ можетъ себѣ позволять съ солдатами?

Въ Баку недавно надѣжало много шума другое дѣло по обвиненію врача. Въ газетѣ «Каспій» было сообщено, что молодой бакинскій врачъ—акушеръ, принимая на дому пациентку, изнасиловалъ ее. Объ этомъ стали писать въ другія газеты и мѣстное общество врачей разбрало дѣло на двухъ засѣданіяхъ. Редакція «Каспія» поступила неправильно, отказавшись сообщить обществу фамилію обвинявшагося врача, который въ замѣткѣ не былъ названъ. Это—не то, что отказаться называть автора замѣтки, такъ какъ въ такомъ случаѣ редакція принимала бы отвѣтственность на себя. Но напечатать обвиненіе въ преступленіи — человѣка, принадлежащаго къ извѣстной корпораціи, и затѣмъ отказываться сообщить ей, кто именно изъ ея членовъ имѣлся при этомъ въ виду, знали, что редакція не былаувѣрена въ правдивости сообщенія и боялась отвѣтственности за него, а между тѣмъ его напечатала. Теперь я нашелъ въ тифліссскомъ «Новомъ Обозрѣніи» текстъ постановленія общества врачей по этому предмету, помѣщенаго предсѣдателемъ въ официальной бакинской газетѣ. Оказалось, что въ врачебное отдѣленіе, дѣйствительно, являлся господинъ, заявившій не объ изнасилованіи, но о покушеніи на изнасилованіе его жены. и что присутствовавшій въ отдѣленіи врачъ направилъ жалобницу къ прокурору. Общество врачей узнало и фамилію того коллеги, который подвергся обвиненію, и потребовало отъ него объясненій. Тотъ призналъ, что во врачебное отдѣленіе являлось лицо съ обвиненіемъ противъ него, но заявилъ, что имъ, врачемъ, возбуждено противъ того лица дѣло о клевете и представилъ въ удостовѣреніе повѣстку, которую онъ, врачъ, вызывается въ судъ. На этомъ громкое дѣло, покамѣсть, и остановилось, а потому считаю лишеніемъ приводить фамилію врача, хотя она названа въ «постановленіи» общества. О врачи, испѣлитеся сами, хотя бы посредствомъ музыки. Но нѣть, врачъ Галинъ, именно слушая музыку, садится на колѣни къ дѣвушкѣ. А еще читалъ въ гимназіи, что музыка emollit mores.

Л. Прозоровъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.

30-ти лѣтіе закона о печати. — О «формальпѣтвѣ», — Новый уставъ лѣчебныхъ заведеній. — Фабричныя свѣдѣнія и отчеты. — Совѣщаніе о сельскохозяйственныхъ училпахъ. — Съездъ представителей исправительныхъ приютовъ для несовершеннолѣтнихъ. — Попечительство о домаѣ трудолюбія. — «Сообщеніе» о выдачѣ и пріемѣ се ребряной монеты.

Въ прошломъ мѣсяцѣ минуло 30 лѣтъ со дnia введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 г. о печати. Въ посвященной воспоминанію объ этомъ преобразованіи статьѣ въ «Русск. Вѣдомостяхъ» 4 сентября приведены интересныя свѣдѣнія о возраженіяхъ, предъявленныхъ при обсужденіи реформы тогдашними министромъ просвѣщенія Головниномъ и главноуправляющимъ II отдѣленіемъ барономъ Корфомъ—противъ системы администривныхъ взысканій. Отмѣтивъ, что введеніе этой системы «является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и выдержанность для умѣнья пользоваться разумной свободою», Головнинъ высказывалъ, что по его мнѣнію, та система «не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ. Опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднарѣзанной оппозиціи, устраниеніе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду... Послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ — заключалъ министръ — я вообще нахожу предварительную цензуру несостоятельною для достижения цѣлей правительства и потому полагаю всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ ее прямо взысканіями по суду».

Еще рѣшительнѣе выступалъ противъ проекта статьѣ-секретарь бар. Корфъ. Въ пространной своей замѣткѣ онъ доказывалъ, что переломъ, произошедши въ 60-е годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ «необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго вліянія возможно плодотворное сближеніе и осуществленіе законодательныхъ ре-

формъ и само высшее правительство, передававши на литературное суждение свои проекты, не могло не оценить услугъ оказанныхъ литературой. На опытѣ правительство убѣдилось, что только въ свободѣ печати находится противоядіе противъ злоупотребленія печатью. Въ этомъ обращеніи некоторой доли неправды наряду съ истиной—одно изъ драгоценнѣйшихъ свойствъ карательной системы и черезъ это она дѣлается могущественнымъ орудіемъ для воспитанія народа». Но карательную систему бар. Корфъ также разумѣлъ въ смыслѣ отвѣтственности по суду, совершенно отрицая всякую иную: «система административныхъ взысканій—отзывался онъ—еще болѣе заражена произволомъ и несправедливостью, нежели предварительная цензура, ибо наказывается за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ». Приводя въ примеръ практику административныхъ взысканій съ печати въ той странѣ, где они были впервые введены, т. е. во Франціи, при второй имперіи, бар. Корфъ указываетъ «самую вредную ихъ сторону» въ томъ, «что одному лицу дается власть, иногда по минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности, лишать человека права собственности, права на занятіе, которымъ онъ живъ и—что еще важнѣе—исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое учченіе или направлениe». Гораздо синеходительнѣе относился къ проекту тогдашній военный министръ, гр. Милютинъ, въ рѣчи, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ: «если смотрѣть на проектъ — говорилъ онъ — какъ на оконченное законоположеніе, онъ не удовлетворяетъ требованіямъ, заявляемымъ все сплошнѣ и сплошнѣ литературую и публикою, а, между тѣмъ, создаетъ новыя затрудненія. Если же смотрѣть, какъ на переходную мѣру, то можно смотрѣть синеходительно на многія слабыя стороны его».

Отзывы эти, замѣтимъ мы, какъ и самый проектъ, внесенный тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Валуевымъ, характеризуютъ и тогдашнее настроеніе государственныхъ людей, и самыя ихъ личности. Что въ періодъ реформъ должно было измѣниться къ лучшему и положеніе печати, это разумѣлось само собою и было прекрасно выражено И. С. Аксаковымъ въ словахъ, которыя приводимъ изъ той же статьи «Русск. Вѣдомостей». «Просторъ слова—заявлялъ Аксаковъ—послѣ освобожденія крестьянъ, нужнѣе всѣхъ реформъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ этомъ просторѣ заключается *условіе жизни* для всѣхъ этихъ учрежденій—и безъ него они едва-ли взойдутъ». Къ этому «Русск. Вѣдомости» прибавляютъ: «справедливость этихъ пророческихъ словъ, сказанныхъ 30 лѣтъ тому назадъ, вполнѣ подтверждается судьбою и исторіей великихъ реформъ 60-хъ годовъ». Необходимость—скажемъ—«улучшенія быта» печати въ эпоху общихъ преобразованій была очевидна и къ предположеніямъ по этому предмету было приступлено еще ранѣе, чѣмъ къ проектамъ объ освобожденіи крестьянъ, а именно въ 1855 году, т. е. въ самомъ началѣ царствованія импера-

тора Александра II. Но дело затянулось цѣлыхъ десять лѣтъ, какъ будто это преобразованіе представлялось болѣе труднымъ, чѣмъ крестьянская и судебная реформы, а къ 1865 году уже минуло наиболѣе благопріятное для него время. Правда, въ 1865 году Катковъ еще далеко не доходилъ до тѣхъ крайностей, къ какимъ принесъ въ концѣ своей дѣятельности, отрицая всѣ тѣ принципы, которымъ посвятилъ ея начало, но уже решительно вступилъ на тотъ путь. Достаточно напомнить, что законъ о печати былъ составленъ ровно за годъ до апрѣля 1866 года, который произвелъ уже значительную перемѣнку въ настроеніи.

Графъ Валуевъ былъ именно тѣмъ государственнымъ человѣкомъ, который соотвѣтствовалъ «вѣяніямъ» того исторического момента: преобразованія въ большей своей части были уже выработаны, отчасти еще вырабатывались, но уже какъ бы съ нѣкоторой долей сомнѣнія въ ихъ безусловной необходимости, съ явной склонностью ограничивать общія правила — оговоркамъ. Валуевъ въ свѣтѣ считался и самъ признавалъ себя «либераломъ», но въ дѣйствительности онъ былъ только «западникъ» и притомъ именно консерваторъ — въ западно-европейскомъ смыслѣ, конечно. Очень возможно, что если-бы проектъ закона о печати, составленный отчасти по тогдашнему французскому образцу, былъ выработанъ не имъ и ему пришлось бы давать отзывъ объ этой мѣрѣ, то онъ раскритиковалъ бы ее еще строже, чѣмъ баронъ Корфъ и Головнинъ. Но такъ какъ надзоръ за печатью находился въ его вѣдомствѣ, то онъ и свѣль предполагавшееся въ теченіе 10 лѣтъ расширеніе правъ печати на такое положеніе, что, по словамъ г. Джаншиева, «нѣкоторыя газеты предпочитали остаться при старой, предварительной цензурѣ, такъ что, боясь полнаго фiasco для только что проведенной съ трудомъ цензурной реформы, Валуевъ пригрозилъ газетамъ черезъ своего приближенаго чиновника В. Я. Фуко такимъ цензурными строгостями, что газеты поневолѣ должны были принять навязываемую эманципацію». «Какая удивительная эманципація!» — отзыается обѣ этой реформѣ бывшій цензоръ Никитенко въ своемъ «Дневниکѣ».

Изъ высказавшихся противъ нея покойныхъ А. В. Головнина и бар. М. Н. Корфа, первый порицалъ эту мѣру гораздо болѣе сдержанно, чѣмъ послѣдній, хотя самъ имѣлъ взгляды и болѣе систематичные и болѣе передовые, чѣмъ Корфъ. Объяснить это можно тѣмъ, что Головнинъ въ данномъ случаѣ стѣснялся положеніемъ, въ какое самъ себя поставилъ по отношенію къ цензурѣ. Головнину можно приписать, что именно имъ было упущенъ наиболѣе благопріятный моментъ для преобразованія условій, касающихся печати. Въ 1862 году, когда онъ былъ только что назначенъ министромъ просвѣщенія, цензура еще находилась въ его вѣдомствѣ. На него, по необходимости, и падала обязанность составить новый законъ о печати. И время то было удобное, и Головнинъ могъ разсчитывать на сплѣшную поддержку великаго князя Константина

Николаевича, принимавшаго столь большое участіе во всѣхъ преобразованіяхъ. Въ 1865 же году, послѣ польского восстанія, участіе его въ дѣлахъ было уже менѣе замѣтно. Но Головинъ, человѣкъ несомнѣнно передовыхъ убѣжденій и — слѣдуетъ еще прибавить — именно человѣкъ *убѣжденія*, не рѣшился или не захотѣлъ принять на себя выработку новаго положенія о печати, которое ему же пришлось бы затѣмъ и применять. Онъ предпочелъ выдѣлить цензуру изъ своего вѣдомства и передать ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ будто не сознавая, что прежде всетаки слѣдовало измѣнить законодательство и ввести его въ дѣйствіе хотябы на нѣсколько лѣтъ. Этимъ, собственно говоря, былъ уже предрѣшенъ исходъ дѣла.

Что касается барона Корфа, то онъ былъ человѣкъ прекрасно образованный, дѣятель самостоятельный, съ воззрѣніями часто оригинальными и даже смѣльмыми, но далеко не цѣльными. Онъ былъ консерваторъ въ душѣ, но бывалъ и либераломъ. Его отношенія къ цензурѣ были также особенные. Въ 1860 году было предположено выдѣлить цензурное управление въ особое вѣдомство и во главѣ его поставить именно его самого, бар. Корфа. Дѣло это было такъ близко къ осуществленію, что имъ былъ уже приторгованъ для цензурного управления домъ на углу Фонтанки и Графскаго переулка, тотъ именно, где впослѣдствіи помѣщался мировой судѣзъ и происходили засѣданія Юридического общества. Но въ своихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ онъ обнаружилъ такое стремленіе къ полной самостоятельности и такую требовательность относительно штатовъ, что перемѣна, уже окончательно была рѣшена, вдругъ была отложена въ сторону. Понятно, что когда ему пришлось высказывать мнѣніе о составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектѣ закона о печати, то онъ отнесся къ проекту со всей свободой критики, какую ему внушали, во-первыхъ его высокообразованность, во-вторыхъ его предшествовавшее уже нѣкоторое ознакомленіе съ дѣломъ, а въ-третьихъ, наконецъ, и убѣженіе, что онъ самъ составилъ-бы гораздо лучшій проектъ. Относительно мнѣнія, высказаннаго военнымъ министромъ гр. Милутинымъ и которое оказывалось неблагопріятнымъ для проекта — въ теоріи, но одобрительнымъ на практикѣ — что было гораздо важнѣе, можно сказать то самое, что говорится о всей дѣятельности иныхъ людей либеральныхъ, но одаренныхъ очень сильнымъ характеромъ, а именно, что они «стелютъ мягко» и т. д. Во всякомъ случаѣ, за 30-ти-лѣтнєе дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 года, успѣлъ уже выясниться его недостатки, а онъ, при самомъ своемъ введеніи, разумѣлся именно какъ «временный».

Теперь какъ-то странно и вспомнить, что первыми предвестниками эпохи преобразованій явились у насъ законы объ «уменьшениі штатовъ» и о «сокращеніи переписки». Салтыковъ говорилъ пронически, что отъ сокращенія переписки произошла вся «бѣда». Но что-же оказалось чрезъ 40 лѣтъ послѣ тѣхъ скромныхъ заботъ, которыхъ и сами-то вы-

разились больше «въ перепискѣ» и остались на бумагѣ? Оказалось огромное увеличение «штатовъ». Возникли цѣлые новыя вѣдомства, въ каждомъ министерствѣ прибавлены департаменты, оклады увеличены вдвое-втрое противъ прежнихъ размѣровъ. Достаточно сказать, что въ пятидесятыхъ годахъ вице-директоръ департамента получалъ 2 тысячи рублей, а теперь каждый дѣлопроизводитель получаетъ 3 тысячи. Громадное разростаніе штатовъ, особенно за послѣднее время, отчасти объясняется тѣмъ, что кругъ казенной администраціи все расширяется и въ ея руки переходитъ завѣдываніе желѣзными дорогами, штейной продажею, происходятъ расширение кредита, распространеніе государственного контроля и надзора на разныя отрасли общественной и компанийской дѣятельности и т. д. Съ увеличеніемъ вѣдомствъ не могла сократиться и «переписка», хотя самыя вѣдомства предпринимали упростить ее, предписывая исключить изъ бумагъ разныя формы вѣжливости. Но дѣло не въ формахъ вѣжливости, а въ тѣхъ многообразныхъ «установленныхъ формахъ», въ силу которыхъ множатся годичные и мѣсячные отчеты, донесенія и вѣдомости, статистическая свѣдѣнія, которая затѣмъ остаются безъ всякой разработки. Сложность переписки зависитъ отъ установленныхъ въ самихъ законахъ правилъ, по которымъ на каждомъ шагу требуется разрѣшеніе высшей инстанціи или «согласованіе» однихъ присутственныхъ мѣстъ съ другими. Недавно «Новое Время», которое даже и «Московскими Вѣдомостями» никогда не обвинялось въ стремлѣніи «къ упраздненію правительства», помѣстило статью о «корияхъ и плодахъ нашего бюрократизма». Приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ. «Милліонъ формальностей — вотъ въ двухъ словахъ система нашего бюрократизма... Бюрократическое дѣйствіе проявляется жестокою системою формализма, удивительными «установленными правилами», въ которыхъ предусматривается решительно все ненужное и не предусматривается или плохо предусматривается именно то, что нужно...». Газета признаетъ, что этотъ формализмъ все болѣе возрастаетъ и что «къ миллиону прежнихъ ненужныхъ и стѣснительныхъ формальностей непремѣнно прибавляется при каждомъ случаѣ еще добрая сотня, а то и тысяча такихъ-же, а можетъ быть, даже еще болѣе ненужныхъ и еще болѣе стѣснительныхъ формальностей».

Систему эту газета объясняетъ ея основнымъ принципомъ, который заключается «въ недовѣріи ко всемъ и ко всему, а въ особенности въ недовѣріи къ своимъ ближайшимъ дѣятелямъ, исполнителямъ и слугамъ». Это объясненіе справедливо, но оно недостаточно. Мы уже однажды обращали вниманіе на то, что во всѣхъ нашихъ «положеніяхъ», «правилахъ» и въ программахъ учебныхъ заведеній много прямо лишняго — просто отъ самого способа «выработки» этихъ правилъ и инструкцій — въ цѣломъ рядѣ инстанцій, при чемъ въ каждой изъ нихъ, всякий, кто только сколько-нибудь причастенъ къ обсужденію или къ дѣлопроизводству считаетъ долгомъ прибавить свою ленту на сооруженіе величествен-

наго зданія. Самые размѣры и сила механизма таковы, что оно неизбѣжно производить много излишняго дѣйствія. Крайнюю сложность нашихъ учебныхъ программъ, которая въ точности никогда и не исполняются, уже нельзя объяснить «недовѣріемъ». Точно такъ и многія обязательныя постановленія, которая только какъ-бы подтверждаютъ существующіе уже общіе законы, отдельные уставы, въ которыхъ повторяются законы изъ другихъ уставовъ, разныя дополнительныя правила о томъ, что во всѣхъ непредвидѣнныхъ «настоящимъ положеніемъ случаюхъ подлежитъ руководствоваться общими узаконеніями» — все это вносится въ уставы и инструкціи вовсе не изъ недовѣрія, а прямо отъ избытка рвения лицъ, редактирующихъ тѣ правила и стоящихъ. одни надъ другими, на разныхъ ступеняхъ.

Нѣсколько примѣровъ излишняго формализма можно указать хотя-бы въ одномъ изъ новѣйшихъ законоположеній, а именно въ «уставѣ лѣчебныхъ заведеній» гражданскаго вѣдомства. Первые три статьи устава посвящены точному опредѣленію, что государственными лѣчебными заведеніями признаются тѣ, которые учреждаются государствомъ и земствомъ, а частными — тѣ, которые устраиваются сословіями, обществами и частными лицами. Затѣмъ пдеть дѣленіе больницъ на четыре класса, по числу кроватей. Въ четырехъ статьяхъ постановляется, что «управленіе лѣчебными заведеніями возлагается на врачей, завѣдывающихъ сими заведеніями» и что въ больницахъ трехъ первыхъ классовъ сверхъ того управление возлагается — на правленіе больницы, а съ особаго разрешенія, «правленія можетъ быть образуемо и въ больницахъ четвертаго класса». Казалось-бы, само собой разумѣется, что управление больницею принадлежитъ правленію или-же завѣдывающему больницею врачу. Между тѣмъ, одна статья еще постановляетъ особо, что «въ тѣхъ лѣчебныхъ заведеніяхъ, где не имѣется правленій, исполненіе ихъ обязанностей возлагается на врачей, завѣдывающихъ заведеніями».

Далѣе встрѣчаются такія статьи: «ближайшій надзоръ за правильнымъ введеніемъ дѣла въ состоящихъ при лѣчебныхъ заведеніяхъ аптекахъ возлагается на главныхъ врачей» — что также, казалось-бы, прямо входить въ обязанность завѣдыванія больницами: «Губернскіе врачебные инспекторы и замѣняющіе ихъ лица пользуются правомъ обозрѣвать всѣ находящіяся въ губерніи лѣчебныя заведенія». Но о губернскихъ врачебныхъ инспекторахъ уже сказано въ общемъ врачебномъ уставѣ, а если они — губернскіе инспекторы, то само собой разумѣется, что имъ принадлежитъ право обозрѣвать больницы въ губерніи. «Ближайшее завѣдываніе земскими лѣчебными заведеніями возлагается на земскія и городскія управы, по принадлежности». «При лѣчебныхъ заведеніяхъ могутъ состоять попечители. Попечитель посѣщаетъ лѣчебное заведеніе сколь можно чаще, въ неопределеннное время (!). О замѣченныхъ имъ недостаткахъ, неисправностяхъ и упущеніяхъ попечитель сообщаетъ главному врачу или врачу, завѣдывающему заведеніемъ, и въ случаѣ надобности доводить до свѣдѣ-

нія установлінія, въ вѣдѣнії коего лѣчебное заведеніе состоитьъ». Кажется, здѣсь подробно объяснено, кому можетъ сообщить о неправностяхъ и упущеніяхъ попечитель; а все-таки, конечно, не могли быть поименованы всѣ власти, къ которымъ попечитель можетъ обратиться съ сообщеніями: въ случаѣ буйства, онъ можетъ сообщить полицію, при подозрѣніи преступленія можетъ уведомить прокурора, въ какомъ-либо важномъ случаѣ можетъ донести и начальнику губерніи и т. д. Но такъ какъ всѣхъ лицъ, къ которымъ можетъ обратиться попечитель, нельзя было перечислить, то напрасно, казалось-бы, и постановлять, что попечитель, замѣтивъ неправность, можетъ сообщить о ней завѣдывающему больницѣ. Относительно земскихъ и городскихъ больницъ указано, что «попечители ихъ избираются: земскихъ—губернскими и уѣздными собраниями, по принадлежности, а городскихъ — городскими думами». И безъ существованія правила городская дума не стала-бы избирать попечителя для уѣздной земской больницы и наоборотъ. Едва-ли не напрасно также включены въ новый уставъ статьи изъ устава о призрѣніи и устава враче-баго. Сверхъ того, приложена еще подробная «инструкція», въ которой еще болѣе обстоятельно опредѣлены обязанности и кругъ дѣйствій должностныхъ лицъ, состоящихъ при больницахъ.

Мы указали доселѣ нѣсколько примѣровъ лишняго упоминанія объ обязанностяхъ, которая или уже опредѣлены въ иныхъ уставахъ, или разумѣются сами собой, какъ напр. обязанность главнаго врача, завѣдующаго больницею, «управлять лѣчебнымъ заведеніемъ въ медицинскомъ и административно-хозяйственномъ отношеніяхъ» и «нести отвѣтственность за благоустройство заведенія по всѣмъ частямъ». Сюда же принадлежитъ такое постановленіе, что «отъ подлежащей земской или городской управы зависѣтъ избрать хозяйственный или подрядный способъ снабженія больницѣ необходимыми для нихъ предметами». Такого рода разъясненія только усложняютъ уставъ: въ немъ 93 статьи, а въ инструкціи ихъ еще 143. Но формализмъ уже прямо нѣсколько стѣснительный выражается въ требованіи, чтобы въ больницѣ велись постоянно девятнадцать книгъ: книга кредитовъ, приходо-расходная, счетная, квитанціонная, книга распоряженій, инвентарная, книга найма, кухонная книга и проч. Больницы обязаны представлять срочныя отчетныя вѣдомости по особо-установленнымъ формамъ, а сверхъ того годовой отчетъ, столь сложный, что уже для одного составленія его, при каждомъ лѣчебномъ заведеніи, хотя бы оно было даже ниже «четвертаго класса» и называлось лѣчебницѣ, то есть имѣло отъ 6 до 15 кроватей, необходимо канцелярія. Правда, уставъ не требуетъ этого непремѣнно, но кто же будетъ весть 19 книгъ, составлять срочныя вѣдомости и годовой отчетъ? Если врачъ, то ему никогда будетъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ. Но поистинѣ странную картину представляла бы лѣчебница съ больными, врачами, дѣлопроизводителемъ и двумя писцами, не говорю уже о служителяхъ, а тѣмъ менѣе — о попечителѣ. А что такая картина

можеть встрѣтиться и не въ одной мѣстности, за это рѣчается уже хотя бы одна сложность годового отчета. Въ «Уставѣ» цѣлыхъ двѣ страницы заняты однимъ перечисленіемъ тѣхъ свѣдѣній, выводовъ, отношеній между ними и среднихъ цифръ, которые должны представляться въ отчетахъ. Приводимъ въ подтвержденіе нѣсколько строкъ изъ упомянутыхъ двухъ страницъ: «долженъ быть обозначенъ общій процентъ выздоровленія и смертности за годъ, приведены цифры наименьшаго, наибольшаго и средняго числа поступленія больныхъ въ сутки, должны быть свѣдѣнія о движениіи больныхъ по группамъ и формамъ болѣзней, при чемъ должны быть приведены процентные выводы», «свѣдѣнія о движениіи больныхъ въ теченіе каждого мѣсяца по сословіямъ или званію, по возрасту (8 возрастовъ), по семейному положенію, по мѣсту жительства, по роду занятій и по образованію» и т. п. Какое-бы казалось тѣло медицинѣ до образованія и званія? а между тѣмъ, для выработки такихъ цифровыхъ группировокъ, съ процентными выводами, нужна именно канцелярія. И что же дѣлается потому съ данными этихъ отчетовъ? Что-то не слышно.

Нѣкогда судебное вѣдомство издавало ежегодно толстые *in-quarto*, наполненные цифрами по уголовной статистикѣ и общему движению судопроизводства. Краткія вѣдомости обѣ осужденныхъ и оправданныхъ, по категоріямъ, судебнымъ мѣстамъ было бы нетрудно вѣсть и можно только сожалѣть, что теперь такія свѣдѣнія не собираются или, по крайней мѣрѣ, не публикуются. Но прежде судебное вѣдомство установило для этой статистики такую массу вѣдомостей и формъ по каждому дѣлу, что черезъ нѣсколько лѣтъ само убѣдилось въ невозможности для канцелярій судовъ исполнять эту работу добросовѣстно и въ полной ненадежности тѣхъ данныхъ, какія раньше были представляемы.

Столь же многоразличныя и всеобъемлющія свѣдѣнія требуются отъ промышленныхъ заведеній фабрічной инспекціею, съ разработкою данныхъ относительно рабочихъ — по поламъ, возрастамъ, числу дней работы и размѣру платы, что особенно трудно исполнить, такъ какъ рабочие мѣняются и подобную статистику можно составить только подвергнувъ тщательной обработкѣ матеріаль, содержащейся въ расчетныхъ книжкахъ, а книжки эти, по закону, должны находиться въ рукахъ рабочихъ. Потребуются подробнѣйшія свѣдѣнія и о самомъ производствѣ. Такъ, отъ типографій требуются, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія: 1) какое количество предметовъ по ихъ сортамъ и на какую сумму выработано въ постѣднемъ отчетномъ году; 2) какое количество листовъ книжныхъ, газетныхъ и другихъ мелкихъ работъ отпечатано въ отчетномъ году и на какую сумму, 3) какое количество листовъ, *по сортамъ*, и на какую сумму отпечатано въ году. Николаевская газета «Южанинъ» замѣчаетъ, что «сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты на подобные вопросы можно дать лишь въ томъ случаѣ, если каждая изъ типографій будетъ вести мелочно-точную запись всякаго выпущенного изъ печати листа, т. е. вести громадную бухгалтерію и статистическую регистрацію».

Тѣмъ болѣе обременительнымъ является требование мелочной статистики по категоріямъ рабочихъ и разныхъ операций самого производства отъ большихъ фабрикъ. Отѣ уже оказались вынужденными увеличить составъ своихъ конторъ исключительно для веденія возложенного на нихъ инспекціонного анализа, обработки его данныхъ, веденія новыхъ книгъ, а также рапортічекъ, срочныхъ вѣдомостей и составленія годичныхъ отчетовъ. И можно почти навѣрное сказать, что изъ всего громаднаго цифроваго матеріала, добытаго такимъ образомъ, не выйдетъ ничего, кроме нѣсколькихъ таблицъ, которыми украсятся годичные отчеты самихъ инспекторовъ. Любопытно, что наряду съ постояннымъ возрастаниемъ формализма, самимъ министерствомъ финансовъ признано, что излишними формальностями у насъ стѣсняется развитіе промышленности, такъ что существуетъ даже особая комиссія, которой поручено разработать вопросъ обѣ облегченій формальностей при разрѣшеніи промышленныхъ заведеній и выдачѣ свидѣтельствъ, необходимыхъ для ихъ открытия. Едва-ли, однако, возложеніе на промышленныя, предпріятія веденія многихъ книгъ, вѣдомостей и отчетовъ можетъ служить поощреніемъ для открытия, особенно заведеній, не располагающихъ большими составомъ служащихъ. Но, во всякомъ случаѣ, избытокъ формализма въ этомъ отношеніи не можетъ уже объясняться «недовѣріемъ» къ своимъ же чиновникамъ, какъ говорить «Новое Время», а истекаетъ прямо изъ того, что громадный бюрократическій механизмъ самъ тратитъ значительную часть своей силы непроизводительнымъ образомъ.

Мы говорили, что сложность формъ, истекающая изъ преувеличенного желанія все обусловить впередъ и до мелочей «обставить надлежащимъ образомъ», отражается и на программахъ учебныхъ заведеній. Примѣръ тому могутъ представить работы происходившаго въ сентябрѣ при министерствѣ земледѣлія «совѣщанія» о среднемъ сельскохозяйственномъ образованіи. Это совѣщаніе явилось дополненіемъ къ тому, которое въ минувшемъ январѣ разсматривало вопросы о лучшей постановкѣ низшаго сельскохозяйственного образования. На западѣ въ этомъ дѣлѣ начинали съ устройства школъ для образованія народныхъ учителей сельского хозяйства и вводили этотъ предметъ въ сельскіе школы или учреждали низшія практическія земледѣльческія школы, школы садоводства и плодоводства при большихъ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ. Затѣмъ, самая необходимость указывала, какого типа среднія училища или высшіе курсы требовались для какой мѣстности, безъ всякаго общего единобразія. У насъ нѣсколько высшихъ сельскохозяйственныхъ и лѣсническихъ училищъ, нѣсколько среднихъ и низшихъ были учреждены въ разное время, съ возможнымъ единобразіемъ уставовъ и, конечно, со включеніемъ въ курсъ—предметовъ общеобразовательныхъ, такъ какъ у насъ всегда на первомъ планѣ—вопросъ о правахъ по государственной службѣ и отбыванію воинской повинности. Ученики высшихъ агрономическихъ институтовъ въ значительной части шли на

службу по разнымъ вѣдомствамъ, а воспитанники школъ 1 и 2 разряда, учрежденныхъ по положенію 1883 года, отчасти поступали въ управляющіе и бухгалтеры къ землевладѣльцамъ, но вовсе не занимались улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія.

Совѣщаніе, происходившее въ январтѣ, выказалось за соединеніе низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ обоихъ разрядовъ, за введеніе въ нихъ обученія нѣкоторымъ мастерствамъ и установление 6-ти лѣтнаго курса. Это является уже окончательнымъ ручательствомъ, что воспитанники такихъ школъ ничего не сдѣлаютъ для крестьянскаго хозяйства, хотя тѣ училища и называются низшими сельскохозяйственными. Но за то январское совѣщаніе предположило «еще ипзія»—народныя сельскохозяйственные школы, съ курсомъ однолѣтнимъ или двухлѣтнимъ и съ однимъ учителемъ въ каждой школѣ. Ясно, однако, что ожидать изученія не только всѣми, но хотя-бы многими крестьянами земледѣлія въ специальныхъ школахъ нельзѧ, уже хотя-бы потому, что такихъ школъ потребовалось-бы столько-же, сколько есть простыхъ начальныхъ школъ.

Теперь, въ сентябрѣ, совѣщаніе, обсуждавшее вопросъ о среднемъ сельскохозяйственномъ образованіи, открылось среди полного разлада мнѣній, какъ заявленныхъ существующими уже училищами, такъ и высказавшихся въ самомъ совѣщаніи. Одни голоса требовали расширенія въ этихъ специальныхъ училищахъ курса общеобразовательныхъ предметовъ, другіе высказывались за устраненіе этихъ предметовъ изъ программы, третьи указывали на необходимость предоставлять ученикамъ этихъ училищъ права служить въ министерствѣ земледѣлія и даже въ другихъ вѣдомствахъ: одни держались мнѣнія, что средняя сельскохозяйственная училища должны приготавлять по преимуществу управляющихъ, а другіе высказывали, что училища эти должны быть предназначены, главнымъ образомъ, для дѣтей самихъ землевладѣльцевъ. Предложенный ученымъ комитетомъ министерства проектъ заключался въ томъ, чтобы отъ поступающихъ въ средняя с.-х. училища учениковъ требовать испаній не двухъ классовъ реального училища, какъ было доселѣ, а только одного, съ тѣмъ, чтобы остальной общеобразовательный курсъ проходился въ самыхъ с.-х. училищахъ, при чемъ они должны быть дополнены 7-мъ классомъ, и еще чтобы по окончаніи курса ученики пребывали годъ на практикѣ въ частныхъ имѣніяхъ. Преподаваніе специальныхъ предметовъ (для которыхъ собственно и назначаются эти училища) должно начинаться только съ 5-го класса. Прямо въ 5-й классъ решено принимать учениковъ, прошедшихъ 6 классовъ реальныхъ училищъ; гимназистовъ-же принимать не выше, чѣмъ въ 3-й классъ, по прохожденіи ими 4 классовъ гимназіи. Учениковъ среднихъ с.-х. училищъ, поставленныхъ такимъ образомъ на одномъ уровнѣ съ реальными училищами, принимать во всеѣ высшія учебныя заведенія, кроме университетовъ. Но по обсужденіи въ совѣщаніи, этотъ послѣдній вопросъ оставленъ открытымъ, хотя признано желательнымъ, чтобы ученики при-

нимались на службу по министерству земледѣлія, а въправахъ по службѣ въ другихъ вѣдомствахъ были сравнены съ воспитанниками реальныхъ училищъ. Относительно общаго образованія, совѣщеніе нашло необходимъ расширить программу математики и русскаго языка въ размѣрахъ программы гимназій. Относительно же требованій отъ поступающихъ въ среднія с.-х. училища совѣщеніе нашло желательнымъ: сократить пріемъ изъ городскихъ и сельскихъ училищъ, а привлечь учениковъ изъ реальныхъ училищъ и гимназій. «сконцентрировавъ для этого преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ — въ первыхъ двухъ классахъ с.-х. училищъ». Рѣшено допустить поступленіе во 2-й классъ реалистовъ, прошедшихъ у себя 4 класса. Предложеніе министерскаго проекта о годѣ практики въ частныхъ имѣніяхъ не было одобрено.

Итакъ, наиболѣе желательными и подлежащими привлечению въ с.-х. училища, повидимому, представляются такие ученики, которые, пройдя 3 или 4 класса въ другихъ среднихъ заведеніяхъ, что обыкновенно требуется 4 или 5 лѣтъ, пройдутъ затѣмъ 6 классовъ с.-х. училища, на что потребуется, вѣроятно, не менѣе 7 лѣтъ. Но понятно, что послѣ 11 или 12-лѣтняго ученья большая ихъ часть попытаются поступить въ высшіе техническіе институты, куда, впрочемъ, по недостатку мѣста, понадобится развѣ четверть ихъ, а остальная три четверти, пользуясь служебными правами, будутъ проситься на службу по министерству земледѣлія и по другимъ вѣдомствамъ, а результатъ учрежденія с.-х. среднихъ училищъ для подъема сельскаго хозяйства останется непримѣтенъ. Впрочемъ, совѣщеніе только уяснило желательныя основанія и нельзя сомнѣваться, что какъ оно высказалось за расширеніе нынѣшней постановки этихъ училищъ, такъ, при окончательномъ составленіи проектовъ въ департаментъ, будутъ предложены еще нѣкоторыя усовершенствованія и дополненія.

Разумѣется, какого-бы типа ни были училища, желательно увеличеніе вообще числа среднихъ и низшихъ училищъ въ странѣ. Но для достиженія специальной цѣли не проще-ли было-бы среднимъ с.-х. училищамъ придать характеръ чисто-специальныхъ-же семинарій для народныхъ учителей сельскаго хозяйства, содержимыхъ на счетъ казны, и вместо отдѣльныхъ с.-х. школъ низшихъ, назначить нѣкоторое пособіе на обращеніе хотя одной изъ двухъ народныхъ училищъ, имѣющихъ не менѣе двухъ классовъ — въ сельскохозяйственную, съ обычнымъ начальнымъ курсомъ? Тогда, хоть-бы зажиточные крестьяне, ненуждающіеся въ помощи своихъ дѣтей лѣтомъ, могли-бы посыпать ихъ въ народныя сельскохозяйственные школы.

Рядомъ съ сельскохозяйственно-учебнымъ совѣщеніемъ въ Петербургѣ, мы должны поставить заѣдавшій въ концѣ августа и первые дни сентября въ Москвѣ съѣздъ представителей исправительныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ. Задача этихъ заведеній вполнѣ раціональна и въ высокой степени симпатична: преступниковъ нѣжнаго возраста спасать

оть тюремы или ссылки, которыя грозятъ имъ окончательной нравствен-
ной гибелью, и воспитывать ихъ, обучая въ то-же время ремеслу или
земледѣлю для того, чтобы спасти ихъ и отъ новаго преступленія. Мало-
лѣтніе совершаютъ преступныя дѣйствія иногда прямо по неразумію, да
и при каждомъ преступленіи, малолѣтній дѣйствуетъ менѣе сознательно
и менѣе взвѣшивая послѣдствія, чѣмъ взрослый, а потому общество не
должно бросать юнаго преступника на жертву уголовной судьбы, но обя-
зано еще бороться въ немъ за несозрѣвшую личность, подающую надежду
на нравственное выздоровленіе.

Первые исправительные приюты у насъ возникли въ 70-хъ годахъ;
въ настоящее время ихъ 24, въ которыхъ къ 1 января 1894 года со-
стояли свыше 1,000 несовершеннолѣтнихъ. Это еще весьма скром-
ные цифры, въ виду большого числа преступниковъ такого возраста,
осужденныхъ судами. Такъ, указывалось на примѣръ 1883 года, когда
осуждено было лицъ до 18-ти лѣтъ отъ рода 8,627. Первымъ приютомъ
этого рода былъ Рукавишниковскій приютъ въ Москвѣ, основанный въ
1864 г., т.-е. до изданія «положенія» 1866 г. о приютахъ.

Иниціатива periodического созыва съѣздовъ ихъ представителей и
принадлежала попечителю только что названаго заведенія К. В. Рука-
вишникову, нынѣшнему московскому городскому головѣ, который пред-
сѣдательствовалъ и на нынѣшнемъ съѣздѣ, четвертомъ по очереди. Пер-
вый съѣздъ былъ въ 1881 году, слѣдующіе два въ 1884 и 1890 годахъ;
второй съѣздъ собрался въ Кіевѣ, первый и второй проходили въ
Москвѣ. Эти съѣзды успѣли приобрѣсти значеніе не только по обмѣну
мыслей и результатовъ опыта между представителями заведеній разныхъ
мѣстностей, но и по практическому вліянію на законодательство. Изъ
обстоятельного доклада, прочитанаго сенаторомъ Н. С. Таганцевымъ въ
нынѣшнемъ собраніи, видно, что вліяніе это было немаловажное. Съѣзды
обращались въ министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ съ ходатай-
ствами чрезъ представителей этихъ министерствъ или непосредственно
и, какъ отозвался докладчикъ: «мы имѣемъ за послѣднее время рядъ за-
коноположеній, выработанныхъ по почину съѣзовъ, такъ что наши съѣзды
могутъ гордиться тѣмъ, что, несмотря на краткій періодъ ихъ существо-
ванія, они оставили замѣтный следъ въ новѣйшей исторіи нашего законо-
дательства. Въ числѣ такихъ законоположеній состоялись: предоставление
приютамъ права помѣщать ихъ питомцевъ въ ученье къ мастерамъ и
разрешеніе помѣщать въ приюты малолѣтнихъ арестантовъ подсѣдѣчен-
ныхъ, чѣмъ они избавляются отъ продолжительного, тянулагающаго иногда
несколько лѣтъ предварительного заключенія въ тюрьмѣ.

Къ числу законодательныхъ мѣръ, выработанныхъ вслѣдствіе почины
съѣзовъ, принадлежитъ и предложенное измѣненіе самого порядка су-
димости малолѣтнихъ. Признаю, что торжественность судебнаго обряда
вредно дѣйствуетъ на малолѣтнихъ: она или возбуждаетъ въ малолѣтнемъ
«большое самомнѣніе», или производитъ на него мучительно-гнетущее

впечатлѣніе, а публичное разсмотрѣніе освивастъ его съ положеніемъ уголовно-обвиняемаго, «ослабляетъ въ немъ спасительное чувство стыда и страха передъ перспективой такого положенія». Кромѣ того, предсѣдатели и прокуроры обращали вниманіе на значительное число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ по отношенію къ малолѣтнимъ. Въ этомъ мѣстѣ доклада говорится, что «торжественное немотивированное заявленіе присяжныхъ засѣдателей: нѣть, невиненъ—можетъ вызвать въ мальчикѣ, сознающемъ свою виновность и даже сознавшемся на судѣ, сомнѣніе въ нравственномъ значеніи совершенного поступка, неожиданно невызвавшаго никакого порицанія со стороны общества».

Нельзя не сочувствовать гуманной мысли объ облегченіи для малолѣтнихъ обрядности уголовнаго разсмотрѣнія, но относительно предположеннаго изъятія уголовныхъ дѣлъ о малолѣтнихъ изъ суда присяжныхъ необходимо замѣтить, что было-бы крайне странно и несправедливо, если-бы вслѣдствіе этого оказалось, что малолѣтніе, по дѣламъ одного рода, оправдываются судами рѣже, чѣмъ взрослые. Надѣ этимъ пунктомъ стоитъ призадуматься и решеніе по нему прямо зависить отъ взгляда на сравнительную строгость репрессіи при участіи присяжныхъ или безъ ихъ участія. И если-бы мотивомъ къ изъятію малолѣтнихъ изъ суда присяжныхъ послужило убѣжденіе, что коронные суды рѣже постановляютъ оправдательные приговоры, то самый этотъ мотивъ былъ-бы очевидно несправедливъ въ примѣненіи къ малолѣтнимъ.

Зато весьма сочувственными и важными представляются законодательные предположенія объ отмѣнѣ для малолѣтнихъ и для подростковъ до 17 лѣтъ примѣненія каторжной работы и ссылки на поселеніе, объ изслѣдованіи степени развитія, обстановки жизни и прежняго поведенія малолѣтнихъ съ тѣмъ, чтобы вопросъ о разумѣніи рѣшался до самаго обряда судоговоренія, съ прекращеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебнаго преслѣдованія и отдачею малолѣтнихъ роднымъ или въ пріюты. Оказывается, что у насъ доселѣ вовсе не рѣдки случаи присужденія малолѣтнихъ къ каторжной работѣ, что представляеть совершенно безчеловѣчную мѣру. Въ самомъ относящемся сюда законодательномъ проектѣ признается, что «трудно даже представить себѣ положеніе еще нуждающихся въ помощи и заботахъ 12—14-ти-лѣтнихъ, оторванныхъ отъ семьи и посланныхъ въ каторжныя работы и на поселеніе, гдѣ они будутъ предоставлены только ихъ собственнымъ, недостаточнымъ сплѣмъ». Изъ собранныхъ данныхъ за трехлѣтіе съ 1891 по 1893 г. оказывается, между прочимъ, что къ каторжной работѣ на 6 лѣтъ приговорены 1 четырнадцатилѣтній, а другой того-же возраста на меньшій срокъ, на поселеніе-же въ Сибирь приговорены: одинъ 11-ти-лѣтній, двое 12-ти-лѣтнихъ, одинъ 13-ти и двое 14-ти-лѣтнихъ. О цифрахъ, относящихъ къ возрастамъ свыше 16-ти лѣтъ, мы не упоминаемъ; по въ общемъ, 29 малолѣтнихъ и подростковъ до возраста 16-ти лѣтъ включительно, приго-

ворены были къ каторжнымъ работамъ. А на поселеніе въ Сибири приговорено было малолѣтнихъ и подростковъ 42.

Изъ вопросовъ, обсуждавшихся нынѣшнимъ съѣздомъ, отмѣтимъ сперва предложеніе вятскаго общества о продленіи предѣльного срока пребыванія воспитанниковъ въ пріютѣ—до 21 года, т. е. до призыва къ отбываюю воинской повинности. Поводомъ выставлялось то соображеніе, что «слабо выдержаній воспитанникъ исправительного заведенія не будетъ сразу предоставленъ самому себѣ, а испытаетъ полезное для него вліяніе воинской дисциплины». Собрание постановило вопросъ этотъ отложить до болѣе обстоятельной разработки, порученной постоянному бюро съѣздовъ. Предложеніе вятскаго общества, на нашъ взглядъ, требуетъ разъясненія въ томъ смыслѣ—кому имѣеть быть предоставлено право продлить срокъ пребыванія въ пріютахъ? Очевидно, что отъ самого начальства пріотовъ не должно зависѣть продленіе срока пребыванія въ мѣстахъ, какъ-бы то ни было, исправительныхъ. Если-же вопросъ—въ томъ, чтобы суды могли посыпать въ пріюты молодыхъ людей свыше 18 лѣтъ и до 21 года, то едва-ли это желательно. Педагогика вообще выскаживается противъ соединенія въ одномъ заведеніи столь разныхъ возрастовъ, какъ 10 лѣтъ и 21 годъ. А это воспитательное соображеніе получаетъ особенный вѣсъ въ пріютахъ для осужденныхъ. Неудобство смыщенія въ одномъ заведеніи подростковъ отъ 10 лѣтъ до 21 года едва-ли не болѣе убѣдительно, чѣмъ польза выдержки ихъ въ пріютахъ до отдачи подъ военную дисциплину. Сверхъ-того, едва-ли желательно для самихъ молодыхъ людей этой категоріи, чтобы они поступали въ войско прямо изъ исправительныхъ заведеній, то-есть, съ выдаными отъ нихъ свидѣтельствами.

Другой интересный вопросъ, обсужденійся нынѣшнимъ съѣздомъ, заключался въ томъ—желательно-ли совмѣщеніе въ одномъ исправительному заведеніи осужденныхъ дѣвочекъ съ малолѣтними мужскаго пола? Этотъ вопросъ вызвалъ оживленный пренія. Съ одной стороны заявлялось, что въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніи такое совмѣщеніе можетъ быть прямо вредно и что никакія соображенія практическаго удобства не могутъ быть поставлены выше положительного неудобства воспитательнаго. Съ другой стороны доказывалось, что неудобство это можетъ быть устранено содержаніемъ въ особомъ отдѣленіи, такъ чтобы дѣвочки встрѣчались съ мальчиками только въ церкви и на фѣстивалахъ праздникахъ; приводились примѣры заграниценныхъ исправительныхъ пріотовъ, где такое совмѣщеніе допускается безъ вреда. Наконецъ, указывалось и на тотъ, наиболѣе убѣдительный аргументъ, что во всякомъ случаѣ лучше дѣвочкамъ содержаться, хотя-бы при мужскомъ исправительномъ заведеніи, чѣмъ идти въ тюрьму.

Собрание рѣшило этотъ вопросъ отрицательно. Большинствомъ 20 голосовъ противъ 15-ти, съѣздъ призналъ невозможнымъ присоединеніе отдѣленій для дѣвочекъ къ мужскимъ исправительнымъ пріютамъ и по-

ручилъ своему бюро разработать вопросъ объ устройствѣ исправительныхъ пріютовъ для малолѣтнихъ преступницъ. Между тѣмъ, если принять во вниманіе незначительныя цифры осуждаемыхъ судами дѣвочекъ, то придется пожалѣть о такомъ решеніи, которое было принято подъ вліяніемъ представителей польскихъ исправительныхъ заведеній. Они-то именно решительно высказывались противъ учрежденія женскихъ отдѣленій при мужскихъ исправительныхъ пріютахъ. Такъ какъ число осуждаемыхъ дѣвочекъ, повторяемъ, незначительно, то необходимо избрать одно изъ двухъ решеній: или учредить отдѣльные исправительные женские пріюты, по одному на цѣлый судебный округъ, или допустить совмѣщеніе, при чёмъ получается экономическая удобства, такъ какъ содержание пріютовъ съ большимъ числомъ воспитанниковъ обходится сравнительно дешевле.

Такое совмѣщеніе, то-есть устройство для дѣвочекъ небольшихъ отдѣльныхъ помѣщеній при зданіяхъ мужскихъ пріютовъ, могло-быть временнымъ, впрѣдь до постройки отдѣльныхъ пріютовъ. Въ саратовскомъ галкинскомъ пріюте, существующемъ уже 22 года, имѣется помѣщеніе для дѣвочекъ, отдѣльно отъ мальчиковъ. Для первыхъ есть особая надзирательницы и, по заявлѣнію представителя этого заведенія, удобства и особыхъ затрудненій при этомъ не замѣчалось. Указывалось и на существованіе совмѣстныхъ пріютовъ, съ двумя отдѣленіями, въ Берлинѣ, Бельгіи и Швейцаріи. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ оставлять дѣло въ нынѣшнемъ положеніи, когда для дѣвочекъ есть только три пріюта.

Всѣдѣ за изданіемъ закона, которымъ было разрѣшено заключеніе всякихъ сдѣлокъ въ золотой валютѣ за открытиемъ выдачи и приема золота въ государственномъ банкѣ, съ уплатой кредитными билетами по курсу, установленному министерствомъ финансовъ и составляющему нынѣ 7 руб. 40 коп. кред. за 1 полумпериаль нового чекана (5 р. зол.), послѣдовало распоряженіе о выдачѣ и приемѣ всѣми правительственными кассами, за кредитные рубли и размѣнную, низкопробную монету, монеты серебряной полноцѣнной, безъ ограниченія суммы — рубль за рубль.

Такимъ образомъ удостовѣreno, какъ мы на то указывали во время толковъ о «девальвації», возникшихъ за изданіемъ упомянутаго закона — что паденіе полноцѣнной серебряной монеты ниже цѣны низкопробной монеты и бумажныхъ денегъ было явленіемъ искусственнымъ, зависѣвшимъ только отъ непріема серебряныхъ рублей въ платежи. Но надо замѣтить, что полноцѣнное серебро, принимаемое и выдаваемое теперь правительственными кассами, по цѣнѣ 7 руб. 40 к. чистымъ серебромъ за 5 р. золотомъ, является у насъ именно только *наравнъ* съ бумажными деньгами, то-есть въ качествѣ кредитного знака на получение золота, а не въ значеніи звонкой монеты, имѣющей свою внутреннюю цѣнность, такъ-какъ действительная цѣна серебра на всемирномъ рынке значительно ниже. Разъ серебряные рубли принимаются въ уплату пода-

тей по нарицательной цѣнѣ, они являются равноправными съ кредитными рублями платежными, но всетаки условными знаками, а не звонкой монетой, которой цѣна равна товарной цѣнности ея металла, и не мѣрителемъ цѣнностей вообще.

Цѣлью открытия продажи и приема, какъ прежде золота, такъ теперь и серебра въ правительственныехъ кассахъ было, очевидно, желаніе ввести вновь металлы въ обращеніе. За этимъ можно было предполагать намѣреніе—послѣ того, какъ внутренній рынокъ насытился-бы золотомъ—извлечь изъ обращенія кредитныя билеты, въ обмѣнъ на золото, *по курсу*, а на серебро — рубль за рубль. Это и была-бы девальвація. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ доселъ свѣдѣній о томъ, сколько со времени открытия обмѣна по курсу вы требовано изъ государственного банка золота и сколько въ банкъ его поступило—не изъ казначейства, а отъ публики. Золота при покупкахъ въ магазинахъ и при «сдачѣ» ими съ крупныхъ кредитныхъ бумагъ доселъ не видно. Относительно же полноцѣнного серебра извѣстно, что желавшимъ того чиновникамъ оно выдавалось при уплатѣ жалованья и что затѣмъ, при предъявленіи ими въ платежъ на пароходахъ и въ лавкахъ, оно часто не принималось. Это обстоятельство вызвало въ половинѣ сентября правительственное «сообщеніе» о томъ, что отказъ нѣкоторыхъ содер жателей банкирскихъ заповѣдей и мѣняльныхъ лавокъ въ приемѣ серебрянной полноцѣнной монеты наравнѣ съ кредитными билетами ни на чѣмъ не основанъ и «направленъ единственно къ незаконной наживѣ». Относительно банкировъ и мѣняль это, навѣрно, справедливо, но вѣдь всѣ вообще торговцы и самая публика пока всетаки не запасаются серебромъ для расчетовъ. Трудно вдругъ ввести въ обращеніе то, что изъ него вышло уже давно, вслѣдствіе непрѣнїя казною средствъ къ размѣну на металлы — кредитныхъ рублей, хотя и «обезпеченныехъ всѣмъ достояніемъ государства».

КРИТИКА И БИБЛIOГРАФІЯ.

А. Критика.

И. Кар'євъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерданія. С.-Петербургъ, 1895 г.

А. Трика. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на «письма» къ ней г. Кар'єва о самообразованіи. С.-Петербургъ, 1895 г.

С. Обращеніе товарища къ студентамъ. С.-Петербургъ, 1895 г.

Въ теченіе короткаго времени проф. Кар'євъ выпустилъ двѣ брошюры—одну подъ названіемъ «Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи», другую—«Бесѣды о выработкѣ міросозерданія». О первой изъ нихъ мы уже писали на страницахъ «Съвернаго Вѣстника». Авторъ дѣлаетъ неудачныя попытки какого-то фамильярного объясненія съ молодымъ поколѣніемъ по разнымъ важнымъ вопросамъ образованія и самообразованія. Не ограничиваясь преподаваніемъ съ кафедры, г. Кар'євъ обращается къ печатному слову, чтобы расширить кругъ своего вліянія. Какъ-бы уловивъ смутный ропотъ молодыхъ голосовъ въ университетскихъ коридорахъ и аудиторіяхъ, неутомимый профессоръ, никогда и нигдѣ не выступавшій — вопреки своимъ скрытымъ сколастическимъ наклонностямъ—иначе, какъ подъ знаменемъ прогресса, рѣшилъ подвергнуть пересмотру нѣкоторые старые вопросы, набросать программу новой, болѣе широкой системы, которая примирila-бы различныя воюющія передовыя партіи и сочетала-бы требованія положительной науки съ идеалистическими запросами душъ. Къ сожалѣнію, прекрасная по мысли затѣя г. Кар'єва приводится въ исполненіе такими несовершенными способами, что о настоящемъ ея успѣхѣ не только въ литературѣ, но даже и въ средѣ молодежи, которую легко подкупить талантливымъ или хотя-бы просто живымъ словомъ, не можетъ быть и рѣчи. При тяжеломъ и тягучемъ слогѣ, съ надоѣдливымъ перезвономъ архаическихъ мѣстоименій посреди новѣйшихъ научно-прогрессивныхъ терминовъ, при полномъ неумѣніи показывать свои мысли ясно, твердо, безъ помощи громоздкихъ

или туманныхъ книжныхъ сопоставлений, при явномъ отсутствіи литературного темперамента и агитационаго пыла, разсужденія г. Карбѣва могутъ внести въ современное броженіе идей только расхолаживающую струю педантического резонерства. Въ обѣихъ названныхъ иами книжкахъ мы не нашли ни одной страницы, отъ которой вѣяло бы свѣжей мыслью. Старые и новые вопросы выступаютъ подъ торопливымъ, но не острѣмъ перомъ г. Карбѣва, однаково тускло, неинтересно, безформенно. Постоянно качаясь между противоположными теоріями, безпрерывно сгребая справа и слѣва горячія уголья различныхъ популярныхъ учений, немедленно остывающіе въ холодной, прѣсной водѣ его собственныхъ докторальныхъ изліяній, г. Карбѣвъ только усложняетъ свою задачу. Въ бесѣдахъ съ молодежью, которая усомнилась въ старыхъ методахъ и умственныхъ путяхъ, которая заодно съ новѣйшей литературой всѣхъ европейскихъ народовъ ощущила потребность въ болѣе широкихъ и глубокихъ научныхъ обобщеніяхъ, необходимо занять определенную позицію, не глядя по сторонамъ, не впадая ни въ какіе компромиссы ради союза съ тѣми или другими партіями. Надо было вынуть изъ души и со всею возможною наглядностью показать свои завѣтныя убѣжденія, которые всегда имѣютъ цѣльный характеръ и не могутъ быть собирающемъ разнородныхъ мнѣній и понятій. Надо было, отложивъ на сторону заманчивую привычку дѣлать ученыхъ компилляціи, выжимать соки изъ чужихъ, оригинальныхъ работъ, выступить агитаторомъ того или другого законченного ученія. Только такимъ способомъ можно было сдѣлаться двигающею силою среди борющихся теченій современной жизни и представить опору для тѣхъ, которые ищутъ логическихъ путей къ созданію цѣльного философскаго міровоззрѣнія. Только освѣтивъ собственной мыслью не книжные, а жизненные вопросы, минуя безплодныя пренія о словахъ и подойдя къ самому предмету умственныхъ сомнѣній нашей эпохи, къ тревожнымъ вопросамъ въ области личной и общественной морали, въ сферѣ религіозныхъ и эстетическихъ исканій, только обнаруживъ непосредственную связь своей души съ запросами чуткихъ, мыслящихъ людей, можно было въ самомъ дѣлѣ взять на себя роль руководителя молодыхъ поколѣній. Но продолжая въ открытыхъ письмахъ къ читающему юношеству мертвую рутину педагогическихъ назиданій и банальныхъ разсужденій съ чужого голоса, г. Карбѣвъ, какъ намъ кажется, долженъ рано или поздно вызвать только реакцію среди своей теперешней аудиторіи. Мы не знаемъ, съ какимъ чувствомъ русское студенчество читаетъ эти растигнутыя и туманныя «Письма» и «Бесѣды» заслуженнаго профессора. Намъ не приходилось говорить съ молодыми людьми обѣ этихъ книжкахъ. Но память еще недавнихъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ университета, даетъ намъ уверенность, что эти широковѣщательные манифесты проф. Карбѣва по адресу юной Россіи не должны имѣть настоящаго успѣха. Пусть газеты, падкія на всякую рекламу, сообщаютъ что хотятъ, пусть самъ г. Карбѣвъ рас-

писывается въ полученіи отрадныхъ доказательствъ сочувствія,—мы не допускаемъ, чтобы эти мертвыя книжки могли шевелить живыя чувства, мысли, настроенія въ подростающемъ поколѣніи. Тутъ не къ чему прислушиваться: холодныя фразы безъ оригинального содержанія не могутъ приковывать ничьего вниманія. Тутъ не надѣть чѣмъ серьезно работать, потому что искусственно сбитые вмѣстѣ силлогизмы распадаются при первомъ прикосновеніи острого анализа. Если книги г. Кар'єва расходятся наѣсколькими изданіями, если онѣ читаются и вызываютъ печатныя возраженія, то это только потому, что наши университеты слишкомъ не избалованы талантами, а вопросы философскаго и соціального характера съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе требуютъ новой разработки.

Г. Кар'євъ хотѣлъ бы указать своимъ молодымъ читателямъ тѣ элементы, изъ которыхъ можетъ сложиться опредѣленное міровоззрѣніе. Но вѣрный своей ученой манерѣ комилировать изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, онъ нигдѣ не становится твердо на извѣстную почву. Излагая безъ малѣйшаго признака оригинальности свой взглядъ на материализмъ, г. Кар'євъ съ самаго начала впадаетъ въ нѣкоторую неясность. Онъ понимаетъ, что материализмъ не можетъ объяснить всѣхъ явлений человѣческой жизни. Но отрекаясь отъ материализма, онъ тутъ же замѣчаетъ, что и спиритуализмъ совершенно бессиленъ въ объясненіяхъ физической природы. Оба ученія имѣютъ метафизический характеръ, не основанный «на критическомъ знаніи», и простираются свои претензіи дальше, чѣмъ они имѣютъ право. Вотъ главная мысль, проходящая черезъ всѣ разсужденія автора. Порывая связь съ материализмомъ, г. Кар'євъ, съ видомъ человѣка, прошедшаго школу критической философіи, колеблетъ довѣріе и къ тому ученію, которое является системой противоположныхъ взглядовъ. Однако, авторъ не выдерживаетъ своихъ разсужденій до конца. «При полномъ нейтралитетѣ между материализмомъ и спиритуализмомъ, какъ теоретическими попытками понять, въ чёмъ заключается основа міра явлений, нельзя не сказать, что въ практическомъ отношеніи къ задачамъ этики, *конечно, всегда ближе* стоять спиритуализму, ибо основу этическихъ стремленій человѣка можно понятьнымъ образомъ искать лишь въ духѣ, а не въ матеріи». Г. Кар'євъ, съ удивительной для ученаго человѣка наивностью, готовъ раздѣлить науку и жизнь на двѣ чуждыя другъ другу области и признать, что теоретически несостоятельный идеи могутъ тѣмъ не менѣе въ практическомъ отношеніи оказаться важными орудіями личнаго совершенствованія и прогресса. Журнальное дилетантство, еще недавно выступавшее съ помпой научной передовитости, оказалось вліяніе и на дѣятелей, близко стоявшихъ, по своему положенію и даже призванію, къ источникамъ образованія и знанія. Не задумываясь надъ смысломъ своихъ словъ и бросая пустыя фразы во всѣ стороны, чтобы захватить ими и нашихъ и вашихъ, г. Кар'євъ не считаетъ необходимымъ объясняться съ читателемъ относительно главныхъ признаковъ спиритуализма. Научное раз-

суждение на эту тему показало бы всю шаткость его произвольныхъ утверждений и, можетъ быть, открыло бы передъ молодыми умами нѣ-которую путаницу въ логическихъ доводахъ профессора. Г. Карьевъ хочетъ быть въ полномъ согласіи и съ реалистическою наукой, отвергающей всякую метафизику, и съ идеалистическими стремленими новѣйшаго времени. Вотъ почему онъ, съ запоздалымъ дерзновеніемъ, поднимаетъ надъ безбрежной стихіей своихъ водяністыхъ разсужденій трезубецъ Нептуна, угрожая имъ и безъ того слабѣющімъ защитникамъ матеріализма. Вотъ почему онъ въ то же время дѣлаетъ ненужныя и притомъ противорѣчивыя уступки спиритуализму на практическомъ поприщѣ. При нѣкоторой гибкости можно угодить и тому, и другому!

Покончивъ съ обоими видами метафизики, г. Карьевъ выясняетъ свои отношенія къ наукѣ о природѣ и къ наукѣ о человѣческомъ обществѣ. По его мнѣнію, въ первой изъ нихъ должны господствовать объективизмъ и реализмъ, а во второй нѣкоторый идеализмъ и субъективизмъ. «Въ дѣлахъ человѣческихъ, пишетъ онъ, включая въ ихъ число и общественные отношенія, мы желаемъ знать не только то, что есть, но и то, что должно быть, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ не только понимать, какъ происходитъ или происходило то, что есть и что было, но и оцѣнивать все это съ точки зреія нашихъ представлений о томъ, что должно быть». Идеализмъ, «котораго реализмъ не имѣть надобности и права устранять»,—есть творчество практическихъ идеаловъ. Какъ направлѣніе мысли, онъ возможенъ и законенъ только при изученіи человѣческой жизни. На основаніи известныхъ идей, мы субъективно оцѣниваемъ то, что совершается передъ нашими глазами. Такова законная роль идеализма и субъективизма въ гуманитарныхъ наукахъ—подъ двумя, однако, условіями: «во-первыхъ, чтобы при этомъ ни малѣйшимъ образомъ нерушались требованія реализма и объективизма и [во-вторыхъ] чтобы подъ покровомъ идеализма и субъективизма не проникла въ науку метафизика». Такимъ образомъ г. Карьевъ привлекаетъ въ свои широкія объятія всевозможные философскіе измы (субъективизмъ, идеализмъ, реализмъ, объективизмъ) и, повернувшись тыломъ къ неотступно преслѣдующей его метафизикѣ, несетъ съ ними по пути прогресса. Но, какъ и въ вопросѣ о матеріализмѣ и спиритуализмѣ, онъ и здѣсь отдаляетъ жизнь отъ науки. Пусть въ практической области царятъ разныя идеалистическія влеченія, опирающіяся на спиритуализмъ, а въ наукѣ долженъ господствовать строго объективный методъ реализма. Съ такою постыдною для ученаго человѣка склонностью къ компромиссамъ разсуждаетъ г. Карьевъ о вопросахъ величайшей важности. Съ непонятнымъ произволомъ онъ сокращаетъ самый объемъ идеалистического ученія, отнимая у него его главныя теоретическія основанія. Авторъ не понимаетъ, что его защита субъективизма при такомъ взглядѣ становится совершенно беспочвенной. Если практическіе идеалы коренятся въ ученіи, которое отвергается чистою наукой, то предъ судомъ неподкупной ло-

ники идеалы эти лишены всякого серьезного значения. Они не могут быть доказываемы. Ихъ нельзя проводить въ сознаніе людей общеобязательными, логическими путями. Ихъ влияние на исторический ходъ вещей не можетъ имѣть культурной силы. Субъективная оценка современной действительности, какъ и всякой исторической действительности, не вооруженная научнымъ убѣждениемъ, можетъ только случайно принять характеръ какого-нибудь общественного движения, но никогда не вырастетъ до степени могущественной, не пылающей, упорно-разрушительной философской критики. Никакая этика, личная или общественная, не должна развиваться внѣ науки. Если идеалистические запросы человѣческой души и совѣсти не находятъ для себя опоры, оправданія въ такъ-называемой реалистической наукѣ, то это значитъ, что эта наука разрабатывается по фальшивому методу, лишена внутренняго свѣта, нуждается въ обновляющей реформѣ посредствомъ опредѣленной философской идеи. Критическая философія, съ которой г. Карбевъ, повидимому, тоже хотѣлъ бы сохранить дружескія отношенія, и создала такой объединяющей взглядъ на міръ, при которомъ онъ весь оказывается подчиненнымъ общимъ высшимъ законамъ. Она охватываетъ въ одной системѣ, однимъ и тѣмъ же методомъ, изслѣдованіе физическихъ и нравственныхъ явлений, не только не разрушая широкія владѣнія естественныхъ наукъ, но даже укрѣпляя ихъ на твердомъ фундаментѣ опредѣленной критической теоріи познанія. Эта критическая философія есть послѣднее слово человѣческой мудрости, слившее свои открытія и выводы съ міровою религіозно-этической системой. Какъ известно, Кантъ сравнивалъ свою философскую реформу съ научной реформой Коперника. Измѣнивъ исходную точку всякаго изслѣдованія, онъ перенесъ всѣ вопросы эмпирическаго знанія, вопросы о природѣ, о причинахъ, изъ вида міра въ идеальную область сознанія съ его коренными законами. Другой чрезвычайно выдающейся мыслитель этого столѣтія, итальянскій философъ Джюберти, выразился такимъ-же образомъ о философской реформѣ Христа. Въ своемъ трактатѣ «Философія откровенія» онъ говорить слѣдующее: «Христосъ совершилъ въ области духа то-же самое, что Коперникъ совершилъ въ астрономіи: онъ сдѣлалъ землю частью неба. Христіанское небо не находится болѣе въ противорѣчіи съ землей, потому что сама земля стала однимъ изъ его свѣтиль»¹⁾.

Такъ разсуждаютъ люди истинной философіи. Ихъ теоретическая понятія, ни въ чёмъ не измѣняя себѣ, обнимаютъ интересы науки и морали въ одномъ союзѣ, въ которомъ не можетъ быть места никакому субъективному пропизволу. При всей своей обширной учености, г. Карбевъ не обнаружилъ пониманія самого духа новой философіи, и важно выступая въ роли современного знаменосца прогресса, предалъ всю область прак-

¹⁾ Giuseppe Gioberti. Della filosofia della rivelazione, Volume unico. Torino. 1856
Стр. 44 и 78.

тической борьбы безпочвенному субъективизму. Критический идеализмъ устраиваетъ самую мысль о субъективизмѣ въ какихъ-бы то ни было вопросахъ. Дѣлая жизненные идеалы выводомъ изъ определенныхъ теоретическихъ положеній, онъ стремится логическими средствами завербовать всѣхъ умѣющихъ мыслить людей и такимъ образомъ передѣлать историческую дѣйствительность въ духѣ свѣтлыхъ міровыхъ принциповъ.

Любопытно отмѣтить еще вотъ что. Не найдя философскихъ оснований для нравственности, г. Карбевъ не постыдился выкинуть за бортъ своего тяжело-нагруженного корабля всѣ вопросы эстетики, какъ не нужные для цѣльного пониманія человѣческой жизни въ природѣ. «Безъ логической теоріи мышленія и безъ этической теоріи поведенія немыслимо цѣльное и полное міросозерцаніе», говорить онъ, «но отсутствіе въ такомъ міросозерцаніи эстетической теоріи наслажденія красотой и художественного творчества не можетъ составлять особенно важнаго прѣбала, какъ и прѣбѣль въ общей исторіи, которая игнорировала-бы развитіе искусства, не могъ-бы имѣть такого значенія, какъ прѣбѣль относительно религіи, философіи, науки, литературы, нравовъ и т. п.». Такимъ варварскимъ жargonомъ, съ безвкуснымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же словъ и неуклюжими оборотами рѣчи, г. Карбевъ—велѣдь за отживающими гонителями искусства—старается принизить значеніе эстетической теоріи въ развитіи общества. Цѣлый міръ идей—красота, поэтическое творчество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—оказался излишнимъ для образованія. Признавая необходимость изученія литературы для пониманія общепріорическихъ явлений, г. Карбевъ, по какой-то не-постижимой логикѣ, отрицаѣтъ при этомъ тѣ орудія, посредствомъ которыхъ можно придать этому изученію систематической характеръ. Искусство, художественное творчество, литература представляютъ огромную область фактовъ, которую нельзя обнять и осмыслить иначе, какъ при помощи идей, разрабатываемыхъ въ эстетикѣ. Красота въ ея различныхъ видахъ и никогда не умѣравшая въ человѣчествѣ любовь къ красотѣ всегда будуть однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ философского изслѣдованія. Историческая наука не можетъ быть полною, если въ ней не подвергнуты глубокому изученію эстетическая стремленія и художественные идеалы общества. Въ искусствѣ получаютъ свое выраженіе высшія дарованія человѣка, и, не понимая творческаго процесса въ литературѣ, музыкѣ, скульптурѣ, живописи, архитектурѣ, нельзя проникнуть къ самымъ источникамъ культурнаго развитія человѣчества. Только на русской почвѣ возможно такое уродливое явленіе, какое представляетъ собою это разсужденіе ученаго профессора о ненужности эстетическихъ понятій для полнаго и цѣльнаго міросозерцанія. Замирающій отголосокъ прежняго умственнаго броженія, эти строки г. Карбева особенно непонятны въ книжкѣ, рассчитанной на современную публику съ ея новыми, болѣе сложными запросами. Разойдясь съ материализмомъ, составлявшимъ еще недавно главный догматъ журнального либерализма,

г. Карбевъ хочетъ сохранить свою связь съ прежними авторитетами, поддерживая либеральное поненіе на искусство. Субъективизмъ въ соціологии и отрицаніе эстетики—вотъ единственный оплотъ ученой передовитости г. Карбева.

Мы передали въ общихъ чертахъ содержаніе «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія». По воззрѣніямъ г. Карбева, реалистическая наука, соединенная съ беспочвенными практическими идеалами, и образуетъ цѣльное пониманіе міра и жизни. Договорившись до такихъ странныхъ заключеній и нѣсколько разъ подчеркнувъ свою принадлежность къ осо-беннай прогрессивной партіи русскихъ субъективистовъ, которые будто-бы одни только отстаиваютъ значеніе и права личности въ исторіи, г. Карбевъ подводитъ итогъ всѣмъ своимъ размышеніямъ на нѣсколь-кихъ страницахъ, блѣдо и мертвенно повторяющихъ банальную мысль о необходимости выработать цѣльное міросозерцаніе. На прощаніе съ чи-тателями, онъ рекомендуется имъ нѣсколько важныхъ трактатовъ, напи-саныхъ въ указанномъ имъ философскомъ направлениі. Въ этомъ ко-роткомъ спискѣ рядомъ съ трудами такихъ иностранныхъ ученыхъ, какъ Миль, Спенсеръ и Эспинасъ, находятся сочиненія и русскихъ науч-ныхъ свѣтиль: два сочиненія проф. Н. И. Карбева, три сочиненія Н. К. Михайловскаго, одно сочиненіе С. Н. Южакова и одно сочиненіе проф. Коркунова. Въ этихъ книгахъ современное молодое поколѣніе можетъ найти удовлетвореніе всѣмъ своимъ умственнымъ потребностямъ. Здѣсь скрыть тотъ источникъ живой воды, въ которомъ оно получить свое крещеніе для вступленія на путь борьбы за идеалы личного и обще-ственного совершенства.

Судя по тону всей книжки, можно думать, что г. Карбевъ удовле-творенъ своей работой. Читающее студенчество получило указаніе, изъ какихъ элементовъ складывается опредѣленное міросозерцаніе, роль про-фессора закончена, прогрессивное теченіе жизни освѣщено съ высоты науки. По заведенному порядку, самая бездарныя сочиненія или статьи, подписанныя извѣстными именами, должны быть встрѣчены сочувствен-ными аплодисментами газетныхъ и журнальныхъ рецензентовъ, не из-мѣнившихъ прежнимъ традиціямъ. Никто не займется вопросомъ о фи-лософскомъ образованіи общества съ полной серьезностью... Но жизнь не останавливается въ своемъ движеніи и изъ подъ мертвенної поверх-ности рутины и буржуазнаго формализма пробиваются свѣжія струи. Молодые умы не дремлютъ. Не находя отвѣта на свои сомнѣнія въ пи-саніяхъ профессоровъ и журнальныхъ авторитетовъ, они сами, по своему, насколько хватаетъ силъ, съ горячностью безкорыстнаго увлеченія, пы-таются по новому поставить и разрѣшить вѣчные вопросы о цѣляхъ жизні, о задачахъ личной и общественной дѣятельности. Есть нѣкото-рые признаки пробужденія высшей любознательности въ русскомъ обще-ствѣ, и вопросъ о томъ, быть-ли Россіи культурною или варварскою страною—становится теперь особенно настоятельнымъ. Можетъ быть, по-

рывомъ смѣлаго размышленія молодыя силы прорвутся сквозь гнетущую путаницу противорѣчивыхъ, безжизненныхъ формулъ, чтобы свободно развернуться въ той чистой атмосферѣ, где истина, красота и нравственныи подвигъ слиты въ высшемъ философскомъ синтезѣ.

Въ этомъ смыслѣ характерны, между прочимъ, двѣ брошюры, появившіяся въ видѣ отвѣта на первый манифестъ г. Карѣева. Авторы, принадлежащіе къ студенческой молодежи, выражаютъ различные по существу взгляды на цѣли образованія и самообразованія, но оба согласны между собою въ томъ, что г. Карѣевъ не разрѣшааетъ поставленныхъ имъ вопросовъ. Трика обвиняетъ г. Карѣева въ томъ, что онъ темно и поверхностно объясняется по столь важному предмету, что онъ разрабатываетъ мелочи, пропуская безъ анализа важнѣйшии факты жизни, что онъ съ наставническою самоувѣренностью предлагаетъ никуда негодные рецепты. Г. Карѣевъ, пишетъ онъ, недостаточно понялъ отличительныи черты новѣйшаго поколѣнія, а потому его сочиненіе годится только для той молодежи, которая создана его фантазіей. Несмотря на юношескую сбивчивость изложенія, оппонентъ г. Карѣева все-таки даетъ чувствовать, что онъ стоитъ на точкѣ зреїнія определенныхъ понятій. Правда, его разсужденія, постоянно перебывающіяся пылкими обращеніями къ товарищамъ, не отличаются особенной шириной; но тѣмъ не менѣе они имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ путанными и двойственными сужденіями г. Карѣева. Авторъ выражаетъ потребность въ определенномъ, ясномъ, выдержанномъ міровоззрѣніи, а стремленіе къ научной и философской определенности, къ объединенію теоретическихъ и практическихъ интересовъ всегда ведетъ людей къ новымъ обобщеніямъ и новымъ культурнымъ завоеваніямъ.

Другой оппонентъ г. Карѣева, подписавшій свою книжку буквой С., не раздѣляетъ воззрѣній своего товарища и возражаетъ на «Письма къ учащейся молодежи» другими доводами. Склоняясь въ сторону новѣйшихъ, чисто нравственныхъ движений, онъ призываетъ студенчество къ изученію главнаго источника христіанской религіи и этики. Онъ питаетъ свѣтлую надежду, что въ наступающемъ новомъ столѣтіи произойдетъ полное обновленіе русскихъ силъ, бродившихъ до сихъ поръ въ потемкахъ сбивчивыхъ знаній и одностороннихъ взглядовъ. Съ большими увлеченіемъ рекомендуетъ онъ, какъ вѣрное средство противъ умственной болѣзни вѣка, постоянное чтеніе Евангелія. При той-же неясности изложенія и отсутствіи глубокаго критического анализа, какъ у г. Трика, г. С. несомнѣнно правъ, упрекая проф. Карѣева за отсутствіе твердыхъ принципіальныхъ разъясненій на поставленную имъ тему. Несмотря на явный компромисъ со старыми и новыми теченіями, «Письма къ молодежи», какъ и только что разобранная нами книжка, не удовлетворили и не могутъ удовлетворить ни одну свѣтскую, чуткую душу. Во всякую эпоху истинно-прогрессивными людьми являются только тѣ дѣятели, которые выступаютъ передъ обществомъ съ ясными принципами, съ рѣзко-

очерченной духовной физиономії, съ смѣлой готовностью разойтись со всѣми существующими партіями—во имя того, что свѣтится и горить въ собственномъ сознаніи. Во всякомъ цѣльномъ міровоззрѣніи заложена сила, которая рано или поздно вырвется наружу и произведетъ широкое броженіе умственныхъ и соціальныхъ стремленій.

A. Волынскій.

Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристицѣ. СПБ. 1895. Стр. 238+VII. Цѣна 1 руб.

Только что вышедшая въ свѣтъ книга представляетъ собой такъ сказать прелюдію къ имѣющему появиться собранію сочиненій Я. К. Грота. Книга эта составлена и издана вдовою Я. К. Грота, Н. П. Гротъ, изъ подлинныхъ документовъ и статей самого Грота, почему всякое подозрѣніе въ пристрастіи составительницы должно отпасть, и вся книга является краснорѣчивымъ документомъ, характеризующимъ покойнаго Я. К. его собственнымъ перомъ — то въ видѣ автобіографическихъ замѣтокъ (стр. 1—52), то въ видѣ замѣтокъ изъ дневника (стр. 53—72), то въ видѣ стихотвореній преимущественно автобіографического содержанія (стр. 73—142), то въ видѣ цѣлаго ряда педагогическихъ замѣтокъ. Ко всему этому приложенъ еще полный бібліографический списокъ трудовъ Я. К. Грота. Словомъ, книга эта составлена очень тщательно, и тѣмъ, что въ ней главное мѣсто занимаютъ автобіографическая сочиненія самого Грота, а также бібліографический списокъ его трудовъ, она представляетъ весьма важный и цѣнныи материалъ для біографіи покойнаго ученаго, если только таковая (какъ увидимъ ниже) является зачѣмъ-либо крайне нужною.

Списокъ даетъ 428 нумеровъ разныхъ названій, появившихся въ теченіе 63-хъ лѣтъ литературной и научной дѣятельности Я. К. Грота. Цифра внушительная, особенно если принять во вниманіе, что тутъ есть не мало такихъ трудовъ, надъ составленіемъ которыхъ Гротъ работалъ очень долго, напр.: сочиненія Державина, «Филологическая розысканія». «Русское правоописаніе», первые выпуски «Словаря русскаго языка» и пр. Но этотъ списокъ не можетъ не свидѣтельствовать о томъ, что это былъ писатель, который работалъ въ разныхъ сферахъ литературы: стихотворенія оригиналныя и переводныя («Мазепа» Байрона, «Фрітіофъ» Тегнера и др.), критическая статьи и мелкія замѣтки, корреспонденціи, литературныя экскурсіи, этнографическая замѣтки, историческая изслѣдованія, статьи объ искусствѣ, грамматика, лексикографія, политическая статьи, педагогическая замѣтки, методика преподаванія языка, некрологи и пр., и пр., и все это идетъ въ перемежку, несомнѣнно мѣшая одно другому въ смыслѣ цѣнности и отдѣлки. Объяснить это особенною живостью натуры покойнаго академика нѣть возможности, ибо среди всѣхъ его четырехсотъ произведеній нельзѧ натолкнуться ни на одно, которое отличалось-бы пылкостью выраженій, яркостью образовъ, смѣлостью по-

ложеній, увлекательностью изложенія и какими-либо признаками вдохновенія,—ничто не даетъ хотя малѣйшаго намека на живую, экспансивную, отзывчивую натуру автора. Это скорѣе натура созерцательная, легко поддающаяся чужимъ настроеніямъ, уступчивая даже въ серьезныхъ вопросахъ (вспомнимъ его уступки въ вопросахъ русскаго правописанія, надѣлавшія столько шуму и путаницы своею неустойчивостью), готовая на все махнуть рукой и предоставить волю Божіей. Это былъ крайне старательный труженикъ, что и видно какъ изъ огромнаго количества его литературныхъ работъ, которыхъ сдѣлали нѣкоторый вкладъ въ науку, такъ и изъ его автобіографіи, изъ которой ясно, что его влекло къ наукѣ, хотя у него и не хватало духа сразу отдѣлиться отъ административной службы и предаться научнымъ занятіямъ всецѣло и беззавѣтно, пока Академія Наукъ не приняла его въ свои члены. Мы думаемъ, что эта книга, съ автобіографіей Я. К. Грота, со всѣми его автобіографическими стихотвореніями, среди которыхъ немалое мѣсто занимаютъ посвященія разнымъ высочайшимъ особамъ, — такъ ясно и полно характеризуетъ личность и дѣятельность покойнаго Я. К. Грота, что напрасно издательница ея, г-жа Н. П. Гротъ, въ предисловіи къ ней, высказываетъ предположеніе, будто «полная біографія такого дѣятеля можетъ потребовать нѣсколькихъ лѣтъ добросовѣтной и усидчивой работы». Излишня это была бы работа: никакой біографъ не обрисовалъ бы личность и дѣятельность Грота такъ ясно, вѣрно и полно, какъ уже сдѣлалъ это онъ самъ въ настоящей книгѣ.

Оттуда. Разсказы Сергея Норманского (Сигмы). Спб. 1895 г.

Авторъ этихъ коротенькихъ разсказовъ подвизается въ качествѣ постояннаго фельетониста на страницахъ «Нового Времени». Дѣятельность его началась сравнительно недавно, но при блѣдности современныхъ газетныхъ работъ, его легкія, иногда бойкія, всегда нѣсколько первознанія стали обращать на себя вниманіе читающей газеты публики. Г. Сигма вноситъ своимъ замѣткамъ духъ разинченности и дилетантскаго кокетства въ разгоряченную полемическими страстиами атмосферу болыпой и шумной газеты. Рядомъ со статьями постоянныхъ старыхъ сотрудниковъ «Нового Времени» его фельетоны и репортерскіе отчеты, рассчитанные на полухудожественное впечатлѣніе, кажутся странными, неожиданными явленіемъ въ этомъ органѣ зыбкихъ патріотическихъ страостей, слѣпой национальной травли и мстительныхъ критическихъ разгромовъ. Среди опытныхъ сильныхъ коршуновъ г. Сигма со своимъ невиннымъ порханіемъ отъ одного предмета къ другому является какимъ-то хлѣмъ птенцомъ, не обнаруживающимъ задатковъ возможнаго будущаго развитія. При старательно разыгрываемой великосѣтскости, онъ представляется въ своихъ многочисленныхъ «литературныхъ произведеніяхъ» просто фатоватымъ и самодовольнымъ буржуа. Привычка

щеголять, какъ дешевыми брелоками, иностранными словами и изрѣчениями, склонность къ пошловатымъ наименамъ на интимныя связи съ высоко-стоящими людьми, готовность подъ видомъ «летучей имиressо-нистской критики» оказывать дружескія услуги разнымъ литературнымъ дѣятелямъ, наконецъ, неудержимое стремленіе къ плоско-наивному хвастовству собственными успѣхами — вотъ отличительные особенности писательской индивидуальности молодого фельетониста «Нового Времени». За смертью такихъ талантливыхъ газетныхъ работниковъ, какими были Атава и буйно злобствовавшій Дьяковъ, г. Сигма можетъ, конечно, съ некоторымъ успѣхомъ выступать передъ обширной публикой распространенной газеты. Ничего, что въ писаніяхъ его не видно ни характера, ни какихъ-нибудь твердыхъ убѣждений или даже яркихъ пристрастій, которыя, во всякомъ случаѣ, составляли силу умершихъ фельетонистовъ. Пусть жидающія разсужденія нового сотрудника газеты тихоструйно переливаются по сосѣдству съ вульгарными, издѣвательскими, но порою мѣткими сатирами и пародіями г. Буренина. Утомленный однообразными впечатлѣніями сърой жизни, петербургскій чиновный читатель охотно отдыхаетъ на легонькой пустозвонной болтовнѣ, изъ которой можно выудить, для практическаго употребленія, то новѣйший парадоксъ, то модное пикантное имя какого-нибудь европейскаго писателя, то бойкое иностранное словцо, которое пригодится на многообѣщающемъ визитѣ у влиятельной супруги столонаачальника или у интересной опереточной премадонны. Вотъ для кого и для чего имѣютъ значеніе газетныя упражненія г. Сигмы. Въ этомъ читательскомъ кругу обращаются его литературные изліянія, давая пищу пустымъ, невѣжественнымъ, фанфаронствующимъ умамъ.

Но г. Сигма не хочетъ, повидимому, ограничить свою дѣятельность газетными работами. Склонный къ поэтической риторикѣ, онъ пробуетъ свои способности и на поприщѣ беллетристического сочинительства. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не поспорить въ этой области съ современными молодыми писателями, у которыхъ, при небольшомъ таланѣ, незамѣтно вытанцовывается кой-какой соблазнительный успѣхъ? И г. Сигма пишетъ небольшіе беллетристические очерки на экстравагантныя фантастическая темы, старательно убранные дешевыми цвѣтами новѣйшаго краснорѣчія. Онъ что-то знаетъ о Россети и о милыхъ дѣтскихъ лицахъ мадоннѣ Боттичелли. Онъ что-то слышалъ про гиннотизмъ, про декадентскую магію, про философию индійскаго метемпсихоза, пускающую корни въ современной Европѣ. Слѣдуя за вѣкомъ, онъ постѣгъ тщету земныхъ дѣлъ и тревогъ. Пройдя обширный курсъ международной трактирной цивилизациіи, онъ готовъ даже воззвать къ великимъ принципамъ бытія и, предавъ проклятию «полу-культурныхъ людей, которые забыли дѣтскую вѣру въ *сущее*», поставить свой жертвеннѣкъ на горѣ и очиститься для новой лучшей жизни. Такими средствами г. Сигма старается подкупить въ свою пользу не избалованного современаго читателя. Но,

къ сожалѣнію, эти средства оказываются недостаточными. Въ книжкѣ его разсказовъ, при манерномъ, дѣланномъ и безсильномъ языкѣ, мы постоянно натыкаемся на грубыя недѣлости въ смыслѣ литературнаго замысла и исполненія. Нигдѣ не видно простого, живого настроенія, знанія человѣческой души, умѣнья шевелить воображеніе дѣйствительно поэтическими словами. Вся книжка производить впечатлѣніе чегото не-нужнаго, надуманнаго, сочиненнаго подъ вліяніемъ современныхъ литературныхъ теченій. Подобно изображеному имъ въ одномъ разсказѣ герою, г. Сигма съ полнымъ правомъ могъбы сказать о себѣ: «я дилетантъ и могу производить только милюя посредственности. Работать мнѣ не надо, потому что есть кое-какія средства. Я учился безъ толку и много бродилъ по свѣту. Я не могу ненавидѣть порокъ ни въ себѣ, ни въ другихъ, потому что во мнѣ нѣтъ ненависти ни къ чему»... А при такихъ душевныхъ свойствахъ, при безтолковомъ образованіи, при нѣкоторой умственной распущенности и самодовольно подчеркнутой безпринципности, да еще при отсутствіи замѣтнаго художественнаго таланта, г. Сигма могъбы безъ всякаго ущерба для литературы совер-шенно отказаться отъ какихъбы то ни было беллетристическихъ притязаній. Тутъ ему дѣлать нечего. Серьезное искусство ему не по плечу. Его настоящая сфера—жиденькіе газетные фельетоны или любезныя реляціи о салонныхъ литературныхъ вечерахъ и раутахъ у восходящихъ звѣздъ театра.

A. Волынскій.

Б. Бібліографія.

I. ЛІТЕРАТУРА. КНИГИ ДЛЯ ДІТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

Русская поэзия. Собрание произведений русскихъ поэтовъ. Издаётся подъ редакціей С. А. Венгерова. Выпускъ V. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Г-нъ Венгеровъ продолжаетъ выпускъ отдѣльныхъ тетрадей „Русской поэзіи“, могущий служить пособіемъ для каждого, кто желаетъ вѣтсоколько подробите, чѣмъ по учебнымъ курсамъ, ознакомиться съ русской литературой. Въ 1-мъ томѣ г. Венгеровъ соединилъ поэтовъ XVIII вѣка (26 крупныхъ) и не забылъ привести образцы произведеній мелкихъ поэтовъ, которые уже начаты вѣ лежащемъ предъ вами 5-мъ выпускѣ „Русской поэзіи“ и будутъ закончены вѣ слѣдующемъ, заключительномъ для первого тома. Кроме самыхъ произведеній и критико-биографическихъ статей, вѣ „Русской поэзіи“ имются и бібліографическая примѣтчанія, составленныя съ терпѣніемъ и стараніемъ, присущими этому мало даровитому, но добросовѣстному собрателю литературовѣдческихъ документовъ.

Избранные русскія сказки (по сборникамъ Асафьевъ и др.) 3-е изданіе. Москва. 1895. Цѣна 2 р.

Снабженная довольно безтолковымъ предисловіемъ г. Маракуева, трактующаго о значеніи сказокъ, но не умѣющаго выяснить своей мысли, книжка эта содержитъ вѣ себѣ болѣе 50-ти сказокъ, изъ которыхъ часть позаимствована Богъ вѣсть изъ какихъ сборниковъ. Есть сказки грубыя и непедагогичныя, свидѣтельствующія о томъ, что издатель не сумѣлъ найти достойнаго лица, кому-бы поручить трудное и ответственное дѣло редактирования такой серьезной по своему значенію книги. Напр., вѣ сказкѣ „Про дурия“ малый сѣдѣеть живыхъ котятъ и съ удовольствіемъ пьетъ помои, да еще похвальствуется... Издавая книга хорошо; но это только виѣшня сторона, а для украшенія внутренней слѣдовало бы выбрать другого, т. е. толковаго и образованнаго редактора.

Мой акварумъ. Составилъ для дѣтей Ю. Н. Вагнеръ, приват-доцентъ с.-петербургскаго университета. Издание журнала „Игрушечка“. Спб. 1895 г. Цѣна 1 руб. Стр. 148.

Прекрасная книга молодого ученаго представляется намъ вполнѣ воспитательною. Онъ и самъ напоминаетъ вѣ предисловіи къ вѣй, что воспитаніе животныхъ всегда оказываетъ на характеръ и на развитіе ребенка благотворное вїяніе, поддерживая вѣ дѣтей живыхъ и любознательныхъ ин-

тересъ и любовь къ природѣ, а вѣ вялыхъ и апатичныхъ пробуждая таковой интересъ, оживляя ихъ и этимъ самымъ помогая ихъ развитію. Въ сема очеркахъ, написанныхъ прекраснымъ, простымъ, яснымъ, живымъ, образцовымъ языкомъ, авторъ разсказываетъ про Сережу и Наташу, которые подъ руководствомъ своего дяди совершаютъ экскурсии вѣ поискахъ за водяными животными и растеніями, устраиваютъ аквариумъ, слѣдѣть за жизнью всего этого маленькаго мірка, за разными превращеніями, видозмѣненіями, ведутъ дневникъ, — словомъ, отдаются всѣцѣю этому заинтересовавшему ихъ и притомъ весьма содержательному, полезному дѣлу. Въ концѣ этой книги приложенъ обильный списокъ книгъ, могущихъ служить дополненіемъ ея и пособіемъ для каждого, кто заинтересовался соотвѣтствующими отдѣлами зоологіи и ботаники, — списокъ, блещущій именами Брема, Дарвіна, Мензбира и др., а вѣ заключеніе г. Вагнеръ указываетъ на книжку г. Золотницкаго „Акваріумъ любителя“, что, конечно, дѣлаетъ честь его безпористранству.

Редакція „Игрушечки“, повидимому, приложила всѣ старанія, чтобы и виѣшность этой книги соотвѣтствовала ея прекрасному содержанію: хорошая бумага, четкій шрифтъ. множество рисунковъ, удачно иллюстрирующихъ текстъ, и цѣна, сравнительно съ позиціонно виѣшностью книги, не высокая.

Зоологический садъ. Очерки и нравы животныхъ вѣ картинахъ. Москва. 1895 г.

Ничего подобного предыдущей книжѣ. Москва-матушка, со своимъ лубкомъ, сказалась тутъ вѣ значительной мѣрѣ. До Зоотаблицъ съ грубо-намалеванными звѣрями, а къ нимъ кой-какъ составленный отрывочный текстъ. Такихъ книгъ, разсчитанныхъ не столько на научное развитіе дѣтей, сколько на доставленіе имъ забавы вѣ видѣ перелистыванія книжки и разглядыванія картинокъ, — существуетъ у насъ иѣсколько и вѣ изданий Вольфа, и Девріева, и Бернта, такъ что новая ничего путнаго къ прежнимъ собою не прибавить.

II. МЕДІЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Професоръ Генрихъ Гойеръ. Мозгъ и мысль. Перев. съ польского, съ разрѣши автора. Изд. журн. «Научное Обозрѣніе». Слѣд. 1895 г. 95 стр. Цѣна 1 р.

Професоръ Гойеръ удачно разрѣшилъ трудную задачу—изложить вѣ небольшомъ популярномъ очеркѣ такой вѣ высшей степени сложный предметъ, какъ анатомія и физіология центральной нервной системы.

Чтобы представить въ возможно простомъ видѣ строеніе головного мозга высшихъ животныхъ и человека, онъ пользуется данными пзъ области эмбриологии и сравнительной анатоміи; такимъ образомъ читатель, идя отъ простого къ болѣе сложному, постепенно уясняетъ себѣ сложнѣйшій механизмъ нервной системы человека, какъ развитіе весьма простой и удобопредставляемой формы. Тотъ же методъ примѣненъ и къ описанію физиологическихъ процессовъ. По части специальной физиологии нервной системы болѣе или менѣе обстоятельно разобраны явленія рефлекса и образованіе ощущеній. Подробиѣ изложены опыты и клиническія наблюденія, касающіяся участія различныхъ отдѣловъ мозга въ опредѣленныхъ психическихъ отправленияхъ или такъ-пазываемой локализаціи психическихъ функций. Что касается собственно психическихъ явленій, какъ процессовъ, то для объясненія пхъ нашъ авторъ не имѣетъ опредѣленной теоріи, если не считать теоріей неопределенного воззрѣнія на сущность первого процесса, какъ на родъ движенія; его объясненія памяти, воображенія, возникновенія представлений и пр. основываются больше на сравненіяхъ, чѣмъ на прямыхъ научныхъ данныхъ, и, по нашему мнѣнію, въ этой области имъ сдѣлано и болѣе, и менѣе того, на что давало ему право современное состояніе физиологии. Анатомическая часть труда пр. Гойера разработана весьма обстоятельно и систематично; она занимаетъ большую часть его книги и придаетъ ей главный интерес. Единственное, что можно поставить въ вину автору—это излишнее довѣріе къ микроскопическимъ картинаамъ, полученнымъ съ помощью метода Гольджи и къ теоріи неврозовъ—теоріи, весьма мало доказанной, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, и покажемъ совершенно бесплодной. Правда, это увлеченіе составляетъ при надлежность и болѣе серьезныхъ работъ пр. Гойера—извѣстнаго специалиста по микроскопической анатоміи мозга, и какъ ученый, онъ, конечно, вправѣ довѣрять или не довѣрять чѣмъ угодно наблюденіямъ и теоріямъ: но отъ популяризатора требуется побѣдѣ осторожности.

Во всякомъ случаѣ, трудъ проф. Гойера заслуживаетъ полнаго вниманія. Авторъ съ рѣдкимъ уиѣпьемъ изложилъ вполнѣ общедоступно предметъ весьма трудный и въ то-же время крайне важный и интересный по своему внутреннему значенію. Его изложеніе скжато и содержательно. Переводъ удовлетворителенъ. Русское изданіе снабжено иллюстраціями, уясняющими текстъ; къ сожалѣнію, нѣкоторые пзъ нихъ ипъ что не похожи, напр. разрѣзъ сѣччатки глаза на стр. 62.

Алкогольная хилость и недолговѣчность современаго человѣчества. (оставилъ д-ръ Р. А. Конье. Москва. 1894)

Выступая горячій и безусловнымъ противникомъ алкоголя во всѣхъ его видахъ, д-ръ Конье рассматриваетъ причины алкоголизма и предлагаетъ не отнятіе алкоголя или запрещеніе его производства, а рядъ культурныхъ мѣръ, улучшающихъ современныхъ общественныя бѣдствія. «Въ предстоящей міровой борьбѣ за освобожденіе отъ угнетающаго человѣчество алкогольного гпа—пишетъ онъ—дѣло идеть, конечно, не только о борьбѣ съ физическими недугами, но и о борьбѣ противъ материальной борьбы и бѣдствія широкихъ слоевъ работающаго населенія—о борьбѣ противъ умственнаго, духовнаго и нравственнаго неблагополучія, противъ религиознаго одиличія народовъ, противъ разврата, противъ преступности». Впечатлѣніе, оставляемое брошюрою, до пѣкоторой степени портится, благодаря тяжелому, бьющему на оригинальность, слогу. Такія выраженія, какъ „содѣлывать организмъ здоровымъ“ (6), „окачествованиѣ“ (23), „краткожизненность“, „тѣлоразвитіе“ (42), „сверхнормальная истощительная консумпція“ (43) и т. п. попадаютъ на каждомъ шагу.

Объ алкоголизмѣ. Рѣчъ д-ра П. Н. Коновалова. Красноярскъ. 1895.

Д-ръ Коноваловъ тоже принадлежитъ къ убѣждѣннымъ противникамъ алкоголя. Появленію такой толковой и интересной брошюры на восточной окраинѣ Россіи, вдали отъ какихъ бы то ни было «центровъ», нельзяискрено не порадоваться. Во всѣхъ закоулкахъ Россіи раздается живое, правдивое слово о вредѣ алкоголя. Быть можетъ, оно скоро войдетъ въ сознаніе общества, и страшный вредъ, который приноситъ народу алкоголизмъ, будетъ хоть до пѣкоторой степени парализованъ. Симпатичный примеръ, подавленій г. Коноваловымъ, конечно, заслуживаетъ полагаго сочувствія и подражанія.

Д-ръ Ф. Л. Германъ. Какъ лѣчились московскіе цари (Медико-исторический очеркъ). Киевъ. 1895. Ц. 40 к.

Очеркъ д-ра Германа представляетъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о положеніи врачей въ Московской Руси. Положеніе это было печальное, оскорбительное и даже прямо опасное. Цари не принимали изъ пхъ рукъ лѣкарствъ, боясь отравы, часто отдавали предпочтеніе лѣкарствамъ, которые совѣтовали применять не врачи, а бояре, и, наконецъ, въ случаѣ неудачнаго исхода болѣзни какой-нибудь особы, пользовавшій врачемъ этотъ послѣдній подвергался смертной казни. Не мудрено поэтому, что попозывные врачи прѣѣзжали въ Россію не очень охотно, несмотря на щедрое жалованье и соблазнительную роль «придворнаго врача», обязанныго лѣчить только царя и близкихъ ему особы..

Въ брошюре приведены пѣсколько интересныхъ «протоколовъ» о лѣченіи той или другой болѣзни, свѣдѣнія о совсѣ-

ніяхъ врачей въ трудныхъ случаяхъ, рецепты противъ разныхъ болѣзней.

Д-ръ К. Евграфовъ. О важнѣйшихъ причинахъ душевныхъ болѣзней. Пенза. 1895.

Авторъ знакомить читателей съ вліяніемъ наслѣдственности и алкоголизма на происхожденіе душевныхъ болѣзней. О значеніи въ томъ-же отношеніи сифилиса не говорится ничего, зато сильно преувеличено вліяніе «борьбы за существованіе». Въ августовской книжкѣ «Сѣв. Вѣсти», разбирая брошюру А. Я. Боткина, мы привели его мысль, что цивилизациія не вліяетъ на число душевно-больныхъ. Д-ръ Евграфовъ держится другого мнѣнія, но его доводы мало убѣдительны. Истощеніе въ не-поспѣльной борьбѣ, огорченіе—все это можетъ конечно служить поводомъ для развитія душевной болѣзни у лицъ, уже предрасположенныхъ къ ней, у лицъ съ расщатанной нервной системой. Самъ кажется, что авторъ самъ не твердо увѣренъ въ причинной зависимости душевныхъ болѣзней отъ жизненныхъ неудач: по крайней мѣрѣ, на стр. 7 онъ полемизируетъ противъ убѣжденія будто бы «душевные болѣзни обусловливаются какою-нибудь одной причиной, преимущественно какимъ-нибудь однократнымъ нравственнымъ потрясеніемъ» и т. д. Итакъ, самъ д-ръ Евграфовъ смотрѣть на эти потрясенія, какъ на *поводы...* зачѣмъ же тогда ставить эти «*по воды...* на ряду съ наслѣдственностью и алкоголизмомъ по отчего не упомянуть о вліяніи сифилиса?

Въ общемъ брошюра читается съ интересомъ.

Къ исторії эпидемій древняго міра. Диссертатія А. Н. Устинова, прозектора Имп. моск. воспит. дома. Москва. 1894 г. 129 стр.

Диссертатія г. Устинова съ равнымъ правомъ—или точнѣе съ равными отсутствіемъ права—могла-бы воступить какое угодно другое заглавіе: въ ней не наберется и десяти страницъ, имѣющихъ отношеніе къ исторії эпидемій древняго міра. Самъ авторъ видитъ значение своего труда въ приложеніи точки зрѣнія Н. И. Пирогова къ объясненію общепзвѣстного факта—связи между войнами и эпидеміями. Но это, во-первыхъ, сдѣлано самимъ Н. И. Пироговымъ въ его классическихъ общепзвѣстныхъ и общедоступныхъ трудахъ, а во-вторыхъ—все сказанное по данному поводу г. Устиновымъ умѣстилось-бы въ коротенькой журнальной замѣткѣ. На самому дѣлѣ, значеніе труда г. Устинова совсѣмъ иное: просто ему нужно было написать диссертатію приличного объема, и онъ, не тратя много своихъ словъ, сшилъ ее буквально всю изъ длиннѣйшихъ выписокъ (изъ Пирогова и другихъ авторовъ), касающихся этиологіи заразныхъ болѣзней, исторіи бактеріологии, исторіи антисептика, клиничес-

ской, госпитальной и полевой практики и другихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ обширной области медицины. Авторъ усвоилъ себѣ ясные, здравые взгляды на свой предметъ и обладаетъ значительной начитанностью; тѣмъ не менѣе его диссертатія научного значенія не имѣеть.

Д-ръ Н. Л. Зеландъ. Здоровье и счастье. Москва. 1895 г. 542 стр. Цѣна 2 р.

Д-ръ Зеландъ—безусловный послѣдователь нравственно-дѣтетического ученія, связанного съ именемъ гр. Л. Н. Толстого. Онъ видитъ залогъ счастья въ самосовершенствованіи, проповѣдуя воздержаніе во всѣхъ его видахъ, закаливаніе тѣла и души трудомъ и лишеніями, вегетаріанство и, наконецъ, посты. Большая часть заключеній д-ра Зеланда основана на его собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, представленныхъ вполнѣ научно, и хотя нельзя признать за него изслѣдованіями рѣшающаго значенія, тѣмъ не менѣе они придаютъ его книгѣ серьезный научный и практический интересъ.

Д-ръ А. Виларе. Энциклопедіческій медицинскій словарь. Перев. съ итальянск. подъ ред. проф. П. Р. Тарханова. Спб. 1892—1894. 3 тома.

Десятки извѣстныхъ иностраннѣхъ русскіхъ фамилій на заглавномъ листѣ словаря, рекламирующее предисловіе автора, изъ котораго видно, что словарь „уже съ первыхъ выпусковъ нашелъ у врачей пре-восходный пріемъ“, наконецъ, солидный видъ словаря (въ немъ болѣе 5,000 столбцовъ) способны внушить довѣріе проиніціальнымъ врачамъ, особенно сильно нуждающимся въ таковомъ справочномъ словарѣ. Болѣе близкое знакомство со словаремъ Виларе заставляетъ насъ, однако, признать его неудовлетворительнымъ для лицъ, обладающихъ *среднимъ* запасомъ свѣдѣній по различнымъ отдѣламъ медицины. Въ немъ можно найти лишь тѣ указанія, которыя каждый легко отыщетъ въ соотвѣтственномъ учебникѣ. Тѣ-же понятія, слова, выраженія, относительно которыхъ врачъ можетъ задуматься, въ какомъ учебникѣ искать ихъ, въ большинствѣ случаевъ не объяснены вовсе.

Самыя статьи подчасъ страдаютъ неполнотой и чрезмѣрной сжатостью (напр. статья голода: т. I, стр. 1286), зато подчасъ авторъ находить нужнымъ давать объясненія настолько обстоятельный, какъ-будто словарь составленъ для маленькихъ дѣтей; вотъ напр. начало однай статьи „Кормилица. Лицо женскаго (замѣтъ, не мужскаго, а женскаго) пола, замѣняющее матеръ въ дѣлѣ (?) кормленія дѣтей“ (II, 513). Многія объясненія не отличаются безпристрастіемъ и вносятъ въ энциклопедіческий словарь нежелательный элементъ полемики даже противъ отжившихъ взглядовъ: такъ, говоря о крапіологии, авторъ цитируетъ слова Гиртля: „это—ученіе, изобрѣтное

глупцами для глупцовъ!“ Эта характеристика помѣщена при имени давно умершаго ученаго, увлекшагося идеей о зависимости отдельныхъ умственныхъ отпраемий отъ вѣнчанихъ очертаний черепа (I, 1166). Вероятно для того, чтобы смягчить эту рѣзкость, авторъ принялъ подъ свое особое покровительство другое заблужденіе, именно повѣrie о существахъ, являющихся смущать по почамъ локой особь другого пола: читатель, просматривающій словарь, непремѣнно ватолкнется на это цикантное „энциклопедическое“ свѣдѣніе, потому что на него есть ссылка въ 4 мѣстахъ: въ безсодержательной замѣткѣ *кошмаръ*, при довольно неумѣстномъ въ медицинскомъ словарѣ словѣ *лтий* (sic) и др. Если крапиология изобрѣтена „для глупцовъ“, то для кого авторъ привелъ это свѣдѣніе, тѣмъ болѣе излишнее, что вообще отдельнѣ исторіи медицины разработаны въ словарѣ крайне слабо?

Не будемъ останавливаться на многихъ, совершенно страныхъ опредѣленіяхъ (напр. слово *фекальная I, 1085*), скажемъ еще только два слова о добавленіяхъ, которыя сдѣланы для русскаго издания. Здѣсь тоже встрѣчаются большія упущенія. Вовсе нѣть напр. статей о земской медицине, народныхъ средствахъ, зонарствѣ, даже въ замѣткѣ о тайныхъ средствахъ не сдѣлано добавленія о значеніи этихъ послѣднихъ для русскихъ деревень и даже городовъ. Зато читатели найдутъ въ словарѣ хвалебную статью о военно-медицинской академіи (III, 1797), и узнаютъ, что она „занимаетъ выдающееся положеніе въ ряду всѣхъ европейскихъ медицинскихъ школъ“ по богатству пособій, обилию и разнообразію клиникъ, а также по „многочисленности преподавательского персонала“. Въ этой наивной похвалѣ кроется, повидимому, торкая пропія: не можемъ мы выдавать качествомъ, такъ будемъ выдаватьсь хоть количествомъ.

H. Faye. Происхожденіе міра, съ добавлениемъ: Космогоническая теоріи K. Вольфа. Изд. 2-е, В. М. Губинскаго. Спб. 1895.

По величию предмета, по высотѣ построений, по пязнечству изложенія трудъ Фая принадлежитъ къ рѣдкимъ, избраннымъ книгамъ, однаково драгоценнымъ и для специалиста, и для среднаго образованнаго читателя. Фай не популяризаторъ науки, а ученьи; по идее его общедоступны, потому что онъ ихъ яспо мыслить. Благодаря этой яспости мышленія, Фай пигдѣ не смысливаетъ области науки и философіи и, строя свои космогоническія гипотезы только па вычисленихъ и наблюденихъ, онъ въ то-же время сознается, что астрономія не удаляетъ насъ отъ вѣры въ таинственное начало міра, а приближаетъ къ этой вѣрѣ.

Русскій переводъ книги сдѣланъ добросовѣстно, хотя мѣстами пѣсколько тяжело.

Редакція перевода, желая сдѣлать книгу доступной не только для образованныхъ читателей, но и для начинаяющихъ, снабдила ее примѣчаніями, въ которыхъ объясняетъ самыя элементарныя понятія объ эклптицѣ, эклптицѣ и т. д. Конечно, за такія примѣчанія можно-бы поблагодарить редакцію, если-бы при ихъ помощи книга стала на самомъ дѣлѣ доступной для всѣхъ. Но мы сомнѣваемся, что читатель, не знающій, что такое эклптика, могъ съ пользой прочесть книгу, где въ текстѣ сохранены математическая формулы и гдѣ латинскія и греческія цитаты оставлены безъ перевода на русскій языкъ (французскія почему-то переведены). Еще большаго упрека заслуживаетъ редакція за то, что, пожелавъ остаться безыменной, она не ограничилась скромною ролью комментатора, а позволяетъ себѣ перебивать рѣчь автора вопросительными и восклицательными знаками и спорить съ нимъ въ примѣчаніяхъ. Такъ, Фай, на основаніи механическихъ и физическихъ законовъ, приходитъ къ заключенію, что жизнь на нашей планѣ должна современемъ прекратиться, за истощенiemъ солнечной теплоты. Редакція считаетъ нужнымъ спорить противъ автора; она ободряетъ читателя надеждой на то, что солнечная система, въ своемъ поступательномъ движениі, авось когда-нибудь приблизится къ другой звездѣ, которая ей замѣнить потухшее солнце. Чтобы читатель могъ утѣшиться этой мыслью, онъ долженъ, прежде всего, знать, кѣмъ она высказана, основана-ли она на точномъ званіи или продиктована наивнымъ оптимизмомъ. Въ послѣднемъ случаѣ утѣшительного въ ней мало.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУКИ.

Людвигъ Гумилевъ. Соціологія и политика. Перев. съ немецкаго С. Н. Прокоповича. Москва.

Книга эта, претендующая на методологическое значеніе въ области соціологіи и антропологіи, представляетъ одну изъ множества пеудоветворительныхъ попытокъ примирить чисто соціальное объясненіе жизни человѣчества съ государственнымъ. Вследствіе этой двойственности основного взгляда, авторъ верѣдко владѣетъ въ болѣе или менѣе серьезныхъ противорѣчіяхъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что соціология не можетъ исходить пѣзъ понятія человѣчества (46, 47) и въ другомъ—допускаетъ пѣ только понятіе человѣка и человѣчества, но даже возможности для нихъ прогресса въ исторіи (65). Несерьезными и поверхностными слѣдуетъ признать возраженія автора противъ несомнѣнности въ будущемъ всеобщаго мира или всемирнаго государства, потому-что возраженія эти основаны па отрывочныхъ или разрозненныхъ и притомъ, судя по современному

состоянию человечества, пепротивных явленияхъ человеческой общественности. Такоже мало убѣдительно приподное имъ доказательство отлачія общества отъ „простой суммы индивидовъ“, которое онъ усматриваетъ въ томъ, что „фактъ организаціи пр.: бавляетъ иѣкоторое количество силы, необъяснимое пзъ суммы индивидуальныхъ силь“. Авторъ не указываетъ, откуда является этотъ „остатокъ“ или избытокъ общественной силы, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ онъ пытается поколебать такъ называемую „надорганическую теорію общественности“ (Де-Гревъ, Шеффле и Липленфельдъ), ибо основаніемъ этой послѣдней теоріи служить, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что общество состоить не только изъ самыхъ человеческихъ организмовъ, но также изъ продуктовъ ихъ труда. Въ связи съ этимъ находится отрицаніе соціального значенія личности, которая будто бы до такой степени „поглощается стремлѣніями общества, что послѣдній становятся независимыми отъ стремлѣній отдельныхъ лицъ“ (79). Въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, авторъ видимо смыслаиваетъ людей, выдающихся изъ толпы своими дарованиями или общественнымъ положеніемъ въ сфере дѣятельности, съ людьми заурядными.

D-r. Leo Geller. Происхожденіе, существо, развитіе и раздѣленіе права. Пер. съ нем. А. Ясѣвскаго.

Оцѣнку значенія этой брошюры, затрагивающей, несмотря на пичтожность своего объема, одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ общежитія, всего умѣстнѣе выразить отзывами самого автора о взглядахъ на тотъ-же самый вопросъ 2-хъ другихъ ученыхъ: Буркгарда и Карла Менгера. „Уже съ первого взгляда эта игра мысли обнаруживаетъ свою несостоятельность“ и „Здѣсь мы имеемъ передъ собою чисто спекулятивную теорію и притомъ возбуждающую сильное сомнѣніе даже въ логической ея правильности“. Право, по мнѣнію Геллера, ни что иное, какъ „политическая и гражданская порядокъ, заключающійся съ одной стороны въ отношеніяхъ подчиненности гражданъ государственной власти, а съ другой—въ ихъ взаимномъ равенствѣ“. Такъ что для объясненія сущности права авторъ, вмѣсто одного основного принципа, предлагаетъ два разнородныхъ понятія, подчиненности и равенства, и остается совершенно пепонятнымъ, къ какому общему научному положенію или закону можетъ быть приведено все разнообразіе правовыхъ идей и понятій.

Дмитрій Дриль. Преступность и преступники. Юридическая библиотека. Изд. Я. Канторовича. № 5. Спб. 1895 г.

Въ первой половинѣ своей монографіи г. Дриль подробно и съ знаниемъ дѣла разсказываетъ исторію возникновенія современной антропологии и излагаетъ дѣятельность четырехъ бывшихъ до сихъ поръ

международныхъ уголовно-антропологическихъ конгрессовъ. На брюссельскомъ конгрессѣ, между прочимъ, и самъ авторъ прошелъ докладъ, имѣвшій, по его разсказу, значительный успѣхъ.

Во второй половинѣ книги г. Дриль показываетъ, что опять же даромъ позиции классической уголовной науки для антропологии и самъ пытается двигать эту науку. Авторъ ставитъ себѣ вопросъ: какими органическими (а не психологическими, какъ думала старая наука) причинами обусловливается убийство? И авторъ неожиданно заявляетъ, что органическую почву, на которой развивается стремление къ убийству, слѣдуетъ искать ни въ чёмъ иномъ, какъ въ половомъ чувствѣ: „половая первая система есть тѣтъ первичный центръ, пзъ которого исходитъ раздраженія и въ которомъ берутъ начало общіе оттѣнки самочувствія, служащія основаніемъ кровожадныхъ настроений и болѣе или менѣе напряженій влечений къ крови, мучительству и убийству“. Для доказательства такой органической идеи авторъ прибегаетъ къ методу еще болѣе оригинальному. Весь свой клиническій и тюремный материалъ онъ расплагаетъ въ исходящемъ рядѣ, такъ что сперва описываютя субъекты, у которыхъ связь между жестокими поступками и половыми извращеніями очевидна, затѣмъ слѣдуютъ случаи, где эта связь менѣе очевидна, и, наконецъ, такие, где эта связь отсутствуетъ или, по выражению автора, „замаскирована“.

Вѣро-ли основное положеніе г. Дриля или нетъ, но во всякомъ случаѣ избранный имъ методъ доказательствъ никаку не годится. Такимъ образомъ можно доказать что угодно, хотя бы то, что органическая причина хромоты есть слѣпота. Для этого достаточно собрать побольше клиническаго материала и расположить его такъ, чтобы на первомъ планѣ фигурировали безногие слѣпцы, а затѣмъ безногіе кривые и, наконецъ, безногіе прочие, т. е. съ замаскированной слѣпотой.

Такими методами едва-ли можно двигать впередъ науку. Да и наука-ли это?

Карлъ Каутскій. Отчѣки и этюды. Спб. 1895.

Каутскій—несомнѣнно блестящій писатель, остроумный и, главное, безъ предразсудковъ. Извѣсь онъ раньше, хотя бы въ 60-е годы, когда всѣ „предразсудка“, вродѣ искусства, философіи и религіи, были сданы у насъ въ архивъ, перевѣдъ этого сочиненія пытѣльбы у насъ огромный успѣхъ. Каутскій понялъ, что роль пдѣй въ исторіи человечества самая пичтожная, что всѣ наши чувства и мысли объясняются причинами естественно-научными и, главное, экономическими! Человѣку кажется, что въ его душѣ живетъ таинственное нравственное чувство, спинастія, голова болга, но исторія гораздо проще. Чтобы понять наши

этнические идеалы, нужно изучить общественные инстинкты дикарей, а для понимания последних достаточно взглянуть на жизнь павиановъ, бобровъ и ласточекъ. Тамъ-то и тогда-то ласточки спасли запутавшуюся въ сѣти подругу. Въ другомъ мѣстѣ павианъ, съ опасностью для жизни, спасъ отъ охотничьихъ собакъ молодую обезьяну. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ зародышемъ нравственного чувства, а съ самою нравственностью, такъ долго казавшейся метафизикамъ загадочною. Мы, люди, уже унаследовали эту готовую нравственность, въ видѣ инстинкта, отъ дикарей и павиановъ. По этому методу, съ равнымъ успѣхомъ можно-бы доказать, что современному архитектору только кажется, что онъ изучилъ законы строительства и руководится исканіемъ какой-то загадочной красоты; на самомъ дѣлѣ, то и другое онъ получиль въ видѣ готоваго инстинкта отъ плечъ, бобровъ и пауковъ.

Чѣмъ дальше Каутский подвигается въ изученіи исторіи людей, тѣмъ смѣлье и своеобразье становятся его взгляды. Возрожденіе искусства въ средніе вѣка и движение гуманизма обязаны ви члену имену. Какъ новымъ формамъ товарищаго производства, которыя не способствовали расцвѣту новыхъ цѣлей, а самп-таки „создали новое содержаніе мышленія“. Экономическая условія (морской путь въ Индію и т. д.) такъ сложились, что для богатой Италии, Франції и Испаніи папское владычество явилось благомъ, а для бѣдной Германіи и Шотландіи—экономическимъ бичемъ. Вотъ почему въ первыхъ странахъ процвѣталъ гуманизмъ, а въ послѣдніхъ—возникла реформація. Вотъ почему Данте былъ сторонникомъ власти императора. Положимъ, что реформація пристала и богатая Англія; положимъ. Саваноролла проповѣдувалъ противъ злоупотребленій папской власти въ предѣлахъ богатой Италии, — по эти явленія авторъ оставляетъ безъ вниманія. Не разъясняетъ онъ также, какъ именно новое товарищное производство отразилось на картинахъ Рафаѣля и да-Винчи. А это было-бы очень любопытно.

Можно жалѣть, что Каутскій не посвятилъ своихъ блестящихъ способностей всецѣло справительной этнографіи. Его страницы, написанные о бытѣ дикарей, объ-жизнозащищаютъ ихъ европейцамъ, дышать талантъ и большой нравственной силой. Но, разсуждая гуманио о дикаряхъ, Каутскій, къ сожалѣнію, выказываетъ о гуманизмѣ довольно дикие взгляды.

Переводъ сдѣланъ старательно и съ любовью къ дѣлу.

Краткій обзоръ русской исторіи. (Курсъ городскихъ училищъ). Составилъ А. И. Сальниковъ. Издание критиковано В. И. Губинскимъ. Спб. 1895. Цѣна 25 к. Стр. 91.

Насколько многіе изъ учебниковъ, называ-

ченные для начальныхъ школъ, можно упрекнуть въ излишней растигнутости, настолько этотъ, предназначенный для училищъ болѣе высокаго типа, а именно для городскихъ, слѣдуетъ упрекнуть въ краткости. Напрасно г. Сальниковъ полагаетъ, что такимъ сухимъ конспектомъ можно „пробудить въ ученикахъ интересъ къ занятіямъ отечественной исторіей и содержаніемъ курса действовать на воображеніе, на облагороженіе нравственного чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству“. Большая ошибка! Это не болѣе, какъ голый перечень фактъ, именъ и годовъ, и ничего, кроме обремененія памяти учащихся, такая книжка не можетъ повлечь собою. Гдѣ ужъ тутъ развитіе воображенія, когда географический обзоръ Россіи занимаетъ всего 13 строкъ? гдѣ ужъ облагороженіе нравственного чувства учащихся, когда такія многоиздательства въ воспитательномъ отношеніи историческихъ явлений, какъ освободительная реформа Александра II, изложены на полстраницѣ? Словомъ, паччего эта книжка не можетъ дать, кроме тяготы для памяти, какъ все, что воспринимается способомъ исключительного зуверена.

Рудольфъ Іерингъ. Борьба за право. Переводъ О. А. Верта съ 11-го посмертнаго вѣмецкаго изданія подъ редакціей М. И. Свѣшникова. Спб. 1895.

Брошюра Іеринга пользуется рѣдкой и вполне заслуженной популярностью. До сихъ поръ она почти каждый годъ выходила новымъ изданіемъ на вѣмецкомъ языкѣ и переведена на всѣ европейскіе языки и нарѣчія, не исключая даже сербскаго и румынскаго. На русскій языкъ она была переведена дважды и теперь является третій, по первый полный переводъ. Разпространеніе брошюры Іеринга среди русской читающей публики имѣло-бы весьма важное воспитательное значеніе. Іерингъ въ этой брошюре энергично возсталъ противъ той теоріи зарожденія и развитія права, которая была пущена въ оборотъ школой Савинъ—Пухты. Какъ извѣстно, эта школа отождествляла условія возникновенія и развитія права съ условіями образованія и развитія языка. Она признавала, что право возникаетъ въ развитіи незамѣтно, безъ болѣзни и безъ всякой борьбы. Такая доктрина можетъ быть обсуждена съ точки зрѣяния теоріи и практической политики и въ томъ и другомъ отношеніи она уже давно дискредитирована. «Фальшивое, но безопасное, какъ теорія, это ученіе,—говорить Іерингъ,—является однимъ изъ крайне опасныхъ заблужденій для политики потому, что оно своей обольстительностью обесцениваетъ человека въ той области, где онъ долженъ действовать съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ, напрягая всѣ свои силы». По этой теоріи остается спѣть слова руки и ждать у моря погоды, т. е. посте-

певного развитія права изъ самого себя, изъ первоисточника национального правосознанія. По мнѣнію Геринга, развитіе права, наоборотъ, есть борьба за право, борьба интересовъ, отжившихъ свое право на призваніе. съ интересами, приобрѣтающими право на признаніе и защиту. «Кто превращаетъ себя въ червяка, — говорилъ Кантъ, — тотъ не долженъ жаловаться, что его топчутъ ногами». Это правило должны помнить не только частныи лица, но и цѣлье народы, и оно на разныхъ манерахъ популярно выясняется въ брошюре Геринга. Опытъ съ распространениемъ брошюры Геринга покажетъ, насколько русскій «первосточникъ права» — такъ называемое национальное правосознаніе обнаруживаетъ стремленіе къ нѣкоторому освѣщенію. Считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что переводъ брошюры Геринга и предисловіе къ ней являются весьма энергичнымъ протестомъ противъ русскаго языка и изложенія мыслей на русскомъ языкѣ. Кто тутъ виноватъ: переводчикъ или редакторъ — судить не беремся.

Александровъ. Феодальное земство.
Спб. 1895. Ц. 60 к.

Г. Александровъ написалъ „отвѣтъ“ губернатору Зиновьеву на его „Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи“. Г. Александровъ признаетъ, что г. Зиновьевъ въ своемъ „Опытѣ“ продаетъ оптомъ и въ розницу русскіе интересы и интересы крестьянъ въ прибалтийскомъ краѣ. Въ этой тѣденціи г. Александровъ видитъ главную причину того, что „Опытъ“ г. Зиновьева наполненъ всякаго рода натяжками, историческими ошибками и предвзятыми суждѣніями. Г. Зиновьевъ, прочитавъ „Феодальное земство“ г. Александрова, могъ бы упрекнуть его въ продажѣ настоящихъ русскихъ крестьянскихъ интересовъ уже въ самой Россіи и выписать всѣ допущенные съ этой цѣлью историческими ошибками, натяжками и предвзятыми суждѣніями. Г. Александровъ, возмущающійся дворянскими проектами г. Зиновьева, составленными для прибалтийского края, находить совершенно нормальнымъ и справедливымъ господство дворянства въ мѣстномъ управлениі Россіи. „Преобладаніе въ мѣстномъ управлениі русскаго дворянства, — говоритъ г. Александровъ, — зиждется на особаго рода праственныхъ правилахъ, составляющихъ его неотъемлемое историческое стяженіе. Основаніе силы русскаго дворянства — историческое преданіе, воспитавшее въ немъ привычку и духъ служенія всегда интересамъ русскимъ государственнымъ и народнымъ“... Нечего сказать, хороши фрукты — это г. Александровъ! Правственные права, составляющія его неотъемлемое историческое стяженіе русскаго мужика, г. Александровъ, вамъ отчуждаются слишкомъ самовольно!

II. Логашевъ. По вопросамъ, связаннымъ съ задачами и дѣятельностью

министерства землеустройства. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Читатели «Сѣв. Вѣсти.» изъ рецепціи на первую работу г. Логашева («Нѣсколько словъ о крупномъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ») знаютъ, что онъ, будучи управляющимъ въ разныхъ экономіяхъ, приобрѣлъ рѣдкую практическую подготовку для обсужденія разныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Въ ряду пачки писателей землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ онъ представляетъ счастливое исключение. Ставъ самъ землевладѣльцемъ, г. Логашевъ ссудь не просить и рецептовъ не сочишаетъ для „наискорѣйшаго подiatія главной отрасли отечественной промышленности“. Все это рецептурное и проектерское направление русской текущей сельскохозяйственной литературы ему остается совершенно чуждымъ. Онъ занятъ мужикомъ и мужицкимъ хозяйствомъ, вѣнчъ нуждъ котораго онъ не видитъ государственныхъ сельскохозяйственныхъ интересовъ. И тутъ онъ не напрашаетъ на улучшеніе породъ крестьянскаго скота при отсутствіи условій для сохраненія какого-бы то ни было скота, не предается мечтамъ о благихъ послѣдствіяхъ улучшеннѣ сохи и дешевой косы, а ближе подходитъ къ сути дѣла и корню бѣдствій. „Первое и бесспорное условіе для прогресса народнаго хозяйства — говоритъ г. Логашевъ, — это благопріятныя данныя для его развитія. Безъ нихъ всегда будутъ на лицо болѣнныя явленія, выражающіяся въ той или другой формѣ“. Разъ благопріятныхъ данныхъ для развитія не имѣется, то и разныи мечтали предаваться не стоять. „Полный раззвѣтъ государственно-экономической жизни не можетъ наступить, при самомъ широкомъ развитіи какой-нибудь одной промышленности или производства и застопъ въ другихъ сторонахъ народной жизни“. Жаль только, что г. Логашевъ пногда самъ затемняетъ эту простую идею. Онъ увлекается однимъ мѣднымъ рецептомъ, чудотворно изгоняющимъ бѣдность и насаждющимъ богатство. По этому рецепту нужно изъ пачки крестьянъ состоять землевладѣльческія артели. Побыть нѣкоторое время артельными ниппами, они какъ-то тѣмъ самымъ превращаются въ исправныхъ домохозяевъ и на горизонте рисуется картина новыхъ податныхъ сплѣ. Хорошій идеалъ... Землевладѣльческія артели, безспорно, симпатичная форма землевладѣльческаго производства, но — выражаясь словами г. Логашева — «при застопѣ въ другихъ сторонахъ народной жизни», на симпатичныхъ формахъ производства далеко не уйдешь.

Фридрихъ Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности, государства. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Спб. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

Эта брошюра Энгельса, видимо, пользуется весьма благосклоннымъ вниманіемъ

русской читающей публики, такъ какъ въ самыи короткій срокъ выходить уже 3-мъ издачіемъ. Какъ извѣстно, три четверти брошюры Энгельса посвѣти чисто компилятивный характеръ, а происхожденіе семьи¹ узывіе разныхъ брачныхъ формъ и т. д. изложено прямо по извѣстной капитальной работѣ Моргана «Первобытое общество». Самъ Энгельсъ никогда не думалъ скрывать компилятивный характеръ своей работы и прямо заявлялъ, что книга Моргана лежитъ въ основаніи его брошюры. Все это, конечно, не отпираетъ тѣхъ достопримѣній, брошиоры Энгельса, благодаря которымъ она получила весьма широкое распространеніе. Популярное и ясное изложеніе, не лишенное оригинальныхъ со-ставленій, встрѣчается не у многихъ авторовъ.

Энгельсъ, воспользовавшись Морганомъ, думалъ въ своей брошиорѣ дать оправданіе такъ-называемой (несовсѣмъ правильной) георпіи экономического матеріализма. Нѣкоторые изъ выдающихся сторонниковъ этой теоріи не признаютъ за брошиорой Энгельса какого-нибудь серьезнаго значенія. Лоріа, напр., такъ прямо ее игнорируетъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ о семье, собственности и государствѣ. Самъ Энгельсъ, повидимому, не всегда отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ намѣченной цѣлі. Такъ, онъ говоритъ, что „государство не есть навязанная обществу познѣ власть; оно есть также, какъ утверждаетъ Гегель, дѣйствительность нравственной идеи, изображеніе и дѣйствительность разума“. Быть можетъ, Гегель и правъ съ своей точки зрѣнія, но Энгельсъ тутъ виноватъ предъ тѣмъ самыи экономическими матеріализмомъ, для оправданія котораго онъ рѣшилъ написать свою брошиору.

IV. ПЕДАГОГИКА.

Элементарный учѣбникъ церковно-славянскаго языка для начальныx народныхъ училищъ. Составилъ А. Гусевъ. Издание 3-е, книгопродавца А. Д. Ступина. Москва. 1895.

Для своей необширной цѣли, т. е. для чтенія только въ начальной народной школѣ учѣбникъ г. Гусева составленъ через-чуръ обширно. Можно опасаться, что нѣкоторые недальнovidные учителя (а такихъ немало въ нашихъ школахъ) зададутся намѣреніемъ прочитать съ учениками непремѣнно всю книжку г. Гусева (а въ пей 179 страницъ) и такимъ образомъ вытеснить всякия другія занятія роднымъ языкомъ, учениковъ-же своихъ засушать славянской, которая, право же, не такъ пужна школьнікамъ, какъ знаніе живыхъ и жизненныхъ образцовъ изъ нашихъ лучшыхъ писателей. Достопримѣніе каждого элементарного учѣбника должно непремѣнно заключаться, между прочимъ, въ его крат-

кости, и напрасно г. Гусевъ, превративъ III-й отдѣлъ своей книги въ обширную перковно-славянскую хрестоматію, полагаетъ, будто на урокахъ грамматики дѣти станутъ проникаться „глубоко-религіознымъ чувствомъ“. Оно можетъ возбуждаться живою бесѣдою преподавателя, но отнюдь не аористами и знаками препинанія... Во всемъ остальномъ книга г. Гусева очень хороша. Въ первыхъ двухъ отдѣлахъ матеріаль расположены правильно, систематично и подкреплены обильными (а для не дальновидныхъ учителей даже слишкомъ обильными) примѣрами. Но непонятно, почему г. Гусевъ, отвергая грамматическую поменклатуру и терминологію и во II-мъ отдѣлѣ вовсе не давая никакихъ терминовъ, въ I-мъ, напротивъ, предлагаетъ множество терминовъ и притомъ весьма певажныхъ, напр. всевозможныхъ надстроченныхъ знаковъ. Пояснія затѣчь эти знаки и ихъ употребленіе, авторъ забыть самое важное—указать на ихъ происхожденіе отъ греческаго письма, чѣмъ только и можно объяснить присутствіе въ перковно-славянскомъ письме удареній и призывааній. Итакъ, сократить эту учебникъ елано возможно, по крайней мѣрѣ, впятеро—и сравнять нѣкоторые недосмотры,—вотъ что необходимо для слѣдующаго изданія, чтобы сдѣлать изъ книги нѣчто доступное начальной школѣ. Нельзя не обратить вниманія на вѣнчаній видѣ изданія этой книжки, доведенный, благодаря прекраснымъ шрифтамъ московской спидольной типографіи, до изящества, чѣмъ не отличается ни одинъ изъ существующихъ нынѣ учебниковъ такого рода.

Начатки теоріи музыки. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. С. Фанининъ. Спб. 1895. Ц. 85 к.

Авторъ, пользующійся почтенной и заслуженной репутацией въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, составилъ свой учебникъ примѣнительно къ программѣ курса элементарной теоріи музыки, предположенного для среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе чего въ него вошли нѣкоторые отдѣлы, обыкновенно не включаемые въ руководство элементарной теоріи, напр., учение объ аккордахъ, ихъ обращеніяхъ и примѣненіи, о модуляціяхъ, строахъ и т. п. Изложеніе всюду ясное и точное, сообщающее свѣдѣнія систематизированы рапорнально и послѣдовательно; обиліе примѣровъ, поясняющихъ правила, составляеть также немаловажное достопримѣніе учебника. Что касается монохорда, придуманнаго авторомъ для болѣе нагляднаго объясненія ученикамъ лѣстницы звуковъ, то врядъ ли въ немъ была особая надобность, и авторъ сажь приложилъ указать, что лѣстница звуковъ въ точности воспроизводится клавишами фортепіано, а такъ какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніи пигдѣ не будетъ вестись безъ помощи фортепіано, то введеніе монохорда представ-

ляется позицией. Самоучкамъ-же не помогутъ никакіе монохорды и учебники, такъ какъ познать съ пользой теорію музыки хотя бы и элементарную, можно лишь подъ практическимъ руководствомъ опытного преподавателя. Учебникъ г. Фамицына, изданный весьма оправданно, одобренъ совѣтомъ петербургской консерваторіи, ученымъ комитетомъ м-ва нар. просв., ученымъ комитетомъ и училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ.

Проектъ руководства къ преподаванію музыки ученикамъ и ученицамъ, въ періодѣ времени курса среднихъ учебныхъ заведеній. В. С. Щевича. Иркутскъ. 1895.

Авторъ необыкновенно высокаго мнѣнія о музыке! „Печать безжизненности,—говорить онъ,—тяжелымъ камнемъ лежитъ на наукѣ. Пустите къ центру науки музыку, и камень свалится“ (стр. 5). Въ то-же времѧ, по его мнѣнію, главная тѣль музыки—„образованіе слуха изъ напѣвахъ“ (?), для чего онъ руководителями изъ русскихъ композиторовъ предлагаетъ... Варlamova, Булахова, Гурилева, Дерфельдта (стр. 57). Онъ съ пламеннымъ паѳосомъ говорить о Пиѳагорѣ и,ничто же сумняшееся, сочи-

няеть будто-бы тотъ „за 560 лѣть до Р. Х. произнесъ слово „гамма“, и вотъ текутъ тысячетѣтія и до сихъ поръ никто не посмѣлъ замѣнить это слово какимъ-либо другимъ“ (стр. 16). Г. Щевичъ знаетъ о Пиѳагорѣ, очевидно, лишь по наслышкѣ, а о греческой музыкѣ и представлѣнія не имѣетъ. Невѣжество, во всякомъ случаѣ, болѣе простительное, чѣмъ то, которое заставляетъ его утверждать, что „гейпальныe Моцартъ и Бетховенъ покончили (?) съ жизнью по-мѣшательствомъ“ (стр. 8). Предложивъ поставить въ классную комнату нѣсколько роялей, благодаря чему эта комната „получить значеніе коллективнаго преподаванія музыки“ (стр. 16), пожелавъ, затѣмъ, „коллективнаго исполненія упражненій учащимися вдругъ на нѣсколькихъ рояляхъ, въ четыре руки на каждомъ“ (о, Господи!), г. Щевичъ дѣлаетъ изумительное открытие. Онъ находитъ, что пѣть конечно предѣла повышенія звуковъ: „этп по вышеніи звуковъ безконечны въ природѣ вселенной“. Этихъ немногихъ выписокъ, надѣемся, достаточно для того, чтобы обратить на „проектъ“ г. Щевича благосклонное вниманіе охотниковъ до занимательнаго чтенія.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Еще о кнѧзѣ В. Вяземскомъ.—Правдивое слово о кнѧзѣ В. В. Вяземскомъ.—Новѣйшие московскіе скорпіоны.† Пастеръ.——‡ Память Н. В. Стасовой.

Еще о кн. Вяземскомъ *).

«Не могутъ же стать вдругъ твоими друзьями Тѣ, кому все твое существо непарокомъ Служить тайнымъ и вѣчнымъ упрекомъ!»
Гете.

«Мирніе подчинено закону движенія маятника. Только съ течениемъ времени оно попадаетъ на точку покоя и становится незыблально.

Шопенгауэръ.

I.

Грустно брататься за перо, чтобы отвѣтить г. Менышкову на его «до-
знаніе»... Какъ писать, какъ говорить, когда желаешь молчать, махнуть
рукой на поднятые пересуды, на некрасивую травлю того, память о
комъ дорога, кто давно отошелъ уже въ вѣчность. Вотъ почему хотѣ-
лось бы быть, по крайней мѣрѣ, хоть краткимъ но, по самому существу
дѣла, и это едва-ли удастся...

*.) Изъ множества заявлений, полученныхъ нами по поводу статьи „Недѣли“ о
кнѧзѣ В. Вяземскомъ, мы выбрали для печати пока только небольшую замѣтку г. В. Корсакова и письмо А. П. Суворовой, проникнутое сердечной искренностью, свойственной
горячимъ топомъ возбуждающее къ себѣ довѣріе и уваженіе. Но не предавая гла-
сности прочихъ документовъ, мы считаемъ себя обязанными, однако, сообщить на-
шимъ читателямъ, что все они имѣютъ приблизительно одно и то-же содержаніе. Въ
каждомъ изъ заявлений категорически опровергается все, что въ статьѣ „Недѣли“ о
кн. В. В. Вяземскомъ увѣренію выставляется, какъ неопровергнутые факты, рисую-
щіе жизнь кн. Вяземского въ новомъ и вѣрномъ свѣтѣ. О Вяземскомъ все корре-
спонденты говорятъ въ тонѣ глубокаго уваженія, какъ о человѣкѣ, выдающемся во
всѣхъ отношеніяхъ. Предлагая намъ перепечатать свою обширную статью, появив-
шуюся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, г. П. Обицкій обѣщаѣтъ намъ рядъ самыхъ
полобныхъ выражений въ будущемъ, если, по ходу журнальной полемики, „священ-
ная“ для него память покойнаго В. Вяземского будетъ кѣмъ-нибудь вновь оскорб-
лена.

Наступила какая-то вальпургіева ночь съ дикой, непристойной, пляской, затѣянной надъ бѣдной и одинокой могилой... На литературномъ базарѣ циркулируютъ о кн. Вяземскомъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія: «войнающая ложь», разсказанныя г. г. Мантийфель, Обнинскимъ и мною, ф. «ложь», заключающаяся въ истинно добромъ отзывѣ о князѣ, и меныщиковская «истина», смѣшивающая покойного князя съ грязью. Очевидно г. Меныщиковъ малюя князя, въ сущности намалевалъ злодѣя, и сходство это «до того точно, что становится подозрительнымъ»... Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ теперь два портрета князя, совсѣмъ не похожіе другъ на друга. Чтобы разобраться въ этомъ противорѣчіи, необходимо установить *цѣнность* на свидѣтельскія показанія, добытія авторомъ «дознанія».

II.

Если читатель, просматривая статью г. Меныщкова, задастъ себѣ трудъ сдѣлать подсчетъ отзывамъ о князѣ разныхъ лицъ, то окажется, что наибольшее число показаній, числомъ 11, даетъ «помѣщица г-жа N», 7 отзывовъ дѣлаетъ семья Ульяновыхъ и 7 показаній выпадаетъ на долю «бабки Анны». Что касается остальныхъ лицъ, то они даютъ отъ 1 до 3 отзывовъ о князѣ.

Такимъ образомъ *наибольшее* число показаній принадлежитъ г-жѣ N, Ульяновымъ и отцамъ-священникамъ. Ежели же обратить вниманіе на то, что во многихъ мѣстахъ своей статьи г. Меныщиковъ отмѣчаетъ глухо: «одна помѣщица», «разсказываютъ», «говорятъ» и пр., то по рѣчамъ всѣхъ этихъ анонимовъ мнѣ, какъ лицу знающему «пѣкрай и тѣхъ людей», не трудно было открыть, кто именно эти анонимы. И что же оказывается? Это все тѣ-же г-жа N и Ульяновы... Читашь г. Мены-

лена столь незаслуженнымъ образомъ. Только за недостаткомъ места мы не можемъ воспользоваться любезнымъ предложениемъ почтенного публициста и, не давая перепечатки его горячо написанной статьи, упоминаемъ о ней здѣсь, какъ о документѣ, который вмѣстѣ съ письмами пр. К. Бестужева-Рюмини и А. Мантийфеля, не можетъ не имѣть значенія въ глазахъ безпрестрастныхъ судей. Затѣмъ мы получили небольшое письмо отъ г-жи N, т.-е. А. П. Мантийфель, сообщающей, что она передавала автору „Дознанія“ разные «смѣшные курьезы», поскольку не обидные по существу для памяти кн. В. Вяземского и, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ не предназначенные и даже не пригодные для печати. Присланы въ редакцію „Сѣвернаго Вѣстника“, кроме того, коллективное показаніе крестьянъ села Кудаева, где жилъ кн. Вяземский, письмо переплетчика Кузнецова, показаніе крестьянина Федора Гаврилова, письмо отъ учениковъ князя Вяземского, Николая Мантийфеля и Валерія Мантийфеля, опроверженіе частнаго землемѣра И. Я. Охочинскаго и иѣкоторыя другія письма. Думаемъ, что печатаніе всѣхъ этихъ документовъ, вызванныхъ *дознаніемъ* „Недѣли“ только увелчило-бы черезчуръ разросшуюся житейскую путаницу, произведенную страшнѣмъ, необдуманнымъ поступкомъ „Недѣли“. Оригинальная пятерка личность князя В. Вяземского могла-бы, повидимому, дать прекрасный материалъ для *психологической* характеристики, но для такой характеристики, повидимому, еще не настало время.

Редакція.

шниковъ и съ первого раза удивляешься этой громадной толпѣ свидѣтелей противъ ненавистнаго имъ покойника, а посмотринъ поприystalънѣе и увидишь, что это все одни и тѣ же лица... Выходитъ совершенно то же, что въ театрѣ, когда передъ зрителями парадируютъ несмѣтныя полчища воиновъ. Зайдите за сцену и вы увидите, что это не полчище, а ипчтожная кучка людей торжественно марширующая кругомъ одной кулисы. Тѣмъ не менѣе эффектъ для театральной публики выходитъ полный, какъ въ данномъ случаѣ и для читателей менышиковскаго «дознанія».

Вотъ напр., показаніе—по увѣренію г. Менышикова—«одной помѣщицы»: «Знала какъ-же, 30 лѣтъ знала этого бродягу». Это показываетъ г-жа N. (Я сохранию этотъ анонимъ). Г-жа N мнѣ самому этимъ словомъ «бродяга» называла князя. Тогда же она мнѣ сказала: «написать все можно—бумага терпитъ», что тоже г. Менышиковъ приписывается «одной помѣщицѣ», т. е. какъ будто еще новому свидѣтелю противъ князя. Разсказъ о сѣнѣ, которое было выброшено въ Нару—принадлежитъ Ульянову, хоть автора разсказа г. Менышиковъ не называется. Вопроѣ, предложенный «одною помѣщицей» Прокопію. о портѣ дѣвокъ, поднять тою же г-жею N. Разсказать «одной помѣщицы» о неспособности князя учить дѣтей, о грубомъ обращеніи съ ними—переданъ опять таки г-жею N и пр. пр. Нѣть даже никакой нужды страница за страницей слѣдить за показаніями всѣхъ менышиковскихъ анонимовъ, которые и мнѣ кое-что говорили «съ пѣной у рта», когда прочитали написанный мною биографическій очеркъ. Больше всего, однако, я слышалъ тогда отрицательныхъ отзывовъ о князѣ отъ г-жи N. Отъ нея же я знаю, что думалъ и какъ отзывался о моей статьѣ Ульяновъ. Самъ же я съ Ульяновымъ никогда не имѣлъ охоты ни видѣться, ни говорить. Тогда же, при нашей встрѣчѣ въ январѣ 1894 г., г-жа N, между прочимъ, сказала: «повѣрьте, найдется человѣкъ, который напишетъ *намъ* опроверженіе на вашего князя». По странной случайности, этимъ человѣкомъ оказался г. Менышиковъ. Понятно, я никакъ не ожидалъ, что за такую работу возьмется писатель изъ «Недѣли». Я полагалъ, что «въ распоряженіе» г-жи N и Ульянова будетъ присланъ кто-нибудь изъ сотрудниковъ такихъ изданій, какъ «Моск. Вѣд.», «Гражданинъ», «Русское Слово» и т. п., но вышло иначе. Прикрывая, можетъ быть, изъ вполнѣ естественныхъ побужденій анонимъ г-жи N, авторъ «дознанія» пользуется этимъ довольно удачно для увеличенія числа лицъ, говорящихъ противъ князя. Такъ г. Менышиковъ пишетъ: «семья г. Мантейфель о князѣ отзываются крайне отрицательно» и ни полусловомъ не обмолвливается, что «помѣщица г-жа N связана съ семью г. Мантейфеля. Ежели не считать А. П—ча, который дурно о князѣ отзываться не будетъ, то остаются: второй сынъ Валерій, ученикъ и любимецъ князя, никогда о немъ дурно не отзывающейся, малолѣтніе Владимиръ и Петръ и г-жа N. Читатели, не знающіе этихъ подробностей, полагаютъ, что дѣйствителъно вся семья

г. Мантейфель неодобрительно отзыается о князѣ, а на повѣрку выходитъ, что неодобрительно отзыается только *одно лицо*, все та же г-жа N.

Подобнымъ-же пріемомъ пользуется г. Менышиковъ для увеличенія числа голосовъ противъ князя и въ нашей семье. Авторъ говоритъ, что «познакомился съ моимъ отцомъ, хорошо зналшимъ князя, съ моимъ братомъ и *другими*. И сейчасъ-же спѣшить прибавить: «всѣ говорять о князѣ неблагопріятно и проч.». Кто-же, однако, эти всѣ? Мой отецъ не только не говорилъ, что онъ *хорошо знаетъ* князя, но, напротивъ, сказалъ, что онъ лично не зналъ князя, а потому и отзываться о немъ хорошо или дурно не можетъ. То-же и братъ. Братъ вовсе не зналъ князя и никогда имъ не интересовался, а стало быть не имѣлъ никакого основанія отзываться дурно о князѣ, если не считать основаніемъ то, что онъ могъ слышать отъ г-жи N и Ульяновыхъ. Подъ «другими» надо разумѣть мою нервно-больную сестру, не проронившую ни единаго слова при посѣщеніи Капустина г. Менышиковымъ и, наконецъ, жену брата, которая едва-ли не въ первый разъ услышала и имя-то Вяземскаго въ день приѣзда къ намъ г. Менышикова. Но все это нисколько не смущаетъ автора «дознанія» и, говоря о моихъ семейныхъ, онъ преспокойно заявляетъ: «всѣ говорять о князѣ неблагопріятно»...

III.

Почему-же главнымъ образомъ г-жа N и Ульяновы недовольны княземъ? Почему г-жа N кунио съ Ульяновыми и отцами-священниками даютъ неодобрительный аттестатъ князю? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо знать—кто такая г-жа N и *что такое Ульяновъ*. А для этого неизбѣжно приходится набросать характеристики этихъ двухъ личностей. Г-нъ Менышиковъ малевалъ портретъ князя главнымъ образомъ на основаніи свидѣтельствъ этихъ двухъ лицъ, а это ставитъ меня въ *необходимость* сорвать маски и съ самихъ свидѣтелей. Это стоитъ мнѣ невѣроятныхъ усилий надъ собой въ особенности по отношенію г-жи N... Ограничусь-же двумя тремя штрихами, сохрания полное инкогнито этой особы. Г-жа N по самому своему происхожденію тяготѣеть къ той кастѣ, о представителяхъ которой въ словарѣ Даля написано нѣсколько страницъ *in folio*. Эта дама въ достаточной степени истерзана жизнью, съ надтреснутыми нервами. Она естественно находится почти всегда въ какомъ-то приподнятомъ состояніи. Другою я никогда ее не зналъ. Ея взгляды на жизнь и ея задачи никогда не выходили изъ границъ мелочной заботливости обѣ идеалахъ довольства и дворянскаго благополучия. При такихъ данныхъ уже одна исторія «обѣдыванія» княземъ чехловъ, «надѣтыхъ къ празднику на мебель», никогда-бы не примирила г-жу N съ княземъ. А тутъ еще князь, не стѣсняясь присутствіемъ г-жи N, не жалѣль красокъ въ своихъ безощадныхъ отзывахъ о нашихъ отцахъ-священникахъ... Какова-же послѣ этого цѣнность показаній г-жи N и возможно-ли имъ довѣрять? Пусть судятъ обѣ этомъ

сами читатели. Я не буду уже говорить о томъ, на сколько г-жа Н была далека отъ пониманія князя. Эта почтенная дама напоминает мнѣ другую не менѣе почтенную жену одного профессора, которая, вскорѣ постѣ смерти Ломоносова, услыхавши однажды въ обществѣ похвалы нашему ученому, вдругъ обратилась къ говорящимъ и спросила: «про какого это вы М. В-ча говорите, ужъ не про Ломоносова-ли?» и, получивши утвердительный отвѣтъ, авторитетно замѣтила: «э, полноте господа: я его очень хорошо знала; это быть нашъ сосѣдъ. Самый пустой быть человѣкъ! У него и посуды-то въ домѣ не было: бывало каждое утро къ намъ за кофейникомъ отъ него бѣгали». Только подобною-же мѣркою г-жа Н могла измѣрять князя.

Еще меньшую цѣнность имѣютъ на мой взглядъ показанія Ульянова (объ ульяновскихъ «барышняхъ» я и говорить не буду—это «уни-соны»), этого второго устоя, на которомъ зиждется добытая г. Менышиковымъ «истина».

Каюсь, не безъ намѣренія, раньше, я употребилъ выраженіе: *что такое Ульяновъ?* Это вѣдь «не личность», а цѣлое явленіе русской преобразованной жизни. Явленіе, отлившееся уже въ совершенно законченный и опредѣленный типъ волостеля-дѣльца, «непремѣннаго» земца, друга и пріятеля каждого мѣстнаго кабатчика, торговца, фабриканта. Дѣльца то черезъ-чуръ осторожнаго, то безмѣрно храбраго въ своихъ безконечно варварющиихъ хищническихъ авантюрахъ, не чуждыхъ удивительной изобрѣтательности и безцеремонной наглости. Это не типъ грубаго озвѣрѣлага кулака, нѣть, «beri чиномъ выше»! Характеристическая особенность этого рода дѣльцовъ—известный лоскъ, внѣшняя благовоспитанность, если хотите, и необыкновенная почтительность къ власти. Путемъ темныхъ и сложныхъ манипуляцій они опутываютъ окружное населеніе, всюду имѣютъ своихъ сторонниковъ-горлановъ и такимъ образомъ дѣлаются безсмѣнными диктаторами своей волости. Это своего рода мужицкие Бисмарки, находящіеся au courant всей уѣздной жизни... Крестьянство они считаютъ «быдломъ» и естественнымъ удѣломъ этого «быдла» признаютъ крѣпостное состояніе. На освобожденіе крестьянъ всегда готовы смотрѣть какъ на актъ «Высочайшаго увлеченія» и корректируютъ это увлеченіе необузданнымъ самовольствомъ, подъ охраною законовъ. Любимое имъ выраженіе: «ионче слабъ народъ сталъ! И, какъ панацею отъ этой «слабости», рекомендуютъ розги—«лѣсу мало на ваши спины!.. Знакомый со всею округой, знающій каждого въ лицо, видяющій въ каждомъ карманѣ, всюду рыскающій, все высмотривающій, вѣчно соображающій и промышляющій о своихъ личныхъ нуждахъ и пользахъ, облеченный самъ властью и пользующійся довѣріемъ властей выше его стоящихъ, такого рода дѣлецъ есть настоящій бичъ населенія. Оно его трепещетъ и боится пуще всякаго станового, исправника, земскаго начальника, мимолетомъ наѣзжающихъ въ деревню. Въ глазахъ населенія онъ есть «альфа и омега», первая и послѣдняя инстанція, дальше которой

идти некуда для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ безконечныхъ недоразумѣній, которыя такъ обильно и щедро плодить жизнь въ безпросвѣтно темной крестьянской средѣ...

Съ подобнаго-то рода дѣльцомъ-волостелемъ, въ свое время, повстрѣчался князь. Разумѣется, они мгновенно стали врагами...

IV.

Теперь этотъ дѣлецъ свидѣтельствуетъ противъ князя! Какую же вѣру можно дать такому свидѣтелю?! Князь насквозь видѣлъ Ульянова. Не стѣсняясь, въ теченіе многихъ лѣтъ, князь доказывалъ и разъяснялъ дѣльцу его зловредность для окружнаго населенія и тѣмъ ковалъ себѣ заклятаго врага. Бывшему военному писарю, солдату николаевскихъ временъ, трудно, конечно, было оппонировать князю. Но тѣмъ хуже... Этотъ писарь былъ все же умница. Онъ нюхомъ чувствовалъ, что усвой онъ хоть частицу понятій князя о томъ, что хорошо и что дурно и, какъ думъ, разлетится всѣ его писарскія вожделѣнія, и вотъ злоба и негодованіе противъ князя растутъ, какъ комъ снѣга, скатывающійся съ горы... Ульяновъ никогда не произносилъ имя князя безъ ругательствъ. Всѣ средства были хороши, чтобы унизить этого врага. Меня нисколько бы не удивило, если-бы даже Ульяновъ предъявилъ г. Меньшикову всѣхъ старухъ с. Кудаева и окрестныхъ деревень въ качествѣ бывшихъ жертвъ князя. Сдѣлать это ему не представляло ни малѣйшаго труда. При томъ положеніи, которое занимаетъ среди тамошняго населенія Ульяновъ, ему достаточно-бы было ничтожнаго давленія на ста-рунички мозги, и цѣлый хоръ «свидѣтелей» и «свидѣтельницъ» былъ-бы къ его услугамъ.

Но въ той же семье Ульянова, у того же семейнаго очага принципіального ненавистника князя, росъ и возмужалъ родной сынъ Ульянова, Матвѣй Ильичъ, знавшій князя, любившій и понимавшій его. Онъ, очевидно, не раздѣлялъ возврѣній своего отца...

Матвѣй Ильичъ замѣнилъ временнной деревянный крестъ на могилѣ князя крестомъ чугуннымъ и у подножія его выбилъ слова Пушкина:

„Замѣчательные люди проходятъ у насъ безслѣдно—
мы лѣнивы и пелюбопытны“.

Обстоятельство это только показываетъ, какъ безпристрастно велось меньшиковское «дознаніе...»

V.

Что сказать о свидѣтеляхъ изъ бывшихъ крестьянъ князя? Всѣ эти лица и до днѣсъ въ сущности «крѣпостные», если уже не Вяземскаго, то Ульянова и г-жи Н. Люди эти не воспользовались дарованной имъ свободой. Какъ прежде они ютились около «своихъ господъ», такъ теперь они превратились въ захребетниковъ тѣхъ, кто по своему общему

ственному положенію могъ имъ замѣнить прежняго владѣльца. Люди, подобные Прокопію, Гаврилѣ, бабкѣ Аинѣ и пр., теперь Ульянову и г-жѣ Н говорять: «вы наши отцы, мы ваши дѣти», какъ когда-то тоже самое говорили князьямъ Вяземскимъ. мнѣ не было и 16 лѣтъ, когда я зналъ уже Гаврилу. Еще тогда его новый баринъ рекомендовалъ мнѣ его, какъ «лакея въ душѣ», а Гаврила, не смущаясь щѣкостью такой рекомендациіи, ухмылялся и хихикалъ, видимо довольный барскою шуткой и милостивымъ вниманіемъ... Гаврила, Прокопій—это Молчалины барской дворни. Полагаю, что изъ угощенія выше ихъ стоящимъ, подобнаго рода люди могутъ давать показанія, какія понадобятся... Въ сноровкѣ и чутьѣ угодливости природа имъ не отказала, и все дѣло въ томъ, въ какомъ тонѣ заговорить съ ними «вопрошатель» и «дознаватель» и «кто онъ самъ будетъ». Я съ дѣтства не разрывалъ моей связи съ Серпуховскимъ уѣздомъ и за все это долгое время хотя-бы единый намекъ далъ мнѣ поводъ заподозрить князя хоть въ чемъ-нибудь изъ того, что понадобилось возвести на него г. Меньшикову. Напротивъ, каждый мой приѣздъ въ тѣ края все больше и больше знакомилъ меня съ выдающеюся личностью князя и заставлялъ вдумываться въ эту богато одаренную натуру, въ это большое, истинно человѣческое сердце. Помимо мотивовъ: угодливости и властнаго давленія на мнѣнія свидѣтелей со стороны, не послѣднюю роль въ ихъ отзывахъ о князѣ играло, вѣроятно, и ихъ вполнѣ понятное пониманіе личности князя. Эти чудовищно безобразные отзывы бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ отчасти напоминаютъ мнѣ замѣчаніе о Даламберѣ его служанки.

Какія-же причины заставляютъ отцовъ-священниковъ неодобрительно отзываться о князѣ? Прежде всего они очень хорошо знали, что князь имъ сильно не симпатизируетъ. Во-вторыхъ, всѣ они съ большимъ решѣткомъ относятся къ Ульянову. Нѣть сомнѣнія, что тамъ, какъ говорятъ у насъ, «въ волости», въ домѣ Ульянова, въ этомъ болотѣ, откуда выходили всѣ черти противъ князя, отцы выслушивали о немъ цѣлые притчи, которые известнымъ образомъ настраивали ихъ воображеніе противъ князя... Наконецъ, кто-же изъ нихъ, теперешнихъ, могъ знать князя—вѣдь это все новые люди, сравнительно очень недавно приѣхавшіе въ наши края. Г. Меньшиковъ ссылается главнымъ образомъ на благочиннаго отца Ев. Соколова, будто-бы записавшаго много разсказовъ о князѣ, «но когда умеръ князь, священнику стало жаль его, и онъ скрѣгъ записки о немъ: *de mortuo aut bene, aut nihil*». Отчего-же отцу благочинному *не было жаль* князя, когда о немъ передавать всякий вздоръ г. Меньшикову? Не объясняется-ли это «жалѣю—не жалѣю» отца Соколова тѣмъ «страннымъ пристрастіемъ къ Каткову», которое отмѣчаетъ и самъ г. Меньшиковъ? Не потому-ли же «стрannому пристрастію» о. Соколовъ имѣеть князя нигилистомъ и революціонеромъ?

Показаніе Кузнецова съ классическою, можно сказать, ссылкою на Илью Агафонова, т. е. того-же Ульянова, весьма характерно. Оно ука-

зываешь на предварительную «спѣвку» этихъ двухъ лицъ. Хотя у Кузнецова могли быть и старые счеты съ княземъ, не разъ запицавшимъ дѣтей Кузнецова отъ ихъ отца.

Н. В. Воронковъ говорить, что его показаніе г. Менышиковъ исказилъ и какъ-бы умышленно не въ пользу князя. Судя по письму отъ 1 мая 1895 г., полученному мною отъ г. Мантайфеля, отзывъ о князѣ Кирьякова, приводимый въ «дознаніи», тоже искаженъ *).

*) Письмо г. Мантайфеля отъ 1-го мая 1895 г. „Сегодня 1-го мая, я вспомнилъ о моемъ вѣчно упшедшемъ другѣ князѣ В., и уйдя въ сосновый боръ (чтобы быть къ нему поближе), я сталъ читать ваши статьи, посвященные его памяти и... многоуважаемый добрый мой Владимира Алексѣевичъ... читая эти теплые, никогда не остывающія строки, я заливался горькими слезами... какими я ни разу не плакалъ еще со дня кончины князя, этого вѣчно юнаго, не умирающаго старца, друга моей жизни... Я и сейчасъ плачу, хотя и не охотникъ до этого. Вспомнились мѣсяцъ юные, студенческіе годы, Грановскій, дѣтскія грэзы о всеобщемъ счастьѣ и не разлуко съ именемъ всей душой моей завладѣль чудный образъ князя, который, несмотря на разность нашихъ лѣтъ, всегда умѣлъ дѣлить со мной и восторженныя мечты, и идеалы молодости... Вспомнилъ я, какъ онъ съ упоеніемъ читалъ въ вихровскомъ саду и на берегахъ Нары вдохновенные стихи Пушкина, Гейне, Лермонтова... Какъ я вѣрѣгъ къ нему въ борьѣ съ каждымъ удачнымъ переводомъ изъ Гейне и Байрона (Гляура) Онъ такъ все понималъ, такъ любилъ все мірозданіе, начиная отъ далекой звѣзды, отъ пышнаго Ориона и кончая незамѣтной бабочкой, букашкой, червякомъ, ползающимъ въ травѣ, къ которому онъ склонялся съ любовью... Вспомнилъ, какъ онъ посвящалъ меня во всѣ сокровенныя прелести природы и поэзіи... Какъ онъ слышалъ въ звукахъ Моцарта и Шопена тайный отклѣкъ на все занимавшее его, видѣлъ связь, для настѣ можетъ быть недоступную, въ мірѣ цветовъ, дремучаго лѣса, въ движѣніи планетъ съ созвучіями этихъ вдохновенныхъ піастроръ! Вспомнилось, какъ онъ толковалъ мнѣ о томъ, что музыка есть душа ваянія, оживляющаго недвижимыя статуи, которыхъ онъ такъ страстию любилъ! Его даръ—мраморныя Венеры и Юноны—я и теперь храню, какъ святыню въ своей гостиной!

Благодарю васъ глубоко, [скрепенно за эти прекрасныя минуты, за то, что вы какъ будто вернули мнѣ вашими строками моего друга^а и вырвали у меня хорошія, человѣческія слезы.

Вашъ очеркъ написанъ тепло, благородно, красиво, и главное—онъ воспроизводить внутренній, нравственный обликъ князя!

Цѣлою васъ за это, милый Владимира Алексѣевичъ. Заключительный аккордъ Обнинскаго трогательно вѣчаетъ вашу статью-симфонію, вполнѣ достойную *такой* героической личности. Слава вамъ, что вы въ „царствѣ тьмы“ и изнуряющаго всѣхъ эгоизма—высоко подняли свѣточъ дивнаго мужа! Какъ кстати пришлось ваше слово нашему духовно-бѣдному поколѣнію. Словно ударъ колокола въ глухую ночь, напугавший совѣ, филиновъ и сицей.

Если будетъ досугъ и охота, черкните [въ Серпуховъ. Весь май я буду странствовать по земскимъ школамъ для экзаменовъ.

Вашъ душевно

А. Мантайфель.

ой черствый хозяинъ Кирьяковъ прочелъ вашу статью, [какъ близко зналъ князя въ Серпуховѣ, и въ восторгѣ; хотя и купчина, но искра Божія еще есть. Онъ мнѣ рассказалъ новые поразительныя вещи о князѣ и его безграничной жалости къ людямъ. Князя онъ (купчина) богочесторить. И камни даже возопѣли и подвиглись.

Обнинскій говорить, что вы мало развили важный пунктъ о неподготовленности русского общества для такихъ дѣятелей.

Кн. 10. Отд. II.

Въ своемъ «дознаніи» г. Меньшиковъ, между прочимъ, говоритьъ: «Наконецъ, это бродяжничество князя-Рюриковича показалось зазорнымъ мѣстнымъ дворянамъ». Въ доказательство этого вздора г. Меньшиковъ увѣряетъ, что «предводитель дворянства (кому же не вступиться за дворянъ, какъ не предводителю!), Шнейдеръ, устроилъ князя старшимъ сторожемъ при земской больницѣ».

Нашихъ дворянъ никогда не шокировалъ князь, потому что никто изъ нихъ не зналъ за княземъ тѣхъ гадостей, что рассказывается о немъ г. Меньшиковъ. Большинство дворянъ, кто о немъ слышалъ, отзывалось о князѣ, какъ о чудакѣ и оригиналѣ и только. Г. Шнейдеръ никогда не былъ у насть предводителемъ дворянства, которымъ и по днесъ состоитъ г. Рюминъ. А. Ф. Шнейдеръ былъ предсѣдателемъ серпух. земской управы и просилъ только князя присмотрѣть за постройкой больницы, какъ человѣка знающаго и интересующагося. «Г. Шнейдеръ пишеть авторъ дознанія», будто-бы выразился: «надо убрать эту тварь, чтобы по свѣту не бродила». Смѣемъ увѣрить г. Мельникова, что г. Шнейдеръ не выражается такимъ языкомъ.

У такой крупной и оригинальной личности, какимъ былъ князь—враги, конечно, были. но то, что этими врагами двигало, было все такъ лично, мелко и ничтожно... Князь и его жизнь были живымъ укоромъ людской пошлости; это была личность, напоминавшая о чёмъ-то другомъ, возвышенномъ, вѣчно дисгармонирующемъ съ людскими эгоистическими возждѣніями... Но эта же личность пугала людей своею необыкновенною прямотою и искренностью... И враги не жалѣли ничего, чтобы отдалиться отъ этого непріятнаго для нихъ человѣка. Имъ онъ обязанъ быть, что быть выгнанъ изъ дома своего лучшаго друга...

VI.

Нарисовавъ отвратительный портретъ какого-то злодѣя и объяснившъ въ то-же время читателямъ, что это и есть «настоящая» фотографія съ Вяземскаго, г. Меньшиковъ, очевидно, самъ ужаснулся тому, куда завело его усердіе, достойное лучшей участіи. Подъ конецъ своей статьи онъ силится ослабить произведенное впечатлѣніе и пишеть: «Я увѣренъ, что биографы Вяземскаго безъ злаю умысла^{*)} показали дѣйствительный образъ князя. Они старались написать биографію какъ можно лучше—но сами находились подъ господствующимъ теперь въ обществѣ представлѣніемъ о томъ, что лучше. Послѣдніе годы наиболѣе извѣстно ученіе Толстого—оригинальная, увлекательная система *настоящей* жизни; типъ современнаго героя и т. д. Биографы князя Вяземскаго—подъ гипнозомъ моды—безсознательно придали своему герою черты моднаго типа: не бу-

Обицкій сказывалъ, что ваша статья о князѣ въ Казани поразила всю питерскую агенцію и прокуроръ Симоновъ просто сѣ ума сходить о князѣ (что не видать его). Вы сдѣлали фигуру тамъ.

^{*)} Куј спивъ мой.

дучи писателями, не умѣя описывать точно, біографы подчинялись представлению о князѣ не какимъ онъ былъ, а какимъ долженъ-быть. Нѣтъ 20 тому назадъ, при другомъ общественномъ настроеніи, *ты же біографы* *) изобразили бы князя революціонеромъ, пошедшімъ въ народъ для пропаганды, деревенскимъ агитаторомъ и пр.».

Г. Меншиковъ совершенно ошибается. Ни сознательной, ни безсознательной лжи біографы не говорили. Ежели въ моемъ очеркѣ, помѣщенному въ «Сѣв. Вѣст.» и есть какая либо неточности, то онѣ вовсе не такого характера, чтобы искажали личность князя—это во-первыхъ, а во-вторыхъ именно почти 20 лѣтъ тому назадъ мною былъ помѣщенъ въ 1877 г. въ «Недѣлѣ» очеркъ «Князь-крестьянинъ» по своей *сущности* совершенно тождественный тому, что я напечаталъ въ «Сѣв. Вѣстн.» въ концѣ прошлаго года. Въ «Князь-крестьянинѣ» Вяземскій вовсе не выставляется революціонеромъ и агитаторомъ, хотя 1877 годъ и былъ именно годомъ большаго революціоннаго броженія среди нѣкоторой части нашего общества. Читатели могли-бы увидѣть изъ этого очерка, что князь для меня былъ все тѣмъ-же въ 1877 году, какъ и въ 1894. Но этого мало. Увлеченный личностью князя, его совершенно мирной истинно культурной работой на благо людей, и видя броженіе, которое всѣмъ еще памятно, я остановился на мысли познакомить наше общество и главнымъ образомъ молодежь съ крупною личностью князя. Съ этой цѣлью и былъ напечатанъ «Князь-крестьянинъ». Мне думалось тогда: хорошо-бы было, ежели-бы кто нибудь изъ нашихъ большихъ писателей обратилъ вниманіе на мой слабый очеркъ и, сплою своего таланта, развилъ написанное мною о князѣ, раскрылъ-бы молодежи новые горизонты, рекомендую не «дѣйствіе», а такъ-сказать самодѣйствіе... Я помню, какъ съ молмъ очеркомъ я собирался идти къ О. М. Достоевскому. Я хотѣлъ съ нимъ переговорить: хотѣлъ просить его взять на себя трудъ написать статью по поводу «Кн. Прянникова» съ указаніемъ для молодежи единственно истиннаго хотя и тернистаго пути къ благу, пути самосовершенствованія въ духѣ самоотверженной любви къ людямъ, на подкладѣ непрерывной борьбы съ собственными страстями и пр. Я рисовалъ себѣ, какой шумъ произведетъ горячая статья Достоевскаго, которому молодежь уже поклонялась въ то время, жадно прислушивалась къ каждому его слову... Князь Вяземскій, въ моихъ глазахъ, былъ примѣромъ «новой вѣры», какъ я тогда называлъ то будущее движение, которое мнѣ хотѣлось видѣть въ нашемъ обществѣ... Я былъ молодъ. Всѣ эти мысли взбудоражили мою голову. Я промечталъ всю ночь, а на утро, проглядывая моего «Князя-крестьянина» я нашелъ его до того слабо написаннымъ, что стыдно было и думать идти съ нимъ къ Достоевскому... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но я не переставалъ интересоваться княземъ. Въ 1892 г. князь скончался и я задумалъ напи-

*) Курсивъ мой.

сать его біографіческій очеркъ. Ежели я не былъ точенъ—ежели у меня вкрадись хронологическія искаженія, о которыхъ, между прочимъ, мнѣ говорилъ и г. Мантейфель, но уже послѣ напечатанія очерка въ «Сѣв. Вѣстн.», то виною тому нѣкоторая спѣшность работы. Да и не въ хронологіи дѣло. Заявленіе г. Меньшикова, что «біографы князя» списали точка въ точку ученіе Толстого въ портретѣ кн. Вяземскаго—совершен-нѣйший вздоръ. Чѣмъ, скажите на милость, Вяземскій, о которомъ писалось въ «Сѣв. Вѣстн.» годъ тому назадъ, отличается—въ своихъ основныхъ чертахъ—отъ «Князя-крестьянина», напечатанного въ 1877 г., т. е. 17 лѣтъ тому назадъ, а тогда о нравственно-философскомъ ученіи Л. Н.—ча мы еще ничего не знали. Заявленіе г. Меньшикова такая-же не-лѣпость, какъ и увѣреніе г. Сементковскаго, что гр. Толстой «списалъ» свое ученіе съ Вяземскаго.

VII.

Статья эта была уже написана, когда я прочелъ «Литературное слѣдствіе» г. Меньшикова въ № 37 «Недѣли». Въ этомъ «слѣдствіи» г. Меньшиковъ дѣлаетъ два дѣла: ругается и невольно расписывается въ своей наивности. Онъ открываетъ, наконецъ, анонимъ г-жи N и совершенно правдиво, въ этомъ нѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, разсказываетъ, кто были дѣйствительными «слѣдователями» и «дознавателями». Это все-та же неизмѣнная г-жа N и Ульяновы, которые, какъ оказывается, и водили г. Меньшикова по всѣмъ мытарствамъ, чтобы получить «истину»... Какой же приговоръ могъ вынести такой синдронъ кромѣ меньшиковскаго «дознанія»?! Синдроны всегда выносятъ такія приговоры — это было извѣстно еще 2000 лѣтъ тому назадъ...

Шумъ поднятый въ литературѣ меньшиковскимъ «дознаніемъ», по-видимому, пришелся по вкусу многимъ. Люди вообще склонны радоваться большему опорочиванію своихъ ближнихъ чѣмъ ихъ прославленію.

«Non hatred is by far the longest pleasure».

Старая, печальная истина! Кажется ясно, что человѣкъ, говорящій добро о другомъ, да еще мертвомъ, не можетъ руководиться низостью.

Предложеніе г. Меньшикова отправить въ Серпух. уѣздъ изъ любой редакціи довѣренное лицо для вторичнаго опроса свидѣтелей — замѣчательно наивно. Да развѣ кто не вѣритъ г. Меньшикову, что дама, дѣлецъ и К° говорили именно то, что они говорили? Посылайте хоть 20 разъ, кого хотите, эта «камарилья», сгруппированная около волостнаго старшины, будетъ «гвоздить» одно и то же... Этимъ путемъ не добьетесь непринужденныхъ показаній.

«Время» — вотъ «благородный справедливый человѣкъ». Подождемъ его приговора. Онъ же будетъ и судомъ общественной совѣсти. Это будетъ надежнѣе «дознанія», свидѣтели котораго «соборне» пропѣли такую своеобразную «вѣчную память» надъ могилою своего брата-человѣка..

B. Корсаковъ.

Правдивое слово о князѣ В. В. Вяземскомъ.

Я съ самаго дѣтства помню князя Василія Васильевича Вяземскаго, какъ друга нашей семьи. Молчать, послѣ возмутительной клеветы, взве-денной на него «Дознаніемъ» г. Меньшикова, немыслимо. Василій Васильевичъ быль извѣстенъ всему Серпуховскому уѣзду, какъ рѣдкой души человѣкъ. Состояніе свое онъ роздалъ бѣднымъ и ногорѣльцамъ. Если случалось у кого изъ крестьянъ несчастье, каждый бѣжалъ за помощью къ князю. Многіе эксплоатировали его, но онъ, не смотря на то, съ горячимъ участіемъ откликался на каждый призывъ нуждавшагося въ его помощи. Все это онъ совершалъ просто, безъ малѣйшей рисовки. Эстетикъ и художникъ, Вяземскій быль глубокоразвитымъ и образованнымъ человѣкомъ. Въ его лѣсномъ домикѣ была устроена большая мастерская, въ которой онъ плотничалъ безъ посторонней помощи. Весь свой заработокъ онъ отдавалъ бѣднымъ. Возможно-ли, чтобы въ той мѣстности, гдѣ память о князѣ, какъ о человѣкѣ гуманномъ и отзывчивомъ на все доброе, еще слишкомъ свѣжа, г. Меньшиковъ могъ собрать лишь одни возмущающія общественную совѣсть факты?

Состраданіе къ людямъ есть источникъ всякой нравственности. Это замѣтилъ еще Шоненгаузеръ. Это состраданіе къ людскимъ немощамъ яркою чертою проходитъ въ жизни Василія Васильевича. Если-же были въ его молодости какія-либо слабости и уклоненія отъ добра го пути, то позднѣйшая его жизнь, полная стоического отреченія отъ личнаго блага, вполнѣ искушила всѣ заблужденія юности. Лишь очень рѣдкія, исключительныя души способны пожертвовать личнымъ счастьемъ для другихъ. Слова: звѣрь, истязатель и прочіе рѣзкие эпитеты, брошенные г. Меньшиковымъ по адресу покойнаго князя, не даютъ читателю никакого понятія о настоящемъ, истинномъ Василіи Васильевичѣ Вяземскомъ. Тотъ не звѣрь и истязатель, у кого сердце согрѣто любовью къ ближнему, а князя согрѣвала именно такая любовь. Тотъ не звѣрь и не истязатель, кто благоговѣлъ передъ Христомъ, кто любилъ Христа изысканною любовью тонко чувствующей религіозной и эстетической натуры. Я упоминаю все это, какъ о фактахъ, сжившихся со мною съ самаго дѣтства и глубоко запавшихъ въ мою душу. Поэтому понятно негодованіе родного брата моего, А. П. фонъ-Мантейфеля, въ родовомъ имѣніи котораго, Сельцѣ Вихровѣ, подъ Серпуховомъ, провелъ часть нынѣшняго лѣта г. Меньшиковъ. Ни братъ мой, ни его почтенные сосѣди, хорошо знав-шие покойнаго князя, ничего не подозрѣвали о «Дознаніи» г. Меньшикова.

Бывшій прокуроръ московскаго окружнаго суда, извѣстный публицистъ П. Н. Обнинский хорошо зналъ кн. Василія Васильевича. Знала его отлично и семья Чебышевыхъ, изъ которыхъ знаменитый математикъ Пафнутий Львовичъ недавно скончался, но живъ его родной братъ,

бывшій военный профессоръ Владимиръ Львовичъ Чебышевъ. Названныя лица, я искренно въ томъ убѣжденъ, подтверждать каждое слово моего настоящаго письма. Они изстари входили въ кругъ близкихъ знакомыхъ нашей семьи. Грустно издали смотрѣть на нравы, господствующіе въ нѣкоторой части печати. Грустно видѣть легкомысленное, корреспондентское издѣвателство надъ личностью, достойною, безъ всякаго сомнѣнія, самаго серьезнаго изученія. Грустно читать эти развязныя изобличенія съ оттѣкомъ не литературнаго, а полицейскаго розыска — съ полной готовностью искаѣть, извращать несомнѣнныя факты, Богъ вѣсть ради какихъ цѣлей.

А. П. Суворова.

Новѣйшия московскіе скорпионы.

Въ отдѣленіи разслѣдованія направленій русской мысли тонъ уже задаютъ въ настоящее время не «Московскія Вѣдомости» и ихъ былые соратники: онѣ сами служить лишь поддержкой нѣкоторыхъ органовъ московской печати иного, довольно замысловатого типа — «Русскаго Обозрѣнія» и «Русскаго Слова». Эти новѣйшія изданія превосходятъ всѣ, знакомые намъ со временемъ Булгарина. образцы помянутаго отдѣленія, не только по цинизму своей откровенности, но и по бездарности, даже просто по дѣтской безтолковости. Эти свои качества, убогая газетка и жалкій журналъ проявили теперь особенно въ «исторіяхъ» съ г-жей А. А. Штевенъ и съ профессоромъ А. С. Трачевскимъ. Изъ ихъ-же *«онесеній»* явно выходитъ, что оба педагога обычнымъ способомъ скромно дѣлали простое дѣло — обучали народъ: одна своимъ школами, другой своимъ лекціями и учебниками. Все это, такъ сказать, вполнѣ цензурно и во вторыхъ изданіяхъ. А теперь, благодаря свѣженѣямъ московскимъ «органамъ», снабженнымъ великими глазами и малымъ чутью къ правде, все это даетъ материалъ для страннаго «обвинительного акта» и называется «непозволительнымъ балагурствомъ». Такіе, слишкомъ извѣстные труженики, какъ профессоръ Трачевский и г-жа Штевенъ, могутъ не тревожиться «указаніями» и «предостереженіями» г-дѣ Александровыхъ-Шевелевыхъ. Но каждый представитель сколько-нибудь серьезнѣй печати не можетъ не покрыться краской стыда при чтеніи столь явно-ложивыхъ и столь грубо-безграмотныхъ извѣстій изъ специального отдѣленія въ Москвѣ. Мы, съ своей стороны, считаемъ долгомъ возвысить голосъ негодованія противъ нового небывалаго униженія печатнаго слова самозванцами *«Русскаго Слова»*. Совѣсть обязываетъ насъ выставить на позоръ предъ читателями «Съвернаго Вѣстника» этихъ писакъ, которые «обвиняютъ» людей за ихъ преклоненіе предъ «поборниками человѣческаго достоинства, гуманности и просвѣщенія» (слова г-жи Штевенъ), предъ «просвѣтительными мѣрами, въ широкомъ смыслѣ новыхъ человѣческихъ началъ въ жизни Россіи» (слова проф. Трачевскаго).

Пастеръ.

Въ 20-хъ годахъ въ маленькомъ домикѣ по улицѣ Кожевниковъ небольшого городка Доль поселился наполеоновскій солдатъ Пастерь,увѣщанный медалями, но вынужденный добывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ ремесломъ кожевника. Всѣ надежды, радости и гордости солдата-кожевника сосредоточивались на маленькомъ сыне Луи. Когда Луи было всего два года, солдатъ уже грезилъ о славѣ, о почестяхъ, которыя судьба готовитъ его сыну. Конечно, онъ славу и знатность мѣрилъ по своему, по крестьянски. Когда онъ перебрался въ Арбуш и Луи стала посыпать мѣстный коллежъ, то часто говорилъ своему сыну: «когда ты будешь преподавателемъ въ коллежѣ Арбуша, я буду самымъ счастливымъ человѣкомъ на землѣ». Что-бы почувствовать старый солдатъ, если бы онъ увидѣлъ на томъ самомъ маленькомъ домикѣ улицы Кожевниковъ въ Долѣ, гдѣ родился Луи, памятную доску, на которой золотыми буквами написано: «Здѣсь родился Луи Пастерь 27 сентября 1822 года». Вотъ какой славы достигъ его маленький Луи!.. Нужно отдать честь старому солдату, что онъ не покладая руки работалъ и во всемъ себѣ отказывалъ лишь бы доставить сыну средства для получения образования. Этотъ періодъ жизни Пастера прекрасно описанъ его зятемъ Vallery-Radot въ извѣстной книгѣ «L'histoire d'un savant par un ignorant». Сынъ оправдалъ заботы отца и превзошелъ его надежды. Теперь неѣть даже такой глухой русской деревни, гдѣ бы не знали если не имени Пастера, то того, что онъ сдѣлалъ для человѣчества. Пастерь, будучи химикомъ по специальности и никогда не покидая своей специальности, прослылъ величайшимъ врачомъ и благодѣтелемъ всего рода человѣческаго, по своимъ заслугамъ передъ медицинской наукой. 29 сентября н. с. не стало этого благороднаго человѣка, великаго ученаго и благодѣтеля рода человѣческаго. Французское правительство устроило ему торжественные національные похороны, въ которыхъ принимали участіе всѣ націи. На похоронахъ рѣчь была произнесена министромъ просвѣщенія Пуанкарѣ, вообще талантливымъ человѣкомъ, прекраснымъ ораторомъ; но на этотъ разъ его рѣчь вышла слишкомъ блѣдной, малосодержательной и неудачно характеризующей Пастера. Дюпюи, бывший министромъ просвѣщенія, въ 1892 г., на празднованіи семидесятилѣтняго юбилея Пастера, охарактеризовалъ его болѣе удачно. Обращаясь къ Пастеру, Дюпюи сказалъ: «глубокая вѣра въ науку, вѣра апостола поддерживала васъ въ теченіе всей вашей жизни противъ тоски скептицизма и обезсиливающаго разочарованія; вы были вооружены критическимъ умомъ, необходимымъ для всякаго ученаго, но вы не были скептикомъ. Вы были всегда вооруженіемъ убѣжденія, скажу болѣе—вѣры, которая является матерью всѣхъ великихъ мыслей и безсмертныхъ произведеній». Пастеръ на юбилейномъ празднике былъ такъ растроганъ, что не могъ

прочесть приготовленную рѣчь, которая и была причитана его сыномъ. Въ этой рѣчи Пастеръ говорилъ, обращаясь къ учащейся молодежи: «молодые люди, молодые люди! посвящайте себя методамъ точнымъ и могущественнымъ. Вы всѣ, какова бы ни была ваша карьера, не поддавайтесь позорному и бесплодному скептицизму, не разочаровывайтесь въ тѣхъ несчастныхъ минутахъ, которыя бываютъ удѣломъ каждой націи. Живите въ свѣтломъ мірѣ лабораторій и библіотекъ. Прежде всего ставьте себѣ такой вопросъ: что я сдѣлалъ для моего образованія? По томъ, по мѣрѣ того какъ вы будете подвигаться впередъ, ставьте себѣ второй вопросъ: что я сдѣлалъ для моей страны? И такъ далѣ до того момента, когда вы, быть можетъ, будете иметь счастливую возможность думать, что вы въ какомъ-либо отношеніи содѣйствовали прогрессу и благу человѣчества». Быть можетъ, эти слова благороднѣйшаго служителя идеи человѣчества будутъ приняты во вниманіе и нашей учайшемся молодежью.

Памяти Н. В. Стасовой.

27 сентября скончалась на 74 году отъ рожденія одна изъ самыхъ выдающихся дѣятельницъ на пользу женского образования, Надежда Васильевна Стасова. Несмотря на очень преклонный возрастъ Н. В. Стасовой, смерть ея была совершенной неожиданностью для близкихъ ей людей. Переживъ за послѣдніе годы цѣлый рядъ опасныхъ болѣзней и тяжелую глазную операцию—снятія катаракты, хилая, съ очень слабымъ зрѣніемъ Стасова до послѣдней минуты жизни была полна энергіи и какой-то инасытимой жажды дѣятельности. Она умерла внезапно, отправившись по дѣлу и потерявъ сознаніе на улицѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху великихъ реформъ и вызванныхъ ими прогрессивныхъ общественныхъ броженій, Н. В. Стасова находилась въ числѣ людей, искавшихъ практическаго осуществленія для идеи женской эманципаціи. Женское образованіе, среднее и высшее, надлежащая подготовка для женщинъ воспитательницъ и учительницъ, самостоятельный свободный женскій трудъ въ разныхъ сферахъ жизни, въ разныхъ областяхъ общественной дѣятельности—всѣ эти требованія, столь естественные, столь необходимыя въ интересахъ здоровой культуры, оформились лишь постепенно, удовлетворялись неохотно. Въ дѣлѣ средняго образования женщины, въ подготовкѣ женщины къ роли «доброй жены и матери» многое было сдѣлано со стороны государства, при сочувственной поддержкѣ всего общества. Но всѣ начинанія болѣе глубокаго, болѣе радикального характера, связанныя съ передѣлкой основныхъ понятій «святой старины»,шли отъ лучшихъ людей общества и, встрѣчая цѣлый рядъ грубыхъ и сильныхъ препятствій, выносились на ихъ плечахъ. Н. В. Стасова, гуманная и энергичная по природѣ, принадлежала къ тѣмъ людямъ, для которыхъ «борьба за право» является неизбѣжнымъ дѣломъ.

всей жизни. Живое участие въ тѣхъ кружкахъ и обществахъ, которыя работали надъ пропагандою въ жизнь эмансипаторскихъ идей, составляло для Н. В. Стасовой настоящее душевное удовлетвореніе. Вся ея скромная личная жизнь, согрѣтая только любовью жившихъ вмѣстѣ съ нею братьевъ, изъ которыхъ В. В. Стасовъ, известный художественный критикъ, вызывалъ въ ней восторженное почитаніе, — была наполнена заботами и хлопотами на пользу молодыхъ поколѣній просвѣщеніе которыхъ ей приходилось отстапывать, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, какъ какое-то опасное новшество.

Не приводя въ этой краткой замѣткѣ (сдаваемой нами въ печать въ то время когда въ газетахъ не появилось еще даже объявленія о первыхъ панихидахъ у гроба Н. В. Стасовой), какихъ либо биографическихъ данныхъ, не разматривая всѣхъ сторонъ ея дѣятельности, мы хотимъ только помянуть благодарнымъ словомъ то, что было сдѣлано Н. В. Стасовой въ качествѣ распорядительницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ до временнаго закрытія этихъ Курсовъ въ 1889 г. Положеніе ея въ этой офиціальной роли было тяжелое и моментами даже щекотливое. Молодое учрежденіе, обставленное сравнительно хорошими профессорскими и преподавательскими силами, привлекавшее слушательницъ со всѣхъ концовъ Россіи, жило полною, кипучею, возбужденною жизнью. Толпы учащихся дѣвушекъ, часто не вполнѣ хорошо подготовленныхъ средними учебными заведеніями къ научнымъ занятіямъ, но чуткихъ ко всяkimъ погрѣшностямъ руководителей и учителей, нервно отзывавшихся на всѣ общественные настроенія и вѣянія, представляли взрывчатую стихію, съ которой не легко было совладать людямъ, отвѣтственнымъ за учрежденіе. Съ одной стороны приходилось всячески оберегать самое учрежденіе, еще не прочное, утвержденное только какъ бы въ видѣ пробы, съ другой стороны нельзя было не становиться на сторону молодыхъ, живыхъ, не склонныхъ къ компромиссу умовъ. Въ такомъ положеніи очень часто даже самые мягкие по природѣ люди, думая быть добросовѣстными исполнителями «вѣреныхъ имъ обязанностей», надѣваютъ на себя маску начальственной суровости и мало-по-малу входятъ въ роль почти полицейскихъ утѣшителей. Н. В. Стасова, стараясь дѣйствовать на студентокъ умножительно, непрестанно убѣждая ихъ отложить всѣ интересы, не связанные съ научными занятіями, до окончанія курса, чтобы не повредить учрежденію, никогда не хотѣла и не умѣла смотрѣть на какія бы то ни было умственныя волненія, какъ на нечто зловредное по существу и несовмѣстимое съ прохожденіемъ курса наукъ въ стѣнахъ заведенія. Она была синхронительна,держанна и мягка даже тогда, когда ей самой приходилось выслушивать несдержанныя рѣзкости отъ разгорячившихся дѣвушекъ. Чуждая какихъ бы то ни было сословныхъ и национальныхъ предразсудковъ, она вѣрила, что просвѣщеніе сотретъ въ молодыхъ душахъ все то, что является продуктомъ общественной негигиеничности... Были люди, которые упрекали ее за то, что въ своихъ

сношенияхъ съ молодежью она не была достаточно «тверда». Пусть люди съ иной закваской, съ иными понятіями дѣйствуютъ «тврже»!

Въ 1885 г. пріемъ слушательницъ на Вышеіе Женскіе Курсы былъ прекращенъ, а въ 1889 г. зданіе курсовъ временно совсѣмъ опустѣло до возобновленія пріема на курсы. Н. В. Стасова должна была лишиться своей прежней должности, что было для нея тяжелымъ нравственнымъ ударомъ. Людямъ, знавшимъ ее, казалось, что она не переживетъ этой отставки, мѣнявшей весь складъ ея жизни. Но сочувствіе окружающихъ, живая благодарность бывшихъ слушательницъ, наконецъ энергія самой натуры, требовавшей какого бы то ни было дѣла и помогавшей ей находить или создавать его, все это дало ей возможность оправиться. Она стала чаще прежняго хворать, зрѣніе, вслѣдствіе катаракты глазъ, совсѣмъ испортилось. Но она не переставала читать, слѣдить за журналами, переписываться съ безчисленнымъ множествомъ лицъ. Болѣе 200 бывшихъ слушательницъ В. Ж. К. вели съ нею переписку до послѣдняго времени ея жизни и неизмѣнно получали въ отвѣтъ ея письма, эти неровныя строки крупнаго неразборчиваго почерка, писанныя почти ощупью. Участіе въ различныхъ обществахъ,ѣзда въ разные концы города, хлопоты обѣ утвержденіи однихъ общественныхъ учрежденій, изысканіе средствъ и собираніе пожертвованій для другихъ — все это наполняло ея время попрежнему, хотя въ ея занятіяхъ не было прежняго единства. Еще этимъ лѣтомъ, живя на дачѣ, версты на три отъ желѣзной дороги, она по нѣсколько разъ приѣзжала въ городъ. «Завтра въ городѣ у меня тяжелый день», сказала она однажды лицу, пишущему этотъ краткій некрологъ. — Утромъ надо быть въ Измайловскомъ полку, въ обществѣ дешевыхъ квартиръ, потомъ въ «Яслихъ» — на Выборгской, а послѣ обѣда — по Васильевскому Острову въ совѣтѣ общества для отысканія средствъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ». Она хотѣла во всемъ участвовать и всюду поспѣвала. Въ послѣднее время она принимала живое участіе въ такъ называемомъ «Женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ». Для этого, только что утвержденного и открывшагося общества, потерявъ его предсѣдательницы будеть очень чувствительной. Немногіе изъ его членовъ приступали къ этому начинанію, имѣющему цѣлью свободное общеніе интеллигентныхъ женщинъ на нейтральной почвѣ, съ такими серьезными надеждами, какъ покойная Н. В. Стасова. «Я думаю, говорила она всего мѣсяцъ тому назадъ, что общеніе женщинъ, при свободной баллотировкѣ лицъ, принимающихъ на себя тѣ или другія обязанности въ данномъ обществѣ, будетъ полезной школой для женщинъ. Слишкомъ многое еще имъ не достаетъ. Самообладанія слишкомъ мало, сдержанности, — столько суety, пустыхъ мелочныхъ препирательствъ... И потому — еще не отучились женщины быть рабами мужчинъ. Во всемъ держатся за нихъ, пугаются, подчиняются... Нехорошо это, очень нехорошо! Много еще работы надъ самою собою предстоитъ женщинѣ, прежде чѣмъ она

добьется своего освобождения. И многихъ привычекъ имъ не хватаетъ. Можетъ быть наше общество поможетъ имъ оглянуться на себя и пріучить себя къ чему, необходимому для общественной дѣятельности». Эти слова энергичной и гуманной женщины, глубоко вѣрящей въ прогрессъ, стоять того, чтобы записать и запомнить ихъ.

Имя Н. В. Стасовой должно остаться на всегда въ исторіи женской эманципаціи,—какъ имя самой безкорыстной и неутомимой дѣятельницы съ благородною и нѣжною душою, съ возвышенною любовью къ свѣту и правдѣ.

Л. Г.

28 сентября 1895 г.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Съвернаго Вѣстника» въ теченіе сентября мѣсяца.

Александровъ, А. И. Исторія развитія духовной жизни черной горы. Казань, 1895 г.

Арнольдъ, Ф. К. Русскій лѣсь, т. 1, изд. 2-ое, т. 2 — 3, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 91—93 г. Ц. 16 р.

Того-же. Исторія лѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.

Того-же. Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ, изд. 2-ое, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Б. А. Выборгъ, Иматра. Спб. 1895 г.

Батюшковъ, Ф. Д. Корнелевъ „Садъ“. Спб. 1895 г.

Бертенсонъ, Л. Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ замо- сковныхъ и средневолжского округовъ, Спб. 1895 г.

Того же. Краткій очеркъ дѣятельности 8-го междунар. конгресса гигиены и демографіи въ Буда-Пештѣ. Спб. 1895 г.

Брюсовъ, Chefs D'oeuvre. Сборникъ стихотвореній. (Осенъ 1894 г.—Весна 1895 г.). Москва, 1895 г.

Г. Арсеній. Калпизъ, повѣсть, изд. 2-ое, изд. Д. И. Ефимова. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Гарніуръ, герцогъ. Египетъ и Египтяне, примѣч. п доцона. Н. А. Бобровникова. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.

Гатцукъ, А. Календарь крестный на 1896 г. М. 1895 г. Ц. 15 к.

Генкель, Германъ. Р. Саадія Гаонъ, знаменитый еврейскій ученый Х. в. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Того-же. Ueber die Mogglichkeit eines semitischen Ursprungs des Dithyrambas, Спб. 1895 г.

Gray Charlotte. Значеніе женщины въ борбѣ съ алкоголизмомъ, пер. Яровицкаго, подъ ред. А. Коровина. М. 1895 г. Ц. 20 к.

Гринченко, Б. Д. Писни та думы, у Чернигови, 1895 г. Ц. 50 к.

Того-же. Этнографические материалы, собранные въ Чернигов. и состѣніяхъ съ нею губерніяхъ. Вып. 1. Черниговъ. 1895 г.

Того-же. Земскій уѣздныи оцѣнки Чернигов. губ. въ 1893 г.. изд. редакціи Земскаго Сборника Черниг. губ. Черниговъ. 1895 г. Ц. 50 к.

Гротъ, Н. Я. проф. Устон правственной жизни и дѣятельности, рѣчъ. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Гротъ, Я. К. Нѣсколько данныхыхъ къ его біографіи и характеристикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Чистилище, пер. В. В. Чуйко, съ 72 рѣ- сунками франц. художниковъ, изд. В. В. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Того-же. Адъ. Ц. 1 р. 25 к.

Даршевичъ, Л. О. проф. Объ интеллек- туальной сфере женщины. Публичная рѣчъ. М. 1895 г. Ц. 25 к.

Dujardin-Beaumefz, prof. Искусство пропи- сывать рецепты, пер. д-ра В. К. Панченко, изд. Н. П. Петрова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зеландъ, Н. Л. д-ръ. Здоровье и счастье. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собрание критическихъ ма-теріаловъ для изученія произвед. И. С. Тургенева, вып. 1—2, изд. 2-ое, М. 1895 г. Ц. выпуска 2 р.

Издание книжного склада П. К. Прявиши- никова: М. 1895 г.:

№ 31. Бабушка и Алена, разск. А. Ку-пряиновой.

№ 35. Общий и простѣший рамочный улей, сост. И. П. Трубниковъ. Ц. 9 к.

№ 37. Добрые люди. разск. П. И. Добро-творскаго, Народный календарь за 1896 г. Ц. 20 к.

Издание „Посредника“ М. 1895 г.:

Велиодушный Голіафъ, разскѣзъ Ю. Без-родной; Смерть Шарика, раз. съ франц. Ц. 1½ к.

Кровь, изъ сказокъ Э. Золя, пер. А. Б. Бородиной. Ц. 1½ к.

У колодца, разскѣзъ Лазо-Лазоревича. Ц. 1½ к.

Сказка о Богданѣ Царевичѣ по трехъ подаркахъ чуднаго старца, Ю. Чистяковой-Верѣ. Ц. 1½ к.

Чья вина? раз. С. Т. Семенова, Ц. 1½ к. Новый свѣтъ, сост. Е. Чижовъ. Ц. 6 к.

Невѣрная жена; Добрая душа; Свѣтлый день, три разскѣза изъ французской жизни, для взрослыхъ. Ц. 1½ к.

Издание „Посредника“ для интеллиг. чи- тателей:

Къ чему жить, сборникъ произвед. ино-странныхъ авторовъ. Ц. 70 к.

Въ глухомъ мѣстечкѣ, раз. Н. Наумова и Макарія, эскизъ Р. Хинѣ. Ц. 35 к.

Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в., проф. П. Лучицкаго. Ц. 30 к.

Лерингъ, Рудольфъ. Борьба за право, пер. О. А. Верта, подъ ред. М. И. Свѣшникова. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.

Каптеревъ, П. О. Душевные свойства женщины. публич. лекціи, Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

- Каутскій, Карлъ.** Очерки и этюды. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кирхеръ, Фридрихъ.** Исторія філософії, пер. В. Д. Больфсона, съ дополнит. статьей «Русская філософія» В. Чуйко, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ковалевскій, Максимъ.** Происхождение современной демократіи, т. II, изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Корелинъ М. С. и кн. С. Трубецкой.** Въ память А. М. Иванцова-Платонова, М. 1895 г.
- Красницкій, А.** Въ туманѣ тысячелѣтія, историч. романъ, изд. книги. склада журнала «Родина», Спб. 1895 г.
- Крафтъ - Эбингъ.** Прогрессивный общий параллич, пер. д-ра Вольтера, изд. книж. маг. П. А. Брейтгама. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Три кольца, Уральская лѣтопись, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Того-же.** Постѣдняя треба, изд. А. И. Тихомирова, М. 1895 г. Ц. 10 к.
- Мартыновъ, Д. П.** Какъ въ народѣ. училишахъ Олонецк. губ. дѣти учатся Богу молиться, читать, писать и считать. Петроводскъ, 1895 г. Ц. 10 к.
- Маудсли, Генри.** Сонъ и сновидѣнія, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Мебусъ, А. Ф.** Астрономія, пер. Л. Г. Малист, Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Морозовъ, П.** Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи, изд. М-ва Финансовъ. Спб. 1895 г.
- Настольный энциклопедический словарь, изд. Тов. А. Гранатъ и К°, вып. 106—110, М. 1895 г. вып. 106 и 107. Ц. 30 к., вып. 8-го, 9-го, 10-го. Ц. 40 к.**
- Общедоступная библиотека, изд. Г. М. Пекоторесъ, серія II—Человѣкъ.**
- № 1. Человѣческія расы. Народы Африки, подъ ред. Г. М. Пекоторесъ. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Изъ исторіи моего учительства, изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Отчетъ по операциямъ Полтавскаго сельско-хоз. общ. и денежный отчетъ опытного поля за 1894 г. Полтава, 1895 г.**
- Палонеженцевъ Н. И.** Народное образование въ г. Ялуторовскѣ, Тобольской губ., ч. 2. Тобольскъ, 1895 г.
- Пергаментъ, О.** Путевые очерки. Одесса. 1895 г. Ц. 60 к.
- Переводчикова, А. В.** Осенние мотивы, стихотворенія. Саратовъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Петровъ, Н. В.** Какъ кормить и попить пчель, изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 35 к.
- Того-же.** Инвентарь американского пчеловодства, изд. К. И. Тихомирова. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Покровскій, П. А.** Сравнительное изученіе сапитарной и медиц. наукъ въ вопросѣ о боевой силѣ арміи. Ковна. 1895 г.
- Полезная библиотека, изд. П. П. Сойкипа.** Астрономъ-любитель, сост. З. Предтеченскій. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Ределинъ, Марія.** Домъ и хозяйство, т. 2, изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1895 г. Ц. 4 р.
- Рудневъ, Л.** О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражданскому праву въ исторіч. развитіи. Киевъ, 1895 г.
- Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальни, изд. Харьковскаго календаря, Харьковъ. 1895 г. Ц. 20 к.**
- Русские символисты.** Лѣто. 1895 г. Москва. 1895 г.
- Русский сельскій календарь, за 1895 г.** подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Сеиронъ, Анна.** Шесть лѣть въ домѣ графа Л. Н. Толстого, пер. А. Сергіевскаго. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Селли, Джемсъ.** Геніальность и помѣщательство, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.
- Сервантесть, М.** Славный рыцарь Довѣ-Кихотъ Ламанчскій, т. I—II. Съ портретомъ Сервантеста и 36-ю картинами Густава Доре. Ц. 3 р. М. 1895 г.
- Смайльсь, С.** Характеръ, пер. С. Майковой, изд. 7-ое, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Того-же.** Самообразованіе, съ дополнит. статьей «Русскіе дѣятели», пер. В. Больфсона, изд. В. И. Губинскаго. Спб: 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Того-же.** Бережливость, пер. Е. Сысоевой, изд. 2-е, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Ступинъ, А. Д.** Современный календарь на 1896 г. М. 1895 г. Ц. 15 к.
- Тарь, Г.** Сущность искусства, подъ ред. и съ предисл. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Тиховъ, А.** Очерки по греческой литературѣ, вып. 1-ый. Черниговъ. 1895 г. Ц. 45 к.
- Трачевскій, А. проф.** Русская исторія, ч. 2-я, изд. К. Л. Риккера. Спб. 1895 г. Ц. за двѣ части 8 р.
- Фирсовъ, П.** Опытъ элементарной алгебры въ связи съ логикой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Флугъ, К.** О возстановленіи металлич. обращенія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Фулье, Альфредъ.** Страдавіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ движений, пер. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго, изд. В. И. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Фэзъ, Г.** Происхождение мира, съ дополненіемъ космогонической гипотезы К. Вольфа, 2-ое изд., изд. В. И. Губинскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Харузинъ, Н. Н.** Очеркъ исторіи развитія жилища у філіпповъ. М. 1895 г.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное прилож къ «Харьк. календарю на 1895 г.», подъ ред. В. В. Иванова, изд. Харьк. губ. статистич. комитета, вып. 9-й. Харьковъ, 1895 г. Ц. 60 к.

Холодовъ, И. Я. Мысли и сопоставленія по поводу современаго понятія о любви. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Черновъ, А. М. Набросокъ соображеній изъ волостной юстиці. Гжатскъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Шевченко-Красногорскій, И. По Волгѣ и Каспію, путевые наброски. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Г. Шерръ. Всеобщая исторія литературы, вып. № 1, изд. Д. В. Байкова, перев. съ нѣмецк. подъ ред. П. И. Вейнберга

Шмурло, Е. Востокъ и западъ въ русск. исторіи, публич. лекція, Юрьевъ, 1895 г.

Шопенгаузъ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи, извлечено изъ полнаго собр. твореній Ш-ра Юліусомъ Фрацеиштедтомъ,

съ прилож. статьи «О воспитаніи», пер Н. Н. Маракуева, 2-е изд. В. И. Губинскаго, Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Ѳ. Шпернь. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

Штрюмпель, къ вопросу объ алькоголѣ съ врачеб. точки зреія Smith какое положеніе должны мы, врачи, занимать въ вопросѣ объ алькоголѣ. М. 1895 г.

Энгельсъ, Фридрихъ. Прописходевіе семьи, частной собственности и государства, изд. З-бъ, Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Юдыцкій, I. Горючія скопаемыя, изд. 2-е, изд. Ф. В. Щепавскаго, Спб 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юридическая Библіотека, изд. Я. Канторовича. Спб. 1895 г.

№ 5. Преступность и преступники Дмитрия Дриль. Ц. 1 р. 20 к.

№ 6. Шекспиръ съ точки зреія врава (Шейлокъ и Гомістъ) проф. И. Колера, (пер. съ нѣмецкаго). Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ИЗДАНИЯ

книжного магазина К. И. Тихомирова.

Москва, Кузнецкий мостъ.

Архангельский, С. О русскихъ гражданскихъ законахъ. Бесѣды сельскаго ходока съ крестьянами о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ. 1895 г. Ц. 20 к.

Богданова Мод. Профессоръ. Разсказы о птицахъ. Для юношества. 1895 г. Ц. 75.

Учен. Ком. М. Н. Просв. одобрена для учебническихъ библ. сред. учебн. завед. Министерства

Блиновъ Н. Священ. Земская служба. Общедоступная бесѣды гласного-крестьянина о земскихъ дѣлахъ. Изд. 2. Ц. 50 к.

Его-же. Сельская общественная служба, бесѣды старости-крестьянина. Изд. 3-е. 1894 г. Ц. 50 к.

Книга эта удостоена золотой медали.—премія графа П. Д. Киселева при Мин. Госуд. Имущ.

Барышниковъ П. Жизнь С. Т. Аксакова Ц. 15 к.

Учебн. Ком. при Св. Синодѣ допущенъ въ учебнич. библ. духовн. семин. и женск. епарх. учили.

Его же. Жизнь А. В. Кольцова Ц. 25 к.

Главн. Упр. Военно учебн. завед. признала заслуживающей рекомендаций для бѣд. старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ.

Владиславлевъ В. Протоіерей. Изъ быта крестьянъ. Разсказъ для крестьянъ и для крестьянскихъ школъ. Изд. 4-ое. 1895 г. Ц. 50 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для библ. народн. училищъ и для публичныхъ народн. читекъ и Учит. Совѣтомъ при Свят. Синодѣ допущена въ учит. библ. церковно приход. школъ.

Глаголовъ, А. Н. Элементарная геометрія и собрание геометрическихъ задачъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена какъ руководство для гимназий и реальныхъ училищъ.

Гурфинкель, Л. М. Дѣя и уходъ за ними. Популярная гигіена для матерей. 1895 г. Ц. 1 р.

Грузинцевъ К. Жизнich и труды Н. М. Карамзина. Народное чтеніе съ портретомъ Карамзина. Ц. 15 к.

Одобрено Мин. Народ. Просв. для школьныхъ библ.

Дмитревъ, Н. Ошибки въ нашемъ хлѣбопашествѣ и чѣмъ ихъ поправить. Съ рисунк. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 8 к.

Ельницкій, К.—Характеристики дѣвочечекъ. Для посвѣтившихъ себя учительской или воспитательной дѣятельности и для подготовляющихся къ этой дѣятельности. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 75 к.

Рекомендовано Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. кадет. корпус. и военн. школъ. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. Собствен. Его Императорскаго Величества Канцелярии.

Ивановъ. Подарокъ. Книга для дѣтского чтеція. Ц. 1 р.

Кельнеръ, Л. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Переводъ съ итальянскаго О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Съ портретомъ Кельнера, очеркомъ его жизни и примѣчаніями. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кеминъ Ф. Колдунъ. Разсказъ изъ народнаго быта. Быль. 1894 г. Ц. 15 к.

Коропчевскій, д. А. Разсказы про дикаго человѣка. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Для школьныхъ библіотекъ. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 25 к. 1895 г.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для учебнич. библ. городск. училищъ и средн. учебн. завед. мужск. и женск.

Кравчинскій д. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. Изд. 2-е 1895 г. Ц. 25 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. рекомендовано для учебнич. библ. сред. мужск. учебн. завед. и для учител. библ. низши. учебн. завед.

Кругловъ А. И. Изъ золотого дѣтства. Повѣсть для дѣтей; въ 2-хъ частяхъ. Ц. въ напѣтѣ 1 руб.

Его-же. Ивањъ Ивановичъ и К°. Повѣсть для дѣтей, съ рисун. Изд. 3-е. Ц. 80 к.

Линдеманъ, К. Э. Профессоръ. О заявланіи зеленой, вслѣдствій пораженія ихъ наскокомъ и мѣры истребленія постѣдніхъ. Съ рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 10 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ Отдѣл. по техн. и профессион. образов. одобрена для библ. народн. училищъ.

Его-же. Саранча и мѣры ея истребленія. Съ рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 12 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіон. образов. одобрена для библ. начальн. школы.

Его-же. Насѣкомые плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Съ 23 рисун. Изд. 2-е. 1895 г. Ц. 15 к.

Отдѣл. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по технич. и профессіональн. образов. одобрена для библ. нач. школы.

Его-же. О филоксерѣ и другихъ главнѣйшихъ врагахъ винограда и о мѣрахъ истребленія ихъ. Съ 21 рис. 1895 г. Ц. 20 к.

Его-же. О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣсамъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 39 рис. 1895 г. Ц. 40 к.

Его же. О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ, и мѣры ихъ истребленія. Съ 8 рис. 1895 г. Ц. 10 к.

Его-же. Гесенская муха. (Монографія). Съ 17 рис. 1895 г. Ц. 60 к.

Макарова С. Отголоски старины. Прекраса. Исторический разсказъ. Ц. 40 к.

Михайловъ, А. А. Учебникъ арифметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведений. Изд. 4-е. 1895 г. Ц. 50 к.

Учебн. Ком. при Собств. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобрены въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ завед. вѣдомства.

Михѣевъ В. Присяжный засѣдатель. Рассказъ. Ц. 5 к.

Мурашкинцевъ, Н. А. Ветеринарія въ прымѣненіи къ сельскому хозяйству. I. Общія понятія о заразныхъ болѣзняхъ животныхъ.—Чума рогалаго скота, съ рис. 1895 г. Ц. 6 к.

Назаровъ Г. Я. Кожевенное дѣло. Выдѣлка овчины. Съ 18 рис. 1895 г. Ц. 10 к.

Нелидова. Дѣвочка Ліда. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Овчинниковъ М. В. Первые христіане на Руси. Ц. 10 к.

Петровъ Н. В. Какъ кормить и поить пчелъ. Съ 18 рис. 1895 г. Ц. 35 к.

Его-же. Инвентарь американского пчеловодства. Съ 91 рис. 1895 г. Ц. 40 к.

Потѣхинъ А. А. Крестьянская дѣти. Повѣсть для дѣтей, съ картинками. Изд. 3-е. Ц. въ бумажкѣ 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р 50 к.

Преображенскій, П. В. Приват-доцентъ Моск. Універ. Краткая тригонометрія съ таблицами для вычислениія безъ логарифмовъ и съ таблицами упрощеннаго умложенія и дѣленія. 1895 г. Ц. 40 к.

Его-же. Учебникъ физики. Выпукль I, механическая часть физики. 1895 г. Ц. 60 к.

Ростовская М. Четыре времени года. Рассказъ изъ деревенского быта. Съ рисун. Ц. въ папкѣ 1 р.

Русскія народныя сказки, собраныя учительми Тульской губ., подъ редакціей Эрдѣй-Вейна. Ц., въ папкѣ 1 р.

Ростовцевъ, И. В. Промышленная растенія.

I. Мята, апісъ и тминъ. 1895 г. Ц. 10 к.
II. Цикорій. 1895 г. Ц. 4 к.

Селивановскій И. Д-ревенскія певзгоды. Заблудъ годъ. Наводненіе. Градобой. Червовой Пожаръ. 1895 г. Ц. 10 к.
Его-же. Сельскохозяйственные разсказы: Антонъ огуречникъ. Ловкій косарь. Догадливый пахарь. Зола хорошее удобрение. 1895 г. Ц. 8 к.

Его-же. Курордка Марья. Разсказъ о крестьянкѣ Марѣ какъ она хорошихъ и носкихъ курь развела. 1895 г. Ц. 5 к.

Его-же. Изъ деревни: Какъ я устроилъ нестараемый овинъ. Старый Луговикъ. 1895 г. Ц. 3 к.

Его-же. Ночь на Рождество. 1895 г. Ц. 5 к.

Снегиревъ Л. Ф. Жизнь и смерть Сократа, рассказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ. Съ 3 рис. 1895 г. Ц. 60 к.

Семеновичъ Д. Рождественская елка въ живыхъ картинахъ, сценахъ, пѣсняхъ и играхъ, съ рисунками и нотами. Ц. въ папкѣ 50 к.

Терешкевичъ А. А. Дядя Чернышъ. Рассказъ для дѣтей. Ц. 60 к.

Хитровъ М. Евстаѳій. Плакала. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I-го и начала II-го столѣтій. Съ рис. Ц. 50 к.

Его же. Герон вѣры. (Изъ временъ Аврелия). Ц. 15 к.

Его же. Ученые свѣты. Ц. 10 к.

Его же. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ. Ц. 10.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена, согласно заключенію Учебн. Ком. при Св. Синодѣ, для произношнія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Шмидтъ О. И. Руслочки. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Его же. Потерянный клубокъ. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Книжный магазинъ К. И. Тихомирова исполняетъ заказы по высылкѣ всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгъ и учебныхъ пособій.

При книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова — отдѣленія конторъ журналовъ: „Сѣверный Вѣстникъ“, „Русская Школа“, „Церковно-Приходская Школа“ и „Деревня“. Подписка и объявленія принимаются по цѣнамъ редакцій.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Всеволода Соловьева:

Волхвы. Историч. романъ XVIII в. Изд. 2-е. Цѣна 3 руб.

Великій Розенкрайцеръ. Историч. романъ XVIII в., въ 3-хъ частяхъ съ эпилогомъ (окончаніе „Волхвовъ“). Цѣна 2 руб.

Царское посольство. Романъ XVII в., въ двухъ частяхъ. Цѣна 2 руб.

Новые рассказы. (Вопросъ — Геній.—Приключеніе штиметра.—Пенсіонъ.—Нашла коса на камень. Ц. 1 руб.

Складъ при типографіи М. Меркушева, Невскій, 8.

Поступили въ продажу новыя общедоступныя изданія «ПОСРЕДНИКА».

№ 204. Звѣри и люди. I. Великодушный Голіафъ. II. Смерть шарика. Разсказъ съ франц. Ц. 3 коп. № 205. I. Невѣрная жена. II. Добрая душа. III. Свѣтлый день. Три рассказа изъ франц. жизни. Составила во Франсуа Коппе. Е. Б. Ц. 1½ коп. № 206. Сказка о Богданѣ царевичѣ. Ю. Чистяковой-Вэръ. Ц. 1½ к. № 207. Чья вина? Разсказъ С. Т. Семенова. Ц. 1½ к. № 210. У єодалда. Разсказъ изъ сербской жизни Лазо-Лазоревича. Ц. 1½ к. № 211. Кровь (Изъ сказокъ Эмilia Зола). Переводъ А. Бородиной. Ц. 1½ к. № 212. Новый свѣтъ, о томъ, какъ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Составилъ Чижовъ. Ц. 60 к. № 215. Дикие лебеди и др. сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзена. Ц. 3 коп. № 216 Соловей и др. сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзена. Ц. 3 коп. № 217. Дѣвочка со спичками и др. сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзена. Ц. 3 коп. № 218. Послѣдняя жемчужина и др. сказки Андерсена. Перев. А. и П. Ганзена. Ц. 3 коп. № 220. Не все ть золото, что блеститъ. Деревенскія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ. С. Т. Семенова. Ц. 3 коп. № 221. Какъ ухаживать за цветами. Составилъ И. Елинъ. Ц. 3 коп.

Выписывать можно изъ редакціи «Посредника» (Москва. Зубово, Долгій пер., д. Нюнина. П. И. Бирюкову). Прилагать за пересылку или наложенными платежомъ. Каталогъ всѣхъ изданій высылается бесплатно.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ «ПОСРЕДНИКА».

ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

№ XLII. Ядъ. Фортuna. Два романа Александра Киппленда. Перев. Э. А. Русаковой. Ц. 1. р. № XLIII. Мимочка отравилась. Очеркъ В. Микуличъ. Ц. 35 коп. № XLIV. Жизнь Франциска ассизскаго. П. Сабатье. Переводъ съ франц. Ц. 90 коп. № XLV. Матерямъ для дочерей (Краткія свѣдѣнія по женской физиологии и гигиенѣ). Е. Р. Шепердъ. Перев. съ англійскаго Е. А. Дунавой. Ц. 40 к. № XLVI. Проблески. Сборникъ проповѣдей русскихъ авторовъ: (М. Аютина, М. Бертиль, П. Добротворскаго, Г. Карагремъ, Д. Мамин-Сибиряка, В. Немировича Данченко, К. Станюковича, В. Стернъ, П. Тимковскаго, Г. Успенскаго, А. Чехова, И. Ясинскаго). Ц. 1 р. № XLVII. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI в. Профессора Лугицкаго. Ц. 30 коп. № XLVIII.

Кн 10. Отд. II.

Зарница. Разсказъ В. Микуличъ. Ц. 65 коп. № XLIX. Въ глухомъ мѣстечкѣ.
Разсказъ Наумова. Макарка. Эскизъ Р. Хинъ. Ц. 35 коп. № I. **Хозяинъ и
работникъ.** Разсказъ Л. Н. Толстого. Ц. 20 коп. № LI. „Ходите въ свѣтъ“ и
др. произведения, вышедшая въ XIV томъ полного собрания сочинений Л. Н. Тол-
стого. Ц. 60 коп. № LV. Къ чѣму жить? Сборникъ произведений иностранныхъ
авторовъ: Э. Альгрена, Д. Верга, Э. Горунга, Л. Галеви, Киппинга, А. Лейф-
леръ, Э. Оржешко, А. Стрингерга и др. Ц. 70 коп. Выписывать можно изъ редак-
ции „Посредника“ (Москва, Зубово. Долгій пер., д. Нишини, П. И. Бирюкову).
Прилагать за пересылку или наложеннымъ платежомъ. Каталогъ всѣхъ изданій
высылается бесплатно.

ВЫШЛА ДЕВЯТАЯ (СЕНТЯБРЬСКАЯ) КНИГА

БІЖЕМЪСЯЧНАГО ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛІТИЧЕСКАГО ІЗДАНІЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Содержание: I. На сѣверѣ дикомъ... (Разсказъ). **К. С. Баранцевича.**—II. Губер-
наторская ревизія. (Повѣсть). Окончаніе. **Вл. И. Немировича-Данченко.**—
III. Марчелла. Романъ мистрицъ **Уордъ.** Пер. съ англійскаго **А. С. М. Продолжение.**—IV. Ошибка. (Эпизодъ). **М. Горькаго.**—V. Камо грядеши? (Quo vadis).
Романъ изъ временъ Нерона. **Генриха Сенкевича** Пер. съ польскаго **В. М. Л. Продолжение.**—VI. Новый расколъ въ нашей интелигенціи. Окончаніе. **Л. Е. Оболенскаго**—VII. Акционерное отъ огня страхование. **П. А. Серебрякова.**—
VIII. Россія и Данія при Императрицѣ Екатеринѣ I. (По документамъ датскаго
архива). Окончаніе. **А. Г. Брикнера.**—IX. Англійская пугачевщина. Продолжение. **М. М. Ковалевскаго.** X. Гамлетъ. **Георгия Брандеса.** Пер. съ датскаго
В. М. С. Окончаніе.—XI. Водное законодательство и право въ Россіи. Окончаніе. **И. Н. Миклашевскаго**—XII. Факторы мира въ современной жизни. Гр. **Л. А. Камаровскаго.**—XIII. Г. Барсуковъ о П. Н. Кудрявцевѣ. **П. П. Екопова.**—XIV. Русская былина, ея слагатели и исполнители. **Вс. Ф. Миллера.**—
XV. очерки провинциальной жизни. **И. И. Иванюкова.**—XVI. Иностранное
обозрѣніе **В. Л. Г.**—XVII. Внутреннее обозрѣніе. — XVIII. Библіографический
отдѣлъ.—XIX. Объявленія.

Принимается подписка на 1895 годъ (шестнадцатый годъ изданія).

Цѣна: Съ доставкой и пер. во на годъ на 9 мѣс. на 6 мѣс. на 3 мѣс. на 1 мѣс.
всѣ мѣста Россіи. 12 р. 9 р. 6 р. 3 р. 1 р.
За границу. 14 р. 10 р. 7 р. 3 р. 50. 1 р. 50.

Допускается разсрочка: при подпіскѣ, къ 1 апр., 1 іюля, 1 окт. по 3 руб.
Книгопродающимъ дѣлается уступка въ 50 к. съ годового экземпляра. Кредита и
разсрочки для нихъ не допускается.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, уголъ Леонтьевскаго
пер и Б. Никитской, д. № 2—24. Въ Петербургѣ: въ отдѣлениіи конторы при
книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. армянской церкви. Въ
Кievѣ: въ отдѣлениіи конторы при книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго. Первые
главы романа Додэ „Маленький приходъ“ разсылаются новымъ подписчикамъ
на 1895 годъ.

ПРИ РЕДАКЦІИ ОТКРЫТЬ

магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ, съ пріемомъ подписки на всѣ издаю-
щіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комис-
сію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ издатель **В. М. Лавровъ.**

Вышла 9-я (сентябрьская) книжка иллюстрированного ежемесячного журнала для
дѣтей школьного возраста

„ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Сказки черпаго таракана, К. Баранцевича. 2) Ручей (по Э. Реклю) Д. А. Коропчевского. (Продолжение). 3) Добрый бояринъ старого времени, А. Сизовой. (Окончание). 4) Бродяга. Рассказъ А. А. Федорова-Давыдова. 5) Боги и герой древнихъ элиновъ.—Геракль, Н. А. Борисова. (Продолжение). 6) Осень. Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго. 7) Выкупъ (съ французскаго) А. П. 8) Исторія киргизского мальчика, М. Пріорова. 9) Дѣтство и юность Иосифа Гайдца, М. Андреевской. (Окончание). 10) Буланка. Рассказъ А. Лидановой. 11) По бѣлу свѣту: Путешествующія настѣнныя. 12) Изъ газетъ и журналовъ. 13) Шутки, шарады и т. д. 14) „Весна“, хоръ А. Корещенко. 15) Объявленія.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкой на годъ: 6 р., на полгода 3 р.; безъ пересылки на годъ 5 руб., на полгода—2 р. 50 коп.

Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Издателя: Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

ПАМЯТЬ

ИСКУССТВО

УКРѢПЛЕНИЯ ПАМЯТИ

(Что такое мнемоника?)

КНИГА

(ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ)

профессора мнемоники

С. ФАЙНШТЕЙНА

и печатанный условія за заочный (письменный) курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности (въ 10 уроковъ) высыпаются за шесть 7-ми коп. марокъ, на веленев бумагѣ вмѣстѣ съ условіями — за восемь 7-коп. марокъ. Посредствомъ моего метода, основ. на законахъ физиологии, психологіи, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потеряннѣмъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшей — у обладающихъ хорошей.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдились гг. врачи, педагоги, военные, студенты и тысячи друг. лицъ разныхъ профессій. званій и возраста, окончившихъ у меня курсъ укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности.

Методъ премированъ Парижской Академіей.

Условія за курсъ безъ книги высып. за одну 7 коп. марку.

Адресъ: Одесса, Гаванская ул. (3892), д. (Саврон) Бродского № 6/3892, кв.

3—8, бель-этажъ

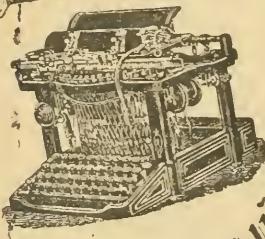
Профессоръ Мнемоники С. Файнштейнъ, Членъ Парижск. Академіи.

основанъ
1862

Порговъій Домъ Ж.Блокъ

Главная Контора
МОСКВА
отдѣленія:
ПЕТЕРБУРГЪ
ОДЕССА
ВАРШАВА
КОКАНДЪ

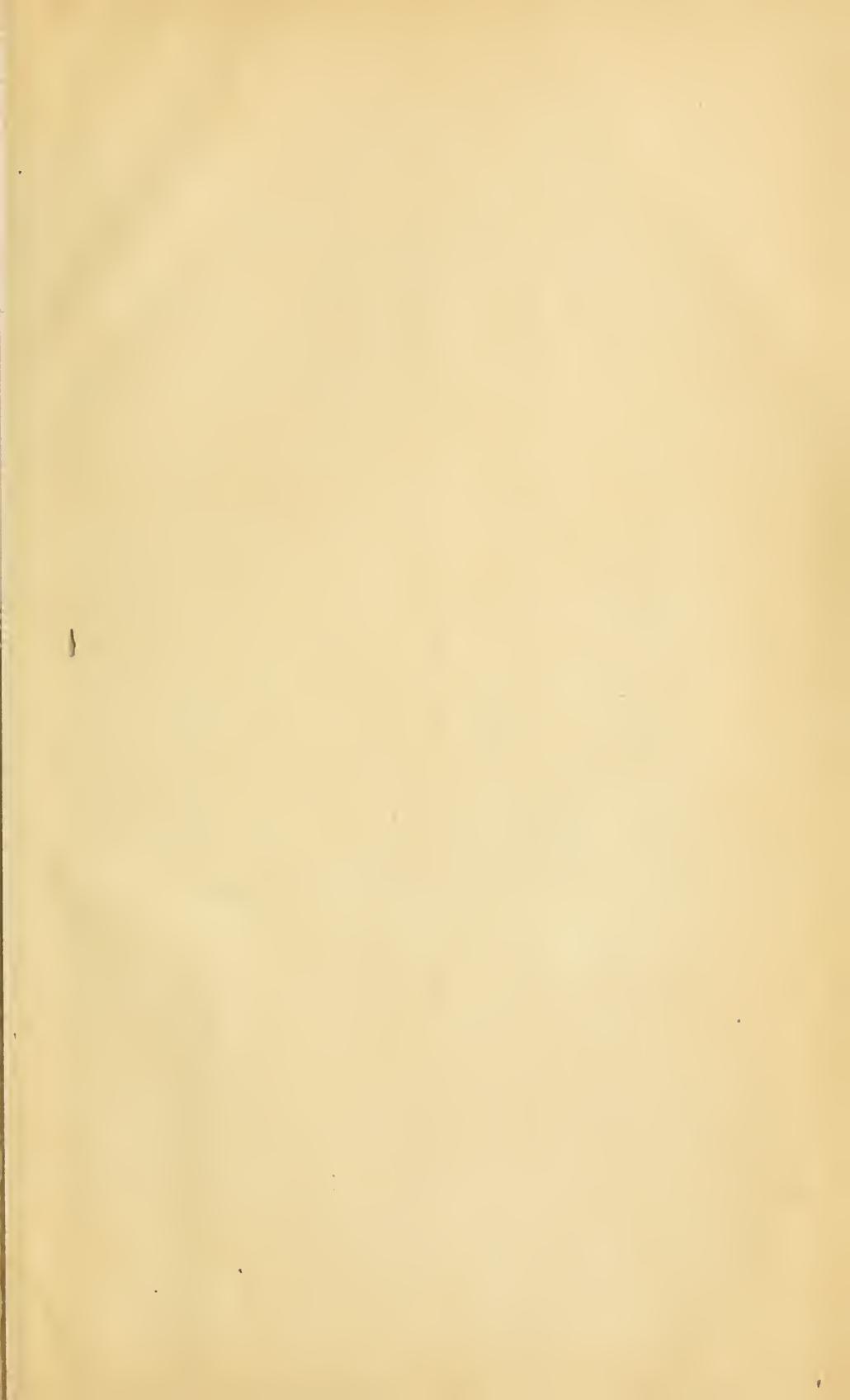
ЕКАТЕРИНБУРГЪ

Самый обширный
въ Россіи складъ: Велосипеды
Въссыпь * Швейныхъ
Лищущихъ Машинъ

Фабрика въ Москве.

Прейс-куранты высыпаются бесплатно. При заказахъ просимъ
упомянуть настоящій журналъ.

AP
50
S57
1895
no. 10

Sievernyi viestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

